

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ХАКАССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. Н.Ф. КАТАНОВА
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ
ХАКАССКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ
МИНИСТЕРСТВО НАЦИОНАЛЬНОЙ И ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ
МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ

СОХРАНЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ

МАТЕРИАЛЫ

**V Международной научной конференции,
посвящённой 160-летию со дня рождения
выдающегося востоковеда, тюрколога Н. Ф. Катанова
(Абакан, 19–20 мая 2022 г.)**

СИБИРЬДЕГІ ТОҢ ЧОННАРНЫҢ ТІЛЛЕРІН ПАЗА КУЛЬТУРАЛАРЫН ХАЙРАЛЛИРЫ ПАЗА ТИЛДЕРІ

**саблығ востоковед, тюрколог Н. Ф. Катановтың
160 чазына чарыдылған чоннар аразындағы
V-чі наука конференциязының**

МАТЕРИАЛЛАРЫ

(Ағбан, 2022 ч., сілкер айының 19–20 күннері)

АБАКАН
ХАКАССКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ИМЕНИ В.М. ТОРОСОВА
2022

УДК 80/81
ББК 80:63.5:74.268.1
С54

Издано в рамках государственной программы Республики Хакасия
«Развитие инновационной, научной и научно-внедренческой деятельности
в Республике Хакасия», утверждённой постановлением Правительства Республики Хакасия
от 27.10.2015 г. № 557

Ответственные редакторы:

Т. Г. Боргоякова, д-р филол. наук,
Н. С. Майнагашева, канд. филол. наук

Редакционная коллегия:

А. В. Гусейнова, канд. филол. наук; *А. Д. Каксин*, д-р филол. наук;
Н. В. Майнагашева, канд. филол. наук; *В. В. Субракова*, канд. филол. наук;
Е. С. Торокова, канд. филол. наук; *И. В. Чанкова*, канд. филос. наук;
Ю. И. Чаптыкова, канд. филол. наук; *Чебоचाкова И. М.*, канд. филол. наук;
М. Д. Чертыкова, д-р филол. наук; *Н. С. Чистобаева*, канд. филол. наук;
А. Н. Чугункова, д-р филол. наук

Ответственный секретарь

И. В. Чанкова, канд. филос. наук

Переводчик

Д. И. Мечтанова

С54 **Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири:** материалы V Международной научной конференции, посвящённой 160-летию со дня рождения выдающегося востоковеда, тюрколога Н. Ф. Катанова (Абакан, 19–20 мая 2022 г.) / отв. ред.: Т. Г. Боргоякова, Н. С. Майнагашева. – Абакан: Хакасское книжное издательство имени В. М. Торосова, 2022. – 300 с.

ISBN 978-5-7091-0966-7

В сборнике представлены статьи и тезисы участников V Международной научной конференции «Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири», посвящённой 160-летию со дня рождения выдающегося востоковеда, тюрколога Н. Ф. Катанова. Материалы конференции представляют результаты научных исследований в области сохранения и развития языков и культур коренных народов Сибири и других регионов, изучения научного наследия Н. Ф. Катанова, содействующих развитию этнокультурного и языкового многообразия народов Российской Федерации. Издание предназначено специалистам в области филологии, востоковедения, работникам образования, студентам, широкому кругу читателей, интересующихся тематикой конференции.

УДК 80/81
ББК 80:63.5:74.268.1

© Авторы статей и тезисов, 2022
© ГБНИУ РХ «Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории», 2022
© ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2022
© Оформление. ГБУ РХ «Хакасское книжное издательство имени В. М. Торосова», 2022

ISBN 978-5-7091-0966-7

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Предисловие</i>	6
--------------------------	---

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

<i>Бахтикиреева У. М.</i> «Младописьменные языки»: о релевантности термина по отношению к тюркским языкам	7
<i>Биткеева А. Н.</i> Новые задачи и методы исследования языковой политики: опыт России	12
<i>Боргояков С. А.</i> Проблемы и перспективы развития этнокультурного образования в условиях реализации школьных образовательных стандартов	16
<i>Кызласов И. Л.</i> Истоки тюркской филологии: эпоха рунического письма (в кратком изложении)	21
<i>Хусаинова Г. Р.</i> О вкладе Н. Ф. Катанова в башкироведение	25

ЯЗЫКИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ РОССИИ В СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

<i>Боргоякова Т. Г.</i> Остановка языкового сдвига: глобальное и региональное измерение	31
<i>Галиуллина Г. Р.</i> Родной язык в СМИ Республики Татарстан	32
<i>Гильметдинова А. Д.</i> Меры по сохранению и развитию родного языка в Республике Татарстан	32
<i>Гусейнова А. В.</i> Динамика численности языковых образований в республиках Хакасия и Алтай	33
<i>Донгак Ч. Б.</i> Языковое планирование в Республике Тыва	34
<i>Заморицкова Л. С.</i> Лингвистическая экология языков коренных народов Арктики (опыт международной научной коллаборации)	37
<i>Иванова Н. И.</i> Комплексное междисциплинарное изучение языковой ситуации в условиях языковой неоднородности: этносоциопсихолингвистическая концепция	38
<i>Каплунова М. Я.</i> Сопоставительный анализ динамики языкового сдвига на примере тувинского и тазовского языков	39
<i>Кириленко С. В.</i> Влияние языкового активизма на перспективы развития татарского языка	40
<i>Кызласов А. С.</i> О некоторых итогах языковой экспедиции ХакНИИЯЛИ в 2020 году	41
<i>Кысылбайкова М. И.</i> Социолингвистический аспект языкового разнообразия (на примере долганского языка)	46
<i>Сарбашева С. Б.</i> Функционирование языка туба в Республике Алтай: опыт и перспективы	47
<i>Хилханова Э. В.</i> Экономика языка и многоязычие: российский и международный контекст	50
<i>Хохолова И. С.</i> Языковые интерференции в современном якутском языке	51
<i>Чанкова И. В.</i> Сохранение языков национальных меньшинств в Китае	52
<i>Чертыков Ю. К.</i> Языковая политика в Республике Хакасия: проблемы и пути их решения	54
<i>Януш О. Б.</i> Языковая политика в восприятии современного студенчества	58

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ НИКОЛАЯ ФЁДОРОВИЧА КАТАНОВА: ЛИНГВИСТИКА, ФОЛЬКЛОРИСТИКА, ЭТНОГРАФИЯ

<i>Воронина Н. В.</i> Н. Ф. Катанов и современная хакасская литература: сравнительный анализ хакасской народной сказки и стихотворной притчи В. К. Татаровой	61
<i>Ерёмин Л. В.</i> Образ священного коня в этнографии и фольклоре хакасов (по материалам Н. Ф. Катанова)	65
<i>Камалова Ш.</i> Именные и глагольные предикаты в языке древнетюркских рунических памятников	67
<i>Кошелева А. Л.</i> Содержательная и функциональная значимость образно-предметных номинаций в произведениях фольклорных жанров, записанных Н. Ф. Катановым (1889–1892)	67
<i>Ли Ц. (Li Jinxu).</i> Торговля шёлком и лошадьми между империей Тан и сяцзясы (qīqǐz)	70
<i>Медведева Н. Н.</i> Жизнь вне политики	72
<i>Миндибекова В. В.</i> Фольклористическое наследие Н. Ф. Катанова: дневниковые записи, отчёты и публикации	75
<i>Нилогов А. С.</i> Документальная реконструкция родословной Н. Ф. Катанова	76
<i>Султанбаева К. И.</i> Научное наследие Н. Ф. Катанова как источник развития краеведения	81
<i>Торокова Е. С.</i> Жанровая классификация текстов «нымак», «умак», «нәрпак» в записях Н. Ф. Катанова	84
<i>Турсун Ж. (Jarkyn Tursun).</i> Новые успехи китайских исследователей в области истории кыргызов за последние два года	86
<i>Уддыжеков С. А.</i> Термины родства хакасов в работах Н. Ф. Катанова	90
<i>Чебодаева М. П.</i> Художественные и музейные коллекции Н. Ф. Катанова по материалам экспедиции в Минусинский округ (1889–1892)	91
<i>Юсупова А. Ш.</i> Вклад Н. Ф. Катанова в татарское языкознание	96
<i>Яафарова Г. Н.</i> Этимологические сведения в «Кратком татарско-русском словаре» Н. Ф. Катанова	99

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ НОМИНАЦИИ

<i>Абдина Р. П.</i> Лексическо-семантические особенности наименований пищи в похоронной обрядности хакасов.....	104
<i>Аврutiна А. С.</i> Древнетюркские рунические памятники в свете квантитативной лингвистики.....	106
<i>Бюрбю Н. С.</i> Первые учебники тувинского языка как объект изучения именной терминологии	111
<i>Каксин А. Д.</i> К вопросу о происхождении этнонимов (на материале хантыйского и хакасского языков).....	112
<i>Каскаракова З. Е.</i> Способы образования общественно-политических терминов в хакасском языке	114
<i>Колмогорова А. В., Маликова А. В.</i> Радикальность оценки эмоций в тексте на русском языке и доминирующий язык тувинско-русского билингва.....	116
<i>Лежнин Р. А.</i> Основные семантические типы топонимов юга Хакасии.....	120
<i>Натпит А. А.</i> Психолингвистические параметры «представимости» и «сходства образа с рисунком» тувинских слов: опыт экспериментального исследования	121
<i>Ооржак Б. Б.</i> Имена существительные с семантикой собирательности как средство выражения множественности в тувинском языке	122
<i>Покаякова К. А.</i> Психолингвистическая репрезентация этнических стереотипов жителей Республики Хакасия	124
<i>Саляхова З. И.</i> Традиционные башкирские благопожелания (алгыш)	127
<i>Семёнова В. И.</i> Вторичные значения соматической терминологии бурятского языка	129
<i>Тохтобина Я. Е.</i> Наименования водных объектов в якутском языке	130
<i>Тундума Э. Э.</i> Базовые аспекты словарной и ассоциативной репрезентации Сибири на русском, тувинском и английском языках	131
<i>Ушницкая Н. Ю.</i> Концепт «нулги» в языковой картине мира эвенков	132

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ И СЕМАНТИЧЕСКИХ СТРУКТУР ЯЗЫКОВ НАРОДОВ СИБИРИ И ДРУГИХ РЕГИОНОВ

<i>Абдуллаева Ф. Э.</i> Языковая картина мира русских, китайцев и телеутов на примере фрейма «свадьба»	137
<i>Абдуллина Л. Б.</i> Башкирская языковая картина мира в работах учёных-языковедов	138
<i>Аджимуратова З. Н.</i> Возникновение некоторых слов в результате детского лепета.....	142
<i>Алишина Х. Ч., Трофимова С. М., Усманова М. Г.</i> Валентин Иванович Рассадин и его «Картинный словарь сойотского языка»	144
<i>Ахматова М. А., Кетенчиев М. Б.</i> Межъязыковая аналогия в карачаево-балкарских, кумыкских и крымско-татарских паремиях	147
<i>Боргоякова Т. Г., Ултургашева О. И.</i> Опозитивность умственных характеристик человека в английском и хакасском языках.....	151
<i>Ильина У. В.</i> Образ глупого и умного человека в русской, алтайской и китайской лингвокультурах: на материале паремий.....	152
<i>Кужугет Ш. Ю.</i> Хой эьди 'баранина' в малых жанрах устного народного творчества тувинцев.....	153
<i>Кульсарина Г. Г.</i> Этноязыковая картина мира в текстах фольклора (на материале башкирских народных сказок).....	154
<i>Николаев Е. Р.</i> О лексико-семантических параллелях в якутском и хакасском языках: наименования традиционной посуды и утвари.....	159
<i>Сагдеева Ф. К., Булатова А. К.</i> Антропоморфный код как способ описания концепта хезмэт «труд» в татарской лингвокультуре	160
<i>Самситова Л. Х., Самситова Р. И.</i> Коннотативный аспект зоонимов в языковой картине мира	162
<i>Сейталиева Н. К., Абдуллаев С. Н.</i> К вопросу о соотношении паремий и фразеологизмов: теоретическое осмысление.....	165
<i>Суванди Н. Д.</i> Аът «лошадь» в пословицах и поговорках тувинцев	169
<i>Чебоचाкова И. М.</i> Наименования продуктов и блюд в хакасском языке в аспекте словообразовательной производности	171
<i>Чертыкова М. Д.</i> Структурно-семантические особенности глаголов со значением вкусового восприятия в хакасском языке	173

СОВРЕМЕННЫЕ ПАРАДИГМЫ ГРАММАТИЧЕСКОГО И ФОНЕТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ СИБИРИ И ДРУГИХ РЕГИОНОВ

<i>Абдуллаева Г. С.</i> Типология моделей простого предложения с семантикой наличия и отсутствия в тюркско-монгольских языках.....	174
<i>Акманова Р. С.</i> Особенности происхождения глаголов-омонимов в башкирском языке	178
<i>Белоглазов П. Е.</i> Корневые морфемы в хакасском языке.....	180
<i>Бердиев С.</i> Словообразовательное гнездо <i>аккад</i> в тюркских языках Прикаспия	184
<i>Васильева Н. М.</i> Орфография миссионерских учебных пособий на якутском языке.....	185
<i>Дубровина М. Э.</i> К вопросу о сущности функциональных форм глагола в тюркских языках.....	188
<i>Захарова А. М.</i> Уступительные полипредикативные конструкции с послелогом <i>иһин</i> в якутском языке	191
<i>Иванова И. Б.</i> Репрезентация «числовой количественности» в якутском языке	194

<i>Нурыева О. А.</i> Наречия в поэме «Кутадгу билиг» Юсуба Баласагунского	197
<i>Овезова Т.</i> Словообразовательные особенности слова <i>абрай</i> «авторитет» в туркменском языке	199
<i>Ооржак О. С.</i> Функционирование слова <i>бир</i> в текстах как средство выражения категории неопределенности в тувинском языке	199
<i>Проскура А. В.</i> Особенности словообразовательной системы телеутского языка	201
<i>Сазанаква В. Ю.</i> Хакас литература тілінің паза диалекттерінің фонетикадағы теелістері	202
<i>Серээдар Н. Ч.</i> Синонимия моделей с типовым значением «лицо и его характеристика по профессиональной деятельности»	202
<i>Субракова В. В.</i> Бельгирский говор в системе диалектов хакасского литературного языка (по материалам работ Ц.-Д. Номинханова, М. И. Боргоякова)	207
<i>Таганова М. А.</i> Слова с глагольным корнем ак- «течь, протекать» в туркменском языке	211
<i>Ховалыг А. М.</i> Семантика диминутивных аффиксов в тувинском языке	212

ИССЛЕДОВАНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ФОЛЬКЛОРА КАК ОСНОВЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ

<i>Абдуллаев С. Н.</i> Металитературоведческий трансфер в контексте компаративного изучения современной тюркоязычной литературы	214
<i>Аминев З. Г.</i> О башкирской легенде «Бала карга» (Ребёнок ворона)	217
<i>Ахророва З. Р.</i> Интерпретация мистических вопросов в «Тазкират уль-Аулия»	219
<i>Бадыева Г. Ц.</i> Проза Ц. Цырендоржиева: познание жизни в контексте бесконечной истории	222
<i>Бекова Н. Ж.</i> Издание, исследование, толкование, описание и перевод произведения «Девони Фони» Алишера Навои	225
<i>Васильев В. Е.</i> «Люди-деревья»: обычай принятия смерти у воинов саха	228
<i>Гурбангульева Н.</i> Исторические корни туркменской публицистики	230
<i>Джемилева А. А., Ельяшевич В. А.</i> Жанровые особенности караимской драматургии XIX – начала XX века	232
<i>Дурдыев Х.</i> Роль просветителей в развитии туркменского языка в начале XX века	236
<i>Кодирова Н. С.</i> Поэтические особенности работ литературоведа И. Хаккулова	239
<i>Кочоглу Гондогду В. (Vildan Koçođlu Gündođdu).</i> Информация о тувинцах в романе Монгуша Кенин-Лопсана «Исчезнувшая девушка» в контексте сохранения их языка и культуры	242
<i>Майнагашева Н. В.</i> Шаманы/шаманки в героическом эпосе хакасов	247
<i>Ооржак Ш. Ш., Даваа А.-Ч. Б., Саая С. Б.</i> Лексические особенности перевода на тувинский язык басен И. А. Крылова	248
<i>Садикова Д. Т.</i> Краткий обзор литературного творчества Муслихабегим Мискин	251
<i>Сайлиева З. Р.</i> Особенности творчества Алишера Навои	250
<i>Сафарова Х. О.</i> Особенности поэтического языка Самандара Вахидова	254
<i>Самдан З. Б.</i> «Слово арага» С. Тока в новом ракурсе: эстетика соцреализма	256
<i>Тураева У. Р.</i> Роль исследований Бегали Касимова в изучении узбекской джадидской литературы	258
<i>Хакимьянова А. М.</i> Современное состояние музыкального фольклора пермских башкир (по экспедиционным материалам XXI в.)	260
<i>Челтыгмашева Л. В.</i> Каркей Нербышевтің «Хорлаңа хара суғ» улуғ чооғы – кееркестіг сарыхтың көзідімі	263
<i>Шарипова А. С.</i> Национальные герои и картина мира в татарской драматургии конца XX – начала XXI веков	268

РОДНЫЕ ЯЗЫКИ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

<i>Адаменко В. В., Сидеева Р. М.</i> Языковая среда в дошкольном образовательном учреждении как эффективное средство обучения хакасскому языку	268
<i>Доможакова О. В.</i> Год культурного наследия народов России: актуальные вопросы и тенденции развития в реализации государственной языковой политики Российской Федерации в Республике Хакасия	271
<i>Замша Э. К.</i> Приёмы формирования языковой среды у младших школьников: хакасский язык	275
<i>Максимова Н. С.</i> Этнокультурное образование студентов в рамках межрегионального культурно-туристского фестиваля «Время дружить!»	278
<i>Медведева М. А., Кызласова И. Л.</i> Учебное пособие «Изучаем хакасский язык»: структурно-содержательная и методическая концепция	282
<i>Мирошниченко В. В.</i> Система образования народов с родным (нерусским) языком обучения в Российской Федерации на современном этапе	284
<i>Радецкая И. С., Чепсаракова А. С., Асочакова М. М.</i> Знакомство с фольклором хакасского народа в процессе формирования основ музыкальной культуры дошкольников	287
<i>Танбаева Т. П.</i> Цифровая образовательная среда и электронное обучение детей старшего дошкольного возраста хакасскому языку	288
<i>Тинникова Л. И.</i> Формирование коммуникативных компетенций через учебно-методический комплект «Литературное чтение на хакасском языке» в 3–4 классах	289
<i>Токмашова Л. А.</i> Краеведение как одна из форм воспитания детей на уроках хакасского языка и литературы	290
<i>Толмашов А. Г.</i> О пополнении комплекта учебных пособий по математике для начальной школы	292
Сведения об авторах	295

ПРЕДИСЛОВИЕ

В Год культурного наследия народов России, объявленного Указом Президента Российской Федерации от 30.12.2012 № 745, в Республике Хакасия проводится V Международная научная конференция «Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири», посвящённая 160-летию со дня рождения выдающегося востоковеда, тюрколога, первого хакасского учёного Николая Фёдоровича Катанова (1862–1922).

Международная конференция объединяет и продолжает традиции постоянно действующего научного форума Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова «Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири» и ежегодной Международной научной конференции «Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий» Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории.

Основные цели Международной конференции включают в себя:

- распространение знаний о новых тенденциях и инициативах, направленных на продвижение языков коренных народов на российском и международном уровне как ценного культурного наследия и ресурса человечества;
- обмен новыми подходами и результатами исследования наследия Н. Ф. Катанова по широкому спектру лингвистических, культурологических, этнографических и исторических проблем, а также – популяризация наследия известного учёного;
- обсуждение новых научных знаний в области лингвокогнитивных, лингвокультурологических, литературоведческих, фольклорных и исторических исследований, выполненных на материале тюркских и других урало-алтайских языков;
- интеграцию науки в систему языкового и этнокультурного образования.

В сборник материалов конференции вошли более 100 научных статей участников Международной научной конференции в соответствии со структурной и тематической организацией её работы – пленарного заседания и семи секций.

Работы социолингвистической направленности акцентируют внимание на актуальности и необходимости более активной поддержки миноритарных языков в условиях конкуренции с доминантными

языками, обусловленной базовой потребностью их носителей в позитивной этнокультурной идентификации как условия устойчивого развития в конструктивном взаимодействии с другими народами и культурами.

Результаты лингвистических исследований в области фонетических, семантических и грамматических особенностей представлены в двух секциях на материале почти 20 языков алтайской языковой семьи. Они раскрывают универсальные и специфические способы осмысления и вербализации на разных уровнях языковой системы, включая сравнительно-сопоставительные аспекты разных типов дискурса.

Исследования в области литературы и фольклора репрезентируют этнокультурное наследие народов России, стран СНГ и выявляют актуальные проблемы развития национальных литератур, поэтики фольклорных текстов, их жанрово-стилистические особенности.

Материалы по рассмотрению вопросов этнокультурного воспитания, обучения родным языкам и практики реализации государственной языковой политики Российской Федерации в системах образования актуализируют идею формирования и развития позитивной этнокультурной идентичности как важнейшей составляющей общероссийской гражданской идентичности, укрепления межнационального согласия, повышения качества преподавания и изучения родных языков коренных народов.

Материалы конференции публикуются в авторской редакции, охватывают широкий спектр тематик, связанных с исследованиями в области сохранения и развития языков и культур коренных народов Сибири и других регионов.

Выражаем глубокое уважение и признательность участникам Международной научной конференции за вклад в изучение научного наследия Н. Ф. Катанова и высокую оценку его работам, за активное обсуждение теоретических и практических вопросов по основным направлениям, в целом за научное развитие регионов России.

Научный поиск, обмен опытом и идеями способствуют укреплению единства, развитию этнокультурного и языкового многообразия народов Российской Федерации.

Оргкомитет

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

У. М. Бахтикирева
(Москва, Россия)

«МЛАДОПИСЬМЕННЫЕ ЯЗЫКИ»: О РЕЛЕВАНТНОСТИ ТЕРМИНА ПО ОТНОШЕНИЮ К ТЮРКСКИМ ЯЗЫКАМ

В статье представлен опыт осмысления релевантности термина *младописьменные языки* по отношению к некоторым тюркским языкам¹. Его возникновение связано с языковым строительством в Советской России и идеологическими установками молодого государства. Со временем, как устойчивый, статичный термин, он зафиксировался в академических, нормативных изданиях. Цель статьи – осмысление релевантности термина *младописьменные языки*, его адекватности и соответствия экзистенциальным и информационным нуждам современного человека. Основными источниками материала выступают данные из словарей, трудов А. С. Аманжолова, И. Л. Кызласова и др. С целью избежать интерпретации первоисточников и познакомить читателя с их результатами в статье приводятся объёмные цитаты из работ вышеназванных учёных.

Ключевые слова: младописьменные языки, термин, тюркские языки, словари, социолингвистика, русская письменность, междисциплинарный подход.

Вводная часть. Постановка проблемы. *Младописьменные языки* – устойчивое словосочетание, закрепившееся в нормативных изданиях как лингвистический и социолингвистический термин, имеет влияние на социокультурную сферу жизни внутри постсоветского сообщества. Размышления о подобных научных терминах или устойчивых исторических мифах в бытовании отдельного человека, его жизнедеятельности занимают определённое место. Особенно если это касается непосредственно человека, чья этническая принадлежность становится своего рода указателем на его языковую идентичность, его лингвистический репертуар, в котором одним из коммуникативных инструментов является «родной» / материнский «младописьменный язык» (далее – Термин).

Понимание «этимологии» данного Термина полностью не освобождает грамотного человека от когнитивного диссонанса. Обусловленный процессами формирования языкового строительства в Советской России, он (Термин) служил не только лингвистическим классификатором, но и инструментом для возвышения заслуг государства Советов, создавшего письменность народам, якобы ранее не имевшим его. Ведь на самом деле многие народы в молодом советском социуме **именно на кириллице не имели письменности**. Однако этот факт не упоминается и по сию пору в застывших, статичных словарных статьях на бумажных и электронных носителях.

Безусловно, идеологические установки советского государства в отношении языковой политики не являются исключением. Любая идеология, будь

то религиозная, сакральная или государственная, обуславливает закономерность «рукотворных» процессов языковой гомогенизации общества с целью расширить сферы применения одного из языков для достижения взаимопонимания в едином социуме. Тем не менее в сознании современного человека, принадлежащего к «подчинённой» культурно-языковой общности внутри огромного государства, этот Термин зависает в некоторой модальности.

Количество подобных ламентаций может сойти на нет, если обсуждение этого вопроса рассматривать в контексте знаний, достигнутых в последние два десятилетия в других науках. Общий контекст постнеклассической научной рациональности обусловил качество этих трудов, в которых, наряду с достижениями, ощутимо прослеживается эпистемологическая позиция исследователя, добывшего эти научные результаты. Междисциплинарный подход, которым руководствуются серьёзные учёные, позволяет преодолеть косные рамки узконаправленных координат одной отдельно взятой дисциплины. Применительно к данной теме статьи работы таких крупных учёных, как А. С. Аманжолов, И. Л. Кызласов, научное мировоззрение которых формировалось на трудах В. В. Радлова, Н. Ф. Катанова, П. М. Мелиоранского, Дьюла Немета, Н. М. Ядринцева, Г. Н. Потанина, А. М. Щербака и др., также разработки самого автора (прим. – У. М. Бахтикирева).

Характеризующийся устойчивостью Термин «узаконил» *алтайский, башкирский, каракалпакский, карачаево-балкарский, ногайский, кумыкский, тувинский, хакасский, чувашский, якутский* и ряд

¹ Под «некоторыми тюркскими языками» авторы имеют в виду те тюркские языки, которые официально были отнесены к «младописьменным».

других языков в качестве младописьменных. Может ли современный исследователь довольствоваться содержанием словарных статей в контексте полученных учёными новых результатов? Думается, что нет. Оценка его релевантности представляется весьма актуальной для преодоления косности этого статичного Термина и привнесения в социолингвистику и собственно языкознание соответствующей нынешнему времени корректирующей записи. Обсуждение этого вопроса важно и в связи с выходящим с 2020 г. электронным журналом «Социолингвистика», в некоторых номерах которого рубрика «Словарь социолингвиста» пополнилась статьями «Государственный язык» (№ 1(1), 2020), «Родной язык» (№ 3(3), 2020), «Языковая политика» (№ 2(6), 2021), «Языковая ситуация» (№ 3(7), 2021), «Языковое законодательство» (№ 4(8), 2021) [Электронный сетевой ...].

Контекст¹-площадка. В современном постсоветском научном сообществе и старого, и нового поколения лингвистов, а также среди «природных лингвистов» укоренилось понимание о более развитых в письменном отношении народах и менее развитых. Иными словами, Термин не очищен от искусственной патины, наложенной на «бесписьменные», «отсталые народы» [Евразийство ... 2014]². Такому положению способствует «безъязыкость» нас – лингвистов и наше интеллектуальное нелюбопытство к достижениям коллег, представителей других отраслей знания. А будущие лингвисты продолжают ориентироваться на труды социолингвистов советского периода³. Таким образом, актуальность научных рефлексий представляется очевидной. Если искусственную патины под названием «младописьменные языки» начать стирать, то под ней обнаруживается патина естественная. И отрадно, что в последнее время стали появляться отдельные работы, в которых есть упоминания отнюдь не о «младости» тюркских языков. Например, О. М. Саая и Б. Бадарч в статье, посвящённой тувинской орфографии в период Тувинской Народной Республики, отмечают факт *истории развития письменности на территории Тувы «с древнетюркских рунических памятников»* [Саая, Бадарч 2020: 138]. Важно не только упоминать, но и расширять научный дискурс, способный преодолеть инерционную заданность словарных статей, посвящённых Термину. Их косность ярко демонстрируют примеры из *лингвистических словарей*.

«Нетленный» словарный портрет. В ставшем уже хрестоматийном толковом «Словаре русского языка» С. И. Ожегова [Ожегов 1988] отсутствует словарная статья «младописьменный(е) язык(и)». В самом же первом «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой нет отдельного толкования, но встречаем следующее упоминание: «МЛАДО... Первая часть сложных слов со знач. новый, напр. младогегельянцы, младописьменный (о языке: получивший письменность в недавнее время)» [Толковый словарь ...].

На наш взгляд, определение таких авторитетных лексикографов в следующей редакции: «...получивший письменность на кириллической графике в недавнее время» – могло бы стать значимым ориентиром для последующих толкователей этого термина. Однако на деле оно как будто бы переключалось в последующие нормативные издания: «Современный толковый словарь издания "БСЭ"» [10], как и «Словарь-справочник лингвистических терминов» Д. Э. Розенталя, М. А. Теленковой (1976) [11], «Словарь лингвистических терминов» Д. Э. Розенталя [12] и др. Иногда получало и расширенную трактовку, в частности – в «Словаре лингвистических терминов» (2010) Т. В. Жеребило [13]: «Язык, получивший письменность в России в XIX – нач. XX в. В СССР была создана письменность для более чем 50 языков. В 20–30-х гг. XX в. создавалась письменность для ряда бесписьменных языков: 1) разрабатывались алфавиты; 2) совершенствовались системы орфографии; 3) были определены диалектные базы литературных языков; 4) упорядочены нормы литературных языков; 5) созданы нормативные грамматики; 6) составлены словари.

До создания письменности языки обслуживали примитивное производство и патриархальный быт. После возникновения письменности их общественные функции расширились. На М.я.: 1) создана художественная литература; 2) выходят периодические издания (газеты, журналы, альманахи); 3) ведётся обучение в начальной школе, иногда в средней и высшей школе; 4) функционируют национальные театры и театральные труппы; 5) имеется радиовещание, телевидение; 6) осуществляется хозяйственная, государственная и общественно-политическая деятельность; 7) М.я. может употребляться в деловой и частной переписке» [Словарь лингвистических ...].

Этот «словарный портрет» почти пословно повторяет дефиницию из «Словаря социолингвистиче-

¹ Контекст – зд. спор, дискуссия.

² См.: Евразийство: истоки, концепция, реальность. М.: «Паблиц», 2014. С. 48–56.

³ Некоторые известные социолингвисты (в частности – наши учителя), будучи детьми своего времени, послушно повторяли идеологические клише или объявляли главной причиной «отсталости» инородцев. Продолжаем это делать и мы. Так, например, даже в более поздние времена М. И. Исаев усматривал главную причину неуспешности развития письменности на русской графической основе у одного из тюркоязычных народов в силу его «отсталости» (см. Исаев, 1979: 111).

ских терминов» (900 терминов и их вариантов) под ред. В.Ю. Михальченко – «первого в российской и мировой социальной лингвистике» [Словарь социолингвистических ... : 3].

«Язык, получивший письменность в России в XIX – начале XX в. В советское время была создана письменность для более чем 50 языков. В 20–30 гг. XX в. были созданы письменности для ряда бесписьменных языков, разработаны их алфавиты, усовершенствованы орфографии, определены диалектные базы литературных языков, упорядочены нормы литературных языков, созданы нормативные грамматики и словари. Особенно много М.п. имеется на Кавказе, напр., абхазский, абазинский, лакский, даргинский, табасаранский, ногайский. Среди М.п. России есть языки сравнительно крупных народов, насчитывающих от одного до полутора миллионов человек (башкирский, мордовский), и вместе с тем языки народов, насчитывающих от 20 до 10 тыс. человек (татский, чукотский, эвенский, нанайский) и даже тысячу с небольшим человек (эскимосский). В связи с совершенствованием и созданием новых письменностей в М.п. языках произошли большие перемены. Если до создания письменности эти языки обслуживали главным образом примитивное производство и патриархальный быт, то благодаря возникшей и развившейся письменности они стали отвечать многочисленным новым жизненным потребностям.

В настоящее время общественные функции большинства М.п. выражаются в том, что на них: 1) создана художественная литература; 2) выходят периодические издания (газеты, журналы, альманахи); 3) ведётся обучение в начальной, иногда в неполной средней школе и в сфере высшего образования; 4) функционируют национальные театры и театральные труппы; 5) имеется радиовещание, телевидение; 6) осуществляется определённая хозяйственная, государственная и общественно-политическая деятельность; 7) нередко М.п. употребляются в деловой и частной переписке. ⇔ старописьменный язык. См. также: Бесписьменный язык, Давность письменной традиции, Древнеписьменный язык, Литературный язык, Новописьменный язык, Письменный язык, Старописьменный язык» [Словарь социолингвистических ... 2006: 130–131].

Привлекает внимание, что создатели словаря, отмечая междисциплинарный характер, временную обусловленность динамичного развития социолингвистики, пишут, что термины «уточняются и наполняются дополнительным содержанием». Авторы нацелены на дальнейшее переосмысление и обновление некоторых из них: «Для нашей страны создание словаря социолингвистических терминов имеет не только теоретическое значение, как зачастую рассматривают эту задачу учёные других стран. Она является актуальной проблемой, одной

из составляющих процесса языкового строительства, разворачивающегося в Российской Федерации и других республиках бывшего Советского Союза» [Там же: 6–7].

Солидаризируемся с авторами-разработчиками. Невозможно не учитывать дифференциацию терминов, предлагаемых разными традициями и школами, при создании словаря, направленного на выработку «единого метаязыка для социолингвистических исследований» [Там же: 13]. По прошествии 16 лет с момента выхода в свет этого словаря и 2 лет после первого выхода журнала «Социолингвистика» можно выразить надежду на новую словарную статью, в которую будет внесена релевантная реальности запись, как и в словари лингвистов постсоветских стран, поскольку и в них именно этот термин толкуется с ориентацией на ранее опубликованные. К примеру, словарная статья практически без изменений даётся во всех трёх изданиях казахстанского «Словаря социолингвистических терминов» (650 терминов на казахском, русском и английском языках; Алматы, 2007, 2008, 2020): «Младописьменный язык – язык, получивший письменность в недавнее время (см. Бесписьменный язык, Письменный язык, Старописьменный язык) [Сулейменова и др. 2020: 98].

Нельзя не отметить, что по отношению к казахскому языку это скупое определение компенсируется руководителем авторской группы, авторитетным учёным Э.Д. Сулейменовой в монографии «Языковые процессы и языковая политика»: «Казахский язык, как и все тюркские языки, наследовал руническую (орхоно-енисейскую) письменность. Затем арабо-мусульманское влияние привело к тому, что казахи стали пользоваться арабской графикой, приспособленной А. Байтурсыновым к особенностям казахского сингармонизма. В советское время под мощным административно-партийным напором пережили два периода письменности: на латинскую и очень быстро – на кириллическую графику» [Сулейменова 2011: 57]. Справедливости ради заметим, что известный советский и российский социолингвист М.И. Исаев в книге «Языковое строительство в СССР» писал: «В научной литературе казахский язык относят к числу младописьменных, однако казахи ещё до революции имели письменность на арабской графике» [Исаев 1979: 79].

Более значимым наполнение научного дискурса, связанного с изучением вопроса «младости» тюркских языков, может быть только при условии междисциплинарного подхода – привлечения знаний, полученных в других науках. В этой работе остановимся на вкладе двух учёных.

В исследовании известного тюрколога А.С. Аманжолова (1934–2012), в котором отражена основная часть полувекового опыта изучения учёным истории древнетюркской письменности [Аман-

жолов 2003], особое внимание уделено релевантности термина *младописьменные языки* в отношении некоторых тюркских языков. Учёный, неоднократно подвергавший критике конъюнктурную установку «официальной советской науки относительно ‘старописьменных’ и ‘младописьменных’ тюркских языков», настаивает на очевидности условного и ненаучного подхода такого соотнесения некоторых живых тюркских языков. «Во-первых, история не знает ни одного народа, каким бы ‘примитивным’, так сказать, он ни был, у которого не было бы письма в какой-либо форме. Во-вторых, тюркские языки, отнесённые к ‘младописьменным’ (тувинский, хакасский, алтайский, якутский, чувашский, башкирский, каракалпакский, ногайский, кумыкский и другие языки автономных республик и областей), имеют не меньшее отношение к древнетюркской рунической письменности, чем ‘старописьменные’, к которым языковеды причисляют и киргизский язык как язык союзной (ныне независимой) республики» [Там же: 16–17].

Фокусируя внимание исследователей на истории письменности, А. С. Аманжолов отмечает, что руническую письменность у тюркоязычных племён Средней Азии и Восточного Туркестана во второй половине I тысячелетия н. э. сменила манихейская. Эта письменность, по В. В. Радлову, представляла собой арамейскую разновидность, сформировавшуюся на основе сирийского письма «Estrangelo» – письма семитского типа сирийской разновидности, используемого христианами несторианцами [Там же: 16]. А. С. Аманжолов пишет, что исторически тюркские наречия прошли опыт *манихейской и согдийской письменности*, уйгурского письма (уйгурский каганат VIII в.) и других, однако очевидно, что «тюркоязычные народности и их языки имеют весьма древнюю письменную традицию, восходящую по крайней мере к рубежу нашей эры» [Там же: 17].

Доказывая широкое использование тюркской руники в VI–X вв., тюрколог отмечает, что распространённость грамотности, высокое развитие письменно-литературного («древнетюркского») языка было характерно раннесредневековым тюркским государствам [Там же: 14]. А. С. Аманжолов убеждён, что изучение этого вопроса невозможно без привлечения знаний из *истории*.

«Древнетюркская руническая письменность (тюркская руника) тесно связана с историей общественного и культурного развития древних тюркоязычных племён Тянь-Шаня, Саяно-Алтайского нагорья и Хангая. Регионы распространения и хронологические рамки тюркской руники так или иначе соотносятся с древнетюркской государственностью VI–X вв. Вместе с тем истоки этого процесса уходят значительно глубже. Языковые особенности древнетюркских рунических памятников так или иначе отражают пройденный этап развития всех живых

тюркских языков. Язык тюркской руники, будучи языком письменно-литературным, складывался на основе близких диалектов древних племён, вошедших ныне в этнический состав многих тюркских народов» [Там же: 306].

На основе палеографического анализа древнетюркских рун учёный писал, что для выявления истории письменности «немаловажное значение имеют пиктограммы, идеограммы и другие ранние письменные знаки Казахстана и Южной Сибири, относящиеся к эпохам неолита бронзы и раннего железа (IV–I тысячелетия до н. э.)», которые позволяют говорить «о весьма ранней дате сложения тюркского рунического алфавита в Южной Сибири и Семиречье – не позже середины I тысячелетия до н. э.» [Там же: 307–308].

«Тюркоязычные рунические надписи появились никак не позднее гунно-сарматской эпохи» – считает известный историк и археолог, лингвист и этнограф И. Л. Кызласов, посвятивший десятки своих работ истории рунических письменностей [Кызласов 2020: 9]. Обозначая перспективы исследований в этой области, учёный подчёркивает необходимость изучения «длительного эволюционного пути, пройденного тюркскими рунами», истоков двух самостоятельных областей сложения и развития ранних рунических письменностей в культурных мирах тюркских народов Евразии [Кызласов 2004; 2007].

Возможно, в ближайшем будущем мы будем располагать знаниями о «неведомой пока слоговой письменности Западной Азии конца бронзового века», претерпевшей «многоступенчатое развитие», о чём свидетельствует и т. н. «верхнеенисейская письменность, сохранившаяся в тувинском варианте енисейского письма», «стелах народа чиков Тувинской котловины» [Кызласов 2020: 8]. Истоки письменной рунической культуры, как полагает И. Л. Кызласов, могут быть связаны с древней эпохой «сложения единой поминальной символики в условиях неведомой общетюркской прародины». Известные же рунические письмена тюркских народов Южной Сибири, Центральной и Средней Азии и Казахстана, представленные, в частности, – надписями тушью на скалах, курсивными енисейскими начертаниями на стелах, являются для нас свидетельством рукописной культуры [Там же: 10–11].

«Широкое для Средневековья распространение грамотности на Саяно-Алтайском нагорье подтверждается надписями, выполненными людьми разного общественного положения: и титулованными аристократами, и простолюдинами с обыденными именами. Известны надписи, адресованные женщинам. Книжные знания отражены лексическими заимствованиями из сирийского, иранского, согдийского, китайского языков и санскрита» [Там же: 11].

Несомненно, что смены сакрального мировоззрения обуславливали тесное языковое контакти-

рование с иными письменными источниками. Об этом пишет и А.С. Аманжолов: «Вместе с религией буддизма к тюркоязычным племенам в VIII–X вв. проникали также древнеиндийское письмо ‘брахми’ (в переводах на тюркский санскритских текстов) и его видоизменение – тибетское письмо» [Аманжолов 2003: 17]. Подобные интеллектуальные взаимодействия позволяют говорить об уровне письменной образованности тюркоязычных предков.

«Енисейские надписи выявляют знакомство их создателей с литературой Переднего Востока удивительной древности и содержат кредо тюркской интеллигенции, видевшей в письме и грамотности своё жизненное предназначение. <...> Нельзя отрицать существование в раннесредневековых тюркоязычных обществах глубоких знаний своей истории, как и поддержания в них условий для сохранения древней письменности в длительные периоды утраты ею официального статуса. Последнее было возможно лишь при существовании жречества – хранителей вековых, освящённых духовных истин и письмен, их выражавших. Применение предшествующих енисейских рун манихеями Древнехакасского государства, как и сохранение кубанского рунического письма в Волжской Булгарии через 2–3 столетия после её официальной исламизации, а также использование старого ачикташского письма в уже мусульманских городах Средней Сырдарьи в равной мере указывают на древнюю, глубокую укоренённость этих местных письменностей, их былое священное положение, предшествующее принятию мировых религий эпохи» [Кызласов 2020: 11–12].

По А.С. Аманжолову, «тюркский рунический алфавит, прошедший долгий путь развития, обнаруживает близкую генетическую связь, во-первых, с ранними типами древнегреческого алфавита (особенно малоазийскими и италийскими) и, во-вторых, с северносемитско-финикийским (в том числе с ранним арамейским) и южносемитскими алфавитами» и «выступает как очень богатая и вполне самостоятельно сложившаяся графическая система и, по-видимому, восходит к древнейшему общему источнику алфавитных письменностей» [Аманжолов 2003: 308].

Для социо- и собственно лингвистических работ, изучающих историю языков, языковые контакты и билингвизм, языковую идеологию и политику, языковое регулирование и строительство, одним из актуальных выводов, которые они должны иметь в виду, является вывод о том, что известные рунические письменности как азиатского, так и евроазиатского корня – это древнейшее наследие тюркоязычных народов раннего Средневековья, которое «осознавалось и сохранялось ими задолго до VIII в., предоставившего нам первые письменные памятни-

ки болгар, тюрков, уйгуров, древних хакасов и чиков. Наука, осознав глубину письменной культуры тюркских народов и её связь с некой древнейшей религией, получает новые возможности для постижения истинного исторического пути, пройденного нашими предками» [Там же].

Наиболее консервативным материалом, с которым работают археологи, – конструкция жилищных обустройств. Десятилетиями изучая этот материал, И.Л. Кызласов получает и другой важный результат. Тюркологам и тюркоязычным «природным лингвистам» и би(поли)лингвам, пытающимся постичь изначальные истоки тюркской языковой семьи, достигнутые результаты дают серьёзные основания рассматривать эту языковую семью как самостоятельную с междисциплинарных позиций. Учёный говорит о том, что соединение по крайней мере двух отраслей знания (языкознания и археологии) расширяет горизонты для исследований длительного исторического развития тюркских народов, которые не могли избежать контактов с индоевропейскими, финно-угорскими, самодийскими, древнекитайскими, древнемонгольскими и другими иноязычными народами. «Понятно, что такой подход меняет взгляд на начальные этапы истории тюркских народов, размещение их прародины и её этнокультурное окружение. Однако смена ориентиров в научных поисках позволяет свести воедино многие весьма существенные, но поныне разрозненные факты лексико-этимологического, археологического, руно-палеографического и историко-культурного свойства» [Кызласов 2011: 209].

Позиция венгерского тюрколога Дьюла Немета, находящая интеллектуальный отклик в исследованиях И.Л. Кызласова, подводит российского учёного к выводу о западноазиатском происхождении тюркоязычных народов. Как отмечает учёный, «проблема тюркской прародины прямо не связана не только с алтайской гипотезой, но и с алтайской теорией»¹, потому и изучать её нужно отдельно [Там же: 209]. «Тюркские языки и культуры, длительная история которых ныне может быть освобождена от гипотезы алтайского прародства, заслуживают самостоятельного сравнения с иными языковыми семьями, они приобретают право на сопоставление, независимое от монголо-тунгусо-маньчжурских соответствий» [Там же: 208]. Глубоко осознавая факт длительных поисков решения этой проблемы, учёный уверен, что «это решение может быть найдено» [Там же: 208].

Кода: вместо Заключения. Полагаем, что решение может быть найдено и в отношении вопроса релевантности Термина в контексте достижений учёных – представителей разных отраслей гумани-

¹ Дальнейшие исследования, возможно, позволят в будущем не соотносить, в частности, и казахский язык с алтайской семьёй языков (см.: Языки народа Казахстана [Сулейменова 2007: 85]).

таристики. Соответствующая реальности корректирующая запись, как представляется, позволит избежать существенной неточности. Учитывая тот факт, что он несёт серьёзную смысловую нагрузку для бытования конкретной личности и отдельных микросоциумов, возможно, стоит пересмотреть степень соответствия Термина его нормативному толкованию. Не отказываться от Термина, пытаясь заменить его новым, но наполнить более релевантным содержанием собственно словарную статью.

Релевантность обозначает субъективную степень соответствия явления или предмета в конкретном моменте времени. Наша субъективная оценка, как мы полагаем, имеет объективную основу. Для того, чтобы словарная статья была принята безоговорочно, предлагаем учесть и нашу версию: «‘МЛАДОПИСЬМЕННЫЕ’ – языки, получившие в России своё письменное оформление на кириллической графике в XIX – начале XX в.».

Литература

- Аманжолов А. С. История и теория древнетюркского письма. – Алматы: ЗАО «Издательство «Мектеп», 2003. – 368 с.
- Аманжолов А. С. Опыт изучения тюркских языков. – Астана: Фолиант, 2012. – 400 с.
- Евразийство: истоки, концепция, реальность. – М.: «Паблиц», 2014. – 744 с.
- Исаев М. И. Языковое строительство в СССР (процессы создания письменностей народов СССР). – М., 1979. – 350 с.
- Кызласов И. Л. Новые основы тюркской рунологии // Краткие сообщения Института рунологии / Институт археологии. Вып. 217. – 2004. – 142 с. – С. 15–20.
- Кызласов И. Л. Алтаистика и археология. – М.: Институт тюркологии, 2011. – 256 с.
- Кызласов И. Л. Современные основы тюркской рунологии // *Turkic Studies Journal*. – Number 2, Volume 2. – 2020. – С. 6–14.
- Саая О. М., Бадарч Б. Тувинская орфография в период Тувинской Народной Республики // Новые исследования Тувы. – 2020. – № 3. – С. 138–150. DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.3.10.
- Словарь русского языка: ок. 57 000 слов / под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. – 20-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1988. – 750 с.
- Современный толковый словарь издания ‘БСЭ’. – URL: <https://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-encycl-term-36570.htm> (дата обращения: 20.02.2022).
- Словарь-справочник лингвистических терминов Д. Э. Розенталя, М. А. Теленковой (1976). – URL: <https://www.textologia.ru/slovari/lingvisticheskie-terminy/?q=484> (дата обращения: 25.02.2022).
- Словарь лингвистических терминов Д. Э. Розенталя. – URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/DicTermin/index.php (дата обращения: 01.03.2022).
- Словарь лингвистических терминов (2010) Т. В. Жеребило. – URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/linguistic-dictionary/fc/slovar-204-2.htm#zag-2077> (дата обращения: 01.03.2022).
- Словарь социолингвистических терминов / В. А. Кожемякина, Н. Г. Колесник, Т. Б. Крючкова и др.; отв. редактор В. Ю. Михальченко; Институт языкознания РАН. – М., 2006. – 312 с.
- Сулейменова Э. Д. Языки народов Казахстана. Социолингвистический справочник / Э. Д. Сулейменова, Н. Ж. Шаймерденова, Д. Х. Аканова. – Астана: Издательство «Арман-ПВ», 2007. – 304 с.
- Сулейменова Э. Д. Языковые процессы и политика: монография. – Алматы: Қазақ университеті, 2011. – 117 с.
- Словарь социолингвистических терминов. Издание 2-е доп. и переработанное / Э. Д. Сулейменова, Г. Ж. Шаймерденова, Ж. С. Смагулова, Д. Х. Аканова. – Алматы: Қазақ университеті, 2020. – 400 с.
- Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой. – URL: <https://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ozhegov.htm?letter=13> (дата обращения: 05.03.2022).
- Электронный сетевой научный рецензируемый журнал «Социолингвистика». – URL: <http://sociolinguistics.ru/archive/> (дата обращения: 05.03.2022).

А. Н. Биткеева
(Москва, Россия)

НОВЫЕ ЗАДАЧИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ: ОПЫТ РОССИИ

В статье рассматриваются языковые проблемы современной России в контексте языковой политики страны. На сегодня общество пришло к осознанию необходимости разработки новой языковой политики в России, отражающей языковое разнообразие в стране. Одним из методов повышения эффективности языковой политики видится в применении метода сценария развития языковой политики. В современных условиях актуализируется потребность в прогнозировании в целях повышения продуктивности мер языковой политики, прогнозирования и предотвращения этнолингвистических конфликтов. Применение метода сценария для экспертной оценки современной языковой ситуации в РФ, её трендов, идеологий и акторов рассматривается как наиболее эффективное и должно впоследствии лечь в основу планирования языковой политики в РФ. В российском и зарубежном научном дискурсе вопросы социолингвистического прогнозирования почти не затрагивались, именно поэтому данную научную тему следует считать новой, направленной на исследование и формирование будущего языков России.

Ключевые слова: языки России, языковая политика, методы прогнозирования развития языкового многообразия.

Многоязычный и многоязычный состав населения России складывался в течение многих столетий. С постепенным присоединением народов, их вхождением в состав Российской империи неизбежно возникали и вопросы гармоничного языкового сосуществования этнических групп в многонациональном государстве. Решению языковых проблем в рамках языковой политики и языкового строительства всегда уделялось особое внимание в России. Вопросы функционирования и взаимодействия языков, функционирования государственных, официальных языков, языковых прав и др. особенно актуальными стали в начале XX в., это послужило толчком к активному развитию социолингвистики, теоретической и практической её составляющей, расширению понятийного аппарата этого научного направления. На современном этапе достаточно разработана методология и методы исследования языковой политики, что повышает продуктивность её мер, прогнозирования и предотвращения этнолингвистических конфликтов. Далее речь пойдёт о новых методах исследования языковой политики, в рамках которых в данный момент ведутся исследования Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН.

Для языковой политики России характерна изменчивость ориентиров в советское, постсоветское и новое время. Исследователи отмечают, что в языковой политике России в период 1917–1991 гг. характерна идеологическая основа, в то время как с начала 1990-х гг. решение языковых проблем страны начало приобретать теоретическую основу. Языковое разнообразие в Советском Союзе структурировалось в соответствии с этнотерриториальной структурой страны: помимо языка межнационального общения (русского), языки делились на языки союзных республик, языки автономных республик и языки автономных областей. Это деление в большинстве случаев определяло параметры использования этих языков в различных сферах коммуникации на территориях компактного проживания народов. 1990-е гг. исследователи характеризуют как этап децентрализации, период параллельной компромиссной политики центра и республик, период свободы выбора языка. После распада СССР на фоне политического и экономического кризиса в стране произошла мобилизация этнического самосознания, всплеск этнонационализма и регионализма, почти во всех национальных республиках Российской Федерации были приняты законы о языках, которые придали языкам титульных наций статус государственных языков, были приняты концепции развития титульных языков. Это привело к резкому росту исследований языковых проблем как в России, так и в других странах [Губогло 1998 и др.]. Время с начала 2000-х гг. характеризуется как

период рецентрализации, период иерархии политик, статус языков стал превалировать над свободой выбора языков. С 2010 г. исследователи определяют как период унифицирования, которому характерна единая языковая политика, определился приоритет русского языка, роль национальных языков ослабилась [Замятин 2021].

Изменения, произошедшие в последние десятилетия в мире, в частности, в России, по отношению к языковому разнообразию и принципам построения языковой политики, привели к осознанию необходимости разработки новой языковой политики в России, отражающей языковое разнообразие в стране. Актуальность решения этой проблемы объясняется многими специфическими для России причинами. Это ускорение темпов исчезновения языков меньшинств, сейчас все они находятся на разных стадиях языкового сдвига. Изменилась языковая ситуация в стране в целом и в каждой отдельной языковой общности, в процессах и последствиях взаимодействия русского языка и языков национальных меньшинств отчётливее проявились сложности и проблемы. Функциональное распределение между русским языком и языками национальных меньшинств в настоящее время активно меняется, в основном не в пользу последних. Возникли сложности с межпоколенческой передачей языка у многих народов РФ, проявляется специфика возрастного критерия функционирования языка, старшее поколение носителей языка уходит, при этом среднее поколение почти не владеет языком, перестаёт его трансляцию младшему поколению. Это говорит о серьёзной стадии языкового сдвига. Как оказалось, активному переходу на русский язык молодого поколения национальных меньшинств в первую очередь способствует расширение и доступность информационно-коммуникационных технологий на русском языке. Кроме того, в связи с неблагоприятной экономической ситуацией во многих регионах страны усилились процессы урбанизации и миграции за пределы исконного ареала проживания этнической группы. Городское население ориентировано на русский язык в большей степени, чем сельское население национальных регионов страны, это в результате определяет языковую составляющую и влияет на языковую дистрибуцию в административной и социально-культурной сферах, определяет и ценностные ориентации общества. Ещё один фактор, значительно изменивший образовательный ландшафт России, – принятые в 2018 г. поправки в федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации». Все эти вызовы времени и развитие новых технологий требуют новых подходов в исследовании и разработке стратегий языковой политики.

Многие исследователи признают, что языковая политика находится в зоне интенсивной напряжённости в России. Это не только историческое

наследие, но и актуальная социальная проблема современной России. В данном контексте актуальна задача прогнозирования развития и планирования языковой политики, приоритетом которой должно быть сохранение двух тенденций – соблюдение сохранения языкового единства страны и поддержка и развитие языкового разнообразия многонациональной России. Применение междисциплинарного подхода при разработке прогностических моделей в языковой политике повышает продуктивность мер языковой политики, прогнозирует и предотвращает конфликты, способствует поиску механизмов решения языковых проблем.

В российском и зарубежном научном дискурсе вопросы социолингвистического прогнозирования почти не затрагивались, именно поэтому данную научную тему следует считать новой, направленной на исследование и формирование будущего языков России.

При ближайшем рассмотрении существующих исследований языкового разнообразия становится ясно, что особое внимание, как правило, уделяется инструментам анализа предпосылок, истории и актуальной ситуации языкового многообразия. Однако удивляет тот факт, что в этих работах нет статей, посвящённых методам исследования перспектив, т. е. будущего развития языкового многообразия – лингвистического прогнозирования. Можно констатировать отсутствие в российском научном дискурсе осознания теоретической и практической значимости прогнозирования как инструмента и основы языковой политики и планирования, есть неразработанность концепции, методологии и методов прогнозирования, сценария будущего языкового развития, неопределённости терминологического аппарата этого научного направления. Одними из последних научных работ на эту тему являются публикации автора статьи [Биткеева, Вингендер, Михальченко 2019; Биткеева, Вингендер 2020].

В современных же условиях актуализируется потребность в прогнозировании в целях повышения продуктивности мер языковой политики, прогнозирования и предотвращения этнолингвистических конфликтов. Применение метода сценария для экспертной оценки современной языковой ситуации в РФ, её трендов, идеологий и акторов рассматривается нами как наиболее эффективное и должно впоследствии лечь в основу планирования языковой политики в РФ.

Говоря о будущем лингвистического разнообразия, исследователи подчёркивают: «Трудно точно и конкретно предсказать будущее языков, поскольку это зависит от большого числа факторов: экономических, социальных, политических, психологических, технических и т. д. С другой стороны, можно более чётко выделить пути и средства, которые могут быть созданы для управления языками и их

распространением» [Chaudenson 2009: 185]. Поэтому комплексный анализ взаимодействия этих факторов может помочь в разработке будущих сценариев языковой политики.

Сценарии – это структурно разные истории о том, как может развиваться будущее, которые оказывают влияние на определённую область. Они представлены таким образом, что дают толчок воображению и отражению, создавая тем самым видение будущего. Сценарии бросают вызов основополагающим предположениям и установленным истинам, они могут применяться для целей стратегического и инновационного развития и планирования в определённом контексте или на уровне страны или индустрии [Rialland, Wold 2009: 8]. Сценарии могут применяться для целей стратегического и инновационного языкового развития в стране в целом, отдельных этнических групп в частности, для языкового планирования на федеральном и региональном уровнях. В работах по международным отношениям определены три важные особенности сценариев – они должны быть: 1) правдоподобными, основанными на эмпирическом анализе; 2) инновационными и наводящими на размышления; 3) краткими и содержащими легко коммуницируемые идеи [Davydchuk, Mehlhausen, Priesmeyer-Tkocz 2018: 36].

Исследователи в области международных отношений часто используют модель с несколькими сценариями. Сценарии должны дать толчок воображению и отражению реальной языковой ситуации, создавая тем самым видение будущего. Сценарий лучшего развития событий предлагает реально возможные пути к желаемому будущему, сценарий худшего развития событий предостерегает нас от опасного результата.

Основа для метода сценариев в социолингвистике заключается в создании многофакторной модели сценария, которая включает в себя типологические аспекты языковой политики. Модель должна отображать корреляции между признаками и отражать динамику развития языковой политики.

Представим четыре возможных сценария развития языковой политики в России в качестве первых шагов в направлении развития прогностических методов, разработку которых далее продолжаем.

Сценарий языковой политики «Единство в многообразии». Современная языковая политика в современной Российской Федерации нацелена на интеграцию языковых сообществ в поле доминантной русскоязычной культуры. В России языковая политика существует в двух плоскостях – *de jure* и *de facto*. *De jure* конструируется политика языкового единства в разнообразии – многоязычие в приоритете, наделение языковых общностей правами на использование языков во всех сферах жизнедеятельности при ведущей роли общегосударственного русского языка. *De facto* же имеет место языковая

политика централизации – создание моноязычного пространства в целях организации единого коммуникативного пространства, формирование языковой иерархии, что ведёт к языковой монополии, доминированию русского языка во всех сферах функционирования. Не совсем очевидна роль других языков в жизни государства. Язык единения становится инструментом конструирования единой идентичности граждан страны. По мнению исследователей, такой подход используется для контроля общности путём предоставления предпочтений местным языковым элитам. Этот подход используется в государствах, где сильна роль местных элит, а право сохранения языка и культуры является компромиссным решением, целью которого является гарантия сохранения политической стабильности [Наумов 2016: 22]. Но надо отметить интересную положительную тенденцию. Сейчас в России наблюдается эффект самосохранения, который проявляется в усилении деятельности активистов, этнонациональных движений и т.д. Негативные эффекты проводимой языковой политики стимулируют активность защитников родного языка, представляющих движение «снизу», языковой активизм, преимущественно из числа национальной молодёжи.

Сценарий политики языковой монополии. Язык может стать эффективным политическим средством давления на разные языковые общности, проживающие в том или ином регионе, о чём свидетельствует опыт использования языка в политических целях в ряде республик бывшего СССР. События последних лет свидетельствуют о возможности такого сценария языковой политики, и это усугубляет состояние миноритарных и малоиспользуемых языков. Возникает протест против дискриминации других языков.

Сценарий полилингвальной языковой политики. Наиболее оптимальными сценариями языковой политики для России представляются полилингвальная языковая политика и либеральная языковая политика. Представители миноритарных и мажоритарных народов страны обучаются на родных языках, овладевая параллельно общегосударственным языком – русским языком, региональными языками и иностранными языками в первую очередь через

образование. Мажоритарный народ может изучать дополнительные языки, миноритарные народы – изучать государственные федеральный и региональные языки. Особенно важной сферой реализации языковой политики многие исследователи считают сферу образования. Полилингвальное образование является демократическим инструментом, гарантирующим активное гражданское участие в инициативах.

Сценарий экологичной, либеральной языковой политики. Несколько утопичным является сценарий для языковой политики в России, т.к. политику независимого от государственного вмешательства в развитие языковой ситуации, а следовательно, отсутствия государственной поддержки языков, наличия условий, при которых носители языков сами определяют судьбу родных языков и их функциональную дистрибуцию, сложно представить. Несомненно, такой сценарий языковой политики можно рассматривать как положительный, гарантирующий равные права для всех языковых общностей, способствующий функциональному многоязычию, но, как определяющее условие, он требует высокой степени самоорганизации общества. Конфликтогенный потенциал низкий, но он возможен, т.к. может возникнуть неприятие мажоритарной языковой общностью проводимой языковой политики.

Мы рассматриваем эти сценарии в целях анализа возможных преимуществ и недостатков последствий реализации того или иного типа языковой политики. Такой анализ проясняет вероятность того или иного сценария, некоторые сценарии могут не исключать друг друга.

В докладе рассматриваются ключевые факторы для прогностических моделей и применимость разрабатываемых прогностических моделей и методов на языковой ситуации в ходе полевых исследований, проведённых в Республике Татарстан, Республике Тыва, Республике Калмыкия, Республике Дагестан и Приморском крае. Регионы были отобраны по принципу «ключевых акторов» (активистские движения, дебаты) и «ключевых моделей» языковой ситуации в РФ.

Литература

- Биткеева А.Н., Вингендер М., Михальченко В.Ю. Прогнозирование и языковое многообразие в Российской Федерации: социолингвистический аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – Т. 18, №3. – 2019. – С. 6–23. DOI: 10.15688/jvolsu2.2019.3.1.
- Биткеева А.Н., Вингендер М. Сценарии в языковой политике России: вопросы концепции и методологии [Электронный ресурс] // Социолингвистика. – 2020. – №1. – С. 34–53. DOI: 10.37892/2713-2951-2020-1-1-34-53.
- Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации. – М.: Издательский дом «ЯСК», 1998. – 816 с.
- Замятин К.Ю. Доклад на Международной конференции «Языковая ситуация и языковой ландшафт национальных регионов в XX – нач. XXI в.». – Казань, 29 июня 2021 г.
- Наумов В.Ф. Модели языковой политики в мультикультурализме // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2016. – №1(21). – С. 21–30.

Chaudenson R. On the futurology of linguistic development. Globalisation and language vitality: perspectives from Black Africa / Ed. by C. B. Vigouroux and S.M. Salikoko. 2009. – Pp. 171–190.

Davydchuk M., Mehlhausen T., Priesmeyer-Tkocz W. The price of success, the benefit of setbacks: alternative futures of EU-Ukraine relations. *Futures* 97. 2018. – Pp. 35–46.

Riialand A., Wold K. E. Future studies, foresight and scenarios as basis for better strategic decisions. Working paper, Trondheim, 2009.

С. А. Боргояков
(Москва, Россия)

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ ШКОЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ

В статье дан анализ теории и практики развития этнокультурного образования в контексте реформ образования и национальной политики России, определены основные проблемы его модернизации, требующие теоретико-методологической проработки. Обоснованы концептуальные основания интегративно развивающихся моделей этнокультурного образования в условиях внедрения государственных образовательных стандартов как фактора гармонизации этнокультурной идентичности с общероссийской.

Ключевые слова: этнокультурное образование, этнокультурная и общероссийская идентичность, образовательные стандарты, концептуальные основания.

Многонациональный состав населения Российской Федерации предполагает существование в рамках государственной системы образования целого комплекса специфических проблем этнокультурного характера. В организационном плане – это необходимость создания особого типа образовательных организаций со специальными образовательными программами и соответствующим контингентом обучающихся. В плане содержания образования – это широкий спектр задач от определения и обеспечения изучения родного языка до разработки программ воспитания по формированию гармонично развитой личности с учётом традиционных духовно-нравственных ценностей народов России.

Этнокультурная школа, проектируя и реализуя образовательные программы с этнокультурным компонентом путём согласования требований личности, общества и государства к школьному образованию, с одной стороны, будучи социальным институтом по формированию этнокультурной идентичности личности, выступает как фактор консолидации для собственного этноса, а с другой – является одним из важнейших инструментов национальной политики государства по укреплению гражданского единства многонационального народа России.

В связи с этим *миссией* этнокультурного образования является формирование гармонично развитой личности как представителя конкретного этноса и гражданина многонациональной России, интегрированной в мировую культуру. Под *этнокультурным образованием* понимается система образования, являющаяся неотъемлемой составляющей поликультурного образования, ориентированная на формирование и развитие этнокультурной компетентности (идентичности) личности, цели, задачи, содержание и технологии которой направлены на

изучение и освоение подрастающим поколением родного языка, культуры, традиций и обычаев своего народа в сопряжении с освоением ценностей общероссийской культуры, культурно-исторических и технологических достижений человечества.

В процессе развития система этнокультурного образования накопила богатый опыт решения своих специфических задач в русле реформ российского образования, в частности – при реализации двух поколений государственных образовательных стандартов (ГОС) общеобразовательной школы.

В настоящее время в условиях внедрения нового поколения федеральных государственных образовательных стандартов начального и основного общего образования (ФГОС) актуальной задачей педагогической науки является осмысление и обобщение продуктивного опыта этнокультурного образования. Анализ широкого круга проблем и факторов, детерминирующих развитие этнокультурного образования, позволит обосновать цели и задачи этнокультурной школы, разработать концептуальные основания её модернизации в контексте решения стратегических задач развития отечественного образования и вызовов времени.

В нормативно-правовых документах Российской Федерации понятие «образовательный стандарт» впервые было введено в законе РФ «Об образовании» 1992 г., законодательно закрепившем вариативность образования, создание условий для свободного развития личности, переоценку целей и ценностей школьного образования, его содержания и форм организации. Однако либерализация и многообразие образовательных систем повлекло за собой не только демократизацию школы, возможность выстраивания образования в соответствии с потребностями и интересами учащихся, но и создало опре-

делённые риски – потерю единого образовательного пространства и единой системы оценивания результатов обучения. В связи с этим законом были определены два ключевых компонента ГОС первого поколения – *минимум содержания образования и требования к уровню подготовки выпускников*.

На этом этапе в условиях смены советской модели управления этносоциальными процессами на идеологию поликультурализма главным принципом национальной политики становится поддержка языков и культур народов России. Поскольку идеологические ориентиры национальной политики являются внешними детерминантами теоретико-методологических оснований национального образования, важной особенностью реформы образования 1990-х гг. стала не только децентрализация школы и передача права принимать решение регионам в отношении педагогических процессов, учебных программ и планов, учебников, но и учёт в содержании образования национальных, религиозных и культурных особенностей народов России. В ст. 7 закона «Об образовании» было указано, что в Российской Федерации устанавливаются государственные образовательные стандарты, включающие федеральный и региональный (национально-региональный) компоненты, а позднее был добавлен компонент образовательного учреждения.

Изменение законодательной базы системы образования и переход от *знаниевой парадигмы* на *лично ориентированную* привёл к трансформации концептуальных оснований национального образования. Если в советское время под национальной школой понимался особый тип школ, выделяющийся, прежде всего, своим языком обучения и некоторой спецификой учебного плана, но не отличающийся, по существу, ни идеалом воспитания, ни какими-либо самостоятельными целями и задачами, то в соответствии с новыми приоритетами российского образования понимание термина «национальная школа» уже не ограничивается родным языком или даже суммой национально ориентированных предметов. Одной из основных *целей национальной школы становится задача по формированию национального самосознания или этнокультурной идентичности подрастающих поколений* народов России. Как писал министр образования РФ Е.В. Ткаченко: «Главный признак национальной школы – это её способность обеспечивать развитие ученика как свободной, самоорганизующейся личности от родной национальной (этнической) культуры – к общероссийской и через неё – к мировой» [Ткаченко 1993: 27].

Закон «Об образовании» 1992 г. позволил значительно расширить этнокультурную составляющую содержания образования путём включения в учебные планы школ предметов этнокультурной направленности – родные языки, национальную

литературу, историю родного края, культурологию и др. В этот период произошёл рост общего количества изучаемых в школах России родных языков с 46 до 81, в т. ч. в качестве языков обучения – с 20 до 33. Увеличилось количество школьников, изучающих родные языки как в качестве учебного предмета, так и языка обучения. Компонентный принцип ГОС привёл к увеличению в учебных планах школ объёма национально-регионального компонента (НРК) до 25%, а в некоторых республиках страны – до 32% [Модели... 2012: 111].

Учёными и практиками проектировались различные модели школ, опиравшиеся на конкурирующие мировоззренческие и методологические представления. Одни авторы, считая, что школа должна нести в себе общечеловеческие идеи в обрамлении представлений и образов одной культуры в её взаимодействии с другими культурами, разрабатывали *мультикультурные* модели школ, реализующие принципы как мультикультурализма, так и национальной идентификации (Н.Б. Крылова), а другие – для определения идеологии такой школы использовали термин «*культурсообразная школа*» (В.К. Бацын) или «*школа диалога культур*» (М.Н. Кузьмин).

В то же время в 1990-х гг. произошло упразднение понятия «*национальная школа*», поскольку в подзаконных актах Министерства образования РФ такие школы стали обозначаться как школы с родным (нерусским) и русским (неродным) языками обучения, что привело к внедрению в научную литературу термина «*этнокультурная школа*».

В этот период единого проработанного механизма сопряжения целевых ориентиров и теоретико-методологических оснований интеграции и дифференциации федерального и национально-регионального компонента ГОС учёными и практиками не было найдено, что привело к становлению в регионах России *автономистских моделей* этнокультурного образования. В концепциях развития национального образования республик нередко акцентировалось на приоритетности НРК по отношению к федеральному компоненту. Так, анализ учебных планов школ республик Северного Кавказа, проведённый учёными РАО, показал, что степень корреляции между учебными курсами федерального и НРК составляет не более 10%. Сравнение разных вариантов базисного учебного плана друг с другом показало, что зачастую время, отводимое на изучение многих предметов в национальных школах, значительно меньше времени, которое отводилось в школах с русским (родным) языком обучения [Модели ... 2012: 112]. Это становилось угрозой разрушения единства культурно-образовательного пространства страны.

Таким образом, модель образовательной политики, акцентировавшая на культурных различиях этнических сообществ без обеспечения рациональ-

ного «баланса интересов» субъектов образовательного пространства, оказалась не в состоянии на должном уровне решать задачи формирования общероссийской идентичности учащихся и гармонизации этнонационального сознания с общегражданским [О концепции ... 2008: 64]. Это стало одной из причин отказа от НРК в структуре ГОС при переходе на ФГОС (2007).

Очередной этап (2007–2017) модернизации системы образования и переход на образовательные стандарты второго поколения – ФГОС был продиктован, прежде всего, стратегическими задачами национальной политики по интеграции народов России в единую гражданскую нацию, стремлением сохранить единство культурно-образовательного пространства страны, а также противостоянием тенденциям «этнического сепаратизма». Вследствие изменения целевых ориентиров национальной политики этнокультурная проблематика в общественной сфере стала заметно сужаться, поскольку консолидация на основе этнической идентичности стала рассматриваться не как ресурс развития страны, а как «архаизация» общества и угроза процессам укрепления единства народов России [Попков 2017: 158].

Внутренними детерминантами перехода образования на ФГОС являлись, во-первых, необходимость в соответствии с законом РФ «Об образовании» обновления стандартов не реже чем каждые десять лет, во-вторых – начавшийся в соответствии с решением Минобрнауки РФ в 2002 г. переход старшей ступени школы на профильное обучение и, в-третьих, введение в школах страны единых государственных экзаменов (ЕГЭ).

В редакции закона «Об образовании» 2007 г. были изъяты положения о делении содержания образования на федеральный и региональный компоненты и компонент образовательного учреждения. Главным отличием стандартов второго поколения стало появление *требований к условиям реализации* основных образовательных программ (ООП), а также включение к результатам освоения ООП *личностных образовательных результатов*, тем самым охватывая все составляющие образования – *обучение, воспитание и развитие*.

Однако, несмотря на то, что личностные требования к результатам освоения ООП были детализированы и заданы во ФГОС (*воспитание российской гражданской идентичности; осознание своей этнической принадлежности и др.*), их раскрытие не обеспечивалось возможностью реализовать это на практике, поскольку в стандарте было оговорено, что личностные результаты не оцениваются персонально, но должны учитываться при оценке образовательной организации и педагогических работников. Если для оценки предметных целей разрабатывается система оценки достижения пла-

нируемых результатов освоения ООП, то единые критерии оценки личностных достижений министерством так и не были предложены, т.к. воспитание в российской школе всегда оставалось на уровне общих целей системы образования и их результаты не оценивались. В связи с этим напрашивался вывод, что в реальной образовательной практике процесс воспитания и формирования таких качеств личности, как *этнокультурная и общероссийская идентичность или патриотизм*, не мог быть системным, а носить «мероприятийный» характер.

Важнейшим документом, определяющим содержание образования и образовательный процесс и разрабатываемым самой школой в соответствии с ФГОС, стала ООП, состоящая из двух частей: части, обязательной для любого образовательного учреждения, и части, содержание которой формируется другими участниками образовательных отношений. В соответствии с ФГОС обязательной части программы, например, основного общего образования, отводится 70%, а части, формируемой участниками образовательного процесса, – 30% от общего объёма образовательной программы.

Содержание обязательной части ООП определяется (посредством разработки примерной основной образовательной программы – ПООП) на федеральном уровне. Её цель – сохранить единство инвариантной части школьного образования, обеспечить единство итоговой аттестации выпускников. Порядок разработки ПООП, их экспертизы и включения в реестр устанавливается федеральным органом исполнительной власти. Вариативная часть ООП, структура и содержание внеурочной деятельности включает образовательные потребности и интересы региона, конкретной образовательной организации, а также запросы учащихся и их родителей, в т.ч. этнокультурные. Государство гарантирует обеспечение всех школ страны необходимыми финансовыми и другими ресурсами, достаточными для успешного освоения обязательной части ООП. Обеспечение ресурсами сверх федеральной составляющей школьного образования, т.е. сверх обязательной части ООП, становится прерогативой регионов и других субъектов образовательных отношений.

Модернизационные акты Министерства образования и науки РФ в контексте внедрения ФГОС – ликвидация НРК, перевод школ на «подушевое финансирование», необходимость экспертизы учебников и образовательных программ по родным языкам и литературам на федеральном уровне – в итоге привели к размыванию этнокультурной составляющей содержания образования и к заметному обострению существующих противоречий в его организации. Теперь национально-региональное содержание образования рекомендовалось интегрировать путём введения модульных курсов в содержание гуманитарных дисциплин обязательной

части учебного плана ООП, призванного в первую очередь «транслировать ценности российской и общечеловеческой культуры».

В результате на этом этапе модернизации образования в ООП основного общего образования реальный объём части, формируемой участниками образовательных отношений, стал составлять не более 10 %, а объём дисциплин этнокультурной направленности в ООП этнокультурных школ сократился более чем вдвое. При этом вариативную часть учебного плана стали составлять предметы, как правило, направленные на подготовку к ЕГЭ.

Модернизация образования привела, по существу, к отказу от обязательности обучения родным языкам и культурам, зависящего теперь от «возможностей образовательного учреждения». В результате за период 2007–2017 гг. число языков, изучаемых в школах страны, снизилось с 81 до 72, в т. ч. языков школьного образования – с 33 до 29. Общее количество школьников, изучающих родные языки, уменьшилось на 21 %, а количество этнокультурных школ – на 25 %. Количество школьников, обучающихся на родных языках, уменьшилось почти вдвое [Боргояков, Бозиев 2018: 8].

Переход на нормативно подушевое финансирование, ориентированное на экономическую рентабельность образовательных учреждений, наиболее болезненно сказался на малокомплектных школах, преобладающих в местах компактного проживания малочисленных народов страны. Так, к 2016 г. количество школ, в которых изучались языки коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (КМНС), сократилось с 283 до 195, а число школьников, изучающих родные языки, уменьшилось вдвое. В Республике Саха (Якутия) количество школьников, изучающих эвенкийский язык, снизилось с 1263 учащихся до 777, эвенский – с 1118 до 723 человек. За этот период число школьников, обучающихся на эвенском и юкагирском языках, снизилось с 462 человек до 87 [Боргояков 2021: 25].

Необходимость экспертизы учебников и образовательных программ по родным языкам и литературам на федеральном уровне привела к тому, что по состоянию на 2020 г. в Реестр примерных ООП был включен полный комплект ПООП (родной язык и родная литература для всех уровней образования) по семи языкам (*башкирскому, карачаево-балкарскому, крымскотатарскому, татарскому, украинскому, хакасскому, чеченскому*), комплект ПООП для начального и основного общего образования – по пяти языкам (*алтайскому, кабардино-черкесскому, казахскому, удмуртскому, якутскому*), полный комплект ПООП только по родному языку – по трём языкам (*вепсскому, карельскому, финскому*), комплект ПООП только по родному языку для начального и основного общего образования – по трём языкам (*коми, русскому, чувашскому*), комплект ПООП для

начального уровня образования – по двум языкам (*моксианский, эрзянский*). По 55 языкам ПООП не были разработаны или находились на стадии экспертизы [Методические ... 2020: 6].

На этом этапе этнокультурное образование в основном стало ограничиваться изучением родных языков, а проблема формирования и развития этнокультурной идентичности потеряла свою приоритетность и значимость. Это позволяет сделать вывод, что в регионах страны стали доминировать модели школ, имеющие *культурно признающий характер*, и этноязыковое образование, являясь одним из основных трансляторов языков и культур народов России, перестаёт быть эффективным актором формирования этноязыковой компетентности подрастающих поколений, а этнокультурное образование в целом, будучи одним из ключевых элементов политики идентичности, теряет свою *этноидентитарную функцию*.

Переход на современный этап развития этнокультурного образования был обусловлен принятием закона «О внесении изменений в статьи 11 и 14 федерального закона "Об образовании в Российской Федерации" (2018) и утверждением основных принципов государственной политики в сфере образования во ФГОС нового поколения (2021).

Изменения в законе «Об образовании», утвердившие обязательность изучения и право свободного выбора родного языка, включив в их число русский язык, с одной стороны, укрепили позиции родных языков в учебном процессе. С другой стороны, реализация свободного выбора учебного предмета «Русский язык как родной» привела к кардинальному изменению ситуации с изучением родных языков, поскольку выбор учащимися предмета «Русский язык как родной» стал осуществляться независимо от их этнической идентификации [Боргояков, Бозиев 2020: 16].

В перспективе уход от изучения этнического языка учащимися из среды коренных народов России в условиях ослабления других механизмов *инкультурации* будет способствовать усилению этноязыковой ассимиляции. Социокультурная практика многих европейских стран показывает, что политика стимулирования культурной и языковой ассимиляции меньшинств не приводит к их успешной интеграции в гражданское общество и ухудшает общий социально-психологический климат в сфере межэтнических отношений.

Таким образом, новый механизм реализации образовательно-языковой политики, способствующий усилению ассимиляционных процессов, таит в себе потенциальную угрозу межнациональному согласию в обществе.

Как было отмечено на заседании президиума РАН (2021), посвящённом проблемам языковой политики России, сегодня большинство языков корен-

ных народов находится в зоне риска, а часть миноритарных языков практически утеряна. Несмотря на принятие федеральных и региональных программ поддержки языков и культур, под влиянием разных факторов процессы этноязыковой ассимиляции народов России не прекращаются [Проблемы ... 2021].

Важность этноидентитарной функции этнокультурного образования предполагает конструирование его содержания и разработку образовательных технологий с учётом и в корреляции с формированием позитивной этнокультурной идентичности обучающихся, включающей функционально связанные компоненты: *когнитивный (познавательный), мотивационно-ценностный (аксиологический) и деятельностный (поведенческий)*.

Позитивная идентичность характеризуется положительным восприятием своего народа, его истории, культуры, менталитета, собственной этнической принадлежности, позитивно-ценностным отношением к этническим особенностям окружающих, нацеленностью на взаимодействие с другими членами общества, и будущее собственное и детей связывается с данной общностью (Л. М. Дробижева, И. С. Семененко, Т. Г. Стефаненко). Поэтому для повышения уровня этнокультурной компетентности, формирования позитивной этнокультурной идентичности обучающихся необходима разработка и реализация научно обоснованного содержания этнокультурного образования, не ограниченного рамками этноязыкового образования.

В этой связи одной из актуальных задач модернизации этнокультурного образования является разработка *культурно развивающих моделей* этнокультурной школы. Важную методологическую роль

в сбалансированном формировании разных видов личностных компетентностей (идентичностей) выполняют общепедагогические и частные (этнокультурные) принципы, к числу которых можно отнести *принцип диалогизации обучения и аксиологический подход*. Опора на эти принципы позволяет проектировать этнокультурное образование не только как процесс, направленный на присвоение обучающимися системы базовых этнических ценностей, но и конструировать и осваивать его содержание, достигать поставленных целей на основе гармоничного сочетания личностных, общенациональных и общечеловеческих ценностей и диалогизацией всех составляющих образовательного процесса.

Интегративная взаимосвязь этнической культуры и её базовых ценностей с государственными и общечеловеческими ценностями позволяет рассматривать культуру собственного народа в контексте других культур *«в конструктивной форме, когда постижение других культур выступает необходимой и позитивной частью идентичности»* [Солдатова, Шайгерова 2015]. При таком подходе позитивная этнокультурная идентичность выступает в качестве условия и фактора формирования межкультурной компетентности (гражданской идентичности) и их гармоничного взаимодействия.

Постановка и реализация идеи формирования и развития позитивной этнокультурной идентичности как интегральной составляющей общероссийской гражданской идентичности может стать важным показателем образовательно-языковой политики в решении задач национальной политики государства по укреплению межнационального согласия и консолидации российского общества.

Литература

- Боргояков С. А. Методологические основания модернизации этнокультурного образования малочисленных народов Севера // Человеческий потенциал Арктического региона: культура, наука, образование: *монография* / авторы-составители В. Г. Мартынов, И. В. Гайдамашко. – М.: Издательский центр РГУ нефти и газа (НИУ) им. И. М. Губкина, 2021. – С. 17–32.
- Боргояков С. А., Бозиев Р. С. Идеологические и педагогические коллизии этноязыкового образования в современной России // Педагогика. – 2020. – № 2. – С. 5–20.
- Боргояков С. А., Бозиев Р. С. Языковое образование и национально-языковая политика России // Педагогика. – 2018. – № 11. – С. 3–16.
- Методические рекомендации по разработке и оформлению примерных основных образовательных программ предметных областей «Родной язык и литературное чтение на родном языке» и «Родной язык и родная литература». – URL: <http://yashalta.kalm.eduru.ru/media/2020/04/13/1252839119/03-377.pdf>
- Модели и структуры содержания общего среднего образования: отечественный и зарубежный опыт: монография / под ред. М. В. Рыжакова, А. А. Журина. – М.: СПб.: Нестор-История, 2012. – 256 с.
- О концепции национальной образовательной политики Российской Федерации // Вестник образования. – 2008. – № 2. – С. 60–80.
- Попков Ю. В. Концептуальные основы формирования интеграционного потенциала государственной национальной политики // Сибирский философский журнал. – 2017. – Т. 15. – № 2. – С. 148–163.
- Проблемы изучения и сохранения языков народов Российской Федерации: научные основы Концепции государственной языковой политики. Заседание президиума РАН 2 марта 2021 года. – URL: <https://scientificrussia.ru/articles/zasedanie-prezidiuma-ran-2-03-2021-pryamaya-translyatsiya> (дата обращения: 10.03.2022).
- Солдатова Г. У., Шайгерова Л. А. Рефлексия множественности выбора в психологии межкультурной коммуникации // Психологические исследования. – 2015. – Т. 8. – № 40.
- Ткаченко Е. В. Приоритеты российской системы образования // Национальная школа: концепция и техноло-

гия развития: докл. и материалы междунар. конф. Якутск, 16–21 марта 1993 г. / Мин-во образования Республики

Саха (Якутия); под ред. Е.П. Жиркова. – М.: Просвещение, 1993. – С. 27–32.

И.Л. Кызласов
(Москва, Россия)

ИСТОКИ ТЮРКСКОЙ ФИЛОЛОГИИ: ЭПОХА РУНИЧЕСКОГО ПИСЬМА (в кратком изложении)¹

Рунический алфавит восходит к силлабариям бронзового века. Енисейские эпитафии имеют вид архаичных протографов. Забытым способом, от нижней строки к верхней, пишутся надписи на стелах. Старина живёт в грамматике и лексике их языка. Ошибки в текстах выявляют строение учебников. Название рун у самих писавших – ‘слог, буква’ – отражает природу письма и начатки филологии. Термин знали все письменные культуры тюрков, он жив поныне.

Ключевые слова: рунические надписи, обучение руническому письму, учебники рунической эпохи.

Тюркская рунология – дисциплина исключительной научной и культурной значимости. Согласно твёрдо обоснованным данным, наиболее ранние памятники письменной тюркской речи относятся к концу первой трети VIII в. в Хакасии, лишённые абсолютных временных указаний, они датируются, по археологическим материалам, VIII в. в целом, а по историко-культурным критериям – второй половиной этого столетия.

Однако камнеписные памятники, и орхонские, и енисейские, содержат значительно более древние особенности как в построении и облике применяемых алфавитов, так и в морфологических, синтаксических и лексических проявлениях языка. Глубокая старина сохраняется в самом построчном размещении надписей на стелах: они писались и читаются от нижней строки к верхней. Исключительный архаизм проявляют енисейские эпитафии в отражённых ими формах своих деревянных протографов.

На всё это обращалось и обращается пристальное внимание лингвистов и историков письменной культуры. В области правописания фундаментальные разработки изначально обращены к принципам отражения на письме сингармонизма агглютинативной тюркской речи, к качествам, свойственным уже устройству рунических алфавитов, восходящих к слоговой азбуке. Отходя от трёх прослеженных типов рунической орфографии (два из которых привнесены позднее со стороны), обратимся к известным отклонениям от классического правописания.

Таковы систематически наблюдаемые особенности написания аффиксов, то отделяемых словоразделительными отметками, то выписанных рунами для мягкорядных звуков при твёрдорядных прочих гласных основной части слова. Для большинства рунологов в первом случае – это необъяснимое орфографическое излишество, во втором – проявление

неграмотности писавших или, со времён В.В. Радлова и первых дешифровок, точного отражения фактического произношения, выходявшего за общие рамки.

Подобные взгляды, как и тюркская рунология в целом, оставляют без внимания безусловную истину истории культуры. Не бывает письменности без школ. Без обучения способам передачи на письме устной речи: её звучания и норм изменения и сопряжения слов. Этот процесс требует учителей – людей, освоивших методику такого обучения, т.е. получивших специальную филологическую подготовку. Так происходит сегодня, так было в глубокой древности и в Средневековье. Вспомним сохранившуюся учебную литературу по письму Древнего Египта или Двуречья (Шумера, Аккада, Ассирии...), Древнего Китая или Индии.

Использование мною современных терминов в отношении древности не означает, конечно же, существования в ту эпоху научных теоретических положений о языке, но предполагает осмысленное внимание к практическим задачам, которые обсуждаются нами. Понятно, что в ряде древних культур Востока, а в раннем Средневековье тем более, существование лингвистической научной мысли несомненно. Однако наш поиск основан на глубоком консерватизме рунического письма и направлен в древность. Задача в том, чтобы по известному в иных культурах отыскать то, что в нашем случае скрыто.

Древнейшие пособия III–I тысячелетия до н.э. всюду представлены *списками письменных знаков и лексикографическими справочниками* (вероятно, у этого есть исконная мифологическая причина: боги создают все вещи, они и дают им имя – неназванное не существует). Словники, отражая столетиями накопленные знания, обычно разделялись по отрас-

¹ Статья подготовлена в рамках Государственного задания Института археологии РАН № НИОКТР 122011200266-3. Тюркологическая литература хорошо знакома читателям. Приложенный библиографический список включает только труды, посвящённые древним особенностям рунического письма, затронутым в этой ограниченной по объёму публикации.

лям деятельности, природной и социальной среды, а внутри – по смысловым группам, перечням наименований относящихся к делу предметов и существ; слова пояснялись. Развитие этой культурной линии привело к современным словарям, специальным тезаурусам и энциклопедиям. Они лишь строятся ныне в принятом нами алфавитном порядке. Из-за того и сохраняются в начальных учебниках языковых курсов и словарях наших дней издревле существовавшие алфавитные таблицы.

Другим инструментом древнего образования служило выделение всех иных значимых элементов речи, т.е. классификация грамматических явлений. Они заучивались на примерах присоединения меняющих смысл частичек к конкретным словам (именным основам), внесённым в учебные перечни. Этот принцип также поныне применим в наших грамматиках и словарях в разделах, излагающих образование и изменения слов. В отношении тюркских языков эти части обязательно снабжены таблицами аффиксов.

На порядок показа этих аффиксов в современных академических и учебных изданиях – грамматиках и словарях, имеющих морфологические сводки, – и обратим особое внимание. В нашем случае возьмём хакасско-русские словари. Порядок подачи материала в них очевиден – сначала даётся вариант с задним гласным, затем его аналог с передним: **-лар/-лер**, **-тар/-тер**, **-нар/-нер**; **-лыг/-лиг**, **-тыг/-тиг**, **-ныг/-ниг**; **-ым/им-**, **-ыбыс/-ібіс-...** В начале нынешнего тысячелетия (2002) обучение гармонии гласных во 2–4 классах хакасских школ, начатое в 1950-е гг., справедливо расценивалось как значительное достижение исследователей-методистов. До этого ребятами изучались лишь твёрдые гласные (см.: А.Н. Карамчаков // Ежегодник ИСАТ. Вып. VI. С. 196). В общем перечне аффиксов словообразования и словоизменения, приведённых в конце словарей, не рассчитанных на школьников, поныне даются лишь твёрдорядные варианты, взятые как основные.

Так же построены алтайско-, тувинско- или туарецко-русские и другие словари живых тюркских языков, статьи в лингвистических энциклопедических словарях и томах специальных лингвистических изданий. Подобным образом описан лингвистический материал и в обобщающих сравнительно-исторических грамматиках, специальных аналитических трудах по средневековым тюркским письменным памятникам, включая рунические. Европейская наука придерживается такого же порядка подачи языковых данных. Вид международной латинской традиции применён в Древнетюркском словаре, где аффиксы приведены в той же последовательности: **+lar** (+lär), **+lïy** (+lig); **+luγ**, **+lüg**; **+laγ**, **+läg**)... Примеры можно, но не нужно множить. Такие правила подачи аффиксальных форм укоренены

в тюркологической науке и соблюдаются в каждой работе.

Разумеется, это явление покрывает также прочие области тюркологии. В таком порядке построена и начальная часть академических, справочных и учебных текстов – классификация гласных: сначала приводятся звуки твёрдого, а затем мягкого ряда. На последовательность описания аффиксов специальное внимание обращено лишь в интересах темы.

Не стоит отклоняться на поиски истоков этой манеры. Она выступает уже в 1869 г. в «Грамматике алтайского языка» Н.И. Ильминского («Послелогии»), а в отношении древнетюркских надписей – у В. Томсена в первой же публикации по дешифровке рун (1893): согласные с «гортанными гласными» рассматриваются сначала, с «нёбными» потом.

Важно другое. Давний и устойчивый порядок описания аффиксов, свойственный европейской и отечественной тюркологии, помогает нам понять способ изучения и усвоения этого материала в школах рунической эпохи.

Порядок подачи аффиксов там также был подчинён закону сингармонизма, т.е. самой природе языка. Однако последовательность воспроизведения аффиксов была противоположна нашей. Основными были варианты с мягкорядными гласными, и учебные прописи (не осложняя наш текст руническим набором) соответственно выглядели так: **-лер/-лар**; **-лиг/-лыг**; **-им/-ым**, **-миш/-мыш**... **+lär** (+lar); **+lig** (+lïy); **+lüg**; **+luγ**; **+läg**; **+laγ**)... Крепко-накрепко, многократным переписыванием, заучивались именно эти, начальные формы аффиксов. Иные варианты были вторичными, их следовало подбирать аналитически, согласно звучанию предшествующей части слова. Поэтому в ряде надписей вопреки твёрдым гласным слова в аффиксах выводились руны для мягких. Дикции противостояла механическая память писавшего.

Выявленный по руническим опискам порядок отдельного заучивания аффиксов говорит не только об осознанном расчленении речи на слова, но и о ясном понимании разных частей самого слова, меняющихся при связном высказывании. Следовательно, членение речевого потока древнетюркскими писцами и книжниками можно уже считать грамматическим.

Как видим, при обучении руническому письму использовались по крайней мере три отдельные формы учебных пособий: списки письменных знаков, словари и перечни расписанных в едином порядке аффиксов. Надо думать, что построение таблиц аффиксов, проступившее в сохранившихся надписях, было уже результатом формирования именно тюркской филологии. Поскольку в том языке, для которого в древности был создан рунический алфавит, позднее воспринятый тюркскими народами, не было гармонии гласных.

Руническое письмо позволяет увидеть и более глубокие знания. Речь идёт о понимании не одного лишь смыслового, но и звукового строения слов, точнее, о вычленении слогов, составляющих слова. Эти знания по-особому отражены поздней книжной орфографией манихейского происхождения: полногласно написанные рунами односложные аффиксы (-mīs, -līy, -līq, -in) присоединены к основам, записанным ортодоксально – с пропуском букв для гласных.

Руны, образующие азбуку, не только восходили к древним силлабариям, но и всю историю существования по сути своей несли груз слогового значения, уже не являясь слоговыми знаками. Когда-то давно изначальный длинный слоговой ряд проторунических символов был талантливо и поэтапно сведён лишь к отражению парной (двухрядной) природы гласных звуков: твёрдых или мягких¹. Именно поэтому к известной нам эпохе из бывшего полного ряда слоговых знаков (см. пять оставшихся для сочленения k~q с разными гласными) для каждого согласного звука были сохранены по две руны разного облика.

Слоговая природа письма и способность делить слова на образующие их слоги отразились и в древнетюркском наименовании рун, обнаруженном в наскальной надписи раннего Средневековья. Быть может, это название возникло уже в затерянную в веках эпоху заимствования архаично построенного письма. Так или иначе, исконное наименование той письменности, что мы зовём рунической, самими рунами передано как *ȳsuk/ȳsīk* – редкой, но известной разновидностью распространённого в последующих памятниках уйгурского и арабского письма слова *ȳjsuk/ȳjīk*, *ȳjyūk/ȳjīūk*, означающего ‘слог, буква’, ‘буква алфавита’.

Ни один другой известный раннесредневековый тюркский по языку термин для письма и письменных знаков не отражает в такой близкой мере изначальную природу и основное направление развития азиатского рунического письма как *ȳsuk/ȳjīk/ȳjīūk*, совмещающий понятия и слога, и буквы. Отвечает это название и тому процессу развития лингвистической мысли, который отражён в описках, допущенных из-за механического следования за незримым для нас учебником рунического правописания.

Рунические памятники сохранили до Средневековья и напитали его южносибирскую, центрально-, а частью и среднеазиатскую историю глубинной двух- или более тысячелетней письменной культуры, поначалу обрядового, а затем и более широкого

назначения. Потому не только все прослеженные процессы формирования филологической мысли, но и название самого руноподобного письма допустимо связывать со значительно более древним периодом. Показательно применение этого термина в тюркских обществах, имевших уже уйгурскую и арабскую письменность, а затем и монголами. Видимо, при заимствовании всеми ими специальной лексики было воспринято и название, первоначально связанное с рунами.

Иные обоснования связи поздней разнописьменной грамотности с былой традицией рунического образования и литературного языка даются ниже. Здесь важно показать этимологию названия рунического письма, которое было дано его носителями. Слово ‘слог’ и порождённое им значение ‘буква’ имеют переносный смысл, восходящий к первичному *ȳzūk/ȳzīk* ‘оторванный, вырванный’ – отглагольному образованию от основы *ȳz-* ‘рвать, отрывать, вырывать’. Применяемый в раннем тюркском языкознании, такой термин указывает на древний порядок осмысления устной речи при освоении её записи.

Особенности правописания уже убедили нас в том, что в потоке произносимого выделялись не только значимые, смысловые элементы – слова-наименования, но и изменяющие их смысл добавочные частицы. Поскольку тюркские языки имеют множество слов и аффиксов, состоящих из одного слога, этот процесс совпадал или приводил к обособленному восприятию самого слога. Отделение частей от целого и выражалось словом *ȳsīk/ȳzīk*, называвшим само действие и его результат. Любопытно, что этимология слова ‘слог’ в русском языке воспринимается с противоположным смыслом, называя часть целого, полученного складыванием одного с другим.

Так пока предстают перед нами истоки тюркской филологии в период освоения и применения рунического письма.

Выходит, самостоятельная тюркская филология бытовала ранее труда Махмуда Каргарского, первого известного нам учёного, составившего в XI в. исключительно богатое описание тюркских языков в традициях арабской филологии, единственно авторитетной для стран ислама. Древняя и средневековая филологическая культура тюркских народов была, как и многие иные области когда-то привычной жизни, поглощена в странах Средней Азии и Среднего Востока мусульманской культурой. В культурах народов Южной Сибири и Центральной Азии (в её

¹ В рукописях Восточного Туркестана отражён поздний процесс перехода от слогового к алфавитному принципу письма – выход гласных за пределы слоговых знаков и даже за совокупное изображение двух согласных: *īq* (ык), *uq/oq* (ук/ок) и *nč* (нч). В транскрипции дано двойное написание, записанный одной руной слог подчёркнут. Например, *sooqıŋ-* (*соокуш-*) ‘встречаться’, *tooquz* (*тоокуз*) ‘девять’, *s(a)npıç-* (*санпч-*) ‘колоть’ (рукопись ThS II, строки 10, 44, 51). На фрагментах трёх листов одного документа слово ‘панцирь, кольчуга’ именно так записано 11 раз: *j(a)rīŋīq ~ jarīŋīq* (*йарыык ~ йарыык*) (рукопись ThS I). В другом случае вместо слоговой руны *īq* (ык) всюду писались два отдельных знака [Tomsen 1912: 191].

русском географическом понимании) ещё долго сохранялись особенности развития предшествующих веков, включая и руническое письмо с предковой системой её филологического осмысления.

Руническая система образования и связанный с нею литературный язык ещё очень долго пользовались авторитетом, служили признаком высокой культуры. Характерные следы издревле принятой системы лингвистической и литературной подготовки удерживались при смене последующих культур и письменных систем тюркских народов. В крупнейших памятниках скорописного уйгурского письма в X–XI вв. и позднее выдерживался и развивался прежний литературно-рунический, стилистически отточенный наддиалектный язык. В восточнотуркестанском государстве Кочо при выраженном этнополитическом самосознании он осознанно именовался не уйгурским, а тюркским, т.е. воспринятым от каганата, павшего двумя веками ранее. В авторских сочинениях и в повседневно деловых документах вплоть до первой половины XIV в. отмечаются некоторые нормы, свойственные рунической орфографии. Они включают не только перебой знаков, но и противоречащий строю уйгурского письма пропуск рун для гласных в первом слоге. К таким показателям отнесём и особо частое явление – отделение аффиксов от корневых основ (иногда и друг от друга). Более того, встречено присоединение мягкорядной формы аффиксов (-lǎrgä) к твёрдорядной основе (ṡanǰ). Судя по этим особенностям текстов, обучение грамоте велось в Уйгурии по учебным материалам, подобным двум видам рунических пособий – словникам и таблицам аффиксов. Последние сохраняли традицию расписывания аффиксальных форм.

Значит, неслучайным было в Турфане использование орхоно-енисейского термина для обозначения слога, буквы и текста *üzik/üzük, üzik/üzük*. Неслучайным было и его последующее применение в чагатайской уйгуро- и арабографичной культуре и в последующем тюркú. Этот субстратный для поздних традиций термин достиг наших дней. Он применяется в тех же значениях ‘слог, буква, алфавит’, а то и ‘букварь, словарь’, от алтайского и тувинского *üzük* (возвратный монголизм) до башкирского и татарского *ижек, ижсек*, плотно окружённых арабской лексикой письма, но не вытесненных.

При всём сказанном следует помнить, что раннее собственно уйгурское письмо в VIII–X вв. сосуществовало с руническим. Тогда система обучения грамоте со всеми особенностями рунического письма воспринималась новоуйгурским обществом напрямую. До появления уйгурского курсивного письма орхонская и енисейская письменности имели вековую практику, обладали в тюркоязычной среде высоким авторитетом, подкреплённым государственным статусом. Сосуществование двух пись-

менных систем подтверждено в Северо-Западной Монголии фундаментальным свидетельством – использованием уйгурского алфавита для написания эпиграфии енисейской по форме, содержанию и стилю. Такова Улангомская надпись на стеле, поставленной у древнехакасского кургана. Надо думать, её начертал уйгурский писец после захвата земель войсками Кыргыз-кагана (840). Есть же в Туве 8 рунических памятников, вырезавшихся с IX по XI в. местными писцами чиками на стелах правящих там древнехакасских князей.

С выходом рунической письменности из употребления её особенности воспроизводились в Восточном Туркестане до первой половины XIV в. уже внутри самой уйгурской письменной культуры – авторитетной и основной для многих тюркских народов на протяжении большого исторического периода.

Известны поэмы, пояснённые арабскими строками, и мусульманские трактаты, написанные уйгурским письмом, в XV в. им пользовались, поддерживая от Средней Азии до Индии традиции монгольской империи. Ныне становится заметно, что связь с аристократической средой общества способствовала сохранению глубинных восточнотюркских филологических основ даже в условиях активного арабского и персидского воздействия. Областью сбережения архаичных традиций послужила бурно развивавшаяся светская литература. Даже в классический чагатайский период, в эпоху Захир-ад-дина Бабура и Алишера Навои (последняя треть XV–XVI вв.), продолжалась уйгурская традиция отдельного написания изменяемой основы и соответствующего аффикса словоизменения, восходящая к руническому письму и характерным особенностям его обучения.

Речь, которую учили записывать рунами, не была разговорной. В школах рунического письма преподавали искусственно выработанный, нормированный язык. При бытовании двух разных по алфавитам и формам культового применения, но восходящих к одному корню енисейской и орхонской письменностей язык этих памятников един. Появляясь перед наукой вместе с памятными стелами уже в готовом виде, он удивлял степенью своей обработанности современных специалистов, относивших изобретение рун ко времени, близкому к сложению Тюркского каганата.

Теперь известен многовековой путь, пройденный руническим письмом. В исторической глубине письменной культуры скрывается и загадка высокой выработанности и наддиалектной стандартности рунического литературного языка, явленного в памятниках VIII в. Обычно корни этого отыскивают в языке фольклора – устной поэзии и народного права. Основания такой позиции правильны и очевидны, но не полны. Стоит изменить лексику в определе-

нии литературного языка как такового, связать его с существованием школьного изучения, и придёт новая возможность поиска. Литературный язык есть речь по образцу, воспринимаемому при обучении. В какой ещё речевой среде главенствует образец? В сакральной, культовой речи. Две вышеназванные фольклорные формы также восходят к этой сфере. Тюркологией, обращающейся лишь к области народной речи, здесь не учитывается ещё одно непреложное правило истории культуры: в древности и Средневековье письменность не существует без религии. Именно в высокой нормированности культовой речи лежат корни литературно-письменных языков, как в храмовых нуждах лежат корни письма, богоданного для всякого общества.

Отсюда понятно, какое сословие было изначально связано с древнетюркским руническим письмом и преподавало древнетюркский литературный язык.

Как и вполне очевидно теперь, к какой культурной среде восходят те незыблемо сохранённые ею до раннего Средневековья глубоко архаичные и во всём консервативные особенности камнеписных памятников Енисея и Орхона.

Текст данной статьи приобретает здесь кольцевую композицию, ибо читателям нужно обратиться к его началу.

Понятно, что проблема и пути её решения здесь изложены кратчайшим образом. Предстоит их подробное рассмотрение. Для этого уже сделаны необходимые заготовки материала, давно родилось и название публикации – «Следы доаравской тюркской филологии». Однако рунология не является областью моей повседневной деятельности. Потому важно обнародовать само направление такой не только возможной, но и необходимой научной работы.

Литература

Кызласов И. Л. Рунические письменности евразийских степей. – М.: Восточная литература РАН, 1994. – 327 с. (Глава III. С. 105–142).

Кызласов И. Л. Материалы к ранней истории тюрков. I. Древнейшие свидетельства об армии // Российская археология. – 1996. – № 3. – С. 73–89.

Кызласов И. Л. Три типа древнетюркской рунической орфографии // 90 лет Н. А. Баскакову. – М.: Языки русской культуры, 1996. – С. 124–136.

Кызласов И. Л. Разновидности древнетюркской рунической орфографии. Отражение манихейской письменной культуры в памятниках енисейского и орхонского письма // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. – Budapest, 1997. T. L., fasc. 1–3. – С. 163–184.

Кызласов И. Л. Материалы к ранней истории тюрков. II. Древнейшие свидетельства о письменности // Российская археология. – 1998. – № 1. – С. 71–83.

Кызласов И. Л. Материалы к ранней истории тюрков. III. Древнейшие свидетельства о письменности // Российская археология. – 1998. – № 2. – С. 68–84.

Кызласов И. Л. Орфографические признаки манихейских рунических надписей // Вопросы тюркской филологии. – М.: Издат. центр ИСАА МГУ. – 1999. – Вып. IV. – С. 85–112.

Кызласов И. Л. Как называли руническое письмо сами тюркские народы // Российская тюркология. – 2011. – № 2. – С. 62–74.

История лингвистических учений. Древний мир. – Л.: Наука, 1980. – 260 с.

История лингвистических учений. Средневековый Восток. – Л.: Наука, 1981. – 306 с.

Тугушева Л. Ю. Бабур // Алтаистика. III. – М.: ИВ РАН, 1999. – С. 100–129.

Тугушева Л. Ю. Раннесредневековый тюркский литературный язык. Словесно-стилистические структуры. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. – 176 с. (С. 12–15).

Tomsen V. Dr. M. A. Stein's manuscripts in turkish «runic» script from Miran and Tun-huang // *Journal of the Royal Asiatic Society*. – L., 1912, January. – P. 181–227.

Г. Р. Хусаинова
(Уфа, Россия)

О ВКЛАДЕ Н. Ф. КАТАНОВА В БАШКИРОВЕДЕНИЕ¹

Выдающийся российский востоковед, профессор Казанского университета Н. В. Катанов внёс большой вклад в изучение этнографии, фольклора и языка многих тюркских народов России, в том числе башкир. В статье после небольшой информации о научной и педагогической деятельности учёного рассматривается его наследие на башкирскую тему.

Ключевые слова: Катанов, полевые исследования, башкиры, народная медицина.

Жизненный путь и деятельность одного из ярких представителей российской науки, образования и культуры XIX–XX вв. – профессора Н. Ф. Катанова отразили важные события и тенденции отечествен-

ного и мирового востоковедения того времени. По оценке исследователей наследия учёного, он был ведущим учёным в области этнографии тюркских народов Евразии; хорошим знатоком современных

¹ Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда №22-28-00940, <https://rscf.ru/project/22-28-00940/>.

тюркских языков; через призму его научного наследия освещалась история становления и развития тюркологии.

Труды выдающегося российского востоковеда, славного сына хакасского народа Николая Фёдоровича Катанова хорошо известны многим народам мира. Диапазон интересов учёного был широким: язык, устное народное творчество, история и этнография тюркских народностей. Полевые исследования составляли одну из важных направлений научно-исследовательской работы Н. Ф. Катанова: он собирал материалы лингвистические, фольклорные, этнографические, исторические, статистические, предметы материального быта, культовые, археологические и т. п. Во время своей первой экспедиции (1889) Н. Ф. Катанов собрал огромный полевой материал (1122 песни, 160 загадок, 15 сказок, 35 мифов), причём информаторы позволяли ему фиксировать их имена и возраст, чего не удавалось ни одному из прежних исследователей. У Н. Ф. Катанова было замечательное и очень важное для исследователя качество: величайшая добросовестность, скрупулёзность, точность в передаче всего увиденного и услышанного. Именно поэтому его записи как бы доносят до нас и сегодня дыхание самого народа. Их читаешь с великим интересом [Кокова 2012: 131].

В опубликованных и неопубликованных материалах Катанова времени путешествия по Сибири и Туркестану К. И. Султанбаева выделила следующие исследовательские направления:

- 1) язык, его всевозможные проявления в речи носителей тюркских народностей;
- 2) фольклор и его жанры: сказки, предания, легенды, сказания, песни, загадки, поговорки, пословицы, народные приметы;
- 3) религия, философские взгляды тюркских племён; отношение к православию;
- 4) материальная культура, быт, предметы хозяйствования; культовые предметы и вещи;
- 5) социально-культурные, товарно-денежные отношения племён;
- 6) социальная структура племён, управление, их родственные, родоплеменные отношения;
- 7) элементы психологии народов, межличностные, межэтнические отношения [Султанбаева 2011: 172]. Этот перечень показывает разноплановость и многосторонность проблем, интересующих учёного.

Он обладал не только энциклопедическими познаниями в области тюркских языков и востоковедения, но и высокой педагогической культурой и компетентностью. Являясь сторонником русификации и считая её благом для тюркских народов, делом своей жизни он считал оказание всяческого содействия инородцам в их приобщении к европейской культуре и цивилизации. В просветительской деятельности он последовательно придерживался

идей миссионерской педагогики, согласно которым, прежде всего, следовало изучить особенности языков, этнографии, истории и психологии этих народов. В исследовании разных народов требуется комплексный подход, учёт их историко-культурных взаимоотношений и взаимовлияний. Центральную роль в инородческом просвещении Катанов отдавал личности учителя. По его представлениям, учитель выходил из народной среды, но был научно подготовленным; в отличие от миссионеров, имевших в основном начальное церковно-приходское училище за плечами, он в совершенстве владел языком, умел устно и письменно излагать содержание школьного материала на научной основе. С самого начала собственной педагогической деятельности Н. Ф. Катанов ставил двуединую задачу: научности в тюркологических исследованиях и специальной подготовки российских тюркологов. В педагогической деятельности Н. Ф. Катанов считал обязательным привлечение и применение комплекса археологических, исторических, этнографических и фольклорных сведений, добытых не только из литературных источников, но и во время своих путешествий «из первых рук».

При всём колоссальном объёме учебной, организационной и общественной работы Николай Фёдорович находил время на собственно научные изыскания. За 1898–1908 гг. он опубликовал 145 научных работ.

Среди всех трудов Н. Ф. Катанова «Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня» выделяется объёмом (суммарно около 600 страниц). Биограф С. Н. Иванов оценивал названный труд как определяющий для деятельности Катанова как тюрколога.

В 1903 г. Н. Ф. Катанов защитил диссертацию на соискание степени магистра – «Опыт исследования урянхайского языка», в 1907 г. утверждён доктором сравнительного языкознания по совокупности трудов. В 1911–1917 гг. преподавал преимущественно в Казанской духовной академии. Ординарный профессор Духовной академии с 1915 г., в 1919 г. Н. Ф. Катанов был избран профессором Казанского университета по всероссийскому конкурсу.

В 1981 г. башкирские языковеды Р. Х. Халикова и Р. З. Шакуров обнаружили в Центральном государственном архиве Татарской АССР (Казань) «Азбуку для башкирского языка» [Ф. 969, оп. I, д. 26], автором-составителем которой оказался Н. Ф. Катанов. Азбука сопровождалась переводом с русского на башкирский язык басни И. А. Крылова «Стрекоза и Муравей», которую, безусловно, можно отнести к ранним переводам произведений великого русского баснописца на башкирский язык, и, несмотря на то, что художественные достоинства его, возможно, не во всём соответствуют поэтическому уровню

оригинала, он занимает заметное место в истории башкирского литературного перевода. Авторы тогда ещё писали, что наследие талантливого учёного и педагога Н.Ф. Катанова в области исследования тюркских языков до сих пор ещё далеко не исчерпано [Халикова, Шакуров 1981: 36]. Их слова актуальны и сегодня. Известно, что Николай Катанов был автором работ по народной медицине, фольклору и языку башкир. Только его материалы до сих пор остаются вне должного внимания местных исследователей. Тем не менее в их отдельных статьях имеют место упоминания о Н.Ф. Катанове как учёном. В частности, А.Г. Салихов пишет об огромном его влиянии на становление Заки Валиди как учёного [Салихов 2002]; автор этих строк в одной из своих статей рассматривает материалы по народной медицине, собранные Н.Ф. Катановым в Уфимской губернии [Хусаинова 2015]; языковед Л.М. Хусаинова показывает роль Катанова в создании башкирского алфавита [Хусаинова 2017].

С 1896 по 1898 г. – во время летних вакаций Катанов совершает путешествия в Минусинский округ и Уфимскую губернию, всякий раз тщательно обосновывая необходимость их в прошениях к учёному совету. Как пишет И.Ф. Кокова, Н.Ф. Катанов раздвигает рамки своих исследований языка, быта и верований инородцев, отправляясь два года подряд в Белебеевский и Мензелинский уезды Уфимской губернии, где живут крещёные татары, мещеряки, тептяри и башкиры.

В историю башкирской науки Н.Ф. Катанов прежде всего вошёл как собиратель: «В течение нескольких лет подряд – с 1896 по 1898 г. – во время летних вакаций Катанов совершает путешествия за свой счёт в Минусинский округ и Уфимскую губернию, всякий раз тщательно обосновывая необходимость их в прошениях к учёному совету» [Кокова 2012: 57]. В этой цитате привлекает внимание деталь «за свой счёт». Известно, что он жил очень скромно, а его огромный труд оплачивался низко. При этом он умудрялся ездить в командировки с целью сбора материала за собственные средства.

В 1899 г. в Казани отдельным оттиском вышли статьи Н.Ф. Катанова под названием «Народные приметы и верования мещеряков и башкир», «Врачебные средства у башкир и крещёных татар Белебеевского уезда Уфимской губернии» [Иванов 1973: 103–104]. Собирая материалы по народной медицине в упомянутых уездах, Катанов заметил, что существует два разряда лечения: первый с помощью указаний религии (ислама и христианства), а второй с помощью указаний опыта и практики, основанных как на действительных фактах, так и на суевериях.

В то время, как пишет исследователь, у башкир существовали поверья и приметы, при соблюдении которых можно было избавиться от многих болезней. Ещё, мол, башкиры верили, что многие болезни

причиняются людям нечистыми духами. По мнению стариков, против духов – причинителей болезней помогают молитвы муллы.

Башкиры также знали, чего избегать, чтобы не захворать. Прежде всего «вечером не надо падать на землю. Если человек упадёт, то на него сядет домовая или дворовой дух, и человек будет хворать» [Катанов 1899: 4].

Остановимся на неизвестных или малоизвестных в наше время народных способах лечения, дошедших до нас через записи хакасского учёного Н.Ф. Катанова:

«Головная боль. У кого болит долго голова, тот идёт к мулле. Мулла пишет на бумажке употребляемую против головной боли молитву, читает её, отплевывается и отдувается в сторону, потом призывает молитву к голове и боль проходит.

Сумасшествие. Человека, страдающего лёгким сумасшествием, может излечить с помощью стихов Корана мулла.

Лихорадка. Лихорадка есть не что иное, как злой дух, вселившийся в человека. Чтобы выжить этого духа из человека, нужно подойти к этому человеку, когда он спит, и сразу окатить его холодной водою, тогда злой дух испугается и убежит» [Катанов 1899: 4–6].

Как видно из материалов, первые две болезни, головную боль и сумасшествие, лечил мулла с помощью молитвы, а при лечении лихорадки слова отсутствуют, главным становится действие – неожиданно для больного его обливают холодной водой, чтобы злой дух покинул его.

Далее Н.Ф. Катанов пишет о способах лечения у крещёных татар, но оговаривается: «...исследованные мною крещёные татары перечисленные здесь заговоры заимствовали большею частью у соседей своих – мусульман, башкир, тептярей и мещеряков, они ко всем заговорам прибавляют в начале слова "во имя Бога Милостивого Милосердного", которыми начинает всякое дело мусульманин, а в конце заговора "это не мои слова, а заветы Айши и Фатимы"» [Катанов 1899: 13].

Следующий раздел представлен ещё богаче и интереснее. Например: «Глазная боль. Если болят у человека глаза так, что ноют, то привязывают к ним змеиную шкуру. Ибо эта болезнь происходит от действий духа, змеиноного царя; наговаривают 7 раз, иногда 3 раза над шкуркою, между прочим, следующие слова: "Именем Бога Всемилоостивого прошу тебя, круглая змея, медная змея, уйди! Если не уйдёшь, достанется твоей голове от меня!" Потом болезнь переходит в шкуру змеи и глаза выздоравливают. Если не поможет это средство, берут гладкий лист растения, растущего подле дороги (видимо, подорожник. – Х.Г.), наговаривают над ним те же слова и привязывают к глазам.

Грыжа. Против большого места наговаривают три раза слова: "Сильная грыжа, крепкая грыжа, уходи отсюда! Если не уйдёшь, я доконаю тебя!" Потом эти же слова наговаривают над водкою или солёною водою и поят ими больного.

Кровотечение. Если кто порежет топором или ножом руку, то кровь останавливают троекратным наговариванием на больное место слов: "Шью красною иглою, красною ниткою девичий шов! Шью медною иглою, медной ниткою медный шов! Шью железною ниткою железный шов!" После этих слов кровь останавливается очень быстро» [Катанов 1899: 9].

В перечисленных выше трёх примерах при лечении болезни главную роль играет магия слова в сочетании с определёнными действиями типа «привязывают шкурку змеи к глазам», «поят наговорённой жидкостью» в первых двух.

Во втором примере привлекает внимание угроза лечащего: «Если не уйдёшь, доконаю тебя». Угроза имеет место и при лечении других болезней, в частности, свинки, жабы и дифтерии, которые якобы происходят «от пакостей, причиняемых духом, лягушечьим царём», три раза повторяют слова: «Лягушка, лягушка! Лягушка сырая, лягушка крепкая, уходи ты отсюда. Если же не уйдёшь, я доконаю тебя именем Божьим!» [Катанов 1899: 11].

Встречаются случаи, когда слова звучат как требование: «Эй вы, 88 белых змей, живущих под 88 белыми горами, унесите свою немочь! Возьмите её и оставьте сего человека в покое!» Троекратным повторением этих слов лечили болезнь «чёрная немочь». Далее собиратель добавляет: «Потом также призываются: змеи красные, змеи чёрные, змеи жёлтые и змеи голубые» [Катанов 1899: 13]. Как требование звучат слова, 9 раз приговариваемые при «вздутии живота»: «"Да уйдёт на край дороги!" После каждого раза плевать слегка в сторону живота» [Катанов 1899: 8]. Или при «родильной горячке» 5–7 раз наговаривают воду в чашке: «"Сяду я на рыжего коня и поеду на нём рысью, заставлю взмахивать крыльями и топотать копытами! Уйди, проклятый! Уйди, несчастный! Призываю против тебя Бога Всемогущего!" и поят ею роженицу, прогоняя злого духа, который навалился на роженицу, отчего началась родильная горячка» [Катанов 1899: 11]. И ещё один пример: «Когда человека одолевает частое, но малое мочеиспускание, нужно найти негодный голик, помочиться на него 1–3 раза и каждый раз наговаривать: "Да будет это настоящим лечением! Да кончится недуг и да не будет его вовеки!" – Другое средство: нужно в отсутствие хозяев взять помело и помочиться над ним 1–3 раза. – Третье средство: в отсутствие людей нужно помочиться над плугом или сохою. – Четвёртое средство: в отсутствие людей надо помочиться над отверстием негодного колеса. – Пятое средство: нужно встать в проточной

воде лицом против течения и наговаривать 9 раз слова: "Да уйдёт вдаль за 9 стран! Да исчезнет в земле! Да не будет вовеки!"» [Катанов 1899: 10]. В этом примере обращает на себя внимание устойчивое условие «в отсутствие людей», которое часто встречается в народной медицине.

Бывают случаи, когда при лечении болезнь гонят. Например: «Если у человека под мышками появилась твёрдая опухоль, то её удаляют следующим девятикратным наговариванием: "Уйди за девять дорог! Провались в землю! Да унесёт тебя ветром! Уйди туда, откуда пришла! Да исчезнешь ты в месяц, да исчезнешь в один день!"» [Катанов 1899: 10–11].

Лечение некоторых болезней состоит только из действий. Например: «Если укусит человека собака, нужно срезать у неё клочок шерсти и, подпаливши, положить на укушенное место. Если же укусит человека бешеная собака, то берут из 41 дома по одной ложке воды и поят ею укушенного; затем из 41 дома собирают по одному ломтю хлеба и кормят им. И воду, и хлеб берут не из дверей, а из окна» [Катанов 1899: 13]. Или: «Если человек страдает падучей болезнью, нужно взять его рубаху и повесить её за околицей на столб или ворота. И болезнь прилипнет к тому, кто возьмёт рубаху» [Катанов 1899: 11]. Все эти способы народного лечения населения Белебеевского уезда Уфимской губернии конца XIX в. дошли до нас благодаря Н. Ф. Катанову.

Здесь также необходимо обратить внимание на следующие слова Н. Ф. Катанова: «Перечисленных способов врачевания, применяемых большею частью простонародием, думаю, вполне достаточно, чтобы судить о том, в каком положении находится народная тюркская медицина в Белебеевском уезде Уфимской губернии, т.к. там священники-миссионеры европейской научной медицины не знают, а русские медики (врачи и фельдшера) не знают ни языка башкирского, ни языка татарского, притом же на деятельность каждого из них приходится громадный район, то мы вправе думать, что исследованные нами инородцы ещё долго будут врачевать недужных по заветам своих старух, бабушек, тем более что и плата им за лечение – ничтожная: 3–5, иногда 15–20 копеек. Мне многие инородцы говорили, что очень хорошо лечат больных и угадывают их будущее черемисы и чуваша, но по незнанию языка этих инородцев их способов врачевания я не описывал» [Катанов 1899: 13–14].

К сожалению, нами использованы материалы, переведённые учёным на русский язык при написании статьи. Однако в конце статьи имеется оговорка: «Подлинные тюркские тексты заговоров имеются у меня в изобилии, будут изданы они тотчас по приведении в порядок» [Катанов 1899: 14]. Значит, есть шанс найти их. Как известно из книги И. Коковой, в 1921 г., заполняя анкету, учёный пишет: «Собрал много материалов по языку и словесности турец-

ко-татарских народов, но донныне большая часть их остаётся в рукописях» [Кокова 2012: 130–131]. Однако Н. Ф. Катанову не суждено было опубликовать свои материалы ни при жизни, ни потом, ибо «после смерти Николая Фёдоровича в течение 3,5 десятилетий в России практически делалось всё, чтобы имя его было забыто» [Кокова 2012: 130].

В 1898 г. Н. Ф. Катанов пишет прошение о вторичном командировании его в Уфимскую губернию, обосновывая это так: «...желал бы собрать теперь побольше сказок и рассказов мифологических, бытовых, исторических и прочих, ибо в прошлогоднюю поездку за отсутствием средств для уплаты сказочникам я смог записать только загадки, пословицы. Песни (около 1000 четверостиший) и 3 сказки и проверить тексты 61 песни и части пословиц, в весьма неудачной записи помещённые во 2 выпуске II тома «Турецкой хрестоматии» (СПб., 1890), и, во-вторых, я желал бы проверить на месте тептярские и башкирские тексты С. Г. Рыбакова, довольно плохо воспроизведённые в издании академии наук (СПб., 1897), и проверенные тексты переиздать в точной фонетической транскрипции, принятой в трудах названной академии и нашего университета...». В результате он посещает 12 деревень, записывает материалы по всем указанным в прошении жанрам и пишет: «Все эти материалы я собирал как с целью изучения быта и верований инородцев, говорящих по-тюркски, так и с целью главным образом изучения языка их». Он делает выводы о сходстве и различии в языке указанных народностей, отмечает грамматические особенности и заимствования из других языков (русского, арабского, персидского), что свидетельствует о несомненной ценности проведённых исследований. Он интересовался и башкирским языком и внёс определённый вклад в его изучение. Под его руководством с 1896 по 1898 г. дважды были организованы диалектологические поездки в Белебеевский и Мензелинский уезды Уфимской губернии с целью изучения диалектов башкирского языка и крещёных татар. Н. Ф. Катанов подразделяет язык башкир Уфимской губернии на западный и восточный говоры и отмечает сходство первого с татарским, второго – с казахским языком. Он приводит сведения о фонетических, морфологических и словообразовательных особенностях восточного го-

вора в сравнении с языками других тюркоязычных народов. На рубеже XIX–XX вв. Н. Ф. Катановым была составлена «Азбука для башкирского языка», где он предлагает на основе кириллицы алфавит, состоящий из 33 букв. 19 из этих букв, по мнению автора, обозначают в русском и башкирском языках одни и те же звуки. Н. Ф. Катанов подробно описывает особенности произношения башкирских звуков *о, х, ы, э*. Он предпринял попытку решения одного из наиболее сложных вопросов письменности большинства современных тюркских языков народов нашей страны [Иванов 1973: 14]. «Азбука для башкирского языка» Н. Ф. Катанова существует только в рукописном варианте, в настоящее время она хранится в Национальном музее Республики Татарстан (Азбука для башкирского языка. ЦГА Татарстана Ф. 969, оп. I, д. 26) [Хусаинова 2017: 40–41].

Таким образом, без сомнения можно сказать, что Н. Ф. Катанов внёс свой заметный вклад в башкироведение как собирательской деятельностью, так и исследовательской. Он же является одним из первых составителей башкирской азбуки и заинтересованной личностью в обучении башкир на родном языке, о чём свидетельствует также и следующий факт из книги И. Ф. Коковой: «В Стерлитамаке я пробыл 10–13.09.1906 г., осмотрел русские классы при медресе и послушал инородцев в городских училищах. Затем направился через горные заводы в Верхнеуральск и далее через Миасс в Уфу... По дороге я послушал уроки в разных училищах для башкир и татар, а в Серменеве прожил даже три дня. Я убедился, что по языковым особенностям и по разным другим обстоятельствам Серменево – самый подходящий пункт для центрального русско-башкирского училища...» [Кокова 2012: 83]. Данная информация подтверждает, что Н. Ф. Катанов действительно был заинтересован в обучении башкир на родном языке и, побывав в разных учебных заведениях, воочию убедился в этом, и по разным обстоятельствам выбрал Серменево подходящим для открытия русско-башкирского училища.

Есть надежда, что бесценные материалы, собранные Н. Ф. Катановым, постепенно войдут в научный оборот, а его вклад в башкироведение будет оценён по достоинству.

Литература

Иванов С. Н. Библиография трудов по востоковедению // Николай Фёдорович Катанов. – М., 1973. – С. 103–104.

Катанов Н. Ф. К вопросу о сходстве восточно-тюркских сказок со славянскими: по сказкам, записанным Н. Ф. Катановым и И. П. Рогановичем. – Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1897. – 16 с.

Катанов Н. Ф. Народные способы лечения у башкир и крещёных татар Белебеевского уезда Уфимской губернии. – Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1899. – 16 с. (Отдельный оттиск из XV тома «Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии» за 1899 год).

Катанов Н. Ф. и гуманитарные науки на рубеже веков: очерки истории российской тюркологии. – Казань-Абакан: Алма-Лит, 2008–2009. – 354 с.

Кокова И. Ф. Николай Фёдорович Катанов. Документальная повесть о выдающемся российском востоковеде. Второе издание, дополненное. – Абакан: Хакасское книжное издательство, 2012. – 172 с.

Салихов А. Г. О роли Н. Ф. Катанова в становлении научного мировоззрения А. А. Валидова // Актуальные проблемы истории и литературы. Сборник научных трудов молодых учёных ИИЯЛ УНЦ РАН. – Уфа, 2002. – С. 139–145.

Султанбаева К. И. Н. Ф. Катанов – исследователь тюркских народов дореволюционной России // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева: № 3(17). Том 2. Гуманитарные и естественные науки, 2011. – С. 170–175.

Халикова Р. Х., Шакуров Р. З. Ещё одна страница из научного наследия Н. Ф. Катанова // Советская тюркология. – 1981. – № 3. – С. 36–38.

Хусаинова Г. Р. Образцы народной медицины башкир и татар Уфимской губернии конца XIX века (в записях Н. Ф. Катанова) // Литература и культура тюркских народов в контексте Восток-Запад: сборник материалов Международной научно-практической конференции (14–17 октября 2015 г.) / под ред. Р. Р. Замалетдинова. – Казань: Отечество, 2015. – С. 582–584.

Хусаинова Г. Р. Катанов Н. Ф. и башкироведение // Выдающиеся просветители Евразии [Текст] / сост. Р. Р. Баязитова. – 2-е изд., доп. – Воронеж: Изд-во АртПринт, 2020. – С. 133–140.

Хусаинова Л. М. Алфавиты башкирского языка в XIX – начале XX в. // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2017. – № 3(203). – С. 37–42.

ЦГА Татарстана. Ф. 969, оп. I, д. 26.

ЯЗЫКИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ РОССИИ В СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Т. Г. Боргоякова
(Абакан, Россия)

ОСТАНОВКА ЯЗЫКОВОГО СДВИГА: ГЛОБАЛЬНОЕ И РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ¹

Языковой сдвиг как социолингвистический феномен стал объектом внимания учёных с середины XX в. Сегодня переход к языку доминирующего этноса, происходящий, как правило, в условиях контактного билингвизма, относится к актуальным направлениям исследований жизни миноритарных языков в динамике социокультурного контекста. Это связано с накоплением валидных научных знаний о причинах, механизмах и последствиях языкового сдвига (далее – ЯС) на примере разных стран и континентов, а также со стремительностью процессов утраты языков коренных народов.

Инициативы учёных и активистов миноритарных этносов способствовали развитию правовой защиты языков на глобальном, международном и региональном уровнях. В изданиях ЮНЕСКО, посвящённых языкам под угрозой, их количество составляло 600 (1996), 900 (2001) и уже 2500 (2010). В последнем варианте приводится дефиниция языка в опасности: *A language is endangered if it is not being passed on to younger generation* – «Язык находится в опасности, если он не передаётся молодому поколению» [Moseley 2010].

В материалах по итогам международного года языков коренных народов (2019) и в Глобальном плане Международного десятилетия языков коренных народов (2022–2032) содержатся такие целевые

принципы, как: *Leaving no one behind, no one outside – by 2032* – «Не оставляя никого позади, никого в стороне – к 2032» и *Nothing for us without us* – «Ничего для нас без нас». Эти важные положения служат ориентирами для осмысления стратегий и тактик в борьбе по остановке ЯС с обязательным включением всех миноритарных языков и их носителей в процесс анализа и принятия решений на всех уровнях.

Актуальной является и необходимость большего внимания к «лингвистическим особенностям и изменениям среди языковых сообществ, переживающих сдвиг», но ещё сохраняющих компетенции на родных языках [Гренобль 2021: 11–12]. Новые направления изучения/поворота/замедления ЯС представлены в проекте Программы по сохранению и возрождению языков России, разрабатываемой в соответствии с поручением Президента РФ в Институте языкознания РАН под руководством А. А. Кибирика.

Поддержка миноритарных языков в условиях ускорения процессов ЯС получила закрепление в федеральных и региональных законах США и РФ в конце прошлого столетия (см. об этом: Боргоякова, 2018, 2019). Они служат основой для новых законов и программ борьбы с языковым сдвигом с учётом национального и регионально-локального социолингвистического контекста.

Литература

Боргоякова Т. Г. Языки коренных народов США: терминологические и законодательные аспекты // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2018. – № 6. – С. 36–42. DOI 10.20339/PhS.6-18.036.

Боргоякова Т. Г. Витальность коренных народов: критерии измерения и укрепления // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири: материалы III Всероссийской научно-практической конференции (Абакан, 16–17 мая 2019 года) / отв. ред. Т. Г. Боргоякова. – Абакан: Издательство ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2019. – С. 6–11.

Lenore Grenoble. Sociolinguistics and language shift: toward understanding the processes of shift through the prism of speakers // Sociolinguistics. – 2021. – No.2 (6) [online]. – Pp. 9–35. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-2021-2-6-9-35;

Moseley, Christopher. Introduction to UNESCO Interactive Atlas of the World's Languages in Danger. – URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000379853/PDF/379853eng.pdf.multi> (10.02.22).

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-012-00426 «Динамика и перспективы языкового взаимодействия в республиках Южной Сибири»).

*Г. Р. Галиуллина
(Казань, Россия)*

РОДНОЙ ЯЗЫК В СМИ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

Доклад посвящён анализу интервью известных в Республике Татарстан личностей в рамках спецпроекта «Год сохранения языков и народного единства» в интернет-газете «Реальное время». В материалах представлен не только личный опыт авторов, но и поднимаются более глобальные проблемы, связанные с функционированием родных языков в современных условиях.

Ключевые слова: родной язык, средства массовой информации, татарский язык, Год сохранения языков и народного единства в Республике Татарстан.

В общественной и политической жизни жителей Республики Татарстан вопросы, связанные с функционированием и преподаванием родного языка, всегда занимали особое место. Эти проблемы оперативно отражаются в средствах массовой информации, которые оказывают огромное влияние на процесс производства и распространения информации, на взаимоотношения СМИ с аудиторией.

Целью доклада является проведение обзора и частичного контент-анализа интервью известных людей о родных языках в рамках спецпроекта «Год сохранения языков и народного единства» в популярной в республике интернет-газете «Реальное время» (<https://realnoevremya.ru/>).

2021 год в Республике Татарстан был объявлен годом родных языков, в связи с чем в республиканских и местных средствах массовой информации стартовали различные проекты. Цикл интервью, размещённый на сайте анализируемой интернет-газеты, направлен на показ духовного богатства республики и страны, а также затрагивает наиболее актуальные проблемы, касающиеся функционирования родных языков.

Аналізу подвергаются семь интервью публичных людей разной этнической принадлежности, профессии и возраста, в которых раскрываются такие аспекты родного языка, как семейное общение, роль родного языка, в формировании личности, специфика функционирования языков в профессиональной деятельности, а также роль языков в понимании этнической культуры.

В интервью председателя правления РОО «Русское национально-культурное объединение Республики Татарстан», председателя совета МОО «Казанское русское национально-культурное объединение» И. А. Александровской рассматривается

роль семьи в трансляции ценностей духовной культуры, современное состояние русского литературного языка, деятельность национально-культурных объединений в Ассамблее народов Татарстана по сохранению родного языка (<https://realnoevremya.ru/articles/230324-kak-privit-grmotnost-nechitayuschemu-rokoleniyu>).

Особый интерес вызывают интервью о родном языке и культуре с Павлом Александровым, который поёт на удмуртском языке и изучает этнографию родного региона, (<https://realnoevremya.ru/articles/225271-zvezda-udmurtskoy-elektroniki-shoner-paul>), поэтессой Айгель Гайсиной (<https://realnoevremya.ru/articles/224249-intervyu-s-aygel-gaysinoy-duet-aigel>), Пондаш Эдиком, одним из фронтменов этно-панк-группы «У ен» (<https://realnoevremya.ru/articles/225483-intervyu-s-mariyskoy-etno-pank-gruppoju-u-en>) и главным режиссёром Тинчуринского театра Т. Имамутдиновым (<https://realnoevremya.ru/articles/224184-tufan-imamutdinov-o-detstve-v-chelnah-i-zakate-evropy>).

Анализ указанных интервью позволяет представить этапы формирования би- и полилингвальной личности в современных условиях, роль семьи, школы и личности учителя родного языка и литературы в освоении языка.

В интервью молодых людей довольно подробно раскрываются проблемы, связанные с обучением на родных языках в разных аудиториях, указываются отдельные причины неосвоения языка после школьного курса. Кроме этого, материалы показывают функциональный потенциал татарского, удмуртского и марийского языков в условиях глобализации в разных микросоциумах и степень заинтересованности носителей указанных языков к элементам этнической духовной культуры.

*А. Д. Гильметдинова
(Казань, Россия)*

МЕРЫ ПО СОХРАНЕНИЮ И РАЗВИТИЮ РОДНОГО ЯЗЫКА В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН

Сохранение и развитие татарского языка является актуальной задачей для Республики Татарстан (далее – РТ) – многонациональной республики, в

которой родной язык функционирует в условиях глобализации и полилингвизма. Цель данного исследования – анализ реализации мер по сохранению

и развитию родного языка в государственных программах РТ.

В республике реализуются три государственные программы: «Реализация государственной национальной политики в Республике Татарстан на 2014–2023 годы», «Сохранение, изучение и развитие государственных языков Республики Татарстан и других языков в Республике Татарстан на 2014–2022 годы», «Сохранение национальной идентичности татарского народа на 2014–2023 годы». Принята государственная программа «Сохранение, изучение и развитие государственных языков Республики Татарстан и других языков в Республике Татарстан на 2023–2030 годы».

Развитие средств массовой коммуникации меняет контекст языковых процессов, расширяет функциональную сферу языков: на лидирующие позиции выходят языки новых прорывных технологий. На татарском языке создаются такие интерактивные проекты, как локализация современных операционных систем, разработка электронного корпуса татарского языка, виртуальной клавиатуры на татарском языке, словарей для мобильных операционных систем. Разработан и открыт для свободного пользования русско-татарский машинный переводчик «Tatsoft», русско-татарская языковая пара пред-

ставлена в системе профессионального перевода «Smartcat» («Украшаем клетку»...).

По инициативе руководства Республики Татарстан в ноябре 2018 г. осуществлён запуск круглосуточного детского телеканала на татарском языке «ШАЯН ТВ».

В настоящее время в серьёзной проработке нуждается внедрение системы электронного обучения родному языку. С 2013 г. за счёт республиканского бюджета функционирует онлайн-школа дистанционного обучения татарскому языку «Ана теле». Организована работа по формированию регионального контента на платформах «СберКласс», «Открытая школа» по изучению родного татарского языка [Год Марата Готовича ...].

Повышение статуса учителей родных языков, распространение их педагогического опыта – цель Всероссийского конкурса мастер-классов учителей родных языков «Туган тел» и Всероссийского конкурса «Лучший учитель татарского языка и литературы», в которых принимают участие в том числе и учителя из регионов России.

Всё вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что сохранению и развитию родного языка в РТ уделяется значительное внимание.

Литература

«Украшаем клетку»: чего ожидать от комиссии по татарскому языку. – URL: <https://realnoevremya.ru/articles/180275-komissiya-po-razvitiyu-i-sohraneniya-tatarskogo-yazyka-kommentarii-i-prognozy>.

Год Марата Готовича: как власти тихой сапой пытаются спасти татарский язык за 150 миллионов. – URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/51485>.

А. В. Гусейнова
(Абакан, Россия)

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ ЯЗЫКОВЫХ ОБРАЗОВАНИЙ В РЕСПУБЛИКАХ ХАКАСИЯ И АЛТАЙ¹

Согласно исследованиям Ч. Фергюсона, характеристика социолингвистического профиля политического образования включает три функциональных типа языка, которые выделяются в соответствии с его социально-коммуникативной значимостью: крупные языки (*major languages*), малые языки (*minor languages*) и специальные языки (*languages of special status*) [Ferguson 1970: 356]. На основе этой классификации автором был предложен собственный метод описания языковой ситуации, который включает подсчёт количества крупных, малых и специальных языков и их презентацию в виде формулы с использованием условных обозначений. В качестве примера автор приводит формулу $2L_{maj}$

+ $6L_{min} + 1L_{spec}$, которая обозначает, что языковая ситуация на исследуемой территории характеризуется наличием двух крупных языков, шести малых и одного специального [Там же]. Поскольку в фокусе настоящего исследования находятся крупные и малые языки, далее мы сконцентрируемся именно на них, не рассматривая специальные языки, которые, как правило, изучаются как иностранные либо используются на данной территории исключительно в религиозной сфере (например, латинский или тибетский как языки католической и буддийской конфессий соответственно).

Для описания социолингвистического профиля республик Южной Сибири этот метод впервые был

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 20-012-00426 «Динамика и перспективы языкового взаимодействия в республиках Южной Сибири».

использован Т.Г. Боргояковой [Боргоякова 2002], которая произвела подсчёт языковых образований, функционирующих на территории республик Алтай, Тыва и Хакасия, и соотнесла их с коммуникативными сферами, в которых они представлены. Так, интересующий нас фрагмент формулы для Республики Алтай – $2L_{maj} + 1L_{min}$, где крупные с точки зрения равного юридического статуса языки – русский и алтайский, а малый – казахский, не имеющий в республике официального статуса, но используемый в повседневном общении [Там же: 165]. В случае Республики Хакасия формула выглядела как $2L_{maj} + 2L_{min}$, где крупные языки – русский и хакасский, а малые – немецкий и чувашский, используемые в своей нелитературной форме в повседневном общении компактно проживающих этносов [Там же: 166]. Спустя двадцать лет с момента публикации монографии Т.Г. Боргояковой можно констатировать некоторые изменения, которые произошли в языковых ситуациях упомянутых республик. Так, в число малых языков Республики Хакасия дополнительно к немецкому и чувашскому следует включить шорский, поскольку в некоторых населённых пунктах Аскизского и Таштыпского районов республики компактно проживают представители шорского народа, использующие в повседневном общении родной язык. Шорский язык пользуется государственной поддержкой, на минимальном уровне представлен в системе образования,

а потому, на наш взгляд, должен быть включён в число малых языков Республики Хакасия. Что касается языковой ситуации в Республике Алтай, то изменения произошли и там. В 2000 г. Постановлением Правительства Российской Федерации №255 от 24.03.2000 был утверждён Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации, куда вошли такие субэтнические группы, как кумандинцы, теленгиты, тубалары и челканцы [О Едином перечне ...]. Их языки до определённого момента продолжали считаться диалектами алтайского, однако в настоящее время в научной литературе представлено обоснование целесообразности считать их самостоятельными языками, а не диалектами: например, кумандинского [Уртегешев 2012] и челканского [Федина, Широбокова 2019]. Как самостоятельные они представлены и на сайте проекта «Малые языки России» Института языкознания РАН [Малые языки России].

Таким образом, в соответствии с предложенной Ч. Фергюсоном схемой языковая ситуация в Республике Хакасия выглядит как $2L_{maj} + 3L_{min}$, где $3L_{min}$ – немецкий, чувашский и шорский языки, а в Республике Алтай – $2L_{maj} + 5L_{min}$, где $5L_{min}$ – казахский, кумандинский, теленгитский, тубаларский и челканский. Изменения в этих формулах наглядно демонстрируют динамику численности языковых образований в республиках Южной Сибири.

Литература

Боргоякова Т.Г. Социолингвистические процессы в республиках Южной Сибири. – Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2002. – 166 с.

Малые языки России. Проект Института языкознания РАН. – URL: <https://minlang.site/>.

Постановление Правительства Российской Федерации о Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901757631>.

Уртегешев Н.С. Кумандинцы: результаты социолого-лингвистического обследования. – URL: <https://zaimka.ru/urtegeshev-kumandincy/>.

Федина Н.Н., Широбокова Н.Н. Фонетические и морфологические особенности челканского языка. – Новосибирск: Академиздат, 2019. – 188 с.

Ferguson, Ch. A. The role of Arabic in Ethiopia. In Alatis, J. (ed.), Bilingualism and language contact. – Washington DC: Georgetown University Press for the Georgetown University School of Languages and Linguistics, 1970. – Pp. 355–370.

Ч.Б. Донгак
(Кызыл, Россия)

ЯЗЫКОВОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ В РЕСПУБЛИКЕ ТЫВА

В статье рассматриваются возможности языкового планирования, а также перспективы использования методов научного прогнозирования в области языковой политики регионов России на примере Республики Тыва. Предложен анализ содержания государственных программ Республики Тыва на период до 2024 г. по развитию официального билингвизма в республике.

Ключевые слова: языковое планирование, языковое строительство, языковая политика, языковое прогнозирование, Республика Тыва.

Языковая сфера является одной из наиболее политизированных областей в обществе, а одной из основных задач социолингвистики является изучение проблем языковых контактов в условиях

лингвокультурного плюрализма. Поэтому проблема поиска новых подходов и инструментов в исследовании языковой политики, особенно в условиях такого крупного многонационального государства,

как Российская Федерация, является актуальной. Осмыслению важности научного прогнозирования и его анализу применительно к общественным процессам посвящены исследования в разных областях знания – истории, политологии, социологии, экономики, этнологии и др. Поскольку взаимодействие языка и общества является неотделимым, то рассмотрение вопросов прогнозирования в языковой политике и языковом планировании вполне может стать перспективным направлением для исследований в разрезе социолингвистики.

Понятие социолингвистического прогнозирования носит несколько абстрактный характер в связи с неразработанностью терминологического аппарата и неопределённостью инструментария. Тем не менее идеи планирования и прогнозирования выражены в трудах советских социолингвистов, хотя в несколько иных формулировках. Понятию «языковое планирование» советские учёные предпочитали термин «языковое строительство», подразумевая способность общества осуществлять активное вмешательство в развитие языков вплоть до воздействия на саму их структуру, результатом которого являются нормированные литературные языки [Исаев 1968; Никольский 1968; Дешериев 1966 и др.]. В своей работе 1970 г. Л.Б. Никольский определяет, что языковое планирование «имплицитно прогнозирует дальнейшее развитие языков» [цит. по: Биткеева, Вингендер, Михальченко 2019: 7]. В.А. Аврорин писал об общественном управлении языковой ситуацией на глобальном уровне. С другой стороны, он не исключал стихийное развитие языков в странах, «отставших в своём социальном развитии» [Аврорин 1975: 157], подчёркивая зависимость возможности управления языковой ситуацией от уровня социального развития общества. В то время учёный предвидел бурное развитие национальных языков и прогнозировал дальнейшее их развитие на будущее. Причины отмирания некоторых языков малых народов, например, алеутского и ительменского, он видел не в советских условиях, а считал, что процесс этот начался ещё задолго до 1918 г. [Там же].

Создание более пятидесяти письменностей, а также совершенствование структуры существующих письменных языков стало самым масштабным опытом языкового строительства и языкового планирования в истории человечества. Естественно, этот уникальный опыт оценивается положительно. Так, по мнению В.Ю. Михальченко, в основе языкового планирования должны лежать принципы научного прогнозирования, применявшиеся в процессе языкового строительства в СССР [Михальченко].

Действительно, создание и введение в 1930 г. национальной тувинской письменности стало сильнейшим стимулом для функционального развития тувинского языка и создания его литературного варианта. На тот момент тувинский являлся единствен-

ным коммуникативно и функционально мощным в языковом пространстве Тувы. О его высоком статусе свидетельствует Постановление Совета Министров Тувинской Аратской Республики от 23 апреля 1935 г. «Об обязательном изучении государственного тувинского языка сотрудниками хозяйственных органов и общественных организаций», согласно которому на изучение тувинского языка выделялось три часа в неделю. Всестороннее расширение общественных функций тувинского языка продолжалось до момента вхождения Тувы в состав СССР в 1944 г. Отмечается, что с этого момента постепенно начали усиливаться позиции русского языка. Однако и в советский период тувинский язык оставался основным средством коммуникации среди тувинцев, проживающих в сельской местности. Ч.С. Цыбенова в своей монографии приводит данные социолингвистического опроса, проведённого в 1967 г. Институтом истории, филологии и философии СО АН СССР, которые показали, что около 90% сельского населения предпочитало общаться на родном языке в самых различных сферах жизни: личной, общественной, трудовой, также им понятнее было читать литературу, смотреть театральные постановки на тувинском языке [Цыбенова 2017: 19–23]. 70-е гг. XX в. характеризуются началом дистрибуции функций тувинского и русского языков по различным коммуникативным сферам, устанавливается несбалансированный билингвизм. Тувинский язык становится менее престижным в связи с тем, что многие родители считают, что ключом к высшему образованию является русский язык. В 1980-е гг. советская языковая политика велась непоследовательно и привела к противоречиям [Алпатов 2014]. С распадом СССР происходит всплеск национального самосознания в республиках. В.М. Алпатов считает, что в России единой продуманной политики как не было на тот момент, так и по-прежнему нет: «Сколько-нибудь ясные цели не ставятся, а выработка политики целиком передана от центра к регионам, где ведётся по-разному: где-то проявляется местный национализм, где-то излишняя русификация» [Там же: 20]. Всё это коснулось и Республики Тыва. Таким образом, о каком-то чётком языковом планировании не только в Туве, но и в России в 1980–1990-е гг. говорить не приходится.

На современном этапе учёными отмечается заметный языковой сдвиг, который объясняется сужением сфер функционирования демографически мощного тувинского языка, особенно среди молодёжи [Боргоякова, Биткеева 2020; Арефьев, Бахтикиреева, Синячкин 2021]. Меры по стабилизации языковой ситуации в Туве за счёт развития сбалансированного русско-тувинского двуязычия принимались и принимаются на сегодняшний день. Однако они носят несколько стихийный характер. С 2008 г. в республике проводилась языковая

политика, направленная в основном на укрепление позиций русского языка, о чём свидетельствует принятие программ – сначала республиканской («Русский язык в Республике Тыва на 2008–2010 годы»), а затем государственной («Развитие русского языка на 2014–2018 годы»), также создание центров по развитию русского языка, комиссий, утверждение должности инспектора по русскому языку и проведение других мероприятий. В 2017 г. принимается государственная программа «Развитие тувинского языка на 2017–2020 годы» и реализуется параллельно с госпрограммой по развитию русского языка, действие которой также продлевается до 2020 г. Таким образом, государственные языки РТ поддерживаются, ведь, с одной стороны, существует проблема недостаточного владения русским языком сельскими жителями, а с другой – наблюдается языковой сдвиг и сужение функций тувинского языка в городе среди этнических тувинцев. Опыт ведения двух параллельных линий действий в области развития государственных языков РТ при отсутствии согласованности между ними, скорее всего, позволил осознать необходимость языкового планирования – в данный момент идёт реализация государственной программы «Развитие государственных языков Республики Тыва на 2021–2024 годы» (далее – Программа), которая учитывает как проблемы русского языка, так и вопросы функционирования тувинского языка и нацелена на развитие языков РТ в условиях сбалансированного двуязычия. Правда, в отсутствие видения желаемой (или нежелаемой) в долгосрочном будущем языковой ситуации сложно будет сдерживать негативные процессы, т. е. важно не только реагировать на существующие проблемы, но также уделить внимание процессу планирования.

Возможно применение подхода факторной модели сценария языковой политики, подразумевающего рассмотрение комплекса параметров эффективности языковой политики: во-первых, учёта таких общенаучных параметров, как системность, комплексность, адекватность; во-вторых, других параметров, связанных с языковой ситуацией (историчность, многоязычие и демократичность) [Биткеева, Вингендер 2020].

На особенность развития регионального билингвизма, по мнению Т.Г. Боргояковой, влияют

такие условия, как длительность контактирования этнического языка с русским, этнодемографические и коммуникативные характеристики [Боргоякова, Гусейнова 2017: 83]. Позднее условия были дополнены и представлены в виде метода параметрического анализа (применительно к языковой ситуации): кроме демографической и коммуникативной мощности, предлагается рассмотреть комплекс таких параметров, как тип расселения, степень компактности проживания этнической группы, языковая компетенция, символическая мощность языка и конфессиональные характеристики этнической группы [Биткеева, Вингендер, Михальченко 2019].

В отношении тувинского языка в целом можно охарактеризовать такие благоприятные параметры, как демографическая мощность, компактный тип расселения, возможно, конфессиональные характеристики (большая часть тувинского населения исповедует буддизм), и в то же время невозможно однозначно оценить коммуникативную мощность, языковую компетенцию и символическую мощность по всей территории республики ввиду неоднородности условий.

Рассматривая языковое планирование как совокупность трёх компонентов, а именно статусного и корпусного планирования, а также планирования освоения языком в трёх регионах России (республиках Тыва, Калмыкия и Карелия), С. Кириленко отмечает более высокий уровень статусного планирования тувинского языка по сравнению с калмыцким и карельским языками. Однако справедливо замечено, что планирование корпуса тувинского языка находится всё ещё на стадии становления (данный пункт входит в перечень задач принятой в 2020 г. программы). Кроме того, существует проблема снижения лояльности к этническому языку жителей Тувы, т. е. престижного планирования [Кириленко 2021], потому что сужение сфер употребления тувинского языка привело к языковому сдвигу.

Условием успешного языкового планирования является сознательное воздействие на язык, опирающееся на результаты тщательного анализа результатов и перспектив развития языковой ситуации и рассмотрение её динамики в виде различных прогностических моделей, т. е. необходимо грамотное стратегическое планирование в этой области.

Литература

Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка (к вопросу о предмете социолингвистики). – Ленинград: Издательство «Наука», Ленинградское отделение, 1975. – 275 с.

Алпатов В. М. Языковая политика в современном мире / В. М. Алпатов // Научный диалог. – 2013. – № 5(17): Филология. – С. 8–28.

Арефьев А. Л., Бахтиреева У. М., Синячкин В. П. Проблемы билингвизма в системе школьного языкового

образования Республики Тыва // Новые исследования Тувы. – 2021. – № 1. – С. 255–272. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.1.14>.

Биткеева А. Н., Вингендер М. Сценарии в языковой политике России: вопросы концепции и методологии // Социолингвистика. – 2020. – № 1. – С. 34–53.

Биткеева А. Н., Вингендер М., Михальченко В. Ю. Прогнозирование и языковое многообразие в Российской Федерации: социолингвистический аспект // Вестник

Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18. – № 3. – С. 6–23. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.1>.

Боргоякова Т.Г., Гусейнова А.В. Статус и функционирование тюркских языков Южной Сибири. – Абакан: Издательство ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова», 2017. – 136 с.

Боргоякова Т.Г., Биткеева А.Н. Тувинский язык в правовом и функциональном измерении // Новые исследования Тувы. – 2020. – № 1. – URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/914> (дата обращения: 10.03.2022). DOI: 10.25178/nit.2020.1.4.

Дешериев Ю.Д. Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе. – М., 1966. – С. 90–98.

Исаев М.И. Языковое строительство как один из важнейших экстралингвистических факторов развития языка // Язык и общество. – 1968. – С. 81–99.

Кириленко С.В. Трёхкомпонентная система языкового планирования (на материале тувинского, калмыцкого и карельского языков) // Научный диалог. – 2021. – № 4. – С. 97–111. DOI 10.24224/2227-1295-2021-4-97-111.

Михальченко В.Ю. Сложные социолингвистические проблемы Российской Федерации и возможности их решения // Мир науки, культуры, образования. – 2021. – № 5(90). – С. 354–357. DOI: 10.24412/1991-5497-2021-590-354-357.

Никольский Л.Б. Языковая политика как форма сознательного воздействия общества на языковое развитие // Язык и общество. – 1968. – С. 111.

Цыбенова Ч.С. Современная языковая ситуация в Республике Тыва: социолингвистический аспект. Монография / отв. ред. Г.А. Дырхеева. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2017. – 170 с.

*Л. С. Заморщикова
(Якутск, Россия)*

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКОЛОГИЯ ЯЗЫКОВ КОРЕННЫХ НАРОДОВ АРКТИКИ¹ (опыт международной научной коллаборации)

Лингвистическая экология получила своё начало как научное направление в 1970 г. с доклада американского лингвиста Эйнара Хаугена «Экология языка», в котором он определил её как науку о взаимоотношениях между языком и его окружением, где под окружением языка понимается общество, использующее язык как один из своих кодов (Haugen, 1972).

В настоящее время лингвистическая экология широко развивается как в зарубежной, так и в отечественной науке и связана с изучением факторов, влияющих на функционирование и развитие языков, поиском путей и способов их сохранения. Лингвистическая экология предполагает включение в предмет изучения не только деградационных процессов, но и процессов положительного развития языка, а также сохранения и развития национального языкового сознания, языковой идентичности. Благополучное состояние родного языка рассматривается как важный индикатор благополучия общества, поскольку язык не только отражает, но и формирует мышление, регулирует поведение, межличностные и межэтнические отношения, является универсальным инструментом управления, воспитания, развития и т. д.

Связь между благосостоянием общества и использованием языка не лежит в простой корреляции, т. е. регулярное использование языка не приводит напрямую к повышению благосостояния общества.

Язык воздействует на благосостояние в результате очень сложных взаимодействий в сообществе. Языковой сдвиг, утери, вплоть до исчезновения языков, зависят от многих сложных причин, происходящих в современном мире. Это ведёт к значительной реструктуризации языкового ландшафта, серьёзной утрате языкового и культурного многообразия. Важно оценить и определить основные причины языкового сдвига и способы их устранения. Ключом к успешному изменению языкового сдвига является создание языковой среды, сохраняющей те элементы исторической структуры, которые являются центральными для конкретной культуры языковой общности, но в то же время являются гибкими и адаптируемыми к изменяющемуся миру (Grenoble, 2015). На основе наблюдений за языковыми сдвигами в сообществах, где язык находится под угрозой исчезновения, Гренобль и Уэйли (Grenoble, Whaley) предлагают рассматривать язык как показатель благосостояния общества.

К изменениям социальной среды непосредственно относятся миграции, урбанизация, промышленное освоение территорий, изменение окружающего природного ландшафта, которые оказывают воздействие на языки и культуры в первую очередь немногочисленных коренных народов, проживающих в арктической зоне Российской Федерации.

В рамках реализации проекта «Сохранение языкового и культурного многообразия и устойчивое

¹ Исследование выполнено в рамках научного проекта «Сохранение языкового и культурного многообразия и устойчивое развитие Арктики и Субарктики Российской Федерации» (грант Правительства РФ, соглашение № 075-15-2021-616).

развитие Арктики и Субарктики Российской Федерации» в Северо-Восточном федеральном университете имени М.К. Аммосова создана международная научно-исследовательская лаборатория «Лингвистическая экология Арктики» под научным руководством профессора университета Чикаго Лены Гренобль.

Международная научная коллаборация решает комплекс научных проблем, связанных не только с исследованием языков Арктики и Субарктики РФ, их состояния и функционирования в условиях

активных этноязыковых контактов, глобализации и цифровизации, но также задачи широкого социогуманитарного характера, направленные на изучение современных процессов взаимодействия человека, природы и культуры. Планируется графическая локализация через ГИС-картографирование состояния, изменений границ языковых ареалов вследствие изменения климата, промышленного освоения, трансформации традиционного уклада, миграции, урбанизации и т. д.

Н. И. Иванова
(Якутск, Россия)

КОМПЛЕКСНОЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЯЗЫКОВОЙ НЕОДНОРОДНОСТИ: ЭТНОСОЦИОПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ

Представляем системный мониторинговый подход, предполагающий комплексное исследование этносоциолингвистических, лингвистических, психолингвистических особенностей языковой ситуации с позиции одного языка в общем контексте этноязыковых процессов при учёте развивающихся в ней динамических тенденций. Новая концепция изучения языковой ситуации разработана в результате макросоциолингвистического и микросоциолингвистического анализа обширного эмпирического материала функционирования якутского языка и якутско-русского двуязычия в Республике Саха и коммуникативного сознания носителей якутского языка.

Теоретико-методологической базой исследования послужили фундаментальные труды социолингвистов: Е.Д. Поливанова, В.А. Аврорина, А.Д. Швейцера, В.Ю. Михальченко, В.М. Алпатова, В.А. Виноградова, А.Н. Баскакова, Л.Л. Аюповой, Г.А. Дырхеевой; Т.Г. Боргояковой, С.И. Тресковой; И.А. Стернина, З.Д. Поповой, Э.В. Хилхановой; А.К. Михальской, А.П. Сковородникова, С.С. Аверинцева. Этносоциолингвистическая проблематика исследования предполагает принять во внимание позиции, сложившиеся в этнологии, этносоциологии, вследствие чего при формулировке гипотезы исследования и интерпретации причинно-следственных связей опираемся на разработки Л.М. Дробижевой, М.Н. Губогло. Метаязык описания базируется на терминологической традиции, разработанной социолингвистами ИЯ РАН и представленной в Словаре социолингвистических терминов под редакцией В.Ю. Михальченко (2006).

На этносоциолингвистическом уровне обеспечено макросоциолингвистическое изучение языковой ситуации по данным массовых социолингвистиче-

ских опросов носителей языка саха в динамике, при этом параметры корреляции весьма разнообразны: языковая компетенция, возраст, степень урбанизированности, языковая самоидентификация, уровень доходов и т. д. Позиция автора, состоящая в детальном исследовании языковой ситуации в отдельном субъекте РФ с позиции одного определённого языка, предполагает при анализе использовать этнический критерий отбора локализации опросов: моноэтничные (в основном сёла); полиэтничные (города, промышленные посёлки); этноконтактные зоны (с представителями других коренных малочисленных народов республики в арктической зоне (сёла, посёлки). Основной рабочий инструмент на данном уровне – достаточно объёмная анкета, в которой совмещены функциональный, социальный, эстимационный блоки. Основная задача на лингвистическом уровне – выявление языковой компетенции, которая устанавливается по данным самооценки 7 уровней владения языком. Устанавливаемая шкала адекватно отражает динамику активных и пассивных речевых навыков. На психолингвистическом уровне коммуникативным сознанием носителей языка фиксируется восприятие, оценка этнического языка и других языков посредством направленного ассоциативного эксперимента (НАЭ). Совместно с другими социолингвистическими корреляциями метод показал целесообразность его использования в разработке сценариев языковой ситуации, лингвистического прогнозирования. Также для якутского языка достаточно продуктивным оказалось выявление современного риторического идеала, который интересно рассмотреть в динамике, а также его трансформацию в условиях урбанизированности. Смежность исследовательского поля, метод триангуляции, комбинирующий количественные (соци-

лингвистические опросы) и качественные (НАЭ) процедуры, расширяют возможности получения репрезентативных результатов. Итоги НАЭ также экстраполируются на область исследования языковой компетенции, этноязыковой идентичности и национально-языковых отношений.

Основным методологическим принципом данной концепции является признание равноправия и равноценности каждого этноса в вопросах духовного развития.

*М. Я. Каплунова
(Москва, Россия)*

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДИНАМИКИ ЯЗЫКОВОГО СДВИГА НА ПРИМЕРЕ ТУВИНСКОГО И ТАЗОВСКОГО ЯЗЫКОВ

Языковой сдвиг, подразумевающий процесс постепенного прекращения пользования языковым сообществом своим родным языком в пользу более престижного идиома, является показателем снижения лояльности языкового сообщества к своему языку, а также тревожным сигналом для дальнейших перспектив функционирования данного языка. В наиболее общем виде можно выделить три основные стадии языкового сдвига: начальную, среднюю и терминальную, при которой положение ассимилированного языка становится критическим. В качестве примеров начальной и терминальной стадий сдвига среди языков Российской Федерации в сторону общегосударственного русского языка нами был рассмотрен языковой сдвиг среди тувинского населения Республики Тыва и тазовского населения с. Михайловки Приморского края.

Языковая ситуация в Республике Тыва традиционно определяется софункционированием тувинского языка титульной нации и общегосударственного русского языка как языка межнационального общения в регионе. При этом, несмотря на очевидное численное преимущество тувинцев (более 80% населения Тувы), за последнее десятилетие в республике отмечается устойчивый языковой сдвиг в сторону русского языка. Социолингвисты отмечают активизацию стратегии символизации языка на фоне снижения его фактического применения [Дырхеева, Цыбенкова 2020].

Проведённые в июле 2021 г. социолингвистические обследования в Республике Тыва выявили интенсификацию процесса языкового сдвига, особенно в городской среде. Большинство информантов выразили глубокую озабоченность низким уровнем функционального развития тувинского языка в регионе; массовым переходом тувинцев на русский язык, что особенно наглядно проявляется в низком или нулевом уровне владения тувинским языком среди дошкольников или младших школьников; снижением уровня грамотности среди носителей тувинского языка. Недостаточная функциональная развитость

тувинского языка в сфере интернет-коммуникации по сравнению с русским языком, а также исчезновение национальных школ, в которых тувинский язык являлся не только предметом, но и средством обучения, негативно сказались на престиже данного языка среди современных тувинцев.

Тазовский язык метисной группы аборигенного населения Приморья, сформировавшейся к 1880-м гг., в настоящее время обладающий статусом языка коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, изначально функционировал лишь на уровне семейно-бытового общения. Отсутствие языка в сфере образования в условиях сосуществования с русским этносом, низкий престиж тазовского языка среди местного населения постепенно привели его к ассимиляции.

В ходе экспедиции в с. Михайловку в апреле – мае 2021 г. удалось выяснить, что старшее поколение, для которого тазовский язык в детстве служил единственным средством общения, сохранило лишь обрывочные воспоминания о нём, среднее поколение в большинстве случаев совсем не владеет языком тазов, а те, кто когда-либо владел, в настоящее время отказываются говорить на нём, проявляя языковой нигилизм [Биткеева, Каплунова 2021: 70]. В результате на сегодняшний день тазовский язык выполняет лишь символическую функцию, а этническая идентичность тазов поддерживается скорее экономическими соображениями (возможность ведения промысловой деятельности), нежели этнокультурными.

Таким образом, в отличие от тазовского языка с прерванной межпоколенческой передачей и полным переходом оставшихся носителей данного языка на русский, тувинский язык, обладая статусом государственного языка Республики Тыва и высокой демографической мощностью, находится лишь на начальной стадии сдвига, которая ещё незаметна для широких масс населения и вместе с тем без принятия соответствующих мер повышает риск перехода на следующую стадию.

Литература

Биткеева А. Н., Каплунова М. Я. Трансформации этноустановок тазов в контексте языковой политики России // Вестник КалмГУ. – 2021. – № 4(52).

Дырхеева Г. А., Цыбенова Ч. С. Языковые установки и языковая лояльность носителей малых языков в условиях

национально-русского двуязычия (на примере бурят и тувинцев) // Новые исследования Тувы. – 2020. – № 1. – URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/905> (дата обращения: 21.01.22.). DOI: 10.25178/nit.2020.1.5.

С. В. Кириленко
(Москва, Россия)

ВЛИЯНИЕ ЯЗЫКОВОГО АКТИВИЗМА НА ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

Важной проблемой в настоящее время стала проблема определения уровня витальности языка и выявления мер, способствующих сохранению его жизнеспособности. Жизнеспособность языка зависит от комбинации факторов: социальная потребность языкового сообщества в языке, восприятие языка говорящими и престижность этого языкового варианта, языковая лояльность, присутствие другого доминирующего языка в официальных сферах общения, а также демографические, географические, институциональные и другие параметры. Одним из важных факторов сохранения жизнеспособности языка может стать деятельность языковых активистов.

Под языковым активизмом понимается совокупность действий говорящих, влияющая на сложившуюся языковую ситуацию с целью расширения функциональной мощности конкретного идиома. Деятельность языковых активистов широка и охватывает значительный круг вопросов, касающихся развития национальных языков: работа над проектами по возрождению языков, повышение уровня информированности людей о ситуации с национальными языками, проведение культурных мероприятий для членов языкового сообщества, организация учебных курсов по изучению языков и их популяризация и т. д.

В октябре 2021 г. в Республике Татарстан проводилось полевое исследование, одной из задач которого было изучение деятельности языковых активистов по расширению коммуникативной мощности татарского языка на территории республики. Материал был получен на основе устных интервью с экспертами, занимающимися языковыми вопросами, и 192 анкетных опросов, проведённых среди жителей г. Казани.

На основе исследованных материалов можно утверждать, что языковая ситуация в РТ в настоящее время стабильная, татарский язык имеет значительную символическую мощь, находится в широком употреблении в неофициальных сферах общения, а также в официальных коммуникативных сферах, хотя и в суженном виде. Поправки

в ФЗ «Об образовании в РФ» 2018 г. не вызывают социальной напряжённости в языковом сообществе, однако, по некоторым оценкам экспертов [Интервью ...], способствуют развитию языкового активизма в республике.

Будущее татарского языка волнует говорящих, и тому есть ряд причин. Говорящие, по субъективным оценкам, утверждают, что двадцать лет назад татарский был в большем употреблении в семейном и дружеском общении [Интервью ...]. Распространение интернета считается фактором, снижающим употребление татарского, в связи с большим количеством сайтов и контента на русском. В интернете можно встретить негативные комментарии к записям на татарском: «Говори нормально, говори на русском» [Интервью ...], это, естественно, не касается татароязычных сайтов. Сожаление вызывает недостаток хорошей, качественной литературы на татарском языке как в печатном виде, так и в интернете. Всё меньше родителей школьников выбирает для изучения татарский в качестве родного, что влияет не только на снижение впоследствии количества говорящих, но и на уменьшение числа желающих пройти обучение по специальности «учитель татарского языка», что впоследствии отразится на количестве учителей. Существуют сообщества родителей, которые выступают за 5-дневную неделю, причём сокращение учебной недели предлагается провести за счёт отказа от изучения татарского языка.

Трудности языковой жизни татароязычных говорящих влияют на развитие языкового активизма в республике. Проекты, в которых принимают участие языковые активисты, связаны в основном со следующими направлениями: изучение татарского языка, развитие билингвального пространства, расширение сфер использования татарского языка [Мухаметзянова 2018: 145–150]. В целом движение по поддержке татарского языка является весьма значительным. Всемирный конгресс татар организует мероприятия в поддержку татарского языка: концерты, конкурсы, фестивали. Ежегодно уже несколько лет проводится акция «Мин татарча сөйләшәм!» («Я говорю по-татарски!»), квест-игра

«Татар-дозор», вручение антипремии «Тяжело с татарским». Активисты «Татар-дозор» проверяют правильность написания надписей, публикаций в интернете на татарском, составляют антирейтинг организаций, использующих или не использующих татарский язык. Популярностью пользуются курсы изучения татарского языка среди татар, которые в детстве не говорили на родном языке. В интернете представлено значительное количество контента на татарском языке, большинство инициатив татаро-

язычных активистов сейчас связаны с их реализацией на интернет-ресурсах (организация обучения для детей и взрослых, проведение игр, конкурсов).

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что сохраняющаяся высокая символическая значимость татарского языка, развитое национальное самосознание и активная деятельность языковых активистов способствуют сохранению и развитию татарского языка.

Литература

Мухаметзянова А. Р. Сохранение и развитие татарского языка глазами татарстанской молодёжи: предложения и проекты // *Oriental Studies*. – 2018. – № 11(2). – С. 144–161.

Полевой материал

Интервью: устные интервью с экспертами по языковой ситуации, записанные в рамках полевого исследова-

ния в Республике Татарстан, проведённого в июне – октябре 2021 г.

А. С. Кызласов
(Абакан, Россия)

О НЕКОТОРЫХ ИТОГАХ ЯЗЫКОВОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ХАКНИИЯЛИ В 2020 году

В статье рассматриваются вопросы полевого исследования диалектов устного хакасского языка. В частности, сделан анализ мотивов сужения языковой среды в местах проживания носителей кызыльского и качинского диалектов. Представлены предварительные итоги анкетирования по некоторым аспектам функционирования хакасского языка в диалектной среде, определены отдельные моменты утраты кызыльцами и качинцами исконных наречий.

Ключевые слова: диалекты хакасского языка, диалектная среда, анкетирование, социопрос, языковая ситуация, функции языка.

Сохранение этнолингвистического многообразия в мире является актуальной проблемой, поскольку в связи с процессами глобализации сужается численность носителей языков меньшинств, народы переходят на языки большинства. Каждый день в мире исчезает какой-то язык или говор. По оценкам ЮНЕСКО, половина из примерно 6 тысяч языков мира могут в ближайшее время потерять последних носителей. Жизнеспособность языков рассчитывается по следующим основным критериям: по числу носителей, передаче языка от поколения к поколению, доступности учебных материалов, отношению к языку внутри общества. По данным критериям в России к категории языков, находящихся под угрозой исчезновения, причисляются 49 языков, в том числе хакасский [Казакевич 2005].

«В условиях угрозы исчезновения языков и диалектов возникает острая необходимость в сборе, накоплении, фиксации языковых данных для выявления их фонетических, лексических, морфологических, синтаксических особенностей» [Сунчугашев, Чебочакова 2013: 381]. Создание фонда накопленных данных в будущем может быть основой для возрождения и дальнейшего изучения утраченного языка или диалекта. Основную часть данных задач

могут решать комплексные лингвистические экспедиции [Языки под угрозой исчезновения].

Изучение хакасского языка и его диалектов во второй половине XIX и начале XX в. связано с именами известного лингвиста и этнографа М. А. Кастрена, выдающихся тюркологов В. В. Радлова, Н. Ф. Катанова, а также В. И. Вербицкого, С. Д. Майнагашева и др.

Планомерное изучение хакасского языка и его диалектов начинается с создания Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (1944). С первых дней открытия института в секторе языка работали: известный тюрколог Ф. Г. Исхаков, к. ф. н. Ц. Д. Номинханов, А. Т. Казанков, к. ф. н. Д. Ф. Патачакова, Н. А. Аткинина. В это время языковедами ХакНИИЯЛИ ведётся большая научно-организационная работа.

Несмотря на подъём хакасоведческой науки в целом, во второй половине XX в. наблюдается процесс сокращения функционирования родного языка. Это связано с индустриализацией и урбанизацией территории. В 1960–1970-е гг. проводится политика ликвидации малых деревень. Переселение в большие посёлки отдаляло людей от традиционного уклада жизни, способствовавшего функциониро-

ванию родного языка. Принятое в 1958 г. в высших эшелонах власти решение о праве родителей выбирать язык преподавания для своих детей привело к резкому сокращению количества национальных школ во всей стране. В обществе утвердилось мнение, что русский язык открывает им все дороги, а национальный язык обособляет от остального мира и годен лишь для бытового общения с окружающими. Языковая политика того времени привела к угрозе исчезновения отдельных языков и диалектов коренных народов Сибири, Дальнего Востока и Севера [Кривоногов 2011: 47–48].

Со времени первых планомерных экспедиций по описанию диалектов и исследованию языковой ситуации в диалектных зонах хакасского языка прошло более полувека. В период глобальных общественно-политических изменений в жизни общества в секторе языка ХакНИИЯЛИ не проводились комплексные лингвистические описания диалектов хакасского языка. За эти годы стала возникать реальная угроза существованию хакасского языка и его диалектов. Сейчас ставится вопрос об их фиксации и описании в ряду наиболее актуальных проблем в хакасоведении и тюркологии в целом.

Цели экспедиции: сбор данных о носителях качинского и кызыльского диалектов хакасского языка; выявление и описание языковой ситуации в районах компактного проживания качинцев и кызыльцев; запись образцов звучащей речи носителей качинского и кызыльского диалектов на электронные носители; комплексный сбор материалов для научного описания современного состояния и особенностей качинского и кызыльского диалектов и создания электронного корпуса данного диалекта.

Во время экспедиции были опрошены информанты, носители кызыльского и качинского диалектов. Собраны ценные материалы в виде звуковых текстов, повествующих об исторических событиях дореволюционного и послереволюционного периода: рассказы о шаманах, хайджи, переселенцах, событиях Гражданской войны в Хакасии, раскулачивании, ссылках, репрессиях, Великой Отечественной войне и др. Записаны фольклорные произведения: песни, тахпахи, легенды, былички. Собрали большой лексический материал качинского и кызыльского диалектов хакасского языка по различным тематическим группам.

Исследования проводились в населённых пунктах Орджоникидзевского района, в которых проживает коренное население: д. Конгарово (Хозаннар аал), д. Кагаево (Хогай аал), с. Устинкино (Наа аал), с. Новомарьясово (Майрастар аал), д. Горюново (Хуруннар аал), с. Сарала (Сыралыҥ Ыўс аал), д. Агаскыр (Ағасхыр аал), с. Июс (Ыўс аал), д. Кобяково (Оспа аал). Также был собран языковой и фольклорный материал у коренных жителей Ширинского района в аале М.-Кобежиков и п. Шира.

Изменения общественно-политического характера затронули как места бывшего компактного проживания качинцев и кызыльцев, так и их самих. Государственная политика 1950–1970-х гг. была направлена на ликвидацию малых сёл, в результате чего в стране происходили активные процессы внутренней миграции. Они коснулись и хакасов, в том числе и носителей диалектов, компактно проживавших в сельской местности. В результате реформ коренные жители малых сёл оказались в меньшинстве в тех населённых пунктах, куда они переселились. Таким образом, они потеряли родную языковую среду и традиционный уклад жизни. Экспедиция 2020 г. выявила, что собрать языковой материал во всех сёлах, где активно работали в 40-х гг. прошлого века учёные ХакНИИЯЛИ, невозможно либо в силу полного обрусения носителей вышеназванных диалектов, либо переезда их в другие, более крупные, обеспеченные рабочими местами населённые пункты (в города Красноярск, Абакан, Черногорск и райцентры), либо упразднения сёл (с. Половинка, Ошколь, улусы Янгулов, Сулеков, Барбаков, д. Гидро и др.).

Собранный нами во время экспедиционных поездок материал был проанализирован с точки зрения особенностей семантики и грамматики. Он может быть использован для обогащения словарного состава современного хакасского литературного языка. В частности, в лексике этого диалекта выявлены собственно кызыльские слова, служащие для называния реалий, которые обозначаются в хакасском литературном языке русизмами. Эти диалектизмы можно ввести в литературный язык для широкого использования. К ним относятся слова *арґамах* ‘рождество’, *эм* ‘наживка, приманка’, *селек* ‘палатка, полог от комаров’, *силес* ‘вилка’, *аныхтар* ‘орудия охоты’, *абра* ‘телега’, *кӱспӱк* ‘зрение’, *халбах* ‘абажур’, *сыра* ‘пиво’, *халтыргаш* ‘кнопка’, *серген* ‘нашивки’, *кайле* ‘жесть’, *ибӱре* ‘круг’ и др. Сейчас можно сказать, что языковеды при работе над созданием норм хакасского литературного языка допустили упущение, ограничившись исключительно данными качинского и сагайского диалектов, не принимая во внимание остальные.

Экспедицией установлено, что в настоящее время свободно владеют родным диалектом только представители старшего поколения, молодое поколение предпочитает использовать русский язык. Возраст информантов, которых нам удалось записать, колеблется от 52 до 90 лет. От них же получена информация о том, что дети и внуки не говорят по-кызыльски и не изучают или не изучали хакасский язык в школе.

В ходе проведения экспедиционных работ выявилось устойчивое противоречие между тем, что люди говорят в отношении своего этнического диалекта, и реальной практикой использования этого

диалекта. И мы видим, что рынок диктует свои правила не только в экономике, но и в выборе языка. Большинство носителей кызыльского и качинского диалектов сегодня позитивно относятся к своему этническому диалекту, родители выражают желание, чтобы их дети говорили на языке предков. В то же время языком, на котором родители говорят сегодня со своими детьми даже в моноэтнических семьях, за редким исключением оказывается русский. Если знание этнического языка рассматривается как желательное, знание русского языка считается обязательным. И именно это знание родители стараются дать своим детям, чтобы облегчить им учёбу в школе.

В целом языковая ситуация (в кызыльском и качинском диалектах) в Ширинском и Орджоникидзевском районах Республики Хакасия является результатом действия двух основных факторов. Первый – активное воздействие русского языка, связанное с притоком приезжего населения и распространением средств массовой информации, в особенности телевидения на русском языке, с переводом преподавания в школах на русский язык, с демографической ситуацией и обилием смешанных браков. Второй – ослабление позиций родных языков вследствие разрушения традиционных языковых коллективов при «укрупнении» посёлков, изменение традиционных форм хозяйствования, неэффективность работы национальной школы, нарушение внутрисемейного языкового общения.

По сравнению с кызыльским диалектом качинский диалект находится в лучшем положении в том смысле, что дети качинцев в основном изучают хакасский язык в школе. И есть надежда, что они, обучаясь в школе, в дальнейшем не забудут эти уроки хакасского языка. Будут знать родной язык, когда станут взрослыми.

Представим основные фонетические особенности качинского и кызыльского диалектов хакасского языка.

I. Качинский диалект.

В области согласных:

1) наличие согласных *ч* во всех позициях в слове, например: *чегедек* ‘безрукавка’ (вм. лит. *сигедек*), *пычарга* ‘кроить, делать выкройку’ (вм. лит. *пызарга*). Как отмечает Д. Ф. Патачакова, чередование *с – ч* происходит в тех словах, где *с* восходит к древнему *ч*, т. е. при определённых фонетических условиях в качинском диалекте восстанавливается древний *ч* [Патачакова 1992: 11–13];

2) наличие в некоторых словах начального звонкого *б* вместо глухого *п* в литературном языке;

3) в единичных случаях можно наблюдать соответствие *г – ң*.

В области гласных:

1) слабовыраженная губная гармония в многосложных словах, например: *чүчтүгүтүг* ‘с перстнем’ (вм. саг. *чүстүкмиг*);

2) образование долгих гласных в словах, оканчивающихся на *х, г/к* при присоединении аффиксов, начинающихся с гласного, например: *маймаам* ‘моя обувь’ (вм. лит. *маймагым*);

3) употребление долгих гласных и в основе, и в аффиксах слов, например: *ээмек* ‘кольцо из проволоки для изготовления серёжек’ (вм. лит. *эмек*).

Как отмечает Д. Ф. Патачакова, «в отличие от аффиксальных, образование долгих гласных основы прослеживается лишь путём сопоставления хакасских слов с древнетюркскими, монгольскими, а также со словами других современных тюркских языков» [Патачакова 1992: 14–18]. Например, современное качинское *сиир* ‘сухожилие’ в древнетюркском имело форму *сиңир*, слово *ээмек* при сопоставлении в монгольском языке имело форму *егемек*.

II. Кызыльский диалект.

1) наличие согласных фонем *ш/ж* и *щ* в корневых словах вместо *с/з* в литературном языке, например: *шекпен* ‘национальное летнее пальто из тонкого сукна’ (вм. лит. *сикпен*);

2) переход *и* в *е* (э), например: *эдек* ‘подол, пола одежды’ (вм. лит. *идек*).

При создании хакасского литературного языка за основу был взят качинский диалект. Этот выбор был связан с доминирующим положением качинцев в среде интеллигенции во время появления в 1926 г. хакасской письменности. Однако на сегодняшний день произошли изменения в соотношении носителей диалектов хакасского языка. Как отмечает В. Г. Карпов, «...сегодня созрела необходимость изменения диалектной базы хакасского литературного языка. Суть корректировки должна заключаться в более смелом использовании в письменной и устной формах литературного языка, лексики и грамматики сагайского диалекта. Это приблизит литературный язык к разговорному языку сагайцев, составляющих сегодня абсолютное большинство хакасов» [Карпов 2008: 85]. На сегодняшний день соотношение численности хакасских субэтносов складывается в пользу сагайцев, которые в количественном соотношении превосходят все остальные субэтноты, вместе взятые. Следует также отметить, что среди качинцев и кызыльцев наблюдается самый высокий процент не владеющих родным хакасским языком и считающих родным русский язык: «...за прошедшие десятилетия XX в. качинцы более интенсивно подвергались языковой ассимиляции с русскими и в большом количестве выезжали за пределы Хакасии, что привело как к численному сокращению представителей качинского диалекта, так и говорящих

среди качинцев. Поэтому в настоящее время идёт стихийный процесс сагаизации хакасского литературного языка» [Карпов 2008: 83].

В ходе достижения экспедиционной цели решались следующие задачи: фиксация языковых материалов качинского и кызыльского диалектов и проведение анкетирования по выяснению языковой ситуации в сёлах компактного проживания носителей вышеназванных диалектов.

Социолингвистическое анкетирование по выявлению языковой ситуации проводилось в основном путём опроса, фиксация языковых материалов – путём записи разговорной речи на электронные носители в непринуждённой беседе, при связном рассказе о каких-либо событиях, при рассказывании биографии, а также произведений устного народного творчества. Языковой материал в настоящее время находится в обработке, происходит его перевод в текстовый редактор, затем будет произведён его анализ при помощи специальных лингвистических методов.

В ходе проведённой экспедиции научными сотрудниками сектора языка Хакасского НИИЯЛИ было опрошено более 30 информантов, владеющих качинским и кызыльским диалектами хакасского языка (в возрасте от 30 до 90 лет).

Самые пожилые информанты зафиксированы в с. Сарала Орджоникидзевского района – Анна Трофимовна Тайдонова (Янгулова), 1929 г. р., в д. Кагаево Орджоникидзевского района – Анна Павловна Конгарова (Додонкова), 1936 г. р., в с. Июс Орджони-

кидзевского района – Валентина Павловна Сабурова (Котюшева), 1935 г. р.

От них записана разговорная речь на качинском и кызыльском диалектах хакасского языка: рассказы о быте семьи, воспоминания о родственниках, об истории рода и т. д. В Орджоникидзевском районе было записано много рассказов о хайджи – сказителях хакасских героических эпосов. На сегодняшний день в исследуемых районах не осталось живых носителей этого жанра хакасского фольклора. Экспедиция 2020 г. в северные районы Хакасии показала, что там на сегодняшний день проживают люди, бывшие очевидцами исполнения алыптыг нымахов.

Основной целью социолингвистического анкетирования было выявление языковой ситуации в сёлах компактного проживания носителей вышеназванных диалектов. Анкетиремым респондентам предлагалось ответить на ряд вопросов. Представим основные из них: знаете ли Вы хакасский язык? знают ли ваши дети хакасский язык? какой язык вы считаете «родным» для себя? хотели ли бы, чтобы ваши дети изучали хакасский язык? на каком языке вы общаетесь на работе с коллегами? на каком языке вы общаетесь в кругу родных, друзей, соседей? на каком языке вы общаетесь в общественных местах, магазине? к какой национальности вы себя относите? ваши дети изучают хакасский язык? на каком языке вы чаще всего общались в детстве? и т. д.

Данные, полученные в результате анкетирования респондентов – носителей качинского и кызыльского диалектов, представлены в таблицах.

Таблица 1

Знаете ли Вы хакасский язык?

Варианты ответа	Число ответивших	Проценты
Очень хорошо знаю хакасский язык	10	36 %
Не очень хорошо знаю хакасский язык	10	36 %
Плохо знаю хакасский язык	4	14 %
Не знаю хакасский язык	4	14 %

Таблица 2

На каком языке Вы общались в детстве?

Варианты ответа	Число ответивших	Проценты
На хакасском языке	13	46 %
На русском языке	11	39 %
И на хакасском, и на русском языках	3	11 %
Затрудняюсь ответить	1	4 %

Таблица 3

Изучали ли Вы хакасский язык?

Варианты ответа	Число ответивших	Проценты
Да, изучал в начальной школе	12	33 %
Да, изучал в основной школе	9	25 %

Да, изучал в училище, колледже, техникуме, институте, университете и т. д.	3	8 %
Да, изучал на курсах хакасского языка (в том числе платно)	1	3 %
Нет, не изучал	10	28 %
Затрудняюсь ответить	1	3 %

Таблица 4

Ваши родители владеют (владели) хакасским языком?

Варианты ответа	Число ответивших	Проценты
Да, оба родителя знают (знали) хакасский язык	21	75 %
Хакасский язык знает (знал) только один из родителей	2	7 %
Нет, мои родители не знают (не знали) хакасский язык	3	11 %
Затрудняюсь ответить	2	7 %

Таблица 5

Ваши дети владеют хакасским языком?

Варианты ответа	Число ответивших	Проценты
Да, свободно говорят, пишут, читают	2	7 %
Могут изъясняться на бытовом уровне	5	18 %
Понимают, но не разговаривают	10	36 %
Нет, мои дети не знают хакасский язык	5	18 %
Нет детей	4	14 %
Затрудняюсь ответить	2	7 %

Таблица 6

Хотели бы, чтобы ваши дети знали хакасский язык?

Варианты ответа	Число ответивших	Проценты
Да, очень хотел бы	11	52 %
Было бы хорошо, если бы мои дети выучили хакасский язык	4	19 %
Если не выучат – ничего страшного	4	19 %
Нет, не хотел бы	2	10 %

Предшествующая экспедиция в северные районы Республики Хакасия была проведена в 2019 г. Представим основные выводы предыдущей экспедиции: «...Около 96,4% опрошенных нами качинцев заявили, что родным языком для них является хакасский. 3,6% респондентов считают родным хакасский и русский языки. Уровень владения родным языком выразился в следующих цифрах: 96,4% респондентов свободно разговаривают на родном языке (представители первой и второй групп); 3,6% говорят на родном диалекте, но не могут писать и читать» [Абдина, Белоглазов 2020: 336].

В заключение следует сказать, что «сейчас, проживая в Хакасии, на земле предков, можно "забыть" свой родной язык только по собственной воле, отказавшись от его использования в своей жизни, в семье, обеднив, таким образом, на ту долю мудрости

и духовности, которая заключена в языке предков» [Карпов 2008: 34].

В настоящее время самой актуальной задачей для исследователей хакасского языка является фиксация данных диалектов, необходимо продолжение работ по записи на электронные носители как можно большего объёма материала у представителей старшего поколения. Для этого крайне необходимо выезжать в сёла и работать на местах с информантами. Собранные исследователями комплексные материалы могут быть использованы как один из важнейших источников по истории формирования хакасского языка, пополнения базы современного литературного языка диалектизмами в условиях современных общественно-политических преобразований. Научная обработка собранных записей звучащей речи позволит ввести в тюркологию ценную информацию по диалектам хакасского языка.

Литература

- Абдина Р.П., Белоглазов П.Е., Каскаракова З.Е., Кызласов А.С., Субракова В.В. Современное состояние качинского и кызыльского диалектов хакасского языка (отчёт научной экспедиции сектора языка ХакНИИЯЛИ за 2019 г.) // Мир науки, культуры, образования. Научный журнал. – 2020. – № 2(81). – С. 439–443.
- Казакевич О.А. Функционирование языков коренных малочисленных народов на территории Ямало-Ненецкого АО, Туруханского р-на Красноярского края и Эвенкийского АО // Материалы круглого стола. – URL: www.lingsib.iea.ras.ru.
- Карпов В.Г. Этносоциальный аспект образования: проблема хакасского литературного языка на современном этапе // Карпов В.Г. К 80-летию со дня рождения и 60-летию научно-педагогической деятельности / сост. И.П. Амзаракова, В.В. Миндибекова; отв. ред. Т.Г. Боргоякова. – Абакан: Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2007. – 144 с.
- Карпов В.Г. Прошлое, настоящее и будущее хакасского языка. – Абакан: Хакасское книжное издательство, 2008. – 36 с.
- Кривоногов В.П. Хакасы в начале XXI века: современные этнические процессы. – Абакан: Хакасское книжное издательство, 2011. – 252 с.
- Патачакова Д.Ф. О роли диалектов в формировании национальных особенностей хакасского языка // Хакасская диалектология. – Абакан: Хакасское книжное издательство, 1992. – С. 14–18.
- Сунчугашев Р.Д., Чебочакова И.М. Кызыльский диалект хакасского языка: современное состояние // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 6(43). – С. 381–381.
- Полевые материалы языковой экспедиции ХакНИИЯЛИ в 2020 году.
- Языки под угрозой исчезновения // Endangered languages. – URL: <http://www.Languagetutoring.co.uk/EndangeredLanguages.html>.

М. И. Кысылбаикова
(Якутск, Россия)

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЯЗЫКОВОГО РАЗНООБРАЗИЯ¹ (на примере долганского языка)

В условиях урбанизации и глобализации сохранение исчезающих языков и культуры является обязательным и необходимым процессом. Одним из языков, входящих в эту группу, является долганский. Долганский язык распространён в восточной и центральной частях Таймыра – в посёлках, расположенных по рекам Хатанга и Хета, а также в районе г. Дудинка Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального района Красноярского края [Убрятова 1985: 37]. В середине XX в. долганский диалект якутского языка большинством исследователей стал считаться отдельным языком, находящимся в близкородственных отношениях с якутским языком [Язык и общество 2016: 43].

На долганском языке также говорят жители населённых пунктов Саскылах и Юрюнг-Хая Анабарского национального улуса Республики Саха (Якутия), где в августе 2021 г. была организована полевая экспедиция в рамках реализации научного проекта «Сохранение языкового и культурного многообразия и устойчивое развитие Арктики и Субарктики Российской Федерации», поддержанного мегагрантом Правительства Российской Федерации.

С целью представления социолингвистической ситуации долганского языка, а также уровня функционирования якутского языка был проведён социолингвистический опрос населения разных возрастов и национальностей, лингвистический эксперимент и

интервью. По результатам работы опрошено более 70 жителей Анабарского улуса, записано более 30 часов аудио-, видеоматериала, собраны статистические социологические данные за последние 5 лет.

Большинство респондентов утверждают, что на сегодняшний день чисто на долганском языке никто не говорит, утверждают, что говорят «на своём языке». Под «своим языком» имеют в виду якутский язык, смешанный с долганским, где в речи употребляются единичные слова и словосочетания на долганском языке. В основном, как утверждают респонденты, слова и словосочетания на долганском в основном представляют бытовую тематику, также тематику оленеводства. Респонденты школьного возраста в основном говорят на якутском языке, те, у кого есть бабушки и дедушки, при коммуникации с ними употребляют в речи отдельные слова и словосочетания на долганском языке, а при общении со сверстниками большинство говорят только на якутском языке. Наблюдаются единичные случаи, где родители специально общаются с детьми на «своём языке» с малых лет, в основном дома. Дети, находясь в детском саду или школе, общаются на якутском и русском языках. Проблема влияния средств массовой информации не так остро ощущается в Анабарском улусе, как в центральных улусах, например. Тем не менее дети младшего возраста под влиянием

¹ Исследование выполнено в рамках научного проекта «Сохранение языкового и культурного многообразия и устойчивое развитие Арктики и Субарктики Российской Федерации» (грант Правительства РФ, соглашение № 075-15-2021-616).

ТВ и интернета начинают переходить на общение на русском языке.

Проблему исчезновения долганского языка жители ощущают остро, но несмотря на это, особо никакая работа не ведётся для его сохранения. Некоторые родители, кто понимают и ощущают проблему, стараются поддерживать языковую ситуацию на своём родном языке в общении со своими детьми. Ещё одна проблема заключается в том, что в общеобразовательных школах долганский язык ведётся

только как факультатив. При наличии образованного специалиста население (в основном среднего возраста) готово ходить на спецкурсы по долганскому языку.

Языковое разнообразие на примере долганского языка показывает современные условия развития языков малочисленных народов Севера. Лингвистическое явление «смешанности» активно наблюдается на примере долганского языка.

Литература

Убрятова Е.И. Язык норильских долган. – Новосибирск, 1985. – 216 с.

Язык и общество. Энциклопедия. – М.: Азбуковник, 2016. – 872 с.

С.Б. Сарбашева
(Горно-Алтайск, Россия)

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЯЗЫКА ТУБА В РЕСПУБЛИКЕ АЛТАЙ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В настоящее время проблема сохранения и развития языков коренных малочисленных народов остаётся по-прежнему актуальной. Несмотря на программы Правительства, Министерства образования и науки Республики Алтай, сохраняющие и развивающие алтайский язык и языки малочисленных этносов, одной из сложных проблем остаётся проблема изучения родного языка детьми, не владеющими (или слабо владеющими) родным языком.

Ключевые слова: коренные малочисленные этносы, Республика Алтай, туба, родной язык, обучение, социолингвистика.

По данным Всероссийской переписи 2021 г., алтайцев насчитывается 74 238 человек, тубаларов – 1965, по данным переписи 2010 г., насчитывалось 1891 человек, за 10 лет численность увеличилась на 74 человека, для сравнения: *кумандинцев* – 2892 человека, за 10 лет прирост составляет 1001, *челканцев* – 1181 человек, за 10 лет прирост составляет 68 человек. В 1993 г. туба, кумандинцы и челканцы получили правовой статус коренных малочисленных народов (КМН).

После Великой Октябрьской социалистической революции в основу алтайского литературного языка был положен диалект алтай-кижи, носители которого составляли большинство населения области [Баскаков 1947: 222]. В постановлении второго областного съезда Советов рабоче-крестьянских и красноармейских депутатов от 8 декабря 1923 г. говорится: «...основным разговорным и литературным языком принять язык алтайцев, населяющих южную часть Алтая». С этого года в школах сначала Ойротской, потом Горно-Алтайской автономной области, позже в Республике Алтай, в местах компактного проживания туба, чалканду и куманды преподавался алтайский литературный язык, а языки были названы северными диалектами алтайского языка. В соответствии с законом Республики Алтай «О языках» (ст. 4. гл. I) алтайский язык, наряду с русским языком, является государственным [Закон Республики ... 1993]. Алтайский литературный язык

изучается в школах республики, в Горно-Алтайском педагогическом колледже и на факультете алтаистики и тюркологии Горно-Алтайского государственного университета готовят учителей алтайского языка и литературы. На литературном языке издаются художественная и учебная литература, научные труды, газеты и журналы, ведутся передачи на радио и телевидении.

За 100 лет состояние языков КМН изменилось в худшую сторону, число владеющих языком сокращается с каждым днём. Интересен тот факт, что носители языков КМН Республики Алтай чётко разделяют родной язык (туба, чалканду и куманды) от алтайского литературного и между собой, хотя в лексике и грамматике больших расхождений нет. Сложное по своему этническому составу современное население Турочакского, Чойского и Майминского районов Республики Алтай неоднозначно и в отношении языка: в кумандинском, чалканском, туба языках сохранились многие древние элементы языков этнических субстратов, о чём говорят результаты исследований, выполненных в Лаборатории экспериментально-фонетических исследований СО РАН [Селютина 1983, 1998; Мандрова 1983; Кирсанова 2003; Сарбашева 2004]. Осознавая особенности и ценность родного языка, общественные деятели, неравнодушные носители языка поднимают острые вопросы, связанные с его исчезновением. Большим достижением является создание словарей, которые

могут послужить базой для создания учебной литературы. В 2006 г. по Государственной программе по сохранению и развитию алтайского языка при поддержке Комитета по национальной политике и связям с общественностью Республики Алтай, Дома дружбы народов, инициативе Ассоциации коренных малочисленных народов и «Звенящий кедр» под редакцией Н. А. Дьайым издан Русско-кумандинский словарь (34 000 слов), составители – М. Б. Петрушова, В. М. Данилов. В 2019 г. вышел в свет Русско-тубаларский словарь под редакцией С. Б. Сарбашевой, автор-составитель – А. С. Кучукова (15 000 слов), Ызук-бичик – Азбука. К 160-летию со дня рождения известного тубаларского сказителя-кайчи Николая Улагашева в издательстве «Алтын-Туу» (гл. редактор – Т. Н. Туденева) изданы детские книги «Кулакча» («Богатырь») и «Малыш Ырысту».

В феврале 2022 г. Правительство РФ утвердило план мероприятий Международного десятилетия языков коренных народов. Планом по проведению в России Международного десятилетия языков коренных народов (2022–2032) утверждены разработки мобильных приложений на национальных языках, создание виртуального музея традиционной культуры малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока, меры по цифровизации и книгоизданию, что особенно важно для развития и совершенствования образования и подготовки педагогических кадров для преподавания языков и литературы КМН РА.

В настоящее время проблема сохранения и развития алтайского языка и языков КМН остаётся по-прежнему актуальной: работа ведётся во всех структурах системы образования Республики Алтай, но пока это ничтожно мало для начала обучения детей на родных языках КМН. Несмотря на программы Правительства, Министерства образования и науки Республики Алтай, сохраняющие и развивающие алтайский язык и языки малочисленных этносов, одной из сложных проблем остаётся проблема изучения родного языка детьми, не владеющими (или слабовладеющими) родным языком. Контингент невладеющих (или слабовладеющих) родным языком составляют дети, выросшие в русскоязычной среде, в сёлах с преобладающим русскоязычным населением, в городе. Состав невладеющих и даже не имеющих языковую среду пополняют дети северных алтайцев, коренных малочисленных народов – туба, кумандинцев и чалканцев, хотя они проживают в исконных территориях. Трудности с преподаванием родного языка детям, не владеющим родным языком, кроме отсутствия разговорной среды, также связаны и с тем, что не разработаны соответствующие программы и учебники, адаптированная методика обучения. Как показывают результаты социолингвистического обследования *туба/тубаларов*, почти во всех сферах они употребляют русский язык. Безусловное предпочтение

туба языку в семейно-бытовой сфере отдают люди 60 лет и старше. Дети не владеют родным языком, хотя периодически слышат его от взрослого населения, знают отдельные слова, но не могут составить предложения, не вступают в диалог, не воспринимают информацию на родном языке. Такая ситуация указывает на безвозвратную утрату родного языка, такая же языковая ситуация складывается и в остальных языках КМН. В связи со сложившейся языковой ситуацией у северных алтайцев в последние годы ведётся активная работа по фиксации их языковых особенностей Горно-Алтайским государственным университетом, Институтом филологии СО РАН (г. Новосибирск), Институтом алтаистики им. С. С. Суразакова (г. Горно-Алтайск). Однако языки до сих пор находятся в зоне угрозы исчезновения.

В целях создания условий для изучения алтайского языка в дошкольных организациях Республики Алтай была разработана Дорожная карта по обеспечению условий для открытия алтайских национальных групп в дошкольных организациях Республики Алтай, утверждённой приказом Министерства образования и науки Республики Алтай от 28.03.2016 № 496. БУ ДПО РА «Институт повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования Республики Алтай» с 2017 г. проводит мониторинговые исследования, ориентированные на изучение количественных и качественных показателей по изучению алтайского языка и литературы в дошкольных образовательных организациях Республики Алтай. В Чойском, Турачакском районах, как отмечают специалисты муниципальных органов управления образованием, отсутствуют условия для открытия национальных алтайских групп. Всего педагогов, ведущих обучение детей дошкольного возраста на алтайском языке в Республике Алтай, 289 человек, но со знанием родного языка (туба, кумандинский, челканский) – почти нет. В Майминском районе осуществляет деятельность одна алтайская национальная группа (говорящих на алтайском языке – 7 детей). Перспектив открытия групп нет, т. к. нет детей, желающих изучать родные языки, хотя анкетирование педагогов и родителей детского сада «Солнышко» филиала Сайдынской ООШ говорит о том, что родители считают актуальным изучение родного языка детьми дошкольного возраста. В Турочакском районе функционируют 2 группы, где алтайский язык изучает 21 ребёнок, но не уточняется, какой именно язык, алтайский литературный или язык КМН. Перспектив открытия новых групп нет, и это объясняется тем, что отсутствует потребность в открытии алтайских национальных групп [Аналитическая справка ...].

В районах компактного проживания КМН Республики Алтай ситуация осложнена тем, что обучающиеся слышат родную речь (туба, кумандинский, челканский) только изредка, т. к. родители

от 20 до 50 лет не владеют родным или владеют пассивно (кроме чалканского).

Решение проблемы. Активизация словарного запаса родного языка методом погружения в этническую среду, культуру, введение в практику воскресных языковых школ, где занятия будут вести сородичи, старшее поколение, у которых сохранена специфика произношения, остаётся основной и единственно верной методикой при обучении родному языку в местах проживания КМН. В основу методики активизации словарного запаса положена рабочая гипотеза: формирование в первую очередь речевых умений, навыков по родному языку на начальном этапе обучения в школе происходит, если обогащается лексический минимум обучающихся, обеспечивающий повседневное общение на родном языке; введение в словарный запас лексических единиц осуществляется тематически (бытовая лексика, части тела человека, животные, рыбы, птицы, растения, улица, игры, занятия человека). Данный подход способствует обеспечению свободного общения на родном языке, называние предметов на родном языке, «вплетённое» в использование русского языка. Особое внимание следует уделить систематической практике речи при выполнении специально отобранных типов упражнений. Программу по родному языку следует максимально разгрузить от теоретического материала по грамматике, особое внимание и время уделить чтению и развитию речи, включить текст о культуре, быте, труде родного народа, включить фольклорный материал, мифы, сказки, пословицы и поговорки. Увлекательные рассказы рыболовов, охотников для чтения, как и рассказы живую, смогут пробудить в обучающемся желание выучить родной язык, учебники должны содержать национальный колорит, быть своим, родным, с картинками своей территории проживания, названиями рек, гор, озёр. Это будет содействовать пробуждению самосознания детей, а также способствовать трудовому воспитанию и профессиональной направленности обучения. В учебниках усилить воспитательный аспект. Весь материал изучается с опорой на наглядные средства, без заучивания правил и определений.

Таким образом, программа по родному языку должна быть оригинальной, реально отражающей возможности родного языка, имеющей цели развития культуры, истории и языка. В основу программы закладываются следующие принципы: коммуникативная направленность обучения, комплексное овладение видами речевой деятельности и уровнями языковой системы, осуществление межпредметных связей в обучении родному, алтайскому и русскому языкам.

В процессе обучения, кроме использования теоретического, социолого-педагогического методов, методов наблюдения и обобщения опыта передовых учителей, необходимо широко использовать сопоставительный (выявление общих и различительных черт сравниваемых лексико-семантических групп, выявление и анализ типичных лексических ошибок, определение их природы, предупреждение) и экспериментальный (проведение констатирующего и обучающего эксперимента для выявления эффективности системы упражнений по обогащению и активизации словаря учащихся начальной школы) методы.

Для повышения уровня знания родного языка с сохранением специфики произношения, диалектных особенностей представляется необходимым внедрение комплексного преподавания в школе, коммуникативной методики для преодоления языкового барьера и идентификации себя частью этноса, общества. Малочисленный язык можно сохранить, только если он будет передаваться детям, и если этого не происходит в семьях, то возникает необходимость создать дошкольные учреждения, где обучение языку происходит методом погружения в языковую среду, считает О. Казакевич. Этнокультурное образование представляет собой целостный процесс изучения и практического овладения ценностями народной культуры, прорастающей в культуру этноса и входящей в систему мировой культуры; это процесс становления, социализации, воспитания личности на этнокультурных традициях, сочетающий моноэтническую глубину постижения родной культуры и полиэтническую широту.

Литература

Аналитическая справка Министерства образования и науки Республики Алтай, 2020.

Баскаков Н. А. Очерк грамматики ойротского языка // Ойротско-русский словарь. – М., 1947.

Закон Республики Алтай «О языках». – Горно-Алтайск, 1993.

Кирсанова Н. А. Консонантизм в языке чалканцев (по экспериментальным данным). – Новосибирск, 2003.

Мандрова Н. А. Консонантизм языка чалканцев (по экспериментальным данным) // Сибирский фонетический сборник. – Новосибирск, 1983. – С. 3–6.

Русско-кумандинский словарь. – Бийск: Издательский дом «Бия», 2006. – 551 с.

Русско-тубаларский словарь. – Горно-Алтайск: АУ РА Литературно-издательский дом «Алтын-Туу», 2019. – 384 с.

Сарбашева С. Б. Фонологическая система туба-диалекта алтайского языка (в сопоставительном аспекте). – Новосибирск, 2004.

Селютина И. Я. Кумандинский консонантизм. Экспериментально-фонетическое исследование. – Новосибирск, 1983.

Селютина И. Я. Кумандинский вокализм. Экспериментально-фонетическое исследование. – Новосибирск, 1998.

Э. В. Хилханова
(Москва, Россия)

ЭКОНОМИКА ЯЗЫКА И МНОГОЯЗЫЧИЕ: РОССИЙСКИЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНТЕКСТ

Статья представляет собой краткий обзор исследований в области экономики языка. Аргументируется важность экономического фактора для положения и перспектив миноритарных языков. Рассматриваются различные направления экономики языка с акцентом на исследования коммодификации русского и миноритарных языков.

Ключевые слова: экономика языка, коммодификация языка, иностранные языки, миноритарные языки.

Когда учёные и языковые активисты говорят о необходимости сохранения и поддержки миноритарных языков, их аргументы носят общегуманитарный характер, апеллируя к культурной ценности языков, их важности для идентичности носителей, полезности для когнитивных способностей человека и т. д. Эти аргументы можно назвать «мягкими» (*soft arguments*). Однако общее неблагополучие и неблагоприятные перспективы миноритарных языков, часто упоминаемые лингвистами, начиная с известной цитаты М. Краусса [Krauss 1992], явно свидетельствуют о том, что «мягким» аргументам противостоят «жёсткие» – аргументы экономического характера.

Исходя из вышесказанного, мы хотели бы кратко остановиться на одном из факторов, которому редко уделяется внимание учёными-лингвистами, – *экономическом факторе*. Наука, изучающая связь лингвистики с экономикой, обозначается как *экономика языка* – *language economy* [Gazzola et. al. 2015] или *language economics* [New Canadian Perspectives 1998] и затрагивает широкий спектр экономических аспектов управления языковым разнообразием и функционирования языков в стране и в мире.

В целом экономика языка является обширной областью, разрабатываемой за пределами российского ареала и имеющей ряд своих собственных направлений. По *тематическому принципу* можно выделить исследования по таким темам, как язык и доход, языковая дискриминация в экономическом ракурсе – *language disenfranchisement* [Gazzola and Wickström 2016; Zhang and Grenier 2012], экономика и иностранные языки, владение языками-мигрантами и доход и т. д. С одной стороны, все эти направления связаны друг с другом и не имеют жёстких границ. С другой стороны, хотя вопросы экономической ценности иностранных и миноритарных языков зачастую изучаются вместе, на наш взгляд, их необходимо различать. Владение иностранным языком в глобализованном мире является очевидным конкурентным преимуществом, значение которого будет только расти. Многие эмпирические исследования подтверждают тот факт, что язык, как человеческий капитал, играет решающую роль в определении доходов [New Canadian Perspectives 1998, Wickström 2014, Ambrosch-Baroua 2017], особенно для иммигрантов [Chiswick and Miller 2003].

При прочих равных условиях чем более свободно сотрудник владеет английским языком, тем более высокую заработную плату он или она может получить. Если взять в качестве примера Соединённые Штаты, то потеря заработной платы и разница в уровне безработицы, вызванные недостаточным знанием английского языка, по оценкам, составили соответственно 3,8% и 38,6%, а также между 1% и 6,5% [Gonzalez 2005].

В целом все упомянутые исследования сходятся в том, что изучение иностранных языков является хорошей инвестицией для человека. Кроме того, доказано, что неверно полагать, что только знание английского языка положительно отражается на уровне заработной платы. Знание других языков также может быть экономически выгодным, и в зависимости от контекста (страны, региона, отрасли индустрии и т. д.) оно может принести больше дивидендов, чем английский.

Об этом, в частности, говорится во многих работах, посвящённых коммодификации языка. Это новое направление западной социолингвистики, которое строится на той же теоретической платформе, что и экономика языка, в частности, на положении о том, что языки – это формы символического капитала, которые можно превратить в экономический капитал, а языковое пространство – рынок, где различные языки и формы языка (например, академический язык) имеют различную стоимость, определяемую господствующими социальными группами и правящими структурами [Павленко 2017].

Изучение коммодификации языка, в частности русского языка, ведётся также преимущественно на Западе. Русский язык функционирует как инструмент получения прибыли для коммерческих структур, т. е. как *commodity* за рубежом, в странах с большим туристическим потоком из России и постсоветских стран или с большим процентом русскоязычного населения: Кипр, Финляндия, страны Балтии, Китай и др. [Павленко 2016; Павленко 2017; Щербаков 2020; Мут 2017; Viimaranta, Protassova, Mustajoki 2017].

Миноритарные языки России могут выступать как *commodity* только как средство «этнографического брендинга». Например, включение якутского языка в общественную и коммерческую сферу, согласно исследованию Дж. Фергюсон и Л. Сидоро-

вой, призвано создать ощущение аутентичности как для носителей языка саха, так и для не-носителей [Ferguson and Sidorova 2018: 51]. Культурная аутентичность, уникальность играют особенно большую роль в индустрии туризма, однако языковой компонент здесь уступает невербальным способам презентации культуры для туристического потребления.

Поэтому значимость туризма для сохранения миноритарных языков не следует преувеличивать.

В заключение отметим, что в перспективе необходимо на российском материале провести исследование по взаимосвязи заработной платы и владения языками народов РФ, выгод от владения иностранными языками в российских условиях, коммодификации языков России.

Литература

Мут С. Русский язык за рубежом: взгляд на язык сквозь призму коммодификации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2017. – Т. 21. – № 3. – С. 463–492. DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-2-463-492.

Павленко А. Русский язык как лингва франка в зарубежной сфере обслуживания // Мир русского слова. – 2016. – № 1. – С. 23–32.

Павленко А. Языковые ландшафты и другие социолингвистические методы исследования русского языка за рубежом // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2017. – Т. 21. – № 3. – С. 493–514. DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-2-493-514.

Щербаков О. В. Commodification of Language: Evidence from Linguistic Landscape of Harbin // Актуальные вопросы филологической науки XXI века: сборник статей IX Международной научной конференции молодых учёных (7 февраля 2020 г.). Ч. 1: Современные лингвистические исследования. – Екатеринбург: УМЦ-УПИ, 2020. – С. 46–50.

Ambrosch-Baroua T., Kropp A., Müller-Lancé J. (Hg.). Mehrsprachigkeit und Ökonomie. – München: Open Publishing LMU, 2017.

Chiswick, B. & Miller, P. The Complementarity of Language and Other Human Capital: Immigrant Earnings in Canada // Economics of Education Review. – 2003. – 22(5). – P. 469–480.

Ferguson J., Sidorova L. What language advertises: ethnographic branding in the linguistic landscape of Yakutsk // Language Policy. – 2018. – Т. 17. – № 1. – P. 23–54.

Gazzola, M. Il Valore Economico Delle Lingue (The Economic Value of Languages). November 15, 2015. SSRN: <https://ssrn.com/abstract=2691086> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2691086> (дата обращения: 02.12.2021).

Gazzola, M., Wickström, B.-A. Introduction // The economics of language policy. Edited by Michele Gazzola and Bengt-Arne Wickström. – Cambridge: MIT Press, 2016. – P. 1–18.

Gonzalez, L., 2005, Nonparametric Bounds on the Returns to Language Skills // Journal of Applied Econometrics. – № 20(6). – P. 771–795.

Krauss, M. The world's languages in crisis // Language. – 1992. – 68. – P. 4–10.

New Canadian Perspectives: Economic Approaches to Language and to Bilingualism // Edited by Albert Breton. – Ottawa – Ontario : Canadian Heritage, 1998.

Viimaranta H., Protassova E., Mustajoki, A. Aspects of Commodification of Russian in Finland // Russian Journal of Linguistics. – 2017. – № 21(3) – P. 620–634. DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-3-620-634.

Wickström, B.-A. Nachhaltiges Überleben von Minderheitensprachen: eine Übersicht einiger Modelle // Dogma und Evolution: Beiträge zum 60. Geburtstag von Dietmar Meyer. Herausgegeben von Jörg Dötsch. – Marburg: Metropolis-Verlag, 2014. – P. 101–126.

Zhang W., Grenier G. How can Language be linked to Economics? A Survey of Two Strands of Research // Language Problems and Language Planning. – 2012. – 37. – P. 203–226.

И. С. Хохолова
(Якутск, Россия)

ЯЗЫКОВЫЕ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ¹

Актуальность темы продиктована тем, что в последнее время происходят изменения в миноритарных языках ввиду глобализации и кибернетизации. Сегодня современный якутский язык претерпевает изменения, особенно разговорный язык. Но также стоит отметить, что в последнее время язык национальных СМИ в Республике Саха (Якутия)

претерпел значительные изменения под влиянием российской прессы.

Данный факт предопределяет необходимость изучения языковых интерференций, встречающихся в современном якутском языке. Безусловно, наиболее интересны в этом плане тексты публицистического и разговорного стиля в СМИ и форумах якутского интернет-портала ykt.ru.

¹ Работа выполнена в рамках реализации проекта «Сохранение языкового и культурного многообразия и устойчивое развитие Арктики и Субарктики Российской Федерации» (грант правительства РФ, соглашение № 075-15-2021-616 от 07.06.2021).

Якутский литературный язык является развитым национальным языком, имеющим устоявшиеся и утверждённые нормы. Но в настоящее время наблюдается снижение общего уровня речевой грамотности населения Республики Саха (Якутия). Роль речевой культуры особенно возросла в наше время, когда публичная речь на радио и телевидении, в видеоблогах стала средством общения. Звучащая речь является образцом для подрастающего поколения. Для современных молодых людей в виртуальном мире не существует границ, и для общения выбирают популярные языки. Именно такой процесс приводит к деградации языков малых народов. На данном этапе социальные медиа могут сыграть коммуникативную роль для языков межнационального общения.

Выявлено нарушение литературных и обычных норм в современном якутском языке. В речи якутов используется большое количество слов русского языка. Допускается замена лексем, имеющих эквивалент в родном языке. Ошибки такого рода не только искажают якутскую речь, но и упрощают подачу информации.

В якутских новостных сообщениях выявлены грамматические интерференции: синтаксические и пунктуационные.

В якутских новостных сообщениях встречается нарушение порядка слов в синтаксисе. Наблюдается замена строя предложения, характерного для тюркских языков (SOV) на SVO, трансформация

простого предложения в сложное предложение с придаточным оборотом и др. Обусловлено это тем, что такие предложения характерны для официально-делового стиля русского языка.

В языке СМИ всё чаще наблюдается использование моделей и конструкций из документооборота. В качестве языков делопроизводства в органах власти используются саха и русский как государственные языки (вместе или по отдельности), и отсюда они проникают в другие сферы.

Заемствования в современном разговорном якутском языке наблюдаются: 1) на уровне лексики; 2) на уровне словосочетания; 3) на уровне предложения. Показательным в сфере лексического заимствования является процесс перехода в разговорный якутский язык слов-паразитов из русского языка.

Таким образом, мы видим изменения в некоторых фрагментах структуры якутского языка под влиянием русского языка. Русский, имеющий статус государственного языка страны, язык образования, бизнеса и культуры на национальном уровне, конкурирует с якутским языком в Республике Саха (Якутия), который имеет статус государственного языка, но не имеет официального статуса за пределами республики. Мы можем рассматривать это как показатель несбалансированного двуязычия у носителей саха-билингвов: 1) под влиянием речевых штампов российской прессы; 2) через призму перевода, когда билингвы (полилингвы) способны переключаться между языками.

И. В. Чанкова
(Абакан, Россия)

СОХРАНЕНИЕ ЯЗЫКОВ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ В КИТАЕ

В статье даётся обзор социолингвистической ситуации в Китае с особым вниманием к теме языкового многообразия. На основании перевода положения «Об этническом образовании автономного района Внутренняя Монголия» автор анализирует меры по сохранению языков национальных меньшинств Китая и приходит к выводу об их эффективности.

Ключевые слова: национальные меньшинства Китая, языки меньшинств, этническое образование.

Основной состав населения Китая – ханьцы (汉族), доля которых составляет более 90%, а национальных меньшинств насчитывается 55. Одна этническая группа может использовать один язык, а некоторые говорят на двух и более языках. Количество языков этнических меньшинств в Китае составляет более 80. 53 этнические меньшинства говорят на родном языке, за исключением хуэй (回族) и маньчжуров (满族), которые перешли на китайский язык. Эти языки принадлежат к пяти языковым семьям: сино-тибетской, алтайской, австронезийской, австро-азиатской и индоевропейской. Большинство этнических групп используют родной язык в качестве основного средства общения

в повседневной жизни, за исключением нескольких этнических групп, которые в той или иной степени перешли на китайский язык; некоторые этнические группы имеют традиционную письменность, а другие – письменность, созданную во второй половине XX в. Начиная с 1950-х гг. эксперты-лингвисты из числа этнических меньшинств разработали 14 видов схем письма для 10 этнических групп, включая чжуан (壮族), буи (布依族), и (彝族), мяо (苗族), хани (哈尼族), лису (傣族), наси (纳西族), дун (侗族), ва (佤族) и ли (黎族). В 1980-х гг. в соответствии с требованиями этнических групп была разработана фонетическая письменность для бай (白族), дулун (独龙族), туцзя (土家族) и некоторых других. Созда-

ние письменности для национальных меньшинств Китая идентично пути создания письменности коренных народов России.

В Китае также остро стоит проблема сохранения языков национальных меньшинств. Профессор Сунь Хункай (孙宏开) отмечает существование нескольких языков национальных меньшинств, которые полностью утратили коммуникативные функции, например, маньчжурский, шэ (畲族), хэчжэ-нанайский (赫哲族), татарский (塔塔尔族) и др. 20% языков находятся под угрозой исчезновения (среди них такие, как ну-эну (怒族), гелао (仡佬族) и др.), 40% языков проявляют признаки того, что находятся под угрозой исчезновения. Он приходит к выводу, что использование языка группой более 1000 человек не означает, что он обладает высоким уровнем витальности. Например, численность маньчжурского населения составляет более 11 миллионов человек, менее 100 человек могут говорить по-маньчжурски, менее 10 человек владеют всеми видами речевой деятельности на маньчжурском языке. Все они пожилые люди в возрасте старше 80 лет. Угроза исчезновения маньчжурского языка вызывает обеспокоенность, т.к. в этом случае многие исторические факты династии Цин могут быть не расшифрованы [孙宏开、胡增益、黄行主编:《中国的语言》,商务印书馆2007年版]. Таким образом, численность этнической группы не всегда влияет на сохранение языка или определяет его будущее. Более того, мы смеем предполагать, что независимо от фактора численности есть возможность приостановить угрозу исчезновения языков коренных народов России.

Рассмотрим 《国家致力于保护少数民族语言文字》 – положение «Об этническом образовании автономного района Внутренняя Монголия» (пер. автора), способствующее сохранению языков национальных меньшинств в автономном районе Внутренняя Монголия. Положение вступило в силу 1 ноября 2016 г. В нём используется термин «этническое образование», относящееся к гражданам монгольского происхождения и других этнических меньшинств, проживающих в автономном районе Внутренняя Монголия. К основным объектам образования относятся национальные детские сады, начальные и средние школы, средние профессиональные училища, высшие учебные заведения и другие школы с участием граждан из числа национальных меньшинств. Здесь мы видим охват всех уровней образования. Этническое образование включается в общий план национального, экономического и социального развития. Прописано действие системы финансовых приоритетов национального образования, эффективно обеспечивающих потребности различных национальных школ и национальных учебных заведений всех уровней, а также стабильность роста школьных фондов. В школах для национальных меньшинств на всех уровнях в автономном

районе должны использовать устный и письменный язык своей этнической группы или разговорный и письменный язык, используемый их собственной этнической группой для обучения. Монгольские детские сады, начальные и средние школы должны принимать в основном монгольских учащихся и осуществлять двуязычное обучение, при котором преподавание должно вестись на монгольском и китайском языках. Высшие учебные заведения должны укреплять формирование ключевых дисциплин и специальностей с национальными особенностями, создавать дисциплины и специальности, подходящие для экономического и социального развития, ориентированные на исследования и применение талантов этнических меньшинств с монгольскими и китайскими навыками. В автономном районе действует система экзамена на знание китайского языка для национальных меньшинств, учащихся национальных школ, в которых основным языком является монгольский и преподаётся китайский язык. Осуществляется льготная политика для выпускников при поступлении в высшие учебные заведения, а также учёт дополнительных баллов при поступлении в вузы для монголов, ороконов-орочонов (鄂伦春族), эвенков (鄂温克族) и дауров (达斡尔族), которые подают заявки в колледжи и университеты внутри и за пределами экзаменационной области. Автономный район устанавливает и совершенствует систему учебников по двуязычным учебным программам, которая соответствует реальной ситуации в области этнического образования, формирует штатные и неполные группы для составления учебников по монгольскому языку, улучшает качество составления учебников по национальным учебным программам. Рекомендуется использование современных средств информационных технологий для получения высококачественного этнического образования. Заработная плата учителей в национальных детских садах, начальных и средних школах с двуязычным обучением должна быть, соответственно, выше, чем у других учителей в аналогичных школах того же уровня. Автономный район должен уделять первоочередное внимание развитию этнических колледжей и баз подготовки учителей. Доля субсидий на местах проживания национальных меньшинств ежегодно увеличивается. Средства, выделяемые на этническое образование, предназначены для их собственных целей, и никакая единица или отдельное лицо не может занимать, удерживать или присваивать их не по назначению. При утверждении государственных фондов национальных детских садов, начальных и средних школ уровень субсидии должен быть выше стандарта местных школ того же уровня и того же типа. В бюджет должны включаться расходы на воду, электроэнергию и отопление, необходимые национальным детским садам, начальным и средним школам, в соответствии с фактическими расходами,

а их проверка и распределение осуществляется на месте. Автономный район должен уменьшить или отменить плату за содержание и обучение детей в двуязычных этнических детских садах, а необходимые расходы должны быть покрыты за счёт местных финансов. Очень много льгот для студентов, обучающихся преподаванию монгольского языка. Студенты из семей национальных меньшинств с финансовыми трудностями и отличной успеваемостью будут иметь приоритет в получении различных стипендий от автономного района. При приёме на работу государственных служащих и наборе персонала учреждениями ежегодно выделяется не менее 15% должностей из общего числа планов приёма на работу для выпускников университетов с монгольским языком обучения. При наборе персонала государственными предприятиями приоритет будет отдаваться выпускникам колледжей, обучающихся на монгольском языке на тех же условиях. На государственного служащего возлагается ответственность при усмотрении следующих нарушений: 1) создание, изменение и закрытие этнических школ

всех уровней и типов без одобрения административного отдела образования народного правительства на уровне провинции или уезда или выше; 2) захват, удержание или незаконное присвоение средств на этническое образование; 3) воспрепятствование порядку воспитания и обучения в национальных школах; 4) другие действия, посягающие на этническое образование [来源: 武川统一战线].

Некоторые пункты положения «Об этническом образовании автономного района Внутренняя Монголия» идентичны нашим государственным программам и проектам по сохранению языков коренных народов России. Но есть пункты, на которые стоило бы обратить внимание. Языки коренных народов, в числе которых и хакасский язык, сталкиваются с влиянием сильных языков, глобализацией и находятся под угрозой постепенного исчезновения. Своевременно принятые эффективные меры по защите уязвимых языков будут способствовать развитию цивилизации, национальному единству и социальной стабильности.

Литература

孙宏开、胡增益、黄行主编：《中国的语言》，商务印书馆 2007年版。

原标题：《内蒙古自治区民族教育条例》（пер. авт. положение «Об этническом образовании автономного района

Внутренняя Монголия»). – URL: https://m.thepaper.cn/baijiahao_9250662 (дата обращения: 28.02.2022).

汉俄词典 – китайско-русский словарь. – Пекин, 1992.

Ю. К. Чертыков
(Абакан, Россия)

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В РЕСПУБЛИКЕ ХАКАСИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

В докладе рассматривается языковая политика Республики Хакасия на примере хакасского языка как второго государственного языка республики, с привлечением актуальных программных и иных документов нормативно-правовой поддержки, данных научных социолингвистических исследований и особенностей реального функционирования в ведущих социальных сферах республики.

Ключевые слова: языковая политика, хакасский язык, билингвальная языковая среда, языковой ландшафт.

В настоящее время в Республике Хакасия языковая политика осуществляется в соответствии с Конституцией Республики Хакасия (1995), законом Республики Хакасия от 20 октября 1992 г. № 11 «О языках народов Российской Федерации, проживающих на территории Республики Хакасия», государственной программой Республики Хакасия «Региональная политика Республики Хакасия», утверждённой постановлением Правительством Республики Хакасия от 1 ноября 2016 г. № 528, государственной программой Республики Хакасия «Развитие образования в Республике Хакасия», утверждённой постановлением Правительства Республики Хакасия от 27 октября 2015 г. № 556, государственной программой Республики Хакасия «Сохранение и развитие хакасского языка», утверж-

дённой постановлением Правительства Республики Хакасия от 8 ноября 2021 г. № 569 [Государственная программа ...] и другими документами, регулирующими государственно-правовые аспекты языковых отношений.

Согласно статье 69 Конституции Республики Хакасия, государственными языками Республики Хакасия являются русский и хакасский языки. Однако хакасский язык всё ещё не стал рабочим языком в органах муниципальной и государственной власти Республики Хакасия и слабо представлен в других сферах общественной жизни. А по официальным данным ЮНЕСКО, хакасский язык занесён в Красную книгу языков, находящихся под угрозой исчезновения. Такое положение дел позволяет сделать вывод о том, что проводимая языковая полити-

ка в Республике Хакасия недостаточно эффективна. Это подтверждается и научными данными, полученными по результатам социолингвистического опроса, которые свидетельствуют о том, что менее половины респондентов положительно оценивают результативность языковой политики в целом и наличие условий для изучения хакасского языка в частности, а меры, предпринимаемые органами власти по усилению позиций второго государственного языка республики, остаются малозаметными для большей части опрошенных [Боргоякова, Гусейнова 2019: 346].

В данной статье рассматривается языковая политика Республики Хакасия на примере хакасского языка как второго государственного языка республики, обозначаются проблемы и предлагаются пути их решения.

Следует отметить, что Правительством Республики Хакасия принимаются меры, направленные на сохранение и развитие хакасского языка. Министерство образования и науки Республики Хакасия в ответе на запрос Министерства национальной и территориальной политики Республики Хакасия от 16 декабря 2020 г. указывает, что в школах республики реализуются примерные программы по учебным предметам «Хакасский язык», «Литературное чтение», «Хакасская литература» для школ с родным языком обучения (1–11 кл.) и русским языком обучения (1–9 кл.), организованы кружки по обучению хакасскому языку через внеурочную деятельность, а также на базе воскресных школ и клубов. Например, в ГБОУ РХ «Хакасская национальная гимназия-интернат им. Н.Ф. Катанова» функционирует воскресная школа «Кун чахайагы», в МБОУ «Лесоперевалочная СОШ №2» – клуб «Ынархас», в МБОУ «Таштыпская СОШ» – клуб «Ах тасхыл», в МБОУ «СОШ №2 г. Абакана» организована школа выходного дня. Изданы учебные пособия по хакасскому языку и хакасской литературе, литературному чтению для школ с русским языком обучения (1–6 кл.). Учебники по хакасскому языку и хакасской литературе для 5–11 классов (18 наименований) включены в федеральный перечень учебников. Оснащённость кабинетов хакасского языка компьютерным оборудованием, оргтехникой составляет 75%. В трёх школах имеется лингафонный кабинет. Предметы «Хакасский язык», «Хакасская литература», «Литературное чтение на хакасском языке» изучаются в 84 школах республики (78%), при этом на изучение хакасского языка и литературы отводится от 2 до 5 часов в неделю. При изучении хакасского языка и литературы деление на подгруппы осуществляется в 11 школах (69%).

По данным Министерства культуры Республики Хакасия, осуществляется гастрольная деятельность артистов ГАУК РХ «Хакасский национальный драматический театр им. А.М. Топанова» и ГАУК

РХ «Хакасский театр драмы и этнической музыки "Читиген"». В 2019 г., например, на выезде и стационаре было представлено 52 спектакля, из них 23 на хакасском языке (44,2% от общего числа). Всего показов на выезде было 433, из них 129 на хакасском языке (29,8% от общего числа). В 2020 г. из-за распространения коронавирусной инфекции COVID-19 гастрольная деятельность артистов была приостановлена. В 2020 г. впервые автономная некоммерческая организация «Кинокомпания "Ветер перемен"» создала мультсериал «Моя Хакасия», а также цикл мультипликационных фильмов о различных культурных и исторически значимых местах Хакасии.

Важную роль в развитии хакасского языка играют средства массовой информации. Ведущее место в сфере печатных СМИ на хакасском языке занимает республиканская газета «Хакас чирі». Теле- и радиовещание на хакасском языке осуществляется, прежде всего, государственной телерадиокомпанией (филиал ФГУП ВГТРК). По данным ФГУП ВГТРК «Хакасия», радиовещание на хакасском языке осуществляется 1 час 5 минут в будние дни, в выходные дни не осуществляется. Телевещание на хакасском языке в региональных блоках на канале «Россия-1» осуществляется только в будние дни и занимает 56 минут.

Вместе с тем прошедшее десятилетие, несмотря на ряд положительных результатов, характеризовалось некоторым ухудшением положения хакасского языка. Продолжается процесс сокращения количества владеющих хакасским языком. Так, если, по данным Всероссийской переписи населения, в 2002 г. 69% хакасов указали, что владеют хакасским языком, то в 2010 г. их доля снизилась до 58,3%. Данные социологического исследования «Оценка состояния и перспективы развития хакасского языка в Республике Хакасия в 2020 году» свидетельствуют о том, что только половина респондентов коренной национальности свободно владеет хакасским языком (50,8%), частично владеют хакасским языком 26,5% респондентов, а понимают, но не говорят – 14,6% [Оценка состояния ... 2020].

В качестве основной причины того, что не все хакасы владеют родным языком, более половины опрошенных назвали вариант ответа «хакасский язык применяется в довольно-таки узкой сфере» (57,4%), ещё 39,6% респондентов заявили, что владение хакасским языком не очень престижно, а 17,8% считают, что хакасскому языку не обучают в школах. На отсутствие возможностей для изучения хакасского языка указали 16,6% участников опроса. Почти все респонденты хакасской национальности хотели бы, чтобы их дети и внуки изучали хакасский язык (94,6%).

Нужно отметить, что в общеобразовательных школах продолжает сокращаться объём часов изучения хакасского языка. В обучении хакасскому языку

остаётся нерешённой проблема недостаточного развития у детей навыков устной коммуникации.

В современных условиях требуется постоянное совершенствование методики преподавания хакасского языка и повышение качества подготовки специалистов хакасского языка. Современные преподаватели хакасского языка должны владеть и уметь применять новые образовательные технологии и эффективные методики обучения хакасскому языку, особенно лиц, не владеющих им. Учитывая тот факт, что выпускники – специалисты хакасского языка востребованы не только в сфере образования, но и в журналистике, науке, учреждениях культуры и других сферах, назрела потребность увеличения количества и расширения профилей подготовки специалистов, связанных с хакасским языком.

Сравнение с данными почти десятилетней давности [Гусейнова 2013] позволяет сделать вывод о том, что в области средств массовой коммуникации в последние годы наблюдается сокращение количества наименований и объёма тиражей печатных изданий на хакасском языке. Так, нет периодических изданий на хакасском языке для детей.

Приходится констатировать продолжающееся сокращение времени вещания на хакасском языке на каналах ГТРК, а время выхода передач крайне неудобно как для работающих, так и для учащихся. Суммарный охват и время вещания на хакасском языке недостаточны для удовлетворения потребностей жителей Хакасии.

В последние годы продолжает сокращаться количество гастролей театров и ведущих творческих коллективов по районам республики с постановками на хакасском языке, которое не может быть оправдано большими финансовыми затратами и требует кардинального пересмотра гастрольной политики.

До сих пор не создана в полной мере билингвальная языковая среда на государственных языках Республики Хакасия. Так, по состоянию на 1 февраля 2022 г., например, Министерство транспорта и дорожного хозяйства Республики Хакасия из 388 дорожных знаков с наименованиями населённых пунктов, расположенных на автомобильных дорогах регионального и межмуниципального значения, продублировало на хакасском языке 84 дорожных знака. Таблички с наименованиями улиц на хакасском языке в своих населённых пунктах вывесили администрации 5 сельских поселений из 86. Это администрации Вершино-Тёйского поссовета Аскизского района (глава поселения – Галина Николаевна Елистратова), Есинского сельсовета Аскизского района (глава поселения – Елена Ивановна Чистыгашева), Усть-Бюрского сельсовета Усть-Абаканского района (глава поселения – Елена Анатольевна Харитоновна), Аршановского сельсовета Алтайского района (глава поселения – Леонид Николаевич Сыр-

гашев), Большесейского сельсовета Таштыпского района (глава поселения – Тамара Владимировна Сазанаква). Работа по билингвальному оформлению языкового ландшафта, включая двуязычные указатели с названиями рек, озёр и местностей на хакасском языке, в республике ещё не проводилась.

Для решения указанных проблем требуется решение практических задач по следующим направлениям:

1. В области государственного управления:

а) государственная поддержка хакасского языка, в том числе за счёт государственных программ и проектов;

б) расширение применения хакасского языка в работе государственных органов власти, в том числе при проведении официальных (публичных) мероприятий;

в) оформление дорожных знаков с наименованиями населённых пунктов на автомобильных дорогах регионального и межмуниципального значения, указателей с названиями рек, озёр и местностей на двух государственных языках Республики Хакасия;

г) выработка и реализация механизма финансирования муниципальных программ развития хакасского языка;

д) популяризация хакасского языка на основе государственной программы сохранения и развития хакасского языка.

2. В области муниципального управления:

а) повышение роли органов местного самоуправления, общественных формирований как активных субъектов языковой политики в сфере хакасского языка;

б) разработка и реализация муниципальных программ развития хакасского языка;

в) создание билингвальной языковой среды на государственных языках Республики Хакасия: оформление дорожных знаков с наименованиями населённых пунктов на автомобильных дорогах местного значения и табличек с наименованиями улиц в населённых пунктах, указателей с названиями рек, озёр и местностей, различных вывесок;

г) расширение применения хакасского языка в работе муниципальных органов власти, в том числе при проведении официальных (публичных) мероприятий;

д) популяризация хакасского языка на основе муниципальных программ сохранения и развития хакасского языка.

3. В области образования:

а) сохранение и расширение сети образовательных учреждений, в которых преподаётся хакасский язык;

б) увеличение количества бюджетных мест в ХГУ имени Н.Ф. Катанова для подготовки журналистов, пишущих на хакасском языке;

в) финансовое и иное стимулирование издания нового поколения учебно-методических пособий по хакасскому языку;

г) создание условий для овладения хакасским языком всеми желающими;

д) популяризация хакасского языка путём проведения ежегодных конкурсов среди обучающихся образовательных организаций республики.

4. В сфере науки:

а) составление толковых, переводных, специальных и других словарей хакасского языка;

б) документирование, фиксирование хакасского языка путём видео- и аудиозаписи, оцифровки;

в) мониторинг состояния и тенденций развития хакасского языка.

5. В сфере средств массовой информации:

а) увеличение объёма телевидения на хакасском языке, создание мультипликационных и художественных фильмов на хакасском языке на базе республиканской телевизионной сети Хакасии (РТС);

б) создание детского журнала на хакасском языке;

в) содействие в повышении квалификации журналистов, готовящих материалы на хакасском языке;

г) поддержка районных СМИ с хакасским языком.

6. В сфере культуры и искусства:

а) широкое использование хакасского языка в массовых, зрелищных и культурных мероприятиях;

б) поддержка развития хакасского театрального искусства, народных театров, детских творческих коллективов.

7. В сфере поддержки литературы и книгоиздания:

а) стимулирование и финансовая поддержка издания художественных литературных произведений на хакасском языке;

б) проведение регулярных конкурсов среди писателей, поэтов;

в) содействие перевода на русский язык шедевров хакасской литературы.

8. В сфере современных информационно-коммуникационных технологий:

а) создание онлайн-словарей и онлайн-переводчиков, поддержка создания интернет-сайтов на хакасском языке;

б) поддержка и стимулирование создания ИТ-продуктов на хакасском языке, обучающих игр, программ.

Очевидно, что для решения указанных практических задач необходимо принятие согласованных мер органами государственной и муниципальной власти, научными и образовательными организациями, общественными объединениями, гражданами, а также достаточное финансирование республиканских и муниципальных программ, направленных на сохранение и развитие хакасского языка.

Таким образом, приоритеты языковой политики в Республике Хакасия, системно отражённые в новой государственной программе сохранения и развития хакасского языка, получают разную степень реализации на уровне соответствующих министерств, ведомств и муниципалитетов. Пока рано подводить итоги её реализации, но несомненно, что языковая политика в Республике Хакасия будет более эффективной при условии взаимодействия органов государственной и муниципальной власти, носителей хакасского языка, научных институтов, образовательных организаций, общественных объединений, отдельных граждан и координации их деятельности по сохранению и развитию хакасского языка.

Литература

Боргоякова Т. Г., Гусейнова А. В. Динамика языкового поведения и языковых убеждений в контексте языковой политики Республики Хакасия // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 11. – С. 342–347.

Государственная программа Республики Хакасия «Сохранение и развитие хакасского языка», утверждённая постановлением Правительства Республики Хакасия от 08.11.2021 № 569. – Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru), № 1900202111100009.

Гусейнова А. В. Региональный язык в медиапространстве Республики Хакасия // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 29(320). – С. 34–36.

Отчёт по результатам социологического исследования «Оценка состояния и перспективы развития хакасского языка в Республике Хакасия в 2020 году» (рукопись).

*О. Б. Януш
(Казань, Россия)*

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННОГО СТУДЕНЧЕСТВА¹

При рассмотрении языковой политики большинство специалистов определяет её как сознательное воздействие на язык в первую очередь таких авторитетных инстанций, как государство. В то же время такая редукция игнорирует социальное поведение – практики и действия множества иных социальных акторов, реализующих свои цели в поле языковой политики. Цель статьи – определить дискурсивные переменные образа языковой политики, сконструированные в массовом сознании студенческой молодёжи.

Ключевые слова: языковая политика, сохранение языкового разнообразия, государственный язык, родной язык, студенческая молодёжь.

Молодёжное сознание можно определить в качестве «инструмента» исследования общественной рефлексии относительно языковой политики и языков в поликультурной среде государства и его регионов. Мнение студентов является весьма показательным при изучении общественного сознания как молодёжи, так и населения в целом; кроме того, языковая рефлексия студенческой молодёжи, в первую очередь относительно национального (нерусского, регионального государственного) языка и полиэтнического региона и языковой политики, в целом представляет актуальную для исследования область почти во всех республиках Поволжья и не только. В Республике Татарстан достаточно много исследований, посвящённых изучению языкового сознания и языкового поведения общего городского социума, а также всей совокупности молодёжной среды республики.

Среди них следует обратить внимание на серию исследовательских проектов под общим названием «Социолингвистический мониторинг этноязыковой ситуации в Республике Татарстан», осуществлённых командой учёных под руководством Г. Ф. Габдрахмановой в 2014, 2015 и 2016 гг. В масштабном проекте авторы сосредоточились на изучении динамики языковых процессов с позиций множественности измерений: рассматривается режим сосуществования двух государственных языков в республике, изменение отношения к татарскому языку русских и татар; то, как молодые представители этнических групп оценивают его роль и значимость в системе образования, на рынке труда, в повышении жизненных шансов, место языков во внутриэтнической и межкультурной коммуникации, а также в сфере политики и многое другое [Габдрахманова 2016]. В части исследования языкового поведения молодёжи авторы приходят к выводу о том, что «в представленной рамке координат оно в большей мере стимулируется социально-экономической конъюнктурой и в меньшей степени эмоционально-символической» [Сагитова 2016: 38–40]. Молодёжь высоко оценивает

статус русского языка как государственного языка России и также высоко оценивает его потенциал в качестве инструмента социальной мобильности как в рамках республики, так и в целом в Российской Федерации. Русский язык в представлениях молодёжи также является неотъемлемым признаком развитости и образованности человека, составляющей его социального престижа.

Важные изменения произошли в положении татарского языка. «В молодёжной среде, – отмечают авторы, – явно не наблюдается комплексов и чувства второсортности как носителей "архаичной" культуры и языка, что имело место в советский период» [Габдрахманова 2016: 39]. Функциональную сферу татарского языка ошутимо подпитывает развитие рыночных отношений: эффективность продаж, деловой коммуникации в производственной сфере, сфере ЖКХ, строительства. Успех в них часто зависит от знания работниками татарского языка, и это оценивается молодёжью, повышая мотивацию к его изучению. Но при этом пока данный язык не является инструментом социальной мобильности. Востребованными татарский язык и национальная культура становятся в контексте развития такой отрасли глобализационной культуры, как туризм. Исследования упомянутых авторов показали актуализацию важнейшей функции татарского языка в качестве культурного кода семьи, родственного окружения и в целом народа как полноценного субъекта мирового поликультурного сообщества.

В социолингвистическом исследовании, проведённом в рамках научного проекта «Государственная языковая политика в Российской Федерации: институциональные основания и пространственные измерения» по Программе «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности», мы попытались сместить акценты с восприятия языков на собственно представления о языковой политике как сознательного воздействия на языковое устройство страны или региона: какую роль играет язык по отношению

¹ Исследование выполнено по Программе фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020 – 2022 гг.

к этнической принадлежности человека, какие цели языковой политики являются первостепенными, является ли языковая политика обязательным направлением политики любого государства, действенна ли языковая политика, проводимая Российской Федерацией, и в чём это выражается, какие проблемы являются ключевыми в данной сфере и возможно ли их эффективное решение и т. д.

В ноябре – декабре 2020 г. был организован и проведён опрос 451 респондента в г. Набережные Челны и 427 респондентов в г. Казани. Участниками анкетирования «Языковая политика Российской Федерации в оценках студенческой молодёжи» стали студенты социально-гуманитарных направлений четырёх высших учебных заведений г. Казани: Казанского федерального университета, Казанского

государственного медицинского университета, Университета управления «Татарский институт содействия бизнесу» и Казанского государственного энергетического университета и Педагогического университета г. Набережные Челны.

Опрос 878 респондентов из числа университетских студентов Казани и Набережных Челнов показал, что среди татар преобладает доля (67,9%) тех, кто воспринимает язык в эссенциалистском духе, как необходимое условие существования народа и главный признак этнической идентичности, культуры, исторической памяти. 32,1% респондентов-татар определили язык лишь как один (и не определяющий) из ряда других маркеров этнической принадлежности. Среди респондентов-русских пропорции выглядят как 54% и 46%.

Таблица 1

В кругах учёных бытует две точки зрения на роль языка по отношению к этнической принадлежности человека. Какая из них, по-вашему, ближе к истине?

Вариант ответа	Критерий статистики	Национальность	
		Русский	Татарин
1. Язык – необходимое условие существования народа, его сохранения в будущем, главный признак этнической идентичности, культуры, исторической памяти.	Количество	163	305
	%	54,0%	67,9%
2. Язык – лишь один (и не определяющий) из многих факторов этнической и культурной принадлежности человека. Даже не владея этим языком на достаточном уровне, каждый может сохранять связь со своим народом, идентифицировать себя с ним.	Количество	139	144
	%	46,0%	32,1%
Всего	Количество	302	449
	%	100,0%	100,0%

В нормативной и практической реализации языковой политики приоритет со стороны студентов придаётся сохранению языкового разнообразия и созданию благоприятных условий для языков меньшинств (69,2% русских и 67,3% татар); определению официального статуса языка и укреплению его позиций в стране (регионе) и за рубежом (48,3% русских и 61,7% татар); совершенствованию правил использования языков, их грамматики, алфавитов, терминологии (42,1% и 43,4% соответственно); защите языка от заимствований иностранной лексики для сохранения национальной культуры (35,4% русских и 42,8% татар). Принцип «Одно государство – один язык» как первостепенная мера набрал меньше всего процентов ответов – 22,8% русских респондентов и 14,3% респондентов-татар.

Предположение о том, что Российская Федерация сегодня проводит действенную языковую политику, высказала большая часть респондентов как среди русских, так и татар, выбрав ответ «Скорее да, есть некоторые элементы» – 49,5% русских и 47,4% татар. Полную уверенность в проведении действен-

ной языковой политики выразили 12,6% русских и 16,9% татар, ответивших «Да, безусловно». Ответ «Скорее нет, недостаточно целенаправленной деятельности» указали 23,3% русских и 26,9% татар. Мнения о том, что на жизни обычных людей языковая политика не сказывается, придерживается наименьшее число респондентов как русских, так и татар: 14,0% и 8,5% соответственно.

В числе ключевых проблем в сфере языковой политики респонденты, имея возможность дать несколько вариантов ответов, обозначили снижение языковой культуры и владения стандартами литературного языка среди различных общественных групп (72,5% русских и 64,1% татар); также респондентов волнует широкое распространение жаргонных, бранных речевых форм – это второй по числу процентов ответ (69,5% русских и 66,8% татар). В числе важных также было отмечено засилье заимствований из иностранных языков в профессиональной и повседневной коммуникации – 51,0% русских и 46,3% татар. Явна также доля ответов, которая приходится на уменьшение доли тех, кто владеет

родными (не русскими) языками, сужение сфер использования этих языков – 44,5% респондентов-татар и 34,1% русских

Основными источниками информации по вопросам языковой политики были названы: региональные СМИ (ТВ, газеты, электронные медиа), университетские преподаватели, учебники, дополнительная литература как для татар, так и для русских с разницей в 2%. Федеральные средства массовой информации как источник о проблемах языковой политики выбрали 8% татар и 10% русских.

Оптимизм в отношении эффективного решения проблем в сфере языковой политики выражает большинство респондентов, отвечая «Да, в какой-то

степени возможно» (62% русских и 48% татар) и однозначно «Да» – 29% русских и 43% татар. Кратно меньшей выглядит доля тех, кто считает, что решение таких проблем невозможно, – 3% среди респондентов-татар и 4% русских. Затруднились ответить по 5% респондентов-русских и респондентов-татар.

В целом в студенческой среде, как видно из результатов анкетирования, преобладают нейтральные и в основном позитивные установки на восприятие «языкового вопроса». Особую, как представляется, значимость в изменяющейся среде языковых отношений приобретают усилия властей и общественности, направленные на формирование общественного мнения, массовых и групповых установок с точки зрения этики и культуры языкового поведения.

Литература

Габдрахманова Г.Ф., Макарова Г.И., Мухаметзянова А.Р. Государственные языки Республики Татарстан: множественность измерений. Сборник очерков под ред. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. – 208 с.

Сагитова Л. Динамика языковых процессов в Татарстане: конкуренция языков в молодёжной среде в усло-

виях модернизации и глобализации // Государственные языки Республики Татарстан: множественность измерений. Сборник очерков / под ред. Г.Ф. Габдрахмановой, Г.И. Макаровой, А.Р. Мухаметзяновой. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. – С. 38–40.

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ НИКОЛАЯ ФЁДОРОВИЧА КАТАНОВА: ЛИНГВИСТИКА, ФОЛЬКЛОРИСТИКА, ЭТНОГРАФИЯ

Н. В. Воронина
(Абакан, Россия)

Н. Ф. КАТАНОВ И СОВРЕМЕННАЯ ХАКАССКАЯ ЛИТЕРАТУРА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ХАКАССКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКИ И СТИХОТВОРНОЙ ПРИТЧИ В. К. ТАТАРОВОЙ

В данной статье представлен синтез научной деятельности Н. Ф. Катанова, хакасского устного народного творчества и современной хакасской литературы, в результате которого хакасский поэт создаёт новую художественную форму – стихотворную притчу, тем самым расширяя сюжетные границы, применяя яркие выразительные средства, углубляя народный замысел сказок, собранных Н. Ф. Катановым.

Ключевые слова: Н. Ф. Катанов, хакасский фольклор, стихотворная притча, сравнительный анализ.

Особую ценность в *литературоведческом* и *когнитивном* аспектах в обширной научной, педагогической, просветительской и общественной деятельности Н. Ф. Катанова представляет его трудная, напряжённая, скрупулёзная фольклорно-собираТЕЛЬСКАЯ работа. Тексты фольклора, записанные и обработанные выдающимся хакасским учёным, являются не только хранителями и трансляторами духовной культуры тюркских народов, но и влияют на творчество современных хакасских поэтов и прозаиков. Так, в сборнике В. К. Татаровой «Брусника на ладони» (1995) содержатся притчи, навеянные материалами этнографической экспедиции по Минусинской котловине, предпринятой Н. Ф. Катановым в 1889–1892 гг. В ходе этой экспедиции «...исследователю удалось собрать в среде тюркоязычного населения Сибири и Восточного Туркестана огромный лингвистический, этнографический и фольклорный материал» [Валеев, Тугужекова и др. 2008–2009: 170]. Он и в наше время представляет значительную ценность как собрание тюркских сказок, преданий, песен, пословиц и поговорок. «Материалы по фольклору были опубликованы в IX томе "Образцов народной литературы тюркских племён", в который вошли произведения устного народного творчества урянхайцев (1410 назв.), хакасов (1159 назв.), карагасов (203 назв.)» [Валеев, Тугужекова и др. 2008–2009: 170].

Эти произведения были собраны Н. Ф. Катановым в условиях, сопряжённых с невероятными физическими и моральными трудностями. Они не только художественно своеобразны, но и позволяют узнать о мировоззрении тюрков, их духовном облике, о традиционной культуре народов, социальных взаимоотношениях того времени, об особенностях стиля устного народного творчества.

В хакасских и тувинских народных сказках, дошедших до нас благодаря научному подвигу Н. Ф. Катанова, немало поучительного и интересно-

го. В глубинах простого народного слова таится и его красота, и дух, и мудрость этносов.

Мы обратились к книге «Избранные научные труды. Тексты хакасского фольклора и этнографии» Н. Ф. Катанова. В основу притчей В. К. Татаровой легли хакасские народные сказки «Орёл», «Бык и Лягушка», «Три сына» (о богах Солнца, Огня и Луны), «О подкаменнике и змее». Есть среди них и сказка о мыши и воробье (записана Н. Ф. Катановым без названия).

В. Татарова трансформирует прозаический текст сказок своего народа в поэтический. Более того, художественное преломление заключается в том, что сказки становятся произведениями другого жанра – *стихотворными притчами*. Следуя условиям нового жанра, поэт заостряет внимание читателей на народной мудрости, даёт другие названия своим произведениям или переносит акценты, углубляя народный замысел:

- сказка «Орёл» – притча «Мудрый крот»;
- сказка «Бык и лягушка» – притча «Лягушка и бык»;
- сказка «Три брата» – притча «Три сына»;
- сказка «О подкаменнике и змее» – притча «Подкаменник»;
- сказка о мыши и воробье – притча «Мышь и воробей».

Хакасские народные сказки, зафиксированные Н. Ф. Катановым и переработанные современным поэтом, звучат по-новому.

Для более полного анализа сопоставим тексты сказки «Орёл» и притчи «Мудрый крот», т. к. в ходе исследования перед нами возникли следующие вопросы: каков результат художественного преломления сказок? что автор сохраняет? что изменяет? на что из богатейшего народного опыта обращает наше внимание?

«Прилетевши из дальних стран, орёл (*букв. чёрная птица*) начал вить себе гнездо наверху

высокого ветвистого дуба. Крот (*букв. назад – ноги*), рывший землю возле дерева, говорит из своей норы орлу: "Это дерево ненадёжно: корни у него сгнили!" Орёл разве может слушаться слов крота? Орлы видят далеко, а кроты – существа, не имеющие глаз; орёл – царь птиц, а крот есть маленькое существо, никуда не годное. Знать ли кроту о делах царя птиц? Орёл поэтому не послушался слов крота, свил себе гнездо и вывел там детей. Однажды орёл принёс домой прекрасное кушанье; высокое и ветвистое его дерево, свалившись, задавило собою до смерти орлицу вместе с её детьми. Только теперь (орёл) понял слова добродушного крота. Крот, высунувшись из своей норы, говорит: "Если бы ты подумал о том, что я знаю, каковы у дерева корни, и что я постоянно роюсь в земле, то ты не оставил бы без внимания моего совета!"

Это изречение говорит: "Не оставляй без внимания ничьего совета, прежде рассмотри его хорошенько!"» [Катанов 2000: 452].

Мудрый голос народа слышен в вопросительных предложениях: «Орёл разве может слушаться слов крота? Знать ли кроту о делах царя птиц?» и в предложениях с противопоставлениями: «Орлы видят далеко, а кроты – существа, не имеющие глаз; орёл – царь птиц, а крот есть маленькое существо, никуда не годное», а в обращении крота к орлу отражены народные черты характера: доброта, бесхитрость, миролюбие, радушие. Сказка проникнута глубоким иносказательным смыслом, который отражает, на наш взгляд, её социальный характер. Образы сказки аллегоричны: орёл – высокомерие, власть; крот – доброта, связь с родной землёй, особенно мудро звучит её финал – изречение.

Богат и выразителен народный язык. Например, эпитеты «прекрасное кушанье», «высокое ветвистое дерево», оценочная лексика «добродушный крот» («изложил в 1880–1883 гг. на сагайском наречии и по народному говору исправил сам Н.Ф. Катанов») [Фольклор саянских ... 2003: 311]. Сравним с притчей В. Татаровой «Мудрый крот»:

Кочевал ли орёл по великой земле
Иль наскучило жить на безмолвной вершине,
Но спустился он с гор и в лесной тишине
Свить гнездо захотел для орлиного сына.

Так кружил он, кружил, выбирая, как трон,
Крону дерева гуще, пышнее и выше.

Свив гнездо на вершине, услышал он вдруг
Снизу голос крота: «Эй, орёл, меня слышишь?»

Если слышишь меня, то послушай совет:
Ох, на дереве этом гнездо не верши,
Говорю я!
Корни кедра больны, и так много им лет,
И не выжить ему перед первою бурей».

Но не внял он словам тем, смеясь над кротом:
«Что ты знаешь, слепец, о небесном просторе!
Я ль не царь, чтоб указывать мне!» И потом
Улетел за добычей для сына. Но вскоре

Налетел ураган! Ветер выл и метал!
Копья молний сверкали зловеще!
Старый кедр пред ними в бессильи стонал.
Содрогались могучие плечи.

Возвратился орёл из-за дальних хребтов.
Старый кедр лежал, ураганом сражённый.
«Мудрый крот, – тихо молвил орёл, – я
готов

слушать тех, кто внизу».

И поник над гнездом погребённым! [Татарова 1995: 111].

Автор не только меняет название, но и расширяет сюжет: в сказке нет диалога между героями, только крот уважительно и тактично обращается к орлу. В притче отношение орла к доброму совету крота, знающего свою землю, выражено в его высокомерных словах: «Что ты знаешь, слепец, о небесном просторе! Я ль не царь, чтоб указывать мне!»

Диалог крота и орла усиливает социальное звучание сказки и подчёркивает народную мудрость и доброту, отражённую в ней.

В.К. Татарова расширяет сюжетное пространство сказки, включая в него не только диалог героев, но и описание урагана и кедра, характер крота в притче дополнен чертами смелости и самоуважения, а признание орла своей ошибки (чего нет в сказке) обрисовано ярче посредством обращения «мудрый крот», глаголами «молвил», «поник», наречия «тихо».

Сказка «Бык и лягушка» состоит из четырёх предложений, в притче «Лягушка и бык» – пять строф. Автор трансформирует повествование сказки, подчёркивая её идейную направленность. Сравнительный текстуальный анализ сказки и притчи представлен в данной таблице:

№ п/п	Предложения сказки	№ п/п	Строфы притчи
1.	<i>Первое предложение выполняет роль сказочного зачина, в котором глагол «увидела» иллюстрирует зависимость лягушки.</i>	1.	Жила-была лягушка на болоте Среди зелёных кочек, мягких трав. Встречая солнце поутру, она хватала с лёту Жуков-букашек... От трудов устав,

	Лягушка, вышедши из озера, увидела, что на лугу ходит один бык.	2.	Дремала тихо в травяной постели. Квакушке так бы жить на свете, жить. Она, однако, стать княгиней захотела, Болотом правя, ханшей на болоте быть. <i>Первая и вторая строфы функционируют как и в сказке – выполняют роль сказочного зачина, но в них детально, образно, интонационно окрашено представлена безмятежная, счастливая жизнь лягушки до появления у неё желания владеть княжеским титулом и ханской властью. Экспрессивные лексемы «княгиня», «ханша» заостряют внимание на глубинной народной мысли, развивают её – осуждение зависти в сказке в притче акцентируется.</i>
2.	Лягушка, видя его великость, хочет сравниться с ним. <i>Передаётся глупое желание лягушки «сравниться» с быком.</i>	3.	И вот быка увидев как-то на лугу, Она решила стать с быка величиною, Согнётся сам Журавль перед ней в дугу, И Водяная Крыса будет чтить её княжною! <i>Глупое желание лягушки сопровождается её мечтами, в которых она упивается своей знатностью и властью перед Журавлём и Водяной Крысой. Автор вводит новых героев для характеристики лягушки.</i>
3.	Сколько ни ест лягушка, всё не может сравниться с ним. <i>Невозможно лягушке «сравниться» с быком.</i>	4.	И вот, чтоб бычью занять великость тела, Она всё ела-ела, ела-ела, ела-ела... Ей так хотелось стать Великой! Только вот Вдруг лопнул у неё раздувшийся живот! <i>Народную мысль о невозможности лягушки сравниться с быком автор углубляет трёхкратным повтором сложного глагола «ела-ела», функциональной семой «Великой», эпитетом «раздувшийся», восклицательными предложениями.</i>
4.	Живот у лягушки лопнул, и она пропала. <i>Нравоучительный финал сказки: к чему может привести завистливость и глупость.</i>	5.	Так не пришлось ей ханшей стать, Пришлось бедняжке глупо так пропасть. А Бык поныне на лугу своём пасётся, Не ведая о том, что глупостью зовётся. Нравоучение сказки дополняется подведением итога, ироничным авторским отношением к лягушке, сопоставлением её глупости уму Быка, который и «поныне на лугу своём пасётся»

Авторская художественная интерпретация хакасской народной сказки углубляет её идею, расшифровывает народный замысел. Сравнительный анализ текстов выявляет мастерство поэта, умело использующего фольклор, собранный Н. Ф. Катановым.

В сказке «Три брата» и притче «Три сына» отражена одна из важнейших сторон духовного наследия народа – обожествление Неба и Земли, вера в богов Солнца, Луны и Огня. Так культурное наследие хакасского этноса в творчестве поэта обретает новую жизнь.

Народное понимание мудрости отражено в зачине хакасской сказки «О подкаменнике и змее» (записана Н.Ф. Катановым «в период времени с 21 сентября 1889 года по 12 января 1890 года со словъ сагайцевъ, койбаловъ, качинцев и бельтировъ Абаканской долины», «сообщил татарин Когон (Андрей), сын Кеттинеса (Ивана), Мамышев, 49 лет, принадлежащий к кости и племени Кобый (официально: Кивинский род); живёт круглый год в избе; занимается скотоводством и в малых размерах хлебопашеством; жена татарка; имеет 5 детей; средний сын его, имеющий от роду 9 лет, учится в Усть-

Есинской церковно-приходской школе» [Радлов 1907: 73].

Точным образным эпитетом передано народное понимание мудрости: «Подкаменник есть рыба, имеющая **толстую** голову», т.е. умную, думающую, размышляющую. В притче автор раскрывает содержание народного эпитета, описывая думы подкаменника, его философские размышления о жизни. Так, поэт развивает народную мысль о вдумчивом отношении к ней:

Лежал на камне, глядя пред собой.

Лежал и думал: «Жизнь так быстротечна!» [Татарова 1995: 113].

А змея, говорится в сказке, прожила долгую жизнь, не заметив, как состарилась, не задумываясь о том, как жила. И мудрый подкаменник сказал ей: «Как ты состарилась, змея!», показав на след, который она оставила после себя. «Дорога, на которую она взглянула, шла извилинами».

В сказке отражено народное отношение к жизни, приглашение оглянуться на свою жизненную дорогу и посмотреть, а не извилиста ли она. А «жизнь так быстротечна!» – заключает подкаменник в притче. Поэт в финальной строфе подтверждает народное мнение:

В тот летний день саглах озёрный,
Подкаменник с широкой головой,
Лежал и думал: «Ставши мудрым,
Теперь уж я и сам немолодой» [Татарова 1995: 113].

Использование образных выражений *толстая голова* и *извилистая дорога* подразумевает, что рыба, состарившись, нажила мудрость, а змея – извилистую дорогу. Подкаменник размышлял о жизни, а змея прожила бездумно. То, что народ интуитивно чувствовал и понимал, раскрылось в авторской притче. Народный эпитет «толстая голова» В.К. Татарова уточняет, усиливает конкретными мыслями рыбы, использует разнообразные художественные приёмы. В сказке мы наблюдаем эпитеты и диалог, в притче, кроме них, – описания природы, размышления героев и обрисовка их характеров.

Сказка о мышши и воробье записана Н. Ф. Катановым без названия [Катанов 2000: 327]. В ней рассказывается о том, как мышшь и воробей жили вместе, а потом поссорились по причине, кто больше съест и кто больше перетаскает в сусек хлеба. Воробей не мог наполнить сусека. Потом они увидели, что в мышшином сусеке хлеба не оказалось, и стали друг друга обвинять в воровстве. Их ссора привела к драке, в которой мышшь переломила воробью одно крылышко, а воробей выклевал мышши один глаз, драка – к суду, суд – к войне, т.к. птицы защищали воробья, а звери – мышшь. Потом они стали истреблять друг друга, сердясь и воюя, затем разошлись. А один крестьянин пошёл на охоту. Увидев убитых птиц и зверей, он стал таскать их домой. Погибших в драке было много, крестьянин пошёл во второй раз и встретил ястреба. Тот сидел на верхушке лиственницы. Увидев охотника, попросил не стрелять в него, а взять к себе домой и кормить, пока у него не вырастут крылья, которых он лишился во время жестокой схватки. За это он обещал крестьянина обогатить, но, когда у ястреба выросли крылья, он улетел. Крестьянин стал плакать. Тогда ястреб вернулся, посадил крестьянина на себя, примчал его к своей старшей сестре и втолкнул в её избу. Сестра заплакала и выбежала на улицу. Ястреб тоже заплакал. Потом они отправили крестьянина домой. По дороге тот встретил море, которое не знал, как переплыть. К нему приплыл человек в берестяной лодке и сказал: «Отдашь мне то, чего не знаешь?» Крестьянин согласился, а дома в это время его жена родила сына. Через три дня водяной дух забрал ребёнка и сказал, что перерубит ему шею, если тот у него в ограде не сотворит тайгу. Мальчик заплакал. Тут появилась девица и дала ему платок. Мальчик махнул платком – появилась тайга. Тогда водяной дух сказал: «Найди себе жену, не найдёшь – перерублю тебе шею». Мальчик нашел себе жену (будущую – по хакасскому обычаю он мог это сделать), девицу, которая дала ему платок, и убежал с ней. Водяной дух погнался за ними, а они превратились

в зёрна пшеницы и рассыпались по земле. Водяной дух превратился в красного петуха и стал клевать пшеницу, но всё собрать не смог. Тогда водяной дух сказал: «Ваша хитрость победила! Отправляйтесь и живите!» Мальчик привёл жену к своему кочевью, отец с матерью обрадовались. Они поспрадовали и стали жить.

Сказка, на наш взгляд, имеет глубокий философский смысл – всё в мире взаимосвязано, у каждой причины есть следствие, следствие, в свою очередь, становится причиной, из которой снова вытекает следствие. Чтобы вернуться к хорошему, нужно отработать плохое, пройти круг испытаний. Мир и согласие, потерянные мышшь и воробьём, стали причиной гибели невинных птиц и зверей; спасшийся на войне ястреб обманул крестьянина и расплатился слёзами своей сестры; крестьянин по причине своей недалёковидности и стремлению к обогащению разорился, оказался на чужбине и потерял сына, жизнь которого подверглась смертельной опасности. Сыну пришлось искупать ошибки отца, и, благодаря помощи Неба и своей смекалке, он обрёл отчий дом. Вместе с ним в родное кочевье вернулись радость, мир и счастье. Всё в мире взаимосвязано, необходимо осознанно относиться к Жизни – таково, на наш взгляд, поучение сказки.

Глубина философского смысла сказки раскрывается в событийной цепочке, звеньями которой являются: ссора мышши и воробья, суд, война – встреча крестьянина с ястребом и водяным духом – водяной дух уносит сына крестьянина и подвергает его испытаниям – мальчик преодолевает препятствия и возвращается домой. В. Татарова идёт тем же логическим путём, что выстроен в сказке, но смыслообразующую функцию притчи выполняет её композиция, благодаря которой поэт сфокусировал идейно-эстетическое содержание сказки на примере жизни мышши и воробья. Осуждение жадности и эгоизма в сказке, народная мысль о доброте, взаимоуважении и взаимопонимании последовательно раскрываются от одной части притчи к другой: совместная жизнь мышши и воробья, возникновение непонимания, конфликт и итог.

В первой части поэт подробно, образно и выразительно рисует картину долгой, дружной и счастливой жизни мышши и воробья:

Два побратима, мышшь и воробей,
В одной норе, как в юрте доброй, жили.
С весны до самых урожайных дней
Они прокорм в своё жилище дружно
Приносили [Татарова 1995: 118].

Мир и согласие царили в жизни мышши и воробья, они дружно трудились и не знали голода:

Лоснился мех у мышши полевой,
Блестели сыто пёрышки у птицы.
И так бы век им жить! Но меж собой

Вот надо ж спору этому
Случиться! [Татарова 1995: 118].

Во второй части диалог героев раскрывает суть ссоры, обоюдных упрёков и обвинений:

Сказаламышь: «Живёшь нечестно, воробей!
За счёт труда чужого богатеешь!
Я ноги бью – о! – сколь осенних дней,
А ты, летая властью, лишь над землёю
Бреешь!
Несу в защёчинах я зёрен сто,
А сколько ж ты в коротком клюве, слушай?»
Всплеснув крылами, птица охнула: «Ты что?
Да если бы не я, не знать тебе колосьёв
Самых лучших!
Да если бы не я, давно бы вывсь
Тебя унёс тот чёрный коршун!
Да если бы не я, тот рыжий лис
Тебя давно б на завтрак
Укокошил!» [Татарова 1995: 119].

С помощью многочисленных восклицаний, вопросов, междометий и олицетворений («всплеснув крылами», «птица охнула») передаются чувства возмущения и изумления. Использование глаголов (сказала, слушай, горячилась, кричала, вцепилась) позволяет показать динамичное нарастание чувств, переход ссоры в драку.

Накал страстей, наивысшее напряжение передаётся в третьей части – суд и война, в двух строфах нет ни одного повествовательного предложения! Так поэт ставит кульминационную точку в развитии

событий. В четвёртой части наступает развязка и подводится итог. Чего же добилисьмышь и воробей?

Мышь и воробей
Уж не живут в одной норе, как в юрте.
Свалялась шерсть у мыши от голодных
дней,
На ножке скачет бедный воробей
От стужи лютой! [Татарова 1995: 120].

Такмышь и воробей поплатились за свои ошибки.

В результате проведённой сопоставительной работы очевиден синтез фольклористической деятельности Н. Ф. Катанова, хакасского устного народного творчества и современной хакасской литературы. Данный синтез создаёт новую художественную форму – стихотворную притчу, которая позволила автору трансформировать сказки, творчески переосмыслить их, мастерски раздвинув сюжетные границы сказок. Яркие художественные приёмы углубляют их идейно-эстетическое содержание, интересные характеристики новых героев акцентируют внимание читателей на познавательном аспекте сказок. Синтез устного народного творчества и фольклорно-сборительской работы Н. Ф. Катанова приблизил современникам духовный и нравственный мир наших предков.

Наследие Н. Ф. Катанова-фольклориста не только сохранило этнические черты хакасов, воплощённые в сказках, но и оказало влияние на развитие новых жанров в современной хакасской литературе, в частности, жанра стихотворной притчи.

Литература

Валеев Р.М., Тугужекова В.Н. и др. Н.Ф. Катанов и гуманитарные науки на рубеже веков: Очерки истории российской тюркологии. – Казань-Абакан, 2008–2009. – 353 с.

Катанов Н.Ф. Избранные научные труды. Тексты хакасского фольклора и этнографии: на хакасском, турецком и русском языках. – Анкара, 2000. – 547 с.

Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племён, собранные Н. Ф. Катановым. – СПб., 1907. – 694 с.

Татарова В.К. Брусника на ладони. Сборник стихов. – Абакан, 1995. – 127 с.

Фольклор саянских тюрков XIX века: из собрания доктора языкознания Н.Ф. Катанова. Т. II / сост., переводы, стихотв. перелож., лит. обраб. А.В. Преловского. – М., 2003. – 609 с.

Л. В. Ерёмин
(Абакан, Россия)

ОБРАЗ СВЯЩЕННОГО КОНЯ В ЭТНОГРАФИИ И ФОЛЬКЛОРЕ ХАКАСОВ (по материалам Н. Ф. Катанова)

Конь – одна из основ исторически сложившейся хозяйственной модели и материальной культуры хакасов. Образ священного коня-*изыха* представлен в обрядовой, изобразительной и фольклорной традиции хакасского народа. Одним из важнейших источников определения исторической и культурной роли коня и, в частности, священного коня являются материалы исследований выдающегося тюрколога Николая Фёдоровича Катанова (1862–1922). Благодаря данным, зафиксированным учёным, можно выделить три основных значения священных коней у хакасов: *изых* – обязательный элемент обрядов горных жертвоприношений, *изых* – участник обрядов жизненного цикла и *изых* – часть ритуальных практик хакасских шаманов.

Ключевые слова: обрядовая культура хакасов, этнографическое наследие, горные жертвоприношения, культ священного коня, хакасский шаманизм.

Хакасию и в целом Хакасско-Минусинскую котловину можно определить, как древнейший в Сибири очаг коневодства [Миклашевич 2006: 191–204]. В этнографический период, вплоть до первой трети XX в., значение разведения коней оставалось у хакасов максимально высоким, к примеру, уровень благосостояния исчислялся прежде всего количеством табунов [Бутанаев 2002: 12–14]. Роль образов священных коней в народной хакасской культуре изучена в гораздо меньшей степени, но и имеющихся материалов достаточно, чтобы оценить её как одну из основных [Бутанаев 2003: 136–148; Дыренкова 2012: 189–229].

Имя учёного Николая Фёдоровича Катанова (1862–1922) широко известно и популярно в Хакасии и за её пределами. За 40 лет активной научной деятельности учёным было опубликовано 382 работы [Кокова 1993: 103]. Значительная часть публикаций была связана с введением в научный оборот результатов полевых исследований, проводимых на территории современной Хакасии. На протяжении двадцати лет Н. Ф. Катанов организовывал экспедиции в Хакасию и сопредельные территории (1889–1892, 1896, 1899, 1909), собирая обширный лингвистический, фольклорный, археологический и этнографический материал.

Уже в своих ранних публикациях, посвящённых духовной культуре хакасов, Николай Фёдорович Катанов обращался к теме священного коня. В статье «Бубен и колотушка шамана по описанию минусинских татар», объясняя значение изображений на шаманском бубне, Н. Ф. Катанов указывает на образ коня-*изыха*, расшифровывая смысл не только конкретного изображения, но и самого культурного феномена, упоминая и об обряде посвящения живот-

ных в *изыхи* [Катанов 1890: 237–239]. К слову, в какой-то мере благодаря обращению Н. Ф. Катанова к теме изобразительной культуры хакасов этнографического периода, которая позже была развита современными этнографами, археологам Л. Р. Кызласову и Н. В. Леонтьеву удалось, спустя почти столетие, выделить целый пласт поздних петроглифов – «народных рисунков хакасов» [Кызласов, Леонтьев 1980: 175]. Обряды посвящения, использование *изыхов* в обрядовой общественной и шаманской практике, отношение к ним в быту были описаны Н. Ф. Катановым довольно подробно [Катанов 2004: 189–190]. Отдельное внимание исследователь уделял обозначению участия коня-*изыха* в жертвоприношениях горным духам, одной из самых распространённых в Хакасии, вплоть до начала XX в., форм общественных молений [Катанов 1907: 425–428, 529; Бутанаев 2005: 10–16]. Народное восприятие культа родовых священных коней и их роль в обрядах жизненного цикла (рождение, свадьба, погребение), место таких коней-*изыхов* в системе религиозно-философских представлений хакасов, высокую значимость образа коня в различных жанрах хакасского фольклора можно оценить сегодня благодаря обширным полевым исследованиям и публикациям Н. Ф. Катанова [Катанов 1897: 1–33; Катанов 1996: 21–117].

Таким образом, опираясь на материалы исследований Николая Фёдоровича Катанова, можно выделить три основных значения образа священного коня в контексте духовной культуры хакасов: *изых* – обязательный элемент обрядов горных жертвоприношений; *изых* – участник обрядов жизненного цикла и *изых* – часть ритуальных практик хакасских шаманов.

Литература

- Бутанаев В. Я. Социально-экономическая история Хонгорая (Хакасии) в XIX – начале XX в. – Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2002. – 212 с.
- Бутанаев В. Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. – Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 2003. – 260 с.
- Бутанаев В. Я., Монгуш Ч. В. Архаические обряды и обычаи саянских тюрков. – Абакан, 2005. – С. 10–16.
- Дыренкова Н. П. Тюрки Саяно-Алтая. Статьи и этнографические материалы. – СПб.: МАЭ РАН, 2012. – 408 с.
- Катанов Н. Ф. Бубен и колотушка шамана по описанию минусинских татар // Известия Томского государственного университета, 1890. – Кн. 2. – С. 237–239.
- Катанов Н. Ф. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов / Образцы народной литературы тюркских племён, изданные В. Радловым. – Ч. IX. – СПб., 1907. – С. 425–428, 529.
- Катанов Н. Ф. Отчёт о поездке 1896 года в Минусинский округ / Н. Ф. Катанов. – Казань, 1897. – 33 с.
- Катанов Н. Ф. Шаманские песнопения сибирских тюрков. Записи 1878–1892 годов / пер. А. В. Преловского. – М., 1996. – С. 21–117.
- Кокова И. Ф. Н. Ф. Катанов. Документально-публицистическое эссе. – Абакан, 1993. – С. 128.
- Кызласов Л. Р., Леонтьев Н. В. Народные рисунки хакасов. – М., 1980. – 175 с.
- Миклашевич Е. А. Окуневские лошади: к проблеме появления одомашненной лошади в Южной Сибири // Окуневский сборник 2: культура и её окружение. – СПб., 2006. – С. 191–211.
- Н. Ф. Катанов. Избранные труды о Хакасии и сопредельных территориях / сост. С. А. Угдыжеков. – Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2004. – 260 с.

*Ш. Камалова
(Санкт-Петербург, Россия)*

ИМЕННЫЕ И ГЛАГОЛЬНЫЕ ПРЕДИКАТЫ В ЯЗЫКЕ ДРЕВНЕТЮРКСКИХ РУНИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Предикативная структура представляет собой материальную, чаще всего лексическую реализацию логического суждения, содержащего какой-либо конкретный смысл. Её модель составлена из синтаксического субъекта (далее – СС) и синтаксического предиката (далее – СП). СС в конструкции лексически представляет предмет мысли, субъект, а СП – компонент конструкции, который лексически называется предикат логического суждения.

Информация о субъекте и предикате передаётся в сообщении с помощью двух основных компонентов: темы (передаёт информацию о субъекте высказывания) и ремы (передаёт информацию о предикате высказывания). Тема и рема могут быть выражены несколькими словами, из чего следует, что в словосочетании могут присутствовать слова, называющиеся субъектом, и слова, уточняющие (в качестве атрибутивных членов) границы и характеристики субъекта. В «ремной» части высказывания должны присутствовать слова, называющие предикат, и слова, так или иначе обслуживающие рему высказывания, т. е. несущие информацию о свойствах предиката или указывающие на объекты, с которым предикат связан.

В тюркских языках, как в большинстве языков, рема чаще всего выражается глаголом, однако встречаются и именные предикаты с ремой, состоящие из повторённой темы в виде абстрактного знака. Наш материал представляет анализ высказываний, которые встречаются в текстах рунических памятников, и члены, которые связаны предикативными отношениями.

В основе исследовательского анализа, по нашему мнению, должны лежать ответы на следующие вопросы:

1. Что такое предикативная модель и как она выражена в языке древнетюркских рунических памятников?

2. Какими важными свойствами обладает предикативная модель в этих памятниках и какой фрагмент действительности отображает?

Главная задача состоит в том, чтобы выделить элементы этой системы (те образцы, которые можно оценивать как отдельные модели построения предположений, описывающих какой-то определённый тип ситуации) и показать их единую грамматическую и лингвистическую сущность.

Необходимо осознавать, что всё многообразие конкретных предикативных высказываний в речи сводится к абстрактной модели, состоящей из двух компонентов – субъекта и предиката. Таким образом, схема любого предикативного высказывания может быть изображена в виде условных знаков: S + P. Общая синтаксическая модель «субъект – предикат» в сознании носителей языка может быть представлена по меньшей мере двумя основными моделями:

1) субъект – именной предикат;

2) субъект – глагольный предикат.

Для удобства восприятия в настоящей работе для обозначения первого типа предикативной модели принимается схема S + P_n (предикат-имя), а для второго типа – S + P_v (предикат-глагол). Самыми элементарными реализациями конструкции типа S + P выступают простые нераспространённые высказывания.

*А.Л. Кошелева
(Абакан, Россия)*

СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ОБРАЗНО-ПРЕДМЕТНЫХ НОМИНАЦИЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ФОЛЬКЛОРНЫХ ЖАНРОВ, ЗАПИСАННЫХ Н. Ф. КАТАНОВЫМ (1889–1892)

Вещный мир в фольклоре хакасов, как и в фольклоре всех народов мира, соотносится с предметами материальной культуры в реальной действительности. Так, по творениям далёких от нас по времени людей можно реанимировать, реконструировать материальный быт, установить генетическую связь сказки, легенды, песни, шаманского алгыса с обиходной жизнью богатого или бедного хакаса (хана, шамана, охотника или пастуха), представить их семейный или социальный статус. Образ, характер каждого из них дополняет, конкретизирует тот вещный мир, на который проецируются мечты, желания человека.

Ключевые слова: фольклор, традиция, вещный мир, номинация, образ, нарратив, аналогия, функциональность.

Образы реального и ирреального мира, фауны и флоры, предметы материального мира, созданные человеком, выстраивают, формируют мир произве-

дения, его содержательно-художественную структуру. Это явление, столь характерное для творческого процесса, присуще и фольклору, и литературе.

При этом известный литературовед А. П. Чудаков, рассуждая о «вещи в литературе», не проводит различия между «природным или рукотворным предметом» [Чудаков 1992: 8], сглаживая или даже снимающая оппозицию «материальная культура/природа».

Вещный мир в фольклоре хакасов, как и в фольклоре всех народов мира, соотносится с предметами материальной культуры в реальной действительности. Так, по творениям, далёким от нас по времени, можно реанимировать, реконструировать материальный быт, установить генетическую связь сказки, песни, легенды, шаманского обряда, алгыса с обиходной жизнью богатого или бедного хакаса: шамана, хана, охотника или пастуха, представить их семейный или социальный статус. Образ, характер каждого из них конкретизирует тот вещный мир, на который проецируются мечты и желания человека. Этот мир составляют: бубен, колотушка, шёлковый аркан, столб золотой или медный (сарчын), посох (часто золотой), меч железный или золотой, седло серебряное, сбруя коня золотая или серебряная, лук со стрелами (часто золотыми), сундук, шкатулки золотые или серебряные, сабли, трости, кольца, чашки, диваны, столы золотые или серебряные, одеяла шёлковые. Во всём этом, как отметил Н. Ф. Катанов, «найдётся немало интересных фактов для разъяснения истории народа, его религиозных верований, нравов и обычаев» [Катанов 1885: 5].

В фольклоре, как и в литературе, условно можно выделить важнейшие функции вещей. Это такие, как *культурологическая, характерологическая, сюжетно-композиционная*. Вещь может быть знаком изображаемой эпохи и среды, представлять различные миры: национальные, сословные, географические. Так, в песнях (ырах), преданиях (кип-чоох) русские торгуют сукном, бязью, порохом, ружьями, они – «начальники», рядом с которыми оказывается или «бумага», или «печать», предметом торговли хакаса-охотника является пушнина – мех соболя, лисы, белки. В сказках (нымах), богатырских сказках беки, ханы живут в «белых дворцах», бедные старик или старуха, простые сестра и брат проживают в юртах, покрытых корой или травой, «таёжных избушках»; ханы, князья, «храбрые», «сильные» богатыри одеты в дорогие одежды и «шёлковые», из дорогих мехов шубы, а бедняк, часто представленный «плешивым человеком», выглядит жалким в шубёнке из облезлых овчин или в рваном армяке. Местом происходящих событий и в эпическом, и в песенном фольклоре является или «белый дворец» у «белого моря», или «чёрная» или «золотая скала» в горах, или «тайга» с таёжной избушкой. А то и «жёлтая степь» с дымящимися юртами, табунами и стадами разного скота. Все атрибуты того или иного свойства наглядно представляют историческое время и местный колорит.

Знаково функциональна и выразительна образно-предметная система в бытоописательном нарративе хакасской сказки, семейно-бытовых и любовных песнях. Так, в сказке о старике Ак Кане и его младшем глупом сыне Алыг Шарчане («Глупая сажень») [Катанов 2012: 303–309] о многом, характерном для быта хакасов, их обычаях, желаниях, мечтах, нравах, заявлено в финале сказки, алгысе на свадебном пиру: «Привезли Алыг Шарчана в "святое кочевье". Его нарядили "в лучшую одежду", кормили "лучшим кушаньем". Закололи "серого жеребца", "гнедого жеребца". Праздновали 40 лет, потом 90 лет». Народ благодарит за пир: «Чем одеваться, да будет у вас шёлковое! Что вы едите, да будет жирным! Правую полу вашу пусть топчат дети! Место, где вы спите, пусть будет тёплым! Живите там, где будет богатство!» В этой же сказке просматривается *характерологическая функция* вещей: отец Ак Кан даёт младшему сыну Алыг Шарчану «стальной меч», который защищает его не только от злых братьев, но и помогает одолеть самого сильного богатыря Алтын Таса («Золотой Камень»); «золотой перстень» на пальце царевны – символ недоступности красавицы, а снять его с пальца царевны способен только самый сильный и самый ловкий богатырь, каким и оказался Алыг Шарчан. Подобная функция, тесная связь вещей со своими владельцами, характерна для многих сказок, в частности, в сказке о богатыре Кан Иргеке («Царь большой палец») [Катанов 2012: 295–302] только ему, Кан Иргеку, принадлежат две сакральные вещи – «белая кольчуга» и «золотая стрела», способные предопределить судьбу героя.

Выразительная характерологическая функция вещи в урянхайских песнях, представляющих местное «начальство» и чиновников, записанных на берегу реки Бом-Кемчика: «Сидит *начальство* – Амбан-Найон, лежит же под ним *подушка* белая, шёлковая! Он предложит *чашку* чистую из дерева сандал, где же у тебя *диван* с золотыми ножками?; Сидят *чиновники*: кунду и нойон, где же у тебя для них *подушка* бурая или шёлковая? Они подадут тебе бурую или дерева сандал чашку, где же у тебя для них *стол* с бронзовыми ножками?» [Катанов 2012: 85–86]. Эпитеты и детали конкретизируют не только сам мир вещей, интерьер, но и ярко опредмечивают, обозначают индивидуальность, «самость», социальный портрет «начальства» и «чиновников», которые владеют этими вещами.

Интересна композиция *вещного мира* перечислительного свойства в песне карагасов, представляющая различные миры – национальные, географические с деталями топонимики и этнодеталями:

Есть у меня *трубка*
Со смородиным *чубуком*,
Выкопанным из жёсткого места!
Есть у меня *табак*,
Имеющий горький дым,

Купленный мною на *Ангаре!*
 Есть у меня табак,
 Полагаемый за пазуху и куримый,
 Купленный в городе *Канске!*
 Буду я поживать,
 Варя (сваривши)
 Густой чай,
 Купленный в Красноярске [Катанов 2012: 636–637].

Одна из важнейших функций образно-предметной системы, в частности, в фольклоре – *сюжетно-композиционная функция*. Известно, что через всё повествование, например сказки, от исхода до финала функционирует её герой – старик Ок Кан, богатырь Кан Иргек, его сестра Кан Арыг («Чистая Кровь»), добрый, сильный кудесник Канчаппа, мужественный, находчивый охотник Степан или смышлёный, умный, «ловкий» Афонька, образ которого формирует содержательно-эстетический стержень сказочного нарратива. Действенность каждого из подобных образов акцентируется, актуализируется порой необычными предметами, которые их окружают, а чаще всего помогают им. Им принадлежат: стальной, железный или золотой меч, стрела, часто золотая, дубина-палка, топор, а силу приумножает или выпитое молоко, вино или вода из молочного озера, или дым богородской травы, железный мост, лестница, ведущая в «белое царство» на «золотой скале». Сказителю, который рассказывает сказку, легенду, поёт песню, важно передать слушателю необычность обстановки, окружающей персонажей, её непохожесть на обычный мир, окружающий нас. Эпитеты, детали, параллели-сравнения усиливают, конкретизируют, индивидуализируют значимость образа, действенность его функциональности. Особенно эффектно разноцветье эпитетов в хакасском фольклоре: «белое», «чёрное», «красное», «жёлтое», «зелёное» – цвета самой жизни. В сказках красуется «белый дворец», стоящий у «белого моря», а степь бывает «белой», «чёрной», «жёлтой»; гора с «чёрной верхушкой», «чёрная скала с семью чёрными людьми» [Катанов 2012: 244–252], «чёрная печень», «чёрная собака с огненными глазами», «черноголовый народ» (в песнях, сказках), кровь дьявола, злых и жестоких богатырей – «чёрная», а кровь богатыря-защитника, светлого, доброго, кровь человеческая – только красная.

В песне, записанной в селе «Аскыс Минусинского округа» в номинации исполнителя песни, образ мужчины, характер, жизнь, судьба которого в образных параллелях, риторических вопросах определяется тем миром родной природы, который его окружает, которым он живёт:

Есть ли *белогорье*, которого не посещал *медведь*?
 Есть ли мужчина, живший без заблуждений?
 Есть ли *озеро*, которого не переплывал *волк*?
 Есть ли мужчина, живший без знакомых?
 Есть ли *гора*, по которой не ходила *кабарга*?

Есть ли мужчина, выросший без забот?
 Есть ли *гора*, по которой не ходил *олень*?
 Есть ли мужчина, выросший без мучений?
 [Катанов 2012: 233].

Сюжетно-композиционная структура, её функциональность в системе фольклорного нарратива очень часто определяется образами условного мира, ирреального, которые зачастую определяют судьбу героев мира реального, обитающих в юртах и избушках, проживающих в дворцах. Это Бог – творец, создавший землю и человека, – Пурхан, Кудай. Бог наказывает за грехи простых смертных, отнимая у них еду, удачу, а богатырей наказывает лишением «половины ума», детородности, может убить, сжечь. Бог преследует дьявола «громовую стрелой». Воля Божия излагается на листе бумаги (послание), в письме. В сказке «Богатырь Алтын Кёк и дьявол» – два посланника, прибывшие от богов, говорят сестре Алтын-Артчол («Золотой платок») «отпустить брата к богам». А в финале сказки боги определяют судьбу самой Алтын-Артчол: «Вышедши из юрты, она увидела у передней луки лошадиного седла *бумагу*; в той бумаге были следующие слова: "Всевышние семь богов призывают Алтын-Артчол, чтобы она жила с богами и не выходила на землю замуж!"» [Катанов 2012: 227–232]. Человек, который не слушается богов, их воли, превращается в камень. Боги оказывают помощь людям, являясь к ним чаще всего в образе старика, «надевшего худое платье»: он милует людей, оказывает помощь, «подаёт добрый совет».

Носителем зла, несчастий в песнях, сказках является дьявол – Эрлик-хан, живущий под 17 слоями земли. Бог – друг человека, а дьявол – мстительный искуситель. Его задобрить может только шаман, принося жертву, говоря ему «хорошие и ласковые слова». В сказке «Были старик и старуха» в системе перечислительной интонации номинаций окружающего мира утверждается в итоге всеисилие алгыса шамана: старуха и старик спорят, кто сильнее, после того, как их единственное богатство «белая корова упала на лёд». Один за другим следуют выводы: «Лёд – сильнее», но «зачем он тает от солнца?» – «Солнце – сильнее!», но солнце заслоняет гора. – «Гора – сильнее!», но гору «сверлит мышь». – «Мышь – сильнее!», но мышь ловит собака. – «Собака – сильнее!», но собаку «бьёт ленивая женщина». – «Ленивая женщина – сильнее!», но почему её бьёт муж? – «Муж – сильнее!», но «дьявол причиняет ему болезнь». – «Дьявол (Айна) – сильнее!», но «зачем гоняет его шаман?» – «Шаман (кам) – сильнее (его и всех)!» [Катанов 2012: 292–293].

В сюжетно-композиционной структуре динамика развития действия определяется самыми разными носителями зла и несчастья. Это своеобразные слуги Эрлик-хана: черти (айна), злые горные и лесные духи, кукат (голая женщина), сорок кукат

иногда превращаются в одну ведьму – Чельбиген. Место, где живёт эта слуга дьявола, – «скала с ракиновым кустом, выросшим сквозь 17 слоёв земли». Странное существо с конопляными косами творит бесконечное зло человеку (героям сказок и легенд): пьёт пригоршнями кровь из груди богатыря, запруживает водоёмы, обратившись золой, отравляет воду, неся смерть, в сказке о богатыре Кан Ергене убивает его, но другой земной богатырь убивает ведьму, превратившуюся в чёрную лису. Ударяя себя по бёдрам мечом, она летает над землёй, приумножая людские несчастья и сея смерть. Однако в сказке человек (охотник, богатырь) не теряет надежду победить дьявола и его слуг. Развязка сюжета чаще всего оптимистична, как в сказке «Жил один старик», в которой хищная, злобная ведьма побеждена чудесным, необычным младенцем. Взяв в руки топор, что лежал у «палатки из жёлтой ткани», он ответил на угрозы ведьмы: «"Хотя я и грудной младенец, я всё-таки размозжу тебе голову и расчешу тебе спину! Вот я какой мальчик!" От страха ведьма повисла на ветвистом тальнике, с которого она поднялась, и полетела на луну. Ведьма теперь сидит на луне» [Катанов 2012: 158–160]. Версия о ведьме на луне – интересный факт *национальной онтологии*, повторяющийся в легендах и сказках. Так, в сказке Чельбиген (Кощей) охотился за женщиной, пришедшей на реку за водой. Женщина, спасаясь, «ухватилась за ракинов куст», «тут-то и подхватил Чельбигена месяц, поднявши вместе с ним ракинов куст. Женщину, как она несла вёдра, месяц подхва-

тил со всем. Мрак лунный от этого именно и бывает» [Катанов 2012: 274].

В системе номинации вещей и образов, в сюжетно-композиционной структуре национального фольклора, записанного Н. Ф. Катановым, важную функцию несут «письма», «бумага», «печать» или перстень-печать. Чаще всего бумага, печать, перстень с изображениями встречаются, по заявлению самого Н. Ф. Катанова, в сказках абаканских татар. Обычно по воле Божьей письмо оказывается возле лука, у стрелы, у стоящего перед юртой столба (сарчын), иногда у передней луки седла. Письмо бывает необычных размеров – величиною с потник, с кожу («кечим») и располагается сверху потника. Иногда образ говорящего или того, о ком идёт речь, конкретизируется именем или фамилией: «Если надо говорить остроумно, то здесь ведь есть сын Каната! Если надо говорить находчиво, то здесь ведь есть сын Сүйрек» [Катанов 2012: 235]. В сказках о родах (кости) тоже заявляет о себе конкретика номинаций родов: «сказка о роде Чогду»; «сказка о роде Чептей»; «имя тех русских было человек Ярмака (Ермака)» [Катанов 2012: 653, 657].

Описание предметно-образных номинаций в фольклоре – одна из его стилистических доминант. Это характерно для всех жанров эпического и песенного фольклора – украшение и детализация предлагаемых в слове образа и мира. Само же исследование предметно-образного мира и в фольклоре, и в литературе, предполагая целый ряд проблем в плане временной дискретности и жанровой специфики, остаётся актуальным.

Литература

Катанов Н. Ф. Образцы народной литературы тюркских племён. Тексты собраны и переведены Н. Ф. Катановым. Напечатано по распоряжению Императорской Академии Наук. 1907. Издание переиздано по решению Учёного совета Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. – Абакан, 2012. – 658 с.

Катанов Н. Ф. Замечания о богатырских поэмах минусинских тюрков. – СПб., 1885. – 8 с.

Чудаков А. П. Слово – вещь – мир. От Пушкина до Толстого: очерки поэтики русских классиков. – М.: Современный писатель, 1992. – 317 с.

Ли Цзиньсю (Li Jinxiu)
(Пекин, Китай)

ТОРГОВЛЯ ШЁЛКОМ И ЛОШАДЬМИ МЕЖДУ ИМПЕРИЕЙ ТАН И СЯЦЗЯСЫ (QĪRQĪZ)

Торговля шёлком и лошадьми являлась основным каналом экономических обменов между кочевниками и осёдлыми общинами, а также одним из наиболее устойчивых видов коммерческой деятельности на Великом шёлковом пути. В силу кочевой экономической необходимости, геополитически обусловленного спроса и неизбежных материальных обменов обмен шёлка на лошадей сохранялся в течение многих веков. Учёные из Китая и других стран внесли большой вклад в изучение торговли шёлком и лошадьми, уделяя основное внимание обменам между династией Тан и кочевниками, в основном тюрками и уйгурами. Между тем сделки между империей Тан и сяцзясы, или qīrqiż (кыргызами), практически не исследовались. Таким образом, в данной статье автор делится определёнными представлениями о торговле шёлком и лошадьми между династией Тан и сяцзясы/qīrqiż.

Ключевые слова: империя Тан, сяцзясы, кыргызы, Великий шёлковый путь.

Silk-horse trade was the major channel of economical exchanges between nomads and sedentary communities, as well as one of the most enduring commercial activities on the Silk Road. Due to the necessity of nomadic economy, geopolitically caused demand, and unavoidable material exchanges the trade of silk for horses persisted many centuries. Scholars from China and other countries have made many contributions to the study of silk-horse trade, focusing mostly on the exchanges between the Tang and the nomads, mostly the Türks and Uyghurs. Meanwhile, the transactions between the Tang Empire and the Xiajiasi or Qırqız (Kyrgyz) were barely researched. The author here, therefore, offers certain opinions on the silk-horse trade between the Tang and the Xiajiasi/Qırqız.

After the Tang Empire suppressed the Türks (Tujue) during the Zhenguan Era (627–649), several Tiele tribes including the Uyghurs and Pugus all submitted to the Tang suzerainty. The Tang Empire designated Subordinated Prefectures across the vast steppe north to the Gobi Desert and installed postal stations along the Tributing to Heavenly Kehan Road. Thus, the route between the Tang and the Uyghur had been unblocked. But the Xiajiasi was not included in the system. The Uyghurs, Pugu and all the thirteen tribes under Tiele roamed around the steppe north to the Gobi Desert thus they did not control the sources of sable fur. The source of the sable that the thirteen Tiele tribes was from the Xiajiasi who traded with the Tiele for the silks.

The Tiele, however, did not produce silk textiles either. Their silks came from the horse-silk trade with the Tang Empire. The Tiele tribes mostly traded in horses to obtain silk damask and brocade as well as plain silk textiles from the Tang. Then the Uyghurs, Pugus and other Tiele tribes sold the silks to the Xiajiasi with hefty prices for precious sable goods.

Tiele tribes and the Türks who controlled the Silk Road before 630 had no need for horses, cattle and sheep. The only commodity that Xiajiasi could do them were sables. When the Türks and Tiele controlled the prices of silks on the steppe Silk Road, Xiajiasi could not sell their excellent horses but to sell their sables cheaply. Aware the disadvantage, the chief of the Xiajiasi, Iltäbär Shiboquazhan made the trip to the Tang court in the 22nd year of the Zhenguan Era (648). Once Tang established Jiankun Chief Military Commission to include Xiajiasi into the suzerainty, the Heavenly Kehan Road extended northwest all the way to the Yenisei catchment. More important, the Xiajiasi and the Tang set up a direct silk-horse trade.

The first form of the silk-horse trade between the Tang and the Xiajiasi was that Xiajiasi making horse tribute. The Tang court paid all the tributes, according to their values, with brocade, damask, and plain silk. The second and the most important form of horse-silk trade between Chinese dynasties and nomadic tribes was exchange at border fairs. The third form of silk-horse trade was transactions carried out by private traders. Xiajiasi traders followed envoys to come to the Tang Empire were engaged in trade themselves. These three forms of horse-silk trade between the Xiajiasi and the Tang had been going on from the Zhenguan Era (627–649) to the time of An-Shi Rebellion (755–763).

After the An-Shi Rebellion resided, the Uyghurs sent their army to aid the Tang government to suppress the chaos, including the campaigns of regaining the two capitals, Chang'an and Luoyang. To reward their contributions, the Tang government granted them large amount of gold, silver, and silks, in addition to large allotment of border fair silk-horse trade. In order to get more silks, the Uyghur controlled not only the silk-horse trade allotment with the Tang, but also monopolized the silk – horse trade allotment of the region north to the Gobi Desert. Due to the tension between the Xiajiasi and the Uyghurs, the Xiajiasi could get neither the Tang allotment, nor the direct trade with the Uyghurs. Therefore one of the purposes that the Xiajiasi conquering the Khanate of the Uyghurs in the year of 840 was to overtake the monopoly of the silk-horse trade.

Silk-horse trade was the mutual supplemental economic relationship between the nomadic pastoral groups and agricultural communities. After the Second Türk Khanate established as the hegemon of the region north to the Gobi Desert, the Tang engaged trade with it. In an edict issued to the Türkic Khanate by Emperor Xuanzong in year 721, «During the previous years when the Tang and the Türk Khanate were in good relationship, both sides were very happy. Soldiers had rest, trade and communications were going. We bought horses and sheep from the Türks, and the Türks bought our silks. Both sides were satisfied and benefitted».

The silk-horse trade between the Xiajiasi and the Tang was exactly this kind of exchanges, where each side offered what they had and bought what they needed. The results were both the Tang and the Xiajiasi were «very happy». Through this trade, «both sides were satisfied and benefitted». Therefore, this was a win-win partnership for economic developments in both sides, and sustained the prosperity of the Silk Road.

Н. Н. Медведева
(Абакан, Россия)

ЖИЗНЬ ВНЕ ПОЛИТИКИ

В статье рассматривается участие Н. Ф. Катанова в студенческие годы в областническом движении, повлиявшее на изменение его политических взглядов. Это заставило его стать «академистом», далёким от политики, сосредоточившимся только на научной работе. В начале XX в. в результате революции в стране оформилась многопартийная система, включавшая партии монархические, либеральные, радикальные. Наиболее образованная часть российского общества стала активно участвовать в их деятельности, считая долгом использовать свой интеллект для модернизации политического строя.

Ключевые слова: Николай Фёдорович Катанов, политика, общественно-политическое движение, областничество, наука.

Имя Николая Фёдоровича Катанова в настоящее время широко известно не только в России, но и далеко за её пределами. За последние десятилетия состоялось несколько научно-практических конференций различного уровня, посвящённых тюркологии с мировым именем, вполне заслуженно говорится о его колоссальном вкладе в развитие языкознания, фольклора, археологии и этнографии восточных народов.

Однако представляется важным обратиться к политическим взглядам этого неординарного человека. Ведь Н. Ф. Катанов жил и творил в весьма непростое, переломное время, когда произошла кардинальная смена идеологических парадигм: от монархии к социализму. Многие видные учёные становились лидерами политических партий, например, известный историк П. Н. Милюков в годы первой российской революции стал одним из организаторов Партии конституционных демократов (кадетов). Великий учёный, мыслитель и гуманист В. И. Вернадский тоже разделял либеральные идеи кадетов, неслучайно партию кадетов называли партией интеллектуалов. Как патриот, Николай Фёдорович не мог совершенно безучастно относиться ко всему происходившему в России в первые десятилетия XX в.

Впервые о существовании оппозиционных общественно-политических движений Катанов узнал в 1884–1888 гг., будучи студентом Императорского Санкт-Петербургского университета. Студенческая молодёжь Санкт-Петербурга была увлечена революционной романтикой, радикальными идеями о политическом переустройстве страны, которые обсуждались на заседаниях нелегальных кружков и обществ. В северной столице Николай Фёдорович познакомился с Г. Н. Потаниными, Н. М. Ядринцевым, признанными идеологами областничества. Областническая концепция, оформившаяся в 60-е гг. XIX в., предусматривала осуществление комплекса либеральных мероприятий: отмену уголовной ссылки в Сибирь, отмену экономических ограничений и создание благоприятных условий для этого богатого на природные ресурсы региона, создание и закрепление в Сибири местной интеллигенции,

коренное улучшение положения сибирских народов, спасение их от эксплуатации и вымирания [Коржавин, Мирзоев, Яновский 1971: 141]. Конечной целью областничества ставило предоставление автономии Сибири в составе Российской империи на правах самоуправления. Оно не было однородным общественно-политическим течением, к правому крылу областничества примыкали партии прокадетского направления, его левое крыло были представлено местными организациями социалистов-революционеров (эсеров) [Медведева 2006: 146]. Нет сомнения в том, что либеральные взгляды областников не поддерживались правительственными кругами и вызывали настороженность Департамента полиции.

Проблемы, поднимавшиеся областниками, бурно обсуждались передовой общественностью и студенчеством Санкт-Петербурга на знаменитых «четвергах», устраивавшихся известным публицистом, общественным деятелем Николаем Михайловичем Ядринцевым. Катанов на равных вошёл в политизированную студенческую среду, проникся её оппозиционными, свободолюбивыми и патриотическими устремлениями. На собраниях он, как никто другой знавший нужды коренных народов, горячо выступал «за образование и просвещение народов Сибири» [Макарова 1958: 88].

Вскоре по предложению Ядринцева началось сотрудничество Н. Ф. Катанова с еженедельной газетой «Восточное обозрение», считавшейся одним из лучших провинциальных изданий. В газете с ярко выраженным областническим направлением, редактором которой был сам Ядринцев, начинающий исследователь опубликовал «Сказания и легенды минусинских татар» – один из первых научных трудов будущего учёного.

Активность и общительность студента из числа «иногородцев», связанного с не вызывающими доверия областниками, привлекли внимание III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии – высшего органа политической полиции Российской империи. Основной задачей отделения являлись надзор за политически неблагонадёжными лицами и их выявление. Следствием этого «внимания» стала подписка Н. Ф. Катанова, датированная

26 августа 1887 г.: «...обязуюсь не только не принадлежать ни к какому тайному сообществу, но даже без разрешения на то в каждом отдельном случае ближайшего начальства не вступать и в дозволенные законом общества...» [Иванов 1962: 22]. Именно тогда, подписывая указанный документ, 25-летний студент должен был решить для себя непростую дилемму: или политика, или наука. Для Катанова это был судьбоносный выбор, которому он остался верен до конца своей жизни: только наука стала главным его делом. Настороженное отношение царского правительства к либерализму вынудило выпускника университета во имя науки отказаться от либеральной идеологии как опасной для общества. Думается, эта подписка навсегда отторгла будущего тюрколога от всякой политической деятельности.

Но ядринцевские «четверги» не прошли бесследно для начинающего исследователя: они убедили его в необходимости скрупулёзного изучения быта, обычаев, языков аборигенных народов Сибири. Бессменные лидеры областничества Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев и другие участники знаменитых сибирских землячеств способствовали становлению Н.Ф. Катанова как учёного и как исследователя Сибири.

В воспоминаниях современника Катанова, журналиста и общественного деятеля, в 1917 г. вступившего в ряды Трудовой народно-социалистической партии, И. Барашкова-Эпчелая отмечается: «Катанов не был последователем левых политических течений, но он весьма высоко ценил деятельность отдельных лиц, которых он или знал лично, или хорошо был знаком с научной и общественной деятельностью какого-либо политического деятеля» [Барашков-Эпчелей 1958: 152]. В окружении Н.Ф. Катанова действительно было немало людей, оппозиционно настроенных к власти, – это политические ссыльные, находившиеся в Сибири: Э.К. Пекарский, Д.А. Клеменц, Ф.Я. Кон и другие.

Эдуард Карлович Пекарский (1858–1934), находясь в ссылке в далёкой Якутии с 1880 по 1904 г. за участие в народническом движении, занялся изучением якутского языка. Итогом его многолетних исследований стал фундаментальный словарь якутского языка, высоко оценённый Н.Ф. Катановым. И в дальнейшем, уже после окончания срока ссылки, Николай Фёдорович оказывал всяческую поддержку якутоведу Э.К. Пекарскому [Кокова 1993: 63], ставшему в 1931 г. почётным членом Академии наук СССР.

Дмитрий Александрович Клеменц (1848–1914), участник народнического движения, отбывал срок наказания с 1879 г. в Минусинске. Как и многие политссыльные, он занялся научной работой, отдавая предпочтение археологическим и этнографическим исследованиям. На основе материалов музея и библиотеки Д.А. Клеменцем была написана в 1886 г.

книга «Древности Минусинского музея» [Енисейский энциклопедический словарь 1998: 270]. Этот труд Д.А. Клеменца не остался без внимания Катанова, постоянно интересовавшегося научной литературой о родном крае.

Феликс Яковлевич Кон (1864–1941) 18 долгих лет – с 1886 по 1904 г. – провёл на каторге и ссылке за участие в польской политической организации «Пролетарит» [Енисейский энциклопедический словарь 1998: 286]. Оказавшись после Забайкалья и Якутии в Минусинске, он активно сотрудничал с местным музеем, занимаясь изучением сибирских народностей. Однако этнографические труды Ф.Я. Кона получили довольно сдержанную оценку учёного из Казанского университета, по праву считавшегося непревзойдённым знатоком автохтонных народов Сибири.

Чувство глубокого уважения испытывал Николай Фёдорович к ещё одному ссыльному – В.А. Караулову, хотя лично они не были знакомы. Василий Андреевич Караулов был арестован в Киеве в 1883 г. по делу народовольцев. По решению суда четыре года он провёл в Шлиссельбургской крепости, откуда пешком, закованный в кандалы, был направлен в ссылку в Иркутскую губернию. В 1893 г. его перевели на жительство в Красноярск, где он служил частным поверенным при Красноярском окружном суде. С созданием Конституционно-демократической партии (кадетов) Караулов стал одним из организаторов и лидеров Красноярской кадетской группы. Избиратели Енисейской губернии оказали ему доверие, избрав его депутатом III Государственной думы [Медведева 2010: 86–87]. Уже упоминавшийся И. Барашков-Эпчелей в своих воспоминаниях приводил эпизод, который запал в душу Н.Ф. Катанова: «Однажды он (Караулов. – Н.М.) начал в Думе своё выступление, и какой-то оголтелый черносотенец-поп крикнул ему: "Каторжник!". Караулов повернулся к хулигану в рясе и сказал с большим достоинством: "Да, почтенный отец, я был каторжником, и с бритой головой и с кандалами на ногах я мерил бесконечную Владимирку (тракт, по которому гнали каторжников в Сибирь. – Н.М.) за то, что смел желать и говорить, чтобы вы заседали в этой палате, за желание изменить государственный строй ненасильственными средствами; я был судим военным судом, осуждён, лишён всех прав, состояния и приговорён к каторге. И то, что я был каторжным, составляет гордость мою на всю жизнь. В этой могучей волне, которая вынесла вас в эту залу, есть и моя капля крови, и моя капля слёз. Она мала и незаметна, но я знаю, что она есть, и этого достаточно, чтобы оправдать моё существование перед богом и людьми". Николай Фёдорович не раз цитировал эти слова и как-то прибавил: "Я никогда не был политиком, но не могу не уважать силы, чувства и искренности этих слов"» [Барашков-Эпчелей 1958: 162–163].

Профессора Катанова причисляли и к лагерю ярых монархистов. В Большой советской энциклопедии политические взгляды Н. Ф. Катанова оценивались как монархические [Большая советская энциклопедия 1953, 20: 361]. Очевидно, появление такой оценки было связано с работой Николая Фёдоровича во Временном комитете по делам мусульманской печати Казанского окружного суда, созданном в 1907 г. Год создания Временного комитета далеко не случаен: после подавления первой российской революции монархия попыталась реставрировать старые порядки, установив жёсткую цензуру за изданием литературы, особенно политической.

Работа в качестве цензора предполагала чтение многочисленных брошюр, книг, журналов, поступавших из губернского жандармского управления, цензорам приходилось заниматься переводами на русский язык политических воззваний, прокламаций, осуществлять контроль за учебниками, использовавшимися в татарских школах и медресе [Бутанаев 2012: 204]. Это обстоятельство стало серьёзным поводом для обвинения Катанова в приверженности монархии. Но учёным, согласившимся на должность цензора, двигали отнюдь не монархические убеждения, а скорее прагматические цели. Он пережил все тяготы нищенского существования и в детские, и в студенческие годы. Как глава семьи, он считал себя ответственным за материальное благополучие родных ему людей. Работа во Временном комитете давала дополнительный заработок к доходам экстраординарного профессора Казанского университета.

Н. А. Васильев, сын друга Н. Ф. Катанова, писал: «Он (Катанов. – Н. М.) никогда не принадлежал к партиям консервативных течений, но своим политическим безучастием к активным выступлениям сохранил за собой наименование "академист"» [Васильев 1958: 117].

Демократический импульс Февральской революции 1917 г. не был реализован до конца. Последовавшая за ней Октябрьская революция стала воплощением большевистско-леворадикальной альтернативы во главе с её лидером В. И. Лениным. Политика большевиков вызвала глубочайший раскол в российском обществе, в разных социальных слоях, в том числе и в рядах интеллигенции. Демократически настроенная интеллигенция активно сотрудничала с Советской властью, реакционная её часть крайне враждебно относилась к новой власти. По мнению С. Н. Иванова, автора первого полного биографического труда о профессоре Казанского университета: «Катанов, верный своему "академизму", был не в состоянии понять политическое значение событий, происходивших вокруг него, и воспринимал их, по крайней мере, в первое время, как внешние обстоятельства, неизбежные при всякой смене властей» [Иванов 1962: 80].

Несмотря на смену власти, востоковед и этнограф, как и в дореволюционное время, по-прежнему увлечённо занимался преподавательской, научной, музейной деятельностью, он был членом 9 научных обществ, как российских, так и зарубежных. Современник Николая Фёдоровича, профессор Б. В. Миллер, вспоминал, что Катанов вообще избегал разговоров на политические темы, отдавая предпочтение научным [Ултургашев 1993: 21].

Политическая индифферентность профессора Н. Ф. Катанова, истоки которой были заложены ещё в студенчестве, была осознанным выбором. Он не симпатизировал ни радикалам, ни монархистам, хотя открыто об этом никогда не говорил. Как истинный патриот Отечества, своим долгом он считал всемерное развитие науки, образования и просвещения, чему и посвятил всю свою жизнь, неиссякаемой жаждой полезной деятельности компенсируя свою политическую «нейтральность» [Иванов 1962: 88].

Литература

- Барашков-Эпчелей И. Н. Ф. Катанов // Катанов Н. Ф. Материалы и сообщения. – Абакан: Хакасское книжное издательство, 1958. – 216 с.
- Бутанаев В. Я. Жизненный путь и судьба профессора Н. Ф. Катанова (1862–1922) // Наследие Н. Ф. Катанова: языки, история и культура тюркских народов России (к 150-летию со дня рождения Н. Ф. Катанова): материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 16–19 мая 2012 года, г. Абакан. – Абакан: Издательство ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2012. – 396 с.
- Большая советская энциклопедия, т. 20. – Государственное издательство «Большая советская энциклопедия», 1953.
- Васильев Н. А. Воспоминания о профессоре Николае Фёдоровиче Катанове // Н. Ф. Катанов. Материалы и сообщения. – Абакан: Хакасское книжное издательство, 1958. – 216 с.
- Енисейский энциклопедический словарь. – Красноярск: КОО Ассоциация «Русская энциклопедия», 1998. – 735 с.
- Иванов С. Н. Николай Фёдорович Катанов (1862–1922). Очерк жизни и деятельности. – М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1962. – 108 с.
- Кокова И. Ф. Н. Ф. Катанов. – Абакан: Хакасское книжное издательство, 1993. – 128 с.
- Коржавин В., Мирзоев В., Яновский Н. К характеристике сибирского областничества // Сибирские огни. – 1971. – № 12. – С. 138–151.
- Макарова О. Б. Н. Ф. Катанов – воспитанник Санкт-Петербургского университета // Н. Ф. Катанов. Материалы и сообщения. – Абакан: Хакасское книжное издательство, 1958. – 216 с.

Медведева Н. Н. Неонародники в общественно-политической жизни Восточной Сибири (1905–1917 гг.). – Абакан: Издательство Хак. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2006. – 188 с.

Медведева Н. Н. Многопартийность в России: история и современность (региональный аспект): учебное

пособие. – Абакан: Издательство ГОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2010. – 160 с.

Ултургашев С. П. Звезда мировой величины (к 130-летию со дня рождения Николая Фёдоровича Катанова). – Абакан, 1993. – 36 с.

*В. В. Миндибекова
(Новосибирск, Россия)*

ФОЛЬКЛОРИСТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ Н. Ф. КАТАНОВА: ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ, ОТЧЁТЫ И ПУБЛИКАЦИИ

В докладе рассматривается экспедиционная и исследовательская деятельность первого хакасского учёного Н. Ф. Катанова (1862–1922). Характеризуется вклад учёного в собирание и изучение фольклорного материала, сделанный за период с 1878 по 1892 г. Большая часть научных трудов, полевых материалов и дневниковых записей Н. Ф. Катанова остаётся неопубликованной.

Ключевые слова: хакасский фольклор, Н. Ф. Катанов, экспедиции, рукописи, жанр.

18 мая 2022 г. исполняется 160 лет со дня рождения выдающегося учёного-тюрколога, профессора Николая Фёдоровича Катанова. Его труды в области этнографии, фольклористики, лингвистики, диалектологии имеют важное научное значение. Особое место в его научной деятельности было отведено изучению хакасского фольклора. Актуальность изучения наследия Н. Ф. Катанова связана с необходимостью введения в научный оборот неизданных трудов учёного, а также объективной научной значимостью собранных им материалов.

Свод фольклорных материалов, записанных им от абаканских татар, урянхайцев и карагасов, был опубликован В. В. Радловым в IX томе «Образцов народной литературы тюркских племён» [Образцы ... 1907а]. В данном издании тюркские тексты транскрибированы по системе академиков О. Н. Бётлинга и В. В. Радлова [Образцы ... 1907а: 2]. Переводы текстов на русский язык изданы отдельной книгой [Образцы ... 1907б].

Корпус абаканских текстов (раздел Б) распределён на три отдела в соответствии с хронологическими периодами экспедиционной работы: отдел первый (1878–1884 гг., тексты 1–423), отдел второй (1889–1890 гг., тексты 1–621), отдел третий (1892 г., тексты 1–115). Записи проводились на качинском, койбальском, бельтырском и сагайском наречиях хакасского языка.

Каждый отдел подразделён в соответствии с местом сбора текстов. Тексты содержат примечания, в которых отражены сведения об информантах с указанием двух имён (русское и хакасское), возраста, места проживания, семейного положения исполнителя фольклора.

Отдел первый (1878–1884). Фольклористическая деятельность Н. Ф. Катанова как собирателя началась довольно рано, в 16-летнем возрасте. Во время учёбы в Красноярской гимназии педагог А. К. Завад-

ский-Краснопольский «...обратил особое внимание на способного юношу и посоветовал ему заниматься записыванием сагайских текстов и описанием обычаев "своего племени"» [Иванов 1962: 12]. С 1878 по 1884 г. записи проводились в верховьях рек Абакан, Аскиз, Бея, Есь, Камышта, Таштып. Об этом этапе он писал: «Мною более подробные записи произведены в долине реки Абакана, левого притока Енисея» [Образцы ... 1907б: 4].

Экспедиция проходила в Абаканской долине в Минусинском округе Енисейской губернии. В этот период Н. Ф. Катановым было записано 423 текста, в том числе 13 сказок, 32 пословицы, 1 песня, 2 благословения (*алгыс сөс*), а также множество рассказов и фраз из разговорной речи (*чоох-чаах*) [Образцы ... 1907б: 182–232].

С 1889 по 1892 г. Н. Ф. Катанов находился в длительной научной экспедиции по заданию Российской Академии наук и Русского географического общества.

Отдел второй (1889–1890). С 21 сентября 1889 г. по 12 января 1890 г. Н. Ф. Катанов записал более 600 текстов песен, благопожеланий (благословений), преданий и сказок. С 10 мая по 9 июня 1890 г. записаны тексты в с. Аскиз Минусинского округа Енисейской губернии. Среди них песни (*ырлар*), благопожелания (*алгыстар*, *той алгызы*, *хам алгызы*), проклятия (*харгыстар*). К примеру, в улусе Архипа Чертыкова на левом берегу р. Абакана (*Азбан*), между речками Аскысом (*Асхыс*) и Камыштой (*Ок*) были записаны сказки, загадки (*тапчаң ныхмах*) на сагайском и качинском диалектах, а также шаманские призывания (*хам хамнаан сөс*).

Отдел третий (1892). С 1 июля по 12 октября 1892 г. Н. Ф. Катанов посетил места проживания сагайцев, качинцев, бельтиров, каргинцев. Всего в этот период им записано 115 текстов, в том числе 46 текстов (предания, рассказы о шаманах, песни, благопо-

желания и проклятия) [Образцы ... 1907а: 561–610]. Большой интерес представляют образцы культовой поэзии (шаманские заклинания духов-предков, поклонение матери-огню, тексты, связанные с почитанием духов-хозяев природы и местности).

В 1896 и 1899 гг. по поручению историко-филологического факультета Императорского Казанского университета Н. Ф. Катанов отправился в Минусинский округ Енисейской губернии. Результаты поездок отражены в отчётах и статьях [Катанов 1897; Катанов 1901].

Николай Фёдорович был умелым собирателем, легко мог расположить к себе людей, и они делились сокровенными знаниями. О его человеческих качествах писал С. Н. Иванов: «Он был внимателен к людям и всегда готов помочь им, охотно и много ходатайствовал за других, был интересным собеседником, хорошим рассказчиком» [Иванов 1962: 62].

Несмотря на многочисленные трудности, Н. Ф. Катанов продолжал много работать над сбором и публикацией фольклорного материала. В конце XIX в. Н. Ф. Катанову удалось записать образцы почти всех фольклорных жанров, бытовавших в устной традиции хакасов. В «Предисловии» к работе он писал о сложностях, с которыми пришлось столкнуться во время поездок: «...по некоторым

причинам не удавалось углубляться в исследование отдельных говоров, в особенности языка урянхайского. Этому мешали разные обстоятельства: то скудость средств, то трудность передвижения, то подозрительное отношение разных инородцев, в особенности урянхайцев» [Образцы ... 1907б: 2].

Несмотря на сложности в собирательской работе, по итогам экспедиций в период с января 1889 г. по сентябрь 1892 г. исследователем собрана ценная коллекция фольклорных материалов, которая впоследствии была опубликована в «Образцах народной литературы тюркских племён». Эта публикация до сих пор остаётся основой для изучения фольклора тюркоязычных народов. Известный востоковед и переводчик С. Н. Иванов в своём первом опыте описания жизни учёного писал о нём: «Труды Н. Ф. Катанова оставили заметный след в разработке различных вопросов целого комплекса научных дисциплин, образующих востоковедение как науку» [Иванов 1962: 89]. Дальнейшее изучение и публикации трудов Николая Фёдоровича Катанова имеют огромное научное значение для сохранения уникальной фольклорной традиции тюркоязычных народов Южной Сибири и расширения компаративных исследований на базе фольклорных материалов учёного.

Литература

Иванов С. Н. Николай Фёдорович Катанов (1862–1922). Очерк жизни и деятельности. – М.-Л., 1962. – 108 с.

Образцы народной литературы тюркских племён, изданные В. Радловым. – СПб.: Изд-во АН СССР, 1907а. – Т. 9: Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. Тексты, собранные и переведённые Н. Ф. Катановым: Тексты. – 668 с.

Образцы народной литературы тюркских племён, изданные В. Радловым. – СПб.: Изд-во АН СССР, 1907б. –

Т. 9: Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. Тексты, собранные и переведённые Н. Ф. Катановым: Переводы. – 659 с.

Катанов Н. Ф. Отчёт о поездке, совершённой с 15 мая по 1 сентября 1896 года в Минусинский округ Енисейской губернии. – Казань, 1897.

Катанов Н. Ф. Отчёт о поездке в Минусинский уезд Енисейской губернии, совершённой летом 1899 года. – Казань, 1901. – 58 с.

А. С. Нилогов
(Абакан, Россия)

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ РОДОСЛОВНОЙ Н. Ф. КАТАНОВА

В статье рассматривается вопрос исторической реконструкции родословной хакасского учёного Н. Ф. Катанова на основе письменных источников, хранящихся в Государственном архиве Красноярского края, Национальном архиве Республики Хакасия и архиве г. Минусинска. Впервые в научный оборот вводятся фактические данные о нескольких предках Катанова, а также информация о документальном бытовании фамилии учёного.

Ключевые слова: Катанов, генеалогия, метрическая книга, Государственный архив Красноярского края, ревизская сказка, Национальный архив Республики Хакасия, архив г. Минусинска.

Биография хакасского учёного Николая Фёдоровича Катанова изучалась неоднократно. Однако генеалогический аспект не нашёл самостоятельного исследования за исключением статьи профессора В. Я. Бутанаева [Бутанаев 2012] и снятого потомками фильма «Родословное древо Николая Фёдоровича Катанова», в котором собраны опросы ближайших

родственников: Елизаветы Николаевны Катановой, дочери приёмного сына профессора – Николая Гавриловича Катанова, и Екатерины Ананьевны Катановой, дочери проводника профессора в экспедициях – Анания Андреевича Катанова. Поэтому нами предпринята попытка реконструкции родословной учёного на основе документальных первоисточ-

ников, хранящихся в таких архивах, как: Государственный архив Красноярского края, Национальный архив Республики Хакасия и архив г. Минусинска.

Метрическая запись о рождении/крещении

В 2022 г. отмечается 100-летие со дня смерти [Нилогов 2022] и 160-летие со дня рождения Николая Фёдоровича Катанова. Как известно, он родился 6 мая 1862 г. по старому юлианскому стилю (18 мая – по новому григорианскому) в степной местности Изюм недалеко от с. Аскиз улуса Турахов [Липаков, Решетов 2016: БРЭ]. В научной литературе до наших изысканий отсутствовали ссылки на первоисточник этой датировки [Кокова 2012]. Также в справочно-энциклопедической литературе приводилась противоречивая информация о девичьей фамилии матери Катанова: то ли Чаптыкова [Иванов 1973], то ли Кизекова. Звали её Марией (по-хакасски – Чамах) Степановой. В дневнике путешествия Н. Ф. Катанова по Минусинскому округу Енисейской губернии имя матери упоминается в качестве информатора: тексты 1–3 «сообщила сагайка Чамай, по-русски Мария Степановна Катанова, урождённая Кизекова, в 1880 г., живущая в Тураковом улусе, находящемся на местности Узюм близ озера Сарба-Кель в 15 верстах от Аскыса и в 10 верстах от устья Камышты, на левом берегу Абакана» [Дневник путешествия ... 334]. Отец Николая – улусный писарь Фёдор (по-хакасски – Хызыл) Семёнович Катанов – не состоял в церковном браке с женой. Хотя родители и придерживались православия, однако не были официально венчаны, поэтому в метрическом свидетельстве их сын числился незаконнорождённым.

Поскольку нигде не приводилась ссылка на архивные реквизиты данного метрического свидетельства, мы приступили к самостоятельным поискам. С сожалением приходится констатировать, что биографы Катанова не смогли выявить метрическую запись о его рождении, иначе бы вопрос о девичьей фамилии матери учёного был документально разрешён.

Итак, метрическая запись о рождении/крещении Николая Фёдоровича Катанова была обнаружена нами в Государственном архиве Красноярского края (ГАКК). В фонде № 824 «Минусинское духовное правление» имеются метрические книги по Аскизской Петро-Павловской церкви [Нилогов 2017], [Наука в Хакасии 2020: 14]). Так, в деле № 72 подшиты метрические книги сразу нескольких церквей: за

1868 г. – Шушенская Петро-Павловская, а за 1862 г. – Каптырёвская Пророко-Ильинская, Субботинская Богородице-Казанская, Сабинская Петро-Павловская, Бейская Покровская, Аскизская Петро-Павловская и Усть-Абаканская Николаевская. На титульном листе дела написано: «Метрические книги Шушенской Петропавловской церкви за 1868 год». В бумажной описи указано: «Метрические книги церковью Минусинского округа за 1862 год». Однако благодаря последующему уточнению для электронного каталога красноярского архива удалось устранить эту нестыковку [Электронный читальный зал ...].

Искомая запись № 90, прежде всего, прояснила дату крещения Катанова – 15 мая 1862 г. по старому стилю (27 мая – по новому стилю). Именно в день религиозного таинства крещения и была составлена данная запись. Стоит обратить внимание на то, что для инородческого населения точные даты рождений документально редки, т. к. обряд крещения мог состояться в любом возрасте, однако Николаю Фёдоровичу повезло, ведь крестили его спустя всего девять дней после рождения, очевидно благодаря тому, что отец был улусным писарем.

В графе «Звание, имя, отчество и фамилия родителей и какого вероисповедания» записано: «2-й Сагайской половины ясачный Фёдор Семёнов Катанов незаконная жена его Марья Кизекова оба православного исповедания». В графе «Звание, имя, отчество и фамилия восприемников» указано: «Аскизский священник Пётр Васильев Соколов и 2-й Сагайской половины ясачная Елена Фёдорова Катанова» [Метрическая книга 1862: 191об.–192, № 90]. Помимо П. В. Соколова [Духовенство ...: Соколов], в крещении принимал участие дьячок Елевферий Ильич Нигрицкий [Духовенство ...: Нигрицкий]. Также сделана пометка о том, что «справка дана 13 августа 1876 года по прошению». Речь идёт о метрической выписи, которая понадобилась Катанову для поступления в Красноярскую губернскую мужскую гимназию (ср.: Н. Ф. Катанов: «В августе 1876 года я поступил в классическую гимназию в Красноярске...» [Дацышен 2012: 20]).

Родители Катанова

Отыскав подлинную метрическую запись о рождении/крещении Н. Ф. Катанова, мы обратились к метрическим книгам по Аскизской Петропавловской церкви за другие годы, чтобы найти точную информацию о родителях учёного. На этот раз рабо-

та предстояла в Национальном архиве Республики Хакасия (НАРХ). Эти метрические книги также оцифрованы и доступны с компьютеров в читальном зале архива, тогда как метрические книги из Государственного архива Красноярского края можно

просматривать на интернет-портале [Электронный читальный зал ...].

В результате поисков удалось установить точные даты смерти родителей Катанова. Его отец Фёдор Семёнович Катанов умер в возрасте 38 лет от воспаления лёгких – 2 декабря 1873 г. по старому стилю (14 декабря – по новому), погребён 5(17) декабря на кладбище села Аскизского [Метрическая книга ... 1873: 23об.–24, № 15]. Мать Мария Степановна умерла в возрасте 65 лет от старости – 19 октября 1883 г. по старому стилю (31 октября – по новому), погребё-

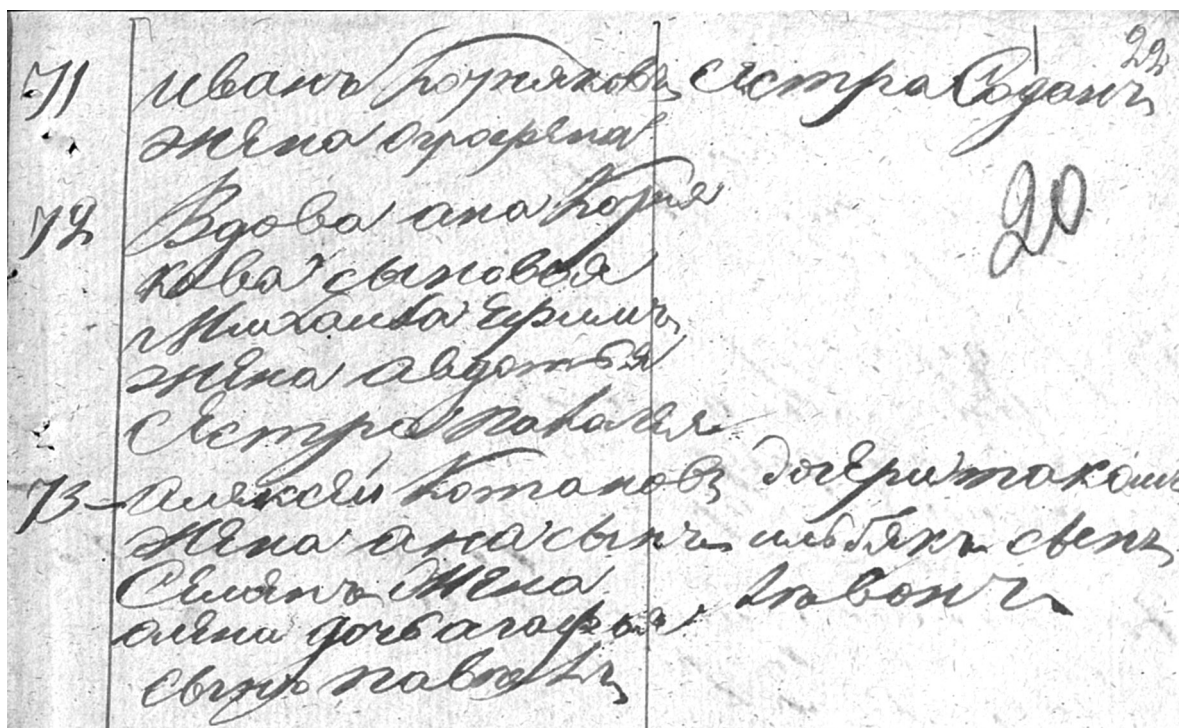
на 22 октября (3 ноября) на кладбище с. Аскизского [Метрическая книга ... 1883: 330об.–331, № 27]. Скорее всего, возраст М. С. Катановой на момент смерти завышен, т. к., по данным десятой ревизии 1858 г., ей показан 21 год, т. е. родилась она около 1837 года ([Ревизская сказка ... 1858: 65об.–66, № 33], [Перепись населения ... 1858: 69об.–70, № 33]). Установить точные даты рождения родителей Николая Фёдоровича не представляется возможным: метрические книги по Аскизской церкви за 1830–1840 гг. практически не сохранились.

Монужековы, Коженековы, Катановы?..

Фамилия «Катанов» зафиксирована уже в 1858 г. в 10-й ревизской сказке (переписи населения) Сагайского рода Степной думы соединённых и разнородных племён, которая хранится в ГАККе и архиве г. Минусинска ([Ревизская сказка ... 1858, 65об.–66, № 33], [Перепись населения ... 1858: 69об.–70, № 33]). Согласно этой ревизской записи, Турак, он же Иван, а по крещению Семён Алексеевич Коженеков, он же Катанов, родился приблизительно в 1813 г. Его жена Елена Бидёкиевна родилась около 1807 г. На июль 1858 г. у них было пятеро сыновей и дочь: Павел, Фёдор, Роман, Василий, Тюхтиш и Парасковья. У старшего сына Павла Семёновича и его жены Марьи Катовны записаны сыновья Андрей и Лукьян. Также на момент переписи была жива мать Семёна Алексе-

евича – Елена Чилтеховна (около 1786 г.р.). Второму сыну Турака – Фёдору, будущему отцу Николая, было 20 лет, а его жене Марии Степановне – 21 год.

В фонде И-2 («Степная дума соединённых разнородных племён») Национального архива Республики Хакасия выявлено дело, в котором фамилия зафиксирована в форме «Котанов». Речь идёт об «Именном списке крещёных и некрещёных инородцев Сагайского улуса 2-й половины» за 1838 г., где под № 73 записана семья Алексея Котанова, часть членов которой крещена: сам глава, его жена Анна, их сын Семён, его жена Олена, дети последних – дочь Агафья и сын Павел, среди некрещёных указаны дочери главы семейства – Такош, Ильбяк и сын Левон [Именные списки ... 1837–1838: 20, № 73].

Фамилия «Котанов» по списку 1838 г. (НАРХ, ф. И-2, оп. 1, д. 263, л. 20, № 73)

В именном списке крещёных и бракосочетавшихся инородцев 2-й половины Сагайского рода, составленном 26 сентября (8 октября) 1854 г., семья

Катановых значится под № 1, однако фамилия дана в форме «Катаков», видимо, описочно [Списки кочевого ... 1854: 132–132об., № 1]. В документе приведе-

ны ценные сведения о хакасских именах и именах, принятых в крещении, а также информация о времени и месте крещения. Глава семьи – 42-летний Турак Алексеев Катанов, в крещении – Семён. Крещён в Аскизской церкви Анемподистом Александровичем Ярцевым [Духовенство ...: Ярцев], восприемником был Максим Чертыков, восприемницу не помнит, браком не сочетались. Его второй 15-летний сын Фёдор был крещён в Бейской Покровской церкви священником Петром Александровичем Силиным [Духовенство ...: Силин], восприемником выступил – Абрам Тутачиков, восприемницу не помнит [Списки кочевого ... 1854: 132, № 1].

Обратившись к 8-й и 9-й ревизиям 1832 г. и 1850 г., удалось выяснить, что у предков Николая Фёдоровича изначально была фамилия «Монужеков», затем «Коженеков» и, наконец, «Катанов» ([Именной список ... 1832: 7об.–8, № 40/80], [Ревизская сказка-НАРХ 1850: 19об.–20, № 35], [Перепись населения ... 1850: 12об.–13, № 35], [Ревизская сказка-ГАКК 1850: 12об.–13, № 35]). В ревизской сказке 1850 г. главой семейства Коженековых указан Алексей Михайлович, родившийся около 1789 г. и умерший около 1847 г. У Ивана (Турака, Семёна Алексеевича), помимо младшей дочери Парасковьи, записана старшая дочь Лукерья.

В исповедной росписи прихожан Петропавловской церкви с. Аскизского за 1861 г. под № 297 значится семья Анны Семёновны Катановой, которой показан 71 год. Её сыну Семёну Алексеевичу – 48 лет, его жене Елене Фёдоровне – 46 лет; их дети: Михаил 33 лет, Фёдор 27 лет, Тимофей 17 лет, Павел 13 лет и Александра 19 лет [Исповедная роспись ... 1861: 715, № 297]. Интересно, но ниже под № 299 зафиксирована семья Алексея Катанова 49 лет с женой Анной Константиновной 39 лет [Исповедная роспись ... 1861: 715, № 299].

Становление хакасских фамилий пришлось на вторую половину XVIII в. [Бутанаев 1994], когда введение документооборота Российской империи (на примере ревизий как учёта податного ясачного населения) способствовало фамилизации инородцев и иноверцев. Для понятия «фамилия» в хакасском языке нет специального термина, поэтому близким ему по смыслу является хакасское слово «öбеке» (предок) и словосочетание «пичикке кирчең» («закреплённый в документе»). В течение XIX в. сеоки (от хакасского «сёбк» – «кость»), потерявшие социально-экономическое значение, уступили свои позиции фамилиям в семейно-брачных отношениях. Официальное делопроизводство в степных думах способствовало закреплению хакасских фамилий, которые, как правило, произошли от имён глав семейств, имевших самостоятельное хозяйство [Бутанаев, Бутанаева 1996].

Таким образом, предположительным документальным родоначальником Катановых следует счи-

тать Михаила, от хакасского имени которого, вероятно, и образовалась фамилия «Монужеков», а уже от имён-прозвищ «Коженек» и «Катан» – фамилии «Коженеков» и «Катанов» (см. также: [Историческая ономастика ... 2016: 172]). Впрочем, сам хакасский учёный отмечал, что основателем его фамилии был качинец Коженек, сын которого был усыновлён сагайцем Катаном [Бутанаев 2012: 200].

Последнее обстоятельство усложняет документальную версию родословной, т.к. предполагает факт усыновления. Устная версия родословной Катановых приводится и в статье профессора В. Я. Бутанаева, где информатор Макар Лукьянович Катанов, родившийся в 1897 г., в 1974 г. рассказал свою родословную, по которой он доводился правнуком Алексею Михайловичу Монужекову-Коженекову. «Отец последнего, т.е. Михаил Монужеков, происходил из качинского рода Самриных (сеок бурут). В таком случае Катановы представляют отколовшуюся часть качинцев (этнического подразделения хакасов), вошедших в состав сагайцев» [Бутанаев 2012: 201]. На самом деле Макар Лукьянович является не правнуком, а праправнуком Алексею Михайловичу: Алексей – Семён – Павел – Лукьян – Макар. Однако Бутанаев, на наш взгляд, поспешно отождествляет сына Коженека, о котором вспоминал Н. Ф. Катанов, с Манужеком, т.е. Михаилом, якобы и усыновлённым сагайцем Катаном. Бутанаев, ссылаясь на информатора М. К. Катанова, делает следующий вывод: «Таким образом, фамилия происходит от Катана Коженекова, жившего в середине XVIII в.» [Бутанаев 2012: 200]. Следовательно, согласно устному родословию, пробандом (лицо, с которого начинается составление генеалогии) Катановых является Коженек, сын которого Монужек (версия Бутанаева) был усыновлён Катаном. Получается, что фамилия «Катанов» была взята предками Николая Фёдоровича не по прямому биологическому родству, а косвенно посредством усыновления. Правда, речь не может идти о Катане Коженекове, о котором пишет Бутанаев, т.к. Катан всего лишь усыновитель сына Коженека – предположительно, Монужека, вследствие чего мы и имеем два документальных варианта фамилии: сначала «Монужеков», а затем – «Коженеков». Приводя цепочку «Коженек – Манужек – Катан», Бутанаев напрасно изобретает «Катана Коженекова», противореча им же самим интерпретированному воспоминанию Катанова. Всё-таки документально фамилия «Коженеков» зафиксирована позже фамилии «Монужеков», возможно, будучи образованной не от отчества, а от дедичества для случая Алексея (сына) Михайлова (Монужекова) (сына Коженекова).

Прояснить данный генеалогический вопрос поможет выявление более ранних архивных первоисточников по роду Катановых, благодаря которым удастся документально углубить исследование до середины XVIII в. (см. также: [Нилогов 2017],

[Нилогов 2020b]). Для полноценной научной верификации родословной необходимо генетически изучить прямых мужских потомков Алексея Михайловича Монужекова-Коженекова-Катанова по

Y-хромосоме для определения гаплогруппы, гаплогрупп и семейных SNP-мутаций Катановых (см. также: [Нилогов 2020a], [Нилогов, Пайор, 2021]).

Литература

- Бутанаев В. Я. Жизненный путь и судьба профессора Н. Ф. Катанова (1862–1922) // Наследие Н. Ф. Катанова: языки, история и культура тюркских народов России (к 150-летию со дня рождения Н. Ф. Катанова): материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 16–19 мая 2012 года, г. Абакан / отв. ред. Т. Г. Боргоякова. – Абакан, 2012. – С. 200–207.
- Бутанаев В. Я. Происхождение хакасских родов и фамилий. – Абакан, 1994. – 92 с. – URL: <http://nbdrx.ru/pdf/bx0000127.pdf> (дата обращения: 01.03.2022).
- Бутанаев В. Я., Бутанаева И. И. Хоорай чонныц төрөлөри = Хакасские родословные (предания, мифы, легенды). – Абакан, 1996. – 108 с. – URL: <http://nbdrx.ru/pdf/bx0000137.pdf> (дата обращения: 01.03.2022).
- Дацышен В. Г. Н. Ф. Катанов – воспитанник Красноярской гимназии // Наследие хакасского учёного, тюрколога, доктора сравнительного языкознания, востоковеда Николая Фёдоровича Катанова: материалы Международной научной конференции, посвящённой 150-летию со дня рождения учёного. 16–19 мая 2012 г. Том I. – Абакан, 2012. – С. 20–27. – URL: http://haknii.ru/files/Nasledie_hakasskogo_uchenogo_%D1%821.pdf (дата обращения: 01.03.2022).
- Дневник путешествия Н. Ф. Катанова по Минусинскому округу Енисейской губернии с 21.09.1889 по 12.01.1890 // Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 969. Оп. 1. Д. 8.
- Духовенство Русской православной церкви в XX веке: биографическая база данных и собрание материалов. Елевферий Ильич Нигрицкий. – URL: <https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/person/6869/> (дата обращения: 01.03.2022).
- Духовенство Русской православной церкви в XX веке: биографическая база данных и собрание материалов. Соколов Пётр Васильевич. – URL: <https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/person/1358/> (дата обращения: 01.03.2022).
- Духовенство Русской православной церкви в XX веке: биографическая база данных и собрание материалов. Ярцев Анемподист Александрович. – URL: <https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/person/6370/> (дата обращения: 01.03.2022).
- Духовенство Русской православной церкви в XX веке: биографическая база данных и собрание материалов. Силин Пётр Александрович. – URL: <https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/person/6369/> (дата обращения: 01.03.2022).
- Иванов С. Н. Николай Фёдорович Катанов, 1862–1922: очерк жизни и деятельности. Изд. 2-е. – М., 1973. – 114 с.
- Именной список жителей 2-й половины Сагайского рода июля 1832 года // Национальный архив Республики Хакасия. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 139.
- Именные списки крещёных жителей Степной думы соединённых разнородных племён, 1837–1838 гг. // Национальный архив Республики Хакасия. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 263.
- Исповедная роспись прихожан Петропавловской церкви с. Аскизского за 1861 год // Государственный архив Красноярского края. Ф. 592. Оп. 1. Д. 1467.
- Историческая ономастика Южной Сибири: учебно-методический комплекс по дисциплине: курс лекций / В. Я. Бутанаев, К. М. Торбостаев. – Абакан, 2016. – 220 с.
- Кокова И. Ф. Николай Фёдорович Катанов: документальная повесть о выдающемся российском востоковеде. Изд. 2-е, доп. – Абакан, 2012. – 172 с.
- Липаков Е. В., Решетов А. М. КАТАНОВ // Большая российская энциклопедия. – URL: <https://bigenc.ru/ethnology/text/2051909> (дата обращения: 01.03.2022).
- Метрическая книга Аскизской Петро-Павловской церкви для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших за 1862 год // Государственный архив Красноярского края. Ф. 824. Оп. 1. Д. 72. – URL: <http://catalog.krasarh.ru:9090/archkrasnoyarsk/private/imageViewer/show?objectId=3437028&attributId=2097&serial=1&group=1243&ext=.pdf> (дата обращения: 01.03.2022). – Доступ: после регистрации.
- Метрическая книга Аскизской Петро-Павловской церкви для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших за 1873 год // Национальный архив Республики Хакасия. Ф. И-29. Оп. 1. Д. 16.
- Метрическая книга Аскизской Петро-Павловской церкви для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших за 1883 год // Национальный архив Республики Хакасия. Ф. И-29. Оп. 1. Д. 29.
- Наука в Хакасии. – Абакан, 2020. – 65 с.
- Нилогов А. С. Почему в Хакасии пропустили 100-летие со дня смерти Н. Ф. Катанова // ИА «Хакасия», 15.03.2022. – URL: <https://19rusinfo.ru/obshchestvo/5456-rochemu-v-khakasii-propustili-100-letie-so-dnya-smerti-n-f-katanova> (дата обращения: 15.03.2022).
- Нилогов А. С. Научная верификация хакасских родословных преданий: от мифо- и этногенеалогии к ДНК-генеалогии // Genesis: исторические исследования. – 2020. – № 1. – С. 57–65. – URL: http://e-notabene.ru/hr/article_29539.html (дата обращения: 01.03.2022).
- Нилогов А. С. О находке брачного обыска Н. Ф. Катанова и А. И. Тихоновой за 1892 год // Научно-исторический электронный журнал архивных учреждений СФО «Сибирский архив». – 2020. – № 4(6). – URL: https://archivesiberia-journal.nso.ru/sites/archivesiberia-journal.nso.ru/wodby_files/files/page_283/nilogov.pdf (дата обращения: 01.03.2022).
- Нилогов А. С. О находке метрической записи о рождении/крещении Н. Ф. Катанова // Народы и культуры Южной Сибири и сопредельных территорий. Материалы IV Международной научной конференции, посвящённой 155-летию со дня рождения Н. Ф. Катанова (27–29 сентября 2017 г.). – Абакан, 2017. – С. 30–31. – URL: <http://haknii.ru/files/19.10.2017%20g%20Narody%20i%20kultury%20uzhnoy%20sibiri.pdf> (дата обращения: 01.03.2022).

Нилогов А. С., Пайор Е. В. Происхождение хакасского рода Майнагашевых: устные предания и ДНК-генеалогические данные // Исторический формат. – 2020. – №3. – С. 8–17. – URL: <http://histformat.com/wp-content/uploads/2021/2020-3.pdf> (дата обращения: 01.03.2022).

Перепись населения 2-й половины Сагайского улуса Степной думы соединённых разнородных племён 14(26).12.1850 года // Архив г. Минусинска. Ф. 15. Оп. 1. Д. 172.

Перепись населения Сагайского рода Степной думы соединённых и разнородных племён 1858 года // Архив г. Минусинска. Ф. 15. Оп. 1. Д. 236.

Ревизская сказка 2-й половины Сагайского улуса 14(26).12.1850 года // Государственный архив Красноярского края. Ф. 160. Оп. 3. Д. 419. – URL: <https://catalog.krasarh.ru/private/imageViewer/show?objectId=3523576&att>

ributeId=2097&serial=1&group=1243&ext=.pdf (дата обращения: 01.03.2022). – Режим доступа: после регистрации.

Ревизская сказка 2-й половины Сагайского улуса 14(26).12.1850 года // Национальный архив Республики Хакасия. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 417.

Ревизская сказка 2-й половины Сагайского улуса 13(25).07.1858 года // Государственный архив Красноярского края. Ф. 160. Оп. 3. Д. 622. – URL: <https://catalog.krasarh.ru/private/imageViewer/show?objectId=3523944&att> ributeId=2097&serial=1&group=1243&ext=.pdf (дата обращения: 01.03.2022). – Режим доступа: после регистрации.

Списки кочевого национального населения, принявших крещение и бракосочетавшихся, 1854 г. // Архив г. Минусинска. Ф. 17. Оп. 1. Д. 73.

Электронный читальный зал Государственного архива Красноярского края. – URL: <http://catalog.krasarh.ru:9090/archkrasnoyarsk> (дата обращения: 01.03.2022).

К. И. Султанбаева
(Абакан, Россия)

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ Н. Ф. КАТАНОВА КАК ИСТОЧНИК РАЗВИТИЯ КРАЕВЕДЕНИЯ¹

В статье рассмотрено наследие выдающегося учёного-востоковеда Н. Ф. Катанова в жанре отчёта, опубликованного в научных изданиях городов Казани и С.-Петербурга в конце XIX в. Показана ценность дневников учёного в период экспедиций на восток как источника историко-этнографических, лингвистических и этнокультурных знаний в современности. Исследовательское знакомство с наследием учёного значительно обогатит современников, изучающих исторический фольклор, этнографию, краеведение тюркских народов Сибири.

Ключевые слова: историко-этнографическое, фольклорное наследие Н. Ф. Катанова, тюркские народы Сибири, краеведение.

В юбилейный год Н. Ф. Катанова (6(19).05.1862–10.03.1922) важно отметить возросший интерес современников к научно-творческому наследию первого хакасского учёного, российского востоковеда-тюрколога с мировым именем. Сегодня имя Н. Ф. Катанова популяризировано благодаря последним исследованиям российских и зарубежных учёных, а его наследие получило признание специалистов различного профиля как обширный источник знаний в области не только исторической фольклористики, тюркологии, лингвистики, этнологии, музеологии, но и этнопедагогике и краеведения. Цель настоящей статьи автором определяется как раскрытие наследия учёного в качестве богатейшего источника изучения регионального краеведения современными исследователями. В качестве предмета изучения выбраны опубликованные в прижизненных и последующих изданиях материалы дневниковых записей в период экспедиционного путешествия учёного 1889–1891 гг. по сибирскому краю: современной Хакасии и Туве [Катанов, 1893], а также «Отчёт о поездках в Минусинский округ Енисейской губернии с 15 мая по 1 сентября 1896 года» [Катанов 1897: Кн. 3].

Под краеведением подразумеваем отрасль знания о «местности» или «совокупность географических, исторических, естественно-научных знаний об отдельных местностях страны» [Андюсев 2003: 5]. Краеведение включает весь спектр знаний о природе, населении, хозяйстве, истории и культуре родного края. Исследование родного края – необходимая составляющая образовательной и воспитательной деятельности педагога. Через познание законов исторического развития природы, общества и культуры выполняется важнейшая миссия человека – быть хранителем и творцом, преобразователем окружающего мира, и в этом процессе чрезвычайно роль играют накопленные обществом знания и социокультурный опыт.

В научно-творческом наследии Н. Ф. Катанова сосредоточен массив сведений о фольклоре, этнографии, истории, хозяйственно-экономической деятельности коренных сибирских народов, религиозных представлениях наших предков, изучение которых на рубеже нового тысячелетия может рассматриваться не только как свидетельство о прошлой жизни предков, но и как демонстрация эволюции менталитета, верований и этнической психологии

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №20-013-00661.

хакасов, тувинцев, тофаларов во взаимосвязи с сибирскими русскими.

Поскольку нас интересует краеведение пограничных территорий Хакасии и Тувы, обратимся к «Отчётам...» путешествий учёного, регулярно присылаемых в Императорское Русское Географическое общество и академику В.В. Радлову в Императорскую академию наук, опубликованных в период с 1890 по 1897 г. в журналах «Живая старина» и «Учёные записки Императорской академии наук».

С математической точностью Н.Ф. Катанов отмечал маршрут и сроки передвижения по восточным окраинам, давал подробное описание местностей с уточняющими пояснениями отдельных топонимических терминов, границ между географическими точками, с указанием своих попутчиков и финансовых затрат.

Из его дневника путешествия очевиден напряжённый ритм работы с информантами, проведения записей на языке оригинала, а затем перевода на русский язык. Личные свои достижения в освоении новых диалектов или языка учёный скромно отмечал: «Из краткой беседы с этими двумя лицами я узнал 19 новых слов» [Катанов 2011: 49]. Таких примечаний в текстах отчётов учёного предостаточно, из которых следует, что он осваивал новый для него язык, хотя и родственный, в живом общении с носителями языка (например, тувинского). Как мы знаем сегодня, все эти языковые материалы легли в основу его диссертации «Опыт исследования урянхайского языка с указанием главных родственных отношений его к другим языкам тюркского корня» (Казань, 1903).

В текстах отчётов содержится множество топонимик (этнотопонимик), использованных для описания мест путешествия по принятым в прошлом названиям у тюркских народов и соответственно (не очень адекватно в отдельных случаях) записанных по-русски в деловых бумагах местных властей. Для современного исследователя-краеведа эти записи содержат бесценную информацию не только о географии расселения хакасов, тувинцев, тофалар и местных русских, но дают картину о повседневной жизни, торговых связях и межэтническом взаимодействии, включая китайцев и северо-монгольского население пограничных территорий.

В качестве исходного пункта переработки собранных материалов Н.Ф. Катанов выбрал родное с. Аскиз, куда периодически он возвращался для подготовки отчётов и отправки корреспонденции. Для очередного путешествия он выполнял всю подготовку ещё и в Минусинске, вёл переговоры с властями и купцами, будущими спутниками – проводниками, выбивал дорожные пропускные документы и получал деньги от Академии наук из С.-Петербурга, изучал карты местностей, продумывая способы получения информации в пригра-

ничных с Китаем территориях Урянхайского края. Условия для сбора этнографических и лингвистических материалов о местных сойотах и урянхайцах (тувинцах) были не самые благоприятные: нужно было от одного населённого пункта к следующему добираться через тайгу, вброд на лошадях или плоту через бурные притоки Енисея (Улуг-Хема), заболоченные участки по бездорожью, порой с риском для жизни. Кроме того, напуганные китайскими властями местные жители с недоверием относились ко всякому, кто говорил на русском языке или приехал из России. Тем ценнее для современников сведения, зафиксированные учёным в дневнике путешествия.

Катанов не случайно давал подробное описание своего маршрута передвижения, например: «Всё расстояние от д. Означенной до впадения р. Уса в Енисей исчисляется в 217 вёрст и от устья Уса до села Усинского около 90 вёрст» [Катанов 1893: 1]. И с такой точностью учёный везде приводил данные о месте пребывания в своих записях, поскольку никто толком до него никогда не проводил всесторонних исследований коренных тюркских народов. Это было ещё своего рода уточнением карты южно-сибирской местности с населёнными пунктами. Добравшись до Урянхайской земли, Катанов останавливался в торговых заведениях, заимках русских купцов, которые оказывали ему всевозможную помощь, давали интересные сведения о местных обычаях, характере взаимоотношений с сойотами. Он посетил всего 14 торговых заведений [Катанов 1893: 8].

В записи от 4-го ноября 1889 г. в с. Аскиз интересное наблюдение учёного: «По утрам я записываю сказки (нымах), песни (тахпах) и загадки (тапчан ныхмах) моих единоплеменников. Песен я записал здесь до 60. Но ни в одной песне я не встретил имён лиц ещё живых. Зато в сойонских песнях есть многое, что указывает на современную жизнь. Остроумия и сатиры в сойонских песнях больше, потому что они к импровизации способнее, нежели наши минусинские татары» [Катанов 1893: 18]. Для современных краеведов, изучающих историю, культуру, фольклор тюркских народов Сибири, важно живое, прижизненное восприятие Катанова-исследователя тувинцев и своих соплеменников.

Особый интерес представляет собой монография «Очерки Урянхайской земли» или «Дневник путешествия, исполненного в 1889 г. по поручению Императорской Академии наук и Императорского Русского Географического общества» с точки зрения исторического краеведения и этнографии, подготовленная к печати Н.Ф. Катановым ещё в том же году, как указал Б.И. Татаринцев [Татаринцев 2011: 12] в сопроводительной статье монографии (Кызыл, 2011). Этот труд Катанова характеризуется своеобразной «энциклопедичностью, широким охватом явлений материальной и духовной культуры тувинцев» [Татаринцев 2011: 10]. Учёному удалось

записать много сведений о различных сторонах жизни тувинцев в исследуемый период: фольклорные произведения (песни, загадки, рассказы, мифы, приметы, пословицы), этнографические материалы: обычаи и обрядовые традиции праздников, похоронно-поминальные традиции, повседневные обычаи, приём гостя, питание, внешний вид жилища тувинцев и национальной одежды с чёткими зарисовками. Как пишет А.К. Кужугет: «Благодаря рисункам Н.Ф. Катанова до нас дошли в достаточно точном виде тувинские образцы декоративно-прикладного искусства...» [Кужугет 2011: 8].

В тексте дневника есть множество записей по дням путешествия о верованиях тувинцев, шаманах и шаманизме, ламах и ламаизме. Так, в записи от 26 марта 1889 г. есть запись о ламах и шаманах: «Ламы не имеют кос; косы отрезают при поступлении в ламы. В ламы посвящают после обучения монгольскому и тибетскому языкам. Лам обучает великий лама, живущий в великий кумирне (хюре). Лама лечит народ лекарствами, получаемыми из великой кумирни за плату...» [Катанов 2011: 28]. Далее сказано, что всех лам в Урянхайской земле до 60–70. Детей учат ламы в великой кумирне. Они начинают учиться с 10 лет в течение 3-х лет за небольшую плату.

Удивительный факт: «Если захворает шаман, то его излечивает не другой шаман, а лама. Лама родом бывают и сойоты и монголы» [Катанов 2011: 32].

«Шаманами делаются люди с 10–20-летнего возраста, пока его не одевали шаманом, он постоянно чувствует себя больным и никогда не бывает тучным, чаю и водки не пьёт и мясо не ест, но, сделавшись шаманом, он толстеет, пьёт водку и ест мясо. Шаманы не курят вовсе махорки...» [Катанов 2011: 29]. Шаманами бывают не только мужчины, но и женщины. Если сравнить с современным состоянием шаманизма и ламаизма в постсоветской Туве, возникает вопрос о том, как эти религиозные верования сосуществуют и порой взаимодействуют в обыденной практике тувинцев, например, при отправлении культа поклонения святым родовым местам или при похоронно-поминальных обрядовых действиях. В записи от 4 мая 1889 г. у Н.Ф. Катанова читаем: «Он (шаман из Ойнарского сумына. – Комментарий мой) сказал, что для простого народа более нужны ламы, чем плохие шаманы. Впрочем, иногда помогают и хорошие шаманы...» [Катанов 2011: 47]. Истоки взаимопроникновения шаманизма и ламаизма, вероятно, намного глубже, чем в то время, которое описывал Катанов.

Для своего времени подобные записи демонстрировали новые знания о неизвестных племенах восточной окраины Российской империи: об их численности, языках, культурах, межэтнических и торговых связях, хозяйственной деятельности, народной медицине, природных богатствах и т.д.

Сибирские края всегда вызывали интерес у западных и русских исследователей по разным мотивам: считались краем с несметными богатствами пушнины, золота, древесины и т.п.; сибирские туземцы в силу малочисленности представлялись слабыми и вымирающими, неспособными к цивилизационному развитию. Николай Фёдорович, коренной сибирский «инородец», не мог смириться с такими представлениями о коренных этносах и всячески доказывал наличие специфической древней культуры, самобытного фольклорного богатства, цельных мировоззренческих взглядов на окружающий мир у аборигенов.

Не случайно у учёного присутствует комплексный подход к наблюдениям за местными жителями; так, в дополнительных сведениях об информантах присутствует полная исчерпывающая информация о человеке: имя, родовая принадлежность, возраст, место проживания, вид занятия, родственные связи с другими информантами. Для начинающего исследователя опубликованные письма могут рассматриваться как источник дополнительного поиска своей родословной, а также пример того, как можно вести записи о родословной. Не касаясь здесь исследовательской этики учёного, хотя это действительно очень важная самостоятельная тема, укажем, что собственное мнение выражалось им в дневниках крайне редко. Вместе с тем культура передачи специфических моментов жизни хакасов и тувинцев, карагасов (тофаларов) позволяет ощутить как общие этноязыковые традиции, так и отличия у каждого из них. С высоты современного времени историко-этнографические и фольклорные сведения требуют в отдельных местах пояснений применительно к архаизмам, названиям предметов быта или народных слов, канувших в Лету. Однако в любом случае тексты Катанова отличаются простотой изложения и подробными комментариями, сопровождаемые авторскими рисунками. Прекрасно выполненные рисунки Н.Ф. Катанова показывают, несомненно, его художественный талант и вкус. Здесь важно понимать, что ведущими принципами ведения записей учёный выбрал объективность и максимально точное отражение реальной действительности, живой разговорной речи народа, соответствующую передачу языковых особенностей словаря, фонетики индивидуальному стилю рассказчика. Кроме того, смысловая нагрузка народных песен, четверостиший, загадок, присказок, сказок, простой речи рассматривалась во взаимосвязи с контекстом речевой ситуации. Вместе с тем литературная обработка и их адекватный перевод на литературный язык для русскоязычного читателя, безусловно, требовали таланта и глубокой методологической культуры исследователя.

Подводя итоги, можно утверждать, что в научно-творческом наследии выдающегося востоковеда-

учёного нашёл отражение самый широкий круг знаний о прошлой жизни и быте, хозяйственно-экономической деятельности, этнокультурных традициях и обычаях предков современных тюркских народов южно-сибирского региона. Для современных краеведческих исследований моментами «истины» остаются записанные фольклорные тексты, а также статистические сведения о численности местных

народностей, об их составе по населённым пунктам, о религиозных представлениях и культовых обрядах тюркских племён и др. Использование этих сведений в сравнительно-сопоставительном контексте с современными научными данными способствует пониманию специфики восприятия картины мира народами в новом историческом времени.

Литература

Андюсов Б.Е. Сибирское краеведение. Хозяйство, быт, традиции, культура старожилов Енисейской губернии XIX – начала XX в.: учебное пособие для учащихся и студентов. Изд. 2-е испр. и дополн. – Красноярск: РИО КГПУ, 2003. – 336 с.

Катанов Н.Ф. Письма из Сибири и Восточного Туркестана // Записки Императорской Академии наук. – С.-Петербург, 1893. – Т. XXIII. – С. 1–114.

Катанов Н.Ф. Отчёт о поездке, совершённой с 15 мая по 1 сент. 1896 года в Минусинский округ Енисейской губернии // Учёные записки Императорского Казанского университета. – Казань, 1897. – Т. 64. Кн. 3. – С. 1–50.

Катанов Н.Ф. Очерки Урянхайской земли. Дневник путешествия, исполненного в 1889 году по поручению

Императорской Академии наук и Императорского Русского Географического общества. – Кызыл: ТИГИ, 2011. – 359 с.

Кужугет А.К. Вступительное слово // Очерки Урянхайской земли. Дневник путешествия, исполненного в 1889 году по поручению Императорской Академии наук и Императорского Русского Географического общества. – Кызыл: ТИГИ, 2011. – С. 3–8.

Татаринцев Б.И. Н.Ф. Катанов и его «Очерки Урянхайской земли» // Очерки Урянхайской земли. Дневник путешествия, исполненного в 1889 году по поручению Императорской Академии наук и Императорского Русского Географического общества. – Кызыл: ТИГИ, 2011. – С. 8–12.

Е. С. Торокова
(Абакан, Россия)

ЖАНРОВАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ТЕКСТОВ «НЫМАК», «УМАК», «НӀРПАК» В ЗАПИСЯХ Н.Ф. КАТАНОВА

В статье рассмотрены тексты, записанные Н.Ф. Катановым как «нымак», «умак» и «нӀрпак» в IX томе «Образцов народной литературы тюркских племён». На материале собранных Н.Ф. Катановым сказок были определены локальные границы распространения диалектных названий сказок в хакасском языке, а также сделана жанровая классификация данных текстов.

Ключевые слова: хакасский фольклор, Н.Ф. Катанов, эпос, сказки, жанры.

Н.Ф. Катанов внёс неоценимый вклад в собиранье и сохранение фольклора хакасов. Он был первым учёным, обратившим внимание на народные названия жанров записанных им текстов. В подготовленном им девятом томе «Образцов народной литературы тюркских племён» все произведения фольклора, записанные в академической транскрипции, имеют жанровое определение [Радлов 1907, 9: I–XXXII]. Так, тексты, названные «сказкой», в оригинале обозначены как «нымак», «умак» и «нӀрпак». В первом отделе, куда вошли тексты, записанные, собранные или переведённые Н.Ф. Катановым в гимназические и студенческие годы, встречается 13 текстов сказок «нымак». Во втором отделе, состоящем из экспедиционных материалов, собранных в 1889–1890 гг., Н.Ф. Катанов даёт три названия для сказки – «нымак», «умак» и «нӀрпак». Таким образом, в томе тексты под названием «сказка» состоят из трёх народных наименований, из них «нымак» записано 25 текстов, «умак» – 17 текстов, «нӀрпак» – 17 текстов.

В их число не вошли тексты, жанр которых Н.Ф. Катанов исправил в оглавлении оригинального издания, однако оставил без изменения внутри книги. Такие уточняющего характера исправления были сделаны к шести текстам: №374. *Саг*. Сказка (вм. рассказ, чӀк-чӀк) о женихе (Ӏл) и невесте (кыс); №397. *Саг*. Легенда (вм. умак-сказка) о Всемирном потопе (калап); №455. *Саг*. Рассказ (вм. сарын-песня) о коростеле (тӀрт) и перепёлке (пудурчун); №543. *Саг*. Рассказ (вм. кеп-чӀк, предание) о родах сагайского племени; №559. *Бельт*. Легенда (вм. кеп-чӀк, предание) о многострадальном Иове; №582. *Кач*. Легенда (вм. нымак – сказка) о сотворении мира и первых людях [Радлов 1907, 9: XVI–XXI]. Таким образом, сравнивая том текстов с их переводами, можно видеть, что эти поправки внесены только в книгу с текстами, чтобы привести в соответствие оглавления оригинала и его перевода, т.к. в переводе жанр текстов, указанный в оглавлении и в самой книге, совпадает.

Приведённые в примечаниях сведения о местожительстве информаторов Н.Ф. Катанова дают возможность очертить границы распространения каждого из названий сказки: например, термин «нымак» встречается на небольшой территории на левом берегу р. Абакан, простирающейся от с. Аскиз до с. Усть-Абаканское и по бассейнам рек Уйбат и Камышта. Он одинаково употребляется в речи носителей сагайского и качинского диалектов, живущих в улусах Архипа Чертыкова, Шоев, Арыков (Усть-Камыштинский).

Сказка как «умак» встречается в речи носителей бельтирского, сагайского и качинского наречий, жителей улуса Аппаков на левом берегу р. Абакана, улуса Олтоков на правом берегу р. Аскыса, улусов по р. Паза (База), на правом берегу р. Камышта. Слово «нәрпак» встречается в речи сагайцев и бельтиров из сеоков хобый, хый, табан-пелтир, суг-харга, таг-хахпына, живших в с. Усть-Есинское, д. Сос, улус Усть-Таштыпский, д. Табатский, на р. Анчул.

Таким образом, можно видеть, что указанные термины являются диалектными названиями сказки и имеют узколокальное распространение. Видимо, по этой причине Н.Ф. Катанов, как составитель, использовал термин «нымак» для обозначения жанра своих гимназических записей и переводов, и в то же время, как переводчик, он в ряде статей М.А. Кастрена о героическом эпосе койбальцев прибегнул к термину «умак». Так им были переведены тексты под номерами 394–411 в первом отделе, например, «Разсказъ о том, как татары говорят сказки (тадарның умакысханы)»; «Разсказъ о богатырях в сказках (умактағы алыптар)», «Разсказъ о подземном царстве в сказках (умактағы чер алты)» и другие. Как отмечал Н.Ф. Катанов в примечании к переводам: «Изложил в 1880–1883 гг. на сагайском наречии и по народному говору исправил сам Н.Ф. Катанов» [Радлов 1907, 9: 259].

Надо сказать, что под общим названием «сказка – нымак, умак, нәрпак» в записях Н.Ф. Катанова представлены тексты разных жанров. Как известно, эпос и сказка в хакасском языке имеют одно общее название, и только с развитием хакасской фольклористики в научной классификации для разграничения жанров стали вводить соответствующие определения: героический эпос стал называться «алыптыг нымах», сказки – «нымах, олаңай нымах». Что касается диалектных названий «умак, нәрпак», то и сейчас они обозначают как героический эпос, так и сказку.

В связи с этим очевидна актуальность выявления жанровой принадлежности текстов «нымак», «умак», «нәрпак» в записях Н.Ф. Катанова. Ранее этот вопрос частично рассматривался мной на материале переводов «Образцов народной литературы тюркских племён», однако из-за отсутствия сведений об источниках происхождения текстов, а также

неимением оригинальных записей для сравнения с их переводами большинство текстов не были проанализированы. Тогда мы выделили всего 48 сказок: 23 волшебных, 16 бытовых и 7 сказок о животных, из которых были рассмотрены 12 текстов бытовых сказок с привлечением их вариантов, записанных в середине XX в. [Торокова 2003: 195].

Оригинальные записи хакасских текстов позволили уточнить жанр собранных Н.Ф. Катановым текстов. Так, в первом отделе, куда вошли тексты 1878–1884 гг., под термином «нымак» встречаются как записи текстов, записанные самим учёным, так и сделанные им переводы с разных языков. Из собранного им фольклора стоит выделить героический эпос «Алып Сојан» (нымак), две сказки о сороке «Сәскан» (нымак). Здесь же Н.Ф. Катанов сказкой обозначил быличку «Аіна» (нымак) и предание о женщине-бродяге по имени Астычах «Каскыкат» (нымак). Все остальные тексты «нымак» в данном отделе являются переводами Н.Ф. Катанова. Это тексты под номерами 2, 384–385, 387, 392–393, 412, 423 [Радлов 1907, 9: VIII–X]. Если большинство из них отражают реалии и характеры иной культуры, то последние два текста являются переводами записанных М.А. Кастреном героических эпосов у койбальцев «Күрәлдәй Мергән» (нымак) и «Алтын Кёк» (нымак).

Во второй отдел абаканских текстов вошли экспедиционные записи Н.Ф. Катанова, сделанные с сентября 1889 г. по июнь 1890 г. Под названиями «нымак», «нәрпак» здесь представлены отрывок и пересказы содержания героических эпосов: №238. *Саг.* Сказка (нымак) о старике Ак-Кане (Ак-Кан апчак); №268–269. *Саг.* Сказка (нәрпак) о богатырях и девице Кан-Арыг; №279–281. *Саг.* Сказка (нәрпак) о богатырях Алтын-Кан и Ак-Кан [Радлов 1907, 9: XII–XIV].

Среди текстов, обозначенных как сказка «нымак», «нәрпак» и «умак», встречаются произведения из несказочной прозы, как, например, мифы, предания *кип-чоохи*, былички, многие из которых имеют варианты в современных записях. К историческим преданиям относятся такие тексты: №164, б. *Саг.* Сказка о богатыре Ер-Токсыне; №165. *Саг.* Сказка (нымак) о собаке Кубай-кус из турпаныго яйца (ат палазы); №195. *Саг.* Сказка (нымак) о дяде (тәҗы) и племяннике (чәңі); №309. *Кач.* Сказка (нымак) о происхождении льгот по воинской повинности; №368. *Саг.* Сказка (нымак) о чиновнике Көтән-пег и мальчике Ак-Көбәк; №374 *Саг.* Сказка (вм. рассказ, чөк-чәк) о женихе (өл) и невесте (кыс); №388. *Саг.* Сказка (умак) о качинце Аголе (Ак-өл), укравшем у одной женщины овец (кат кизинң койын оғырлән); №393. *Саг.* Сказка (умак) о красавице (сјліг) Абакаі Пакта; №398. *Саг.* Сказка (умак) о богатыре Катане (Каттан алып); №444. *Саг.* Сказка (умак) о начальнике Ыңаң-пег; №606. *Кач.* Сказка

(умак) о Чанар-кусе и его жене (епчїзі) [Радлов 1907, 9: XII–XXII].

К числу мифов о природных явлениях, о духах-хозяевах стихий относятся тексты: № 183. *Саг*. Сказка (нымак) о кошее (челбїгән) и луне (аї); № 184. *Саг*. Сказка (нымак) о Всемирном потопе (калап); № 425. *Саг*. Сказка (умак) о 2 охотниках (аңнап парған кїзі) и горном духе; № 558. *Бельт*. Сказка (нәрпак) об охотнике и горном духе [Радлов 1907, 9: XII, XVII–XX]. В двух быличках, вошедших в том, рассказывается о споре обыкновенного человека с колдуном (№ 370. *Кач*. Сказка (нымак) о лунном затмении (аїдың өлгені) и о встрече человека с духами-хозяевами гор (№ 597. *Бельт*. Сказка (нәрпак) о старухе (енәї) и горном духе) [Радлов 1907, 9: XVI–XXI].

Как видим, Н. Ф. Катанов обозначал жанр текстов согласно их народному названию, как их определял

сам исполнитель. Поскольку жанровые разграничения в отдельных фольклорных произведениях и сейчас представлены не всегда чётко, то возможен переход текстов одного жанра в другой, что в особенности характерно для несказочной прозы. Изучение сказок с терминами «нымак», «нәрпак» и «умак» в записи Н. Ф. Катанова позволило определить границы распространения этих названий в разных местностях и выявить носителей диалектов, в речи которых они используются. Если «нымак» и «умак» восходят к одному корню и представляют собой диалектные варианты, то слово «нәрпак» отличается от них. Таким образом, Н. Ф. Катанов зафиксировал бытование данных терминов в тех местах, где они продолжали функционировать в речи носителей фольклора и во второй половине XX в., пока не стал повсеместно распространяться литературный вариант названия сказки «нымак».

Литература

Радлов В. В. Образцы народной литературы тюркских племён. Изданные В. Радловым. Ч. IX. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. Тексты, собранные и переведённые Н. Ф. Катановым. Тексты. – Санкт-Петербург, 1907. – 668 с.

Торокова Е. С. Образцы народной литературы тюркских племён, собранные Н. Ф. Катановым, как источ-

ник изучения сказочного фольклора хакасов // Научное наследие Н. Ф. Катанова и современное востоковедение. Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 140-летию со дня рождения Н. Ф. Катанова. – Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2003. – С. 192–200.

Турсун Жаркын (Jarkyn Tursun)
(Пекин, Кунтай)

НОВЫЕ УСПЕХИ КИТАЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ В ОБЛАСТИ ИСТОРИИ КЫРГЫЗОВ ЗА ПОСЛЕДНИЕ ДВА ГОДА

Данная статья знакомит с новыми достижениями китайских учёных в изучении истории древних кыргызов за последние два года. Даны китайские исторические документы, где упоминаются названия кыргызов, также отражены аспекты новых результатов китайских исследователей.

Ключевые слова: древние кыргызы, исторические исследования, Китай.

Кыргызы – один из древних народов внутренней Евразии. В китайских исторических документах доциньского времени имеются записи о кыргызах, в которых сохраняются названия qīqǐz в разные периоды: «Исторические записки» (史记) – «гэ кун» (鬲昆), «Хань Шу» (汉书) – «цзянькун» (坚昆), «Вэйшу» (魏书) – «хэгу» (纥骨), «Чжоу Шу» (周书) – «цигу» (契骨), «Суй Шу» (隋书) – «хугу» (护骨), а также «цзягу» (结骨), «хэгэси» (纥纥斯), «цзюу» (居勿), «сяцзяси» (黠戛斯) в танских и сунских литературах. «Сяцзясы» (辖戛斯), «сяцзясы» (辖戛司) обозначены разными иероглифами. «Хэлижиси» (纥里迄斯) в эпоху Ляо, Сун и Цинь, а также «Цзилицзиси» (吉利吉思) и «цзиэрцзиси» (乞儿吉思) в эпоху династии Юань. Все эти названия одного народа в разные периоды; в литературе династии Цинь енисейские кыргызы называются «цзиэрцзиси» (奇尔吉斯), а тьяншанские кыргызы – бурутами (布鲁特)

(использовали экзоэтноним джунгар-монголов по отношению к тьянь-шанским кыргызам).

В последние годы новый прогресс, достигнутый в исторических исследованиях кыргызов в Китае, в основном отражаются в следующих аспектах:

1. Прорыв в исторических исследованиях кыргызов (цзянькунь) династии Хань. Принято считать, что «гэкунь» в «Исторических записках» – это «цзянькунь» в «Хань Шу», являющейся самой ранней записью qīqǐz в китайских исторических книгах, т.к. исследования «цзянькунь» династии Хань ограничены историческими данными, и в течение длительного времени было трудно добиться прогресса. Юй Тайшань в своей работе «О географическом расположении цзянькунь и гипотезе о идентичности цзюаньхань (鄯韩)-цзянькунь». На основе изучения «Биографии Му Тяньцзы» («穆天子传»), обнаруженной в гробнице вана Вэй Сяна

(魏襄王) периода «Борющихся царств» в Цицзюне, на втором году правления Тайкана в Западной династии Цзинь (281), Юй Тайшань считает, что запись маршрута Западной экспедиции в книге о Му Тяньцзы является самым ранним документом Шёлкового пути в Китае. Фактическая предыстория маршрута Западной экспедиции короля Му, описанного в нём, – это в основном транспортный путь с востока на запад, существовавший в конце VII в. до н. э., так называемая «луговая дорога». Различные описания в «Биографии Му Тяньцзы», вероятно, существовали во времена короля Чжоу Му или ранее. Цзюаньхань (племя), с которым столкнулся император Му во время его Западной экспедиции, могли быть предками как гекунь и цзянькунь, чьё географическое местоположение находилось западнее пика Дружбы в нынешнем Горном Алтае, в бассейне р. Бухтарма. Вывод автора основан на систематическом изучении документов, касающихся Шёлкового пути, и археологических исследованиях деятельности предков цзянькунь от Енисейско-минусинской котловины и Алтая до западной ветви г. Тянь-Шаня (включая горную ветвь Тянь-Шань). Автор считает, что цзюаньхань, возможно, имеет общее происхождение с гэкунь и цзянькунь или даже может являться предком последнего, опережая письменную историю цзянькунь на несколько столетий.

2. Углублённое историческое исследование qīrqīz (цзянькунь, сяцзяси) при династии Тан подчёркивается тщательным исследованием вопросов, о которых не заботились (примечание) или вызывали споры в прошлом. В статье Ли Цзиньсю «Проблемы перевода визитов кыргызских послов в Танский Китай в периоды Хуйчан и Дачжун» внимание уделяется неправильным переводам и недоразумениям в переводе между двором Тан и кыргызами во время Хуйчан (841–846) и Дачжун (846–859). Причины, объясняющие ослабления национальной мощи, – это нехватка переводчиков и резкое снижение уровня профессиональных ораторов в эпоху поздней династии Тан. В статье разъясняется неверный перевод названия должности и имени посланников, неверное истолкование значения названия этнической группы «сяцзясы», указываются ошибки, а также разногласия в дипломатии двух стран, анализируются исторические источники эпохи Тан и Сун, такие как «Тун Дянь» 《通典》, «Тан Хуэй Яо» 《唐会要》, «Тай Пин Хуан Юй Цзи» 《太平寰宇记》 и «Синь Тану Шу» 《新唐书》 и т. д. Посредством текстового исследования того времени, возникшего в середине или конце Династии Тан, даётся разумное объяснение популярной легенде о том, что сяцзясы являются потомками Ли Лина. Когда владелец «Эпитафии Цуй Ваньхуэй» 《崔鐵墓志》 Цуй Ван служил министром Хунлу (лу), сделал вывод о прибытии посланников сяцзясы в царство Тан, посланники прибыли примерно с 6 года Дачжун (852)

до 8 года Дачжун (854). Статья «Торговля шёлком и лошадьми между Тан и кыргызами» широко цитировалась и объяснила предысторию создания торговли шёлковыми лошадьми между династиями Тан и кыргызами, форму торговли, тонкости и повороты торговли. Роль торговли в экономическом развитии обеих сторон раскрывает сущность торговли шёлковыми лошадьми в Северном Синьцзяне и взаимоотношения между северными кочевниками и земледельческими народами династии Тан.

В академических кругах ведутся давние споры по поводу конкретного значения древнего кыргызского слова «цзяша» (迦沙) в документах династии Тан и его лингвистической атрибуции. На основе разбора записей о кыргызах в документах династии Тан и Сун, в сочетании с соответствующими историческими фактами и народными эпосами кыргызов, Жаркын Турсун делает вывод о том, что прототипом слова «цзяша» (迦沙) должно быть слово «qaša», реконструированное Л. Лигети, в частности, относящееся к железу, произведённому на земле qīrqīz. В статье Жаркын Турсун «Пересматривая полемику о цзяша» (迦沙) предполагает, что значение слова «jiasha» относится не только к железу, полученному из подземной железной руды, но также может относиться к железу из метеоритов. Но эта гипотеза должна быть подтверждена археологическими исследованиями. В работе «Связи между Цзянькунь (Цзегу) и династией Тан в период ранней династии Тан» исследуется взаимодействие кыргызов с династией Тан между 632 и 755 гг. Автор считает, что на коммуникацию между ними больше всего повлияла особенность ситуации Мобэя (Гоби) и западного региона, т. к. отношения между новым кочевым племенным режимом в Мобэе и династией Тан повлияли на коммуникацию цзянькунь и династией Тан.

Академические круги не пришли к единому мнению относительно официального присвоения титула кыргызскому кагану и понимания отношений между сяцзясы и династией Тан, которые отражает фрагмент Нефритовой книги (6640/1-№ 5), хранящийся в «Хакасском национальном краеведческом музее имени Л. Р. Кызласова». В работе Сунь Хао о «Нефритовых книгах Цзунфань: аспект коммуникации между Тан и сяцзясы в IX веке», основанном на анализе письменных характеристик книг династии Тан об Уйгурском ханстве в Мобэе (Гоби), была предпринята попытка восстановить тексты в записках, и автор (Сунь Хао) сделал анализ пяти нефритовых книг путём упорядочивания остатков листков, отражённых в надписях на нефритовых альбомах и в вопросе отношений между сяцзясы и династией Тан в период Сяньтун (860–874), автор считает, что порядок пяти частей остатков нефритовой книги должен быть 6640/3-2-4-5-1. На седьмом году правления Сяньтуна канонизация сяцзясы династией Тан не была продолжением фамильного

союза в период Хуйчан, а продуктом политики династии Тан по корректировке политического положения сяцзясы в период Дачжун, отражающий статус сюзерена династии Тан.

Автор (Ван Цзе) тома о кыргызах «Истории древних северных народов Китая», главными редакторами которой являются Чжан Цзюэхэ и Лю Госян, при составлении данного тома использовала соответствующие статьи, опубликованные авторами. Содержание данного тома затрагивает такие вопросы, как происхождение этнонима, исторические изменения, политика, экономика, военное дело, культура и их отношения между окружающими племенами и династией Тан. Эта монография является первой в своей области. К сожалению, в этой книге не упоминаются и не используются некоторые важные результаты исследований последних лет (за исключением отдельных результатов), некоторые основные документы и археологические материалы, использованные в исследовании, были опубликованы в 1980-е гг., а вновь изданные издания с более полным содержанием не использовались.

3. Новое исследование отношений между киданями и кыргызами (сяцзясы) в династии Ляо. По причине ограниченности исторических материалов исследования истории кыргызов киданьско-ляоского периода слабы. В «Истории Ляо» (《辽史》) всего четыре записи, фиксирующие контакты сяцзясы с кидань-ляо, и содержание их простое. В работе Сунь Хао «Западная экспедиция киданей в X в. и их контакты с народом сяцзясы» проанализирована сложная географическая структура множества племён и режимов в северных и северо-западных регионах после упадка Мобэй-Уйгурского ханства и династии Тан в IX–X вв., а также в процессе продвижения киданей на запад в начале основания государства, их отношения между татарами Гоби (Мобей), ганьчжоускими уйгурами и их усилия открыть проход в Монан и район Восточного Тянь-Шаня через равнину Хетао, оазисы в верховьях реки Хуанхэ, а также исторический фон установления связи киданей с гаочанскими уйгурами. Автор в сочетании с соответствующими записями мусульманских географов предположил, что в X в. не было отношений подчинения между кыргызами и династией Ляо. Контакты кыргызов с кидань-ляо осуществлялись в основном через горный проход Восточный Тянь-Шань и Алтай. Возвышение гаочанских уйгуров является ключевым фактором, который ограничивает установление стабильных отношений между кыргызами и кидань-ляо и, наконец, прерывает их отношения. Автор помещает интерпретацию исторических данных в грандиозную нарративную структуру и восполняет недостатки и пробелы предшествующих исследований в данной области.

4. Развитие изучения кыргызов (чиэрцзисы, цзилицзисы) в монгольской и юаньской династиях.

В 1970-х и 1980-х гг. Хань Жулинь, Чэнь Дэчжи, Чжоу Циншу, У Лан и другие учёные провели полезные дискуссии о кыргызах династии Юань. В частности, Хань Жулинь и У Лан собрали и определили соответствующие исторические материалы и на этой основе проанализировали расположение qīrqīz и процесс его завоевания монголами, а также важную роль qīrqīz в походе монголов на запад и стратегии династии Юань в северо-западном регионе.

Однако, поскольку эти результаты формировались почти полвека, некоторые выводы нуждаются в дополнении и уточнении, а некоторые вопросы требуют дальнейшего изучения. Одним из таких вопросов является время и конкретный процесс монгольского завоевания кыргызов. В работе Цин Гели «Тайная история Монголии», раздел 239 и монгольское завоевание чиэрцзисы и других лесных народов (прим. в разделе 239 «Тайной истории Монголии»), имеется самое раннее упоминание о монгольском завоевании лесных народов, включая Чиэрцзисы, на основе перевода и аннотирования текстов, написанных на монгольском языке китайскими иероглифами, реконструировал и проанализировал соответствующие записи в исторических книгах, таких как «Шицзи» (《史集》), «Шэну циньчжэнлу» (《圣武亲征录》), «Юань Ши» (《元史》) и др. Выразил свою точку зрения (Цин Гели) касаясь эпохи завоевания монголами чиэрцзисы и других лесных народов, количество экспедиций Джучи, характер экспедиции и расселение северных племён. Автор полагает, что процессу завоевания монголами северных лесных народов, таких как чиэрцзисы, способствовали три исторических события, в 1207 г. Чингисхан отправил послов для того, чтобы переманивать на свою сторону племя чиэрцзисы, а на рубеже зимы 1208 г. и весны 1209 г. он отправил Джучи на покорение всего лесного племени, в 1217 г. он снова отправил Джучи на покорение племени чиэрцзисы, последнее событие произошло относительно независимо от предыдущих, однако эти важные исторические события военных действий, предпринятых Чингисханом для укрепления нового режима и обеспечения продвижения политики внешней экспансии после создания Великой Монгольской империи, являются поворотным моментом в историческом процессе северных лесных племён, таких как чиэрцзисы.

В статье также подтверждается, что восьмой рекой, через которую в 1217 г. Джучи прошёл по пути домой после покорения племени чиэрцзисы, что записано в «Сборнике истории», является нынешняя р. Абакан. Границы этих восьми рек охватывают районы от верхнего течения р. Енисей до участка впадения р. Абакан в р. Енисей. В долине от шестой до восьмой реки проживало племя чиэрцзисы (Цин Гели «Тайная история Монголии», раздел 239 и монгольское завоевание чиэрцзисы и других лесных

народов. Новый 9-й выпуск Евразийского журнала, 146–166).

Кроме того, в работе «Дополнительные сведения цзилицзисы династии Юань» Ли Минфэя обсуждаются такие темы, как различные переводы этнонима *цзилицзисы* в китайских исторических материалах, народ цзилицзисы в районе Тянь-Шаня династии Юань и отношения между знаменитым родом сайд сайсыдин и цзилицзисы, которые в прошлых академических кругах вызвали меньшую озабоченность.

5. Дополнение к истории бурутов времён Джунгарского ханства. Возвышение ойратских монголов в XV в. оказало глубокое влияние на исторический ход *qitqiz*. Во второй половине XVII в. племя джунгар в Ойратской Монголии основало ханство на севере и юге от г. Тянь-Шаня, имевшее большое влияние на окружающие племена и режимы. В прошлом вопрос об использовании Джунгарским ханством войск против бурутов в горах Западного Тянь-Шаня редко поднимался. В работе Чэнь Чжу «Завоевание бурутов Джунгарским ханством, оборона бурутов и буруты в Джунгарском ханстве» на основе маньчжурских архивов династии Цин, а также китайских документов, подробно обсуждаются различные отношения бурутов с Джунгарским ханством.

6. Новые достижения в исследовании бурутов-кыргызов в династии Цин. Благодаря организации, переводу и публикации маньчжурских архивов и чагатайских документов, а также активному развитию исследований истории Цин в стране и за рубежом некоторые молодые учёные могут быстро усвоить результаты исследований своих зарубежных коллег и напрямую использовать маньчжурские архивы для исследований. Таким образом, исследование бурутов-кыргызов периода Цин имеют новые прорывы.

Работы Чэнь Чжу «Буруты в исторических книгах династии Цин» и «Слухи и воображение: раннее понимание бурутов китайцами династии Цин» являются продолжением его исследования бурутов в Джунгарском ханстве. В первой работе исследуются племенные названия, распределение, классификация, социальные и политические условия бурутов во время династии Цин и характер отношений между бурутами и династией Цин; во второй работе автор анализирует маньчжурские и ханьские документы и утверждает, что полученные знания про бурутов династией Цин в ранние периоды своего существования больше основаны на одностороннем воображении и ожиданиях, на слухах, они не обладают сведениями о конкретной ситуации бурутов, т. е. хотя некоторые племена бурутов ненавидели и сопротивлялись завоеванию и контролю Джунгарским ханством, но, несмотря на это, были

ещё бурутские племена, которые повиновались и следовали за джунгарами.

В «Исследовании истории синьцзянских бурутов в эпоху династии Цин (1758–1864)» Чжан Фэнфэна, основанном на результатах исследований китайских и зарубежных учёных, использовались китайские документы династии Цин, а также переведены и отсортированы маньчжурские и чагатайские документы, систематически проанализирована история бурутов и их связи с династией Цин за период с 1758 по 1864 г. Автор считает, что отношения между разными племенами бурутов и династией Цин различны, а отношения между одним и тем же племенем и династией Цин в разные периоды также различны, это связано с историческим фоном, географическим расположением и другими факторами. Сложившиеся многогранные отношения бурутов с Кокандским ханством, Российской империей и кланом Ходжи оказали глубокое влияние на отношения между бурутами и династией Цин. Вышеупомянутое исследование обогатило содержание исследования бурутов в династии Цин и изменило чрезмерно упрощённое понимание отношений между бурутами и династией Цин в прошлом. Кроме того, в работе Чэнь Чжу «Исследование миграции кыргызов на восток в Хэйлунцзян при императоре Юнчжэнь» («Маньчжурские исследования», 2021 г., выпуск 2, с. 113–123) обсуждаются происхождение, миграция, подробный процесс бегства кыргызов и их перемещения на восток в Хэйлунцзян. Реакция и решения цинского суда в ходе процесса обогатили содержание изучения истории миграции кыргызов на восток и истории кыргызов в Хэйлунцзяне.

Записи о кыргызах в китайских исторических книгах ведутся непрерывно более 2000 лет и являются основным историческим материалом для изучения истории и культуры древних кыргызов. Жаркын Турсун («<Тонгдянь> <Тан Хуэй Яо> <Тайпин Хуаньюй Цзи> <Новая книга Тан> Заметки о «цзегу» и «сягасы» в исторических документах) и Ли Минфэй («Заметки о кыргызах в китайских исторических материалах династии Юань») на основе изучения результатов исследований предшественников, а также соответствующих записей документов Тан, Сун и Юань обеспечили удобство для изучения исторических вопросов древних кыргызов. Следует отметить, что «Евразийский академический журнал: кыргызский историко-культурологический спецвыпуск» (новый 9-й выпуск) под редакцией Ю Тайшаня и Ли Цзиньсю содержит 15 статей 14 учёных из Китая и Кыргызстана. Содержание спецвыпуска охватывает историю кыргызов с доцинского времени вплоть до династии Цин. В конце главы находится «Предварительный каталог кыргызских историко-культурных исследовательских работ». Собраны актуальные результаты исследова-

ний из Китая, Кыргызстана, Японии, Южной Кореи, России, США, Великобритании, Франции, Германии и других стран. Соответствующие результаты исследований обеспечивают удобство для дальнейшего изучения истории и культуры кыргызов.

Можно сказать, что в последние годы китайские учёные продвинулись в своих исследованиях по истории кыргызов в разные периоды и добились определённых результатов. Однако из-за отсутствия соответствующих исторических материалов исследования в целом всё ещё слабы. Необходимы

дальнейшие поиски древних рунических надписей и документов на уйгурском, тибетском, персидском, арабском, чагатайском, монгольском, маньчжурском, русском и других языках. Необходимо использовать достижения зарубежных коллег в области археологии, этнологии, лингвистики и других исследований, чтобы продвигать углублённые исследования.

Переводчик: Абдужапар уулу Канатбек, PhD студент Кыргызско-турецкого университета «Манас» (altynken@list.ru)

Литература

Жаркын Турсун. О термине «Jiasha» / гл. ред. Ван Чжэнчжун // Исследования культуры Яньхуан. – 20-й выпуск. – Чжэнчжоу: Издательство «Да сянь», 2020. – С. 96–107.

Жаркын Турсун. Пересматривая полемику о «Jiasha» // Вестник Академии общественных наук КНР, 2021.

Жаркын Турсун. Взаимодействие кыргызов с династией Тан в период раннего Тана / гл. ред. Ю Тайшань, Ли Цзиньсю // Евразийский журнал. – 9-й выпуск. – Пекин: Коммерческое издательство, 2019. – С. 61–70.

Ли Минфэя. Дополнительные сведения Цицилицысы династии Юань / сост. Усыман Якуфу // Литература и культура Шёлкового пути. – Главное издательство Педагогического университета провинции Шэньси, 2021. – С. 227–243

Ли Цзиньсю. Проблемы перевода визитов кыргызских послов в Танский Китай в периоды Хуйчан и Дачжун // Евразийский журнал. – Пекин: Коммерческое издательство, 2019. – С. 85–104.

Ли Цзиньсю. Торговля шёлком и лошадьми между Тан и кыргызами // Цзиньнянский академический журнал. – 2022. – 1-й выпуск. – С. 75–83.

Сунь Хао. Западная экспедиция киданей в X в. и их контакты с народом Сяцзясы // Евразийский журнал. – 9-й выпуск. – Пекин: Коммерческое издательство, 2019. – С. 125–145.

Сунь Хао. Книга высочайшего пожалования титулов: одна сторона общения между Тан и Сягасы в IX веке / гл. ред. Чжао Цзюньцзе // Весенняя гора полна надежд. Сборник юношеских очерков по истории и археологии. – 3-й выпуск. – Издательство «Шанхай гуцзи чубаньшэ», 2021. – С. 186–198.

Tabaldev Kubatbek. Some problems of the study of archeology and history of medieval Kyrgyz // Евразийский журнал. – 9-й выпуск. – С. 6–22.

Цин Гели. Тайная история Монголии, раздел 239 и монгольское завоевание чиэрцисы и других лесных народов // Евразийский журнал. – 9-й выпуск. – С. 146–166.

Чжан Фэнфэн. Исследования истории синьцзянских бурутов в эпоху династии Цин (1758–1864). – Издательство Лантай, 2019.

История северных народов Древнего Китая – том о кыргызах / гл. ред. Чжан Цзюэхэ, Лю Госян, сост. Цзе Ван. – Научное издательство, 2021.

Чэнь Чжу. Завоевание бурутов Джунгарским ханством, оборона бурутов и буруты в Джунгарском ханстве // Евразийский журнал. – 9-й выпуск. – С. 167–199.

Чэнь Чжу. Буруты в исторических книгах династии Цин // Исследования истории и языков Западного региона. – 2019. – 1-й выпуск. – С. 127–142.

Чэнь Чжу. Слухи и воображение: раннее понимание бурутов китайцами династии Цин // Китайские пограничные исследования. – 2020. – 12-й выпуск. – С. 147–164.

Чэнь Чжу. Исследование миграции кыргызов на восток в Хэйлуцзян при императоре Юнчжэн // Маньчжурские исследования. – 2021. – Выпуск 2. – С. 113–123.

Юй Тайшань. О географическом расположении цзянькунь и гипотезе об идентичности цюаньхань (鄂 韓)-Цзянькунь / гл. ред. Ю Тайшань, Ли Цзиньсю // Евразийский журнал. – 9-й выпуск. – Пекин: Коммерческое издательство, 2019. – С. 1–5.

Специальный выпуск по истории и культуры кыргызов / гл. ред. Ю Тайшань, Ли Цзиньсю // Евразийский журнал. – 9-й выпуск. – Пекин: Коммерческое издательство, 2019.

С. А. Угдыжеков
(Абакан, Россия)

ТЕРМИНЫ РОДСТВА ХАКАСОВ В РАБОТАХ Н. Ф. КАТАНОВА

Анализ терминов родства хакасов, содержащихся в работах Н. Ф. Катанова [Избранные труды ...], позволяет выделить три основных этапа складывания хакасской системы терминов родства (СТР):

1. «Древнетюркский» период освещается терминами родства, главным образом представленными в памятниках древнетюркской рунической письмен-

ности VIII–IX вв. Вопреки мнению С. М. Абрамзона, СТР хакасов сохранила многие элементы СТР древнетюркских народов, реконструируемой на основе памятников рунической письменности VIII–IX вв.

2. «Монгольский период» в этногенезе хакасов оставил заметное влияние в таких терминах, как *иче* (мать), *ага* (старший брат), *эбеген*, *эбе*, *ниге*, *худа*,

худагай и др. Наиболее тесное взаимодействие с монголоязычной средой приходится на период XIII–XVII вв.

3. С установлением русско-хакасского двуязычия и с изменениями в быте рассматриваемая СТР относительно быстро дрейфует в сторону чисто линейных систем.

О влиянии нетюркских СТР на хакасскую СТР как результат межэтнических контактов или влияния «общеалтайских архетипов» высказывались различные авторы. Так, выдвигались предположения о заимствовании самодийских, ойратских, монгольских и тунгусо-маньчжурских терминов (как, например, *абахай*).

Очевидно, что номенклатура родства современных тюркоязычных народов Саяно-Алтая не претерпела радикальных потрясений со времени раннесредневековых кыргызов (имеется в виду именно терминология, а не система терминов). Этот тезис противоречит мнению С.М. Абрамзона, сославшегося на точку зрения Л. Я. Штернберга о совершенно изменившейся терминологии родства. Последний приводил устное суждение академика В. В. Радлова, сравнивавшего терминологию современных тюркоязычных народов и орхоно-уйгурских памятников письма [Штернберг 1933: 66]. Однако С.М. Абрамзон, искажая цитату, написал: «Судя по орхонским и енисейским (в обоих случаях выделено нами. – С. У.) памятникам» [Абрамзон 1958: 29].

Уместно в связи с этим напомнить следующие слова Л.П. Потапова об алтайцах: «Сохранилась и терминология родства, зафиксированная камнепис-

ными орхоно-енисейскими памятниками. К таким терминам относятся, например, ата (отец), ана (в алтайском произношении ана – **ана** – мать), *ини* и *ачи* (младший брат, сыновья брата), *апа* и *сини* (старшая и младшая сестры и др.), *калин* (невестка)» [Потапов 1952: 23].

Хакасская система родства также сохранила и принцип разграничения прямой и боковых линий родства, и принцип относительного возраста, присущие системе родства кыргызов. Данные соответствия современных и извлечённых из текстов енисейской письменности терминов не согласуются со словами В. В. Радлова в передаче Л. Я. Штернберга об одном-двух уцелевших терминах. Впрочем, известный тюрколог и не имел в виду енисейские памятники.

Системам родства современных народов Саяно-Алтая закономерным образом стали присущи более выраженные линейные черты, что соответствует исторической последовательности: бифуркативно – бифуркативно-линейный тип > бифуркативно-линейный тип.

Автор также солидаризируется с выводом Н. В. Бикбулатова, поддержанным недавно ушедшими из жизни А. В. Шабашовым и А. А. Бурыкиным, о глубоких особенностях тюркских систем родства, в том числе и в отношении систем «кроу» и «омаха». На наш взгляд, дальнейшее изучение хакасской системы родства окажется полезным и для развития представлений о социально-исторических причинах формирования тюркских систем родства.

Литература

Абрамзон С.М. К вопросу о патриархальной семье у кочевников Средней Азии // КСИЭ. – Вып. XXVIII. – 1958. – С. 28–34.

Избранные труды о Хакасии и сопредельных территориях / сост. С. А. Угдыжеков. – Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2004.

Потапов Л.П. Очерк этногенеза южных алтайцев // Советская этнография. – 1952. – № 3. – С. 16–35.

Штернберг Л. Я. Семья и род у народов Северо-Восточной Азии. – Ленинград: Изд. Института народов Севера ЦИК СССР, 1933. – 188 с.

М. П. Чебодаева
(Абакан, Россия)

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ И МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ Н. Ф. КАТАНОВА ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИИ В МИНУСИНСКИЙ ОКРУГ (1889–1892)

Статья посвящена неизвестным рисункам, хранящимся в архиве Русского географического общества, и музейным коллекциям Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) в Санкт-Петербурге, собранным учёным Н. Ф. Катановым в Минусинском округе в 1889–1892-х гг. Этнографические рисунки женских рукавиц были созданы письмоводителем А. П. Бехтеревым (Минусинск).

Ключевые слова: этнографические рисунки, музейные коллекции, декоративно-прикладное искусство хакасов.

В архиве Русского географического общества в Санкт-Петербурге в настоящее время хранятся два рисунка, созданных во время путешествия известного хакасского учёного Н. Ф. Катанова, которые были

привезены из научной экспедиции 1889–1892 гг. по Минусинскому округу. Рисунки датированы 1889 г., когда Н. Ф. Катанов находился в Аскизе два месяца до его поездки в Урянхайский край (Тува).

Имя Николая Фёдоровича Катанова (1862–1922) широко известно в мировой науке. Российский тюрколог, профессор Императорского Казанского университета и Казанской духовной академии, доктор сравнительного языкознания, этнограф, фольклорист и общественный деятель – он по праву считается первым хакасским учёным.

Летом 1888 г., после окончания Восточного факультета Санкт-Петербургского Императорского университета, Н.Ф. Катанов был направлен для изучения Сибири и Восточного Туркестана. 30 мая 1888 г. Совет университета присудил ему степень кандидата словесности, одновременно было удовлетворено представление И.Н. Березина: Катанов становился профессорским стипендиатом Восточного факультета Санкт-Петербургского Императорского университета. Ему была назначена стипендия в 600 рублей в год на двухлетний период.

Ещё в 1887 г. В.В. Радлов представил в Императорское Русское географическое общество «Записку», в которой обосновывал необходимость этнографо-лингвистической экспедиции для изучения «остатков тюркских племён» Сибири и Восточного Туркестана. 11 декабря 1887 г. записку рассматривали на Отделении этнографии Императорского географического общества, тогда же В.В. Радлов предложил командировать Н.Ф. Катанова как «подготовленное и способное лицо». В «Записке» говорилось: «Важность исследования остатков тюркских племён на Крайнем Востоке не требует доказательств, т.к. эти страны никогда не были посещены знатоками тюркских языков, и мы имеем только отрывочные сведения, собранные посторонними наблюдателями, не специально готовившимися к этой цели. Я уверен, что Этнографическое отделение согласится со мной, что такое предприятие, как исследование остатков тюркских племён в Восточной Сибири, Монголии и Северном Китае, вполне соответствует цели нашего общества, и я рад, что имею случай указать на возможность такого исследования без больших расходов со стороны общества» [Известия ... 1888: 22].

По рекомендации В.В. Радлова Катанов был отправлен в этнографо-лингвистическую экспедицию в Минусинский округ для изучения языков и быта тюркских племён. Профессор В.В. Радлов ходатайствовал о выделении Катанову 1000 рублей, его прошение было поддержано деканом Восточного факультета В.П. Васильевым. 8 декабря 1888 г. Министерство внутренних дел выдало Н.Ф. Катанову открытый лист, предписывающий подведомственным Министерству внутренних дел лицам и учреждениям оказывать ему всемерную поддержку. Императорским указом от 22 декабря 1888 г. кандидат Н.Ф. Катанов был «командирован с учёной целью» в Сибирь и Китай.

В декабре 1888 г. Н.Ф. Катанов выехал из Петербурга в Сибирь. 19 января 1889 г. он прибыл в Красноярск, а затем в родной Аскиз, где обустроил главную базу для своих полевых исследований. Село Аскиз было центром Аскизской Степной думы соединённых разнородных племён, здесь Николай Фёдорович ознакомился с архивными документами, собирал статистические данные о сагайцах и писал отчёты-письма в Императорское Русское Географическое общество и в Академию наук в Санкт-Петербурге, а также вёл большую переписку с директором Минусинского музея Н.М. Мартьяновым и А.А. Яриловым. Во время этой экспедиции учёный вёл дневник, который в настоящее время хранится в Татарском национальном архиве и впервые был опубликован в 2017 г. Хакасским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории.

В родных местах Катанов не был несколько лет после поступления в Санкт-Петербургский Императорский университет. И в 1889 г. он вновь посетил свою малую родину, местность Изюм, находящуюся в 17 км от Аскиза. В семье его отца Фёдора Семёновича и матери Марии Степановны Катановых родилось 4 детей: Мария-Торлок (1854–1939), Елена (1856–?), Николай-Паё (1858) и Николай-Пора (1862–1922). Остановился Н.Ф. Катанов в Аскизе в доме своей тётки Е.В. Катановой.

В улусе Тураков проживали его старшая сестра Мария (Торлок) Фёдоровна Тюнестеева (Итпалина, Пилеева) с детьми Анной (1888–1978), Всеволодом (1890–1978), в 1894 г. родился Николай (1894–1939).

В с. Усть-Есь жили брат Николай (Паё) старший Фёдорович (1858–1891) с большой семьёй: Василий (1880–?), Иван (1883–1924), Александр (1885–1937), Мария (1888–1930) и Юлия (1891–1947).

В Сагаях проживал его родственник Онак (Иван) Игнатович Катанов, который и стал его проводником в нелёгких научных экспедициях к карагасам, в Китай, Монголию и Восточный Туркестан. Н.Ф. Катанов тепло отзывался о своём дальнем родственнике Онаке Катанове. По словам знакомого И.В. Барашкова-Эпчиля, он говорил следующее: «Мой дальний родич Анаш – человек золотой. Русское имя его Иван, татарское – Анаш, он сын Игната (Катанова. – Прим. автора). Анаша я взял себе спутником, когда поехал в научную командировку к карагасам, Китай, Монголию и Восточный Туркестан. Анаш был незаменимым человеком в путешествии – умел быстро в полевых условиях приготовить неприхотливую пищу, умел и добыть её дешево, мастер был выбирать лошадей, найти попрочнее тарантас или хорошие сёдла, организовать удобную ночёвку... Но главное его достоинство было в том, что этот полуграмотный татарин был настоящим лингвистом – он свободно разговаривал с казанскими татарами, алтайцами: когда приехали в 1890 г. к карагасам – он

быстро освоил их речь; то же самое было и в Урянхае; с урянхайцами он говорил довольно свободно» [Барашков-Эпчелей 1958: 125–126].

7 марта 1889 г. Н. Ф. Катанов выехал из Аскиза в с. Усинское, а далее отправился в Урянхайскую землю, так называли современную Туву. Тувинская поездка продолжалась более 5 месяцев: с 7 марта по 27 августа 1889 г. Всего во время путешествия было пройдено около 700 вёрст.

27 августа 1889 г. Катанов возвращается из Урянхайской земли в Аскиз. В сентябре – декабре 1889 г. Катанов занимался обработкой и систематизацией собранных тувинских материалов (песен, загадок, сказок, поверий и шаманских молитв, описаний обычаев, рисунков родовых тамги, рисунков на предметах домашнего обихода) и совершал поездки в пределах Минусинского округа для сбора фольклора хакасов. В Аскизе он записал много сказок, свадебных песен, шаманских молитв, посвящённых коням-«ызыхам», Эрлик-хане, овцах и коровах, за-

гадки и рассказы о Всемирном потопе, русских священниках, о шаманах, о созвездиях, о луне и солнце.

12 ноября 1889 г. в улусе на р. Ташеба Н. Ф. Катанов записал у качинца Мукулы Шоева важную информацию о названии качинских сеоков Абаканской инородной управы: ызыр, кыргыз, пурут, каска, ары, туба, соккы, тин и ойрат.

10 декабря 1889 г. в улусе Аппака Асочакова у 70-летнего бельтира Пыласкана Чебодаева Н. Ф. Катанов записал название бельтирских родов: Суг Какпыназы, Таг Какпыназы, Чити Пүүр, Ах Чыстар, Кара Чыстар, Сарыглар, Табан Пелтир.

В экспедиции Н. Ф. Катанов, помимо фольклорного материала, собирал этнографические коллекции минусинских инородцев. В настоящее время собранные предметы хранятся в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) в Санкт-Петербурге. Всего им было собрано три коллекции: № 217, № 221, № 235.

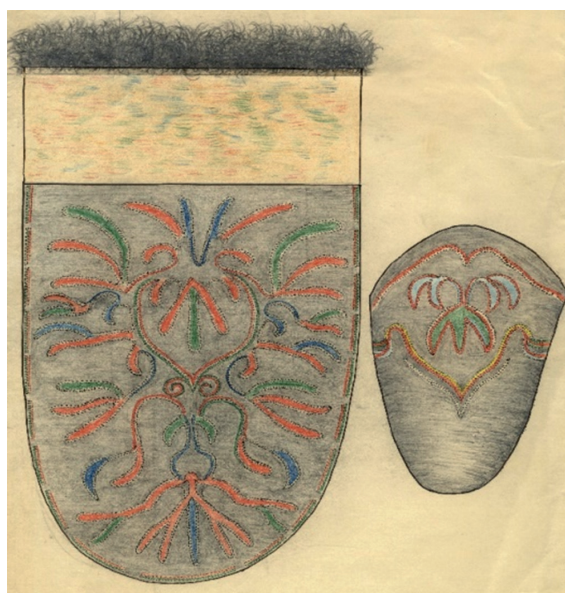

Рис. 1. А. П. Бехтерев. Рисунок рукавицы. 1889 г. Архив Русского географического общества. Санкт-Петербург

Рис. 2. Рукавицы женские, работа мастерицы Тарлок Кызыловой-Итпалиной. 1889 г. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого. Санкт-Петербург. Коллекция № 217-7аб

В улусе Тураков Аскизской степной думы Н. Ф. Катанов приобрёл этнографическую коллекцию № 217 (рис. 1–2), которая в настоящее время хранится в Музее этнографии и антропологии им. Петра Великого (Кунсткамера). Среди предметов рукавицы «мелей» (№ 217-7аб), которые были приобретены Н. Ф. Катановым в 1889 г. на среднем течении р. Абакан между речками Аскиз и Камышта. Учёный указал, что название рукавиц по-сагайски «палой», работа его старшей сестры Торлок Кызыловой-Итпалиной. Рукавицы изготовлены из чёрного бархата, с широкой парчовой каймой у кисти руки. Заканчиваются узкой кожаной полоской с опушкой.

Вся тыльная сторона рукавиц и большой палец расшиты шёлковыми нитками серого, зелёного, оранжевого и белого цветов с растительным узором. Изнутри рукавиц пришит подклад из кожи.

В другой коллекции № 221 (рис. 3–4), собранной Н. Ф. Катановым в этой же экспедиции, рукавицы «мелей» качинской мастерицы Каяк Болгановой и неизвестной койбальской мастерицы. В дневнике от 12 июня 1890 г. Н. Ф. Катанов сделал запись по данному приобретению: «По прибытии моём накануне в город Минусинск письмоводитель мой, А. П. Бехтерев, срисовал образец рукавицы изделия качинской татарки. Рисунок при сём приложен.

Рукавица взята 17 мая 1890 г. у сказочника Кодэра, упомянутого выше. Она обложена чёрным бархатом С, чёрным сукном А и парчой В. Вышита голубым и красным шелками. Ширина рукавицы по DF=4/4 дюйма, длина MN=10/2 дюйма, длина по MO=в $\frac{3}{4}$

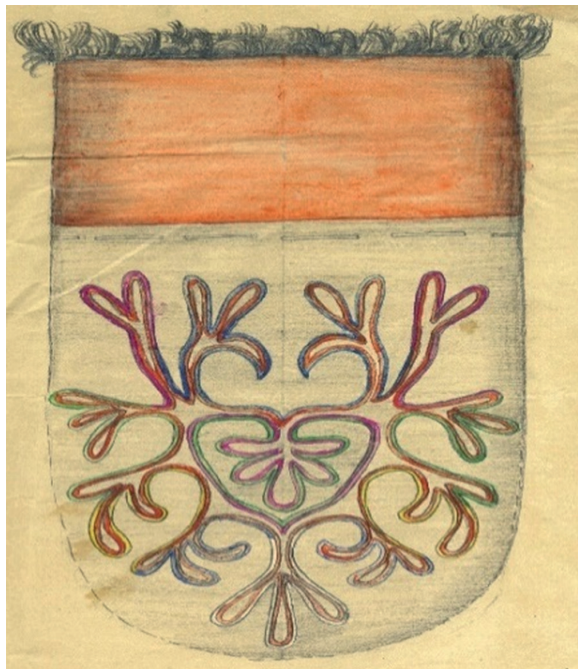

Рис. 3. А. П. Бехтерев. Рисунок рукавицы. 1889 г. Архив Русского географического общества. Санкт-Петербург

В январе – феврале 1890 г. Н. Ф. Катанов выезжает и изучает в тайге в Восточных Саянах, прилегающих к Канскому округу в направлении Нижнеудинска, проживающих там карагасов (тофаларов).

После поездки к карагасам Н. Ф. Катанов вместе с Онаком Катановым отправился вверх по р. Абакан и продолжил исследования качинского, сагайского и бельтирского наречий. Весну – лето 1890 г. Н. Ф. Катанов проживал в Аскизе, где он обрабатывал и систематизировал результаты своих поездок в Туву и Тофаларию и одновременно готовился к тяжёлому и сложному путешествию в Китай и Восточный Туркестан, который он посетил летом 1890 г.

21 апреля 1890 г. в Аскизе он сделал описание шаманского бубна и колотушки, а также рисунков на нём. Ценную информацию с научной точки зрения ему сообщил его старший брат, священник Н. Ф. Катанов, по мнению которого: «Обитатели подземного царства изображаются на некоторых бубнах чёрною краскою, а обитатели верхнего царства (земли и неба) – белою краскою» [Письма ... 1893: 31].

дюйма. Эта рукавица скроена, сшита, обложена и вышита качинской девицей по имени Каяк, дочерью Пыдота, Болгановою, 20 лет, живущей на реке Камыште» [Катанов 2017: 86].

Рис. 4. Рукавицы женские, работа неизвестной койбальской мастерицы, проживающей на правом берегу р. Абакан. 1892 г. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого. Санкт-Петербург. Коллекция № 221-5

10 мая, 14 мая и 16 мая 1890 г. в Аскизе Н. Ф. Катанов записал сказки о двух братьях-звероловах и горном духе, 6 песен и шаманскую молитву у бельтира Петра Тоскаракова.

30 мая 1890 г. Н. Ф. Катанов снова отправился вверх по Абакану, чтобы заняться изучением качинских и сагайских шаманских верований и легенд. 31 мая в улусе Архипов на правом берегу р. Камышта он остановился у Архипа Тобостаева, где встретился с Петром Тутатчиковым, от которого записал 6 шаманских молитв и 1 рассказ. Здесь же в улусе Архипов Катанов записал от Кедэр Мохова три сказки и шесть песен, от Архипа Тобостаева – три рассказа и от качинца Паяна Калачева – две сказки. У Кабая Шадрина записал две сказки и описание обычая, что когда весной загремит первый гром, все мужчины и женщины обходят юрту по течению солнца и ударяют ковшом три раза в каждый угол юрты. Когда весной впервые загремит гром, татарский народ отворяет дверь. Когда гремит гром, собак в юрте не держат, а выгоняют на улицу.

Рис. 5. Рукавицы женские, работа неизвестной качинской мастерицы, проживающей на правом берегу р. Абакан. 1892 г. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого. Санкт-Петербург. Коллекция № 221-1аб

8–9 июня 1890 г. Катанов записал у качинца Угбека Тутатчикова, живущего на р. Камышта, семь рассказов о происхождении народа-качинцев и хакасских сеоков ара, туба и кыргыз.

В июне 1890 г. Н. Ф. Катанов отправляется в путешествие в Восточный Туркестан. В предисловии к дневнику путешествия Н. Ф. Катанов дал ценную информацию о составе экспедиции в Восточный Туркестан. Он писал: «В этом году пройдено экспедицией до 6000 вёрст. Экспедицию во время путешествия по Восточному Туркестану и Джунгарии составляли, кроме меня, пять человек, именно: письмоводитель и художник А. П. Бехтерев, проводник киргиз-казак Исмаил Мухаммед-беков и трое рабочих: сагаец Минусинского округа Енисейской губернии И. А. Катанов и киргизы Семиреченской области Бек-Батыр и Тасыр. Жалованье письмоводителю выдавалось по 50 коп., а проводнику и рабочим всем по 4 руб. 30 коп. в сутки» [Катанов 2017: 35].

15 июня 1890 г. Н. Ф. Катанов, письмоводитель А. П. Бехтерев и А. И. Катанов в Минусинске сели на пароход «Россия» и поплыли в Красноярск. Из Красноярска по тракту проехали через города Ачинск, Мариинск, Томск, Барнаул, станицу Пьяноярская, Семипалатинск (Казахстан), Сергиополь (Аягуз), Урджар и Бахты. По дороге Н. Ф. Катанов остановился на несколько дней в Томске.

1 июля 1892 г. Катанов вернулся в Аскиз, проведя в Восточном Туркестане около 18 месяцев. Кроме того, с 1 июля по 20 июля 1892 г. он посетил улусы по рекам Таштып, Аскиз и Камышта и записал

шаманские рассказы и молитвы бельтиров, каларов, сагайцев и качинцев. Обращения включали в себя благословление огню, горному духу, водяному духу, духу покровителю домашнего скота и др.

В 1889–1892 гг. это длительное путешествие по Центральной Азии было плодотворным для молодого исследователя Н. Ф. Катанова. Во время путешествия он собрал значительные материалы по языку, фольклору и этнографии народов Центральной Азии и Китая. Этнографические данные, собранные Катановым о минусинских татарах, включают в себя данные о племенных названиях, об особенностях быта, о религии, о торговле, о родоплеменном и административном делении, о законах и обычаях, о народном орнаменте, о тамгах и т. д.

Н. Ф. Катанов с женой Александрой Ивановной 22 декабря 1892 г. вернулся в Петербург. Он привёз с собой несколько томов подготовленных для печати дневников, а также огромный массив языковедческих и фольклорных материалов, на которых в дальнейшем строил все свои научные работы. Многие материалы были впервые введены в научный оборот, в частности, составлены словари и грамматика тувинского и тофаларского языков.

В Санкт-Петербурге Н. Ф. Катанов привёз также музейные предметы, собранные им в Минусинском округе, которые поступили в Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) коллекции № 217, № 221 и № 235 – женские рукавицы, вязаные чулки и предметы шаманского культа, которые были собраны учёным у этнических групп

хакасов – качинцев, сагайцев и койбалов, и нужно отметить, что до настоящего времени коллекции остаются не изученными и никогда не публиковались (рис. 4–5).

Отмечая значимость путешествия Н. Ф. Катанова в Сибирь и Восточный Туркестан, исследователь его жизни и деятельности, учёный С. Н. Иванов писал: «Это путешествие, длившееся четыре года (1889–1892), сыграло большую роль в формировании Катанова как исследователя и оказало значительное влияние на всю его дальнейшую научную деятельность. Замысел этой поездки принадлежал В. В. Радлову, под руководством и непосредственным воздействием которого у Катанова складыва-

лись лингвистические и этнографические интересы» [Иванов 1962: 22].

Таким образом, как исследователь этнографии хакасов Н. Ф. Катанов много внимания уделял сбору предметов декоративно-прикладного искусства хакасов – вышивке на рукавицах этнических групп качинцев, сагайцев и койбал. И бесспорно, в настоящее время назрела необходимость издания полной коллекции музейных предметов, собранных первым хакасским учёным Н. Ф. Катановым в научной экспедиции 1889–1892-х гг. в Минусинском округе, которые хранятся в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) в Санкт-Петербурге.

Литература

Барашков-Эпчелей И. Н. Ф. Катанов. – Абакан: Хакасское книжное издательство, 1958. – С. 124–171.

Иванов С. Н. Николай Фёдорович Катанов (1862–1962). Очерки жизни и деятельности. – М., Л.: Издательство АН СССР, 1962. – 108 с.

Известия Русского географического общества. Т. XXIV. – 1888. Вып. 4. – С. 22.

Катанов Н. Ф. Путешествие по Сибири, Джунгарии и Восточному Туркестану. – Казань-Абакан: Издательство «Артефакт», 2017. – 734 с.

Письма Н. Ф. Катанова из Сибири и Восточного Туркестана. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1893. – С. 1–113.

*А. Ш. Юсупова
(Казань, Россия)*

ВКЛАД Н. Ф. КАТАНОВА В ТАТАРСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Статья посвящается лексикографической деятельности Н. Ф. Катанова, связанной с татарским языком, и ставит задачу краткого исследования таких трудов, как «Краткий татарско-русский словарь» (1912) и «Транскрипция и глоссарий к пословицам и рассказам первой части букваря Г. Н. Ахмарова "Тюркская азбука"» (1913). Н. Ф. Катанов проделал филигранную работу по составлению глоссария и транскрипции к языку «Тюркской азбуки» Г. Ахмарова, а также «Краткого татарско-русского словаря» по «Истории пророков» Ф. М. Каримова, показав научную эрудицию, высокую лингвистическую подготовку. В этом смысле книги Н. Ф. Катанова могут служить образцом для подражания и составления глоссариев к разным изданиям.

Ключевые слова: лексикография, татарский язык, начало XX в., Н. Ф. Катанов.

В начале XX в. татарская лексикография, особенно двуязычная, продолжает усиленно развиваться. В этой области плодотворно работают такие знаменитые лексикографы, как Н. Ф. Катанов, С. Рахманкулов, Г. Карам и другие.

Николай Катанов – хакасский языковед и этнограф, исследователь тюркских языков и народов, профессор Казанского университета. В 1889–1892 гг. он совершил путешествие в южные районы Восточной Сибири, Урянхайский край и Северо-Западный Китай. Основные труды Катанова: «Опыт исследования урянхайского языка...» (1903) и два тома материалов по лингвистике, этнографии, фольклору хакасов, тувинцев, карагасов – «Наречия урянхайцев, абаканских татар и карагасов» имеют большое научное значение.

Приступая в 1911 г. к работе на Миссионерском отделении Казанской духовной академии, Н. Ф. Катанов хорошо представлял цели в подготовке миссионеров. Понятен и выбор книги, по

которой он составил один из этих словарей. Она рассказывает об истории пророков, содержит много общепотребительных слов как татарского, так и арабо-персидского происхождения в области религии.

«Краткий татарско-русский словарь» Н. Ф. Катанова был издан в 1912 г. в Казанском Императорском университете литографическим способом. Словарь содержит 23 страницы теоретического материала по татарскому языку (в основном фонетики) и 265 страниц словаря; он включает активную лексику того времени в объёме 1 части учебника известного литератора, учёного, общественного деятеля М. Ф. Каримова «Тарихи амбия» («История пророков»), который был издан в 1911 г. в Оренбурге. Выбор данной книги можно объяснить тем, что она была более доступна по стилю изложения и непосредственно связана с основными положениями ислама.

Словарь, по словам Н.Ф. Катанова, является приложением к курсу лекций по татарскому языку, прочитанному в 1912–1913 учебном году студентам 2 и 3 курсов Миссионерского отделения Казанской духовной академии. Словарь начинается описанием двух видов транскрипции, которые широко использовались учёными в языкознании (т.н. учёная транскрипция) и миссионерами (миссионерская транскрипция) в начале XX в. Далее автор знакомит своих читателей с главнейшими фонетическими отличиями казанско-татарского наречия; представляет примеры перехода звуков, где тщательно объясняются переходы гласных и согласных звуков в тюркских языках. Основная часть издания – это татарско-русский словарь с незначительными дополнениями к основному материалу – книге М.Ф. Каримова.

Остановимся на каждой части подробнее. Два вида транскрипций представлены таким образом:

Учёная:	Миссионерская:
а – ä, о – ö	- а – я; о – ö
ä, ä	- а, я
ja – jä	- я, я
ÿ, ÿ	- ÿ, ю,
j, i	- э, е, и
i, i	- ый – ей, ой – öй
нб ÿ	- ыу – еÿб оу – öÿ
к – к, г – г	- к – к, г – г
н, нг – нг	- н, нг – нг

Оба вида транскрипции широко использовались в словарях, учебниках, пособиях по татарскому языку для русских, которые вышли в свет в кон. XVIII – нач. XX в.

Большое теоретическое значение имеет вторая часть словаря, где речь идёт о фонетических отличиях казанско-татарского наречия. Здесь даётся описательная характеристика каждого звука и его сравнение с аналогичными звуками других тюркских языков. Особое внимание обращается на позицию звуков в слого. Например, параграф 7: «Звук **ы** первого слога: в чагатайском наречии соответствует звуку **i**, а в остальных: башкирском, кара-киргизском, качинском, казак-киргизском, мещеряцком, сагайском, телеутском, тобольском, турецком, уфимском и якутском остаётся» [Катанов 1912: VI]. Такие же характеристики имеют все остальные звуки. Гласные всегда представлены только в первом слоге, а согласные характеризуются в двух позициях – начальной и конечной. Например, указывается, что «начальный звук "к" в турецком, например, соответствует звуку "г" и остаётся в наречиях: башкирском, кара-киргизском, качинском, казак-киргизском, мещеряцком, сагайском,

телеутском, тобольском, уфимском, чагатайском и якутском» [Катанов 1912: VIII].

Особо отмечается отсутствие долгих гласных в татарском языке: «Долгие гласные в корнях казанско-татарского, уфимско-татарского, башкирского и мещеряцкого наречий уже не встречается, хотя и слышится иногда, например, ул ‘сын’ из *уғыл*, су ‘вода’ из *сув(б)*, *суғ(е)*» [Катанов 1912: XII].

Отдельными параграфами даны дифтонги *ay/üj* и приводятся примеры вариантов этих дифтонгов из других тюркских языков.

Для тюркологии чрезвычайно важным является раздел, посвящённый историческим переходам звуков. На примере 35 слов иллюстрируется переход гласных и согласных звуков в тюркских языках. Классический пример перехода звуков: «*Ajak* ‘нога’: башкир., казан., кара-кирг., казак-кирг., телеут., тобол., турец., уфим. и чагат. – *ajak*, качинском, сагайском – *azak*, мещеряцком – *ajak*, якутском – *atax*» [Катанов 1912: XIV]. Показаны переходы звуков в словах *аю*, *ал*, *авыз*, *ауыл*, *бар*, *бас*, *баи*, *бит*, *буй*, *ит* и т.д. [Катанов 1912: ХГУ–ХХПГ].

Предваряя основную часть «Татарско-русского словаря», Н.Ф. Катанов пишет: «Так как "Словарь" включает в себе, лишь с незначительными дополнениями, материал книги М.Ф. Каримова "История пророков" (ч. 1), то в нём читатели не найдут многих, даже общеупотребительных, слов. Арабская транскрипция татарских слов удержана Каримовская, без изменений, в некоторых случаях добавлена для полноты и ясности и транскрипция народная» [Катанов 1912: 1]. Словарь составлен по алфавиту. Дается татарское слово, написанное на арабской графике, затем транскрипция слова на кириллице и всевозможные значения данного слова в переводе. В большинстве случаев слова представлены в двух вышеназванных транскрипциях. Интересно и то, что в скобках автор указывает на генетическую характеристику слова (арабское, персидское, турецкое, греческое, чагатайское, русское). Например, *абыз* (из арабского *хафиз*) ‘учёный, мулла’ [Катанов 1912: 1]. *Пайрам* (из персидского *байрам*) У. (учёная) *байрам*, М. (миссионерская) *байрям* ‘праздник’ [Катанов 1912: 83]. *Алача* ‘пестрядь (материя)’ от слова *ала* [Катанов 1912: 2]. Слово «алача» тюркского происхождения, поэтому особых пометок около этого слова не имеется.

В «Истории пророков» М.Ф. Каримова преобладает общеупотребительная и религиозная лексика.

Глаголы в словаре представлены в повелительном наклонении, II л., ед. числа, например, «йöз/жöz», «масай», «макта» [Катанов 1912: 195]. В некоторых случаях встречается начальная форма глагола на «-мак», которая в современном языке является архаичной [Катанов 1912: 45]. Изучение лексики данного словаря показывает, что в начале

XX в. ещё продолжает наблюдаться колебание «й» и «ж» в позициях начала слова и начала слога. Это объясняется тем, что нормы татарского литературного языка формировались на основе смешения различных говоров и диалектов. В учёной транскрипции словаря преобладает йоканье, а в миссионерской транскрипции – жоканье. Например, У. (учёная) *йакшы* ~ М. (миссионерская) *жакшы* ‘хороший, хорошо, добрый’; У. *йыр* М. *жыр* ‘песня’; У. *йырак* ~ М. *жырак* ‘далёкий, далеко’ [Катанов 1912: 237].

Лексика, зафиксированная в данном словаре Н.Ф. Катанова, даёт широкое представление об активной лексике татарского языка начала XX в. Неизменность, устойчивость, сохранение этих слов до наших дней говорит о том, что в словаре, хотя он и составлен по книге М.Ф. Каримова, носящей религиозный характер, собраны в основном общеупотребительные слова. Но встречаются и такие лексические единицы, которые были вытеснены из активного употребления русскими заимствованиями в 20-е гг. XX в. Это такие слова, как *мэгъдэн* ‘руда, рудник’ [Катанов 1912: 202]; *газамат, азамат* ‘величие, слава, гордость’ [Катанов 1912: 161]; *шикъл/шәкел* ‘вид, образ’ [Катанов 1912: 142]; *халаф* ‘наследник’ [Катанов 1912: 121]; *химажат* ‘защита, покровительство’ [Катанов 1912: 121]; *халуачы* ‘изготовитель или продавец халвы’ [Катанов 1912: 121]; *хөкөмдар/хөкемдар* ‘законодатель, правитель’ [Катанов 1912: 120]; *хаккам/хаким* ‘судья, правители’ [Катанов 1912: 121]; *хабыс* ‘задержанный, заключение, тюрьма’ [Катанов 1912: 117]; *аран* ‘насилу, чуть-чуть, едва’ [Катанов 1912: 17], *аслам* ‘барыш, прибыль’ [Катанов, 1912: 33]; *акраба* ‘родственник’ [Катанов 1912: 39]; *акса* ‘самый отдалённый’ [Катанов 1912: 40]. Некоторые из этих забытых слов в последние годы снова стали появляться в прессе, в художественной литературе.

«Краткий татарско-русский словарь» Н.Ф. Катанова, где также проведён сравнительный анализ тюркских языков, является ценным источником для изучения татарского языка начала XX в.

Вторая книга Н.Ф. Катанова написана на основе «Тюркской азбуки» Г.Н. Ахмарова («Транскрипция и глоссарий к пословицам и рассказам букваря Г.Н. Ахмарова "Тюркская азбука"»). Данная книга являлась пособием к курсу лекций по татарскому языку, прочитанному в 1912–1913 учебном году студентам 1 курса Миссионерского отделения Императорской казанской духовной академии. Издана в 1913 г. в типографии Казанского императорского университета.

Книга видного учёного Г.Н. Ахмарова, по которой работал Н.Ф. Катанов, предназначалась для учащихся школ, медресе, начавших изучение родного языка. Наряду с учебниками арабского и персидского языков, появлялись учебники и по татарскому языку.

Эта азбука отличается доступностью, лёгкостью, системностью и последовательностью.

«Тюркская азбука» Г. Ахмарова начинается с показа порядка арабских букв, форм этих букв. Для обучения татарскому письму после показа букв даются слова, а затем предложения. Основными принципами подачи материала Г. Ахмаров считает следующие: от лёгкого к трудному, от близкого к далёкому, от известного к новому (Предисловие).

После объяснения букв, слов, предложений для чтения предлагаются маленькие рассказы, пословицы. Они немногословны, остроумны, написаны очень лёгким народным языком.

Н.Ф. Катанов обратил внимание на книгу Г. Ахмарова, вероятно, потому, что она обладала именно вышеуказанными особенностями в обучении татарскому языку.

Взяв эти рассказы и пословицы, он применил две формы транскрипции: учёную и миссионерскую, которые были использованы в первой книге. В ней так же отражаются фонемы [к] и [ғ], губная гармония, джоканье.

В объяснениях слов из пословиц и рассказов сохраняется следующий порядок: за словом в арабском начертании следует учёная транскрипция, затем знак // и за ним слово в миссионерской транскрипции. Например: У. *кѣм* // М. *кейем* ‘одежда’ [Катанов 1913: 194]. Глаголы, как и в первом словаре, представлены в форме второго лица, единственного числа, повелительного наклонения. Автор показал также значения совершенного и несовершенного видов в глаголах. Например: *чык* ‘выходить, выйти’; *кит* ‘уходить, уйти’; *тан* ‘находить, найти’ [Катанов 1913: 11].

В переводах представлена богатая система синонимичных значений: *бар* ‘наличный, имеющийся’; *саен* ‘каждый, еже’; *бала* ‘дитя, мальчик’; *караучы* ‘сторож, надзиратель’ [Катанов 1913: 11]. Когда слово имеет два или несколько значений, оно даётся через точку с запятой: *корт* ‘червь; пчела’; *бормак* ‘вертеть, сверлить; заводить (часы)’ [Катанов 1913: 85]. В глоссарии Н.Ф. Катанова даются сведения также о характере заимствования: отмечено арабское, персидское, даже немецкое происхождение слов. Например, (араб.) У. *кадѣр* // М. *кадер* ‘цена, значение’ [Катанов 1913: 18], (персид.) У. *йан* // М. *жан* ‘душа’ [Катанов 1913: 15], (араб.) У. *холок* // М. *кылык* ‘нрав, характер’ [Катанов 1913: 18].

В данном глоссарии по материалам Г. Ахмарова представлена широкоупотребительная арабо-персидская лексика. Отдельные гнезда слов довольно обширные. Так, например, арабское слово *итагать/итагяят* ‘послушание’, отсюда: *итагатьлы/итагятыле* ‘послушный’; *итагатьсез/итагятсиз* ‘непослушный’ [Катанов 1913: 51–52]. Или: *гына* – *гина/гына* – *гня* ‘только лишь’; *тырышырга гына кирәк* ‘нужно лишь старание’. [Катанов 1913: 54].

Глоссарий Н.Ф. Катанова построен в следующей последовательности: сначала даётся транскрипция слов к текстам [Катанов 1913: 1–54]. Далее Н.Ф. Катанов представляет арабские и русские цифры [Катанов 1913: 54–55]. Для сведения учащихся даны таблицы магометанской и китайской эры [Катанов 1913: 55–64] и представлены схемы, как определить годы по мусульманскому и христианскому календарям. В китайско-монгольской эре указаны 12 годов животного цикла. Показаны годы, когда российскому духовенству давались ханские ярлыки. Приводится интересная информация о том, как животные 12 годов цикла отливались во время монгольского владычества на металлических зеркалах [Катанов 1913: 62].

Н.Ф. Катанов замечает, что таблицы для определения годов были составлены, исходя из трудов европейских учёных – Вюстенфельда, Малера, Шрама, Мухтар-паши, а также русских учёных – Ковалевского, Позднеева, Терентьева и др. [Катанов 1913: 64].

В конце книги приводятся интересные замечания о том, что битва на Калке произошла в год обезьяны (1224 г. от Рождества Христова), Киев взят татарами в год мыши (1240), Куликовская битва произошла в год обезьяны (1380), нашествие Токтамыша – в год собаки (1282), монгольское иго пало в год мыши (1480) и т.д.

Квалифицированная характеристика и описание слов в «Глоссарии...», интересные факты из истории, хронологии, естественно, облегчали процесс обучения языку, делали его занимательным.

Таким образом, Н.Ф. Катанов, создавая глоссарий по книге Г. Ахмарова, сделал правильный выбор. Книга Г. Ахмарова «Тюркская азбука» по языку была очень простой, лёгкой для обучения, в ней преобладала высокочастотная лексика, необходимая для первоначального обучения татарскому языку. Один из преподавателей татарского языка – известный учёный, миссионер Н. Ильминский – использовал т.н. метод Робертсона в обучении татарскому языку. Н.Ф. Катанов также последовал этому методу, что можно проследить по глоссариям.

Появление многочисленных двуязычных татарско-русских словарей в XIX – начале XX в. объясняется политической, экономической и общественной ситуацией в Российской империи и за её пределами. В то время татарский язык служил функциональным государственным языком и языком дипломатии в отношениях России со странами Востока. На территории России татарские купцы широко развернули торговую деятельность. Большую потребность в русско-татарских и татарско-русских словарях создавали задачи миссионерской деятельности среди татарского, тюркского населения, преподавание татарского языка в ряде высших учебных заведениях и гимназиях.

Литература

Катанов Н.Ф. Краткий татарско-русский словарь. – Казань, 1912.

Катанов Н.Ф. Краткий татарско-русский словарь. – Казань, 1913.

*Г. Н. Ягафарова
(Уфа, Россия)*

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ В «КРАТКОМ ТАТАРСКО-РУССКОМ СЛОВАРЕ» Н.Ф. КАТАНОВА

В статье рассматриваются особенности «Краткого татарско-русского словаря», составленного Н.Ф. Катановым в 1912 г., принципы составления которого явились одними из лучших в деле издания двуязычных словарей начала XX в. Словарь представляет ценность не только в лексикографическом плане, но и в плане содержания этимологических сведений по тюркским языкам.

Ключевые слова: тюркская лексикография, принципы составления тюркско-русских словарей, этимология.

Отечественная традиция создания двуязычных русско-тюркских словарей имеет более чем двухсотлетнюю историю. Соседские отношения с русским народом, наличие прочных социально-экономических и культурных связей обусловили становление и развитие переводной лексикографии, что помогало овладеть языковыми и культурологическими знаниями по используемым в словаре языкам. С самого начала зарождения данной области лексикографии словари выполняли сразу несколько функций: фиксировали слова и сочетания

слов, их перевод, знакомили с лингвистическим статусом слов (раскрывались значения слов, описывалась частеречная принадлежность, особое внимание уделялось тематике лексем), а также приводилась сопутствующая культурологическая информация, присущая словам в конкретном языке. Однако часто вследствие недостатка соответствующих исследований по тюркским языкам в словарях ставилась не менее важная цель ознакомления читателей со спецификой того или иного языка, что предполагало включение сведений по истории становления,

грамматической характеристике и особенностям функционирования языка в синхронном плане.

Одним из наиболее ценных тюрко-русских словарей начала XX в. является словарь, изданный в 1912 г. видным востоковедом, учёным-путешественником по Азии XIX в., исследователем быта, верований, языка и литературы народов Туркестана и Сибири Николаем Фёдоровичем Катановым. Словарь называется «Краткий татарско-русский словарь в транскрипциях арабской и русской в объёме I части учебника М.Ф. Каримова "Тарихи анбия (история пророков)" (Оренбург, 1911) к курсу лекций по татарскому языку, читанному в 1912–1913 учебном году студентам II и III курсов миссионерского отделения Казанской Духовной Академии» (Казань: Литография Императорского университета, 1912. XXIV+265 с.). Данное издание, будучи одним из первых тюрко-русских словарей начала XX в., обладает рядом особенностей и является уникальным в своём роде учебным переводным словарём.

Словарь предназначен для учебных целей, выполнен в рукописном оформлении. Словник содержит около пяти тысяч слов, которые начинаются на 31 букву (*а, б, п, т, с, дж, ч, х, һ, д, з, ж, с, ш, с, з, т, з, г, г, ф, к, к, л, м, н, а, у, и*).

По свидетельству исследователей, Н.Ф. Катанов был полиглотом, владел почти всеми европейскими языками, многими восточными, знал древние и мёртвые классические языки, свободно читал тюркские руны, шумерскую клинопись, египетские и китайские иероглифы, санскритское письмо, арабскую вязь, древнеуйгурскую и арамейскую графику. В своих трудах он использовал порядка 50 западных и восточных языков (по некоторым данным, до 114 языков народов мира). Будучи выпускником факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета, он, помимо французского и немецкого языков, владел арабским, персидским, османским, татарским, башкирским, казахским, чагатайскими языками [Иванов 1973: 15]. Кроме того, он являлся прилежным учеником В.В. Радлова, от которого усвоил основательно сравнительно-исторического метода в изучении тюркских языков [Иванов 1973: 15–16]. Всё это способствовало созданию учёным словаря, который являет собой образец нового для своего времени полифункционального словаря. В материалах изучаемого нами лексикографического труда ярко отразились познания автора в тюркских языках, большое внимание уделяется проблемам этимологии слов.

В вводной части словаря размещены «главнейшие фонетические отличия казанско-татарского наречия от других татарских наречий и наречий турецких», где представлены сравнительные сведения по 27-ми фонетическим особенностям «наиболее видных в фонетическом смысле представителей тюркского

корня». Здесь особо рассмотрены начальные гласные (*а, и, о, ө, у, ү, ы, э*), начальные (*б, к, к, с, ч, ж, ш, т, д, й, ң, звонкие в, г, д, з, л, р, ф*) и конечные (*з, с, т, к*) согласные. К примеру, указывается, что начальный звук «с» остаётся в наречиях: каракирг., качин., казаккиргиз., мещеряц., сагайск., телеут., тобол., турец., уфим. и чагатайском, в башкирском наречии он перешёл в «һ», а в якутском и вовсе отпал (с. VIII). Конечный звук «ш» остаётся в наречиях: башкир, каракиргиз., качин., мещеряц., телеут., тобол., турец., уфим. и чагат.; переходит в «с» в наречиях: каракиргиз., сагайск. и якут. (с. IX).

Заслуживают внимания сведения, приводимые исследователем из исторической фонетики: «Долгие гласные в корнях казанско-татар., уфимско-татар., башкир. и мещеряц. наречий уже не встречаются, хотя и слышатся иногда, например, *ул* 'сын' из *угыл*, *су* 'вода' из *сув* (*б*), *суз* (*г*)» (с. XII).

Далее в словаре приводятся примеры перехода звуков в различных тюркских языках на основе слов: *айак* 'нога', *айу* 'медведь', *ал* 'брат', *ауз* 'рот', *аул* 'деревня', *бар* 'наличный', *бас* 'давить', *баш* 'голова, начало', *бит* 'вошь', *буй* 'рост, талия', *ит* 'мясо, тело', *эңер* 'сумерки', *эч* 'пить', *кач* 'убежать', *койорок* 'хвост', *кул* 'рука', *кыш* 'зима', *кил* 'приходить', *көч* 'сила', *күк* 'синий', *күр* 'видеть', *он* 'мука', *өн* 'голос, зов', *су* 'вода', *таң* 'утренняя заря', *тау* 'гора', *таш* 'камень', *тот* 'держать', *ул* 'сын', *ун* 'десять', *үт* 'проникать', *чап* 'ударять', *жаңа* 'новый', *жэйәу* 'пеший, пешком', *жул* 'дорога'. Разъяснения даны следующего порядка: *буй* 'рост, талия': в башкир., казан., мещеряц. и уфим. *буй*, в каракиргиз., казаккиргиз., тобол., турец. и чагат. *бой*, в качин. и сайгаск. *пог*, в телеут. *пой*, в якут., вероятно, *бот* (с. XVI).

Таким образом, помимо собственно лексикографической ценности, словарь Н.Ф. Катанова представляет интерес и для истории языка и может рассматриваться как один из первых опытов сравнительного изучения фонетики современных автору тюркских языков и их исторической грамматики.

В словаре татарские слова представлены в арабской (в том виде, в каком они были даны в учебнике М.Ф. Каримова, с некоторыми дополнениями) и русской графике в порядке расположения букв в арабском алфавите.

Из частей речи в словаре приведены практически все:

Глаголы: *قمارتبا* *антырат* 'смутить, озадачить, поставить в тупик' от *قمارتبا*. *قمارتبا* *антыра* 'смущаться, теряться, стать из-за чего (дат.п.) в тупик'.

Существительные: *ايرا* *арба* 'телега'.

Прилагательные: *رمحاً* (араб.) *ахмар* 'красный'.

Местоимения: *نيم* *мин* 'я'.

Наречия: *نارا* *аран* 'насилу, чуть-чуть, едва'.

Числительные: قرعة *кырык* ‘сорок’.

Междометия: وهبأ *абау* ‘ай ай!’

Звукоподражания: لفظ *тың* ‘динь (едва слышный звук)’.

Особенности подачи отдельных частей речи.

К существительным приведены уменьшительно-ласкательные формы: ىاكتأ *этекэй* ‘бабушка, тятенька’ от ائا. В заимствованных арабских существительных указаны единственные или множественные формы: *тарих* – *таварих*, *хаким* – *ахкям*, *хужук* – *хак*.

К прилагательным отдельной словарной статьёй даются степени сравнения (*ак*, *аксыл*, *ап-ак*), так называемые лишительные (абессив) и обладательные (комитатив) формы (т.е. формы на -сыз/-сез и -лы/-ле): زسانأ *атасыз* ‘не имеющий отца’ от ائا. *аталы* ىلانا ‘имеющий отца, родителя’ от ائا.

Татарские глаголы на арабской графике приведены в форме инфинитива на -мак/-мэк, а в русской графике – в форме основы слова: ىمئارئبأ *аптырат* ‘смутить, озадачить, поставить в тупик’ от ىمئارئبأ; ىمئارئبأ *аптыра* ‘смущаться, теряться, стать из-за чего (дат. п.) в тупик’.

Применение -мак/-мэк помогает разграничить грамматические и лексические омонимы: ىئرا *арт* ‘задняя сторона, зад’ и ىمئرا *артмак* ‘остаться в излишке, увеличиваться, прибавляться, превосходить что (исх. п.)’.

Также в словаре отмечены основные залоговые формы глагола, например, *ачтыр* ‘заставить открыть, велеть отворить, отпереть’ от *ачмак*; а также модальность глагола: *ачкала* ‘открывать по временам или сразу в нескольких местах’ от *ачмак*.

Особо следует отметить наличие грамматических пометок, сопутствующих толкованиям слова: ىبابط *таба* ‘по направлению к чему (дат. п.)’.

В словаре достаточное внимание уделено словообразовательным возможностям лексики. В словник отдельными словарными статьями включены производные слова:

- *ачтыр* ‘заставить открыть, велеть отворить, отпереть’ от *ачмак*;
- *ачык* ‘открытый; ясный, светлый, чистый’;
- *ачкала* ‘открывать по временам или сразу в нескольких местах’ от *ачмак*;
- *ачкыч* ‘ключ (у замка), отмычка’ от *ачмак*;
- *ачылдыр* ‘открыть, отворить, отпереть’ от *ачылмак*;
- *ачыл* ‘быть открыту, отворену, отперту, веселу (о сердце)’ от *ачмак*;
- *ачылма* ‘открывание, открываемость’ от *ачмак*;
- *ачылмалы* ‘открывающийся, отпирающийся’ от *ачмак*;
- *ач* ‘открывать, отпирать, отворять’;
- *ачу* ‘1. гнев; 2. квасцы; 3. открывание, отпирание, отворание’ от *ачмак*;

– *ачучы* ‘открывающий, отпирающий, отворяющий’ от *ачмак*;

– *ачучы* ‘открывающий, отпирающий, отворяющий’ от *ачмак*.

Другой словообразовательный ряд:

ىملائا *атала* ‘мешать для пахтания масла’;

ىملائا *аталан* ‘мешалка для пахтания масла’ – от ىملائا;

ىملائا *аталау* ‘мешание для пахтания масла’ – от ىملائا;

ىملائا *аталауч* – то же, что и ىملائا.

Помимо этого, в словаре приведены устойчивые сочетания, имеющие одно понятие, в составе гнезда основного слова:

ىأ *аби*, *абей* – ‘бабушка’. *Аби патша* ‘бабушка царица, Императрица Екатерина II’.

ائا *ата* ‘отец, родитель’. *Биринч’ ата* ‘праотец’. *Ат’ атасы* ‘дед’. *Аталар сузе* ‘поговорка’.

Поскольку в тюркских языках большое количество глаголов образуется лексико-синтаксическим путём, причём большинство – по модели существительное + вспомогательный глагол, в словаре в составе словарной статьи существительного приводятся сложные глаголы, что также повышает ценность издания.

Идара ‘кружение, циркуляция; управление, администрация’. *Идара итэлэр* ‘(они) управляют’.

Дафин (араб.) ‘погребение, похороны’. *Дафин булынды* ‘погребён’.

Дауам (араб.) ‘продолжительность, постоянность’. *Дауам ит* ‘продолжать в чём пребывать, тянуться (о времени)’.

Разы (араб.) ‘довольный, согласный’. *Разы бул* ‘довольствоваться’.

К словам типа *ал*, *арт*, *ара* непременно приводятся словообразовательные ряды, размещённые по гнездовому принципу, и примеры употребления заглавных слов в словосочетаниях.

Ара ‘промежуток’. *Аларның арасында* ‘между ними’. *Арадагы* ‘промежуточный’.

Арт ‘задняя сторона, зад’. *Артка* ‘назад’. *Артыннан* ‘сзади его, ея’.

Ал (из *алын*) ‘первоначально: лоб; перед’. *Алга* ‘вперёд’. *Алгарак* ‘подальше вперёд’. *Алда* ‘впереди’. *Алдан* ‘спереди’. *Алга киткән дәүр* ‘эпоха прогресса’. *Ал-йапкыч* ‘фартук, передник’.

Өстө ‘верх его, ея’. *Өстөндә* ‘над ним, над нею’. *Асты өстөнә килде* ‘(он) перевернулся вверх дном’. *Үз өстөнә алды* ‘(он) принял на себя’.

Эч ‘внутренность; нутро’. *Аның эчинә* ‘внутрь его, ея, в него, в неё’. *Сандык эченә* ‘в сундук’. *Шул ташның эчиннан* ‘из того камня’.

Из лексических особенностей словаря следует подчеркнуть следующие.

Автор словаря не ограничивался подачей основного значения слова, а стремился дать перевод всех значений и оттенков значения слова.

بوي *буй* ‘рост, возраст; длина, протяжение’.

كاملوب *бул* ‘быть; стать, сделаться, совершиться’.

Омонимы помечены арабскими цифрами: Ачу – 1. гнев; 2. квасцы; 3. открывание, отпирание, отворяние (от *ачмак*).

Иногда уточняется тематическая принадлежность слова:

اص *ас* – ‘хорёк или ласка (зверь)’;

مأ *арим* – ‘полынь (трава)’;

نلأرأ *арлян* – ‘крот (зверёк)’;

اچلا *алача* ‘пестрядь (материя)’ – от لآ;

ساملأ (рус.) *алмас* ‘алмаз (кристалл)’;

ناغوص *суган* ‘лук (растение)’.

Поскольку лекции, к которым был составлен словарь, предназначались для студентов Духовной академии, довольно много представлено слов религиозной тематики, в том числе имён собственных: *Исмәгил* ‘Исмаил, сын Авраама и Агари’; *Ишмауил* ‘Самуил (пророк)’; *Искак* (араб.) ‘Исхак, Исаак (сын Авраама)’. Здесь можно добавить, что автору принадлежит также издание под названием «Мусульманские легенды» [Катанов 1894а], где он описывает сведения о лицах, изложенных в Коране, которые он считает нужным привести потому, «что туземные сказания основываются всегда на Коране». Сведения он почерпнул во время путешествия в 1890, 1891 и 1892 гг. по Китайской провинции Гань-Су-Синь-Цзянь, где имел возможность ознакомиться, между прочим, с разного рода сборниками религиозного содержания, написанными на тюркских наречиях городов Хами, Логучена, Турфана и Аксу.

Н.Ф. Катанов был просветителем по натуре, по складу ума. Будучи долгое время председателем Общества археологии, истории и этнографии (1898–1916), Николай Фёдорович приложил немало усилий для пропаганды научных этнографических, лингвистических, краеведческих и исторических знаний среди татарской, казахской, башкирской, чувашской, марийской интеллигенции. Видимо, поэтому в словаре имеются словарные статьи, дающие общекультурные, географические сведения: *Ассирия* ‘государство’, *Астрахань* ‘город’, *Встамбул* ‘Константинополь (столица Турции)’, *Эриз* (араб.) ‘земля’. *Эрзи-Рум* ‘земля римская, Эрзерум’.

Важным достоинством словаря является то, что в нём приводятся этимологические сведения. Следует признать, что мало кто из лексикографов начала XX в. прибегал к такому сложному методу описания слова – указанию происхождения слова.

В словаре, отражающем словарный состав языка начала XX в., имеется большое количество заимствований из арабского и персидского языков, причём они автором строго разграничиваются. Наряду с ними указываются русские заимствования, а также заимствования, вошедшие через русский язык из других европейских языков, к примеру, *س پيلا قوپيا* (из греч. *apokalypsis*) *апокалиц* –

Апокалипсис. Известно, что в начале XX в. достижения русской культуры, русского языка в народном просвещении российских инородцев трактовались как самые прогрессивные. В одном из своих писем Катанов отмечал: «Я изложил здесь заимствованные слова в русском алфавитном порядке, чтобы легче можно было видеть, сколь сильно было влияние русского языка на исследованные мною тюркские наречия (имеются в виду наречия, исследованные им в 1889–1890-х гг. – Г.Я.). Не надо, однако, думать, что эти слова вытеснили собою тюркские, – наряду с чужими употребляются и свои слова, часто даже рядом. По этим заимствованным словам нельзя судить о вымирании инородческих племён, поданных России, а скорее о перерождении, если можно так выразиться» [Катанов 1894б: 40]. Будучи сам инородцем, Николай Фёдорович ратовал за сохранение уникальной специфики каждого языка, стремился зафиксировать лексику современных ему «инородческих племён» без изменения, одним из результатов чего и явилось создание данного словаря. Вместе с тем он оставался верен духу просветительства, которое в начале века связывалось с распространением, изучением русского языка.

Этимологические справки представлены в следующем виде. Например: زيا (из араб. ظفاح) *абыз* ‘учёный, мулла’. Производные от него слова даются с отсылкой к основному слову: زيا *абзый* ‘дядюшка’ (при обращении к учёному) – от زيا *абзыкай* ‘любезный дядюшка’ (при обращении к учёному) – от زيا *абыстай* ‘тётушка’ (при обращении к жене учёного, например, муллы) – из *ياتو*.

В словаре указана этимология не только заимствованных слов из различных языков (из арабского *зук*, персидского *дошман*, турецкого *дингез*, русского *абит*, *аршын*). Здесь предпринимается попытка этимологизировать и собственно тюркские слова: *شوي* *жеуеш* ‘мокрый, сырой’ – *ك ميبب* от *жиби*. *Бундый* (турец. слово с татарским окончанием) = татар. *мындый* – от *бу*.

Словарь примечателен также тем, что автор дал этимологии и некоторым русским словам тюркского происхождения.

اتآ и *ат* ‘лошадь’. *Алаш* *ат* ‘мерин’, отсюда русское ‘лошадь’.

شلاارا *аралаш* ‘через ряды, попеременно, вразброд’. Отсюда русское ‘*ералаш*’ – от *ق ملارا*.

ناسرا *арыслан*, *арсылан* ‘лев’. Отсюда русское *Еруслан*.

قلاقرا *аркалык* ‘то, что кладётся на спину; наспинник, чересседельник’. Отсюда русское *архалук*.

По отзывам студентов, Николай Фёдорович на лекциях в университете и академии сообщал сведения по географии распространения и классификации тюркских языков, истории тюркской письменности, и, «легко пользуясь лексическим

материалом из обыденной жизни, он приводил примеры словарных параллелей, и действительно выяснялась культура слова, величайшего фактора человеческой жизни, – от санскритских корней до народных речений Подмосковья» [Иванов 1973: 38]. Как сообщает К.И. Султанбаева [Султанбаева. Концепция ...], учёный задумывал создание универсального тюркского словаря с включением лексических материалов почти на 40 тюркских языках и диалектах (картотека Н.Ф. Катанова для создания этого словаря хранится в фонде 969 Национального архива РТ (г. Казань) [НА РТ, фонд 969]. В кратком татарско-русском словаре широко представлены значения лексем в других тюркских языках с целью максимально точной передачи лингвистических явлений разных тюркских языков и изучения и сохранения специфики языка.

Ихтияр (араб.) ‘выбор, воля, соизволение’; по-турецки также: ‘старик’.

Ад (турец. = татар. *ат*) *ат* ‘имя, название’.

Бу (турец. и татар.) *бо, бу* ‘этот, эта, это’. По-турец. *бунлар* и татар. *булар* ‘эти’.

Ошбу, также *ушбу*: (турец.) *ушбу* = татар. *шушы* ‘этот самый’ от *бу*.

В отдельных случаях указывается соответствие в европейских языках, особенно для разъяснения семантики глаголов, например, *قمرابه* *бар* ‘идти, ехать

(туда)’ = франц. *aller* и немец. *gehen*. *Бара торгач* ‘с течением времени’.

Довольно значительная группа слов приводится в сравнении с монгольскими словами, что также даёт возможность реконструировать историю слова: *жомочка* ‘щепка’, *жөй* ‘шов, рубец’, *жирян* ‘рыжий (лошадь)’, *жөряк* ‘сердце; мужество, храбрость, отвага’, *журга* ‘рысь; иноходь’, *жимеш* ‘плод; фрукты’.

Как видим, словарь выдающегося тюрколога, этнографа, профессора Казанского императорского университета и Казанской Духовной академии Н.Ф. Катанова был одним из ярких образцов полифункционального тюркско-русского словаря, явившегося примером в составлении многих словарей в других тюркских языках. Словарь содержит сведения по сравнительно-исторической фонетике, этимологии, грамматике, лексикологии тюркских языков, а также лексике начала XX в. татарского языка. Следует признать, что отдельные принципы его создания до сих пор остаются актуальными в тюркской лексикографии. Сведения по этимологии существенно дополняют данные по тюркским языкам. Тем более очень убедительны и основательны трактовки происхождения слов, изложенные учёным-полиглотом.

Литература

Иванов С. Н. Николай Фёдорович Катанов, 1862–1922: очерк жизни и деятельности. – Изд. 2-е. – М.: Наука (ГРВЛ), 1973. – 113 с.

Катанов Н.Ф. Мусульманские легенды. Тексты и переводы // Записки Императорской Академии наук. Т. 75. Книжка I. – СПб., 1894а. – 144 с.

Катанов Н.Ф. Письма Н.Ф. Катанова из Сибири и Восточного Туркестана // Записки Императорской

Академии наук. Т. 73 (с чертежом, 3 м² таблицами, 2 картами и 1 разрезом). – СПб., 1894б. – С. 1–114.

Национальный архив Республики Татарстан. Фонд 969 «Н.Ф. Катанов – ординарный профессор сравнительного языкознания Казанского университета». Оп. 1. ДД. 10, 11, 80.

Султанбаева К.И. Концепция «инородческого» образования Н.Ф. Катанова в конце XIX – начале XX в. URL: <http://www.emissia.org/offline/2007/1146.htm>.

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ НОМИНАЦИИ

Р. П. Абдина
(Абакан, Россия)

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАИМЕНОВАНИЙ ПИЩИ В ПОХОРОННОЙ ОБРЯДНОСТИ ХАКАСОВ

В статье приведены результаты анализа слов и устойчивых сочетаний, репрезентирующих продукты питания и процессы, относящиеся к ним, в похоронной обрядности хакасов. Наименования еды для умершего человека, наименования процессов, связанных с его кормлением, свидетельствуют о том, что хакасы верили в загробную жизнь. Данное исследование необходимо для глубокого понимания, дальнейшего анализа и выявления концептуальных составляющих лексемы «еда» в лингвокультуре хакасов.

Ключевые слова: лексика, хакасы, похоронная обрядность, наименования пищи.

Языковое своеобразие культуры и менталитета конкретного народа рассматривается через различные уровни языка (синтаксис, морфология, словообразование), но чаще всего эти работы связаны с лексикой языка. Выбор участка лексикона, подвергаемого изучению, зависит от представлений о каком-либо фрагменте действительности, стоящих за языковыми единицами. Значимой с точки зрения культурного содержания, воплощённого в семантике и внутренней форме слов, можно считать лексику, относящуюся к наименованиям пищи, т.к. она является одним из важных и необходимых экологических факторов, обуславливающих жизнедеятельность и развитие человека. В связи с этим можно утверждать, что лексико-семантические особенности наименований пищи являются богатым источником определения различных сфер национального менталитета и мировосприятия, системы социокультурных отношений, традиций, обычаев и верований, характерных для традиционной культуры.

В хакасском быту угощение большого скопления родственников связано как с радостью, так и со скорбью. Так, праздничная пища *ас-тамах* приготавливалась в честь таких событий, как свадьба, рождение ребёнка и других празднеств. Другой вид общественной трапезы относится к обычаям, связанным со смертью человека. В данной статье мы представим лексико-семантические особенности наименований еды, употреблявшейся или потребля-

емой до сих пор в похоронно-погребальной обрядности хакасов.

Одним из слов, обозначающих пищу в хакасском языке, является слово *тамах* 'пища, еда'. Слово *тамах* может использоваться в устойчивом выражении *тамах саларга*, обозначающем ритуальное действие, при котором продукты кладутся на стол покойника [Анжиганова и др. 2006: 585]. По обычаю хакасов пришедшие проститься с покойным несут продукты, которые кладут на специальный отдельно накрытый для него поминальный стол. На стол ставят чай с молоком, злаковые и мясные продукты. Чай наливают в треснувшую пиалу, если такой нет в доме, то край целой посуды чуть откалывают острым предметом.

Сразу же после смерти, пока покойного готовили к похоронам, родственниками специально колотся скот, называемый *тöгig* 'скотина, забитая на поминки', из которого готовили блюда для угощения родственников и односельчан, приходящих выразить соболезнование. В качестве *тöгig* для мужчин выступал бык, а для женщин – корова. При разделе туши её части не рубились, а расчленились по суставам. Сохранение целостности костей несло в себе семантику возрождения и непрерывного воспроизводства скота [Бурнаков 2007: 189]. Нередко, если умирал мужчина, то забивали его лошадь, называемую *хойлага* 'жертвенная лошадь, которую забивали на поминки'.

Например:

*Хызыл хыр атты
хаап алды хузуругынаң,
чалбах тасха чапсыра сапты.
«Чахсы алып хойлагазы чох
өлбезин!» – тiп чоохтады.*

*Красно-чалого коня
схватил за хвост,
на широкий камень бросил.
«Хороший алып без жертвенного коня пусть не
умирает!» – так говорил
[Радлов 2018: 162].*

Хакасы, как и многие другие тюрки, верили в вечность загробной жизни, и лошадь выступала в

качестве одного из атрибутов, сопровождающих дух покойника на тот свет. Хакасы считали, что в

потустороннем мире жизнь устроена наоборот: дым от сожжённой еды становился полноценной едой, разрезанная одежда – целой. Поэтому умерших людей хоронили в платье наизнанку, а шубу надевали внутренней полкой наверх. В хакасском мировоззрении характеристики Нижнего мира противопоставлялись характеристикам мира людей: «...любые беспорядок, разрушение, ссора, порок притягивают обитателей Нижнего мира. Поэтому нельзя пользоваться треснувшей посудой, носить грязную, рваную одежду, ходить с незастёгнутыми пуговицами, подавать вывернутое платье, перелицовывать одежду и т. д.» [Львова 1988: 43]. Еда для кормления умершего называется *чидімніг тамах*. По своей структуре сочетание «чидімніг тамах» является лексической единицей, образованной синтаксическим способом, предполагающим создание нового слова путём сочетания отдельных значимых слов. В процессе перехода свободного словосочетания в устойчивую лексическую единицу сочетающиеся слова лишаются самостоятельного значения и выступают как одно целое, с единым понятием. Данная лексическая единица образована по схеме «прилагательное + существительное», в котором определение выражено вторичным именем, происходящим от сущ. *чидім* ‘приношение умершим’. По этой же схеме образовано слово *чидімніг ханчых* – мешочек, куда складывали еду для покойного [Бутанаев 1999: 215].

Чидімніг тамах должна быть жирной и обязательно содержать злаковые, молочные и мясные продукты, а также напитки. Во время кормления души умершего небольшую часть пищи и напитка складывали или выливали обратно в посуду и угощали пожилых родственников со словами: «Доля человеческой пищи должна остаться в этом мире! Нельзя всё отдавать умершим» [Бутанаев 1996: 161]. Для таких напитков в хакасском языке есть обозначения: *сардых/сартых* ‘остаток поминального напитка (вино, чай, молоко), остающийся в чашке после трёхкратного выливания в огонь, в дни памяти об умершем’, например, *сардыхты улуг кизе пирчең* – остаток поминального вида дают самому старшему [ХРС 2006: 448].

Кормление умершего посредством процесса сжигания этих блюд и продуктов называется *хуюх саларга* (букв.: запах класть) или *тамах өрттирге* (букв.: еду сжигать) ‘обряд кормления духа умершего, который питается дымом пищи’. По своей структуре сочетание *тамах сал-*, *хуюх сал-*, *тамах өрте-* являются сложными глаголами, образованными путём сочетания имени с глаголом, употребляемом в переносном значении. Они представляют собой лексикализованные словосочетания, идиомы [Баскаков 1975: 172], которые можно отнести к обрядовой лексике. Хотелось бы привести ещё одно сочетание: *оор/пус тударга* ‘поднимать посуду с

горячим мясом так, чтобы пар, которым «питаются» духи, поднимался вверх (старинный обряд при жертвоприношении)’. К.М. Патачаков описывает этот обряд следующим образом: «Старший из охотников варил мясной суп. Сваренное мясо вытаскивали в деревянное корытце или берестяную миску. Затем дымящееся паром мясо поднимал над головой, поворачивался по ходу солнца, приговаривая: "*Сіредең суран килдібис, пайыңарга айанмаңар*"» [Патачаков 1998]. Из этого можно сделать вывод, что духи (природные) питаются паром, а дух умершего человека – дымом от сожжённых продуктов.

Наряду с этим не только обрядовая пища, но и сформировавшаяся система принятия пищи выявляет древние нормы и принципы традиционных социальных отношений, а также их незыблемость. Так, например, во время поминальной трапезы в память об усопшем запрещается кушать острыми предметами, иначе можно навредить душе умершего человека. Или после смерти человека его близкие родственники в течение семи дней не ели печень и сердце заколотых животных, считалось, что у умершего будут болеть эти органы [Катанов 1907: 357]. В течение трёх дней односельчане и родственники, пришедшие проститься с покойным, трапезничали за специально накрытым столом. Как отмечал С.Д. Майнагашев: «По существу, поминки не имеют никакого другого смысла, кроме того, что живые приносят угощения, кормят, поят покойника и удовлетворяют своей потребности быть в общении с человеком, который ещё недавно жил среди них» [Майнагашев 1915: 280]. Желание таким образом пообщаться с умершим родственником подтверждает неоднократное количество поминок, что отражается в языковом материале. В хакасском языке слово «поминки» обозначается несколькими многозначными терминами: *айы-күні, ибiрiг, чарах, кирек, кирек-чарах, чыргал*. Поминки могут обозначаться также многозначным словом *той: түгенчи той* – годовщина (последние поминки), либо термином, в составе которого есть слово, обозначающее количество дней со дня смерти: *хырых күн* ‘поминки на сороковой день’, *чарым чыл* ‘поминки через полгода’, *читі күні* ‘поминки на седьмой день’ и т. д.

Таким образом, основные лексические единицы, связанные с продуктами питания в похоронной обрядности хакасов, представлены фразеологизмами, обозначающими какое-либо ритуальное действие: *тамах саларга* ‘класть продукты на стол покойника для его угощения’, *хуюх саларга/тамах өрттирге* ‘сжигать пищу для кормления духа умершего, процесс сжигания пищи’, определённый вид еды *чидімніг тамах* ‘еда, предназначенная для умершего, а также простыми словами: *тöгiг* ‘скотина, забитая на поминки’, *хойлага* ‘жертвенная лошадь, которую забивали на поминки’, *сардых/сартых* ‘остаток поминального напитка (вино, чай, молоко),

остающийся в чашке после трёхкратного выливания в огонь, в дни памяти об умершем'. В этой лексике, связанной с похоронной обрядностью хакасов, наблюдаются специфические семантические особенности, характеризующие содержательную соотнесённость с общим мифологическим инвариантом: жизнь – смерть – обновление/воскрешение. По представлениям хакасов, умершие родственники не исчезают навсегда. Можно сказать, что традиция кормления умерших, поминальная трапеза по ним – это «непосредственная коммуникация: живые физически чувствуют между собой присутствие предков; время неотделимо для них от преемственности по-

колений, отношение жизни и смерти мыслятся как органический, естественный взаимопереход» [Львова 1990: 30]. Так родственники стремились к близости с умершими, к поддержанию с ними отношений, в которых, как считалось, были заинтересованы и оставшиеся на земле, и покинувшие её. Последние мыслились как полномочные жители иного мира, населённого божествами и духами. Уход в тот мир не означал разрыва родственных отношений. У каждой из сторон оставались родственные обязанности друг к другу. Такое непрерывное единство умерших и живых, предков и потомков было гарантией существования рода.

Литература

- Баскаков Н. А. Грамматика хакасского языка. – М.: Наука, 1975. – 420 с.
- Бурнаков В. А. Традиционная похоронная обрядность у хакасов // Народы и религии Евразии. – 2007. – № 1. – С. 182–194.
- Бутанаев В. Я. Традиционная культура и быт хакасов: пособие для учителей. – Абакан: Хакасское кн. изд-во, 1996. – 224 с.
- Бутанаев В. Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. – Абакан: УПП «Хакасия», 1999. – 240 с.
- Катанов Н. Ф. Образцы народной литературы тюркских племён. – СПб., 1907. – 600 с.
- Львова Э. Л., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М., Усманова М. С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Знак и ритуал. – Новосибирск: Наука, 1990. – 209 с.
- Майнагашев С. Д. Загробная жизнь по представлениям турецких племён Минусинского края // Живая старина. – 1915. – № 2. – Вып. 3–4. – С. 277–292.
- Образцы народной литературы тюркских племён, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. Собрания В. В. Радловым. Ч. 2: Поднаречия абаканские (сагайское, койбальское, качинское), кызылское и чулымское (кюэрик) / сост. Е. С. Торокова. – Абакан: ООО «ИПП «Журналист», 2018. – 496 с.
- Патачаков К. М. Культура и быт хакасов в свете исторических связей с русским народом (XVIII–XIX вв.). – Абакан: Типография изд-ва «Советская Хакасия», 1998. – 103 с.
- Хакасско-русский словарь под общей редакцией О. В. Субраковой. – Новосибирск: Наука, 2006. – 1114 с.

А. С. Аврутина
(Санкт-Петербург, Россия)

ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ РУНИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ В СВЕТЕ КВАНТИТАТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Доклад посвящён анализу двух текстов языка древнетюркских рунических памятников в свете квантитативной лингвистики, методы и инструменты которой предполагают междисциплинарный подход к исследуемому материалу, а именно статистическую оценку данных рунических памятников. Такой подход позволяет оценить, казалось бы, хорошо изученный материал с новой стороны и получить новые, необычные выводы. С помощью статистических инструментов автор анализирует фонологическую подсистему языка.

Ключевые слова: древнетюркские памятники, язык древнетюркских рунических памятников, фонология, фонологическая система, квантитативная лингвистика.

Квантитативная лингвистика анализирует типологию языков, иными словами, статистическими методами исследует законы, по которым функционирует язык [Köhler 2005: 1–16].

Автором данного исследования были проанализированы 500-словные фрагменты из двух текстов на языке древнетюркских рунических памятников – «Памятник Тоньюкука» и «Памятник Кюль-тегина». Для исследования был использован программный инструмент *The Frequentizer*, разработанный немецким лингвистом – изобретателем искусствен-

ных языков, специалистом по диахронии и искусственным языкам Яном Штрассером (*Jan Strasser*). Данный инструмент позволяет анализировать различные фонологические, морфонологические и морфологические показатели текста на произвольном языке. Система позволяет самостоятельно определять перечни согласных и гласных фонем, при этом нивелируя вариативность различных графем, передающих одну фонему. Система самостоятельно идентифицирует слоги, предоставляя соответствующую статистику, и в то же время имеет возмож-

ность задавать принудительную разбивку слова по морфемам, что на материале тюркских языков позволяет провести анализ словоизменительных и словообразовательных аффиксальных показателей.

Рассматривая текст «Памятника Тоньюкука», мы не будем приводить здесь характеристики текста, а именно историю открытия, дешифровки и перевода текста памятника, а также описание его грамматического строя, поскольку полагаем, что эти сведения являются общедоступными и хорошо известными в специальной литературе. Соответственно, ниже мы приводим только данные проведённого нами статистического исследования.

Общая статистика фонем языка «Памятника Тоньюкука» показывает, что наиболее употребительными для всей фонологической системы языка памятника являются: среди согласных – сонанты, переднеязычные и заднеязычные, смычные, гораздо менее употребительны губные; среди гласных – неогубленные гласные переднего ряда. Данный материал позволяет сделать выводы о статистике и частотах сочетаемости гласных и согласных.

Наиболее употребительными в тексте памятника являются заднерядная широкая негубная /a/, переднерядная узкая негубная /i/, а наименее употребительны – заднерядная широкая губная /o/ и переднерядная широкая губная /ö/.

Первое место по употреблению занимают неогубленные гласные переднего ряда, а наименее употребляемыми – широкие огубленные переднего и заднего рядов. Ещё В. Радлов писал о том, что широкие огубленные гласные, т. е. /o/ и /ö/, возможны во всех тюркских языках, включая и древние, только в первом слоге [Radloff 1883: 290], однако частота употребления этих фонем всё равно довольно низка.

Статистика согласных фонем языка «Памятника Тоньюкука» демонстрирует, что наиболее употребительными фонемами являются переднеязычная смычная глухая /t/, заднеязычная смычная глухая /k/, переднеязычный дрожащий сонант /r/, переднеязычный смычный сонант /n/, а наименее употребительны заднеязычный смычный сонант /ŋ/, губная смычная глухая /p/, среднеязычный смычный сонант /ñ/, среднеязычная щелевая глухая /ʃ/.

Как известно, тюркским языкам свойственны слоги следующих типов: VC, V, VCC, CV, CVC и CVCC, и на первом месте в тюркском консонантном сочетании может быть только спирант или сонант [Tekin 1968: 75].

В рассматриваемом тексте наиболее употребительны следующие гласные: в начальном слоге – заднерядная широкая негубная /a/, переднерядная широкая негубная /ä/, переднерядная узкая негубная /i/, заднерядная широкая губная /o/, а наименее употребительны заднерядная узкая губная /u/, переднерядная широкая губная /ö/. Самая редкая фонема начального слога – заднерядная узкая негубная /i/.

В срединных слогах наиболее употребительны: заднерядная широкая негубная /a/, заднерядная узкая негубная /i/, переднерядная узкая негубная /i/. Наименее употребительны в инлауте заднерядная узкая губная /u/ и переднерядная широкая негубная /ä/.

Что касается частоты употребления гласных фонем в последнем слоге в данном тексте, то применяемая в исследовании программа не позволяет подсчитать отдельно употребление фонем в абсолютном ауслауте либо в инлауте последнего слога. Поэтому мы приводим только данные по последнему слогу в целом.

Наиболее употребительны в последнем слоге переднерядная узкая негубная /i/, заднерядная узкая негубная /i/, а наименее употребительны переднерядная широкая негубная /ä/ и самая редкая для последнего слога фонема переднерядная узкая губная /ü/.

Что касается согласных, то наиболее употребительны в данной позиции следующие фонемы: заднеязычная смычная глухая /k/, губная смычная звонкая /b/, переднеязычная смычная глухая /t/, переднеязычный дрожащий сонант /r/. Наименее употребительны среднеязычная щелевая глухая /ʃ/, губной смычный сонант /m/, среднеязычный смычный сонант /ñ/.

В данном памятнике следует обратить внимание на преобладание глухих средне- и заднеязычных согласных и сонантов в начальном слоге.

В данном памятнике в инлауте наиболее употребительной является заднеязычная смычная звонкая /g/, за ней по частоте употребления следует переднеязычная смычная глухая /t/ и переднеязычный дрожащий сонант /r/. Наименее употребительной в инлауте является губная смычная глухая /p/, предшествует ей среднеязычная щелевая звонкая /y/.

Наиболее употребительны в последнем слоге следующие фонемы: губной смычный сонант /m/, переднеязычный смычный сонант /n/, заднеязычная смычная звонкая /g/, переднеязычная смычная глухая /t/. Наименее употребительны губная смычная глухая /p/, губная смычная звонкая /b/, среднеязычный смычный сонант /ñ/.

В тексте «Памятника Тоньюкука» наиболее употребительными являются слоги типа CV, CVC, VC. Наименее употребительны так называемые слоги VCC. В тексте памятника они встречаются всего 9 раз.

Консонантные сочетания в языке орхонских рунических памятников представлены следующими вариантами:

а) следующие консонантные сочетания встречаются как внутри морфем, так и на их стыках: /gl/, /gm/, /rl/, /rt/, /lt/, /nk/, /nt/, /ŋç/, /ŋr/, /rm/, /zg/;

б) остальные сочетания встречаются на стыках морфем: /çd/, /bd/, /bg/, /dt/, /td/, /gt/, /kd/, /lg/, /lm/, /gd/.

/sd/, /ʂd/, /zt/, /zd/, /yd/, /rd/, /rg/, /rs/, /tt/, /ñd/, /md/, /ŋd/ [см. подробнее: Erdal 2004];

в) внутри тюркских фонем: /lp/, /rk/;

г) консонантные кластеры никогда не встречаются в анлауте, но часто позиционируются в ауслауте.

Отношение количества диссимилятивных и ассимилятивных консонантных кластеров (Д/А) – 1,97 (266/135).

Отношение количества диссимилятивных и ассимилятивных консонантных кластеров (Д/А) на стыках морфем в тюркском пласте – 1,88 (227/121).

Данные по частоте употребления гласных и согласных фонем в словах, состоящих из одного, двух, трёх и более слогов

Наиболее употребительными в односложных словах являются такие фонемы, как заднерядная широкая губная /o/, переднерядная узкая губная /ü/ и переднерядная широкая негубная /ä/, а наименее употребительными – переднерядная широкая губная /ö/ и заднерядная узкая негубная /i/.

Наиболее употребительными в двухсложных словах рассматриваемого памятника являются следующие фонемы: переднерядная узкая негубная /i/, переднерядная широкая негубная /ä/, заднерядная широкая негубная /a/.

Наименее употребительны переднерядная и заднерядная широкие губные /o/ и /ö/: имеется 35 и 36 (соответственно) случаев употребления этих фонем в двусложных словах на весь памятник.

Наиболее употребительны следующие фонемы: заднерядная широкая негубная /a/, заднерядная узкая негубная /i/, переднерядная узкая негубная /i/, что совпадает с данными по частоте употребления гласных в начальном слоге.

Наименее употребительны фонемы /o/ и /ö/.

Возможные виды односложных слов совпадают с типами слогов, упоминавшихся выше. Заднеязычная смычная глухая /k/, губная смычная звонкая /b/, переднеязычный дрожащий сонант /r/, переднеязычный смычный сонант /n/ являются наиболее употребительными согласными фонемами в односложных словах.

Наименее употребительными в тексте «Памятника Тоньюкука» оказались такие фонемы, как переднеязычная смычная звонкая /d/, губной смычный сонант /m/, среднеязычная щелевая глухая /ʂ/.

Наиболее употребительными в двухсложных словах являются переднеязычная смычная глухая /t/, переднеязычный дрожащий сонант /r/, переднеязычный смычный сонант /n/, а наименее часто встречаются губная смычная глухая /p/, среднеязычный смычный сонант /ñ/, среднеязычная щелевая глухая /ʂ/.

В многосложных словах (три и более слога) наиболее употребительны фонемы: заднеязычная смычная глухая /k/, переднеязычная смычная глухая /t/, переднеязычный дрожащий сонант /r/, заднеязычная смычная звонкая /g/. Наименее часто встречаются фонемы: заднеязычный смычный сонант /ŋ/, губная смычная глухая /p/, среднеязычный смычный сонант /ñ/.

Также автором доклада было проведено исследование индекса удобочитаемости рассматриваемого текста по методике Рудольфа Флеша [Оборонева, 2005].

В данной работе для расчёта индекса FRES (*FleschReadingEaseScale*) принята предложенная для турецкого языка версия формулы с коэффициентами, учитывающими особенности данной группы языков [см. подробнее: Касевич, Аврутина, Глазанова 2015]:

$$FRES = 206,835 - 1,3 \times ASL - 60,1 \times ASW$$

где ASL – средняя длина предложения в словах (англ. *Average Sentence Length*); ASW – средняя длина слова в слогах (англ. *Average Number of Syllables per Word*).

Согласно полученным данным, количество слогов в рассматриваемом тексте = 2598, количество слов = 1177, количество предложений = 130. Средняя длина предложения в словах = 9,05, средняя длина слова в слогах = 2,21; соответственно, индекс удобочитаемости по методике Рудольфа Флеша равняется 62,41, что означает: данный текст достаточно сложен для восприятия, несмотря на преобладание одно- и двусложных слов.

Следующий текст, который был рассмотрен в рамках данного исследования, это «Памятник Кюль-тегина». Автор исследования специально опускает в данном тексте возможные сведения, касающиеся характеристики языка данного текста и самого текста, подразумевая, что эти характеристики давно и хорошо известны читателям.

Рассмотрим сводную статистику по частотам употребления гласных и согласных фонем языка «Памятника Кюль-тегина». Как известно, этот памятник создан примерно в одно время с предшествующим текстом, поэтому многие данные для обоих текстов совпадают.

Общая статистика фонем по данному памятнику демонстрирует, что наиболее употребительными для фонологической системы этого текста являются: среди согласных – сонанты, переднеязычные и заднеязычные, смычные, среди гласных – неогубленные гласные заднего ряда.

Полученные данные демонстрируют общую с текстом первого памятника частоту употребления гласных фонем, т. е. данные по частотности гласных совпадают с данными «Памятника Тоньюкука».

Данные по частоте употребления согласных фонем демонстрируют, что наиболее употребительные согласные фонемы также совпадают с данными по тексту «Памятника Тоньюкука»: переднеязычная смычная глухая /t/, заднеязычная смычная глухая /k/, переднеязычный дрожащий сонант /r/, переднеязычный смычный сонант /n/. В то же время наименее употребительные согласные фонемы в данном тексте несколько отличаются: среднеязычная щелевая глухая /ʒ/, губная смычная глухая /p/, среднеязычный смычный сонант /ñ/.

Данные по частоте употребления гласных первого слога и здесь совпадают с данными первого текста. Наиболее употребительны в начальном слоге заднерядная широкая негубная /a/, переднерядная широкая негубная /ä/, переднерядная узкая негубная /i/, заднерядная широкая губная /o/, а наименее употребительны заднерядная узкая губная /u/, переднерядная широкая губная /ö/. Самая редкая фонема начального слога – заднерядная узкая негубная /l/.

Исследование частоты употребления гласных в инлауте текста памятника показывает, что наиболее употребительные гласные совпадают с текстом «Памятника Тоньюкука»: это заднерядная широкая негубная /a/, заднерядная узкая негубная /l/, переднерядная узкая негубная /i/. А наименее употребительные в инлауте фонемы также несколько отличаются: вместо заднерядной узкой губной /u/ реже употребляется переднерядная узкая губная /ü/ и переднерядная широкая негубная /ä/.

Наиболее употребительны в последнем слоге переднерядная узкая негубная /i/, заднерядная узкая негубная /l/, а наименее употребительны переднерядная широкая негубная /ä/ и самая редкая для последнего слога фонема – переднерядная узкая губная /ü/.

Что касается согласных фонем, то и здесь данные второго текста нередко совпадают с данными первого текста.

Например, частота употребления согласных в начальном слоге совпадает с данными текста «Памятника Тоньюкука». Наиболее употребительны в данной позиции следующие фонемы: заднеязычная смычная глухая /k/, губная смычная звонкая /b/, переднеязычная смычная глухая /t/, переднеязычный дрожащий сонант /r/. Среди наименее употребительных фонем есть небольшое отличие: вместо среднеязычной щелевой глухой /ʒ/ реже употребляется среднеязычная смычная глухая /ç/, а по остальным фонемам – губной смычный сонант /m/, среднеязычный смычный сонант /ñ/ – частота употребления схожа.

Частота употребления согласных в инлауте также в некотором роде повторяет данные первого текста. Во втором тексте в инлауте наиболее употребительной является также заднеязычная смычная звонкая /g/, за ней по частоте употребления следует

переднеязычный щелевой сонант /l/ и переднеязычный дрожащий сонант /r/. Наименее употребительными в инлауте являются губная смычная звонкая /b/ и губная смычная глухая /p/.

В последнем слоге согласные функционируют следующим образом. Наиболее употребительны в последнем слоге переднеязычный смычный сонант /n/, заднеязычная смычная звонкая /g/, губной смычный сонант /m/. Наименее употребительны среднеязычная щелевая глухая /ʒ/, губная смычная звонкая /b/, среднеязычный смычный сонант /ñ/.

В данном памятнике наиболее употребительными являются слоги типа CV, CVC, V. Наименее употребительны так называемые слоги VCC. В тексте памятника они встречаются всего 8 раз.

Данные по консонантным сочетаниям совпадают с первым памятником, поэтому мы не будем приводить их здесь.

При вычислении данных по частоте употребления гласных и согласных фонем в словах, состоящих из одного, двух, трёх и более слогов, были получены следующие результаты. Наиболее употребительными в односложных словах являются фонемы: переднерядная узкая губная /ü/, заднерядная широкая губная /o/ и заднерядная широкая негубная /a/, а наименее употребительными – заднерядная узкая негубная /l/ и переднерядная широкая губная /ö/.

Наиболее употребительными в двухсложных словах второго текста являются: переднерядная узкая негубная /i/, заднерядная широкая негубная /a/, переднерядная широкая негубная /ä/.

Наименее употребительны переднерядная и заднерядная широкие губные /o/ и /ö/: имеется 92 и 63 (соответственно) случая употребления этих фонем в двухсложных словах на весь памятник.

Полученные результаты демонстрируют сходство статистики употребления гласных в трёх- и более сложных словах. Наиболее употребительными являются: заднерядная широкая негубная /a/, заднерядная узкая негубная /l/, переднерядная узкая негубная /i/. Наименее употребительны фонемы /o/ и /ö/.

Наиболее употребительными согласными фонемами в односложных словах являются заднеязычная смычная глухая /k/, переднеязычная смычная глухая /t/, переднеязычный дрожащий сонант /r/. Наименее употребительными оказались среднеязычная смычная глухая /ç/, губной смычный сонант /m/, среднеязычный смычный сонант /ñ/.

Наиболее употребительными являются переднеязычная смычная глухая /t/, переднеязычный смычный сонант /n/, заднеязычная смычная звонкая /g/, а наименее часто встречаются среднеязычная щелевая глухая /ʒ/, губная смычная глухая /p/, среднеязычный смычный сонант /ñ/.

В трёхсложных и более словах наиболее употребительными являются заднеязычная смычная

глухая /k/, заднеязычная смычная звонкая /g/, переднеязычный дрожащий сонант /r/. Реже всего встречаются фонемы: среднеязычная смычная глухая /ç/, губная смычная глухая /p/, среднеязычный смычный сонант /ñ/.

Также было проведено исследование индекса удобочитаемости текста по вышеупомянутой методике Рудольфа Флеша.

Согласно полученным данным, количество слогов в рассматриваемом тексте = 4611, количество слов = 2082, количество предложений = 156. Средняя длина предложения в словах равняется 13,35, средняя длина слова в слогах = 2,21 и, соответственно, индекс удобочитаемости по методике Рудольфа Флеша = 56,38, что означает: данный текст достаточно сложен для восприятия, несмотря на преобладание одно- и двусложных слов.

Выводы

– наиболее часто в древнетюркский период употребляются негубные фонемы заднего и переднего ряда: /a/, /i/, /l/, /ä/; так, /a/ является наиболее употребительной фонемой, кроме того, наименее употребительными фонемами во все периоды являются широкие губные заднего и переднего ряда /o/ и /ö/;

– наиболее часто в древнетюркский период употребляются: смычная переднеязычная глухая /t/, смычная заднеязычная глухая /k/, дрожащий переднеязычный сонант /r/, носовой переднеязычный сонант /n/; наименее часто в древнетюркский период употребляются: носовой заднеязычный сонант /ŋ/, смычная губная глухая /p/, носовой среднеязычный сонант /ñ/, щелевая среднеязычная глухая /ç/;

– наиболее часто в анлауте слова в древнетюркский период употребляются следующие фонемы заднего и переднего ряда: /a/, /ä/, /i/, /o/. Наиболее часто в инлауте слова в древнетюркский период употребляются следующие фонемы заднего и переднего ряда: /a/, /l/, /i/, /ü/. Наиболее часто в ауслaute слова в древнетюркский период употребляются негубные фонемы заднего и переднего ряда: /i/, /l/, /a/, /ä/, в этой позиции губные фонемы отсутствуют.

Наименее употребительной фонемой в анлауте в текстах этого периода является узкая негубная заднеязычная /l/, наименее употребительной фонемой в инлауте является широкая негубная переднеязычная /ä/; по ауслaute закономерностей не выявлено, кроме подтверждения уже известного тезиса о широких губных заднего и переднего ряда;

– наиболее часто в древнетюркский период в начальном слоге употребляются: переднеязычная глухая /t/, смычная заднеязычная глухая /k/, смычная губная звонкая /b/, дрожащий переднеязычный сонант /r/. Наиболее часто в инлауте первого текста употребляются: смычная заднеязычная звонкая /g/, смычная переднеязычная глухая /t/, дрожащий переднеязычный сонант /r/, боковой переднеязычный сонант /l/. Во втором тексте при прочих сходных единицах глухую переднеязычную сменяет звонкая переднеязычная /d/. Наиболее часто в последнем слоге употребляются: губной носовой сонант /m/, носовой переднеязычный сонант /n/, смычная переднеязычная глухая /t/, смычная заднеязычная глухая /k/, а «Памятник Кюль-тегина» вновь демонстрирует озвончение – при прочих сходных единицах смычная заднеязычная глухая становится здесь звонкой.

– наименее часто в древнетюркский период употребляются: в анлауте носовой среднеязычный сонант /ñ/, губной носовой сонант /m/; в инлауте в обоих текстах: смычная губная звонкая /b/, среднеязычный звонкий спирант /y/, смычная губная глухая /p/; в ауслaute: среднеязычный глухой спирант /ç/, смычная губная глухая /p/, носовой среднеязычный сонант /ñ/, притом что в «Памятнике Кюль-тегина» вновь наблюдается озвончение – смычная губная глухая заменяется смычной губной звонкой.

По всей вероятности, при очевидной близости и родстве, нашедших количественное подтверждение, выявленным способом выражаются диалектные различия между рассмотренными текстами, коль скоро язык рунических памятников представлял собой некий усреднённый вариант, а на самом деле существовал в различных диалектах.

Литература

- Касевич В.Б., Аврутина А.С., Глазанова Е.В. О количественной оценке сравнительной трудности восприятия разновременных текстов (на материале турецкого и османского языков). Ч. II // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2015. – Т. 67. – №6. – С. 62–67.
- Оборнева И.В. Автоматизация оценки качества восприятия текста // Вестник Московского городского педагогического университета. – 2005. – №2(5). – С. 221–233.
- Erdal M. A Grammar of Old Turkic. Leiden, 2004. – 583 s.
- Köhler R. Gegenstand und Arbeitsweise der Quantitativen Linguistik // Quantitative Linguistik – Quantitative Linguistics. Ein internationales Handbuch. de Gruyter, Berlin; New York, 2005. – P. 1–16.
- Radloff W. Vergleichende Grammatik der nordlichen Turksprachen. Th. I. Phonetik der nördlichen Türksprachen. – Leipzig, 1883. – S. 290.
- Tekin T. A Grammar of Orkhon Turkic. The Hague, 1968. – 419 s.

Н. С. Бюрбю
(Кызыл, Россия)

ПЕРВЫЕ УЧЕБНИКИ ТУВИНСКОГО ЯЗЫКА КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ИМЕННОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Введение национальной письменности послужило мощным толчком для дальнейшего функционального развития и совершенствования тувинского языка. Формирование и становление научной лингвистической терминологии тувинского языка связаны с созданием письменности, вначале на латинизированном новотюркском алфавите, в дальнейшем на кириллической графике.

До создания тувинской письменности в Туве для делопроизводства использовалась старомонгольская письменность. Грамотой владели чиновники, феодалы и ламы. На этом письме составлена «Конституция Тувинской Народной Республики» [Дубровский 1958: 276–304], выпускались немногочисленные газеты и журналы.

В 1930 г. введена письменность на основе новотюркского латинизированного алфавита [История Тувы 2007: 270]. Уже в 1931 г. издана работа «Тъваың саа узуу», составителем которой был В. Москалев [Москалев 1931]. Начиная с этого времени начала издаваться учебная литература, направленная на ликвидацию безграмотности: «Тъва узыктуң тугуму» (Правила орфографии, 1932, 1933),

Picci turguzukcular (Маленькие строители, 1932, 1933), Pistiñ azyl (Наша работа, 1934) и др. Начали разрабатывать и издавать словари, школьные учебники и методические пособия. На этом алфавите выпускалась художественная, публицистическая, просветительская литература, составлялись официально-деловые документы.

В 1944 г. начала функционировать тувинская письменность на кириллической графике. Вся литература стала издаваться на новом алфавите. Работа по разработке и изданию учебников и пособий была продолжена, активно издавались словари, не только переводные, но и терминологические.

Анализ фактического материала (учебники и методические инструкции 1930–1950-х гг.) показал, что ориентиром для создания большинства научных терминов была русская терминологическая школа. Большая часть лингвистических терминов проникла в тувинский язык через калькирование, например: *чүве ады* ‘имя существительное’, *сан ады* ‘имя числительное’. Сравнив учебники, изданные в разные годы, нами было зафиксировано использование следующих терминов (табл. 1).

Таблица 1

Термины на русском языке	Термины в современном тувинском языке	Термины, используемые в учебнике Л. Чадамба «Тъва дылдың өөредилге ному» (1946)
Имя прилагательное	Демдек ады	Шынар-демдек (букв.: качество-признак)
Местоимение	Ат орну	Арынның ат оруннаны (букв.: лица местоимения)
Наречие	Наречие	Айтылга (букв.: указание)

В результате анализа функционировавших терминов, относящихся к области именных частей речи, выявлено, что они были результатом перевода из русского языка на тувинский язык, в некоторых случаях конкретизировалась семантика термина, например: *шынар-демдек*.

Многие термины тувинской морфологии являются заимствованными, например: *хамаарылга категориязы* ‘категория принадлежности’, *падеж категориязы* ‘категория падежа’, *онаарының падежи* ‘винительный падеж’ и др.

Литература

Дубровский В. А. Конституции Тувинской Народной Республики // Учёные записки. – Вып. VI. – Кызыл: Тувинское кн. изд-во, 1958. – С. 276–304.

История Тувы: В 3 т. Т. II / под общ. ред. В. А. Ламина. – Новосибирск: «Наука», 2007. – 430 с.

Сат Ш. Ч. Формирование и развитие тувинского национального литературного языка. – Кызыл: «Тувкнигоиздат», 1973. – 193 с.

Kordova A., Şura Toka. Piccii turguzukcular (M. Moxov, Şavъ oculdurgan, A. Palmвах cazар şyggen). 1 tugaar cadaың şkolazyың 2 tugaar cылда өөreniringe xereqлеer tepter. Pir tugaar tepter. – Кызыл: Тъва Курьneniң nom undyrer ceri, 1932. – 133 а.

Kordova A., Şura Toka. Piccii turguzukcular (M. Moxov, Şavъ oculdurgan, A. Palmвах cazар şyggen). 1 tugaar cadaың şkolazyың 2 tugaar cылда өөreniringe xereqлеer tepter. Iji tugaar cazар undyrgeni. – Кызыл: Тъва Кур. nom undyrer ceri, 1933. – 131 а.

Kordova A., Sedip-ool T., Palmвах A., Şuura-Toka, Bogdanov, Occurvanok. Pistiñ azyl: pir tugaar cada şkolаның 3–4 tugaar cылда өөrenir nom. Pir tugaar tepter. – Moskva: RSFSR-niң өөrenir nom undyrer ceriniң natsional kildizi, 1934. – 120 а.

Тъваың саа узуу / В. Moskalov. – М.: Centrizdat, 1931. – 32 а.

Тьва узыктың тырму. 2 tugaar undyrgeñi. – Къзыл: Тьва Курунеңиң ном ундырер чери, 1932. – 16 а.

Тьва узыктың тырму. 3 tugaar undyrgeñi. – Къзыл: Тьва Курунеңиң ном ундырер чери, 1933. – 23 а.

Научный руководитель – к. филол. н., доцент
А. Б. Хертек.

А. Д. Каксин
(Абакан, Россия)

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЭТНОНИМОВ (на материале хантыйского и хакасского языков)¹

Статья посвящена теме первоначальной семантики слов, послуживших основой для этнонимов (в хантыйском языке анализируются наименования ближайших соседей, в хакасском языке – названия этносов, из которых сложился единый народ – хакасы). Анализ семантики указанных единиц показал общий принцип номинации этносов – характеризовать соседа (или родственную группу) по определённому характерному признаку.

Ключевые слова: семантика, ономастика, этнонимы, этимология, хантыйский язык, хакасский язык.

Испокон веков этническое самосознание народов на основе принадлежности индивида к определённой общности и проявлений различий между своей группой и другими этносами распределяет людей на группы «мы» и «они». Явным образом при формировании данного семантического фрагмента проявляются и особенности языковой картины мира, и фактор включенности «коммуникативного процесса в социокультурное взаимодействие» [Сироткина 2008: 37]. Каждый народ имеет в своём лексиконе термины для обозначения «себя» (автоэтноним) и соседних, или вообще чуждых, народов (этнонимы). Ещё существуют аллоэтнонимы – названия, данные рассматриваемому этносу другими народами. Эти термины объединяются одним понятием – *этнонимы*. Все вместе они составляют микрогруппу специфических слов; в научной литературе они характеризуются также как «лексемы, стоящие на стыке проприативов и апеллативов» [Тейкин 2020: 77].

Очевидно, что все народы руководствуются осознанием своей принадлежности к определённой этнической общности. Возникновение, развитие и трансформация этнонимов тесно связаны с исторической памятью самого народа. Из опыта изучения многих языков достоверно известно, что автоэтноним (самоназвание) обычно является производным от слова со значением ‘человек’ ~ ‘люди’. Во всяком случае, материал хантыйского языка подтверждает этот постулат: *χ̣anti/χ̣antiχ̣* ‘человек’; *χ̣antet/χ̣antāt* ‘люди’ > *χ̣anti/χ̣antiχ̣* ‘ханты’. В этом смысле данные современного хантыйского языка, представляющего чрезвычайно диалектное разнообразие, в то же время ярко подтверждают цельность, монолитность ханты как этноса. В образовании этнонимов большую роль играют внутренние и внешние факторы, включающие особенности этнической истории. В случае с ханты можно добавить ещё следующее: до-революционное именование ханты со стороны русских было – *остяки*. Таким образом, это слово есть

не что иное, как аллоэтноним: этим словом (в форме *ušt'ak* со значением ‘немусульманское простонародье’) волго-камские и южно-уральские татары именовали своих северо-восточных соседей.

Несколько по-другому обстоит дело с хакасскими этнонимами. До революции современные хакасы ещё только складывались в современную народность и со стороны русских источников именовались по-разному: *ачинские татары*, *абаканские татары*, *минусинские татары*, *енисейские татары*. Самоназвания же как единого народа у хакасов не было и быть не могло: современный единый этнос сложился (к началу XX в.) из нескольких этнических групп. В XIX в. хакасский народ состоял из следующих племенных групп: качинцы (*хаас*), кызыльцы (*хызыл*), сагайцы (*сагай*), бельтиры (*пилтир*) и бирюсинцы (*пүрүс*) [Бутанаев 1983: 68].

Этимология самоназваний, а также имён для соседей, которые возникли в связи с таким делением, в большинстве случаев этимологизируется достаточно легко. При этом исследователь обычно исходит из того посыла, что получаемые номинации логически объяснимы семантикой исходных общепотребительных слов: *haas* ~ *haaš* ‘человек, мужчина’ [Кызласов 1992: 72], *saga* (*haas*) ‘сильные; военные’ [ДТС 1969: 480], *hizil* (*haas*) ‘красные, рыжие (люди)’, *piltir* ‘(люди) устья реки’, *pürüs* (*haas*) ‘завернувшие, свернувшие’ [ХРС 2006: 360, 407, 877–878]. Видимо, собственно автоэтнонимом является только слово *haas* ‘человек; люди’ (качинец, качинцы), остальные же термины относятся к категории этнонимов. Хотя некоторые единицы этого ряда требуют дополнительного истолкования, общий принцип именования родственных или соседних народов просматривается вполне отчётливо: имя «подбирается» такое, чтобы характеризовать искомый этнос по какой-то очевидной особенности и по определённому яркому его признаку.

¹ Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда №22-28-20099, <https://rscf.ru/project/22-28-20099/>, при паритетной финансовой поддержке Правительства Республики Хакасия.

Исходя из этого предположения, видим, что глубинное значение хакасских этнонимов вполне выводимо из тюркских наречий (диалектов), лежащих в основе современного хакасского языка. Что касается структуры современных этнонимов (в их совокупности), следует искать признаки «нестройной/незавершённой системы»; для сравнения: такой же как, к примеру, у ханты (*хӓнти* ‘ханты’, *вухал* ‘манси’, *хӓтан* ‘татарин’, *сӓран* ‘зырянин’, *jur-ən* ‘ненец’).

Современные словари дают вполне приемлемое толкование каждого из этнонимов хакасского языка. В первом приближении определёнливо видно, что выдерживается принцип именования по определённой характерной черте. Также и в Древнетюркском словаре есть подтверждающий материал (хотя в ряде случаев наблюдается историческое изменение лексического значения, но оно не сильно «уводит в сторону»). Так, в современном употреблении слово *саг* переводится как ‘сила’ и ‘война’ (с пометой ‘уст.’), тогда как древнетюркский словарь даёт большее количество значений. А интерпретировать в плане этнонимии можно любое из них. Например, можно объяснить наименование сагайцев: *saga* > *sag* ‘здоровые; хорошие’. В современном хакасском языке лексема *саг* в значении «сила, энергия, здоровье» сохранилась лишь в составе выражения *саг* (в притяжательной форме) + модификатор *чогыл*, например: *Уучамның саа чогыл*. – У [моей] бабушки нет сил (энергии, здоровья). Более детально: для имени *say* (есть и глагол *say-* ‘дойти’) авторы Древнетюркского словаря находят шесть значений, во всех случаях ссылаются на Махмуда Кашгарского, и для объяснения первоначального смысла этнонима *sag(a)* «подходят» два из этих шести значений (I и V).

Say I 1. здоровый, благополучный: *jiniñ say-mu* – как твоё здоровье? (букв. здорово ли твоё тело?); 2. хороший: *sanip sözlägän er sözi söz sayi* – слово человека, который говорит обдуманно, – [это] лучшее из слов...

Say II чистый; питьевой (о воде) <> *say köyül* – чистосердечный человек, человек с открытой душой.

Say III правый: *say elig* – правая рука.

Say IV два прута, служащие для трепания шерсти.

Say V ум; сообразительность, сметливость: *sendä say joq* – у тебя нет сообразительности.

Say VI: *say jaγ* – коровье масло.

Say- доить [ДТС 1969: 480].

Что касается ещё двух этнонимов хакасского языка (*хызыл* и *пилтип*), нам представляется возможным возведение их к древнетюркским корням со значениями ‘красный’ и ‘знать, ведать’ (во втором случае – наряду с предположением об ‘устье реки’; в данном случае мы хотим указать разные версии, чтобы подчеркнуть мысль о единстве логики происхождения этнонимов):

Qizil I красный: *qizil qanım tökti* – проливая свою красную кровь...; *qurımış jıyaçlar tonandı jaşıl/bezändi jepün al sarıy kök qizil* – сухие деревья оделись зеленью, и [всё кругом] украсилось пурпурными, алыми, жёлтыми, голубыми и красными красками... [ДТС 1969: 450].

Bil- 1. знать, ведать: *avçı neçä al bilsä adıy ança jol bilir* – сколько уловок знает охотник, столько способов [спастись] знает медведь... 2. узнавать, познавать... 3. принимать ответственность, нести обязанность... [ДТС 1969: 98].

Таким образом, анализ семантики слов, послуживших основой для этнонимов в хантыйском и хакасском языках, подтверждает следование следующему общему правилу – воспринимая некую этническую группу как целостность, определять её по наиболее характерному признаку. Если смотреть с позиций лингвистической типологии, то здесь просматриваются общие принципы развития языка. Для данного фрагмента ономастических систем исследуемых языков характерно самое распространённое явление – развиваясь и совершенствуясь, группы языков, иногда очень большие, всегда выбирают одно из нескольких решений (которых, в принципе, бывает немного).

Литература

Бутанаев В.Я. Происхождение хакасов по данным этнонимии // Историческая этнография: традиции и современность. Вып. II. – Л., 1983. – С. 8–73.

Древнетюркский словарь / ред. А.М. Щербак, В.М. Наделяев, Э.Р. Тенишев, И.В. Кормушин. – Л.: Наука, 1969. – 678 с.

Кызласов И.Л. Об этнонимах *хакас* и *татар* и слове *хоорай* (ответ оппонентам) // Этнографическое обозрение. – 1992. – № 2. – С. 71–76.

Сироткина Т.А. Этнонимы как речевые маркеры категории этничности (на материале этнонимии Пермского края) // Вопросы ономастики. – 2008. – № 6. – С. 37–46.

Тейкин М.С. Этнонимы как составная часть регионального ономастикона: на примере северо-востока России и этнонимов *чукча* и *чукчанка* // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2020. – № 2(28). – С. 77–89.

Анжиганова О.П., Баскаков Н.А., Боргояков М.И., Инкижекова-Грекул И.А., Патачакова Д.Ф., Субракова О.В., Белоглазов П.Е., Каскаракова З.Е., Кызласов А.С., Сунчугашев Р.Д., Чертыкова М.Д. Хакасско-русский словарь = Хакас-орыс сөстiк. – Новосибирск: Наука, 2006. – 1114 с.

З.Е. Каскаракова
(Абакан, Россия)

СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются способы образования общественно-политической терминологии в хакасском языке. Общественно-политические термины, как и другие пласты лексической системы, образуются двумя путями: 1) за счёт внутренних ресурсов хакасского языка; 2) путём заимствования из других языков. Появление новых терминов, в том числе общественно-политических, расширение их семантики оказывают влияние на развитие хакасского языка.

Ключевые слова: хакасский язык, общественно-политические термины, способы образования, внутренние ресурсы, заимствования, словари.

Развитие науки и техники в эпоху современной научно-технической революции, сопровождающий его «информационный взрыв» привели к резкому увеличению количества терминов в данной области. В этой связи с каждым годом возрастает закономерный интерес общественности к проблемам терминологии [Уразбаева 1994: 51–53].

Термин как носитель научной и познавательной информации становится первоисточником формирования и повышения знания общества. Как считает Р.А. Будагов, «наука, чтобы действительно влиять на жизнь общества, требует много выражения, точной передачи мысли средствами данного языка [Будагов 1990: 8].

Общественно-политические термины образуются двумя путями: 1) за счёт внутренних ресурсов хакасского языка; 2) путём заимствования из других языков. По этому поводу Г.Ф. Бабушкин пишет: «Основными источниками хакасской терминологии должны быть, с одной стороны, словарный состав самого хакасского языка и его диалектов, с другой – заимствования из лексического богатства русского языка, через которое идут также интернациональные термины, рациональное использование этих двух средств пополнения терминологии, установление известных взаимных границ между этими двумя основными источниками – между средствами самого хакасского языка и русскими заимствованиями» [Бабушкин 1955: 39].

В формировании и развитии лексики общественно-политического характера ведущая роль принадлежит внутренним ресурсам самого хакасского языка, что проявлялось, прежде всего, в активизации использования собственных слов, которые раньше относились к общеупотребительной узкоспециальной лексике.

Общественно-политические термины достаточно полно приведены в следующих лексикографических трудах хакасского языка (Хакасско-русский словарь, 1953; Хакасско-русский словарь, 2006; Краткий словарь общественно-политических терминов, 1955; Русско-хакасский словарь, 1961; Русско-хакасский словарь общественно-политических терминов, 2012; Хакасско-русский и русско-хакас-

ский тематический словарь, 2020; Толковый словарь хакасского языка, 2020 и др.). Эти словари включают общественно-политические отраслевые термины, созданные путём использования ресурсов родного языка, а также вошедшие в хакасский язык через русский.

Как и прежде, продуктивным способом обогащения терминологии является семантическое переосмысление старых слов, в результате многие хакасские слова приобретают новое дополнительное значение. Наряду с этим, расширилось значение многих слов и выражений.

Так, например, слово *хазна* ‘государственная казна’ обозначает новое понятие ‘государство, страна’. Сейчас данная лексема получила широкое распространение на страницах газеты в таких сочетаниях и выражениях, как *Хазна думазы* ‘Государственная дума’, *хазнаның устаа* ‘руководство страны’, *хазна чөбі* ‘государственный совет’ и др. Таким же термином становится слово *чөп* ‘совет, согласие’, оно сейчас употребляется как термин общественного значения ‘государственный совет’, *Чон чөбі* ‘народный хакасский совет’, *Өөркі чөп* ‘Верховный Совет’. Слово *табыг* обозначало понятие ‘находка’, а в современной лексике хакасского языка новое его значение как термина ‘выбор, выборы’, *төрөмил* ‘постоянный’ образует сочетание *төрөмил тогынчаң комиссия* ‘постоянно действующая комиссия»; слова *алызыг* ‘перемена’ и *үлгү* ‘власть’ используются как термины *перестройка* и *правительство*.

За счёт внутренних ресурсов хакасского языка по моделям русских слов и словосочетаний создаются кальки типа: *пос устаныс* ‘самоуправление’, *орындагы пос устаныс* ‘местное самоуправление’, *көрігичі* ‘наблюдатель’ (на выборах), *табыг чыындызы* ‘выборный фонд’, *тогыс чохтар* ‘безработные’, *сан пиріс* ‘отчёт’, *істенісче паза чуртас тилізінче Министерство* ‘Министерство труда и социального развития’, *хабар таратчаң кін* ‘информационный центр’, *чарыдыгыг үн* ‘совещательный голос’ и т. д.

В некоторых случаях семантический способ используется при создании технической терминологии, например, такое общеупотребительное слово *тіс* ‘зуб, зубной’, изменив своё основное значение,

стало употребляться как специальный технический термин *тіс* ‘зуб, зубец, зубчатый’: *пила тізі* ‘зубец пилы’, *тістіг терпек* ‘зубчатое колесо’.

Морфологический способ является одним из весьма продуктивных способов образования терминов в хакасском языке. Этим способом образуются термины на основе различных частей речи (существительного, прилагательного, глагола и т.п.). Развитая система аффиксов словообразования даёт возможность образовывать новые слова и термины не только от корневых слов основного словарного фонда, также от производных слов, при этом даже от заимствованных из русского языка, например, от *анализ*, *аванс* образованы глаголы *анализтирге*, *аванстирге* в значении ‘анализировать’, ‘авансировать’. При помощи вспомогательных глаголов *пол-*, *сал-*, *ит-*, по принципу образования хакасских составных глаголов, от заимствованных глаголов инфинитивной формы образуются глагольные образования и с теми же значениями русского глагола, например: *автоматизировать* – *автоматизировать поларга*, *модернизировать* – *модернизировать поларга*, *стимулировать* – *стимулировать поларга*.

В образовании новых терминов довольно часто участвуют словообразовательные аффиксы имён прилагательных *-тыг/-тіг*, *-лыг/-ліг*, например, от заимствованного слова *нефть* образуется термин *нефтьтіг* со значением ‘имеющий нефть, нефтеносный’; от *трактор* – *тракторлыг* со значением ‘с трактором, имеющий трактор’.

При помощи словообразовательных аффиксов *-ыс/іс*, *-ыг/іг* образуются новые слова с отвлечённым значением, например, *сидіксініс* ‘трудность’, *киртініс* ‘вера, религия’, *сагыныс* ‘мышление’, *матырланыс* ‘геройство’, *күстеніс* ‘стремление’, *тогырланыс* ‘пререкание, протест’, *тирініс* 1) ‘снаряжение, оснащение’; 2) ‘вооружение’, *хыгыртыг* ‘приглашение’, *оңнаг* ‘понятие’ и др.

В создании терминов наиболее продуктивными являются такие аффиксы – *-чы/-чі*, *(-чы/-чі)*, которые участвуют в образовании новых слов, обозначающих название профессий и специальностей, например, *тагчы* ‘горняк’, *чайаачы* ‘творческий работник’, *кибелісчі* ‘поэт’, *хойчы* ‘овцевод’, *санчы* ‘счетовод, бухгалтер’, *хырачы* ‘земледелец’, *салчы* ‘сплавщик’, *устагчы* ‘руководитель’, *орынчы* ‘заместитель’, *чаачы* ‘воин, боец’ и т.д.

Как правило, в образовании общественно-политической терминологии хакасского языка, как и в других тюркских языках, участвуют все средства и модели словообразования литературного языка. Работники печати, прессы, радио и телевидения, других информационных служб в последние десятилетия активно продолжают заимствовать терми-

нальные лексемы в сочетании с указанными аффиксами.

Также сейчас в средствах массовой информации начали широко использовать ранее малоупотребительные слова, которые получают широкое распространение: *тилекей* ‘земной шар, мир; вселенная’, *пайзаң* ‘дворец’, *түүр* ‘шаманский бубен’, *худай* ‘бог’, *чайаан* ‘творец, бог’, *тархын* ‘история’, *сөбіре* ‘семья’, *хам* ‘шаман’, *кинде* ‘бумага’, *таам* ‘цель, заветное желание’, *төре* ‘устой, порядки, закон’, *мүчел* ‘календарь’, *аймах* ‘район’, *ызых* ‘священное место’ (ранее обозначало ‘родовое моление’).

В настоящее время в словарях, в переводах общественно-политической, научно-технической литературы, газетах, журналах отмечается терминологический разнобой, т.е. для выражения одного и того же понятия употребляются два или несколько терминов-дублетов, например: *сообщение* – *искіріг*, *хабар*, *дворец* – *өрге*, *пайзаң*, *наблюдатель* – *көрігчі*, *харагчы*, *блокада* – *ибіріс*, *хурчаг*.

При заимствовании общественно-политических, международных терминов через русский язык в хакасском языке способ прямого проникновения является одним из активных. В условиях двуязычия русские лексические заимствования употребляются в хакасском языке в той же форме и с полным сохранением своих лексических значений, например: *демократия*, *кодекс*, *министерство*, *прокуратура*, *департамент*, *диктатура*, *университет*, *маркетинг*, *менеджер*, *регион*, *бакалавр*, *брифинг*.

Иногда встречается параллельное употребление заимствованного термина, а также термина, имеющегося в языке или созданного на его базе (термины-дублеты), например: *предприниматель* // *идінчек*, *бизнесмен* // *садыгчы*, *коммерция* // *садыг*, *съезд* // *чылыг*, *район* // *аймах*, *нефтяник* // *нефтьчі*, *бухгалтер* // *санчы*, *центр* // *кін*, *словарь* // *сөстік* и т.д.

Освоение общественно-политической, а также международной лексики в национальных языках тесно связано с их функциональным и структурным развитием и объясняется законами их формирования и взаимообогащения, законами объединения и дезинтеграции в условиях билингвизма и полилингвизма.

Таким образом, работа по развитию и упорядочению терминологии в хакасском языке идёт интенсивно. Для преодоления разнобоя в данной сфере необходимо участие всех издательских и творческих работников. Усилия же лингвистов должны быть направлены на разработку теоретических основ, в том числе и общественно-политической терминологии, условий их функционирования, которые могут способствовать оптимизации познавательных процессов в любой сфере человеческой деятельности.

Литература

- Бабушкин Г. Ф. Вопросы хакасской общественно-политической терминологии // Вопросы хакасского языка и литературы. – Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1955. – 170 с.
- Будагов Р. А. Филология и культура. – Москва: МГУ, 1980. – 303 с.
- Каксин А. Д., Чертыкова М. Д. Хакасско-русский и русско-хакасский тематический словарь (разделы «Человек», «Флора и фауна») / Хакас-орыс паза орыс-хакас тема хоостыра пöлiлген сöстiк («Кiзi», «Öзiмнер паза чир-чай-аандагы тiрiг нимелер» чардыхтар). – Абакан: Издательство ФГБОУ ВО «Хакасский гос. унив. им. Н. Ф. Катанова», 2020. – 224 с.
- Каскаракова З. Е. Русско-хакасский словарь общественно-политических терминов. – Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2012. – 175 с.
- Патачакова Д. Ф. Краткий словарь общественно-политических терминов. – Абакан: Хакасское отд-ние Красноярского кн. изд-ва, 1955. – 40 с.
- Русско-хакасский словарь / под ред. Д. И. Чанкова. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1961. – 968 с.
- Уразбаева З. Г. Вопросы развития научно-технической терминологии современного башкирского литературного языка // Актуальные проблемы башкирской лексикологии и лексикографии. – Уфа, 1994. – С. 51–53.
- Хакасско-русский словарь / под общ. ред. Н. А. Баскакова. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1953. – 485 с.
- Анжиганова О. П., Баскаков Н. А., Боргояков М. И., Инкижекова-Грекул И. А., Патачакова Д. Ф., Субракова О. В., Белоглазов П. Е., Каскаракова З. Е., Кызласов А. С., Сунчугашев Р. Д., Чертыкова М. Д. Хакасско-русский словарь = Хакас-орыс сöстiк. – Новосибирск: Наука, 2006. – 1114 с.
- Анжиганова О. П., Белоглазов П. Е., Кызласов А. С., Каскаракова З. Е., Субракова О. В., Субракова В. В., Сунчугашев Р. Д., Чебочакова И. М. Толковый словарь хакасского языка = Хакас тiлiнiң чарыдыглыг сöстiгi. Т. 1. А–П. – Абакан: Хакасское кн. изд-во им. В. М. Торосова, 2020. – 608 с.

А. В. Колмогорова, А. В. Маликова
(Красноярск, Россия)

РАДИКАЛЬНОСТЬ ОЦЕНКИ ЭМОЦИЙ В ТЕКСТЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ И ДОМИНИРУЮЩИЙ ЯЗЫК ТУВИНСКО-РУССКОГО БИЛИНГВА¹

В статье анализируются результаты психолингвистического эксперимента с участием 23 тувинско-русских билингвов с целью определения эмоции русскоязычного интернет-текста. Рассматривается специфика распределения радикальных эмоциональных оценок в 3 группах информатов по критерию доминирующего языка: тувинский, русский, эквивалентный функционал обоих. Предварительно подтверждена гипотеза о влиянии фактора доминирующего языка на силу эмоционального восприятия текста.

Ключевые слова: билингвизм, тувинский язык, эмоциональный анализ текстов, психолингвистический эксперимент, интернет-тексты.

Проводимое нами исследование посвящено изучению проблемы специфики билингвального языкового сознания носителей тувинского и русского языков. Основной исследовательский вопрос, на который мы ищем ответ, заключается в следующем: имеются ли качественные отличия в процессах «считывания» эмоции при чтении текста на русском языке в зависимости от доминирующего языка общения у билингва?

Отметим, что работа по измерению субъективного восприятия эмоции в тексте нами уже проводилась в группе информантов, состоявшей из русских монолингвов.

В качестве стимульного материала мы использовали тексты постов из паблика «Подслушано» в социальной сети «ВКонтакте». Паблик интересен тем, что в нём выкладываются чрезвычайно эмоционально насыщенные тексты, которые в одной из работ мы определили как тексты жанра «интернет-откро-

вание» [Колмогорова 2019]. Социальные сети выбраны в качестве источника стимульного материала для экспериментальной работы неслучайно. Согласно исследователям [Кошкарлова, Яковлева 2019], одной из черт коммуникативного пространства социальных сетей является так называемая новая эмоциональность – тенденция к гипертрофированному выражению эмоций в социальных сетях, к социальной одобряемости сильного и публично переживаемого эмоционального состояния.

В первой части исследования, выполнявшегося в исследовательской парадигме эмоционального анализа текстов, мы сначала отобрали ряд хештегов, которые соотносятся с 8 базовыми эмоциями по Г. Лёвхейму [Lövhheim 2012]: воодушевление (например, #Подслушано_успех), радость (#Подслушано_счастье), удивление (#Подслушано_наблюдения), грусть (#Подслушано_одиночество), гнев (#Подслушано_БЕСИТ), страх (#Подслуша-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Краевого фонда науки Красноярского края, проект № 629 «Компьютерное моделирование эмоционального восприятия интернет-текстов на русском языке тувинско-русскими билингвами».

но_страшное), отвращение (#Подслушано_фууу), стыд (#Подслушано_стыдно). Проверив их валидность в эксперименте, мы разработали специальный интерфейс для осуществления эмоциональной разметки [Kolmogorova, Kalinin, Malikova 2020] (рис. 1). Затем предложили 174 добровольцам, русским монолингвам, разметить 48 текстов (по 6 текстов из каждого эмоционального класса), используя онлайн предложенный интерфейс. В результате были получены «эмоциональные координаты» каждого текста от 174 информантов – русских мо-

нолингвов, средний возраст которых составил 21,5 года (преимущественно студенты). Согласно дизайну эксперимента, информантам предлагались 4 шкалы, на каждой из которых нужно было поставить слайдер в ту позицию, которая бы, по мнению информанта, соответствовала степени выраженности той или иной эмоции (в интервале от 0 до 5/-5). Перед информантом появлялся текст для оценки и 4 шкалы, по которым можно было передвигать ползунк.

Мама вбила себе в голову, что я анорексик, т. к. насмотрелась передач про это. Теперь со скандалом пытается пихать в меня огромные порции, не выпускает из кухни, пока не поем, один раз даже подняла на меня руку! И кому вот лечиться надо... А я просто худая, быстрый обмен веществ + не веду сидячий образ жизни. И папа у меня всю жизнь был худой, хотя много и часто ел. Но нет, Малахов, Малышева и еще какой-нибудь чувак из телевизора лучше знают.

Стыд	☐	☐	☐	☐	☐	☒	☐	☐	☐	☐	☐	Воодушевление
Отвращение	☐	☐	☐	☐	☐	☒	☐	☐	☐	☐	☐	Гнев
Страх	☐	☐	☐	☐	☐	☒	☐	☐	☐	☐	☐	Удивление
Удовольствие	☐	☐	☐	☐	☐	☒	☐	☐	☐	☐	☐	ТоскаГрусть

Рис. 1. Внешний вид интерфейса для эмоциональной разметки текстов

Учитывая тот факт, что, согласно исследованиям в области нейролингвистики, ментальный лексикон и в целом нейронная реальность билингвального мозга отличаются от монолингвального [Kałamała et al. 2018; Lorenzen, Murray 2008], мы предположили, что восприятие эмоций в тексте будет отличаться у монолингвов и билингвов. У последних она, согласно нашей гипотезе, будет зависеть от доминирующего языка.

В силу того, что билингвальная языковая ситуация в Республике Тыва является объектом постоянного научного интереса исследователей лаборатории прикладной лингвистики и когнитивных исследований СФУ [Kolmogorova 2021], было решено проверить нашу исследовательскую гипотезу, проведя экспериментальную работу именно с тувинско-русскими билингвами.

Согласно результатам исследований, проведенных на территории республики [Антонова 2014: 76], в среднем 65,5% тувинцев своим родным языком считают тувинский, а 8,1% – русский. Результаты социолингвистических опросов показывают, что тувинцы наиболее компетентны во владении устными формами тувинского языка и письменными

формами русского [Цыбенкова 2013: 121]: 97,1% респондентов понимают речь на тувинском хорошо, а говорят – очень хорошо, читают – 88,8%, пишут – 86,3% [Там же: 149]. Что касается русского языка, общая доля «очень хорошо» и «хорошо» владеющих формами русского языка следующая: понимают – 89%, говорят – 76%, читают – 88%, пишут – 81,2%.

Тем не менее, согласно Т.Г. Боргояковой, языковая ситуация в Республике Тыва является экзоглоссной несбалансированной в связи с тем, что тувинский язык уступает русскому в коммуникативной мощности и находится по отношению к нему «в положении функциональной дополнительности» [Боргоякова 2002: 294].

В данной публикации рассматриваются результаты, полученные от 23 информантов. Все информанты – тувинцы, владеющие тувинским и русским языками, хотя степень владения варьирует.

Для того чтобы определить доминирующий язык, мы использовали Опросник для выявления билингвального профиля респондентов [Birdsong, Gertken, Amengual 2012]. Авторы опросника предлагают исследователям сформулировать 4 блока вопросов для информантов: история овладения

языками (например, в нашем исследовании один из вопросов этого блока – «в каком возрасте вы начали учиться русскому языку?»), их удельный вес в общении (например, «какой процент времени вы говорите на тувинском языке с друзьями?»), уровень владения языками (например, «когда вы говорите с самим собой, как часто вы говорите на тувинском языке?»),

субъективное отношение к языкам (например, «чувствуете ли вы себя частью тувинской культуры?»).

Согласно опроснику, мы получили 3 группы информантов: 1) информанты с доминированием тувинского языка (ИДТ); 2) информанты с доминирующим русским языком (ИДР); 3) информанты, у которых оба языка находятся в паритетном соотношении (ИП).

Таблица 1

Краткая характеристика 3 групп информантов-билингвов

Группа/ характеристики	Доминирующий возраст/пол	Кол-во человек	Образование	Нынешнее место жительства
ИДТ	старше 35, ж (13), м (1)	14	высшее	Республика Тыва, 1 чел. – Москва
ИДР	18–25 лет /старше 35, ж (3), м (1)	4	высшее / среднее	Республика Тыва
ИП	старше 35, ж (4), м (1)	5	высшее	Республика Тыва

Информантам было предложено так же в онлайн-формате оценить эмоции в 48 текстовых фрагментах – постах из паблика «Подслушано». Однако далеко не все информанты оценили все тексты, поэтому в данной статье мы рассматриваем параметры 5 текстов, которые оценили все 23 участника эксперимента.

Рассмотрим процент радикальных оценок в каждой из групп (рис. 2). Под радикальной оценкой мы понимаем случаи, когда на 4 шкалах, предложенных информантам для оценки, они располагают слайдеры (бегунки) на одной из крайних точек – 5 или -5.

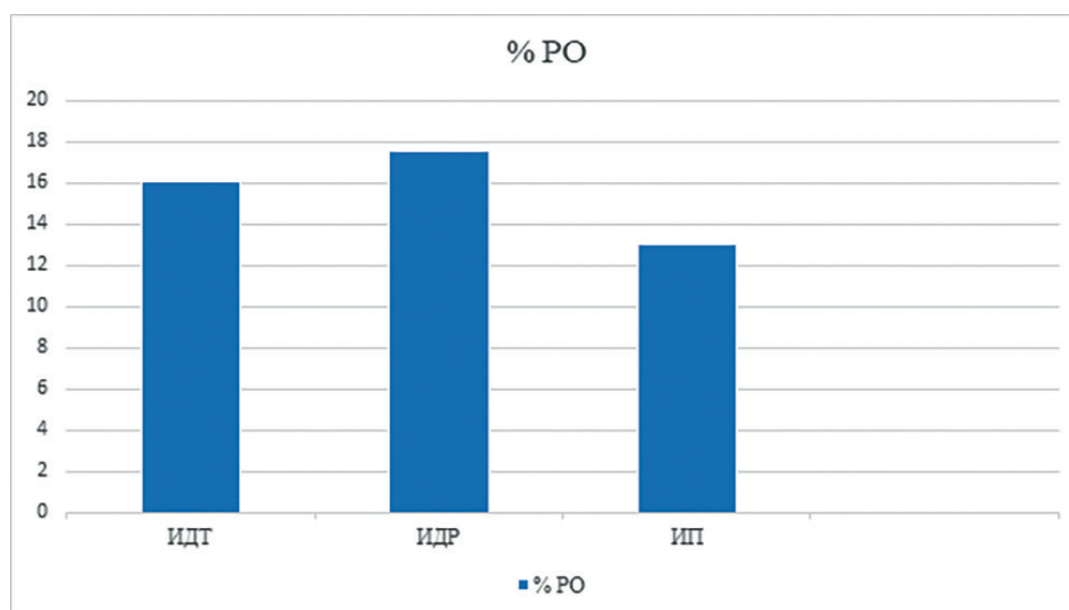

Рис. 2. Процентное соотношение радикальных оценок (PO) 5 текстов на русском языке из «Подслушано» в 3-х группах информантов: с доминантным тувинским языком (ИДТ), с доминантным русским языком (ИДР), с двумя эквивалентными по функционалу языками

Из таблицы 1 можно заметить, что по социолингвистическим характеристикам возраста, пола, образования группы ИДТ и ИДР практически совпадают. С осторожностью можно говорить о том,

что именно параметр «доминирующий язык» может детерминировать относительно высокий процент радикальных оценок в группе билингвов с доминирующим русским языком.

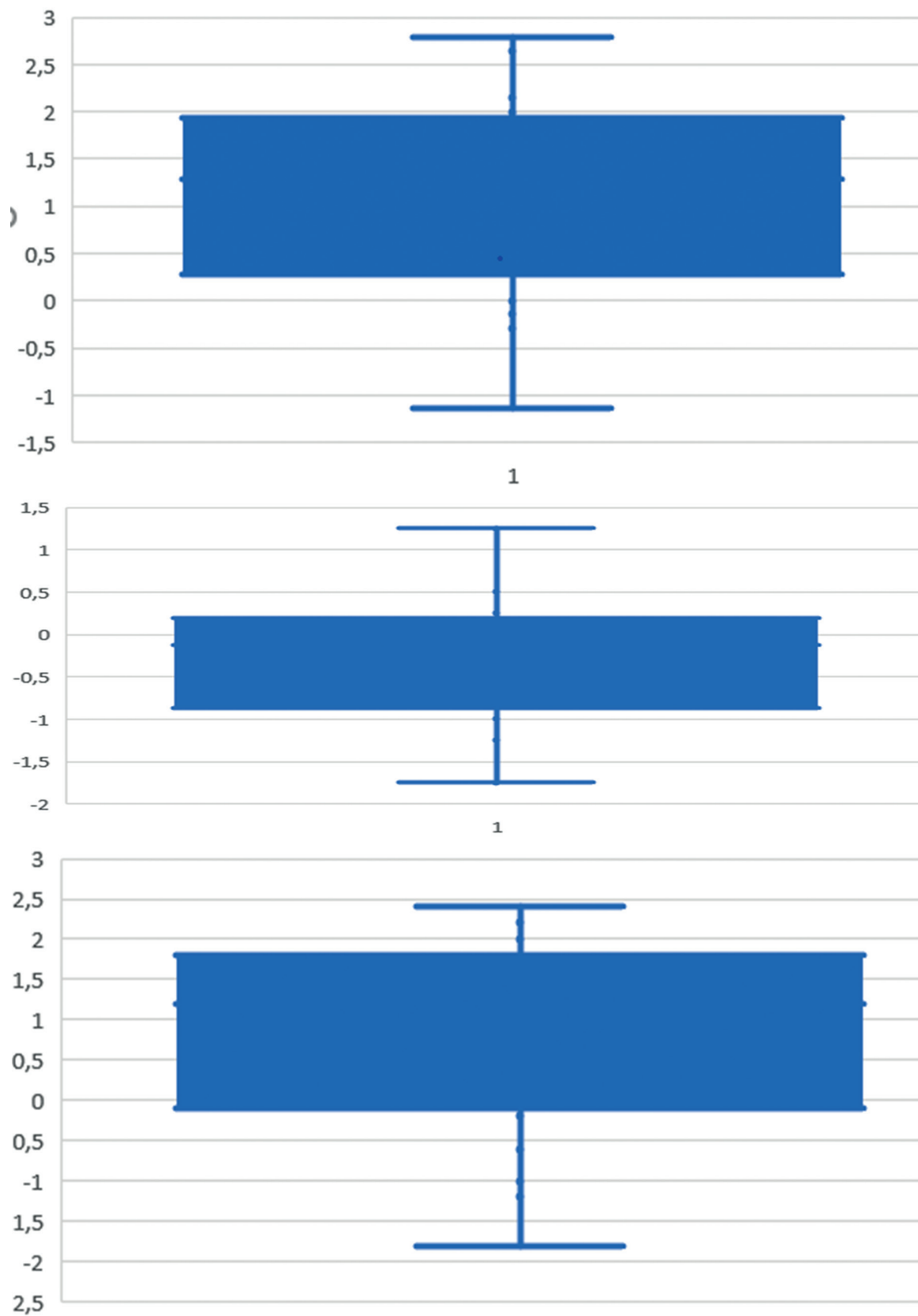

Рис. 3. Размах средних значений оценки по 5 текстам сверху вниз: у ИДТ, у ИДР, у ИП

В наших предыдущих работах [Колмогорова, Калинин 2021] мы уже отмечали, что при анализе результатов эмоционального аннотирования в

группе из 2000 русских монолингвов на краудсорсинговой платформе Толока оказалось возможным выявить четыре ведущие стратегии оценки, одна из

которых – радикальная. Используя её информанты склонны ставить максимальные эмоциональные оценки текстам по всем шкалам. При работе с монолингвами мы высказали гипотезу о том, что выбор стратегии эмоционального аннотирования связан не столько с самим текстом, сколько с некоторыми характеристиками, имманентными самой личности, например, с уровнем сформированности эмоционального интеллекта.

Данные же, полученные по билингам, позволяют модифицировать вышеупомянутую гипотезу, поскольку, по-видимому, доминирование русского языка в речевой практике билинга позволяет профилировать определённые текстовые эмоциональные опоры, которые затемняются при сбалансированном билингвизме или при доминирующем тувинском языке.

При этом интересно, что размах средних значений оценок по пяти текстам (рис. 3) меньше всего

также в группе информантов с доминирующим русским языком. При этом диапазон основного «тела» этих средних оценок расположен преимущественно в отрицательной части шкалы (от 0 до -1), значит, эмоциональная оценка локализована в эмоциональных секторах: стыд, отвращение, страх, удовольствие. В то время как в двух других группах скопление оценок находится в положительном диапазоне от 0 до 2. Он затрагивает эмоции воодушевление, гнев, удивление, грусть.

Предполагаем, что при увеличении данных гипотеза может быть скорректирована, но тем не менее наблюдение за спецификой восприятия эмоций в тексте на одном из языков, которыми владеет билингв, а также сравнение восприятия эмоций монолингвом и билингвом представляются интересными проблемами, требующими своего изучения.

Литература

- Антонова Н.С. Социальные аспекты функционирования форм языкового общения в многонациональной России // Вестник Бурятского гос. унив-та. – 2014. Вып. 5. – С. 74–78.
- Боргоякова Т.Г. Развитие социальных функций государственных тюркских языков республик Южной Сибири: дис. ... д. ф. н. – М., 2002. – 327 с.
- Колмогорова А.В. Использование текстов жанра «интернет-откровение» в контексте решения задач сентимент-анализа // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2019. Т. 17. – № 3. – С. 71–82. DOI: 10.25205/1818-7935-2019-17-3-71-82.
- Колмогорова А.В. Психолингвистические параметры русских слов и их визуальных коррелятов в языковом сознании тувинско-русских билингов: опыт экспериментального исследования // Новые исследования Тувы. – 2021. – № 2. – С. 197–210. DOI: 10.25178/nit.2021.2.16.
- Колмогорова А.В., Калинин А.А. Когнитивные стратегии оценки эмоции в тексте // Когнитивные исследования языка. – 2021. – № 3(46). – С. 351–353.
- Кошкарлова Н.Н., Яковлева Е.М. Дискурс новой эмоциональности: коммуникативные практики цифровой реальности // Политическая лингвистика. – 2019. – № 5(77). – С. 147–152. DOI: 10.26170/pl19-05-15.
- Цыбенова Ч.С. О языковой компетенции тувинцев (результаты социологического анкетирования) // Учёные записки ЗабГГПУ. – 2013. – Вып. 49. – С. 148–155.
- Birdsong D., Gertken L. M., Amengual M. *Bilingual Language Profile: an easy-to-use instrument to assess bilingualism*. COERLL, University of Texas at Austin. Web. 20 Jan. 2012. <<https://sites.la.utexas.edu/bilingual/>>.
- Kolmogorova A., Kalinin A., Malikova A. Non-discrete sentiment dataset annotation: case study for Lövheim Cube emotional model // Digital Transformation and Global Society. DTGS 2020. Communications in Computer and Information Science, vol 1242. June 17–19, 2020. – St. Petersburg, Russia. Cham: Springer, 2020. – P. 154–164. DOI: 10.1007/978-3-030-65218-0_12.
- Kałamała P., Drożdżowicz A., Szewczyk J., Marzecová A., Wodniecka Z. Task strategy may contribute to performance differences between monolinguals and bilinguals in cognitive control tasks: ERP evidence // Journal of Neurolinguistics. 2018. Vol. 46. – P. 78–92. DOI: 10.1016/j.jneuroling. – 2017.12.013.
- Lorenzen B., Murray L. Bilingual aphasia: a theoretical and clinical review // American Journal of Speech-Language Pathology. – 2008. Vol. 17. – P. 299–317. DOI: 10.1044/1058-0360(2008/026).
- Lövheim H. A new three-dimensional model for emotions and monoamine neurotransmitters // Medical Hypotheses. – 2012. 78. – P. 341–348.

Р. А. Лежнин
(Абакан, Россия)

ОСНОВНЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ ТОПОНИМОВ ЮГА ХАКАСИИ

Топонимы – важный архаичный пласт лексической системы любого языка. Изучая географические названия, мы ищем смыслы и ассоциации, послужившие мотивами для их номинации, тем самым определяя топонимическую картину мира народа-создателя. Мы выделили основные семан-

тические типы топонимов Таштыпского района Республики Хакасия, отражающих причины их номинации.

1. Ландшафтные топонимы – топонимы, отражающие особенности ландшафта и рельефа географического объекта. Это может быть: **а) форма**

объекта: *Ырҕах-Тарҕах тасхыл* (букв. ‘голец с изогнутым гребнем’) около аал М. Арбаты, гора *Тегілек таг* (букв. ‘круглая гора’) по р. Имек, *Мујус-Таг* (букв. ‘рог-гора’); **б) свойства, приметные особенности объекта:** лог *Хорым хол* (букв. ‘лог с курумами’), гора *Чалаас таг* (букв. ‘голая, лысая гора’), лог *Күрліг хол* (‘тремящий лог’) по р. Будархты, по р. Б. Арбаты, р. *Чабас суз* (букв. ‘смирная река’) п. пр. р. Абакан; **в) особенности расположения объекта:** река *Иніс чул* (букв. ‘нижний ручей’), л. пр. р. Б. Сея, *Пос таг* (букв. ‘свободная гора’), *Тискер таг* (букв. ‘гора наизнанку / в обратную сторону’); **г) размер, величина, глубина объекта:** гора *Узун чал* (букв. ‘длинная грива’) по р. Б. Арбаты, р. *Чалбах суз* (букв. ‘широкая река’) – приток р. М. Таштып, *Чамдых хус* (букв. ‘половинчатая горная роща’); **д) цвет объекта:** лог *Сарыг хол* (букв. ‘жёлтый лог’) у аала Чиланы, гора *Ах тасхыл* (букв. ‘белый голец’) по р. Хан-тегир, *Хызыл чарна* (букв. ‘красная промоина’); **д) топонимы-нумеративы:** гора *Тогыс ізик* (‘Девять дверей’) у с. Шепчул.

2. Фитотопонимы – топонимы, связанные с преимущественным произрастанием или, наоборот, с единичным приметным видом растительности на объекте: гора *Харганныг тасхыл* (букв. ‘голец с ракитой’) в истоках реки М. Арбаты, р. *Халба* (букв. ‘черемша’) приток р. Карасибо, лог *Нымырттыг хол* (букв. ‘черёмуховый лог’) у с. Ниж. Матур, *Харагайлыг таг* (букв. ‘гора с соснами’).

3. Зоотопонимы – топонимы, связанные с местом проживания или размножения животных:

гора *Ылачын таг* (букв. ‘соколиная гора’) в верховье р. М. Сея, лог *Саасхан холы* (букв. ‘сорочий лог’) по р. Карасибо, лог *Ўгү тугчаң ойых* (букв. ‘лог, где несётся сова’) по р. Б. Арбаты, р. *Тарбаган* (букв. ‘сурок’).

4. Прагматопонимы – топонимы, связанные с практической, хозяйственной деятельностью народа: лог *Хазан сыбачаң хол* (букв. ‘лог для изготовления домашнего вина’) около с. Шепчул, лог *Киик сүрцең ойых* (букв. ‘лог для загона косуль’) по р. Б. Арбаты, гора *Тимір Тас* (букв. ‘железо-камень’) – место добывания железа.

5. Антропотопонимы – топонимы, образованные от личных имён и фамилий. Обозначают переселенца или собственника местечка: лог *Педор холы* (букв. ‘лог Педора’) у с. М. Сея, местечко *Покос Орбекей* (букв. ‘покос Орбекея’) у аала Чиланы.

6. Топонимы, связанные с культовыми и обрядовыми местами; с верованиями народа: гора *Хам хамначаң таг* (букв. ‘гора для камлания шамана’) по р. Б. Арбаты, озеро *Ээліг көл* (букв. ‘озеро с духами’) по р. Таштып, *Ызых таг* (букв. ‘священная гора’).

Мы выделили доминирующие признаки номинации географических объектов территории исследования. В перспективе планируется дополнить и расширить данную классификацию.

Основными источниками по данному исследованию выступили научные труды учёных-топонимистов: М. А. Жевлова, В. Я. Бутанаева, Р. Д. Сунчугашева, а также личный полевой материал, собранный во время топонимических экспедиций.

А. А. Натпит
(Кызыл, Россия)

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ «ПРЕДСТАВИМОСТИ» И «СХОДСТВА ОБРАЗА С РИСУНКОМ» ТУВИНСКИХ СЛОВ: ОПЫТ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ¹

В докладе анализируются результаты эксперимента с тувинско-русскими билингвами для установления психолингвистических параметров значений тувинских слов в их языковом сознании на фоне значений эквивалентных слов в языковом сознании русских монолингвов.

Психолингвистические параметры (ПП) слов – частотность, возраст усвоения и др. влияют на обработку информации человеком. Первыми посвятили данной теме свои работы зарубежные исследователи E. L. Thorndike, K. A. Preston, C. M. Morrison, Paetzold, Specia. Их изучение неразрывно связано с восстановлением речи у пациентов с афазией. Афазия – нарушение речевой функции, которое возникает в результате поражения коры головного мозга

[Колмогорова 2021: 201]. Для восстановления речи специалисты используют комплекс упражнений, где одними из важных являются психолингвистические параметры слова. Согласно Ю. С. Акининой, психолингвистические параметры – это свойства или показатели, характеризующие психолингвистическую норму [Акинина 2014: 112; Натпит 2020: 157].

Целью нашего исследования является рассмотрение двух ПП: представимость и сходство образа с рисунком тувинских слов у тувинско-русских билингвов и их сравнение с реакциями у русских монолингвов из базы данных (БД) Ю. С. Акининой. Гипотезой выступило утверждение: параметр представимости у тувинских слов будет ниже 3 по шкале от 1 до 5, т. к. тувинско-русские билингвы употре-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта «Грант Главы – Председателя Правительства Республики Тыва для поддержки молодых учёных Республики Тыва в 2021–2022 годах».

бляют сразу два языка и тувинский язык чаще всего вытесняется русским. Параметр сходства образа с рисунком у слов-стимулов будет ниже, т.к. стимульный материал был изначально подготовлен для русскоязычных монолингвов.

Материал был собран в результате опроса на платформе Гугл-формы. В опросе участвовали 58 тувинско-русских билингвов. Из них 27 женщин, 31 мужчина. Возраст варьируется от 17 до 56. Стимульный материал: 29 тувинских слов, обозначающих предметы быта, животных, природные объекты. Стимульный материал в виде рисунков был взят из БД Ю. С. Акининой.

Наиболее легкопредставимым, согласно полученным результатам, из 29 стимулов является слово *дишс* (кошка). Среднее значение по шкале от 1 до 5 составило 4,46. Сложным для представления оказалось слово-стимул *хевис* (ковёр), среднее значение которого равно 3,41. Такие результаты могут быть связаны с тем, что слово *хевис* устаревшее и вместо него тувинцы всё чаще используют русскоязычное *дорожка*, *ковёр*, которые прозвучали в качестве реакций на картинку, изображавшую *хевис* в тексте на устойчивость номинации.

При проведении опроса для измерения параметра «Сходство образа с рисунком» информантам (в случае с монолингвами и билингвами) сначала предъявлялись слова. Для тувинских респондентов мы использовали переводы на тувинский язык слов-стимулов из БД Ю. С. Акининой. Затем демонстрировались картинки, изображавшие то, что на-

зывало слово, и задавался вопрос о сходстве того, что они представили, когда увидели слово, и того, что нарисовано на картинке.

При сравнении следует отметить, что совпадающие показатели отсутствуют, однако динамика прослеживается схожая. Тем не менее линия значений параметра у билингвов очень плавная, что говорит о том, что значения параметра практически у всех слов очень близки друг другу. У русских монолингвов линия значений на графике выглядит скачкообразно – есть слова, значения параметра у которых существенно отличаются. Наибольшие отличия в значениях параметра у монолингвов и билингвов наблюдаются для слов *сонга* – 4,11 и *окно* – 2,84; *хол* – 4,22 и *озеро* – 3,93. У слов, обозначающих животных, показатели стоят недалеко друг от друга. Также по графику видно, что у тувинско-русских билингвов значения идут ровно, а у русских монолингвов – скачкообразно.

В целом наши гипотезы не подтвердились, что говорит о том, что параметр представимости тувинских слов выше показателя 4 по шкале от 1 до 5, а не ниже 3. Вторая гипотеза о том, что рисунки в качестве стимульного материала не подойдут тувинско-русским билингвам, также не подтвердилась. Таким образом, стимульный материал параметра «сходство образа с рисунком» можно использовать в качестве материала для составления упражнений по речевой терапии пациентов тувинско-русских билингвов с диагнозом «афазия».

Литература

Акинина Ю. С., Искра Е. В., Иванова М. В., Грабовская М. А., Исаев Д. Ю., Коркина И. Д., Малютина С. А., Сергеева Н. Ю. Библиотека стимулов «существительное и объект»: нормирование психолингвистических параметров // VI Международная конференция по когнитивной науке: тезисы докладов. Калининград, 23–27 июня 2014 г. – Вып. 6. – Калининград, 2014. – С. 112–114.

Колмогорова А. В. Психолингвистические параметры русских слов и их визуальных коррелятов в языковом

сознании тувинско-русских билингвов: опыт экспериментального исследования // Новые исследования Тувы. – 2021. – № 2. – С. 197–210. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.2.16>

Натпит А. А. Параметр представимости слова в контексте теории прототипов // Современные исследования социальных проблем. – 2020. – Т. 12. – № 4. – С. 155–165. DOI: 10.12731/2077-1770-2020-4-155-165.

Б. Б. Ооржак
(Кызыл, Россия)

ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ С СЕМАНТИКОЙ СОБИРАТЕЛЬНОСТИ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ МНОЖЕСТВЕННОСТИ В ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ

В настоящее время исследование категории собирательности в тувинском языке является актуальным для описания категории количественности, куда входят и единичность, и множественность. В данной работе рассматриваются собирательные имена существительные как средство выражения множественности в тувинском языке.

Нами составлен наиболее полный список имён существительных с семантикой собирательности на основе языкового материала из «Тувинско-русского словаря» под редакцией Э. Р. Тенишева (1968), «Толкового словаря тувинского языка» (I–II т.) Д. А. Монгуша (2003, 2011) путём сплошной выборки и дополнен при помощи локальной программы

AntConc лексемами из текстов произведений тувинских писателей.

Имена существительные со значением собирательности были распределены по следующим группам:

– имена существительные, обозначающие множество лиц (*чон* ‘народ’, *улус* ‘люди’). Данная группа представлена лексемами, входящими в следующие лексико-семантические подгруппы (ЛСПГ) (табл. 1).

Таблица 1

Обозначение множества лиц по роду, родовому племени, национальности	<i>аймак-сөөк</i> ‘племена, народности, национальности’, <i>аймак</i> ‘род’, <i>сөөк-язы</i> ‘раса, расовая принадлежность’;
Общие термины родства	<i>ада-ие</i> ‘родители’, <i>акы-дунма</i> ‘родня, родственники’, <i>куда-хувагай</i> ‘сваты’ и др.
Обозначение множества лиц по возрасту	<i>аныяк-өскен</i> ‘молодёжь’, <i>аныяк-чалыы</i> ‘молодежь’, <i>өгбе</i> ‘предки’, <i>үре-салгал</i> ‘потомки’, <i>ие-чаиш</i> ‘материнство и младенчество’ и др.
Обозначение множества лиц по занимаемым руководящим должностям, высоким чинам	<i>дарга-бошка</i> ‘начальство’, <i>нам-чазак</i> ‘правительство’, <i>ноян-хаат</i> ‘нояны’, <i>ноян-дүжуметтер</i> ‘нойоны и джуметы’, <i>ноян-таңма</i> ‘кожуунная администрация, управляемая амбын-нойоном’
Обозначение множества лиц по роду деятельности	<i>эмчи-башкы</i> ‘врачи и учителя’, <i>эмчи-домчу</i> ‘врачи’, <i>аңчы-малчын</i> ‘охотники и чабаны’, <i>хам-лама</i> ‘шаманы и ламы’, <i>эштенчи-коштанчы</i> ‘люди, помогающие семье по хозяйству’ и др.
Обозначение множества лиц по социальному сословию (в фолькл. текстах)	<i>аг-шериг</i> ‘армия’, <i>ара-албаты</i> ‘подданные’
Обозначение множества лиц по социальному явлению	<i>бөлүк</i> ‘группа’, <i>хөгжүм</i> ‘оркестр’, <i>коллектив</i> ‘коллектив’, <i>бөлгүм</i> ‘кружок’, <i>эп-камбы</i> ‘содружество’, <i>чыыш-шуулган</i> ‘съезд’
Обозначение множества лиц по взаимоотношениям, в основе которых симпатии, общих интересов и т. п.	<i>эш-өөр</i> ‘друзья’, <i>таныш-көрүүш</i> ‘знакомые’

– имена существительные, обозначающие множество животных (*сүрүг* ‘стадо’, *өөр* ‘множество’). ЛСПГ представлены в таблице 2.

Таблица 2

Скопление домашних животных	<i>мал-маган</i> ‘скот’, <i>сүрүг</i> ‘скот’, <i>анай-хураган</i> ‘молодняк’, <i>чылгы</i> ‘табун’, <i>бода мал</i> ‘коровы’ и др.
Скопление диких животных	<i>аң-мең</i> ‘зверье, звери’, <i>аң-араатан</i> ‘звери’, <i>араатан</i> ‘хищники’ и др.
Скопление насекомых	<i>курт-кымыскааяк</i> ‘насекомые’, <i>ымыраа-сээк</i> ‘мошкара’
Части тела животных	<i>даван-даяк</i> ‘конечности животных’, <i>кулак-кудурук</i> ‘уши и хвост’ и др.

– имена существительные, обозначающие множество предметов как единое целое. ЛСПГ данной группы представлены в таблице 3.

Таблица 3

Домашняя утварь	<i>аяк-сава</i> ‘посуда’, <i>аяк-шынак</i> ‘посуда’, <i>аяк-хымыш</i> ‘посуда’, <i>паиш-сава</i> ‘посуда’ и др.
Пищевые продукты	<i>аьш-чем</i> ‘еда, пища’, <i>сут-бараан</i> ‘молочный товар’, <i>ижин-хырын</i> ‘субпродукты’, <i>тараа-быдаа</i> ‘хлеба’ и др.
Одежда	<i>идик-хеп</i> ‘одежда’, <i>хеп-сын</i> ‘одежда, обувь’, <i>тон-хеп</i> ‘верхняя одежда’, <i>хөйлең-чүвүр</i> ‘рубашка и брюки’ и др.
Украшения	<i>каасталга-шимелде</i> ‘украшения’
Бытовые принадлежности	<i>эт-херексел</i> ‘утварь, бытовые принадлежности’, <i>балды-суге</i> ‘топоры’ и др.
Охотничье снаряжение	<i>боо-моңгу</i> ‘оружие’, <i>ок-бижек</i> ‘холодное оружие’, <i>ча-согун</i> ‘лук и стрелы’ и др.
Снаряжение коня	<i>аргамчы-кижен</i> ‘конские путы, тренога’, <i>баг-мончак</i> ‘арканы’, <i>эзер-чонак</i> ‘подпруга’ и др.
Мебель	<i>орун-дөжжек</i> ‘мебель’, <i>олут-сандай</i> ‘мебель’, <i>стол-сандай</i> ‘столы и стулья’ и др.
Здания и сооружения	<i>бажың-балгат</i> ‘здание, помещение’, <i>садыг-магазин</i> ‘магазины’, <i>садыг-делгиш</i> ‘магазины и рынки’ и др.
Части зданий	<i>эжик-соңга</i> ‘двери и окна’

Транспорт	<i>машина-балгат</i> 'машина (личное имущество)', <i>машина-транспорт</i> 'транспорт (общественный)'
Совокупность мелких вещей	<i>бок-сак</i> 'пожитки', <i>бок</i> 'мусор'

– имена существительные, обозначающие совокупность природных объектов, имеют следующие ЛСПГ: растения (*оьт-сиген* 'трава', *көк-шык* 'трава, растительность' и др.), ландшафт (*арга-арыг* 'леса', *танды-сын* 'вершины', *далай-суг* 'морья' и др.).

Собирательные имена существительные в тувинском языке, обозначая совокупность, множество объектов, передают значение неопределённой количественности.

Литература

Толковый словарь тувинского языка. Т. I / А. Д. Монгуш. – Новосибирск: Наука, 2003. – 596 с.

Толковый словарь тувинского языка. Т. II / А. Д. Монгуш. – Новосибирск: Наука, 2011. – 798 с.

Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. – М.: Наука, 1968. – 646 с.

Научный руководитель – к. филол. н., доцент А. Б. Хертек.

*К. А. Покоякова
(Абакан, Россия)*

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭТНИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ ЖИТЕЛЕЙ РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ¹

В данной статье представлены предварительные результаты свободного ассоциативного эксперимента с участием хакасских и русских респондентов – жителей Республики Хакасия. Предлагается анализ их автостереотипов и гетеростереотипов, в которых представлены некоторые особенности межэтнических отношений хакасов и русских, совместно проживающих на территории республики.

Ключевые слова: этнический стереотип, автостереотипы, гетеростереотипы, свободный ассоциативный эксперимент, хакасы, русские.

Цель данной статьи заключается в описании предварительных результатов исследования этнических стереотипов, существующих в языковом сознании хакасов и русских, проживающих в Хакасии. Исследование психолингвистической концептуализации на уровне разных языков относится к важнейшим направлениям дальнейших межъязыковых и межкультурных сопоставлений для предупреждения конфликтов непонимания или неполного понимания в межкультурном общении [Боргоякова, Покоякова 2016: 73]. Материалом исследования послужили данные свободного ассоциативного эксперимента с участием 500 представителей двух основных этнических групп, совместно проживающих на территории Республики Хакасия. Количество русских респондентов (далее РР) составляет 280 человек, хакасских респондентов (далее ХР) чуть меньше – 220 человек.

По мнению Н. В. Уфимцевой, ассоциативный эксперимент и построение по его результатам ассоциативно-вербальной сети является одним из методов обнаружения системности образа мира определённой культуры, что, в свою очередь, позволяет определить систему культурных стереотипов

[Уфимцева 2009: 98]. По мнению учёного, «этнические стереотипы недоступны саморефлексии – наивного члена того или иного этноса – и являются фактами поведения и коллективного бессознательного, и именно они лежат в основе образования культурных стереотипов, которые в той или иной форме доступны саморефлексии и могут стать фактами сознания (индивидуального и общественного)» [Уфимцева 1996: 26]. Формирование этнических стереотипов как устойчивых компонентов этнического сознания происходит в процессе межэтнического общения. Н. В. Уфимцева также подчёркивает, что в основе этнического стереотипа находится оппозиция «свой – чужой», которая содержит концептуальное ядро, «состоящее из релевантных для каждой культуры признаков – своего и чужого. Этнические стереотипы влияют на этнические симпатии-антипатии, на национальные установки, определяют характер межэтнического взаимодействия» [Уфимцева 2012: 73–74].

Этнические стереотипы обычно подразделяются на автостереотипы и гетеростереотипы. Под автостереотипами можно понимать наиболее типичные представления членов конкретной этнической

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 20-012-00426 «Динамика и перспективы языкового взаимодействия в республиках Южной Сибири».

группы о самих себе. Автостереотипы, как правило, представляют комплекс положительных оценок и отрицательных элементов. Гетеростереотипы – это образы представителей других этнических групп, сложившиеся в данной группе. Они могут быть как позитивные, так и негативные, в зависимости от

исторического опыта взаимодействия данных народов [Шимбель 2014: 3].

Перейдём к результатам проведённого анализа.

Авто- и гетеростереотип «хакасы»

В нижеприведённой таблице представлено содержание автостереотипа и гетеростереотипа «хакасы».

Таблица 1

Содержательные компоненты автостереотипа и гетеростереотипа «хакасы», %

	Автостереотип «хакасы»	Гетеростереотип «хакасы»
Национальность/жители Хакасии	77,5	76,5
Национально-культурная специфика	12	13
Эмоциональное отношение	9	8
Внешность	1,5	2,5

Как следует из таблицы 1, компонент «национальность/жители Хакасии» получает самую высокую долю в содержании авто- и гетеростереотипа «хакасы» (77,5% и 76,5% соответственно). Автостереотип «хакасы» представлен следующими реакциями: *народ – 24, мой народ – 9, национальность – 9, нация – 9, мы – 8, родина – 7, Хакасия – 7, тюрки – 4, этнос – 3, тадарлар – 2, коренные жители Республики Хакасия* и т. д. В соответствующий гетеростереотип вошли такие ассоциации как: *народ – 62, национальность – 31, люди – 22, нация – 9, Хакасия – 9, Абакан – 5, коренной этнос – 3, республика – 3, коренные жители – 2, автохтонный этнос республики, жители Республики Хакасия, тюркский народ* и др.

Следует также отметить, что компонент «национальность/жители Хакасии» автостереотипа «хакасы» включает и реакции, отражающие уязвимое положение хакасского этноса, его малочисленность: *малочисленные – 2, малочисленный народ – 2, мало – 2, исчезающий народ, маленькие, малые народы* и др.

На втором месте находится группа реакций, связанных с национально-культурной спецификой стимульного слова, составляя 12% в автостереотипе и 13% в гетеростереотипе. В автостереотип «хакасы» входят следующие реакции: *курганы – 3, юрта – 3, традиции – 3, чатхан, шаман, хут, талган, обычаи, национальный костюм, национальная одежда хакасов, борьба* и др. Гетеростереотип «хакасы» представлен следующими ассоциатами: *юрта – 4, культура – 4, традиции – 3, шаманизм – 2, чатхан – 2, пого – 2, легенды, кровяная колбаса, наскальные рисунки, горловое пение, шаман, шаманы, стеллы* и т. д.

Содержательный компонент «эмоциональное отношение» находится на третьем месте, составляя 9% в автостереотипе «хакасы» и 8% в соответ-

ствующем гетеростереотипе. Данный компонент включает позитивные и негативные реакции, которые характеризуют черты характера и поведения хакасов. Интересно отметить соотношение доли подобных реакций. В автостереотипе «хакасы» логично преобладает положительная характеристика, которая представлена следующими ассоциациями: *великие люди – 2, красавцы – 2, могучие люди, добрые, солнечные, сплочённость, гордость, единение, единство, едины, угаа чаксы сарнапчалар* и др. Была обнаружена только одна негативная реакция – *неадекватные*. В гетеростереотипе «хакасы» доминируют негативные ассоциации, составляющие 5% всех реакций: *отвращение – 3, суровость – 2, глупость, не люблю, нелюбовь, мусор, дискомфорт, обижаются, когда их так называешь* и т. д. Положительно-оценочные реакции составляют 3%: *всё хорошо – 2, адекватные, дружелюбность, дружелюбные, красавцы, сила* и т. д.

Доля содержательного компонента «внешность» невелика и представлена единичными реакциями. Так, например, в автостереотипе «хакасы» была обнаружена одна реакция, описывающая внешний облик, – *тёмные волосы*, в гетеростереотипе представлены следующие ассоциации: *глаза, узкоглазые, черноволосые*. Следует отметить, что в похожем исследовании этнических стереотипов жителей Республики Хакасия [Боргоякова 2007] в структуре авто- и гетеростереотипа «хакасы» около 9% и 17% соответственно занимали слова-реакции, связанные с внешним видом хакасов. Так, в автостереотипе отмечена позитивная характеристика *красивые*, в соответствующем гетеростереотипе РР обращают больше внимания на то, что отличает хакасов от русских: *смуглые, узкие глаза, низкий рост, темно-волосые* [Боргоякова 2007: 16].

Авто- и гетеростереотип «русские»

Таблица 2

Содержательные компоненты автостереотипа и гетеростереотипа «русские», %

	Автостереотип «русские»	Гетеростереотип «русские»
Национальность/жители России	63	67
Эмоциональное отношение	27	18
Национально-культурная специфика	8,5	8
Внешность	1,5	7

Из таблицы 2 следует, что компонент «национальность/жители России» является самой большой семантической группой и занимает первое место в рейтинге содержательных компонентов авто- и гетеростереотипа «русские» (63% и 67% соответственно). Автостереотип «русские» включает следующие ассоциации: *люди – 31, народ – 25, национальность – 12, нация – 12, Россия – 11, мы – 9, славяне – 3, жители России, многочисленные, многочисленные, многонациональность* и т. д. Гетеростереотип «русские» представлены такими реакциями, как: *нация – 15, народ – 12, люди – 11, национальность – 7, Россия – 7, россияне – 3, славяне – 3* и т. д. Следует также отметить наличие в гетеростереотипе ассоциаций, описывающих многочисленность русского народа (11%): *много – 8, многочисленный народ – 3, многочисленные – 2, большинство, большой народ, многочисленный народ России, многочисленность* и т. д.

Компонент «эмоциональное отношение» занимает вторую позицию и состоит из реакций, дающих позитивную и негативную оценку этноса. Доля позитивных ассоциаций в автостереотипе «русские» составляет 17%: *сила – 12, не сдаются – 4, сильные – 2, великие, весёлый народ, гордость, добрые и эмоциональные люди, дружба, дух, гостеприимство, сильный дух, сильный народ, стойкость, хорошие, храбрые, талант, свободолюбивые, непобедимы, отвага, открытость, преимущество* и т. д. Негативных реакций насчитывается 10%: *злые – 2, странные – 3, странный – 3, алкоголики, бедность, безответственные, громкие, грустные, выпивают, хамство, токсичные, хмурые, холодные, суровость, алкоголь, плохие, изгой, злость, звери, не толерантные, расист* и т. д. В структуре гетеростереотипа «русские» доля отрицательно-оценочных ассоциаций выше (10%) доли положительных реакций (8%). Позитивно оценивается характер, поведение русских: *не сдаются – 4, открытые – 2, весёлые, гордость, щедрая душа, несокрушимый народ, уважаю, успешные, хорошие люди, стойкие, смешные,*

могучий язык и т. д. Среди негативных ассоциаций можно выделить следующие реакции: *наглые – 3, болтливые – 2, злые – 2, выскочки, грубияны, неотёсанные, ничего, оккупанты Хакасии, осуждающие, суровые, чужие* и т. д.

Далее следует группа культурологических ассоциаций, которые составляют 8,5% в автостереотипе (*водка – 4, медведь – 3, матрёшка – 2, пельмени, кокошник, изба, избушка*) и 8% в гетеростереотипе (*кокошник, матрёшка, частушка, водка, народные сказки, русские песни*).

7% всех реакций в гетеростереотипе занимают ассоциаты, характеризующие внешность русских: *светлые – 2, большие глаза – 2, высокие, голубые глаза, белые волосы, богатыри, большие, светловолосые люди, светлые (волосы, кожа), светлые люди* и т. д. Сами РР описывают свою внешность следующим образом: *светлые – 2, голубоглазые*.

Таким образом, проведённый анализ структуры и содержания этнических стереотипов, полученных по итогам психолингвистического исследования языкового сознания хакасских и русских респондентов, позволяет сделать вывод о доминировании общей нейтральной ассоциативной линии, связанной с отнесением исследуемых этнонимов к категории *народ/нация/этнос* вообще. Средняя доля таких реакций составляет почти 71% в авто- и гетеростереотипах. Если объединить все позитивные и негативные характеристики черт характера и поведения, то можно обнаружить значительное снижение доли реакций эмоциональной оценки соответствующего этноса. Средняя доля подобных ассоциатов составляет 8,3% в сравнении с почти с 43% [Боргоякова 2007]. Следует также отметить уменьшение доли ассоциаций, описывающих внешний облик хакасов и русских. В среднем снижение таких слов-реакций произошло с 13% до 3%.

Перспективы дальнейших исследований этнических стереотипов связаны с анализом соответствующих авто- и гетеростереотипов жителей соседних двух республик – Тувы и Алтая.

Литература

Боргоякова Т.Г. Этнические стереотипы в языковом сознании и межкультурном общении хакасов и русских //

Ежегодник Института саяно-алтайской тюркологии ХГУ им. Н.Ф. Катанова. – Вып. 11 / под общей ред. Т.Г. Бор-

гояковой. – Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2007. – С. 15–19.

Боргоякова Т. Г., Покоякова К. А. Антонимические отношения в ассоциативно-вербальной репрезентации носителей хакасского, русского и английского языков // Вопросы психолингвистики. – 2016. – № 28. – С. 72–87.

Уфимцева Н. В. Россия и русские в исторической перспективе: взгляд европейцев // Межэтническое общение: контакты и конфликты. – М.: Институт языкознания РАН-МИЛ, 2012. – С. 73–79.

Уфимцева Н. В. Русские: опыт ещё одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М., 1996. – С. 144–162.

Уфимцева Н. В. Образ мира русских: системность и содержание // Язык и культура. – 2009. – № 4(8). – С. 98–111.

Шимбель Н. В., Собор Е. В. Автостереотипы и гетеростереотипы в межнациональных отношениях // Организация работы с молодёжью. – 2014. – № 3. – URL: <http://ovv.esrae.ru/231-1028> (дата обращения: 27.03.2022).

З. И. Салыхова
(Стерлитамак, Россия)

ТРАДИЦИОННЫЕ БАШКИРСКИЕ БЛАГОПОЖЕЛАНИЯ (АЛГЫШ)

Статья посвящена исследованию особого жанра башкирского фольклора – благопожелания (*алгыш*), направленного на подбадривание собеседника, создание у него хорошего настроения и настроения, оказание положительного воздействия на его эмоции. Рассматриваются разнообразные по своей структуре и семантике благопожелания, посвящённые различным событиям, знаменательным датам.

Ключевые слова: башкирский язык, фольклор, благопожелания, *алгыш*, структура, семантика.

Каждому языку присущи национально-культурные особенности, обусловленные жизнью и развитием конкретного общества. Каждый народ вырабатывает свою национальную специфическую систему правил речевого поведения. Башкиры в процессе общения используют определённые лексические средства в соответствии с характером ситуации, характеристиками собеседника (пол, возраст, социальный статус, знакомство, родство и др.), иерархией, социальным положением собеседников. Основные принципы и нормы общения башкир основаны на строгой возрастной дифференциации: почитание старших, проявление снисхождения к младшим:

<i>Ололарзы ололау –</i>	<i>Почитание старших –</i>
<i>Якшылыктың билдәһе,</i>	<i>Признак хорошего тона,</i>
<i>Кеселәрзе кеселәү –</i>	<i>Снисхождение младшим –</i>
<i>Кешелектең билдәһе.</i>	<i>Признак человечности.</i>
<i>Олога колак һалмау –</i>	<i>Не слушать старших –</i>
<i>Яманлыктың билдәһе.</i>	<i>Признак зла.</i>
<i>Ололарга кесе бул,</i>	<i>Для старших будь младшим,</i>
<i>Кеселргә оло бул</i>	<i>Для младших будь старшим</i>
(Кобайырзан).	(Из кубайра).

Следует отметить, что философские категории добра и зла, правильности и неправильности как два антипода присутствуют в башкирских благопожеланиях и проклятиях, т. е. по своему семантическому содержанию жанр фольклора *алгыш* (благопожелания) противостоит жанру *каргыш* (проклятия).

Башкирский народ издревле высоко ценил доброту и вежливость. Синонимами вежливости являются уважение к собеседнику, учтивость, корректность, обходительность, любезность, деликатность, галантность, почтительность, внимательность. Эти особенности в полной мере отражаются и в башкирских благопожеланиях (*алгыш*). Башкир-

ский народ издревле верил в магические свойства слова и считал, что всё сказанное им обязательно сбудется, поэтому в благопожеланиях, которые часто адресованы не только близким, но и чужим людям, отражается искренняя доброта, милосердие народа. За многовековую историю своего существования башкирский народ создал чрезвычайно богатый фонд благопожеланий, позволяющих понять национальный колорит, духовный мир, культуру, нравственные нормы, психологию народа, его взгляд на мир. Башкирские благопожелания (*алгыш*) – это небольшие по объёму речевые формулы, используемые в речевой практике в функции пожелания, благословения человека по какому-нибудь поводу: сборы в дорогу, новоселье, женитьба, рождение ребёнка, оказание услуг, начинания, события. Они посвящаются различным событиям, знаменательным датам и являются специфической особенностью речевого этикета башкир, вежливости, в семантике которых заложены такие черты народного характера, как приветливость, доброжелательность, уважение, почитание, толерантность, милосердие.

Башкирский *алгыш* имеет определённую структуру и звучит в контексте определённых поводов, церемоний и обрядов в соответствии с традиционными нормами. Как правило, в них указывается причина, событие, послужившее поводом для выражения добрых чувств. Далее следуют добрые пожелания от чистого сердца, обрамлённые в яркие и лаконичные формулы-клише.

В башкирских благопожеланиях используются различные языковые средства выразительности: устойчивые обороты, образные словосочетания, эпитеты, словесные повторы, сочетания различных видов рифм и словосочетаний, которые создают особый стихотворно-мелодический ритм.

С точки зрения семантики в языке часто употребляются назидательные, свадебные, прощальные, благодарственные, в функции просьбы, пожелания здоровья, богатства, событийные благопожелания.

В назидательных благопожеланиях ярко выделяются такие составные части воспитания, как нравственное, умственное, трудовое, физическое. Примеры: *Һыны булһын батырзың!* – Пусть будет статным батыр! *Намысы булһын батырзың!* – Пусть будет честным батыр! *Тәүфиклы бул!* – Будь благочестивым! *Шәфкәтле бул!* – Будь милосердным! *Мөхәббәтле бул!* – Будь приятным!

Много благопожеланий посвящено вступающим в брак, молодожёнам, невесте, входящей в дом. Примеры: *Туйығыз котло булһын, нигезегез ныклы булһын!* – Пусть свадьба ваша принесёт счастье, пусть фундамент ваш будет крепким! *Котло булһын туйзар, берзәм булһын уйзар!* – Пусть свадьба принесёт счастье, помыслы будут едины! *Кушағыңа кушылып, кыуышлы бул, киленсәк!* – Вместе со своим женихом построй шалаш, невестушка! *Котло аяғың менән ин!* – Принеси в дом удачу!

Значение благопожелания, связанное с речевым этикетом башкир отражается в жанре плача (*сеңләү*):

<i>Өлкәндәргә кайза ла</i>	<i>Старшим повсюду</i>
<i>Хөрмәт күрһәт, киленсәк.</i>	<i>Прояви уважение, невестушка.</i>
<i>Кеселәргә кайза ла</i>	<i>Младшим повсюду</i>
<i>Үрнәк күрһәт, киленсәк.</i>	<i>Будь образцом, невестушка.</i>
<i>Казаның қасмаклы булһын,</i>	<i>Пусть котёл твой всегда</i>
	<i>будет полным,</i>
<i>Һыйырың башмаклы булһын,</i>	<i>Пусть у коровы твоей</i>
	<i>будет тёлка,</i>
<i>Умырғаның май булһын,</i>	<i>Пусть на твоём столе</i>
	<i>всегда будет масло,</i>
<i>Тулгатканың бай булһын</i>	<i>Дитя твоё будет богатым.</i>

Прощальные благопожелания употребляются как одобрение, благословение человека перед дорогой. Примеры: *Юлығыз уңһын! Юлың уң булһын!* – Пусть дорога будет удачной! *Юлдарыңа Хызыр Ильяс юлдаш булһын!* – Пусть будет тебе спутником Хызыр Ильяс – ангел-спаситель! *Хәйерле юл!* – Доброго пути! *Ак юл!* – Светлой дороги! *Исән-һау әйләнеп кайт!* – Возвращайся живым и здоровым! *Сәфәрең уң булһын, исән йөрәп, исән кайт!* – Пусть путешествие будет удачным, возвращайся здоровым! и др.

Благодарственные благопожелания, как правило, употребляются в знак благодарности за доброе дело, услугу, в ответ на доброе, тёплое, сердечное отношение и выражаются такими речевыми формулами, как *рәхмәт яугыры* – большое спасибо, *рәхмәт төшкөрө* – большое спасибо, *алланың рәхмәтендә булғыры* – пусть Бог будет милосердным к тебе, *мең рәхмәттәр һезгә, мең рәхмәт яуһын* – тысячи раз спасибо вам, *рәхмәт якты йөзөгөзгә, рәхмәт якшы һүзегезгә* – спасибо светлomu лицу, спасибо добрым

словам! и др. Благодарность, адресованная детям, выражается такими устойчивыми этикетными формулами: *зур үс* – расти большой, *акыллы бул* – будь умницей! *бәхәтле бул* – будь счастливым!

Благопожелания употребляются в речи с целью взбодрить, вдохновлять, поддержать человека. В башкирском языке существуют специфические благопожелания, связанные с важными и приятными событиями в жизни людей.

Благопожелание рыбаку: *Котло булһын мурзаң, балык төшһөн зурзан!* – Пусть морда (рыболовная снасть) принесёт удачу, пусть рыба крупная попадет! *Уртақ булһын, мырзам!* – Пусть будет пополам, братец!

Благопожелание пчеловоду: *Сологоң котло булһын, күс артынан күс кунһын!* – Пусть борть будет удачным, рой за роем прививается!

Благопожелания скотоводу: *Һыйырың һөтлә булһын!* – Пусть корова твоя будет молочной! *Кәзәң дебәтле булһын!* – Пусть коза твоя будет пуховой!

Забойщикам скота: *Һугымығыз һимез булһын, ите татлы булһын, йөзөгөз якты булһын!* – Пусть ваш скот (предназначенный на убой) будет откормленным, пусть мясо будет вкусным, лицо ваше будет светлым! *Бергә булһын!* – Пусть будет и вам! *Әйткәнең килһең! Исән-һау ризықка язһын!* – Пусть сбудутся твои пожелания! Пусть будет здоровой пища!

Строящему дом, новосёлам: *Донъяң котло булһын, эсендә тыныслық булһын, тазалық, исәнлек булһын!* – Да будет счастлив ваш дом, будет покой и здоровье! *Исән-һау, бергә-бергә йәшәргә язһын!* – Да удастся вам жить здесь вместе и в здравии!

Помощнику, мастеру, оказавшему услугу: *Кулыңдан кыуан! Аяқ-кулың һызлауһыз булһын!* – Пусть руки твои тебя радуют! Пусть ноги и руки не знают болезни! *Озон гүмерле бул!* – Желаю долголетия!

В башкирском языке широко используются благопожелания, адресованные близким, друзьям: *Тыныс йоко!* – Спокойной ночи! *Ашығыз тәмле булһын!* – Пусть еда будет вкусной или приятного аппетита! *Тәмле төш күр!* – Сладких тебе снов!

Дарящему человеку говорят: *Бай бул, бар бул!* – Будь богатым, живи в достатке!

Надевшему новую одежду: *Кейемен котло булһын, йылы тәнендә тузһын!* – Пусть одежда принесёт удачу, носи на здоровье! *Котло булһын, исән-һау кейеп туззырырга язһын!* – Пусть принесёт удачу, носить и износить на здоровье!

Перед началом и завершением какой-либо трудовой деятельности: *Кулдың кеүәтен бир!* – Пусть руки будут сильными, крепкими! *Уң кулдан, һул кулдан – котло кулдан!* – С правой руки, с левой руки – с удачливой руки! *Кулыңдан кыуан!* – Пусть руки твои радуют тебя! *Салғың йылғыр булһын, этең алғыр булһын!* – Пусть коса твоя будет острой, а собака проворной!

Закончив трапезу, хозяевам говорят: *Балаларыңдың ислеген күр!* – Пусть доведётся увидеть добро от своих детей! *Өстәлегез һый-хөрмәттән өзәлмәһен!* – Пусть ваш стол ломится от угощений! *Бай булығыз, бар булығыз!* – Будьте богаты и здоровы!

Тем, у кого родился ребёнок, адресуют такие благопожелания: *Озон гүмерле булһын!* – Пусть живёт долго! *Тәүфиклы булһын!* – Пусть будет благонравным! *Ата-инәһенә тиң булһын!* – Пусть будет достойным своих родителей!

Таким образом, благопожелания (*алғыш*) – это пожелания хорошего, доброго, полезного. У башкир

оно направлено на подбадривание собеседника, на создание у него хорошего настроения и настроения, на оказание положительного воздействия на эмоции собеседника. Благопожелания должны быть искренними и уместными, поскольку они регламентируют взаимоотношения между людьми. Вместе с тем башкиры издревле верили в магию слова, в его способность обеспечить благополучие. Башкирские благопожелания (*алғыш*), широко применяемые в различных речевых ситуациях, очень разнообразны по своей структуре и семантике, требуют дальнейшего исследования.

Литература

Башкорт халык ижады: Йола фольклоры. – Өфө: Башкортостан «Китап» нәшриәте, 1995. – 560 бит.

Салыхова З.И. Средства выражения вежливости в современном башкирском языке: автореф. дис. ... к. филол. н. – Уфа, 2004. – 25 с.

В. И. Семёнова
(Иркутск, Россия)

ВТОРИЧНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ СОМАТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА

Слова, обозначающие части тела, одни из наиболее древних слов во всех языках. Они относятся к базисной лексике. Не случайно их называют «докультурными терминами».

Большая часть названий частей тела обладает развитой полисемией. Одно и то же наименование может выражать несколько смежных понятий. В результате лексикализации метафорического или метонимического значений анатомические термины переходят на другие объекты окружающей природы, предметы материальной культуры и пр.

Метафоричность номинации особенно ярко проявляется в большом количестве фитонимов, образованных в результате отождествления с какой-либо анатомической частью животного. Например: *кувшинка – тэмээн табгай* (эх.-бул.), букв. ‘верблюды стопа’ – в основе номинации сходство формы листа со стопой верблюда; *шлемник байкальский – гүүн хүхэн*, букв. ‘кобылица грудь’; *хулганын шэхэн* ‘кислица’, букв. ‘мышинное ухо’; *зээрэн шэлбэ* ‘донник’, букв. ‘ножка антилопы’; *туулайн бөөр* (цонг.) ‘каштан’, букв. ‘заячья почка’; *нохойн хоншоор* ‘шиповник’, букв. ‘собачий нос’; *үхэр нюдэн* ‘смородина’, букв. ‘бык глаза’; *хурьган шэхэн* ‘щавель’, букв. ‘ягнёнок уха’; *үнэгэнэй һүүл* ‘щетинник зелёный’, букв. ‘лисий хвост’; *батаганаан хушуун* ‘герань луговая’, букв. ‘комар хоботок’.

Соматические термины нередко переходят в состав локусов – обозначений определённых участков местностей. К примеру, с понятием ‘рот’ – *аман* связаны представления о различных отверстиях, входах, проходах и т. п. Как локусное можно отметить

значение ‘отверстие, дыра, вход, например, в нору, залив, ущелье’: *хадын аман* ‘горный проход’, букв. ‘горы рот’; *мүрэнэй аман* ‘устье реки’, букв. ‘реки рот’. *Нюрган* – ‘спина; позвоночник; рост’; парн. *нюрга сээжэ* ‘горс, туловище’; перен. хребет’: *хадын нюрган* ‘горный хребет’; букв. ‘горы позвоночник’; ‘поверхность; возвышение, выступающее на ровной поверхности’: *талын нюрган* ‘бугор в степи’; букв. ‘степи позвоночник’; *харгын нюрган* ‘обочина дороги’; букв. ‘дороги позвоночник’.

Анатомические термины встречаются и в топонимических системах. Сначала анатомический термин в результате переноса значения приобретает функцию детерминатива (географического термина), а затем уже номенклатурный географический термин закрепляется в составе названия определённого географического объекта, становится топонимом или входит в состав топонима-композиата. В бурятской топонимии можно обнаружить довольно много топонимов, образованных от соматических терминов: падь *Морин Толгой* – от *морин толгой* ‘конь голова’ (Нукутский район ИО), местность *Хоолой* ‘горло; перешеек, приток, рукав реки, пролив’ (Джидинский район РБ), с. *Тохой* ‘локоть, локтевой сустав; излучина, изгиб реки’ (Селенгинский район РБ); урочище *Нюрган* (Баяндаевский район ИО) от бур. *нюрган* ‘спина; хребет’; гора *Хушуун* от *хушуун* ‘выступ, выдающаяся часть; губы, нос’ (Эхирит-Булагатский район ИО).

Приведённые примеры показывают, что в подобных примерах наблюдается общечеловеческое психологическое свойство сравнивать и отождествлять

влять различные реалии и явления окружающей действительности. Способность терминов, связанных с широко известным понятием (частью тела), фиксировать комплекс присущих данному объекту

качеств, приводит к возникновению стандартных ассоциаций, на основе которых слово метафоризируется.

Сокращения

букв. – буквально

бур. – бурятский язык

ИО – Иркутская область

РБ – Республика Бурятия

цонг. – цонгольский диалект бурятского языка

эх.-бул.– эхирит-булагатский диалект бурятского языка

Я. Е. Тохтобина
(Якутск, Россия)

НАИМЕНОВАНИЯ ВОДНЫХ ОБЪЕКТОВ В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ¹

В статье кратко излагаются результаты лексико-семантического анализа наименований водных объектов в якутском языке. Как отмечают многие исследователи, географическая терминология является одним из древних и устойчивых слоёв лексики. Актуальность статьи обусловлена необходимостью систематизации и описания наименований водных объектов в якутском языке, т.к. данная группа лексем ещё не становилась предметом детального научного изучения.

Ключевые слова: сравнительно-сопоставительный анализ, когнитивная сфера, якутский язык, тюркские языки, гидрографические термины, лексико-семантические особенности.

Республика Саха (Якутия) является самым крупным регионом в России. На её территории насчитывается около 700 тыс. рек и речек и свыше 800 тыс. озёр. Их названия образуют большую, разветвлённую ономастическую систему; немало также терминов, т.е. обобщающих слов, обозначающих типы водных объектов. Гидрографическая терминология, являясь одним из древних и устойчивых слоёв лексики, хранит в себе не только информацию о географических условиях проживания народа, но и показывает его исторические передвижения, связи с другими этническими коллективами. Исходя из этого, считаем, что лексика, связанная с номинацией водных объектов, является ценным материалом для сравнительного анализа, а также она может помочь в решении некоторых вопросов происхождения и развития якутского языка, в частности, проблем его соприкосновения и взаимодействия с другими, родственными и неродственными, языками.

В работе были использованы следующие основные методы: сравнительно-исторический, описательно-сопоставительный, когнитивно-идеографический.

Анализ гидрографической лексики якутского языка позволил выявить 27 терминов, обозначающих типы водных объектов. Из них монгольское происхождение имеют 7 лексем, тунгусо-маньчжурское происхождение – 3, тюркское происхождение – 12, слова неизвестного происхождения – 5. Лексический материал классифицирован в рамках

нижеследующих 4 когнитивных групп: 1) реки; 2) ручейки; 3) родники; 4) озёра. Хотелось бы отметить отдельно слова неизвестного происхождения. Лексемы *сулуу* ‘русло’, *кулаада* ‘травянистая речка’, *туөлбэ* ‘самое маленькое круглое озерко’, *тыымпы* ‘озеро в лесу’ относятся к видовым географическим терминам, т.е. терминам, характеризующим ограниченные элементы природной среды, типы ландшафтов с указанием специфических черт объекта [Камалетдинова 2000: 72]. Это можно объяснить тем, что почти за тысячу лет обособления (от других тюркских языков) якутский язык развивался за счёт собственных ресурсов, создавал новые слова, исходя из своих собственных средств. Слова, созданные на якутской почве, хотя и с использованием известных корневых и аффиксальных морфем, разумеется, не могут иметь лексических параллелей в других языках [Попов 1986: 75]. Н. К. Антонов и В. И. Рассадин в своих работах подчёркивали, что географические термины монгольского происхождения в якутском языке связаны с более ранним освоением местной природы монголами, чем тюркоязычными якутами [Иванов 2001: 19].

Таким образом, данная когнитивная сфера, включающая множество тюркских и монгольских по происхождению слов, свидетельствует о сложном составе лексики современного якутского языка. Это подтверждает то, что в данном пласте отразилась ментальность якутского народа и способы категоризации мышления.

¹ Исследование выполнено в рамках научного проекта «Сохранение языкового и культурного многообразия и устойчивое развитие Арктики и Субарктики Российской Федерации» (грант Правительства РФ, соглашение № 075-15-2021-616).

Литература

Иванов Н.М. Монголизмы в топонимии Якутии. – Якутск, 2001. – 204 с.

Камалетдинова З.С. Дримонимическая ландшафтная лексика томских татар // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2010. – № 7. – С. 71–76.

Попов Г.В. Слова «неизвестного происхождения» якутского языка (сравнительно-историческое исследование). – Якутск, 1986. – 148 с.

Э.Э. Тундума
(Абакан, Кызыл, РФ)

БАЗОВЫЕ АСПЕКТЫ СЛОВАРНОЙ И АССОЦИАТИВНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СИБИРИ НА РУССКОМ, ТУВИНСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Цель данного исследования – раскрыть особенности восприятия Сибири как с учётом анализа энциклопедических научных знаний и психолингвистических особенностей, так и с точки зрения идентификационных установок. Методологической основой работы послужили подходы к исследованию соотношения этнической и гражданской идентичности в работе Т.Г. Боргояковой [2017]. В работе использованы лексикографические источники разного типа и материалы свободного ассоциативного эксперимента, проведённого автором в период с 2018 по 2021 г. Анализ словарных статей выявил общность энциклопедической трактовки Сибири с точки зрения размеров её территории и географического расположения с разной степенью конкретизации. Например, на русском языке Сибирь – это «большая часть азиатской территории России, от Урала на запад до горных хребтов тихоокеанского водораздела на востоке и от берегов Северного Ледовитого океана на севере до холмистых степей Казахстана и границ с Монголией на юге» [Большой энциклопедический ...]. В энциклопедии Британика: «Vast region of Russia and northern Kazakhstan, constituting all of northern Asia. Siberia extends from the Ural Mountains in the west to the Pacific Ocean in the east and southward from the Arctic Ocean to the hills of north-central Kazakhstan and the borders of Mongolia and China» [Энциклопедия Британика ...]. В словаре тувинской культуры приведено определение Сибири и как места «массовых крестьянских переселений, и "холодной тюрьмы" для уголовников

и политических противников Империи» [Маркус 2006: 534].

Ассоциативные модели репрезентации Сибири связаны, прежде всего, с её климатической характеристикой: Сибирь – холод (38%) у русских респондентов Республики Тыва (РР), соок «холод» (41%) у тувинских респондентов (ТР) и cold (25%) у американских (АР). Позитивная группа реакций на слово-стимул *Сибирь* на трёх языках представлена, прежде всего, реакциями *красивая / чарааш / beautiful*. В ассоциативных полях РР и ТР группа красоты объединена с её богатством, составляя у РР 15%, у ТР *чарааш (красивая), байлак (богатая)* – 7%. У АР группа *Siberia – beautiful* (10%).

Общность реакций у РР (6%) и АР (10%) связана с ассоциацией *Россия*.

Негативная группа реакций представлена также только в ассоциативных полях РР и АР. *Сибирь* – это ссылка у РР (1%), а у АР *Сибирь – prison* «тюрьма», *more corruption* «больше коррупции», *war and chaos* «война и беспорядок» (15%). Анализ реакций в отношении стимула *Сибирь* у РР и ТР показал наличие дифференциации по линии регионально-гражданской идентичности: у ТР – *Тува* (27%) и для РР – *родина* (11%). Можно предположить, что для тувинских респондентов *Сибирь* – это нечто внешнее и не совсем родное по сравнению со своей республикой, номинация которой в качестве слова-стимула даёт заметную долю реакций *родина*. Для РР *Сибирь* – это составная часть России, которая как слово-стимул даёт высокую долю реакций *родина*.

Литература

Большой энциклопедический словарь / Словари и энциклопедии на Академике, 2000–2022. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/270330> (дата обращения: 11.02.2022).

Боргоякова Т.Г. Психолингвистические аспекты формирования этнической и российской идентичности // Вопросы психолингвистики. – 2017. – № 3(33). – С. 19–31

Маркус С.В. Тува: словарь культуры. – М.: Академический проект, Трикста, 2006. – 832 с.

Энциклопедия Британика, 2022. – URL: <https://www.britannica.com/place/Siberia> (дата обращения: 11.02.2022).

Н. Ю. Ушницкая
(Якутск, Россия)

КОНЦЕПТ «НУЛГИ» В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА ЭВЕНКОВ

Статья посвящена исследованию концепта «нулги/кочевье» в языковой картине мира эвенков. Автор рассматривает понятийную, образную и ценностную составляющие концепта на лексикографическом материале и на материале записей аутентичных текстов от носителей языка. Концепт «нулги» отражает кочевой образ жизни эвенков и включает в себя оленеводство как неотъемлемую часть номадного образа жизни.

Ключевые слова: языковая картина мира, концепт, эвенкийский язык, кочевье.

Языковую картину мира следует понимать как закреплённый в языке культурно-исторический опыт народа, его мировосприятие и миропонимание. Языковую картину мира З. Д. Попова и И. А. Стернин понимают как совокупность зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности на определённом этапе его развития, представление о действительности, отражённое в значениях языковых знаков – языковое членение мира, языковое упорядочение предметов и явлений, заложенная в системных значениях слов информация о мире [Попова, Стернин 2007: 54]. Как считает А. А. Зализняк, «языковая картина мира формируется системой ключевых концептов и связывающих их инвариантных ключевых идей (так как они дают «ключ» к её пониманию). Ключевые для русской языковой картины мира концепты заключены в таких словах, как *душа, судьба, тоска, счастье, разлука, справедливость*» [Зализняк и др. 2005: 10]. На наш взгляд, в языковой картине мира эвенков ключевые концепты заключены в таких словах, как *буга* (небо, родина, природа), *орон* (олень), *нулги* (кочевье), *сицкэн* (охотничья удача, дух охоты), *куту* (счастье), *бэюмэжит* (охота). Цель настоящего исследования – установить понятийную, образную и ценностную составляющие концепта «нулги/кочевье» в языковой картине мира эвенков. В современном тунгусоведении начинают разрабатываться исследования концептосфер эвенского и эвенкийского языков. Так, имеются работы, посвящённые изучению концепта «кочевье»: Р. П. Кузьмина «Концепт "кочевье" в романе В. А. Кривошапкина "Бини – ач мудна хэвнэк"» (2021), Н. Ю. Ушницкая «Концепт "нулги" как отражение кочевого образа жизни в языковой картине мира эвенков» [2020]. Исследования ментальных образований в языковом сознании эвенков являются актуальными, т. к. изучение концептов исчезающих языков народов Севера – это реконструкция концептосферы исчезающих языков. Сохранение концептосферы эвенков является одной из важнейших задач современных лингвистов-эвенковедов.

Образная сторона концепта – это зрительные, слуховые, тактильные, вкусовые, воспринимаемые обонянием характеристики предметов, явлений, событий, отражённых в памяти, это релевантные

признаки практического знания. Понятийная сторона концепта – это языковая фиксация концепта, его обозначение, описание, признаковая структура, дефиниция. Ценностная сторона является определяющей для того, чтобы концепт можно было выделить. Совокупность концептов, рассматриваемых в системе ценностей, образует ценностную картину мира [Карасик 2004: 129]. Для исследования понятийной составляющей концепта нами использовались эвенкийско-русские словари Г. М. Василевич, А. Н. Мыреевой. Образная и ценностная стороны рассматривались на материале полевых записей аутентичных текстов, записанных от информантов, хорошо знающих эвенкийский и русский языки в Каларском районе Забайкальского края: Ю. Ю. Мальчакитов (1960 г. р., с. Кюсть-Кемда), М. Г. Мальчакитова (1958 г. р., с. Кюсть-Кемда), И. Ю. Мальчакитова (1964 г. р., с. Чапо-Олого). От информантов было записано более 14 текстов, которые были расшифрованы, переведены на русский язык; далее был проведён лингвокультурологический анализ этих текстов. Также были рассмотрены этнографические материалы Ю. Г. Рычкова, В. А. Туголукова.

Основные традиционные типы хозяйствования эвенков – охота, оленеводство – в условиях полной зависимости от природы способствовали формированию особого ментального пространства кочевника горно-таёжной зоны. Советский этнограф В. А. Туголуков отмечает: «Кочевание вошло в плоть и кровь поколений и являлось одной из наиболее примечательных сторон традиционного быта тунгусов. Оно было необходимостью и стало потребностью...» [2016: 52]. В описаниях Ю. Г. Рычкова отмечается: «Всё в быте тунгусов отвечало их жизненному укладу таёжных номадов. Жилище – крытое берестой, а зимой – шкурами, чум наподобие индейского типа. Такое жилище быстро устраивается, при перекочёвках же перевозятся лишь шкуры. ...Езда на оленях – только верхом, а чаще – это ведение навьюченного оленя в поводу...» [2009: 171]. Занятие оленеводством было одним из основных видов деятельности эвенков. И на сегодняшний день некоторые группы эвенков сохраняют оленеводство, что даёт им возможность сохранить язык и культуру и передать молодому поколению. С давних пор олень служит эвенку пищей, транспортом, одеждой,

домом. Но это не единственная роль этого животного в жизни таёжногономада и охотника, олень является частью его языка и культуры.

Концепт «нулги» отражает кочевой образ жизни эвенков и включает в себя оленеводство как неотъемлемую часть кочевничьего образа жизни. Лексема *нулги* является базовым репрезентантом исследуемого ментального образования. Обратимся к лексикографическим материалам для определения понятийной составляющей концепта. В эвенкийско-русском словаре А. Н. Мыреевой находим: «*Нулги* 1. Однодневная кочёвка; 2. Расстояние около 10 км. *Нулги хоктон* дорога для кочёвки. *Нулги* хозяйка, жена. *Нулги-ми* откочевать, перекочевать на другое место. *Нулгивун-дбннэ* кочевье. *Нулгидёк* оставленная стоянка, прежнее место стоянки. *Нулгидери* 1. Кочевник. 2. Кочующий. *Нулгиктэкйт* местность, где кочуют; кочевье. *Нулгимэ* кочевой образ жизни. *Нонон эвэнкйнис нулгимэ бивки, ани нонон нулгиукин, бэеун дарймавкй*. – Раньше эвенки вели кочевой образ жизни, женщина кочует, муж охотится. *Нулгимэ-ми* вести кочевой образ жизни. *Нулгичй* женатый. *Нулгиктэми* постоянно кочевать» [Мыреева 2004: 400–401]. Так в набор понятийных признаков рассматриваемого концепта входит: 1) сам процесс действия, обозначающий кочевание (переходить, переезжать со своей семьёй, оленьим поголовьем с места на место для поиска лучшего пастбища для оленей и охоты); 2) человек или семья, ведущие кочевой образ жизни; 3) прежнее место стоянки; 4) местность, по которой кочуют; 5) тропа, по которой кочуют; образ жизни. Кочующий человек может обозначаться в эвенкийском языке причастием дпящегося действия, образующегося с помощью суффикса *-ри* от основы, имеющей значение действия: *нулгидерй* – кочующий. Название прежнего места стоянки образуется при помощи корневой основы глагола *нулги-* с суффиксом *-дёк* со значением места, где было произведено действие. Местность, где кочуют, обозначается при помощи корневой основы глагола *нулги-* и суффикса *-кит* со значением места, где постоянно производится процесс действия. Само название процесса действия кочевания может называться глаголом *нулгиктэми*, где суффикс *-ктэ* имеет значение многократного действия.

Материал сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков подтверждает, что лексема-репрезентант рассматриваемого концепта встречается во всех тунгусо-маньчжурских языках. «Эвенк. *нулгй* кочёвка, перекочёвка; женщина, хозяйка (ведущая караван); проводница; жена кочевника; *нулгй-* кочевать, перекочёвывать, переехать; *нулгйзёк* кочевье (место, где проехали караваном); *нулгйзёри* кочующий, кочевник; *нулгйктэкйт/ч* местность, где кочуют, кочевье; *нулгймэ* кочевой образ жизни; *нулгймэ-* вести кочевой образ жизни; *Сол. нлгй-*

кочевать; *Эвен. нлд-/з-* кочевать, переселяться, переезжать, переезжать; *нлзйзёк* кочёвка; *нлгкйч* кочевье, место кочёвки; тропа, по которой кочуют; *Нег. нулгй* кочёвка; жена; семья; *нулгй-* кочевать, переезжать; *Ороч. нугги* семья; *нуггуву-* переселять; *Ульч. н'улзй* семья; *н'улзй-/и-* кочевать, откочевать, переселиться; *н'улзудзй* переселенец; *Орок. нулди* кочевье, стоянка кочевников; местность, по которой кочуют; семья (кочующая); *нулди-* кочевать, переезжать, переселяться; вести кочевой образ жизни; *нлзйкчэ* кочевой; кочевник; *Нан. нуктэ* семья, семейство; *нуктэ-* выехать (временно на лето для рыбного промысла); переселиться, кочевать, переезжать; *нуктэмзй* кочевник; переселенец; *Ма. нэо-* переходить с места на место, перекочёвывать, переселяться; оставлять, покидать (родину); *нуктэ* переход с места на место; кочевание; *нуктэрэ ба* место кочёвки, кочевья» [ССТМЯ 1975, 1: 609–610]. Так, у всех тунгусо-маньчжурских языков слово, выражающее кочевье, имеет достаточное количество производных, что свидетельствует об исконности кочевого образа жизни у этих народов.

Издавна эвенки кочуют по сезонам: от летней стоянки до осенней, от осенней до зимней, от зимней до летней. И так проходит годовой цикл. Перекочёвка зависит от корма оленей (ягеля) и от охоты. Каждая стоянка и дорога имеют своё название, согласно сезону, в который там кочуют или проживают. В словаре А. Н. Мыреевой: «*Боло* 1. Осень; 2. Осенью. *Болодёк* место, где однажды провели осень. *Орорвун гёванунан болодёктулавар суручёл*. – Олени наши ушли туда, где провели осень в прошлом году. *Болодёкйт* место, где постоянно проводят осень; осенняя стоянка. *Дюга* 1) летом; 2) лето. *Дюгадйк* 1) место, где провели лето. *Дюгакйт* 1) место, где проводят лето; 2) летнее пастбище. *Дюгармакйт* – тропа (летняя). *Нэлки* 1. Весна; 2. Весной (в марте). *Нэлкидёк* место весенней стоянки. *Нэлкикит* место, где постоянно проводят весну. *Неуне* 1. Весна; 2. Весной (в мае). *Неунедёкйт* весенняя (маякская) стоянка; место, где постоянно проводят весну. *Тугэ* 1. Зима; 2. Зимой. *Тугэдёк* место, где была проведена одна зима, зимняя стоянка. *Тугэкйт* место зимовки. *Тугэрмэкйк* тропа (зимняя)» [Мыреева 2004: 93–94; 206: 409–410; 419–420; 616–617].

Для выявления образной составляющей исследуемого концепта нами рассматривались сочетательные характеристики имени этого ментального образования. Проанализировав аутентичные тексты, записанные от носителей языка, мы замечаем, что сочетаемость лексических единиц, обозначающих кочевье, характеризует не только образные, но и понятийные, и ценностные признаки рассматриваемого концепта.

Эвенки кочуют в поисках благоприятного пастбища для оленей и места охоты. Время года в период

перекочёвки играет для них важную роль. Ранней весной (*неүне*) оленеводы кочуют на весенние пастбища для благоприятного отёла у оленей (*сõнкāн*): *Эвэнкй эпкй умукән дүннэдү бирэ эрэгэй инэтчэрэ. Эткән неүне бран. Эткән эвэнкйл неүнекйтылдулā вар нулгидерэ, йдү иманна һймāт үнипкй. Авландү тар неүнекйтыл бипкйл. Тадү курё бипкй. Эткән неүнекйтылдулā орорво нулгивупкйл. Тадук неүнеүнэрэв тадү, орорвун балдыпкйл.* – Эвен на одном месте долго не живёт. Сейчас эвенки на весенние стойбища кочуют, где снег быстрее тает. На широких местах бывают весенние стоянки, стойбища. Там бывает изгородь для оленей. Сейчас оленей перемещают на весенние пастбища. Там и весну проводят, важеньки рожают оленят [Мира Григорьевна Мальчакитова].

Летом (*дюга*) кочевники перемещаются к верховьям рек, в гольцы: *Дюгаркйтлā нулгивуннэрэ, намадяна орорди. Дебгэвэ элэкэс һуруунэрэв, тадук дюгаңнарав тадү. Биракүр эделитын мударā яңдулā туктывупкйл орорво. Орор яңдү аямамат биденкйл. Тадү мје ā чин кэтэ, тэңкэлдү, нелā мукүр бпкйл мучулаһа. Тадү дюгаксāкил орорвун нёскэки, эёкэки үнэнһинипкйл.* – На летнее пастбище кочуют, навьючив оленей. Сначала туда перевозим продукты, там остаёмся на лето. С оленями нужно откочевать в горы (оленей поднять в горы), пока реки не прибыли. Олени в горах хорошо себя чувствуют. Там вода небольшая, в июне в низовьях вода большая, реки прибывают. Проведя лето там, олени спускаются вниз по реке [Мира Григорьевна Мальчакитова]. Информант обозначает и причины перекочёвки: олени в это время года в гольцах чувствуют себя хорошо и большие реки вынуждают оленеводов откочевать в гольцы.

Осень – время брачных игр у оленей (*сирүлаһа*, от *сирү* – олень, бык-производитель). Олени начинают двигаться к низовьям рек, и это вынуждает оленеводов кочевать на осенние пастбища: *Сурүлаһа орокүр һõкаһинипкйл. Мут нёскэки нулгивуннэрэв. Курёниунэрэв коксоривур бирава эдэтын эёкэки мэнэк һуруу. Дэвинүэктэжүнмэ аһактанипкйл, сокорикта орорво можно, тар боло олоһин курёвэ тар тыкэ коксоривур курёниунэрэв таду боломён. Дюгаркйттук эёкэки нулгивуннэрэв тадү боликйтивун мундү биһин, тадү болоһноров.* – В сентябре у оленей начинаются брачные игры. Мы кочуем вниз по склону. Перегораживаем реку, чтобы олени не ушли совсем вниз, в долину. В поисках грибов олени далеко уходят, и так можно их потерять, поэтому строим такую изгородь, так и проводим осень. С летнего стойбища кочуем вниз по реке, там у нас есть осенняя стоянка, там и живём осенью [Юрий Юрьевич Мальчакитов].

Зимой оленеводы кочуют на зимние стойбища. Зимой они проводят на нижней части склона: *Имнакүттакин, бирал доһотолло-да, тар сёргалди нул-*

гиңнэрэв тугэркйтла. Тугэунэрэв нелā. Тыкэ эвэнкй эрэгэр нулгидепкй, эвэнкй итын тыкэ. Нууан орово бододёпкй, йлэ орон үнэнһинэн тала эвэнкй. Олоһин нулгидеунэрэв эрэгэр. Умукән дүннэдү эпкйл бирэ эвэнкйл, эрэгэр нулгидиунэрэв, тыкэ биһилвун. – Снег выпадет, реки замёрзнут, мы кочуем на нартах на зимние стойбища. Зимой проводим на нижней части склона. Так эвенк всегда кочует, у него привычка такая, особенность. Он за оленем следует, куда олень, туда и эвенк. Поэтому всегда и кочуем. На одном месте эвенк не живёт долго, всегда кочует. Такие мы [Мира Григорьевна Мальчакитова].

Во время кочевания олени привыкают и становятся спокойными, смирными. Стадо само следует за караваном: *Эвэнкйл эрэгэр нулгидерйл. Нулгидерэктын орортын татыпкйл, дулумнул бпкйл. Орор мёртын үнэндепкйл, кэтэжүн сэгин бракин, кэтэлипкйл.* – Эвенки постоянно кочующие. Во время перекочёвки олени привыкают, становятся смирными. Отпущенные олени сами идут за караваном [Инна Юрьевна Мальчакитова].

Важеньки рожают на одном месте и при смене весенней стоянки могут вернуться на прежнее место, где уже рожали оленят: *Нямā һал эрэгэр умун дүннэдү балдывупкйл, неүнекйтылдулā аунанитыкин мучүдянал.* – Важеньки постоянно рожают на одном месте, возвращаясь на весеннюю стоянку [Инна Юрьевна Мальчакитова].

Всеми информаторами стоянки обозначаются по времени года: *Тар тугэркйт буга бипкй, неүнекй, дюгаркйт бипкй. Сõкандатын нāн буга бипкй болонйдү.* – Вот бывает весенняя стоянка, летняя стоянка, зимняя стоянка. Для брачных игр у оленей также бывает осеннее стойбище [Инна Юрьевна Мальчакитова].

Из анализа аутентичных текстов, записанных от оленеводов, носителей языка, кочевание эвенков полностью зависело от передвижения оленьего поголовья. Иначе говоря, эвенк следует за оленем. Олень – не только важная часть жизненного цикла эвенка, но и часть языка и культуры. Поэтому многообразна оленеводческая лексика в эвенкийском языке, которая входит в состав исследуемого концепта. Так, есть половозрастные названия оленя: *сонҗачан* – новорождённый телёнок оленя, *эңнэжэн* – телёнок оленя до года, *чачари* – самка оленя двух лет, *чоноку* – олень-бык двух лет, *иктэнэ* – олень-бык трёх лет, *нёгаркан* – олень-бык четырёх лет, *амаркан* – олень-бык от 5-ти лет и старше. Олени имеют также сезонные названия: *иркин* – название оленя-быка в период ранней осени, *сирү* – бык-производитель во время гона. Кроме этого, в языковой картине мира отражены названия месяцев, образованные от наименований оленей: *иркин* – период обдирания кожицы с рогов оленя (август – сентябрь), *сирүдьян* – период спаривания оленей, *сонкан* – период отёла оленей. Названия оленей по масти: *коңнорин* – чёрный цвет

и масть оленя, *мэримэ* – пятнистый, *бороң* – серый, сиңарин – коричневый, *бугды* – с белой мордой и ногами, пегий, *багдарин* – белый. Оленей различали и по характеру поведения: *бораки* – рвущийся в сторону или вперёд, *нёкто* – олень, у которого выюк скатывается к шее, *бурики* – олень, у которого выюк падает назад, *кулчэң* – одичалый олень, не поддающийся поимке. Наименования оленей по предметам, которые на них перевозят: *хулларук* – олень, на которого выючат одеяло, *бурдукарук* – олень, на которого выючат муку, *печурук* – олень, на которого выючат печку [Ушницкая 2020: 234].

Рассмотрим некоторые глаголы, которые служат показателем оленеводства как частиномадного образа жизни эвенков. Выражения «сесть верхом» и «ехать верхом», по описанию А.Н. Мыреевой, представлены общетунгусским глаголом *уг-* с множественными фонетическими вариантами по отдельным языкам и говорам эвенкийского языка. Производными от глагола *уг-* являются именныеслова: *угучама*; *учаглән* – верховой (о езде); *угучак* – верховой олень; *угучалән* – мастер ездить верхом [Мыреева 2005: 9–10]. Суффикс *-лән* в эвенкийском языке имеет значение ‘мастер, знаток своего дела’. Глагол *элгэми* – вести на поводу. Производные от глагола *элгэми*: *элгэвун*; *элгэну* – один из оленей в караване; *элгэвур* – караван оленей; *элгэмнй*; *элгэму* – водитель каравана, проводник [Мыреева 2005: 12]. Суффикс *-мни* в эвенкийском языке обозначает род деятельности того или иного человека или профессию. *Минуй гиркив дян орорво элгэдерэн. Дулумнул орорво элгэдигат һимәт*. – Мой друг десять голов оленей ведёт. Смирных оленей быстрее поведём [Мира Григорьевна Мальчакитова]. *Гилбэ-* – связывать поводком между собой оленей, идущих в караване [Мыреева 2005: 12]. Производные от данного глагола: *гилбэвун* – пряжка или петля у лука седла для привязывания следующего оленя в караване; *гилбэвүлгэ-* – отвязывать друг от друга оленей в караване [Мыреева 2005: 12]. *Нунә тыв гилбәнэн миндү дагаптуквав. Тар багдама оронмо гилбэкэл миндү*. – Моя дочь привязала к моему верховому оленю. Вон того белого оленя привяжи к моему каравану [Мира Григорьевна Мальчакитова]. *Гәһит-* – качаться, перетягивать в одну сторону (о выюке, когда выючная поклажа разного веса). Производное *гәһитән* – предмет-равновес, довесок к выюку [Мыреева 2005: 19]. *Минуй элгэну гәһитчаран*. – У одного оленя из моего каравана одна сторона выюка перетягивает [Мира Григорьевна Мальчакитова]. *Уһивми* – зауздать; привязать. *Нуңан оронмо уһиврэн*. – Он зауздал оленя. *Уркэжэн эннэкэнмэ уһиврэн, эдэн энинми укурэ*. – Мальчик привязал телёнка, чтобы он не сосал оленуху. *Уһи* – узда; недоуздок оленя, собаки; верёвка, бечева, тесёмка. *Дяпкунман улгэр*

уһичи. – Имеет узду, сплетённую из восьми полосок (кожи) [Мыреева 2004: 702]. *Сбнуалва уһивкал упкатав. Эр долбонидү орорва уһыдигат*. – Телят зауздай. Сегодня на ночь оленей привяжем [Мира Григорьевна Мальчакитова]. *Намами* – выючить: *Аминин улумбчб, энинин намадячй*. – Отец его отправился белковать, мать его выючила оленей. *Нама* – выюк: *Намалва даснат аят дакаллу*. – Выюки хорошо прикройте крышкой. *Намавун* – небольшой выюк седока [Мыреева 2004: 392–393]: *Аят намакал элгэнуэвэв, эдэн гәһитта*. – Хорошо завьюч оленя, чтобы не качался выюк [Мира Григорьевна Мальчакитова].

В Каларском районе Забайкальского края эвенки сохранили оленеводство и кочевой образ жизни, что позволило им в большей мере сохранить язык и культуру: *Нулгикит бипкй сергадакиттулй түгэ, дюга дюгаркиттулй бипкй. Эвэнкйл тыкэ гуникйл «Нулгигат дюгаркиттулй. Тугэркиттулй нулгигат. Тэгэлтэнэ нулгиһиндигат»*. – Дорога, по которой кочуют, бывает разной: *сергадакит* – зимняя нартовая дорога, *дюгаркит* – дорога, по которой кочуют летом. Эвенки так говорят: «Покочуем по летней дороге» или «Покочуем по зимней дороге» [Юрий Юрьевич Мальчакитов]. Информатор поясняет «*Нулгикит* – большая дорога, по которой кочуют на оленях; *нулгида* – перекочевать; *нулгидерэв* – кочуем; *нулгимну* – человек, который перевозит груз. Занимается именно перевозом груза; *нулгидеһинэ* – покочевали; *нулгиктэда* – кочевать рядом с малым количеством оленей, например, на охоту; *нулгидэви нэкэдем* – собираюсь перекочевать» [Юрий Юрьевич Мальчакитов].

Таким образом, концепт «нулги/кочевье» в языковой картине мира эвенков является отражением кочевого образа жизни. Основным составляющим элементом данного концепта является оленеводство как один из основных видов традиционного хозяйствования, наряду с охотой. В состав понятийных признаков концепта входит: 1) кочевание как образ жизни; 2) кочующая семья; 3) время года в период кочевания; 4) место перекочёвки; 5) местность, по которой кочуют; 6) тропа, по которой кочуют; 7) олень как причина и неотъемлемая часть кочевания. Сочетаемость лексических единиц, обозначающих кочевье, характеризует не только образные, но и понятийные и ценностные признаки рассматриваемого концепта. Время года, дорога, периоды рождения телят и брачных игр у оленей создают образно-перцептивное выражение рассматриваемого концепта. Лексема-репрезентант концепта «нулги/кочевье» встречается во всех тунгусо-маньчжурских языках и имеет достаточное количество производных, что свидетельствует об исконности кочевого образа жизни у этих народов.

Литература

- Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелёв А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 544 с.
- Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
- Кузьмина Р. П. Концепт «кочевье» в романе А. В. Кривошапкина «Бини – ач мудна хөвнэк» // Тенденции развития науки и образования. – 2021. – № 74–4. – С. 33–36.
- Мыреева А. Н. Эвенкийско-русский словарь = Эвэды-лучады турэрук. – Новосибирск: Наука, 2004. – 798 с.
- Мыреева А. Н. Лексика эвенкийского языка: традиционное хозяйство / А. Н. Мыреева. – Новосибирск: Наука, 2005. – 111 с.
- Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 314 с.
- Рычков Ю. Г. Кочевники сибирской тайги // Из глубины веков... Путешественники, исследователи об эвенках. – Улан-Удэ: Бэлиг, 2009. – С. 168–174.
- Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: материалы к этимологическому словарю. В 2-х т. / отв. ред. В. И. Цинциус. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1975, 1977.
- Ушницкая Н. Ю. Концепт «нулги» как отражение кочевого образа жизни в языковой картине мира эвенков // Обучение иностранному языку студентов высших и средних образовательных учреждений на современном этапе. Проблемы сохранения языка и культуры эвенков России и ороочонов Китая. Материалы VIII национальной научно-методической видеоконференции (с международным участием) и материалы круглого стола. – Благовещенск: Изд-во Амурского АмГУ, 2020. – С. 231–237.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ И СЕМАНТИЧЕСКИХ СТРУКТУР ЯЗЫКОВ НАРОДОВ СИБИРИ И ДРУГИХ РЕГИОНОВ

*Ф. Э. Абдуллаева
(Кемерово, Россия)*

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА РУССКИХ, КИТАЙЦЕВ И ТЕЛЕУТОВ НА ПРИМЕРЕ ФРЕЙМА «СВАДЬБА»

В статье представлен анализ фрейма «свадьба», относящегося к динамичным образованиям. В работе осуществлен анализ языковых средств, выявлены ключевые слоты и ассоциативные связи, активизирующие слоты данного фрейма. Фрейм «свадьба» – иерархически организованная структура, содержащая ядерный и периферийный компоненты. На основе фрейма «свадьба» описан фрагмент языковой картины русских, китайцев и телеутов.

Ключевые слова: фрейм, слот, пропозиция, ПС, языковая картина мира, китайский язык, телеутский язык, свадьба.

Этнокультурная составляющая свадьбы обусловлена, безусловно, традициями того или иного народа. При подходе с позиций лингвистики, в свою очередь, выявляется множество аспектов изучения (и в том числе – когнитивный).

В современной лингвистике изучение когнитивной составляющей семантики языковых единиц представляется одним из актуальных и перспективных направлений. Использование пропозиционно-фреймового анализа при моделировании структуры и содержания исследуемого фрейма активизируют фоновые знания о стереотипных ситуациях как в сознании многочисленных народов (русских и китайцев), так и в сознании телеутов – коренного малочисленного народа Сибири. В работе поставлена цель: с применением пропозиционно-фреймового анализа выявить общее и частное во фрейме «свадьба» как одного из значимых фрагментов языковой действительности русского, китайского и телеутского народов. В этой связи первоочередным представляется определение языковых факторов, способствующих сохранению феномена свадьбы в долговременной памяти телеутов.

Для реализации поставленной цели решаются следующие задачи: 1) выявить языковые средства, характеризующие свадьбу как ритуал в трех лингвокультурах; 2) определить ключевые слоты, формирующие структуру данного фрейма; 3) выявить ассоциативные связи, активизирующие слоты фрейма «свадьба»; 4) установить универсальные и этномаркированные компоненты в структуре исследуемого фрейма.

Материальную базу исследования составили: Большой толковый словарь русского языка [Кузнецов 2000], Современный толковый словарь китайского языка [新华字典 2004], Телеутско-русский [Рюмина-Сыркашева 1995] и Русско-телеутский

[Рюмина-Сыркашева 2002], Лингвострановедческий телеутско-русский словарь [ЛСТРС], а также материалы полевых экспедиций в места компактного проживания телеутов (село Беково Беловского района Кемеровской области).

Анализ лексического материала показал, что фрейм «свадьба» коррелирует с другими фреймами: «одежда», «украшение», «пища», «жилище», «подарки», «родственные связи», «время» и другие. Данный фрейм реализуется в 3 плоскостях: официальный, юридический (процедура регистрации), религиозный (ритуалы) и фольклорный уровни. Свадьба по темпоральным параметрам делится на досвадебный, свадебный и послесвадебный периоды. В русском языке традиции свадебного обряда представлены слотами: «цель действия», «время действия», «предсобытие» (предложение руки и сердца, подготовительные мероприятия), слот 1 «свадебные этапы» (например, поездка жениха за невестой в ее дом, выкуп невесты), слот 2 «официальная церемония» (напр, прибытие гостей в ЗАГС, регистрация брака), слот 3 «свадебное застолье» (встреча хлебом-солью, благодарственная речь и пр.), «место действия», «участники», «атрибуты», «результат действия». В китайском и телеутском языках структура фрейма более разветвленная, ее составляют слоты: «форма свадьбы», «этапы свадьбы» (подразделяется на начальный, основной и заключительный), «оценка свадьбы», «время действия», «пища», «подарки», «участники», «украшения», «свадебная символика», «ритуалы». Отличительным для китайской лингвокультуры является слот «демонстрация богатства», для русской – «свидетельство любви». Для более глубинного изучения структуры и содержания фрейма «свадьба» в настоящее время проводится ряд психолингвистических экспериментов с представителями данных языковых групп.

Литература

Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.

Лингвострановедческий телеутско-русский словарь. – URL: <http://ls-teleut.kemsu.ru/?category=%D0%A1%D0%B2%D0%B0%D0%B4%D1%8C%D0%B1%D0%B0>

Рюмина-Сыркашева Л. Т. Телеутско-русский словарь / под ред. Л. Т. Рюминой-Сыркашевой. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1995. – 118 с.

Рюмина-Сыркашева Л. Т., Рюмин Н. М. Русско-телеутский словарь / под ред. Л. Т. Рюминой-Сыркашевой, Н. М. Рюмина. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2002. – 192 с.
新华字典 (大字本) / – 10 版. – 北京: 商务印书馆, 2004. – 908 页.

Л. Б. Абдуллина
(Стерлитамак, Россия)

БАШКИРСКАЯ ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА В РАБОТАХ УЧЁНЫХ-ЯЗЫКОВЕДОВ

В статье рассмотрены вопросы национально-культурной специфики языковой картины мира. Представлены некоторые аспекты изучения башкирской языковой картины мира в работах лингвистов за последние два десятилетия. Исследователями активно ведётся работа по рассмотрению отдельных концептов, их специфических значений на материале фразеологизмов, пословиц, поговорок, художественных и фольклорных текстов.

Ключевые слова: языковая картина мира, башкирский язык, лингвокультурология, концепт, культура.

В последние два десятилетия отмечается повышенное внимание учёных-языковедов к исследованию культурной специфики языкового сознания представителей различных этносов. Каждому языку присуща своя картина мира, в соответствии с ней языковая личность организует содержание высказывания, в котором отражаются знания человечества о мире и специфика его восприятия. В слове фиксируется результат познания, обработки знаний об окружающей среде и человеке, который принято называть «языковой картиной мира».

Основы данного понятия заложены в учении о внутренней форме языка В. Гумбольдта, под которой понимается смысловое (семантическое) своеобразие, «мировидение, заключенное в языке». В. Гумбольдт объясняет связь языка и культуры, определяя, что национальный характер культуры находит отражение в языке посредством особого видения мира, обеспечивая онтологическое единство. Каждой культуре присущ свой круг опорных слов, выступающих общеупотребительными, полный объём которых окончательно не установлен [Гумбольдт 1985: 55].

Язык определяют в качестве одного из ведущих признаков этноса. «Через анализ конкретных фактов языка открывается доступ к глобальному инвариантному образу мира, его модели, в котором высвечиваются универсальные, узловые понятия единого общечеловеческого межкультурного пространства» [Маслова, 2001: 15].

Рассмотрение языковых единиц с точки зрения взаимосвязи языка и культуры находят отражение в работах Ю. Д. Апресяна [1995], В. Н. Телии [1996], Н. Д. Арутюновой [1999], Д. О. Добровольского [1997], В. В. Воробьева [2008], Е. М. Верещагина

[1983], М. В. Никитина [1993], В. А. Масловой [2001], А. Вежбицкой [2001] и др.

По замечанию В. В. Воробьева, язык тесно связан с культурой, занимает важное место в культуре наций, «прорастает в неё, выражает её, является обязательной предпосылкой развития культуры в целом» [Воробьев 1996: 17]. С помощью языка создаются реальные, объективно существующие произведения материальной и духовной культуры. На основе этой идеи, как полагают исследователи, на рубеже тысячелетий и возникла новая наука – лингвокультурология, которая сформировала свой понятийно-терминологический аппарат, сочетающий в себе её лингвистические и культурологические истоки.

Основными направлениями в изучении языковой картины мира являются:

Рассмотрение типичных примеров языкового и общекультурного сознания, отдельных концептов, стереотипов, характерных для определённого этноса (например, такие типично русские концепты, как душа, тоска, судьба, воля и др.), а также специфических значений неспецифических концептов (например, символика цветообозначений в разных культурах).

Изучение донаучных взглядов на мир, т. е. исследование «диалекта в целом».

Ю. Д. Апресян указывает, что при анализе национальной специфики все же «акцент ставится именно на цельности языковой картины мира» [Апресян 1995: 38].

В последние годы в лингвистике большое внимание уделяется вопросу национально-культурной специфики картины мира. Рассмотрим особенности изучения языковой картины мира в работах языковедов за последние два десятилетия на примере

башкирского языка, относящегося к тюркскому языку кыпчакской группы, поволжско-кыпчакской подгруппы.

Вопросы исследования взаимоотношения языка, культуры, этноса, изучению культуры башкирского народа через язык посвятили свои труды языковеды М.В. Зайнуллина [2006], З.И. Саяхова [2010], Г.Г. Кульсарина [2018], Л.Х. Самситова [2015], З.М. Дударева [2005], З.М. Раемгужина [2009], А.Г. Сагитова [2012], Ф.Б. Санъяров [2012], Р.Х. Хайрулина [2001], Л.Г. Саяхова [2002], Р.Р. Янмурзина [2009] и др.

В трудах доктора филологических наук Л.Х. Самситовой проведён комплексный анализ культурных концептов башкирской языковой картины мира на основе материалов башкирской прозы, поэзии и фольклора с опорой на лингвокультурологический подход. «Лексика с национально-культурным компонентом значения (безэквивалентная, коннотативная, фоновая), смысловые ассоциации, афоризмы, антропонимы, топонимы, диалектизмы, художественный текст, культурные концепты создают национально-культурную картину мира, в которой отражаются история, культура, образ жизни, быт и нравы, обычаи, менталитет и поведение людей» [Самситова 2015: 4]. Например, ключевые для башкирской языковой картины мира концепты заключены в таких словах, как *тыйнаклык* 'строгость', *тогролок* 'верность', *тыуган ил* 'родная земля', *кунаксыллык* 'гостеприимство', *сабырлык* 'терпение'. Учёным проведён анализ концептов на материале фразеологизмов, пословиц, поговорок, художественных и фольклорных текстов. Культурные концепты, передающие внутренний мир и внутреннее состояние индивида, служат основой миропорядка, посредником между внутренним миром человека и его отношениями с миром внешним [Самситова 2015: 4].

Картина мира любого языка включает некоторые универсальные понятия: «деятельность», «время», «пространство», «жизнь», «смерть» и др. Данные концепты рассматриваются в динамике на основе антропоцентрической парадигмы в исследованиях многих учёных. Например, работа «Сфера "деятельность" в русской и башкирской языковых картинах мира» Л.Н. Аюповой посвящена изучению концепта «деятельность» в аспекте сопоставления русского и башкирского языковых картин мира. Возникновение инновационных явлений и реалий в жизни общества приводит к пополнению названной сферы большим количеством новых слов и составных наименований. Рассмотрение сферы «деятельность» способствует пониманию национального менталитета как специфического отношения к миру носителей отдельного языка [Аюпова 2009: 5]. Л.Н. Аюпова рассматривает макроконцепт «деятельность» в свете теории когнитивной лингвистики и определяет роль в системе

мировоззренческих понятий носителей русского и башкирского языков.

В трудах А.Г. Сагитовой отображены вопросы функционирования концепта *язмыш* «судьба» в башкирской языковой картине мира. Приводится репрезентация лингвокультурного концепта *язмыш* «судьба» на материале лексической, фразеологической и паремиологической систем [Сагитова 2012: 5].

А.Р. Габбасова в своей работе на тему «Репрезентация концепта "свадьба" в русской и башкирской языковой картине мира» рассматривает концепт «свадьба», проводя сопоставительный лингвокультурологический анализ в башкирском и русском языках. Автор отмечает, что «в башкирской культуре, в отличие от русской, концепт "свадьба / туй" рассматривается, во-первых, как рождение, во-вторых, как вступление в брак, в-третьих, как смерть и играет важную роль в жизни башкирского народа. В русской и башкирской лингвокультурах данный концепт является совокупностью разнообразных по содержанию и происхождению действий, этнически окрашенным комплексом обычаев и обрядов, имеющих определённую символику, которые отражают социально-культурные и этнические нормы народа в сфере семейно-брачных отношений» [Габбасова 2013: 7].

З.М. Дударевой исследуется концептуальная сфера «время» в русской и башкирской языковых картинах мира. Автор отмечает, что использование метода сопоставления языков и соответственно способов мышления позволяют увидеть как различия, так и явные сходства, которые обнаруживаются в семантических и лексических универсалиях, указывающие на общий понятийный базис, на котором основываются человеческий язык, мышление и культура. Сопоставительное межкультурное изучение темпоральности позволяет лучше понять специфику русской и башкирской ментальности [Дударева 2005: 8].

Р.М. Бикмухаметова отмечает, что концепты «жизнь» и «смерть» «объективируются, наряду с другими языковыми единицами, во фразеологических единицах (ФЕ), отражающих обиходно-эмпирический, исторический и духовный опыт того или иного народа, связанный с культурными традициями. Изучение данных концептов имеет большое значение для определения духовно-ценностных ориентиров современного общества и ценностно-смыслового пространства разных языков на современном этапе развития человечества» [Бикмухаметова 2015: 15].

Башкирская языковая картина мира также рассматривается учёными на литературном и фольклорном материалах. Например, Р.Р. Янмурзина в трилогии Зайнаб Бишевой «К свету» определяет базовые концепты внутреннего, материального и духовного мира. [Янмурзина 2009: 5]. З.А. Рахматуллиной изучены особенности выражения башкирской

языковой картины мира в романе Хади Давлетшиной «Иргиз» в период сложившейся лингвокультурной ситуации в начале XX в. в Башкортостане [Рахматуллина 2009: 10].

В диссертации «Репрезентация концепта «семья (гаилә)» в башкирской языковой картине мира (на материале фольклорных текстов)» доктора филологических наук Г.Г. Кульсаринной проведён комплексный анализ этноязыковой картины мира в текстах башкирского фольклора, отражающих совокупность знаний о мире, особенности мировосприятия и миропонимания народа. В работе уделяется внимание когнитивно-концептуальному анализу семантического пространства и смысловой структуры текстов народного творчества, описанию мифопоэтической картины мира, представленной в них.

В статье Г.Р. Абдуллиной, З.И. Гумерова рассматривается концепт «война» в творчестве Мустая Карима [Абдуллина, Гумеров 2019: 10].

В работе Л.А. Хайрнуровой анализ русской и башкирской языковой картин мира проводится на основе репрезентации образов главных героев фольклорных сказок, традиционных речевых и стилистических формул как выражения языка и культуры [Хайрнурова 2013: 8].

В труде «Башкирский антропонимикон в свете языковой картины мира (аспекты формирования и особенности функционирования)» З.М. Раемгужиной отмечается взаимосвязь имён собственных и имён нарицательных, и в первую очередь – роль национально-культурного компонента при формировании языковой картины мира и культуры башкир. Имена собственные башкирского языка содержат в своей семантике национально-культурный компонент, они отражают национальный менталитет и особенности восприятия окружающего мира [Раемгужина 2009: 15].

З.Г. Абубакирова представляет к анализу соматическую лексику во фразеологии башкирского языка с лингвокультурологическом аспекте, т.е. во взаимосвязи языка и культуры [Абубакирова 2017: 10].

Некоторые аспекты изучения языковой картины мира башкирского языка отражены в статье Г.Р. Абдуллиной, Д.Т. Вакиловой, рассматриваю-

щих функционирование понятия «фразеологизм» в языковой картине мира; фразеологические единицы с компонентом – цветообозначением в башкирском языке [Абдуллина, Вакилова 2020: 103].

В научных статьях Л.Х. Самситовой находят отражение вопросы функционирования универсальных концептов. Например, на материале башкирской прозы автор рассматривает проблему концептуального моделирования семантического поля оппозиций «война-мир» в языковой картине мира [Самситова 2012: 100]. Исследователь отображает в своих работах изучение концепта «женщина» на материале казахских, башкирских и турецких народных пословиц и поговорок [Самситова, Капашева 2016: 52]; концепта «семья» в языковой картине мира в башкирской прозе [Самситова 2015: 130]. Репрезентация концепта «семья (гаилә)» в башкирской языковой картине мира (на материале фольклорных текстов) представлена в статье Г.Г. Кульсаринной [Кульсарина 2014: 53].

В статьях Ф.Б. Санъярова репрезентованы лингвокультурные концепты «любовь» на материале башкирской поэзии [Санъяров 2012: 976], «наивная анатомия» в системе эмоциональной концептосферы башкирского языка [Санъяров 2012: 1521].

Таким образом, отметим, что вопросы изучения башкирской языковой картины мира актуальны, языковедами активно ведётся работа по рассмотрению отдельных концептов, их специфических значений на материале фразеологизмов, пословиц, поговорок, художественных и фольклорных текстов. Изучение и сопоставление различных видений языка через призмы разных картин мира может открыть для лингвистики новые пути для проникновения в природу языка и его познания. Представленная работа не исчерпывает весь спектр проблемы изучения языковой картины мира на примере башкирского языка, но в некоторой степени обобщает уже существующие аспекты рассмотрения вопроса. Говоря о степени изученности башкирской языковой картины мира, следует отметить, что, несмотря на наличие литературы, вопросы исследования концептов башкирского языка остаются перспективными и открытыми для дальнейшего исследования.

Литература

Абдуллина Г.Р., Вакилова Д.Т. Фразеологические единицы с компонентом-цветообозначением в башкирском языке // Языки и литературы в поликультурном пространстве: современное состояние и перспективы развития. Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвящённой 85-летию со дня рождения М.В. Зайнуллина. – Уфа, 2020. – С. 102–105.

Абдуллина Г.Р., Гумеров З.И. Лингвокультурологическая «һуғыш» концепты (М. Кәрим ижады миҫалында) // Феномен Мустая Карима и глобальный XX век: нацио-

нально-духовная культура в мировом контексте. Сборник материалов Международной научно-практической конференции к 100-летию со дня рождения народного поэта Башкортостана Мустая Карима. – Уфа, 2019. – С. 9–12.

Абубакирова З.Г. Соматическая лексика во фразеологии башкирского языка (лингвокультурологический аспект): дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2017. – 186 с.

Апресян Ю.Д. Избранные труды: в 2-х т. Т. 1. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 767 с.

- Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
- Аюпова Л. Н. Сфера «деятельность» в русской и башкирской языковых картинах мира: дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2009. – 177 с.
- Бикмухаметова Р. М. Контрастивное исследование русской и башкирской фразеологии: на материале концептуальной сферы «жизнь» и «смерть»: дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2015. – 163 с.
- Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. – М., 2001. – 288 с.
- Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. – М., 1983. – 269 с.
- Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М.: Русский язык, 1990. – 246 с.
- Воробьев В. В. Лингвокультурология. – М.: Изд-во РУДН, 2008. – 340 с.
- Габбасова А. Р. Репрезентация концепта «свадьба» в русской и башкирской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2013. – 173 с.
- Гумбольдт В. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – 448 с.
- Добровольский Д. О. Национально-культурная специфика во фразеологии (1) // Вопросы языкознания. – 1997. – № 6. – С. 37–48.
- Дударева З. М. Контрастивное исследование концептуальной сферы «Время» в русской и башкирской языковых картинах мира: дис. ... д-ра филол. наук. – Екатеринбург, 2005. – 365 с.
- Зайнуллин М. В. Языковая личность и национальный характер / М. В. Зайнуллин // Языковые и речевые единицы в разных языках. – Уфа: БГУ, 2006. – С. 54–61.
- Кульсарина Г. Г. Репрезентация концепта «семья (гаилэ)» в башкирской языковой картине мира (на материале фольклорных текстов) // Вестник ЧелГУ. – 2014. – № 16(345). – С. 52–58.
- Кульсарина Г. Г. Этноязыковая картина мира в текстах башкирского фольклора: дис. ... д-ра филол. наук. – Казань, 2018. – 474 с.
- Маслова В. А. Лингвокультурология: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
- Никитина С. Е. Устная народная культура и языковое сознание. – М.: Наука, 1993. – 190 с.
- Раемгужина З. М. Башкирский антропонимикон в свете языковой картины мира (аспекты формирования и особенности функционирования): дис. ... д-ра филол. наук. – Уфа, 2009. – 300 с.
- Рахмангулова З. А. Башкирская языковая картина мира в произведениях Хадиы Давлетшиной: дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2009. – 173 с.
- Сагитова А. Г. Концепт «язмыш» («судьба») в башкирской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2012. – 167 с.
- Саляхова З. И. Средства выражения вежливости в современном башкирском языке: монография. – Уфа: РИО БашГУ, 2010. – 140 с.
- Самситова Л. Х. Оппозиция «Война-мир» в языковой картине мира (на материале башкирской прозы) // Человек. Культура. Образование. – 2012. – № 4(6). – С. 99–104.
- Самситова Л. Х. Культурные концепты в башкирской языковой картине мира: дис. ... д-ра филол. наук. – Уфа, 2015. – 577 с.
- Самситова Л. Х. Языковая концептуализация картины мира в башкирской прозе (на материале концепта «семья») // X Международная научно-практическая конференция «Воспитание патриотизма и толерантности, языковой культуры, сохранение и развитие родных языков в поликультурном пространстве». – Уфа, 2015. – С. 129–131.
- Самситова Л. Х., Капашева А. А. Концепт «женщина» в языковой картине мира (на материале казахских, башкирских и турецких народных пословиц и поговорок) // World science. – 2016. – № 11(15). – С. 51–54.
- Саньяров Ф. Б. Концепты «наивной анатомии» в системе эмоциональной концептосферы башкирского языка // Вестник Башкирского государственного университета. – 2012. – № 3(1). – С. 1520–1522.
- Саньяров Ф. Б. Репрезентация лингвокультурного концепта «любовь» (на материале башкирской поэзии) // Вестник Башкирского государственного университета. – 2012. – Т. 17. – № 2. – С. 975–980.
- Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
- Хайрнурова Л. А. Традиционные формулы в фольклорном тексте: на материале русских и башкирских волшебных сказок: дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2013. – 209 с.
- Хайрулина Р. Х. Картина мира во фразеологии: от миропонимания к миропониманию. – Уфа: БГТГУ, 2001. – 285 с.
- Языковая картина мира и системная лексикография / В. Ю. Апресян [и др.] / отв. ред. Ю. Д. Апресян. – М.: Языки славянских культур. – 2006. – 912 с.
- Языковая личность: Лингвокультурология. Лингводидактика. Лексикография [Текст] / под ред. проф. В. В. Воробьева и проф. Л. Г. Саяховой. – Уфа: БГУ, 2001. – 252 с.
- Янмурзина Р. Р. Башкирская языковая картина мира в трилогии Зайнаб Бишевой: дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2009. – 180 с.

З. Н. Аджимуратова
(Симферополь, Россия)

ВОЗНИКНОВЕНИЕ НЕКОТОРЫХ СЛОВ В РЕЗУЛЬТАТЕ ДЕТСКОГО ЛЕПЕТА

В любом языке некоторые слова возникают в результате детского лепета. Человек рождается с предпосылками к овладению речью: он обладает слухом, рядом инстинктов и безусловных рефлексов. Весь первый год жизни ребёнок превращает полученные при рождении рефлекторно-двигательные реакции в знаковые (протознаковые) средства общения. Параллельно с формированием и функционированием протоязыка происходит голосовое развитие ребёнка. Протослова всегда индивидуальны по звуковой форме и значению. Называть их словами можно только потому, что их понимают и поддерживают члены семьи, в которой воспитывается ребёнок, в результате чего протослова приобретают статус словесных знаков и смысловую устойчивость.

Ключевые слова: детский лепет, формирование языка, происхождение слов, протослова.

Первоначальное происхождение языка до сих пор остаётся малоизученным, хотя этот вопрос стал обсуждаться и изучался ещё мыслителями древности. Результаты сравнительно-исторического языкознания убеждают в том, что язык прошёл длительный путь развития.

К концу XIX в. существовало несколько теорий происхождения языка, но ни одна из них не была признана, поэтому даже в 1866 г. Парижское лингвистическое общество отказалось рассматривать исследования о происхождении языка и о его эволюции [Николаева 1996: 79]. Но, так или иначе, проблема не считалась совершенно безнадёжной многими учёными. Например, Ф. Ф. Фортунатов говорил: «Вопрос о происхождении языка, как вопрос не праздный, а научный, есть вопрос о том, как произошёл человеческий язык, какие условия создали его, причём остаётся безразличным, имеют ли человеческие языки одно историческое начало или нет. Решение этого вопроса возможно и при современном положении науки» [Фортунатов 1956: 61].

Для решения этой проблемы учёные задавались многочисленными вопросами, такими, как где и когда возникла человеческая речь, как возникли анатомические и нейропсихологические предпосылки, необходимые для существования языка и многие другие.

Несмотря на многочисленные споры, создание многих теорий, проблема происхождения языка очень сложная и до сих пор нет точного ответа на этот вопрос, следовательно, проблема происхождения языка является актуальной.

«Считается, что при своём зарождении языки не имели частей речи, при этом в них отсутствовала морфология в её современном понимании. Единственным видом словообразования было корнесложение, т. е. соединение двух корней в одно целое» [Андреев 1986: 4]. Очевидно, слова произошли из звуковых сигналов, логическая связь между которыми уточнялась интонацией, жестикულიцией и другими возможными способами: порядком, редупли-

кацией, силой звучания. Первоначально звуковые сигналы, возможно, являлись идеофонами, значение которых соответствовало их звучанию.

А. М. Газов-Гинзберг, проанализировав звукоизобразительные корни более десятка языков неродственных языковых семей, пришёл к выводу о том, что звук и значение имеют отприродную связь при возникновении человеческого языка. Наличие связи между звуком и значением можно объяснить тем, например, что некоторые звуки воспринимаются людьми разной языковой принадлежности одинаково, либо схоже.

Предложенная учёным классификация звукоизобразительных корней основана на их первичной звукоизобразительности и состоит из четырёх групп:

- 1) «внутреннее» звукоизображение (воспроизведение звуковых физиологических процессов, производимых человеческим ртом и носом, а также аффективных выкриков-междометий);
- 2) «внешнее» звукоизображение (собственно звукоподражание);
- 3) озвучивание первоначально беззвучных «подражательных» жестов рта и носа, подражающих движению или форме предметов;
- 4) «лепетные» (детские) слова [Газов-Гинзберг 1965: 3].

Французский социолог Габриель Тард утверждал, что вся общественная жизнь во многом основывается на инстинкте подражания людей друг другу и немало места в своей работе посвятил эволюции человеческой речи.

Первобытный человек, тесно связанный с природой, подражал окружающему миру: людям, животным, природе в целом. Возможно, некоторые звуки человека могли быть такими же нечленораздельными, как и звуки, издаваемые животными.

Звуками выражались различные чувства, эмоции, подавались сигналы об опасности или о наличии пищи. Эмоциональная окраска отдельных звуков способствовала развитию их значения.

По мнению многих учёных, занимающихся изучением звукоизобразительности, проблемы происхождения языка, простейшими звуками были гласные, которые практически не изменились, и их образование сопровождалось проявлением эмоций в выражении лица. Согласные звуки в сочетании с гласными стали развиваться для идентификации конкретных предметов [Стацюк].

Представление о первых согласных может дать наблюдение за развитием речи у ребёнка, у которого звуки образуются естественным образом.

Исходя из принципа Геккеля, эволюция человеческого языка должна быть подобна развитию речи ребёнка с момента его рождения.

Всего выделяется 4 стадии предречевого развития с рождения и до одного года. Эти темпы могут отличаться в зависимости от индивидуальных особенностей ребёнка:

1. Стадия крика. Продолжается с рождения и примерно до 7–8 недель. Всё, что произносит ребёнок в это время – это рефлекторные звуки. С развитием организма ребёнка и первичным накоплением социального опыта крик ребёнка приобретает и коммуникативные функции. Постепенно на уровне условно рефлекторного научения ребёнок устанавливает связь между криком и последующим устранением какого-либо дискомфорта, к примеру, голод, жажда, боль и т. д.

2. Стадия гуления. Продолжается от 2 до 5 месяцев. Крик уже эмоционально окрашен, он меняется, в зависимости от состояния ребёнка. Гуление может возникать спонтанно, так и в общении со взрослыми. Эту стадию уже можно назвать формой общения с окружающими людьми.

3. Стадия лепета. Продолжается порядка 7 месяцев (примерно до 11-месячного возраста) [Гвоздев 1961].

Лепет сначала состоит из слогов (*ба, па, ма*), которые затем переходят в слоговые цепочки (*ба-ба-ба, па-па-па, ма-ма-ма*). Далее они переходят в первые слова, которые первоначально состоят из двух редуцированных слогов (Например, *баба, ма-ма(м)*). При выдохе с одновременным размыканием губ легко образуются звуки *п, б, м* (при выдыхании через нос), которые при участии голосовых связок образуют звукосочетания *па, ба, ма*. Возможно, каждое звукосочетание носит значение, соответствующее ситуации.

4. Стадия первых лепетных слов. Слова, как правило, состоят из двух одинаковых слогов. При этом ребёнок не просто произносит хаотичное *баба, папа, мама*, а соотносит это слово в соответствии с окружающей обстановкой. Происходит активное накапливание пассивного словаря. Ребёнок постепенно начинает понимать обращенную к нему речь. На этой стадии он ещё не может выговорить более сложные слова. На слоговом уровне младенец по-

вторяет не звуки и не слова, а слоговые образования [Гвоздев 1961].

На стадии лепетных слов в словах-звуках ребёнка появляются всем известные слова: *баба, папа, мама, дада, нана (ана), дядя, те(я)тя* и т. п. Сам ребёнок в эти слова не вкладывает никакого смысла. Взрослые назвали эти звукокомплексы для обозначения близких для малыша родственников. Подобные лексемы есть в разных языках, но могут отличаться по значению. Например, в крымско-татарском языке звукосочетание *баба* – соответствует слову *papa* в русском языке. *Нана (нене* в северном диалекте – *мама*), *ана* в крымско-татарском языке – *мама*, в русском языке *няня* имеет отличающееся значение. Редуцированное *ма-ма(м)* в крымско-татарском языке означающее «еда» (вокализация ребёнка при просьбе дать поесть), в русском языке соответствует *ам-ам*, при редукации звукокомплекса образуется слово *мама* в русском языке. Более позднее звукосочетание *дада (деде)* в крымско-татарском языке означает *дедушка*, в русском языке – *дядя*. *Tata* в крымско-татарском языке означающее *сестра*, в русском языке имеет форму *тётя*, а в украинском языке, к примеру, *tato* – 'отец'.

В детском лепете можно выявить определённые закономерности: наиболее часто используется тип «согласный + гласный»; первыми звуками ребёнка являются губные согласные (*п, б, м*), гласный *а*.

Сочетания согласного с гласным в пределах одного слога не случайны, но подчинены принципу инерции: дентальные согласные коррелируют с передними гласными, заднеязычные – с задними (огубленными), губные – со средними или нейтральными, причём эти корреляции не зависят (или лишь отчасти зависят) от усваиваемого языка. Последовательности из двух слогов в лепете, как правило, представляют собой редукации, нередуцированные же последовательности слогов чаще всего начинаются с губного согласного (это связано с тем, что губные согласные проще для произнесения), при этом во втором слоге имеется язычный согласный [Бурлак 2007].

Чтобы ответить на вопрос о возможности общего происхождения всех языков мира, следовало бы провести сравнительное исследование на материалах как можно большего количества языков самых различных языковых семей. Первый опыт был проделан на материале ностратических, картвельских, тюркских, индоевропейских, финно-угорских языков, а также, возможно, к ним принадлежащих северокавказских [Стецюк <https://www.v-stetsyuk.name/ru/Origin.html>]. При этом принималось во внимание следующее положение: «... можно думать, что в первобытном языке существовало лишь очень ограниченное число звуков и звуковых сочетаний и что область значений слов была здесь также очень ограничена, причём эти значения представлялись

бы крайне неопределенными с точки зрения современного человека, владеющего развитым языком» [Фортунатов 1956: 60].

Следовательно, можно сделать вывод, что, следуя таким закономерностям, начинается зарождение человеческой речи. Развитие языка у человека – процесс, начинающийся в раннем возрасте. Младенцы рождаются, не зная языка, но в определённом возрасте они могут различать звуки речи. Единственным доступным младенцу способом сообщить окружающим о своих нуждах, проблемах является крик, который издаётся у младенца, испытывающего те или иные эмоции. Постепенно устанавливается звуковой строй, характерный для того языка, кото-

рый младенец слышит вокруг себя. Для определения первичных слов, связанных с определёнными звуковыми сигналами, можно сравнить ранние, наиболее употребительные слова разных языков и выделить из них семантические поля. В целом, овладение ребёнком звуков/слогов слова происходит постепенно, проходя целый ряд сменяющихся фаз развития речи. Как видим из примеров, в любом языке, включая крымско-татарский, существуют слова, возникшие в результате детского лепета, но изначально не имеющие для ребёнка какого-то значения. Значения этим словам даны взрослыми вследствие языковой привычки, и в разных языках значения одних и тех же звуко сочетаний могут отличаться.

Литература

Андреев Н. Д. Раннеиндоевропейский язык. – Ленинград: Наука, 1986. – 328 с.

Бурлак С. А. Происхождение языка. Новые материалы и исследования: обзор / отв. ред. С. А. Ромашко. – М., 2007. – 80 с.

Газов-Гинзберг А. М. Был ли язык изобразителен в своих истоках? / А. М. Газов-Гинзберг. – М.: Наука, 1965. – 183 с.

Гвоздев А. Н. Вопросы изучения детской речи. – М.: АПН РСФСР, 1961. – 471 с. – URL: https://superinf.ru/view_article.php?id=75.

Николаева Т. М. Теории происхождения языка и его эволюции. Новое направление в современном языкознании // Вопросы языкознания. – № 2. – 1996. – С. 79–89.

Стецюк В. М. Происхождение человеческой речи. – URL: <https://www.v-stetsyuk.name/ru/Origin.html>

Фортунатов Ф. Ф. Сравнительное языковедение. Избранные труды. – Том 1. – М.: Учпедгиз, 1956. – 451 с.

*Х. Ч. Алишина, С. М. Трофимова, М. Г. Усманова
(Тюмень, Элиста, Уфа, Россия)*

ВАЛЕНТИН ИВАНОВИЧ РАССАДИН И ЕГО «КАРТИННЫЙ СЛОВАРЬ СОЙОТСКОГО ЯЗЫКА»¹

Большой интерес для науки представляет изучение тофаларского и сойотского языков. Валентин Иванович Рассадин известный учёный, доктор филологических наук, профессор Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова является создателем письменности для сойотов и тофаларов, включенных в реестр коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. В данной статье анализируется уникальный картинный словарь, специально созданный для детей сойотов, проживающих в Окинском районе Республики Бурятия.

Ключевые слова: тюркские языки, монгольские языки, учебники, словари, буквари, сойоты, тофалары, буряты.

Валентин Иванович Рассадин (1939–2017) известен как создатель письменности для бесписьменных ранее сибирских тюркских языков – тофаларского и сойотского. Он всегда был примером компетентного и независимого исследователя-лингвиста, который продолжал традиции великих учёных XIX–XX вв. Эти качества особенно ценны в наше время.

Более 50 лет В. И. Рассадин выполнял самоотверженный титанический труд по изучению и описанию малой исчезающей тюркоязычной народности – тофаларов. Созданное им полное научное описание тофаларского языка явилось научной базой, на основе которой была разработана тофаларская письменность. Он описал звуковой строй тофаларского языка и их основные закономерности.

Изучение фонетики этого языка велось посредством восприятия звуков речи на слух. Слух у Валентина Ивановича был настолько острым и совершенным, что экспериментальное исследование полностью подтвердило его правильность.

Внедрение в школьную программу преподавания родного языка спасло тофаларский язык от исчезновения, он получил шанс для развития как полноценный и полноправный член многонационального российского сообщества. Таким же путём был спасен и этнос сойотов Бурятии, тоже получивших из рук В. И. Рассадина свою письменность, букварь и школьное преподавание.

Изучая язык тофаларов и сойотов, профессор В. И. Рассадин руководствовался желанием понять

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке внутривузовского гранта № 1095 «Монгольские и тюркские языки: от алтайского единства до сегодняшнего времени (генетическое родство и ареальные явления).

культуру, духовную жизнь народа. В отличие от многих современных исследователей, он знал, что для этого необходимо научиться видеть мир сквозь призму их родного языка. Любой народ – это, прежде всего, его язык, который объединяет современников, роднит потомков и предков. Есть язык – есть народ, нет языка – нет народа.

В октябре 2005 г. профессор В.И. Рассадин делает доклад в ЮНЕСКО «О проблемах возрождения и сохранения языков некоторых малочисленных тюркских народов Южной Сибири (на примере тофаларского и сойотского языков)» [2005]. Союты добиваются признания себя коренным малочисленным народом, получают статус малочисленного народа. Валентином Ивановичем создана письменность для сойотского языка, составлен сойотско-бурятско-русский словарь [2003], в 2005 г. создан букварь, учебник для начальных классов сойотской школы и с этого же года начали изучать разговорный язык в школе. Букварь [2009] был опубликован в издательстве «Дрофа» за счёт средств ЗАО «Ортиком» генеральным директором Вячеславом Валентиновичем Рассадиным.

Целью статьи является освещение деятельности профессора В.И. Рассадина как создателя «Картинного словаря сойотского языка», ведь эта работа заслуживает самой высокой оценки и свидетельствует о благородстве его натуры, активной гражданской позиции. Нам хотелось бы рассказать о периоде работы над «Картинным словарем сойотского языка». При всей своей занятости, тем не менее, с присущей ему скрупулезностью, тщательно продумывая каждый шаг, максимально учитывая интересы своего адресата, Валентин Иванович работал над этими книгами. Человек вдумчивый и обстоятельный, он не упускал из виду весь комплекс задач по созданию букваря, картинного словаря, продумывал композицию, содержание иллюстраций, цветовое оформление, шрифты и т.д.

В стремлении создать учебник, который станет первым помощником в постижении языка и овладении речью, он демонстрировал реализацию самых важных задач обучения. Дидактическая грамотность учёного-лингвиста проявилась в осмыслении самой системы обучения.

«Картинный словарь сойотского языка» [2019] создан с целью помочь детям в овладении базовой лексикой современного сойотского языка. Сопровождение слов рисунками позволяет проводить изучение тематических групп сойотских слов в занимательной форме. Видя изображение предмета и слыша его сойотское название, дети легко запоминают соответствующие сойотские слова, а также усваивают их написание. Этот словарь может быть использован не только в младших классах сойотских школ для увеличения словарного запаса школьников, изучающих сойотский язык, но и в

старших группах детских садов, пробуждая у малышей интерес к родному языку и создавая у них запас слов, необходимый в дальнейшем в школе при изучении сойотского букваря. Такой словарь крайне необходим детям младшего школьного возраста, приступающим к изучению сойотского языка в условиях отсутствия развивающей речевой среды.

Как же устроен этот словарь? Как им пользоваться?

Для удобства освоения и облегчения запоминания сойотские слова собраны в тематические группы, например «Киши. Человек», «Киши боды. Тело человека», «Өғ иьшти. Семья», «Киши черлээр өглэр. Жилища» и т.п. Каждое слово дано в сопровождении рисунка. При этом сначала приведён рисунок с изображением соответствующего предмета, а затем его сойотское название с переводом на русский, бурятский и английский языки. Такая подача материала обусловлена тем, что детям знаком предмет, изображённый на рисунке, и они знают его русское название. Прочитав вслух само сойотское слово, или попросив это сделать кого-либо из старших, дети смогут узнать и запомнить сойотское название этого предмета.

Пользуясь этим словарём, учащиеся имеют возможность самостоятельно овладевать сойотской лексикой и расширять свой словарный запас. Это будет способствовать формированию у них представления о лексической системе сойотского языка.

Слова даются в орфографической форме, принятой для сойотского языка, передающей их типичное распространённое произношение.

В данный «Картинный словарь» включены наиболее употребительные слова сойотского языка, овладение которыми предусмотрено программой для начальных классов школ с этнокультурным языковым компонентом. Отбор лексики произведён с учётом специфики интересов детей младшего школьного возраста и ситуации общения.

Сойотские слова, приведённые в словаре, являются однозначными, что упрощает их запоминание и использование, и относятся к существительным, прилагательным, числительным и глаголам.

Так, например, наиболее употребительные имена прилагательные приведены в разделе «Внешние признаки предметов», «Цвета», глаголы – в разделе «Названия действий», имена числительные – в разделе «Счёт», которые достаточно хорошо отражают специфику среды обитания, особенности современной хозяйственной деятельности, материальной культуры и быта сойотов – таёжных охотников и оленеводов.

Следует отметить, что Валентин Иванович Рассадин с большим чувством ответственности подходил к созданию учебной литературы для детей. «Я изучил с десятком букварей народов Сибири и Севера, но копировать было нельзя, надо было только найти

отличие, выявить общее и выразить свое, – писал он ещё в 1989 г. – не надо бояться изучать родной язык через русский язык и это направление надо развивать... Но учебники должны отражать не европейский городской быт, а обязательно народный менталитет, его дух, фольклор».

При создании первых учебников автор размышлял о том, как ребяташки воспримут его труд, даже провёл маленький эксперимент: показал детям два букваря – тувинский и эвенкийский. К тувинскому остались равнодушными, а эвенкийский долго разглядывали, тыкали пальчиками в картинки, радостно смеялись: оба народа являются оленеводами и охотниками и имеют схожий быт.

Согласно исследованиям профессора В.И. Рассадина, сойотский язык входит в уйгуро-тюкуйскую подгруппу уйгуро-огузской группы тюркских языков. Лексический состав в своей основе общетюркский. Наблюдается заметное количество архаичных словоформ, восходящих к древнему уйгурскому языку.

Основным занятием сойотов на протяжении веков, как и сейчас, является оленеводство, в качестве подсобного промысла остаётся охота. В «Картинном словаре сойотского языка» богато представлены разделы «Оленеводство», «Животноводство», «Рыболовство», «Птицы домашние и дикие», «Явления природы», «Семья», др. Остановимся в качестве примера на некоторых группах слов.

Оленеводство: *аьнай* 'олёненок', *барба* 'вьючная сума', *ибилерши* 'оленеводец', *иңген* 'важенка', *сыдым* 'аркан', *қоғиш* 'вьюк', *тайақ* 'посох', *тығыртығ* 'вьючная подпруга', *чары* 'ездовой бык оленя', *шомуқ* 'коробочка из бересты (для доения важенок)', *эзеңгі* 'стремя', *ыңғыршақ* 'вьючное седло', *эзер* 'верховое седло', *иби* 'домашний олень', *ақ аң* 'дикий северный олень', *туйуғ* 'копыто', *һаай* 'морда оленя', *миис* 'рога', *һендирме* 'холка оленя', *қудуруқ* 'хвост', *чогдур* 'подшейный волос'.

Сойоты-оленевоцы умело выбирали хорошие пастбища с оленьим мхом-ягелем и подходящие условия для охоты. В книге для детей отражены такие реалии, как различные *һайдың* 'болотный мох', *неңэс* 'лесной мох', *һаяқ* 'мох-бородач', *шулуһ* 'олений мох'.

Сойоты уникальны своим происхождением, культурой и бытом. Они живут в районах с первозданной природой. В этом смысле интересен раздел «Қаттар. Ягоды. Жэмэс». На территории исконного проживания сойотов, судя по картинному словарю, растут такие виды ягод, как *арығқады* 'красная смородина', *дуруһақады* 'клюква', *қызыл-қат* 'брусника', *қара-қат* 'голубика', *һюмурут қады* 'черёмуха', *тайақады* 'жимолость', *тоорғуқады* 'черника', *тәһенқады* 'шиповник', *честэк-қат* 'земляника', *ытқады* 'чёрная смородина', *эргүүсқады* 'рябина'.

Семья играет важную роль в жизни любого человека. Уважительное отношение к членам семьи нашло отражение в дифференцированном подходе к терминам родства у этого тюркского народа: *оолныңоғлы* 'внук по сыну', *оолныңқызы* 'внучка по сыну', *қыстыңоғлы* 'внук по дочери', *қыстыңқызы* 'внучка по дочери', *аьһа* 'старший брат', *оолдуңма* 'младший брат', *ува* 'старшая сестра', *қысдуңма* 'младшая сестра'.

Экономические контакты между сойотами и русскими наложили свой отпечаток на современную лексику. «Картинный словарь» отражает существующую материальную культуру, уровень глобализации, особенности расселения сойотов. Естественное влияние русского языка нашло отражение в заимствованиях: «Игры» (футбол, хоккей, мячик, коньки, волейбол); «Одежда, обувь» (батинһа 'ботинки', сабытқы 'сапоги', пуһаайа 'фухайка', пылаат 'головной платок'); «Пища» (макароон 'макароньы', һааша 'каша', саақыр 'сахар', һүрүпәә 'крупа', һләэмә 'хлеб', һортооқа 'картофель', һапуус 'капуста'); «Здания, жилище» (кһууп 'клуб', поол 'пол', сзәнәк 'сени', һирилсәә 'крыльцо', ышкһоол 'школа', маңгазин 'магазин'); «Мебель» (һарбаайа 'кровать', стуул 'стул', остоол 'стол'); «Посуда» (сапаарник 'заварник', оскоовор 'сковорода', һүрүүшкә 'кружка', күкшиин 'кувшин', көршөөк 'чайник'); «Инструменты» (шиилә 'шило', виилә 'вилы, һииткә 'нитка').

К более ранним русским заимствованиям, очевидно, следует отнести лексемы *сээрәһә* 'спички' от русского 'серянки', *ырмаақы* 'рубашка, платье' от русского армяк; *четки* 'сеть рыболовная' от русского 'сетка', *маңмаар* 'амбар'.

Система подачи материала характеризуется последовательностью и чёткостью. Проведенная работа подчинена одной цели – помочь детям овладеть богатством родного языка, также развить словарный запас в области других мировых языков. Сойотская лексика преподнесена на богатом языковом фоне. Читатель, усваивающий сойотский язык, имеет возможность расширить свои знания по языкам германской (английский), славянской (русский), монгольской (бурятский) семей. Мы не стали отдельно останавливаться на этногенетических пластах бурятской лексики, в которой, в первую очередь, обращают на себя внимание слова, общие с тюркскими языками (*жэмэс* 'ягоды', *отог* 'шалаш', *орон* 'кровать', *талхан* 'мука', *заха* 'воротник', *бзәләй* 'рукавицы', *хайраг* 'точило', *алха* 'молоток', *хайша* 'ножницы', *шзәлуһән* 'рысь', *һарсага* 'ястреб', *баха* 'лягушка' и др.).

«Картинный словарь сойотского языка» – это документ материальной культуры народа, имеющий непреходящее образовательное, научное, методическое и историческое значение. За каждым словом

предугадывается проницательный взгляд, острый ум, цепкая память, любовь к самобытному сойотскому народу Учителя, Учёного, большого прекрасного Человека – Валентина Ивановича Рассадина. Как-то доктор филологических наук, профессор, председатель Российского комитета тюркологов при ОИФН РАН Игорь Валентинович Кормушин заметил, что работы В.И. Рассадина насквозь «этнографичны», передают детали очень древнего и безвозвратно уходящего в прошлое уклада жизни. По его мнению, имя Валентина Ивановича Рассадина стоит в одном

ряду с именами замечательных «тюркологов-лектописцев» Махмуда Кашгарского, М.А. Кастрена, В.В. Радлова, В.И. Вербицкого, Н.Ф. Катанова, Э.К. Пекарского, С.Е. Малова, Н.И. Ашмарина, Н.П. Дыренковой, К.К. Юдахина и др.

«Картинный словарь сойотского языка» останется в истории науки как первая книга, вышедшая после кончины автора. Мы благодарим за это хранительницу семейного очага Светлану Менкеновну Трофимову-Рассадину.

Литература

Рассадин В.И. Сойотско-бурятско-русский словарь. – Улан-Удэ: Республиканская типография, 2003. – 180 с.

Рассадин В.И. О проблемах возрождения и сохранения языков некоторых малочисленных тюркских народов Южной Сибири (на примере тофаларского и сойотского языков). – URL: http://lingsib.unesco.ru/ru/round_table/papers/rassadin.shtml.htm – Круглый стол ЮНЕСКО, октябрь 2005.

Рассадин В.И. Букварь. Учебное пособие по сойотскому языку для учащихся 1 класса. – СПб: Дрофа, 2009. – 127 с.

Рассадин В.И. Картинный словарь сойотского языка. – Улан-Удэ: ПАО Республиканская типография, 2019. – 168 с.

М.А. Ахматова, М.Б. Кетенчиев
(Нальчик, Россия)

МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ АНАЛОГИЯ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИХ, КУМЫКСКИХ И КРЫМСКО-ТАТАРСКИХ ПАРЕМИЯХ

В статье рассматриваются некоторые паремиологические соответствия в карачаево-балкарском, кумыкском и крымско-татарском языках. Паремиологическая аналогия в данных языках описывается в плане полного и частично совпадения семантики и лексико-грамматической структуры пословиц. Данный анализ позволяет раскрыть общие и отличительные черты представленных языков и их культур.

Ключевые слова: карачаево-балкарский язык, кумыкский язык, крымско-татарский язык, паремия, межъязыковая аналогия.

Одним из наиболее важных вопросов науки о языке является взаимовлияние языка и культуры, в силу чего появляется возможность понять культуру этноса в целом. В этом отношении релевантным представляется обращение к паремиологическому фонду того или иного народа, поскольку именно в паремиях отражен богатый исторический опыт социума, его представления, связанные с нравственно-этическими нормами, эстетическими идеалами, трудовой деятельностью, бытом и культурой этноса. Иными словами, паремии являются богатейшим источником информации о жизни народа, в которых проявляются его мудрость и дух, они придают речи особую выразительность и неповторимое своеобразие. Как пишет Г.Д. Гачев, «... каждая национальная целостность: народ, страна, культура – имеет особое мировоззрение, уникальную шкалу ценностей» [Гачев 2008: 10].

В последние годы изучение паремий всё чаще проводится в рамках контрастивной лингвистики, которая выявляет соответствия на всех уровнях языковой структуры. Поэтому при сравнительном

изучении языков значительное место отводится вопросам межъязыковой эквивалентности. Это обуславливается тем, что «эквивалентность лексических единиц базируется на одинаковой предметно-понятийной отнесённости слова, которая позволяет одной языковой единице выступать вместо другой» [Зиннатуллина 2017: 83]. Как отмечается в специальной филологической литературе, «... национально-культурная специфика пословиц может быть раскрыта на основе комплексного, а именно системно-структурного и антропоцентрического подхода к исследованию паремиологической системы сравниваемых языков» [Юсупова, Мугтасимова, Дунаева 2020: 66].

Карачаево-балкарский, кумыкский и крымско-татарский языки входят в кипчакскую группу тюркских языков. Несмотря на некоторые различия в языках и культуре этих народов, у них много схожих по содержанию и внешнему оформлению пословиц и поговорок, знание которых способствует лучшему пониманию языка, а также образа мыслей и характера народа. Сравнение пословиц

и поговорок данных этносов показывает, как много общего имеют эти народы. Материалом для исследования послужили «Карачаевские пословицы и поговорки» [Карачаевские пословицы 1963], «Балкарские пословицы, поговорки и загадки» [Балкарские пословицы 1965], «Кумыкско-русский словарь пословиц и поговорок» [Гаджихмедов 2015], «Пословицы и поговорки крымских татар» [Пословицы 2007].

Для сравнительного анализа карачаево-балкарских, кумыкских и крымско-татарских паремий рассмотрены следующие темы: гостеприимство, труд, ум, смелость, трусость, терпение, справедливость, жадность. Эти и другие константы культуры нашли своё отражение и в специальной научно-теоретической литературе [Ахматова 2010; Кетенчиев 2010, 2015; Кетенчиев и др. 2018; Чертыкова 2019; Хуболов 2000, 2015].

Гостеприимство является одним из важнейших составляющих культуры любого народа, т.к. связано с его традициями, поведением представителей этноса, определяющие своеобразие национальной картины мира. Через институт гостеприимства, который весьма характерен для носителей тюркской культуры в целом, отражается менталитет народа, его моральные и духовные качества, он является важнейшей составной частью народной мудрости. По данной теме нами зафиксированы несколько паремий, характерные для данных языков. Первая тройка паремий по праву могут считаться полными эквивалентами, т.к. эти языковые единицы построены на одинаковом образе, кроме того, идентичен их компонентный состав. Вторую и третью тройку паремий можно отнести к частичным паремиологическим соответствиям, т.к. они имеют одну и ту же семантику, но незначительно различающиеся компонентным составом.

<i>карач.-балк.</i>	<i>кумык.</i>	<i>крым.-татар.</i>
<i>Къонакъ келсе, эт бишер, эт бишмесе, бет бишер.</i> – ‘Если гость придёт, мясо сварится, если мясо не сварится, стыдно будет (букв. лицо сгорит)’.	<i>Къонакъ гелсе, эт бишер, эт бишмесе, бет бишер.</i> – ‘Если гость придёт, мясо сварится, если мясо не сварится, стыдно будет (букв. лицо сгорит)’.	<i>Мусафир кельсе, эт пишер, эт пишмесе, бет пише.</i> – ‘Гость пришёл – мясо вари, не сварись – лицо сварится’.
<i>Аш берме да, къаш бер.</i> – ‘Лучше встречай приветливым взглядом, чем сытным обедом, (букв. не давай еды, дай бровь)’.	<i>Къонакъгъа ашынг берме, къашынг бер.</i> – ‘Гостю еду не давай, бровь давай (гостя встречай не хлебом, а радушием)’.	<i>Ашыньны берме, къашыньны бер.</i> – ‘Не давай еды, дай бровь (встречай с радушием)’.
<i>Къонакъ келсе, берекет келир.</i> – ‘С приходом гостя, придёт и изобилие (достаток)’.	<i>Къонакълы уй ашдан къуру болмас.</i> – ‘Дом, где бывает много гостей, не останется без угощений’.	<i>Мусафирлернен эв берекетли олур.</i> – ‘С гостем в дом приходит и достаток’.

Как известно, труд (работа) играет первостепенную роль, как в жизни человека, так и всего народа, который умеет ценить его как источник своего существования. Поэтому пословицам о труде отводится значимое место в паремических фондах данных языков. Пословицы, зафиксированные нами во всех

трёх языках в данной категории, имеют одинаковую семантику и одинаковы по своей структуре, их можно считать полными эквивалентами, кроме третьей тройки паремий, где наблюдается расхождение и лексемного состава, и структурно-грамматической организации паремий.

<i>карач.-балк.</i>	<i>кумык.</i>	<i>крым.-татар.</i>
<i>Ииде темир тот болмаз.</i> – ‘В работе железо не заржавеет’.	<i>Ииде (ишленеген) темир тот болмас.</i> – ‘В работе железо не заржавеет’.	<i>Ишлеген демир тотланмаз.</i> – ‘Железо в работе не ржавеет’.
<i>Иини ашыгъып башлама, башласанг а – ташлама.</i> – ‘Не начинай работу наспех, а раз начал – не бросай’.	<i>Иини алгъасап башлама, амма башласанг – ташлама.</i> – ‘Работу начинай не спеша, если же начнешь – не бросай’.	<i>Иини башлама, башласанг – ташлама.</i> – ‘За работу не берись, а, взявшись, не бросай’.
<i>Урунмагъан солумаз.</i> – ‘Кто не работает, тот не отдыхает’.	<i>Загъматсыз рагъатлыкъ болмай.</i> – ‘Без труда (работы) покоя (отдыха) не будет’.	<i>Заметсиз раатлыкъ олмаз.</i> – ‘Без труда отдыха не будет’.
<i>Керек жокъну тапдырыр.</i> – ‘Нужда заставит найти то, чего нет’.	<i>Ёкъну герек тапдырыр.</i> – ‘Того, что нет, заставит найти нужда (необходимость)’.	<i>Керек ёкъны бар этер.</i> – ‘Нужда заставит найти то, чего нет’.

Интеллектуальный мир является одним из составляющих духовной жизни человека. В любой культуре хранилищем интеллектуального составляющего человека, в первую очередь, являются паремии, в которых отражается система ценностей и опыта народа. В обыденном понимании ум – это прирождённая способность мыслить, рассуждать, которая пополняется им и в процессе всей жизни. В наивной картине мира любого этноса ум ассоциируется с головой (*баиш*), как основным его носителем

[Ахматова, Кетенчиев 2018: 60]. С концептуальными составляющими ума связаны ментальные характеристики народа. При сравнении данных паремий наблюдается как полное соответствие (1 и 2 тройка паремий), так и частичное соответствие паремий (3, 4, 5 тройка паремий), которые расходятся как по лексемному составу, так и по структурно-грамматической организации. Также следует отметить, что в крымско-татарском языке отсутствует эквивалент последней в таблице поговорки:

<i>карач.-балк.</i>	<i>кумык.</i>	<i>крым.-татар.</i>
<i>Акъял жаида, къартда туююлдоу – баишдады.</i> – ‘Ум не в молодом, не в старом (не в возрасте), а в голове’.	<i>Гъакъял яида туююл – баишда, гъакъял яида болмас, баишда болур.</i> – ‘Ум не в годах (не в возрасте), а в голове’.	<i>Акъял яиша дегиль де, баишдадыр.</i> – ‘Ум не в возрасте, а в голове’.
<i>Акъяллы сагъыш этгинчи, тели ишин битдирир.</i> – ‘Пока умный будет думать, дурак свою работу завершит’.	<i>Гъакъяллы сагъыш этгинче, дели ишин битдирир.</i> – ‘Пока умный будет скучать (тосковать), дурак свою работу завершит’.	<i>Акъяллы ойлагъандже, дели ишин битирир.</i> – ‘Пока умный думает, дурак уже сделает’.
<i>Акъялны сатып алмайдыла.</i> – ‘Ум не покупают’.	<i>Гъакъялны сатып алмай.</i> – ‘Ум не покупается’.	<i>Акъял базарда сатылмаз.</i> – ‘Ум на базаре не купишь’.
<i>Ачыу – душман, душман – дос, акъялынга акъял къош.</i> – ‘Гнев – враг, ум – друг, к своему уму добавь ум’.	<i>Ачув – душман, гъакъял – дос, гъакъялынга гъакъял къош.</i> – ‘Гнев – враг, ум – друг, к своему уму добавь ум’.	<i>Акъялгъа акъял къош, ачувгъа – сабыр.</i> – ‘К уму прибавь ум, к гневу – терпение’.
<i>Таулуну ал акъялы кимни да болсун, арт акъялы мени болсун.</i> – ‘Пусть первая мысль (идея) балкарца будет чьей угодно, последняя пусть будет моей’.	<i>«Къумукъну сонгу гъакъялы магъа буса эди», – деген ногъайлы.</i> – ‘Мне бы мысли кумыка, приходящие ему потом», – сказал ногаец’.	----

В паремических фондах данных народов особое место занимают поговорки и пословицы, отражающие как положительные качества человека (справедливость, терпение, смелость и т.д.), так и

отрицательные черты (жадность, трусость и др.). Репрезентация понятия смелости прослеживается в следующих паремиях:

<i>карач.-балк.</i>	<i>кумык.</i>	<i>крым.-татар.</i>
<i>Ат ёлсе, жери къалыр, жигит ёлсе, аты къалыр.</i> – ‘Конь падёт – седло останется, храбрец умрёт – имя останется’.	<i>Ат оьлсе – ери къалар, адам оьлсе – аты къалар.</i> – ‘Лошадь умрёт – останется седло, человек умрёт – останется имя’.	<i>Ат ольсе – налы къалыр, йигит ольсе – намы къалыр.</i> – ‘Конь падёт – подкова останется, молодец умрёт – имя останется’.
<i>Батыр бир ёлюр, къоркъакъ минг ёлюр.</i> – ‘Храбрый умирает один раз, трус – тысячу раз’.	<i>Батырлар бир оьлер, къызбайлар минг оьлюр.</i> – ‘Храбрый умирает один раз, трус – тысячу раз’.	<i>Батыр бир олер, къоркъакъ бинъ олер.</i> – ‘Смелый умирает один раз, трус – тысячу раз’.
<i>Алтын отда, адам а ишде билинеди.</i> – ‘Золото познаётся в огне, а человек – в работе’.	<i>Батыр яв гелгенде билинир.</i> – ‘Героя узнают в беде’.	<i>Алтын отта билинир, батыр – урушта.</i> – ‘Золото познаётся в огне, а батыр – в бою’.

В первой тройке паремий мы наблюдаем лишь расхождение в одном компоненте: *жер* ‘седло’ (в к.-б. и кумык. яз.) заменён на *нал* ‘подкова’ (в крым.-татар.); вторая тройка паремий абсолютно идентична;

третья тройка – по структуре. Пословицы, репрезентирующие понятие «Трусость» в рассматриваемых языках связаны с зайцем:

<i>карач.-балк.</i>	<i>кумык.</i>	<i>крым.-татар.</i>
<i>Къоянны къоркъутсанг, арслан болур.</i> – ‘Если напугаешь зайца, львом станет’.	<i>Къоянны къоркъутсанг, арслан болур.</i> – ‘Если напугаешь зайца, он станет львом’.	<i>Къоркъутма тавшанны – арслан этерсинь.</i> – ‘Не пугай зайца – львом сделаешь’.
<i>Къоркъакъны кёзю – уллу, телини сёзю – уллу.</i> – ‘У труса глаза большие, у дурака слова громкие’.	<i>Къоркъачны гёзю уллу, делини сёзю уллу.</i> – ‘У труса глаза большие, у дурака слова громкие’.	<i>Ахмакънынъ сёзю балабан, къоркъакънынъ – козю балабан.</i> – ‘У глупого речи большие, у трусливого – глаза’.

Данные паремии имеют частичные паремиологические соответствия, совпадающие по значению и стилистической окраске во всех трёх языках, но

при этом имеющие лексические и морфологические различия, что подтверждается на пословицах, репрезентирующих «терпение»:

<i>карач.-балк.</i>	<i>кумык.</i>	<i>крым.-татар.</i>
<i>Сабыр тубю – сары алтын.</i> – ‘Основа терпения – золото’.	<i>Саbur тубю – сари алтын.</i> – ‘Основа терпения – золото’.	<i>Сабыр тубю – сары алтын.</i> – ‘Дно терпения – золото’.
<i>Сабыр тубю – сары алтын, саргъаймаса, неси алтын.</i> – ‘Основа терпения – золото, если не блестит – не золото’.	<i>Саbur тубю сари алтын, саburгъа зат етерми?</i> – ‘Дно терпения – золото, что может быть лучше терпения?’	<i>Сабыр алтын олса, арекет инджи.</i> – ‘Когда терпение – золото, то поступок – жемчуг’.
<i>Сабыр жетер муратха, сабырсыз къальыр уятха.</i> – ‘Терпеливый будет вознаграждён, стыдно будет тому, кто поспешит’.	<i>Саbur етер муратгъа, саburсуз къальыр уятгъа.</i> – ‘Терпеливый достигнет своей цели, нетерпеливый опозорится’.	----

Среди данных паремий первую тройку по праву можно считать полными эквивалентами, т.к. эти языковые единицы построены на одинаковом образе, кроме того, идентичен их компонентный состав, вторая тройка имеет расхождение и лексемного состава, и структурно-грамматической организации,

третья пара также является полным эквивалентом (за исключением крым.-татар. варианта, который отсутствует в языке). Более богатую картину представляют пословицы, репрезентирующие справедливость:

<i>карач.-балк.</i>	<i>кумык.</i>	<i>крым.-татар.</i>
<i>Эшек ишлер, ат ашар.</i> – ‘Осёл работает, конь ест’.	<i>Эшек ишлер, ат ашар.</i> – ‘Осёл работает, конь ест’.	<i>Ат чалыша, эшек ашай.</i> – ‘Лошадь работает, а осёл ест’.
<i>Къасапчыгъа мал къайгъы, жарлы эчкиге жан къайгъы.</i> – ‘Мяснику – убой скота, бедной козе – жизнь’.	<i>Хасапчы семизлигине къарай, ойлаша, эчки яшавун ойлаша.</i> – ‘Мясник думает об упитанности, а коза думает о своей жизни’.	<i>Дегирменджиге – сув, къасапкъа – эт, эчкиге – джан.</i> – ‘Мельнику – вода, мяснику – мясо, козе – жизнь’.
<i>Юй ишлеген балта эшикде къальыр.</i> – ‘Топор, которым построили дом, на улице останется’.	<i>Уьй ишлеген балта эшик артда болур.</i> – ‘Топор, которым построили дом, за дверью валяется’.	<i>Эв къургъан балта тышта къала.</i> – ‘Топор, которым строили дом, на улице остаётся’.
<i>Ашагъан – къутулур, жалагъан – тутулур.</i> – ‘Съевший выкрутится, облизнувший попадётся’.	<i>Ашагъан къутулгъан, ялагъан тутулгъан.</i> – ‘Съевший выкрутился, облизнувший попался’.	<i>Ашагъан тутулмай, ялагъан тутула.</i> – ‘Попадается не тот, кто съел, а тот, кто облизал’.

Зафиксированные в трёх языках пословицы о справедливости при семантически соотносительном значении имеют лексические и грамматические различия: в первой тройке паремий – расхождение и лексемного состава, и структурно-грамматической организации, третья тройка – идентична, четвёртая

тройка – расхождение только в структурно-грамматической организации.

Семантико-структурные особенности пословиц о жадности в рассматриваемых трёх языках почти идентичны:

<i>карач.-балк.</i>	<i>кумык.</i>	<i>крым.-татар.</i>
<i>Ашап тоймагъан жалап тоймаз.</i> – ‘Если не наелся, то облизывая, не наешься’.	<i>Ашап тоймагъан ялап тоймас.</i> – ‘Если не наелся, то облизывая, не наешься’.	<i>Ашап тоймагъан, ялап тоймаз.</i> – ‘Ел – не наелся, вылижет – не наестся’.
<i>Эки харбыз бируучча сыйымаз.</i> – ‘В одной руке два арбуза не поместятся’.	<i>Бир къолгъа (къолтукъгъа) эки харбуз сыймас.</i> – ‘В одной руке (подмышке) два арбуза не поместятся’.	<i>Бир къолтукъкъа эки къарпыз сыгъмаз.</i> – ‘Одной рукой двух арбузов не удержишь’.

Как видим, данные пословицы, репрезентирующие жадность во всех трёх языках являются полными эквивалентами, т.к. эти языковые единицы построены на одинаковом образе, кроме того, идентичен их компонентный состав.

Таким образом, рассмотренные нами пословицы дали возможность выявить общие и отличительные черты некоторых паремических соответствий в рас-

смотренных языках. Следует признать, что по своей структуре и семантике многие пословицы совпадают, лишь в некоторых из них существуют расхождения в образном плане. Рассмотренные нами паремии показывают, как много общего есть у данных этносов, что, в свою очередь, способствует их лучшему взаимопониманию.

Литература

Ахматова М.А. Пословицы и поговорки в карачаево-балкарском нарском эпосе // Вопросы тюркологии. – 2010. – № 5. – С. 47–50.

Ахматова М.А., Кетенчиев М.Б. Репрезентация концепта «ум» в карачаево-балкарском языке // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2018. – № 2(30). – С. 57–64.

Балкарские пословицы, поговорки и загадки / сост. С.А. Отаров, А.М. Ульбашев. – Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1965. – 208 с.

Гаджихамедов Н.Э. Кумыкско-русский словарь пословиц и поговорок. Более 5000 пословиц и поговорок. – Махачкала, 2015. – 350 с.

Гачев Г.Д. Ментальности народов мира. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2008. – 544 с.

Зиннатуллина Г.Ф., Гиниятуллина Л.М. Межъязыковая эквивалентность пословиц в разноструктурных языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 3-х частях. Ч. 3. – Тамбов: Грамота, 2017. – № 5(71): – С. 82–87.

Карачаевские пословицы и поговорки / сост. С.Ч. Алиев. – Черкесск: Карач.-Черкес. кн. изд-во, 1963. – 484 с.

Кетенчиев М.Б. Вербализация деятельности в карачаево-балкарском языке // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2010. – № 12. – С. 311–315.

Кетенчиев М.Б. Карачаево-балкарские компаративные паремические высказывания // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2015. – № 2(18). – С. 132–136.

Кетенчиев М.Б., Додуева А.Т., Девеева А.А. Вербализация семьи в карачаево-балкарском фольклоре // Балтийский гуманитарный журнал. – 2018. – Т. 7. – № 1(22). – С. 81–84.

Пословицы и поговорки крымских татар / сост. Р.И. Музафаров. – Симферополь, 2007. – 145 с.

Хуболов С.М. Эмоциональные состояния и их представление в языке // Когнитивная парадигма. Тезисы Международной конференции. – Пятигорск, 2000. – С. 179–182.

Хуболов С.М. Функционально-семантический потенциал фразеологических единиц с компонентами *жан* «душа» и *жюрек* «сердце» в карачаево-балкарском языке // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2015. – № 5(67). – С. 232–236.

Чертыкова М.Д. Пословичная концептуализация общетюркской зоолексемы *ат* ‘лошадь’ (на материале хакасского языка) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. – 2019. – № 2(38). – С. 78–84.

Юсупова А.Ш., Мугтасимова Г.Р., Дунаева Р.Р. Межъязыковая паремиологическая аналогия в родственных языках (на примере татарского и турецкого языков) // Проблемы востоковедения. – 2020. – № 4(90). – С. 65–70.

Т.Г. Боргоякова, О.И. Ултургашева
(Абакан, Россия)

ОППОЗИТИВНОСТЬ УМСТВЕННЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ЧЕЛОВЕКА В АНГЛИЙСКОМ И ХАКАССКОМ ЯЗЫКАХ

В докладе рассматриваются ключевые аксиологические концепты разных языков и культур на примере основных количественных и содержательных параметров репрезентации базовой оппозиции «умный / глупый» в контрастивных лингвокультурах.

Универсальность оппозитивных отношений в двух исследуемых языках связана с наличием общего противопоставления *хороший / плохой*, которое занимает первое место среди оппозиций в хакасском ядре языкового сознания (далее ЯС) и второе

в английском. Специфика контрастивной категоризации образа мира проявляется в её репрезентации только в одном ядре ЯС, как, например, антонимические характеристики бедности-богатства – *чох / nai* в ядре хакасского ЯС и цветовой контраст *black / white* – в ядре только английского ЯС [Боргоякова, Покоякова 2016].

Анализ оппозитивных пар «умный-глупый» в хакасском (*хыйга-алыг*) и английском (*clever-stupid*) языках позволил выявить системные и семантиче-

ские особенности компонентов, входящих в данные антонимические пары. Показаны количественные и семантические параметры формирования их синонимических и антонимических рядов и разнообразие возможностей их соответствующей фразеологической номинации в двух языках. Выявлены также общность и специфика базовых опор концептуализации и номинации мыслительной деятельности в анализируемых языках.

Литература

Боргоякова Т. Г., Покоякова К. А. Антонимические отношения в ассоциативно-вербальной репрезентации но-

сителей хакасского, русского и английского языков // Вопросы психолингвистики. – М., 2016. – № 2(28). – С. 72–87.

У. В. Ильина
(Кемерово, Россия)

ОБРАЗ ГЛУПОГО И УМНОГО ЧЕЛОВЕКА В РУССКОЙ, АЛТАЙСКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ: НА МАТЕРИАЛЕ ПАРЕМИЙ

В данной работе описывается семантическое пространство концептов «глупость» и «ум». Целесообразным оказывается использование методики пропозиционально-фреймового моделирования, предполагающей выявление глубинных, пропозициональных структур (ПС) – логически абстрактных суждений с предикативно связанными актантами и поверхностных, вербализованных в границах этих ПС суждений – пропозиций (П).

Ключевые слова: концепт, пропозиция, пропозициональная структура, разноструктурные языки.

Актуальность данного исследования определяется пристальным вниманием со стороны учёных-лингвистов к проблеме отражения в языке картины мира и выявлению её национально-культурной специфики, которая наиболее отчетливо обнаруживается при сопоставлении разных языков и культур. Первоначально сопоставлению подвергались особенности языковой картины мира носителей индоевропейских языков, затем лингвисты пришли к осознанию необходимости сопоставления языковых картин мира на материале разноструктурных языков, функционирующих в определённом культурном пространстве. Учёные обращаются к ресурсам паремиологического фонда как «элементам духовной культуры этноса», что позволяет «реконструировать традиционную "картину мира" жителей определённой территории» [Хроленко 2021: 15–16]. Ценность паремиологических единиц заключается в их способности хранить, отражать и транслировать опыт, историю и память народа.

Большинство работ подобного плана, выполненных на материале паремий, ограничивается сопоставлением двух языковых картин мира, поэтому предлагаемое нами сопоставительное рассмотрение особенностей русской, китайской и тюркской картин мира существенно расширяет рамки сопоставительных исследований. Это происходит как в силу отнесённости русского, китайского, алтайского языков к разным языковым группам, так и в силу своеобразия

жизненной философии каждого этноса, его принадлежности к разным религиозным конфессиям.

Цель данного исследования состоит в реконструкции языковой картины мира русских, китайцев, алтайцев через описание пропозиционально-фреймовой организации концептов «глупость» и «ум».

Новизна исследования определяется тем, что впервые осуществляется пропозициональный анализ концептов «глупость» и «ум» через паремии, включающие наименования глупого человека на материале разноструктурных языков.

Объектом исследования выступают паремии, репрезентирующие концепты «глупость» и «ум» как базисный компонент языковой картины мира носителей русского, китайского и алтайского языков.

Материалом исследования послужили паремии о глупости, полученные путём сплошной выборки из лексикографических источников [Уэнь Дуань Чэн 2011; Зимин 2008; Мокиенко 2010; Суразаков 2015], а также полевой материал автора (ПМА), собранный в ходе бесед с информантами – носителями русского, китайского, алтайского языков. Всего проанализировано 228 паремий.

Проанализировав паремии в разноструктурных языках в пропозиционально-фреймовом аспекте, можно сделать вывод, что под влиянием этнокультурных традиций, территории, климата и других факторов пропозиции, реализованные в границах

ПС, проявляют наряду с общими для ряда языков интерпретациями фрагментов языковой картины мира, уникальные, характерные для конкретной нации. При этом исследуемые языки имеют сходный

набор пропозициональных структур. Пропозиции же, в вышеперечисленных паремиях являются специфическими.

Литература

Зимин В.И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. – М: АСТ-Пресс. 2008. – 729 с.

Мокиенко В.М. Большой словарь русских пословиц. – М: ОЛМА Медиа Групп. 2010. – 1023 с.

Суразаков С.С. Алтай фольклор. 2-е издание, доп. – Горно-Алтайск, 2015. – 320 с.

Уэнь Дуань Чэн. Большой словарь китайских поговорок. – Шанхай: Шанхайское словарное издательство. 2011. – 638 с.

Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии: учебное пособие. – М: Флинта. 2021. – 182 с.

Ш. Ю. Кужугет
(Кызыл, Россия)

ХОЙ ЭЪДИ ‘БАРАНИНА’ В МАЛЫХ ЖАНРАХ УСТНОГО НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА ТУВИНЦЕВ¹

В данной работе рассматривается хой эъди ‘баранина’ в малых жанрах устного народного творчества тувинцев. Образ баранины рассмотрен в пословицах и загадках, в благопожеланиях, а также в шаманских камланиях.

Ключевые слова: баранина, малый жанр, устное народное творчество, тувинцы.

В традиционном питании тувинцев-кочевников всегда преобладали мясо и молочные продукты, которые сохранились из кочевого прошлого. Система питания и сохранение пищевых традиций стало важнейшим фактором самоидентификации, отличавшим их от окружающего мира [Павловская 2022: 15].

Основная пища кочевника хой эъди ‘баранина’ является наиболее распространенным видом еды, которую тувинцы считают важным и правильным продуктом питания, и «будто бы никогда не приедается» [Потапов 1969]. *Тыва кижиниң кужуру ханда* «тувинец находит соль в крови» – так гласит известная поговорка, которая чётко определяет вкусовые пристрастия тувинца-номада.

Хой эъди ‘баранина’ в малых жанрах устного народного творчества тувинцев выступает как «средство идентификации, одним из способов осознания своих исторических и культурных корней, а иногда и консолидирующим элементом самосознания» [Фаис-Леутская 2019: 5].

В известной пословице *хойлуг кижжи каас* ‘богат тот, кто имеет отару’ характеризует наличие главного богатства тувинца-кочевника: *Инектиг кижжи тодуг, хойлуг кижжи каас* ‘У кого корова – тот сыт, у кого овцы – одет’ [Пословицы и поговорки 2020: 28].

У тувинцев существует традиция: когда человек находится один, то ему не принято есть мясо лопатки. Если человек отрывает мясо зубами от куска, это расценивается как умышленное проявление

хамства по отношению к окружающим [Даржа 2009: 281]. Об этом свидетельствует пословица «*чарын эъдин чааскаан чивес, чанында эшке кара салбас*» [Мудрость народа 1976: 59] ‘Не ешь, когда один, мяса лопатки, не подвергай злу своего друга’.

В пословице *чиир эъттиң чаглыы херек, кылыр иштиң дег херек* ‘мясо выбирай пожирнее, работу начинай побыстрее’ [Мудрость народа 1976: 18] говорится о том, что кочевнику, живущему в резко континентальном климате, необходимо есть жирное мясо.

В тувинских загадках нами выявлено всего 3 примера с компонентом *эът/хой эъди* ‘баранина’. Вытаскиванию мяса из казана крючком *илбек* посвящена следующая загадка: *Аскак алдай аътка дүштү, вуң хоюм сугга дүштү* ‘Хромой алтай на коня упал, тысяча моих овец в воду упала’ (вытаскивание мяса из чаши крючком – илбек) [Тувинские загадки 2018: 62].

Для баранины как почётной еды использовали *деспи* ‘деревянное корытце’, о котором в тувинской загадке в иносказательной форме загадывается, как оно будет заполнено свежей бараниной, когда придут гости в дом: *Чартыы чок хоюм чыда кырыды* ‘Половина овцы моей, лежа, состарилась’ (корытце для мяса) [Тувинские загадки 2018: 56].

В следующей загадке речь идёт о кролике, у которого такое же вкусное мясо, как баранина: *Хөвөң дег ак дүктүг, хой дег чаагай эъттиг* ‘Как вата, с белой шерстью, как овца, с вкусным мясом’ (заяц) [Тувинские загадки 2018: 30].

¹ Подготовлено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта «Тезаурус этнической культуры в XXI веке: проблемы исследования и сохранения (на примере тувинской культуры)» (грант №21-18-00246).

В важном жанре тувинской обрядовой поэзии в шаманских *алгышах*, без которых «нельзя понять духовный мир тувинцев, создаваемый веками» [Кенин-Лопсан 1995: 5], описывается связь шаманов с

- (1) *Чалгыг эьдиң дести, тавак болу берди.*
Сарыг шайың хоо, домбу дола берди.
Чалдыг аьдың баглаажыңда бажын савап,
Чанып келириң човагзынып манап туру (Кенин-Лопсан 1995: 321)

Таким образом, *хой эьди* ‘баранина’ выступает как маркер сохранения кочевого прошлого через малые жанры устного народного творчества тувинцев.

Литература

Даржа В.К. Традиционные мужские занятия тувинцев. Том 1. Хозяйство. Охота. Рыбалка. – Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2009. – 592 с.

Кенин-Лопсан М.Б. Тыва хамнарнын алгыштары [Алгыши тувинских шаманов]. – Кызыл: Новости Тувы, 1995. – 530 с. (На тув. и русс. яз.).

Мудрость народа. Тувинские пословицы и поговорки / сост. О.К. Саган-оол, М.А. Хадаханэ. – Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1976. – 79 с.

Потапов Л.П. Очерки народного быта тувинцев. – Москва: Наука, 1969. – 400 с.

высшими силами через *хой эьди* ‘баранина’. Через пищу *чалгыг эьт* ‘жирное мясо’ шаман из рода чертей призывал ушедшую душу больного человека:

Варёным мясом для тебя полны корыта и медные тарелки.
 Сваренным чаем для тебя полон хоо и домбу.
 Конь твой сытый стоит у коновязи и играет головой.
 Душа больного, все они ждут тебя и твоего возвращения
 (Кенин-Лопсан 1995: 52)

Тувинские загадки / сост. Г.Н. Курбатский. – Кызыл: Тувинское книжное издательство имени Ю.Ш. Кюнзегеша, 2021. – 158 с.

Павловская А. Страсти вокруг мяса, или Пища кочевников. Как еда разделила людей на «своих» и «чужих». – М.: Ломоносовъ, 2022. – 240 с.

Пословицы и поговорки тувинского народа / сост. Б.К. Будуп. – Кызыл: Тувинское книжное издательство имени Ю.Ш. Кюнзегеша; «Детский литературный сайт «Радуга Тувы», 2020. – 112 с.

Фаис-Леутская О.Д. К вопросу о современном состоянии антропологии питания // Этнографическое обозрение. – №2. 2019. – С. 5–16.

Г.Г. Кульсарина
 (Уфа, Россия)

ЭТНОЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА В ТЕКСТАХ ФОЛЬКЛОРА (на материале башкирских народных сказок)

На протяжении столетий башкиры выработали своё представление о мире, норме поведения, оценке, традициях и обычаях, обусловленными образом жизни этноса, его национальным менталитетом, психологией и культурой. Национальная картина мира в текстах народных сказок является особой формой выражения мировосприятия, миропонимания народа, которая закреплена в семантике языковых единиц и понятийно-категориальном составе языка.

Ключевые слова: башкирские народные сказки, фольклор, этноязыковая картина мира, лингвокультурология.

Анализ функционирования языковых единиц башкирского народного творчества с точки зрения ментальных процессов показывает стоящие за языковыми формами когнитивные структуры представления знаний. Тексты фольклора играют чрезвычайно важную роль в деле изучения языковой и концептуальной картины мира башкир. В жизни каждого народа сказки бытуют как средство духовного развития, никогда не исчезая из его художественного репертуара. В воспитании подрастающего поколения и в организации его идейно-познавательной системы, в приобщении к традициям и обычаям огромна роль сказок, услышанных в младенчестве и усвоенных с молоком матери. В сказках отображено

мировоззрение, мировосприятие народа, его ментальность и ценности.

Интенсивное развитие этнолингвистического подхода к исследованию фольклорного текста связано с усилением внимания лингвистов к роли языка в формировании и сохранении этнической духовной культуры. На наш взгляд, этнолингвистика как комплексная область исследования текста на стыке лингвистики, этнологии, мифологии и культурологии имеет большие возможности для изучения особенностей этнической ментальности, выраженной в языковом сознании народа. Как отмечает Г.Х. Бухарова, «реконструкция культуры отдельного этноса по данным фольклорного текста, исследование

корреляции культуры и языка в диахроническом аспекте и в связи с репрезентацией картины мира фольклором определённого региона входят в задачи этнолингвистики» [Бухарова 2008: 13].

В последние десятилетия в фольклористике много сделано для выяснения природы фольклора, специфики его отдельных жанров, особенностей взаимоотношения фольклора и литературы. Языковые и стилистические особенности башкирских народных сказок были объектом внимания в отдельных статьях башкирских лингвистов Дж.Г. Киекбаева, Г.Г. Сайтбатталова, М.В. Зайнуллина, Э.Ф. Ишбердина и др. Нами была посвящена монография «Язык и стиль башкирских народных сказок» [Кульсарина 2009] и более 100 научных статей, посвящённых лексике башкирских сказок. Сказочные формулы башкирского народа были предметом исследования в основном только в работах литературоведческого характера, в которых были предприняты попытки выявления наиболее употребительных поэтических формул. Так, известный башкирский фольклорист А.М. Сулейманов в своём исследовании «Башкирские народные бытовые сказки» [Сулейманов 1994] рассматривает поэтику и стиль бытовых сказок, где выделяет структуру и своеобразие повествования, традиционные стилистические формулы в них.

Язык сказок как особый и наиболее многослойный пласт фольклора находит отражение в редких трудах башкирских лингвистов. В шестидесятых годах XX в. к стилистике языка башкирских сказок обращается Дж.Г. Киекбаев в своей книге «Лексика и фразеология современного башкирского языка» и отмечает, что «особое внимание с точки зрения стилистики заслуживает лексика башкирских народных сказок» [Киекбаев 1966: 18]. В семидесятых годах важность стилистического изучения глагольных форм убедительно обосновывает М.В. Зайнуллин в своих трудах «Употребление временных и модальных форм глагола в языке башкирских сказок» [Зайнуллин 1974] и «О выражении экспрессивности и эмоциональности в башкирских народных сказках» [Зайнуллин 1976]. М.В. Зайнуллин, анализируя отдельные лексические и синтаксические средства языка башкирских народных сказок, отмечает, что словесная ткань произведений башкирского устного народного творчества требует многостороннего изучения: «Глагольные формы башкирского языка, кроме своего основного грамматического значения, в контексте могут иметь дополнительные модальные и экспрессивно-эмоциональные значения. Как раз эта многогранность значений и оттенков и богатые возможности стилистического употребления глагольных временных форм позволяют использовать их в качестве структурного элемента композиции башкирских сказок» [Зайнуллин 1976: 93].

Любой национальный язык отображает с помощью специальных знаков один и тот же реальный

мир. Универсальные понятия, на которых базируется процесс познания мира, также образуют смысловую основу любого языка и получают обязательное языковое выражение. По нашему мнению, чтобы получить представление о специфике «башкирского мира», необходимо проанализировать концептуализацию самого «мира» в башкирской языковой картине мира. В башкирском языке мир обозначен термином «донья» и понимается как совокупность всего сущего. Данный термин имеет несколько лексических значений: 1) мир, Вселенная, космос; 2) Земля, земной шар, свет, всемирный; 3) мир как совокупность живых и растительных организмов и т.д. [Академический словарь 2012: 416]. Изучая фольклорное наследие башкир районов Республики Башкортостан, мы столкнулись с фактом расширения значения этого слова. В народной речи лексема «донья» («мир, Вселенная») встречается как обозначение неизмеримого количества предметов, пространства или массы: *донья эш* – много работы; *донья халык* – много народа и т.д. Материалы наших полевых экспедиций свидетельствуют о том, что в сознании информантов концепт «донья» часто репрезентируется понятиями «был донья» (досл. 'этот мир'), «донья карәге» (досл. 'необходимость мира, нужда жизни'), «донья рәхәте» (досл. 'радость мира, радость жизни'): *Ашан-әсеп, уйнап-көлөгөз – этмай бит ул донья карәге* (букв. 'Жизнью не насытишься, поэтому ешьте-пейте, играйте-радуйтесь') (Аскарова); *Был доньякайзарзың рәхәте – байлыкта ла түгел, хаулыкта* (букв. 'Не в богатстве, а в здравье радость этой жизни') (Аскарова). В текстах сказок часто встречаются словосочетания «доньяга килеү» (букв. 'прийти в мир, родиться'), «теге доньяга китеү» (букв. 'уйти в мир иной, умереть'); «доньяга сыгыу» (букв. 'выйти в свет'), «теге доньяга ебәреү» (букв. 'проводить на тот свет'), «донья куптарыу» (букв. 'ломать мир, поднять шум'); «доньяның әсәһен-сәсәһөн татыған» (букв. 'попробовал горечь мира') и т.д.: *Шул төндә үк дәруиш үзе донья куйған* (букв. 'В ту ночь странник покинул этот свет') [БХИ 2008: 341]; *Эште үтәй алмаһан, бөгөндән үк якты донья менән хушлашырға тура килер, – тигән, ти* (букв. 'Если не справишься с заданием, придётся сегодня же с белым светом проститься', – сказал) [БНТ 1990: 129]; *Борон-борон заманда ошо якты доньяла йәшәгән, ти ике кеше* (букв. 'В давние-давние времена на этом свете жили два человека') [БХИ 1990: 376].

Концептуальным центром многих башкирских сказок становится понятие «донья күреү» (букв. 'увидеть мир') – путешествовать, странствовать по миру и т.д.: *Баләкәй бәнембаләр үззәре янындагы ағастарзан, үләндәрзән башка доньяны белмәгәндәр. Шуга күрә ағастар кеүек бейек булғылары, ағас башына менеп бәтә доньяны күргеләре килгән* (букв. 'Маленькие одуванчики не видели другого мира,

кроме деревьев и трав, растущих вокруг. Поэтому они хотели быть высокими, как деревья, и посмотреть на весь мир») [БХИ 2008: 270]. В текстах часто встречается словосочетание «донъя кәтәү» – букв. ‘держат хозяйство, вести хозяйство, жить, существовать’: *Ғабдулла, шулай итеп, Хәзисәһе менән ала булһа ла донъя кәтәп, теттереп йәшәп ята, ти* (букв. ‘Таким образом, Габдулла с Хадисой до сих пор отлично живут и ведут хозяйство, говорят’) [БХИ 2008: 126], *Шунан әбей менән бабай кыззари менән кыуанып, шатланып, донъя кәтәп торалар, ти* (букв. ‘И вот, говорят, старуха со стариком, радуясь за дочь, живут, хозяйство ведут’) [БХИ 2008: 342]. Данное словосочетание по значению ближе к концептам «жизнь», «жить» и в контексте обычно обозначает совместное проживание, ведение хозяйства.

Если прямое значение концепта «донъя» («мир») в башкирском языке чаще характеризует место реального, «земного» существования человека, арену его деятельности, а также «иной мир», куда человек уходит после смерти, то в текстах башкирских народных сказок мир делится на три основные параллельные плоскости. Кроме познания мира материального (*ер өстө донъяһы*/земной мир), существует познание мира мифологического (*ер асты донъяһы, һыу асты донъяһы* / подземный мир, подводный мир; *күк йөзө донъяһы, һауалағы донъя* / надземный мир, небесный мир): *Әлмирийәнғә хан беренсе һораузы әйтте, ти: – Донъяла кешенән, кейектән башка тағы ниндәй йән әйһә йәшәй? Әлмирийән уйлаган да ханға: – Донъя – ер өстө генә түгел, унда һауа ла бар. Унда ла кешеләр, төрлө йән әйәләре йәшәй, – тине, ти. – Улай булһа, кайза? – тигән хан. Әлмирийән: – Һауалағы йондоззарза беззән дә элек донъяға тыуган кешеләр йәшәй, – тигән* (букв. ‘Хан задал первый вопрос Альмирьяну: «Кроме человека и зверей, какая живая душа ещё есть в мире?» Подумав, Альмирьян ответил хану: «Мир же – это не только земля, есть ещё небо. Там тоже живут люди и разные души». «Если так, где они?» – спросил хан. «На звёздах в небе живут люди, которые пришли в этот мир до нас», – ответил Альмирьян») [БХИ 1990: 434].

Этнокультурную составляющую концептосферы «пространство» в текстах башкирских сказок представляет концепт «арауык» («пространство»). *Арауык* (пространство) тесно взаимодействует со словами-концептами *донъя* (мир), *вакыт* (время), *йыһан* (космос), *гүмер* (жизнь), *кеше* (человек), *ара* (расстояние), *юл* (дорога), *як* (сторона), *ер* (земля) и т.д. Объективация квантитативной структуры концептов пространства происходит как при помощи единиц языка и речи, так и специализированными фольклорными формульными средствами. Например, концепт «арауык» («пространство») в литературном и бытовом языке употребляется для обозначения объёма или территории: *сикһез*

арауык – бескрайнее пространство, *өйҙөң эске арауығы* – внутреннее пространство дома, *әз арауык* – недостаточное или малое пространство. В сказках расстояние обычно передается повтором слов «бара» или «килә» (*идет*), показывая длительность пути, пройденного героем: *Бара икән, бара икән был, бара торғас, бер бешәлек урынға тап булған* (букв. идёт он, идёт и доходит до ельника) [БХИ 1990: 510]. Имеются и традиционные формулы, берущие начало в сказках и закреплённые в наши дни в литературном языке: «*кош етмәс ер*» – место, куда птица не долетит; «*йәһәннәм төпкөлө*», «*тамук сиге*» – «адская бездна», означающее «где-то далеко, в дикой глуши»; «*күктең етенсе катында*» – «на седьмом небе». В сказках чаще встречаются словосочетания «*басырау буйы*» (досл. расстояние в слегу), «*тышау буйы*» (досл. расстояние с пути), «*әнә буйы*» (досл. расстояние с иголку), обозначающие определённый отрезок пройденного пути: *Эй киттеләр, ти, быллар тезелешеп, эй киттеләр, ти, арттарына боролоп караһалар, басырау буйы ер киткәндәр, ти* (букв. И пошли они строем, говорят, и пошли, а когда обернулись, прошли расстояние в слегу) [БХИ 2008: 174]; *Эй китте, ти, егет, эй китте, ти, тышау буйы ер китте, ти* (букв. ‘Вот, идёт парень, идёт, а прошёл расстояние с пути’) [БХИ 1990: 492]; *Эй китте, эй китте, әнә буйы ер китте, ти* (букв. ‘Вот шёл, говорят, шёл, а прошёл расстояние с иголку’) [БХИ 1990: 129].

В башкирской национальной картине мира пространственные отношения выражены в большинстве случаев антропоцентрично. Например, для обозначения направлений или местоположения частей предметов используются наименования частей тела человека: *колас* – маховая сажень, обхват, охват: *Алдаксының теле мең колас* (букв. ‘У вруна язык в тысячу сажений’) [БХИ 1990: 294]; *азым* – шаг: *Мең сакрымлык юл бер азымдан башлана* (букв. ‘Дорога в тысячу вёрст начинается с одного шага’) [БХИ 1990: 429]; *карыш* – пядь: *Үзе бер карыш – һакалы мең карыш* (букв. ‘Сам ростом в пядь, а борода в тысячу пядей’) [БХИ 2008: 243]. Процесс развития событий в сказках нарушает привычный временной порядок. Причина в том, что сказки – продукт воображения, фантазии, описание событий, происходивших в очень давние времена. Динамику и упорядоченное движение в данном жанре фольклора показывает решение героями насущных проблем с помощью различных волшебных предметов и персонажей: *алтын тарак* – золотой гребень, *кыл* – конский волос, *йүгән* – уздечко, *көзгө* – зеркало, *қарт* – старик, *Толпар* – Тулпар (конь героя) и др.: *Урал батыр тау башында озак торманы, ти: кешәһенән теге өс бөртөк кылды алып өтөүе булды – Акбузаттың каршыға тып итеп килеп басыуы булды, ти* (букв. ‘Урал-батыр долго не стоял на этой горе: как только он сжёг три конских волоса, Акбу-

зат прискакал к нему») [БХИ 1990: 422]. Расстояние, временной промежуток, движение часто взаимосвязаны и объединены пространством. Нередко в сказках встречаются словосочетания, характеризующие данную связь как пространственное понятие: *ай үтә, йыл үтә* (букв. 'проходит месяц, проходит год'), *ете диңгез үтөп* (букв. 'преодолев семь морей'), *ете тау аръягында* (букв. 'за семью горами'), *Каф тау артында* (букв. 'за горой Каф'), *ете кат ер астында* (букв. 'под семью слоями земли'), *ер сигендә* (букв. 'на краю земли'), *йәһәннәм тишегендә* (букв. 'в дыре преисподней') и т. д.: – *Ете даръя уртаһында утрау бар икән, утраузың уртаһында, алтын һарай эсендә алтын сәсле кыз йәшәй икән* (букв. 'Оказывается, есть остров у семи потоков, златовласая девушка живёт в золотом дворце в центре этого острова') [БХИ 1990: 87]; *Һиңә Каф тауы артындагы дейүзең кара айгыры ғына сызаһа сызар* (букв. 'Тебя поднимет только вороной конь дэва, который за горой Каф') [БХИ 1990: 65]. Пространственные значения в текстах сказок часто выражаются фразеологизмами, обозначающими направление движения, расстояние или какой-либо промежуток: *баиһ һуққан яққа* (букв. в сторону, куда в голову ударит); *баиһ тартқан яққа* (букв. 'в сторону, куда голова потянется'); *дүрт яғы кибла* (букв. 'четыре стороны по направлению к Мекке – Каабу'); *каш менән куз араһында* (букв. 'между бровью и глазом'); *Үлем куз менән каш араһында* (букв. 'Смерть между бровью и глазом') [БХИ 1990: 287].

В башкирском языке для обозначения быстроты течения времени употребляются обороты, генетически восходящие к описанию явлений и событий, длительность во времени которых известна из житейского опыта (моргнуть глазом, произнести звук, ускакать на коне, обернуться назад можно за считанные минуты): *куз асып йомғансы* – букв. 'до того, как моргнешь глазом'; *ат менән кыуып етерлек түгел* – букв. 'и на коне не догонишь'; *керпек какқансы* – букв. 'не успеешь хлопнуть ресницами', «һә!» *тигәнсе* – букв. 'не успеешь сказать «ха»', *артына әйләнен карағансы* – букв. 'не успеешь оглянуться, посмотришь назад'. Например: *Кейезбай кылдың озонон эсенә, кысқаһын аягына бәйләп югереп карагаһыны, һә тигәнсе тегеләр янына барып та етте, ти* (букв. 'Попробовал бегать Кейезбай, привязав длинный волос к животу, а короткий к ногам, и не успели сказать «ха», догнал их, говорят') [БХИ 1990: 279]; *Толпар, ун ике колас бейеклектәге таш койманы куз асып йомғансы һикереп үтөп, һарай ишеге алдына барып та төшкән* (букв. 'Не успели моргнуть глазом, как тулпар, перепрыгнув каменный забор высотой в двенадцать обхватов, приземлился у ворот дворца') [БХИ 1990: 89].

Как и многие народы, башкиры отличаются гостеприимством и радушием. «Кунаксыллык» («гостеприимство») занимает важное место в нацио-

нальном сознании башкир, являясь одними из ключевых, отражающих этнический характер народа концептов: *Кунак төшһә, йортка йәм* (букв. 'Если гости придут, в доме уют') [БХИ 2008: 234]; *Кунак килһә, капкаң ас, өйөңә инһә, қазан ас* (букв. 'Если гости придут – ворота открывай, в дом войдут – котёл готовь') [БХИ 1990: 365]. Тексты башкирских народных сказок в известной мере закрепили многовековые традиции башкирского народа, а с ними и языковые реалии, относящиеся к ритуалу гостеприимства и приёму пищи. Милосердие, доброжелательное и дружелюбное отношение к гостю с принимающей стороны, благодарность за оказанную помощь со стороны гостя – обязательные правила. Обычаи взаимопомощи, предоставления путнику крова и пищи были жизненно необходимыми в контексте полукочевого образа жизни. В народе обязательным считалось угостить любого, кто зашёл в дом, будь это приглашённый человек или случайный путник: *Кунаксыл кешенең табыны буи булмаи* (букв. 'Стол гостеприимного хозяина пустым не бывает') [БХИ 2008: 309]. К приёму гостей всегда привлекались родственники, о чём свидетельствуют тексты народного творчества: *Мәмбәт йәһәт кенә тугандарынан бейә бәйләтә, кымыз беиштерә, иң һимез байтанды һуйып, ит әзерләй. Тирмәһе алдына озон итеп арқан тарта, йәнә катынын ишкәртә: «Безгә кем генә килмәһен, барыһының да атын бәйләп, үзен һый-хөрмәткә керет, яқты йөз күрһәт», – ти* (букв. 'Мамбет велел родне быстрее привязать лошадей, взбить кумыс, зарезать самого жирного жеребца, приготовить мясо'. Перед юртой сам натянул длинный аркан и предупредил жену: 'Кто бы к нам ни пришёл, привяжи коней, пригласи за стол и окажи гостеприимство') [БХИ 1990: 260]. Каждый гость, каждый новый человек служил источником дополнительной информации, сведений о новых землях, обычаях, событиях, взглядах. Культ слова у тюркских народов обусловлен ещё и тем фактом, что общение с другими являлось для них одной из самых ценных возможностей в познании нового. В текстах фольклора описывается, как вначале накрывали богатый стол, потом только приступали к обсуждению просьбы гостя: *Ситтән килгән кунактар хөрмәтенә бында аш-һыу әзерләп, йыйын корғандар. Шулай ашап-эсеп, кәйеф-сафа кылып ултырғанда, Көсөн батыр: – Йә, кунактар, ниндәй һыузар кистегез, ниндәй ерзәр күрзегез, йомошогоз ни булыр? – тип һораған, ти.* (букв. 'Здесь в честь приехавших издалека гостей приготовили угощение, собрали йыйын. Поели-попили, повеселились, потом Кусун-батыр спросил: – Ну, гости, какие реки перешли, какие земли увидели и в чём заключается ваша просьба?') [БХИ 1990: 453]. Приход гостя символизирует радость, счастье и благополучие: *Кунак килһә – һый килә* (букв. 'Вместе с гостем и угощение приходит') [БХИ 2008: 158]. Действительно,

гость приносил в дом благополучие, праздник, оживление: *Кунак кайза – кот шунда* (букв. 'Где гость – там благополучие') [БХИ 1990: 73]. Особое отношение к гостю ярко отразилось в сказках «Джигит, победивший тысячеглавого аждаха» и «Акъял-батыр». Свирепый аждаха, овладевший всеми водными источниками города, разрешал набрать воды из колодца только гостю: *Аждаха: – Гин кем? – Мин – кунак! – ти, Акъял батыр һәм бизрәһен тултырып һыу ала* (букв. 'Аждаха спросил: – Ты кто? – Я гость! – ответил Акъял-батыр и набрал из колодца полное ведро воды') [БХИ 1990: 53]. Особый статус гостя в жизни башкир отразился и в поверье о том, что после заката солнца можно набрать воду только в случае прихода гостей. Народ считал, что в тёмное время суток в водных источниках может активизироваться нечистая сила. Набирая воду при острой необходимости, было принято говорить: «*Ак атлы, кук атлы кунактар килде, шуларга багышлап алам*» (букв. 'Приехали гости на белых конях, на сивых конях, набираю воду для них') (Аскарова). Это показывает, что в народном сознании гостю не может вредить даже нечистая сила. В башкирском языке закрепились словосочетания *кунак күрһәтеү* (представление гостя другим), *кунак итеү* (угощение гостя), которые означают праздничное застолье, устраиваемое по поводу приезда гостя: *Хан да Мөйтәнде зурлап каршы алган, кунак күһәткән* (букв. 'Хан Муйтена тоже встретил с почестями, оказал гостеприимство') [БХИ 1990: 390]. Гостеприимство поддерживалось общественным мнением; не одобрялся отказ от приглашения: *Сақырган ергә бар, кыуган ерзән кит* (букв. 'Куда приглашают, иди, откуда прогоняют, беги') [БХИ 2008: 341]; высмеивалась жадность: *Һаран байга төшкәнсе, йомарт ярлыга төш* (букв. 'Чем гостить у жадного богача, лучше гостить у щедрого бедняка') [БХИ 1990: 420]; порицалось расточительство, во всем была необходима мера: *Кунак башына куй һуйһаң, кураңда куйың калмаҫ* (букв. 'Если для каждого гостя зарежешь по барану, то хлев опустеет') [БХИ 1990: 238].

Сказочные тексты обладают целым набором традиционных формул и устойчивых выражений, создающих самобытность и неповторимую оригинальность его стиля. Народ создал ряд поэтических формул и выражений для репрезентации героев и персонажей, оживающих и действующих в произведениях сказочных жанров. В первую очередь народ обращает внимание на внешность персонажей. При описании удивительной красоты героинь сказок часто используются такие устойчивые словосочетания, как «*һушың китәр*»/«*һуштан язырлык*» (восхищаться, досл. 'потерять сознание'), «*исең*

китәр»/«*кистән язырлык*» (досл. 'потерять память, сознание, чувство'), «*бер кашык һыу менән йоторлок*» (досл. 'можно проглотить с одной ложкой воды'), «*карап туйғыһыз*» (ненаглядный, досл. 'одно загляденье'): *Ә кыз шундай һылыу, шундай һылыу, хатта исең китерлек, ти!* (букв. 'А девушка такая красивая, такая красивая, что даже можно потерять память, говорят') [БХИ 2008: 510]; *Һинең кеүек иҫ киткес һылыузы өнөмдә түгел, төшөмдәлә күргәнем юк ине* (букв. 'Такую восхитительно красивую девушку не только наяву, но и во сне не видел') [БХИ 1990: 402]; *Кыз килеп сыккан икән, һунарсы уның матурлығын күреп иҫтән язған да куйған* (букв. 'Когда вышла девушка, охотник, увидев её красоту, потерял память') [БХИ 2008: 300]. В сказочных текстах также встречаются своеобразные словосочетания «*тел менән һөйләп, кауырһын менән язып бөтмәҫлек*» (досл. 'языком не рассказать, пером не описать') и «*көндөз кояш көнләшер, төнөн ай оялыр*» (досл. 'днём солнце позавидует, ночью луна постесняется'): *Тел менән һөйләп тә, кауырһын менән язып та килештерерлек түгел был кыздың һылыулығын. Көндөз кояш көнләшер, төнөн ай оялыр булған ти үзенән. Бына кайһылай сибәр булған ул кыз* (букв. 'Языком не рассказать, пером не описать красоту этой девушки. Говорят, днём ей солнце завидовало, ночью луна стеснялась её. Вот такая красивая она была') [БХИ 1990: 83]. Часто встречается фразеологическая единица «*һыу һөлөгө кеүек*», «*һөлөк кеүек*» (досл. 'как пиявка; как водная пиявка') – «стройный», «статный». «Стандартные» для сознания этноса формулы красоты встречаются и при описании коня героя: *Карауылсылардың һөлөк кеүек йылтырап, уйнаклап торған айғырға иҫтәре китә* (букв. 'Стражники восхитились, увидев блестящего и гибкого, как пиявка, жеребца') [БХИ 1990: 293].

Таким образом, сказки, как и все другие жанры фольклора, являются сокровищницей устно-поэтической культуры башкирского народа. Этноязыковая картина мира в текстах башкирских народных сказок является особой формой выражения мировосприятия, мировидения и миропонимания народа, которая закреплена в семантике языковых единиц и понятийно-категориальном составе языка. В устном творчестве заключена мудрость народа, коллективный опыт и система моральных ценностей. В башкирских народных сказках анализированные концепты представляют собой многомерное ментальное образование, кодирующее знания о традициях, обычаях, обрядах, бытовой культуре, повседневном поведении.

Литература

Бухарова Г.Х. Башкирский народный эпос «Урал-батыр»: когнитивно-дискурсивный и концептуальный анализ: монография. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2008. – 352 с.

Зайнуллин М.В. Средства выражения эмоциональности и экспрессивности в башкирских сказках. Фольклор народов РСФСР. Межвузовский сборник. – Уфа, 1976. – С. 45–49.

Зайнуллин М.В. Употребление временных и модальных форм глагола в языке башкирских сказок. Фольклор

народов РСФСР. Межвузовский сборник. – Уфа, 1974. – С. 92–97.

Кейекбаев Ж.Ф. Хәзерге башкорт теленең лексикаһы һәм фразеологияһы: укыу кулланмаһы. – Өфө: Башкорт дәүләт университеты нәшриәте, 2002. – 170 б.

Кульсарина Г.Г. Язык и стиль башкирских народных сказок: монография. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2009. – 144 с.

Сулейманов А.М. Башкирские народные бытовые сказки: сюжетный репертуар и поэтика. – М., 1994. – 224 с.

Список информантов и источников

Аскарова Ф.Г. (01.01.1932 г.р.), информант наших полевых записей. Место рождения: Стерлибашевский р-н Республики Башкортостан.

Башкорт теленең академик һүзлеге. 10 томда. Т. III. – Өфө: Китап, 2012. – 864 б.

БХИ – Башкорт халык ижады. – Өфө: Башкортостан китап нәшриәте, 1990. – 536 б.

БХИ – Башкорт халык ижады. – Өфө: Китап, 2008. – 568 б.

Е. Р. Николаев
(Якутск, Россия)

О ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ПАРАЛЛЕЛЯХ В ЯКУТСКОМ И ХАКАССКОМ ЯЗЫКАХ: НАИМЕНОВАНИЯ ТРАДИЦИОННОЙ ПОСУДЫ И УТВАРИ

Выявляются лексико-семантические параллели наименований традиционной посуды в якутском и хакасском языках. Тема традиционной посуды якутов частично была рассмотрена автором [Николаев 2021]. Наименования традиционной хакасской посуды и утвари были исследованы в трудах Р.П. Абдиной [Абдина 2021], М.П. Чебодаевой [Чебодаева 2021], В.Я. Бутанаева [Бутанаев 1996] и др. Материалом и источником послужили диалектологические, толковые, двуязычные словари хакасского, якутского языков.

Были выявлены следующие наименования: хака. *ады* ‘мешалка для поджаривания зерна’ (сагайский диалект), як. *ытык* ‘мутовка; мешалка’; хака. *айах* ‘чашка, миска; чашка, бокал, чарка’; *агас айах* ‘деревянная чашка’, як. *айах* ‘большой кубок (чорон) для кумыса (вмещал от одного – полутора ведер)’; хака. *алгай(ах) (-гы)* ‘котелок’, *чис алгай* ‘медный котелок’, як. *олгуй, олгууй, алгый* ‘громаднейших размеров (в несколько ведер) котел, котлище’; хака. *көдес* ‘горшок, чугунок’, як. *күөс* ‘вообще посуда для варки каши; поваренный горшок (по преимуществу глиняный), скудель’; хака. *корчик, көрчик* ‘длинная палочка, которая и носила название «корчик»’, як. *күөрчэх* ‘мутовка для всбивания сливок; кругло-дошатая мутовка’; хака. *күгер* ‘кожаный сосуд, турсук’, як. *көбүөр, көбүөр иһит* ‘большой кожаный мех (сосуд) с широким основанием, узким горлом, служивший для закваски и хранения кумыса’; хака. *нычак* ‘нож, ножик’, як. *быһах* ‘нож’, *сытымы быһах* ‘острый нож’; хака. *нулгах (-гы)* ‘палка, которой перемешивают что-либо’, як. *булуур*

‘кумысная мутовка’; хака. *нысхы* ‘мешалка, которой мешают, взбалтывают айран или сбивают масло’, як. *биһэйэйэх, бэһиэйэйэх*, горн. ‘мутовка для кумыса’; хака. *сүүмек* ‘холщовый мешочек для процеживания арчи (творожистой массы, получаемой после перегонки айрана)’, як. *сүүмэх* ‘гуща в свернувшемся молоке, творог’; хака. *сабан* ‘большая кадка (вмещающая до ста литров жидкости)’, як. *сабарай* ‘берестяная плоская посуда большой емкости для хранения кумыса или разрубленного мяса’; хака. *сара* ‘деревянная или берестяная посуда’ (сагайский диалект), як. *саар ыабас* ‘сосуд средней величины из сшитых вместе берест (часто содержит до 5 ведер); лукошко; берестяной туесок’; хака. *согах (-гы)* ‘ступка, ступа’, як. *собох* ‘пест’; хака. *тазор* ‘бурдюк, кожаный мешок для жидкости (водки, молока)’, як. *таһыар (тойон) көбүөр, таһыар* ‘большой кумысный мех (сосуд)’ як. *тоһуор көбүөр, таһыар көбүөр* ‘суживающийся кверху высокий кожаный сосуд для приготовления и хранения кумыса’; хака. *хамыс* ‘ковш, ковшик, поварёшка’, як. *хамыас, хомуос* ‘ковш, черпак; большой деревянный ковш для черпания жидкостей; ковш, ковшик, черпак; большая ложка’.

Имеются явные схождения в группе наименований кумысной посуды и утвари. Основы некоторых слов (наименования мутовки) обозначают процесс приготовления. Выявлены семантические сдвиги (*сүүмек / сүүмэх, сабан=сабарай*), первичность наименований мутовок по отношению к одноименным названиям молочных продуктов (*корчик, көрчик / күөрчэх*).

Литература

- Абдина Р.П. Наименования посуды и кухонной утвари в хакасском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – Т. 14, вып. 4. – С. 109–114.
- Бутанаев В. Я. Традиционная культура и быт хакасов: пособие для учителей. – Абакан: Хакасское кн. изд-во, 1996. – 224 с.
- Николаев Е.Р. Лексико-семантические особенности наименований кумысной кожаной посуды (сосудов) в якутском языке // Северо-восточный гуманитарный вестник. – 2021. – 1(34). – С. 96–107.
- Чебодаева М.П. Традиционная деревянная посуда у хакасов (XVIII – нач. XX вв.): сборник статей и материалов / сост. А.С. Макурина. – Челябинск: издательство: Южно-Уральский государственный институт искусств им. П.И. Чайковского (Челябинск), 2021. – С. 63–67.

Ф. К. Сагдеева, А. К. Булатова
(Казань, Россия)

АНТРОПОМОРФНЫЙ КОД КАК СПОСОБ ОПИСАНИЯ КОНЦЕПТА ХЕЗМЭТ «ТРУД» В ТАТАРСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

В статье рассматривается концепт *хезмэт*, включающий в свою структуру антропоморфный код, обусловленный национально-культурной самобытностью и национально-историческим своеобразием лексико-фразеологического состава татарского языка. Труд осмысливается посредством обобщённого образа ‘человек’. Соматизмы репрезентируют представления о целях, мере, видах трудовой деятельности, орудиях труда и др.

Ключевые слова: антропоморфный код, концепт *хезмэт* ‘труд’, стереотипные представления, татарский язык.

Цель статьи – рассмотрение антропоморфного кода как одного из универсальных способов описания социально-культурного концепта *хезмэт* ‘труд’. Концепт *хезмэт* относится к ключевым концептам татарской лингвокультуры. «Ключевым можно считать тот концепт, который встречается в частотных общепотребительных формах языка – словах, словосочетаниях, фразеологизмах, пословицах и поговорках, загадках» [Пименова 2004: 95].

Цель и специфика описываемого материала определили выбор методов исследования: описательный, концептуальный, лингвокультурологический. Источниками фактического материала являются пословицы и поговорки татарского языка. Теоретическую базу статьи составили идеи А.А. Потемни о законах создания ассоциативных рядов, С.А. Кошарной, В.В. Красных, В.А. Масловой, М.В. Пименовой и других о способах вербального кодирования культурной информации.

Этот концепт в сопоставительном плане в татарском и немецком языках исследовался Ч.Р. Мукатдесовой в кандидатской диссертации «Концепт ‘труд’ в татарском и немецком языках: на материале пословиц и поговорок» [Мукатдесова 2012]. Л.К. Байрамова, Ф.К. Сагдеева в своих статьях рассматривают понятийную, образную и ценностную составляющие концепта *хезмэт* в татарской языковой картине мира [Сагдеева 2003; Сагдеева, Байрамова 2003, Сагдеева 2016 и др.]. Однако вопрос об изученности концепта *хезмэт* остаётся нерешённым, что, в свою очередь, обуславливает актуальность. Обращение к антропоморфному коду в структуре концепта *хезмэт* составляет научную новизну проводимого исследования.

По мнению В.В. Красных, набор кодов имеет архетипический характер. «Однако их проявления, удельный вес каждого в определённой культуре, а также метафоры, в которых они реализуются, всегда национально детерминированы и обуславливаются конкретной культурой» [Красных 2002: 232]. С.А. Кошарная отмечает, «антропоморфизм – свойство архаичных культур вообще, вне зависимости от национальной специфики» [Кошарная 2002: 94].

Понимание действительности в форме олицетворения продуцирует антропоморфный код (по В.А. Масловой и М.В. Пименовой – соматический код [Маслова, Пименова 2016: 106]). «Еще Протагор говорил, что «человек есть мера всех вещей» [Маслова, Пименова 2016: 55].

Те или иные представления создаются по определённым законам. «...основные законы образования рядов представлений это ассоциация и слияние. Ассоциация состоит в том, что разнородные восприятия, данные одновременно, или одно вслед за другим, не уничтожают взаимно своей самостоятельности, подобно двум химически сродным телам, образующим из себя третье, а, оставаясь сами собой, слагаются в одно целое. Два цвета, данные вместе несколько раз, не смешиваясь между собой, могут соединиться так, что мы одного представить себе не можем, не представляя другого. Слияние, как показывает само слово, происходит тогда, когда два различных представления принимаются сознанием за одно и то же, например, когда нам кажется, что мы видим знакомый уже предмет, между тем, как перед вами уже другой» [Потемня 1913: 91]. Таким способом создаются ассоциативные ряды, которые конструируют концепт. В семантической структуре слова появляются коннотативные компоненты.

Тело человека находится в основе описания трудовой деятельности. В татарском языке многочисленные стереотипные представления, связанные с трудовой деятельностью, отражаются посредством таких квазисимволов, как, например, *кул* 'рука', которого можно отнести к элементам базисного уровня. Данный языковой символ встречается в большом количестве пословиц, поговорок, фразеологических единиц. Важность данной части тела отражается и в том, что формой олицетворения руки является человек-герой: *куз куркак – кул – батыр* 'букв. глаз труслив – рука – молодец'; *куңел куркак – кул-батыр* 'букв. душа труслива – рука – молодец'. Как отмечает М. Д. Чертыкова, что в паремическом творчестве о трудолюбии / лени отдельную категорию составляют паремии, раскрывающие контрастные оценочные характеристики двух типов людей – трудолюбивого и ленивого. На наш взгляд, такой способ подачи паремической мысли способствует наиболее эффективному его восприятию. Поскольку пословицы и поговорки в своём содержании имплицитно поучительную и предупреждающую установку, то слушающий однозначно избирает для себя положительную концепцию информации, тем самым примеряет для себя роль трудолюбивого человека, а «судьбу» ленивого человека сознательно / или подсознательно отторгает [Чертыкова 2021: 82]. В поле зрения языковой личности попадают и части руки, например, *бармак* 'палец', *терсәк* 'локоть'.

Бармак репрезентирует нежелание трудиться, ничегонеделанье, беспечность, небрежность по отношению к выполняемой работе: *бармак очын да селкетмәү* 'пальцем не пошевелит', *бармакка бармак сукмау* 'палец о палец не ударит'. Тем самым человек подвергается отрицательной оценке.

Локоть репрезентирует старательную работу. Данный образ находит опосредованное, описательное выражение в языке: *жиң сызганып* 'засучив рукава'.

Рука является стереотипом качества выполнения деятельности: *кулы биш* 'мастер на все руки'; *кулы кулга йокмый* 'руки так и ходят, кулы килә' 'руки тем концом вставлены', *кулында ут уйната* 'в руках огонь горит' и др. Отрицательные коннотации обусловлены следующими единицами: *кулында эш күгәрә* 'букв. в руках работа плесневеет', *кулыннан берни килми* 'букв. руками ничего не умеет делать', *кулын кушырып утыра* 'букв. сидит сложа руки' и др.

Как видим, квазиденотативное содержание единиц с лексемой *кул* определяет ценность труда и человека, трудность работы, уровень мастерства. Значим для коллективного сознания и квазисимвол *аяк* 'нога', который выражает стереотипные представления о выполнении той или иной работы. Внутренняя форма выражает отрицательную оценку, поэтому квазистереотип *аяк* 'нога' имеет отрицательные коннотации: *аяк өстеннән генә эшләү* 'букв.

делать на ходу', *аягы белән эшләгән* 'букв. ногами сделанный'. Образ «нога» репрезентирует уставшего человека: *аяксыз калу* 'букв. остаться без ног', *аяктан егылганчы эшләү* 'букв. работать до упаду'.

Частями тела, с помощью которых выражаются стереотипные представления о труде, являются *арка* 'спина', *бил* 'поясница'. Квазисимволы *арка*, *бил* вербализуют представления о физическом напряжении, которым сопровождается выполнение той или иной работы. Отражение данных частей тела квазиденотативным содержанием обусловлено тем, что наибольшая физическая нагрузка при выполнении той или иной работы падает на спину и поясницу. Языковые символы *арка*, *бил* отражают представления о чрезмерном труде: *арка чылану* 'букв. мочить спину', *арка тиресе каезланганчы эшләү* 'букв. работать до образования горба', *бил бөгү* 'букв. гнуть поясницу', *бил бөкрәйгәнче эшләү* 'букв. работать, ломая поясницу'.

Квазистереотипы *тире* 'кожа', *кан* 'кровь' также выражают стандарты непосильной работы. Стереотипом чрезмерного напряжения сил являются представления о поте: *тиргә батып эшләү* 'букв. работать, обливаясь потом'. Пот становится своеобразной мерой и оценкой труда: работать и не вспотеть – это значит недостаточно хорошо работать. С потом и лбом связаны и представления о вознаграждении, плате за труд: *мангай тирен агызып тапкан* 'букв. добывать, проливая пот со лба'; *тиргә батып эшләгәч, тәмле итеп ашарсың* 'букв. поработав, проливая пот, будешь вкусно есть'. Сочетанием компонентов *жан* 'душа' и *тир* 'пот' вербализуются представления о напряжённом труде, требующем значительных усилий. Данное сочетание наполнено отрицательной коннотацией: *жан тир белән, жан тирләрен чыгарып* 'букв. проливая пот души'.

Представления о честном труде вербализуются квазисимволом: *бөкре* (горб), *бөкресе чыкканчы эшләү* 'букв. работать до появления горба'. Квазисимволы *аяк*, *теш*, *авыз* вербализуют представления о связи работы и её результата: работаешь – кушаешь. *Аягың ләпелдәп торса, авызың чәпелдәп торыр.* – 'букв. Если шевелить ногами, будешь шевелить ртом'. *Эшең катыбулса, тешеңә йомшак булыр.* – 'Если работы много, то зубам будет мягко'.

Стереотипом больших усилий являются представления о лице (бит) и волосах (чәч): *бит белән жир себерү* – 'букв. лицом землю подметать', *чәч белән идән юү* – 'букв. волосами мыть пол'.

Стандартные представления об интеллектуальном труде репрезентируется квазисимволом *баш*: *Кул эшли, баш туйдыра* – 'букв. руки работают, голова кормит'. *Баш белән эшләгәнче, кул белән эшләү жиңелрәк.* – 'букв. Легче работать руками, чем головой'. Выбор данного образа обусловлен представлениями о том, что голова является вместилищем ума.

Таким образом, концепт *хезмэт* является антропоцентричным. Анализ образных концептообразующих лексико-фразеологических единиц позволяет сделать вывод, что при концептуализации

труда сознание охватывает человеческие очертания. В данном случае выбор частей тела обусловлен их функциональными особенностями.

Литература

Кошарная С. А. Миф и язык: опыт лингвокультурологической реконструкции русской мифологической картины мира. – Белгород, 2002. – 287 с.

Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. – М.: Гнозис, 2002. – 283 с.

Маслова В. А., Пименова М. В. Коды лингвокультуры. – М.: Флинта; Наука, 2016. – 180 с.

Мукатдесова Ч. Р. Концепт «труд» в татарском и немецком языках: на материале пословиц и поговорок: автореф. дисс. ... канд. филол. н. – Казань, 2012. – 27 с.

Пименова М. В. Вегетативный код как способ описания внутреннего мира человека // *Ethnohermeneutik und Antropologie* / Hg. von E. A. Pimenov, M. V. Pimenova. Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2004. – S. 95–102.

Сагдеева Ф. К. Лексико-фразеологические средства выражения концепта «труд» // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста. – Волгоград: Перемена, 2003. – С. 106–108.

Сагдеева Ф. К., Байрамова Л. К. Образная основа концепта «труд» // Мир человека и мир языка: коллективная монография / отв. ред. М. В. Пименова. – Кемерово: Графика, 2003. – С. 302–309.

Сагдеева Ф. К. Отражение концепта «труд» в лексико-фразеологических средствах // *Ethnohermeneutik und Antropologie* / Hg. von E. A. Pimenov, M. V. Pimenova. Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2004. – S. 120–123.

Сагдеева Ф. К. Ценность *хезмэт* (труд) в языковом сознании татар // Учёные записки КФУ им. В. И. Вернадского. Филологические науки. – Симферополь. – № 3. 2016. – С. 429–434.

Телия В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и её экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 26–52.

Чертыхова М. Д. Образ трудолюбивого / ленивого человека в хакасской пословичной картине мира // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2021. № 2 (32). – С. 79–92.

Л. Х. Самситова, Р. И. Самситова
(Уфа, Россия)

КОННОТАТИВНЫЙ АСПЕКТ ЗООНИМОВ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Данная статья посвящена изучению лексики с национально-культурным компонентом значения. Особое внимание уделяется исследованию коннотативного аспекта зоонимов в структуре языковой картины мира. На конкретных примерах демонстрируется, как коннотативная лексика отражает специфику языковой картины мира данного народа, какие коннотативные возможности имеют зоонимы. Авторами отмечено, что коннотация – процесс динамический, изменчивый; коннотативное значение – не окончательно сформировавшийся феномен, а живой процесс.

Ключевые слова: языковая картина мира, лексика с национально-культурным компонентом значения, коннотативная лексика, коннотация, зоонимы.

В связи с обострившимся в последнее время вниманием к проблеме «Язык и культура» в парадигму лингвистических исследований включается выявление национально-культурного компонента значений языковых единиц разного уровня. Более всего этот компонент выражен на лексическом и фразеологическом уровнях. Лексика, как наиболее тесно соприкасающийся с миром действительности уровень языка, помимо традиционных характеристик с точки зрения значения слов, связей слов по значению (антонимы, синонимы), по степени актуальности и сфере употребления (литературная лексика, диалекты, специальная лексика), нуждается в характеристике в аспекте национально-культурной специфики.

К лексике с национально-культурным компонентом значения относится безэквивалентная, коннотативная, фоновая лексика.

Близкие к безэквивалентной лексике слова, совпадающие в двух языках своими денотатами, но не

совпадающие своими коннотатами, Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров называют коннотативными [Верещагин, Костомаров 1990: 73].

Коннотативная лексика (*con* – «вместе» и *noto* – «отмечаю», «обозначаю»; *connoto* – «имею дополнительное значение», то есть – созначение) – лексика, имеющая, помимо лексического значения, различного рода эмоционально-экспрессивные, метафорические, символические созначения, например, *дуб* – символ сильного человека, а также не очень понятливого; *змея* – созначение хитрость, коварство; *заяц* – трусость, робость и т. д. Символы литературного происхождения: *мёртвые души*, *Коробочка*, *Собакевич*, *лишние люди*, *маленький человек* и др.; *Клён* у Есенина; *рябина*, *красное*, *белое*, *чёрное* у М. Цветаевой [Саяхова 2006: 23].

До недавнего времени коннотация понималась в большинстве случаев как эмоциональные элементы в значении слова. О. С. Ахманова даёт следующее

определение коннотации: «Дополнительное содержание слова или (выражения), его сопутствующие семантические и стилистические оттенки, которые накладываются на его основное значение, служат для выражения разного рода экспрессивно-эмоционально-оценочных обертонов и могут придавать высказыванию торжественность, игривость, непринуждённость, фамильярность и т.п.» [Ахманова 1969: 203, 204].

В современной лингвистике термин «коннотация» понимается как семантическая сущность, узואльно илиokkaзионально входящая в семантику языковых единиц и выражающая эмотивно-оценочное и стилистически маркированное отношение субъекта речи к действительности при её обозначении в высказывании, которое получает на основе этой информации экспрессивный эффект [Телия 1986: 5].

Суть коннотации состоит в том, что она вносит в речь легкость и разнообразие, а в сознание говорящего – оживление, становящееся особенно привлекательным в нейтральном контексте.

Коннотация (с латинского: имею дополнительное значение) – эмоциональная, оценочная или стилистическая окраска языковой единицы узואльного характера. В широком смысле это любой компонент, который дополняет предметно-понятийное, а также грамматическое осознание языковой единицы и придаёт ей экспрессивную функцию на основе сведений, соотносимых с эмпирическим, культурно-историческим мировоззрением говорящих на данном языке, с эмоциональным или ценностным отношением говорящего к обозначаемому или стилистическими регистрами, характеризующими условия речи, сферу языковой деятельности, социальным отношением участников речи, её форму. В узком смысле это компонент значения, смысла языковой единицы, выступающей во вторичной для неё функции наименования, которое дополняет при употреблении в речи её объективное значение ассоциативно-образным представлением об обозначаемой реалии на основе осознания внутренней формы наименования.

Субъективная речевая природа коннотации противопоставлена объективному содержанию языковых единиц, ориентированному на когнитивную функцию языка.

Как правило, коннотации основаны на ассоциациях, идущих от слова, однако иногда они мотивированы свойствами реалий: *ихтиозавр* (об отсталом человеке), *телёнок* (о тихом, ласковом человеке), *базар* (о шумном месте), *винегрет* (о всякой смеси), *хлев* (о грязной квартире), *баня* (о всяком жарком месте), *талмуд* (об утомительном чтении) и т. д. [Маслова 2010: 56].

Зачастую коннотации воспринимаются как оценочный ореол, при этом также ярко проявляется

национальная специфика языка, создающая картину мира. Например, в картине мира русских сочетание *старый дом* коннотирует негативную оценку, у англичан это сочетание имеет положительную коннотацию; *голубые глаза* (к-к-з) для киргизов – самые некрасивые глаза, почти бранное выражение, зато *коровьи глаза* (о человеческих) – очень красивые, оценка здесь основана на денотате (корове). Коннотации, таким образом, представляют собой форму ценностного освоения мира, фактор внутренней детерминации поведения [Маслова 2010: 56].

Коннотативным значением обладают так называемые ключевые слова, т.е. слова, выражающие жизненно важные понятия в культуре данного народа. Так, например, в книге «Язык и культура» (Уфа, 1995) отмечается, что большую роль в кочевой жизни башкир играл конь. Джигит и конь всегда рассматривались в народе как единое целое. Бесконечно количество песен, в которых ключевой образ коня представлен целым набором слов – *вороной, гнедой, саврасый, рыжий, ак толпар, жеребец, кобылица, акбузат* и др.» [Саяхова 1995: 25].

Ознакомившись с работами Н.Х. Максютовой, У.Ф. Надергулова, М.М. Зайнуллина, А.А. Костина и др., мы встречаем такие слова, относящиеся к ключевому слову *конь*, как *аргымак, толпар, колон, юрга, ябага тай, тай, конан, конажын, дунэн, дунэжен, айгыр, байтал, азау айгыр, һәүерек* и др. Следует отметить, что эти слова имеются и в словаре «Реалии башкирской культуры» [Самситова 2006: 216]. Н.Х. Максютова приводит также термины, обозначающие масть лошади: *күгат* – ‘сивый’ имеет варианты *тимергүк* – ‘вороно-сивый’, *аккүк* – ‘бело-сивый’, *көңгөргүк, күңыргүк* – ‘буро-сивый’, *карагүк* – ‘тёмно-сивый’, *кызылгүк* – ‘сивый с рыжей гривой и с рыжим хвостом’ и т.д. *Ерэн* – ‘рыжий’, *колерэн* – ‘булано-рыжий’, *канерэн* – ‘красно-рыжий’, *караерэн* – ‘рыжий с чёрной гривой и с чёрным хвостом’, *сыңгызерэн, кукһелерэн* – ‘сиво-рыжий’, *акерэн* – ‘бледно-рыжий’ и т.д. [Максютова 1985: 18–26].

В образовании терминов выделяются масти-доминанты, на основе которых образовались новые по структуре и семантике слова. Например, М.М. Зайнуллин выделяет такие доминанты, как *саптар* – ‘игривый’, *бурыл* – ‘чайный’, ‘серый’, *ерэн* – ‘рыжий’, *бүртә* – ‘караковый’, *туры* – ‘гнедой’, *кола* – ‘буланный’, *буз* – ‘серый’, ‘сивый’, *кара* – ‘вороной’. К каждому слову автором даётся определение [Зайнуллин 1999: 27, 28].

Ключевые слова привлекают внимание учёных, они исследуются с разных точек зрения и в том числе с точки зрения коннотативного потенциала. Так, известно, что ключевое слово *акбузат* насчитывает около 30 названий-терминов.

Коннотации характеризуют, как правило, основные или исходные значения слов, а материализуются они в переносных значениях, метафорах и сравнениях, производных словах, фразеологических единицах, определённых типах синтаксических конструкций, семантических областях действия одних единиц относительно других и т. д.

Метафоризация, словопроизводство, семантическое взаимодействие слов – это те языковые процессы, которые могут разворачиваться на основе коннотаций и в которых коннотации вещественно себя обнаруживают. В результате этих процессов несущественный и прагматический признак исходного значения слова становится существенным и семантическим в переносном значении, во фразеологизме, производном слове. Таким образом, в коннотациях проявляется важный творческий аспект языка: они являются одним из потенциальных источников его семантического и лексического обновления.

Большие коннотативные возможности имеет в русском языке пласт лексики, называемый зооморфизмы. Под термином «зооморфизм» мы понимаем лексико-семантическое единство основного номинативного варианта, соотносённых с ним образно-переносных значений и устойчивых сравнений, где данное животное предстаёт как эталон определённых качеств, свойств, способностей человека: *баран* – глупый, *заяц* – пугливый, *ишак* – упрямый, *загруженный работой*, *лиса* – хитрый, *лошадь* – трудолюбивая, *медведь* – неуклюжий и т. д.

Национально-культурное своеобразие зооморфизмов особенно наглядно проявляется при сопоставлении двух языков, которое показывает, что в обоих языках есть более или менее сходные образы и символы. Например, как для башкир, так и для русских *ат* 'лошадь' – это воплощение трудолюбия и выносливости, *төлкө* 'лиса' является символом хитрости, *куян* 'заяц' – трусости, *суска* 'свинья' – неопрятности и т. д. На основе этих образов в обоих языках появились некоторые зооморфизмы, полностью или частично совпадающие по структуре и значению. Имеются слова, где коннотации слов не совпадают, например, русские, сравнивая человека с овцой, имеют в виду сбившегося с правильного пути или безответственного человека, у башкир со словом *һарык* 'овца' связываются такие ассоциации, как *глупый*, *тупой*, *бестолковый*. Также разные коннотации имеет слово *һөлөк* 'пиявка'. Башкиры говорят, *һөлөктэй егет* (о красивом,

статном молодом человеке), у русских данное слово ассоциируется с надоедливый человеком.

Различия в коннотативных значениях слов объясняются, во-первых, культурно-этнографическими особенностями, присущими народам разных стран. Так, Х. Касарес в своей работе приводит примеры, когда одних и тех же животных различные народы наделяют различными качествами. Так, в испанском языке *aguila* – орёл символизирует пронзительность, в русском – смелость; *ostra* – устрица – молчаливость, в русском языке образ отсутствует. Между тем *oveja* – овца, *vaca* – корова, *pantega* – пантера, *elefante* – слон и многие другие животные, наделённые характерными свойствами, в испанском языке не имеют никаких коннотаций. Тогда как *корова* в русском языке имеет отрицательную коннотацию грузной, нерасторопной, неуклюжей женщины. Напротив, *лиса* – *рысь* – животное, неизвестное на территории Испании, с давних времен служит для обозначения хитрой и пронзительной личности. Вместе с тем ряд коннотаций в испанском и русском языках совпадают: например, *tigre* – *тигр* символизирует свирепость. «Несомненно, что обстоятельное исследование некоторых случаев совпадения коннотативных значений слов, – считает Касарес, – обнаружило бы влияние многовековых традиций, восходящих к общеиндоевропейскому фольклору и распространившихся главным образом через басенную литературу» [Касарес 1958: 126, 127].

Закрепление ассоциативных признаков в значении слова, т. е. возникновение коннотаций – процесс культурно-национальный, он не подчиняется логике здравого смысла (почему, например, именно заяц труслив, а не лиса), поэтому у разных народов эталонами трусости могут быть другие животные и птицы.

При рассмотрении зооморфизмов в словарях современного русского литературного языка мы видим колебание их авторов в выборе типа толкования. Один тот же зооморфизм в разных словарях определяется по-разному, хотя он и употребляется в определённом значении. Это связано с тем, что коннотация – процесс динамический, изменчивый. Материалы словарей показали, что коннотативное значение – не окончательно сформировавшийся феномен, а живой процесс.

Таким образом, коннотативная лексика – это целый пласт номинативного инвентаря языка, сравнительно недавно открытый и ещё недостаточно изученный.

Литература

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Сов. энцикл., 1966. – 606 с.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – Москва: Русский язык, 1990. – 269 с.

Горохова Т.С. Коннотативный аспект семантики глагольной лексики в современном русском языке: дисс. ... канд. филол. наук. – Тамбов, 2008. – 249 с.

Гукетлова Ф.Н. Зооморфный код культуры в языковой картине мира (на материале французского, кабардино-

черкесского и русского языков): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2009. – 46 с.

Зайнуллин М. М. Масти лошадей башкирской породы // Проблемы изучения и преподавания филологических дисциплин: материалы Всероссийской научно-практической конференции. (Башкирская филология). – Стерлитамак, 1999. – С. 27–28.

Касарес Х. Введение в современную лексикографию. – М., 1958. – 355 с.

Максютова Н. Х. Терминология коневодства у башкир // Вопросы лексикологии и лексикографии башкирского языка. – Уфа, 1983. – С. 18–26.

Маслова В. А. Лингвокультурология: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – Изд. 4-е, стереотип. – М.: Издательский центр «Академия», 2010. – 202 с.

Самситова Л. Х. Реалии башкирской культуры. Словарь безэквивалентной лексики башкирского языка / под ред. проф. М. В. Зайнуллина, проф. Л. Г. Саяховой. – Уфа: Китап, 2006. – 216 с.

Самситова Л. Х. Безэквивалентная лексика башкирского языка: монография. – Уфа: Башк. энцикл., 2018. – 164 с.

Саяхова Л. Г. Лингвокультурологическая концепция обучения русскому языку и учебники нового поколения: методическое руководство для учителей русского языка (5–11 классы). – Уфа: Китап, 2006. – 224 с.

Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.: Наука, 1986. – 142 с.

Язык и культура: учебное пособие по спецкурсу / отв. ред. Л. Г. Саяхова. – Уфа: БГУ, 1995. – 167 с.

Н. К. Сейталиева, С. Н. Абдуллаев
(Каракол, Киргизия)

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПАРЕМИЙ И ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ: ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ

Предлагаемая статья посвящена осмыслению языковой природы паремий. Авторы исходят из того, что значимым являются классификационные вопросы соотносимости паремий и фразеологизмов. Интерес вызывают дифференциальные признаки таких разновидностей паремий, как крылатые выражения, пословицы и поговорки.

Ключевые слова: паремия, фразеологизм, пословица, поговорка.

В национально-культурном колорите языка как когнитивной памяти народа отражается опыт его многовековых раздумий и наблюдений, духовные ценности и традиции. Для того, чтобы понять культурные концепты народного творчества, считал В. Гумбольдт, «необходимо научиться понимать содержащийся в нём особый глубокий смысл, как многовековой опыт многих поколений, поскольку в каждом языке содержится особый глубокий смысл, наработанный не одним поколением людей, благодаря чему можно постичь индивидуальное национальное своеобразие людей, что в каждом слове отражается «внутреннее языковое сознание нации» [Гумбольдт 1985: 31–41].

А. А. Потебня писал: «Поэтичность характеризует язык на всех этапах его развития» [Потебня 1976: 141]. В выражениях типа *лицо, как молоко, кремь-человек, добрый молодец, красна девица* он видел проявление «образного поэтического мышления». Словесный образ создаётся с помощью языковых средств, но вызывает в нашем сознании наглядные представления, позволяющие ярко и глубоко понять качественную сущность одних предметов (лицо, человек) на основе их сопоставления с другими (белый снег, молоко, кремь): *белизна лица* – на основе представления об удивительно белом, чистейшем, только что выпавшем *снеге*. Мысль о непреклонной воле человека, о его непоколебимости – на основе представления о *кремне* – камне

таким прочным и твёрдым, что из него скорее можно высесть огонь, чем его разбить, разрушить.

Наиболее распространённый разряд всесторонне устойчивых фраз составляют пословицы, играющие большую роль в формировании и дальнейшем развитии литературного языка. Они часто используются как в устной литературной речи, так и в художественном тексте.

Пословицы привлекают к себе внимание спецификой своей семантики и структуры. Причиной этому является народное происхождение пословиц, их лаконичность, остроумие, общеупотребительность, возможность переосмысления значения. Для пословиц, по их мнению, характерны следующие черты: ясность, краткость, образность, обобщённость смысла, законченность мыслей, сжатость и т. д.

С середины XX в. в связи со становлением фразеологии как самостоятельной лингвистической дисциплины проблема соотносительности пословиц и поговорок с другими видами фразеологических оборотов решается с качественно новых позиций. Вопрос о том, относятся ли пословицы к фразеологии, решается учёными по-разному в зависимости от понимания ими сущности фразеологического оборота как языковой единицы. По данному вопросу среди учёных нет единого мнения.

Не все исследователи включают пословицы во фразеологию на том основании, что они отличаются от других фразеологических единиц синтаксической

завершённости и представляют собой грамматически оформленное суждение; в основе их целостного смыслового содержания лежат не понятия, а суждения, тогда как в основе лексического значения фразеологизма то или иное понятие; смысл их может быть передан только предложением (нередко развёрнутым), тогда как значение фразеологизма передаётся словом или словосочетанием; в состав фразеологии входят только поговорки, т. к. пословицы как фольклорный жанр во всей их совокупности не могут являться объектом толкования во фразеологическом словаре. Большинство лингвистов разделяет мнение о том, что отнесение к фразеологическим оборотам или, наоборот, выведение за пределы фразеологии тех или иных устойчивых сочетаний, обусловлено не тем, номинативные или коммуникативные это единицы, а тем, соответствуют ли они основным признакам фразеологичности. Признание пословиц и поговорок единицами фразеологического фонда прослеживается в работах Г. Л. Пермякова [Пермяков 1988: 31], В. Н. Телии [Телия 1986: 80–86] и др.

Мы разделяем мнение исследователей, включающих пословицы, поговорки и простые выражения во фразеологический состав языка, придерживаясь в этом вопросе точки зрения Н. М. Шанского: «Отнесение тех или иных сочетаний слов к фразеологии или, напротив, выведение их за пределы фразеологических оборотов обуславливается не тем, номинативные это единицы или коммуникативные, а тем, извлекаются они из памяти целиком или создаются в процессе общения» [Шанский 1994: 160]. Мы не создаём пословицу по моделям, варьируя лексический материал, а берём её в готовом виде такой, какая она есть в системе языка. Все номинативные фразеологические единства (ФЕ) характеризуются тем, что имеют обобщённую и целостную семантику. Пословицам также всё это присуще, т. к. они не членимы и обладают обобщённым актуальным значением, причём обнаруживая некоторую специализацию своей семантики. Это демонстрируют пословицы, даже если они необразны, а употребляются в буквальном смысле; ср. расширенно-обобщённую семантику пословицы: *Самая короткая дорога – прямая*.

Проблема определения основных, определяющих признаков фразеологизма решается лингвистами по-разному. Вслед за В. В. Виноградовым, который придаёт большое значение «воспроизводимости по традиции», а также Н. М. Шанским, обосновавшим тезис о воспроизводимости в одной из своих работ, считаем, что основным, определяющим свойством фразеологического оборота является воспроизводимость, обобщённость, идиоматичность семантики [ср. Виноградов 1973: 14–20].

Вслед за Н. М. Шанским и рядом других лингвистов мы считаем, что «фразеологический оборот – это воспроизводимая в готовом виде языковая единица, состоящая из двух или более ударных ком-

понентов словного характера, фиксированная (т. е. постоянная) по своему значению, составу и структуре» [Шанский 1994: 20].

Рассмотрим пословицы через призму фразеологизмов, т. е. с позиции соотношения их критериям фразеологичности. Как и номинативные фразеологические обороты, коммуникативные фразеологические обороты, в том числе пословицы, функционируют в языке в готовом виде, т. е. они не создаются в процессе общения, а воспроизводятся из памяти «в готовом виде с закреплённым и строго фиксированным значением, составом, структурой» [Шанский 1994: 21]. Свойством воспроизводимости объясняется устойчивость фразеологизмов.

Общей с фразеологизмами является и такая особенность исследуемых единиц, как целостность значения. Целостность значения фразеологической единицы – это её неразложимость, нечленимость на составные части. Если это произвести, то наступает момент дефразеологизации. Для фразеологического выражения важно смысловое слияние, «растворимость» значения компонентов в общем значении выражения. Пословицы обладают целостным значением, не зависимым от значения составляющих их компонентов даже тогда, когда это значение соответствует сумме значений компонентов [Шанский 1994: 45].

«Раздельнооформленность, сверхсловность и неоднородность – это признаки фразеологизмов применительно к пословицам не требуют доказательств. Пословицам присущи и такие признаки фразеологичности, как, например, эмоционально-экспрессивная выразительность, оценочность, образность. Самой типичной лексико-семантической чертой пословиц является образность. Не являясь их обязательным атрибутом, образность все же присуща большинству употребительных пословиц [Шанский 1994: 59].

Таким образом, пословицы обладают полным комплектом дифференциальных признаков, характеризующих фразеологический оборот, следовательно, их с полным правом можно отнести к разряду фразеологических оборотов. Назовём признаки, выделяющие пословицы в особую группу фразеологизмов.

Это, во-первых, их структурно-грамматическое своеобразие. Пословицы – это коммуникативные фразеологические обороты, соотносительные со структурой простого или сложного предложения. Являясь предложениями по своей структуре и значению, пословицы обладают смысловой и интонационной законченностью, категориями предикативности и модальности.

Различаются пословицы и фразеологические обороты номинативного характера и с точки зрения их значения: в основе целостного значения пословиц лежат не понятия, а суждения. Смысл пословиц мо-

жет быть передан только предложением, в то время как смысл фразеологических оборотов может быть передан словом, словосочетанием (нередко развернутым) [Абдуллаев, Акбембетова 2018: 5].

Группа пословиц, имеющая только буквальный смысл, или употребляющаяся в буквальном смысле (если это двуплановая пословица), обладает синтаксической членимостью и состоит из слов с определённым лексическим значением: *Век живи, век учись; Что посеешь, то и пожнешь* и др. Важнейшим признаком пословиц является обобщённость их значения. Пословица несёт в своём значении обобщённый характер высказывания, поэтому она может быть применима не к одной какой-либо ситуации, а ко многим схожим. Рассмотрев пословицы с позиции их соотношения с критериями фразеологичности, отметим, что пословицы обладают всеми определяющими признаками фразеологических оборотов: воспроизводимостью, целостным значением, устойчивостью значения, состава и структуры, раздельнооформленностью, сверхсловностью, а также характеризуются образностью, оценочностью и экспрессивностью.

Пословицы, так же как и другие фразеологические обороты, обладают способностью в системе языка вступать между собой в парадигматические отношения (полисемии, антонимии, синонимии). К доказательствам фразеологической природы этих единиц на уровне языка можно добавить фразеологичность пословиц на уровне речи: они функционируют в речи как живые единицы языка, которые употребляются не только в своей традиционной форме, но и с различными трансформациями, обновляя структуру, содержание, изменяя свое стилистическое значение.

Пословицы, поговорки и крылатые фразы тесно переплетены и взаимосвязаны, но, несомненно, они различаются между собой. Пословицы – всесторонне устойчивые фразы, в обобщённом виде констатирующие свойства людей и явлений, дающие им оценку или предписывающие образ действий. Элементом их содержания является «цитатность», т.е. ссылка на авторитет общепринятого мнения [Шанский 1994: 41]. Поговорки – это литературно-разговорные, обиходно-разговорные и просторечные всесторонне устойчивые фразы, способные выражать только частный смысл. Поговорки не содержат обобщений о закономерных связях действительности, как пословицы, и применимы лишь к единичным, конкретным ситуациям [Шанский 1994: 73]. Пословицы, в нашем определении, коммуникативно законченные, всесторонне устойчивые, идиоматические фразы обобщающего характера. К поговоркам мы относим коммуникативно законченные, всесторонне стабильные идиоматические устойчивые фразы непословичного и нецитатного характера с частным типом семантики.

Крылатые фразы рассматриваются как всесторонне устойчивые высказывания, впервые употреблённые определённой исторической личностью – писателем, государственным деятелем и др. Это те фразы, которые до сих пор ассоциируются с тем или иным произведением художественной литературы или с личностью их автора.

Пословица как жанр, близкий к художественному произведению, характеризуется образностью, создающейся при помощи средств метафоры: *Лес рубят – щепки летят; Плетью обуха не перешибешь*; синекдохи: *Сытое брюхо к учению глухо; Дурная голова ногам покоя не даёт*; олицетворения: *Не смейся, горох, не оскаливай зубов; намокнешь сам лопнешь; Без ветра дерево не шатается*; сравнения: *Грязь что сало: потер и отстало; Чужая мука белее молока*; антитезы: *Ученье – свет, а неученье – тьма; Счастливый идёт – на клад набредёт, а несчастный пойдёт – гриба не найдёт*; тавтологии: *Здоровому всё здорово; Бережённого и бог бережёт*; рифмы: *Буду есть мякину, а фасон не кину; Голосиста пташка, да грязна рубашка*; ритмической организации: *Жизнь прожить – не поле перейти; Не тем моются, чем мараются*. Образность, поэтичность не свойственна многим афоризмам, например: *Друг познаётся в беде; Хитрость паче силы; Возлюби ближнего своего*.

С целью установления сходств и различий образных обозначений фразеологизмов, пословиц русского и тюркских языков нами были отобраны свыше 150 наиболее частотных единиц (в том числе и антропоцентрические), используемых в художественном тексте, рассказах, текстах басенного жанра, или употребляемых в повседневной речи, которые представлены как номинацентрические пословицы (компонентами выступают имена: наименования животных, предметов и т.п.). Именно концепты с наименованиями животных птиц и растительного мира обладают яркой коннотацией. Формирование культурных коннотаций связано с ролью данных слов в жизни носителей языка, их ролью в религии, мифологии, фольклоре, а также свойствами и образами самих реальных предметов и ассоциациями, которые они вызывают. При этом в культуре других народов эти слова обозначают лишь конкретные вещи, не вызывающие никаких дополнительных ассоциаций.

Так, например, *домашний скот*, о котором ещё древние тюрки говорили, что в жизни немислимо обойтись без домашнего скота: он и пища, и кров, и плот, и одежда, и обувь. Этот денотат не мог не найти своего отражения в тюркской фразеологии. Данный факт свидетельствует о том, что у учащих-ся системный комплекс лингвистических и экстралингвистических знаний наиболее эффективно строить на материале пословиц и фразеологических единиц, поскольку в них ярко отражается характер-

ный способ восприятия и осмысления окружающей действительности, культурно-познавательный и социальный опыт людей, тем более в национально-культурном колорите языка, как когнитивной памяти народа, отражается опыт его многовековых раздумий и наблюдений, духовные ценности и традиции.

Чтобы понять культурные концепты народного творчества, необходимо научиться понимать содержащийся в нём особый глубокий смысл, сформировавшийся многими поколениями. Ещё В. Гумбольдт пытался постичь индивидуальное национальное своеобразие людей, исходя из того, что в каждом языке содержится особый глубокий смысл, наработанный веками данным народом. В каждом слове, по утверждению Гумбольдта, отражается «внутреннее языковое сознание нации» [Гумбольдт 1985: 218].

Фразеологическая система любого языка представляет собой самобытное, сложное, комплексное явление, относящееся не только к языку, но и явление, существующее и развивающееся в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением, опытом его духовной и практической деятельности.

Национально-культурная специфика пословиц и фразеологизмов связана с проблемами изучения соотношения языка и мышления, языка и культуры. У каждого народа своё восприятие мира, обуславливающее его исторический опыт, культуру, традиции, стереотипы, эталоны. Каждый народ обладает своей «ментальной картой», с помощью которой происходит его психолингвистическая и психосемантическая ориентация в окружающем мире и реализуется его креативная функция в организации и совершенствовании этого мира.

Фразеология – это та область, в которой наиболее ярко проявляется национально-культурное своеобразие и особенности семантики языка. Естественно, что существуют и различные подходы и методы исследования данной проблемы. Так, лингвострановедческий подход эффективен для изучения в языке безэквивалентной лексики и обязательно при наличии фоновых знаний в качестве основы языкового общения. Контрастивный подход позволяет в сопоставлении фразеологических единиц разных языков и анализа имеющихся соответствий в другом языке выявить структурно-семантические особенности и различия, которые и определяют национально-культурную специфику фразеологических эквивалентов. Широко распространённый на сегодняшний день лингвокультурологический подход ориентирован на исследование взаимосвязей между фразеологизмами и знаками культуры – символами, стереотипами, эталонами. При этом фразеологизмы не только отражают знаки национальной культуры, но и благодаря своим особым семантическим свойствам – устойчивости и воспроизводимости – сохраняют и передают их из поколения в поколение, участвуя в формировании национального сознания,

национальной ментальности. Фразеология может рассматриваться с точки зрения изучения всех видов устойчивых словосочетаний как непредикативного, так и предикативного типа и в не зависимости от того, образны, идиоматичны они или нет и многие другие. Мы полагаем, что лингвокультурологический компонент предполагает хорошее владение родным языком, знание иностранных языков и стремление адаптироваться к многоязычной среде в профессиональном сообществе, т. е. усвоение профессионального подязыка, развитие тезауруса и языкового сознания, а также наличие этнокультурного самосознания, стремление к этнокультурному разнообразию, знание материальной и духовной культуры мира (языковой картины мира).

Г. Л. Пермяков установил, что пословицы и поговорки – не что иное, как знаки определённых ситуаций или определённых отношений между вещами. Отсюда он сделал вывод о необходимости разработать классификацию самих ситуаций. Дальнейшее изучение пословиц и поговорок помогло Г. Л. Пермякову уяснить их место в ряду других языковых и фольклорных клише, глубже разобраться в их внешней и внутренней структуре. В работе «К вопросу о структуре паремиологического фонда», говоря о тематике пословичных изречений, автор показывает, что подлинной темой какой-либо пословицы или поговорки является не то или иное слово, не та или иная мысль и даже не та или иная область человеческой деятельности, а некая инвариантная пара противопоставленных сущностей, к которой сводится смысл употребляемых в данной пословице образов. К числу таких инвариантных тематических пар относятся «Большое-Малое», «Близкое-Далёкое», «Хорошее-Плохое», «Старое-Молодое» и многое другое [Пермяков 1998: 54].

Используя понятия конструктивного типа предложений и мотивировки общего значения, Г. Л. Пермяков разделил все типы фольклорных клише на синтетические и аналитические формы и описал их свойства. Он прояснил вопрос о тематике паремий, показав, что она заключается в инвариантной паре противоположных сущностей, к которым сводится смысл употребляемых в той или иной паремии образов.

Главное направление поисков разных исследователей – выявление единицы, наиболее органично связывающей язык, культуру и социальную среду. При сопоставлении национально-языковых картин мира можно выделить универсальные и национально-специфические элементы. Коммуникативное поведение является компонентом национальной культуры, обусловленный национальным менталитетом, зафиксированный в национальных коммуникативных нормах в среде. Национальное коммуникативное поведение это совокупность норм и традиций общения в определённой лингвокультурной общности.

Коммуникативные нормы – правила вербального и невербального взаимодействия, обязательные для выполнения в данной лингвокультурной общности. Изучение коммуникативного поведения разных народов позволяет выделить осознаваемое расхождение в нормах и традициях общения народов с позиции собственной коммуникативной культуры.

В структуре национальной культуры, функционирующей в языковой среде, вычлняются ценности, которые реализуются в некоторых нормах и правилах. Ценности – это социальные, социально-психологические идеи и взгляды, разделяемые народом и наследуемые каждым новым поколением. Таким образом, культуру можно рассматривать с разных точек зрения. Мы отдаём себе отчёт в том, что привести единое, всеобъемлющее и всеми принимаемое определение столь сложного явления как культура не представляется возможным. Национальная культура, выраженная в коммуникативном поведении, является синтезом культур различных классов, социальных слоев и групп соответствующего общества. Своеобразие и уникальность национальной культуры проявляется во всех сферах жизни и дея-

тельности общества данного народа. Как отмечают учёные, с точки зрения этнолингвистики, культура – это «поведение, объективно наблюдаемые действия в отношении социальным и физическим предметам, общие для всех членов данного человеческого коллектива»; это – «форма общения между людьми, которая возможна в такой группе, в которой общаются люди, имеет коммуникативную и символическую природу»; «система сознания, связанная с определённой этнической системой», эти определения максимально соответствуют нашему исследованию. В.Ф. Гумбольдт, Э. Сепир и др. отмечали, что язык, как деятельность большой духовной силы, определяет культуру народа: «язык является обязательной предпосылкой развития культуры в целом. Язык не существует вне культуры, т.е. вне социально унаследованной совокупности практических навыков и идей, характеризующих образ жизни народа...» [Стернин 2002; Сепир 1993].

Таким образом, вопросы состава и классификационных признаков паремий отражаются в разных точках зрения исследователей. Их осмысление помогает понять аккумулятивную функцию языка.

Литература

Абдуллаев С. Н., Акбембетова А. Е. Лингвистическая типология пословиц как объект изучения // И. А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика. Труды и материалы Международной конференции. В 2 томах / под общ. ред. К. Р. Галиуллина [и др.]. – Казань, 2017. – С. 3–6.

Бычков В. И. 2000 лет христианской культуры. – М.: Университетская книга, 2003. – 141 с.

Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М., 1973. – 190 с.

Гумбольдт В. Избранные труды по общему языкознанию. – М.: Прогресс, 1985. – 373 с.

Пермяков Г. Л. К вопросу о структуре паремиологического фонда. – М.: Наука, 1988. – 236 с.

Потебня А. А. Эстетика и поэтика. – М.: Искусство, 1976. – 616 с.

Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М., 1993. – 230 с.

Стернин М. А. Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. – Воронеж, 2002. – С. 50–58.

Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М., 1986. – 219 с.

Шанский Н. М. Лингвистический анализ художественного текста. – М.: Наука, 1994. – 220 с.

Н. Д. Сувандии
(Кызыл, Россия)

АЪТ «ЛОШАДЬ» В ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ ТУВИНЦЕВ¹

В работе рассматривается значимый в паремиологии тувинцев образ *аът / мал* ‘лошадь’. В пословицах и поговорках с упоминанием этого животного, играющего первостепенную роль в хозяйстве кочевых народов, отражается отношение народа к одной из важных жизненных ценностей. В образных выражениях, связанных с анималистическим образом *аът / мал* ‘лошадь’, ярко отражается национальная культурная специфика этноса.

Ключевые слова: устное народное творчество, пословица, поговорка, паремиология, лошадь, образ.

Пословицы и поговорки – это не только красноречивые слова, в которых выражена народная мудрость, но и одно из хранилищ традиций и обычаев тувинцев. Научных работ, описывающих разные стороны тувинских пословиц и поговорок, немало

[Курбатский 2001; Куулар 2001; Чадамба 2015; Паремология без границ 2020; Паремология на перекрестках 2021].

Значительную часть пословиц и поговорок тувинцев составляют выражения, связанные с зоо-

¹ Исследование подготовлено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта «Тезаурус этнической культуры в XXI в.: проблемы исследования и сохранения (на примере тувинской культуры)» (грант №21-18-00246).

нимическим миром. В данной работе систематизируется образ *аът* ‘лошадь’ в тувинских пословицах и поговорках. Для тувинцев *аът* ‘лошадь’ остаётся одной из важных жизненных ценностей. *Аът* ‘лошадь’ – основное средство передвижения во время *кадат* ‘пастбища скота’, особенно в таёжных, труднодоступных местностях. Также *аът эъди* ‘конина’ – мясо с лечебными свойствами, по причине которой немалое количество тувинцев глубокой осенью подготавливают *чиш* ‘скот, предназначенный на убой (для запасов на зиму)’. В народе говорят, что *аът эъди* ‘конина’ – горячее мясо, спасающее человека от холода и простудных заболеваний.

В малых жанрах устного народного творчества, в частности, пословицах и поговорках, выражалось отношение человека к *аът* ‘лошадь’, как к одному из самых терпеливых, выносливых, быстрых и ценных животных. Так, в пословицах *Аът болуру кулунундан, кижжи болуру чажындан*. – ‘Вырастает конь из жеребёнка, человек из маленького ребёнка’; *Аътты баглап өөредир, аныяан сурган өөредир*. – ‘К привязи коня приучают, словом молодых поучают’ – говорится о воспитании коня в хорошего помощника.

В паремиологическом фонде тувинцев встречается немало пословиц с зооморфизмом *аът* ‘конь’, воспевающих дружбу: *Чадаг чорба, аъттыг чор, чааскаан чорба, эштиг чор*. – ‘Имеешь коня – пешком не ходи, есть друзья – один не сиди’; *Эки кижээ эшхэй, эки аътка ээ хэй*. – ‘Доброму скакуну хозяев много найдётся, доброму молодцу – много друзей’; *Эки аъдыңны дөшке чыгава, эки эжиңни чокка кызава*. – ‘Доброго коня в гору не погоняй, доброго друга отказом не огорчай’. В пословицах воспеваются не

только дружба, но и неразрывная связь человека со своим конём.

О тонкостях родственных отношений говорят пословицы: *Аът багын мунуп билир, төрөл багын кирип билир*. – ‘Коня проверить хочешь – объезжай, родню проверить хочешь – заезжай’, *Кижжи экизи найыралда, аът экизи мунушта*. – ‘В дружбе человека познают, а коня в дороге узнают’. Другими словами, если хочешь приобрести себе хорошего скакуна, сначала проверь, объехав вокруг; если хочешь узнать что-то о своих родственниках, заезжай к ним.

Выявлены пословицы, в которых сравниваются маленький ребёнок и стригунок: *Чаваа аътты түредип болбас, чаи кижини коргудуп болбас*. – ‘Стригунка не измучивай, а ребёнка не пугай’; *Чавааны шаварга аскаар, чаиты аттынарга, ыглаар*. – ‘Захромает жеребёнок, коль на нём поскачут, маленького ребёнка не ругай, заплачет’.

Тувинцы метко говорят, что хороший конь хозяина никогда не бросает, даже если он попадёт в беду: *Эки аът орук часпас, эдирек куш хөл часпас*. – ‘Добрый конь не собьётся с пути, мимо озера утка не пролетит’; *Кырган аът орук часпас*. – ‘Старый конь с пути не собьётся’.

Встречаются и такие пословицы, в которых тувинцы выражают своё видение необходимости в повседневной жизни *аът* ‘лошади’: *Чаваа-даа бол, аъды херек, чалчай-даа бол, эзери херек*. – ‘Конь худой – зато твой, седло плохое – да не чужое’. Каждый тувинец в своём хозяйстве хочет в обязательном порядке иметь хоть худого, но своего коня.

В пословицах и поговорках мы видим крепкую связь человека и его коня.

Литература

Курбатский Н. Г. Тувинцы в своём фольклоре. – Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2001. – 464 с.

Куулар Д. С. История и современность: сборник трудов по фольклору и литературе. – Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2002. – 144 с.

Паремиология без границ: коллективная монография / Антонова Е. Н., Бредис М. А. и др. – М.: Изд-во РУДН, 2020. – 244 с.

Паремиология на перекрёстках языков и культур: коллективная монография / Бредис М. А., Иванов Е. Е., Ломакина О. В. [и др.]. – М.: Изд-во РУДН, 2021. – 246 с.

Чадамба Ш. С. Предложения-паремии в текстах русских художественных переводов с тувинского: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Абакан, 2015. – 23 с.

И. М. Чебочакова
(Абакан, Россия)

НАИМЕНОВАНИЯ ПРОДУКТОВ И БЛЮД В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ В АСПЕКТЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРОИЗВОДНОСТИ

В статье анализируется словообразовательный потенциал терминов-названий продуктов питания и блюд в хакасском языке. Однословные термины, называющие продукты и блюда в хакасском языке, служат основой для создания сложных терминов-существительных, парных слов с собирательным значением, прилагательных со значением места нахождения, принадлежности (наличия) и глаголов.

Ключевые слова: словообразование, хакасский язык, наименования продуктов, наименования блюд, словообразовательная производность, словообразовательная семантика.

Цель статьи – рассмотрение словообразовательного потенциала терминов, называющих продукты питания, блюда, в хакасском языке. Термин «словообразовательный потенциал» в дериватологии имеет широкое и узкое понимание: «широкое понимание связано со словообразовательной системой языка, обладающей совокупностью словообразовательных ресурсов, благодаря которым язык развивается... Он (словообразовательный потенциал) складывается из многообразия мотивирующих единиц, способов и средств деривации, взаимодействующих друг с другом. ...Словообразовательный потенциал в узком смысле – это деривационные возможности отдельного элемента словообразовательной системы» [Свечкарева 2006: 15]. На словообразовательный потенциал слова воздействуют «стилистическая окраска, широта сочетаемости, частеречная характеристика слова, частота употребления, культурная разработанность слова и связь слова с целенаправленной деятельностью человека, с важными явлениями для жизни и безопасности человека» [Свечкарева 2006: 15]. Мы рассматриваем производные слова, образованные от основ, называющих продукты и блюда, в узком смысле словообразовательной производности. При этом опираемся на выводы И. А. Мельчука о регулярности и предсказуемости синхронного словообразования («словообразования 1»), под которым понимается «образование сложных и производных лексем современного языка, которых нет и не может быть в словаре, их количество огромно, а получают они по строгим общим правилам, касающимся и смысла, и формы, и сочетаемости результирующих лексем» [Мельчук 1995: 477].

Данная тема в хакасском языкознании ранее не изучалась, названия продуктов питания и блюд рассматривались в семантико-культурологическом аспектах Р. П. Абдиной [Абдина 2021а; 2021б].

Базой для исследования стали материалы, представленные в «Хакасско-русском словаре» [Анжиганова и др. 2006], «Хакасско-русском и русско-хакасском тематическом словаре (разделы «Человек», «Флора и фауна»)» А. Д. Каксина и М. Д. Чертыковой [2021]. Исследование особенностей словообразовательной семантики интересно с точки зрения отражения в значениях производных единиц особенностей взгляда народа на мир, ценностной характеристики называемого объекта действительности, явления, процесса, действия, признака, качества и т. п.: «Словообразование есть то звено в языковой системе, которое ответственно за формирование обозначений элементов внешнего и внутреннего опыта человека» [Кубрякова 2012: 43].

В «Хакасско-русском и русско-хакасском тематическом словаре (разделы «Человек», «Флора и фауна»)» представлено 402 термина рассматриваемой лексико-семантической группы [Каксин, Чертыкова 2021: 10–22]. В указанном труде и в «Хакасско-рус-

ском словаре» [Анжиганова и др. 2006] мы выявили производные разных частей речи (существительные, прилагательные, глаголы), образованные от однословных наименований продуктов питания и блюд.

Анализ производных единиц показал, что при образовании производных терминов-существительных частородовое наименование служит базой для создания видового наименования. Приведем примеры: *седем* ‘национальный прохладительный напиток, приготовленный из *аарчы* с холодной водой’ → *аарчы седемі* ‘седем из аарчы, аарчы, разведённая с остуженной кипяченой водой’ [Каксин, Чертыкова 2020: 15, 10] (*букв.* аарчы+седем=его); *ун* ‘мука’ → *пугдай уны* ‘пшеничная мука’ (*букв.* пшеница + мука=её) [Анжиганова и др. 2006: 728], *арыс уны* ‘ржаная мука’ (*букв.* рожь+мука=её) [Каксин, Чертыкова 2020: 10]; *халва* → *арахис халвазы* ‘арахисовая халва’ (*букв.* арахис+халва=её) [Каксин, Чертыкова 2020: 10]. С точки зрения способа словообразования подобные примеры являются продуктом словосложения с подчинительным отношением компонентов.

Включение в одну сложную основу слов рассматриваемой тематической группы даёт в итоге парное слово с собирательным значением: *ун-талган* ‘мука и талкан’ (*букв.* мука + мелко смолотый обжаренный ячмень или пшеница), *ит-хан* ‘мясные продукты’ (*букв.* мясо + кровяная колбаса), *хайах-ничирё* ‘молочные продукты’ (*букв.* масло + сушёные сырки из творожистой массы, остающейся после перегонки айрана) [Анжиганова и др. 2006: 781].

Выделяется подгруппа сложных слов, образованных сложением прилагательного и термина, называющего какой-либо продукт, блюдо: *ах сүт* ‘цельное молоко’ (*букв.* белое + молоко), *көк сүт* ‘сепарированное молоко’ (*букв.* синее+молоко) [Анжиганова и др. 2006: 535], *мүнниг тамах* ‘пища, приготовленная на бульоне’ [Анжиганова и др. 2006: 585] (*букв.* бульон = имеющая + пища). Подобные единицы отражают определительные отношения компонентов, основанные на оценке номинируемого объекта в визуальном, вкусовом аспектах или с точки зрения наличия или отсутствия другого объекта.

В рассматриваемой группе представлены также единицы, образованные путём перехода словосочетаний (лексикализация) в разряд сложных слов: *хой-галаан ит* ‘мясо, запечённое на огне’ [Анжиганова и др. 2006: 138] (*букв.* поджаренное на огне+мясо), *иреен сүт* ‘простокваша’ [Анжиганова и др. 2006: 145] (*букв.* свернувшееся + молоко), *тоортхан талган* ‘десерт из талгана, мелко смолотого обжаренного ячменя или пшеницы’ (*букв.* застывший + мелко смолотый обжаренный ячмень или пшеница).

Термины, называющие продукты питания и блюда, послужили также базой для создания прилагательных со значением местонахождения, принадлежности (наличия) и глаголов.

Приведём примеры на прилагательные со значением местонахождения: *сүт=тегі* ‘находящийся в молоке’, *үгре=дегі* ‘находящийся в супе’, *ай-ран=дагы* ‘находящийся в айране, кисломолочном напитке’. К прилагательным со значением наличия относятся такие слова, как *сүт=тиг* ‘имеющий молоко, с молоком’, *ит=тиг* ‘имеющий мясо, с мясом’, *талган=ныг* ‘имеющий талкан’. Эти словообразовательные значения выражаются регулярно, свободно путём присоединения к основе слова аффикса со значением местонахождения и наличия.

Интересны в семантическом отношении подгруппы глаголов, мотивированных основами рассматриваемых терминов. Термины, называющие продукты питания, послужили базой для создания глаголов со значением «испытывать желание употребить названный продукт (блюдо, напиток)»: *мүн=сире-* ‘хотеть бульона’ (*мүн* ‘бульон’), *ит=сире-* ‘хотеть мясо’ (*ит* ‘мясо’), *сух=са-* ‘хотеть пить, испытывать жажду’ (*суг* ‘вода’). Также выявлена подгруппа глаголов с обобщённой семантикой «заготавливать названный вид продукта»: *порча=ла-* ‘разрезать на тонкие полосы и сушить мясо (особенно в тёплое время года)’ (*порча* ‘вяле-

ное мясо в виде кусочков, приготовленных впрок’), *салыг=ла-* ‘резать мясо на куски, полоски для вяления’ (*салыг* ‘мясо, разрезанное на полоски для вяления’). Представлено также два производных глагола со словообразовательными значениями «использовать названный продукт для приготовления пищи» (*тус=та-/туз=а-* ‘солить, консервировать’, *тус* ‘соль’), «образовываться, приготовиться» (*хуй-га=лан-* ‘образоваться (о студне)’).

Таким образом, однословные термины, называющие продукты и блюда в хакасском языке, служат основой для создания сложных терминов-существительных, парных слов с собирательным значением, прилагательных со значением местонахождения, принадлежности (наличия) и глаголов. Интересны с точки зрения особенностей семантики производные глаголы со словообразовательным значением «испытывать желание употребить названный продукт (блюдо, напиток)», «заготавливать названный вид продукта». Несомненно, что хакасский народ путём словообразовательных средств закрепил в производных словах самые важные и необходимые оценки объектов, свойств и действий.

Литература

Абдина Р.П. Принципы лексико-тематической дифференциации наименований продуктов питания и блюд в хакасском языке // Язык. Культура. Этнос. Чтения памяти Э.Ф. и Ф.Г. Чиспьяковых. – Новокузнецк: КГПИ КемГУ; Красноярск: Sitall, 2021. – 432 с. – С. 204–208.

Абдина Р.П. Семантика наименований еды в хакасском героическом эпосе // Материалы Международного симпозиума хакасского эпоса, VIII Международной научной конференции «Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий», посвящённой 300-летию открытия памятников енисейской письменности и Году хакасского эпоса в Республике Хакасия (23–25 сентября 2021 г.). – Абакан: Хакасское книжное изд-во имени В.М. Торосова, 2021. – С. 109–115.

Хакасско-русский словарь / О.П. Анжиганова [и др.]. – Новосибирск: Наука, 2006. – 1114 с.

Каксин А.Д., Чертыкова М.Д. Хакасско-русский и русско-хакасский тематический словарь (разделы «Человек», «Флора и фауна»). – Абакан: Изд-во ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова», 2020. – 224 с.

Кубрякова Е.С. Теория номинации и словообразования. – М.: Книжный дом «Либроком», 2021. – 88 с.

Мельчук И.А. Русский язык в модели «Смысл-текст». – М. – Вена: Школа «Языки русской культуры», Венский славистический альманах, 1995. – 682 с.

Свечкарева Я.В. О деривационном потенциале слова как языковой категории // Вестник Томского государственного университета. Бюллетень оперативной научной информации. – 2006. – № 111. – С. 15–17.

М.Д. Чертыкова
(Абакан, Россия)

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГЛАГОЛОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ ВКУСОВОГО ВОСПРИЯТИЯ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ

Глаголы со значением вкусового восприятия в хакасском языке не отличаются многочисленностью, но характеризуются высокой частотностью и содержательностью. Базовым глаголом со значением вкуса является **амза** – ‘пробовать что-либо для определения его вкуса’. Другие глаголы вкуса представлены сочетанием глагола со значением поглощения пищи и модификатора **кёр** – ‘смотреть’; ‘видеть’.

Ключевые слова: глагол, вкусовое восприятие, семантика, объект, субъект, хакасский язык.

Среди пяти основных видов восприятия вкус, как обоняние и осязание, представляются менее значимым перцептивным процессом. Однако в

жизнедеятельности человека названные перцепции имеют немаловажное значение. В начальном этапе принятия пищи и напитков человек чаще отведыва-

ет небольшое количество пищи для определения её вкуса, запаха, состава, температуры и т. д. Субъект, анализируя и оценивая маленькую дозу пищи, определяет её на предмет съедобности / несъедобности, свежести / испорченности, готовности / неготовности. На основе данного анализа, в свою очередь, формируется субъективная оценка по шкале «нравится / не нравится» или «вкусно / невкусно». Тем самым информация, передаваемая вкусовыми рецепторами, для человека и других живых существ является чрезвычайно важной.

В семантике глаголов вкусового восприятия доминирующим является признак «восприятие вкуса». Они приближены к глаголам со значением поглощения пищи (**чи** – ‘есть’, **азыран** – ‘кушать’, **ис** – ‘пить’ и др.), но отличаются от них объектной характеристикой, т. е. малой дозированностью поглощаемой пищи. В роли объекта при этих глаголах выступают наименования каких-либо кушаний и напитков. Базовым глаголом вкусового восприятия является **амза** – ‘пробовать что-либо (обычно, жидкое), чтобы определить его вкус или готовность’.

Чаще вкусовое восприятие выражается аналитической конструкцией с модификатором **кёр** – ‘смотреть’, ‘видеть’: **чип кёр** – ‘попробовать поесть (обычно твёрдое)’, **ызыр кёр** – ‘попробовать откусить’, **тайнап кёр** – ‘попробовать пожевать’, **ис кёр** – ‘попробовать попить’, **салдап кёр** – ‘попробовать погрызть’, **кимір кёр** – ‘попробовать погрызть’ и т. д.

В семантике глаголов вкусового восприятия содержится орган восприятия: язык (**амза** – ‘пробовать что-либо, чтобы определить его вкус’ и др.) или же зубы (**ызыр кёр** – ‘попробовать откусить’ и др.). Глагол **тады** – ‘иметь какой-л. вкус’ сочетается с именем объекта (любое кушанье или напиток) и наречием, выражающим характеристику вкусового восприятия (*вкусно, невкусно, неприятно, сладко* и т. д.). При том, что субъект при глаголе вкусового

восприятия имплицитно, но действие не может совершаться без него. *Ўғурде тус тадыбинча* – ‘В супе не ощущается соль’.

В хакасском языке, как и в других языках, глаголы со значением вкусового восприятия немногочисленны. Они двухвалентны: предполагают позиции субъекта и объекта. В зависимости от целенаправленности процесса, субъект всегда активен. Действие, выражаемое глаголами вкусового восприятия, является контролируемым и осознанным субъектом. Основным глаголом со значением вкуса является **амза** – ‘пробовать что-либо (обычно, жидкое), чтобы определить его вкус или готовность’. В качестве глаголов вкуса могут выступать сочетания глаголов поглощения пищи с модификатором **кёр** – ‘смотреть’. др.) или же зубы (**ызыр кёр** – ‘попробовать откусить» и др.). Глагол **тады** – ‘иметь какой-л. вкус» сочетается с именем объекта (любое кушанье или напиток) и наречием, выражающим характеристику вкусового восприятия (*вкусно, невкусно, неприятно, сладко* и т. д.). При том, что субъект при глаголе вкусового восприятия имплицитно, но действие не может совершаться без него. *Ўғурде тус тадыбинча* – В супе не ощущается соль.

В хакасском языке, как и в других языках, глаголы со значением вкусового восприятия немногочисленны. Они двухвалентны: предполагают позиции субъекта и объекта. В зависимости от целенаправленности процесса, субъект всегда активен. Действие, выражаемое глаголами вкусового восприятия, является контролируемым и осознанным субъектом. Основным глаголом со значением вкуса является **амза** – ‘пробовать что-либо (обычно, жидкое), чтобы определить его вкус или готовность’. В качестве глаголов вкуса могут выступать сочетания глаголов поглощения пищи с модификатором **кёр** – ‘смотреть».

СОВРЕМЕННЫЕ ПАРАДИГМЫ ГРАММАТИЧЕСКОГО И ФОНЕТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ СИБИРИ И ДРУГИХ РЕГИОНОВ

*Г. С. Абдуллаева
(Алматы, Казахстан)*

ТИПОЛОГИЯ МОДЕЛЕЙ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ С СЕМАНТИКОЙ НАЛИЧИЯ И ОТСУТСТВИЯ В ТЮРКСКО-МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена вопросам типологии моделей простого предложения с семантикой наличия и отсутствия в тюрко-монгольских языках. Автор рассматривает теоретические вопросы соотношения моделей на материале тюрко-монгольских языков. Такие вопросы являются актуальной проблемой современного синтаксиса в тюркологии и монголистике. Модель элементарного простого предложения интерпретируется в качестве лингвистического знака. В статье описываются общие закономерности для тюркских и монгольских языков.

Ключевые слова: модель, простое предложение, именной предикат, план выражения, план содержания, семантика, система.

Цель данной статьи – описание моделей простого предложения с именным предикатом, имеющим семантику наличия и отсутствия какого-либо предметного участника ситуации в конкретной локации. Нас интересуют вопросы абстрагирования и типизации при обращении к таким тюркским и монгольским языкам, как уйгурский, татарский, киргизский, турецкий, монгольский, калмыцкий.

Синтаксис – самый коммуникативный уровень системы языка. Именно здесь язык переходит в речь, и происходит когнитивное освоение окружающего мира. Для того, чтобы чётче представить себе эти сложные процессы, исследователи естественных языков вынуждены прибегнуть к методу моделирования коммуникативных единиц языка. Одним из таких единиц являются простые элементарные предложения с именными предикатами. В настоящей статье мы обращаемся к вопросу о сопоставлении моделей таких предложений в монгольских и тюркских языках. Такой подход усиливает акцент на типологических особенностях моделей простого предложения агглютинативных языков, что становится релевантным при сопоставлении с неродственными языками [Abdullayev 2018: 34–51].

Модель простого предложения – это тот теоретический конструкт, который помогает исследователю изучать не поддающиеся непосредственному наблюдению стороны и признаки предложений. Приступая к описанию моделей, мы должны чётко отдавать себе отчёт, что это прежде всего лингвистические знаки, т.е. двусторонние семиотические сущности.

Формальную сторону моделей мы передаём через структурную схему. Структурная схема предложения – отвлеченный образец, по которому в реальной речи строится неограниченное количество

фраз-предложений с одинаковой типовой семантикой.

За одной моделью предложения как единицей языка в речи может конструироваться бесконечное множество конкретных фраз-высказываний. Число стоящих за ними моделей как языковых сущностей конечно. Аналогично другим единицам языка, модель предложения имеет свою систему форм. Формы модели предложения, как отмечается в нормативной грамматике современного уйгурского языка, – это видоизменения структурной схемы, выражающие различные временные и модальные значения [Строй... 1989: 353; Абдуллаев, Абдуллаева 2014]. Вся совокупность таких форм называется парадигмой модели предложения [Строй... 1989: 353]. Такое понимание парадигмы предложения, очевидно, характерно не только для исследований по тюркским языкам. Близкую интерпретацию мы видим и в других лингвистических традициях. Так, в частности, мы позволим себе сослаться на дефиницию парадигмы предложения в русистике, которая прямо указывает на частные модально-временные значения, передаваемые определёнными видоизменениями формальной организации предложения [Шведова 1967].

В данной статье мы придерживаемся вербоцентрического подхода к осмыслению организации предложения, т.е. считаем конструктивной вершиной предложения предикат. В этом смысле будет резонно предположить, что в основном парадигма модели предложения коррелирует с парадигмой глагола [Абдуллаев, Абдуллаева 2014: 38]. Что касается предложений с именным сказуемым, то в моделях именных предложений в этом смысле имеется в виду связка. Отталкиваясь от указанного посыла в сторону описания разнообразных внутри- и межмодельных синтаксических процессов, можно рассу-

ждать о широком понимании парадигмы предложения [Белашапкина 1977].

Говоря о предложении как единице языка, мы имеем в виду модель предложения. Основной единицей синтаксического уровня мы считаем модель элементарного простого предложения (ЭПП). Основатель и вдохновитель известной новосибирской синтаксической школы проф. М.И. Черемисина, а также её многочисленные последователи в своих работах на материале разных языков неоднократно обращались к вопросам типологии моделей ЭПП. В результате было установлено, что модели образуют системы и варьируют как в плане выражения, так и в плане содержания. Так, в плане выражения необходимый предметный член предложения может выражаться формами разных падежей, а в плане содержания варьирование связано с категориально-лексическим наполнением той или иной обязательной позиции. Релевантным является вопрос о том, замещает ли обязательную позицию личное имя, предметное или географическое понятие [см, например: Серээдер, Скрибник, Черемисина 1998: 7]. Такие процессы обуславливают то обстоятельство, что близкие на первый взгляд модели в родственных языках могут отличаться.

Обратимся к модели предложений с именным предикатом наличия и отсутствия. Она инкорпорирует в себе значительные синтаксические потенциалы. В качестве примера можно взять модель в современном уйгурском языке, формулу которой представим следующим образом:

{NLok/Poss – NNom// – Bar/Yoq/Num Cop} – где кто/что есть/нет/ сколько

В составе формулы модели в фигурных скобках показывается структурная схема, а при помощи конструкции из вопросительных местоимений – пропозиция в составе модели. Данная модель в качестве единицы языка имеет определённые варианты. Мы уже отметили, что в варьировании задействованы оба плана модели как лингвистического знака.

Со стороны плана выражения значимы возможности изменений, которые мы связываем с самым значимым компонентом предложения – его предикатом. Их мы вполне можем причислить к числу структурных вариантов обсуждаемой модели.

{NLok – NNom – Bar Cop}

{NLok – NNom – Yoq Cop}

{NLok – NNom – Num Cop}

Например.

уйг. *Қашқарда мечит бар* – ‘В Кашгаре есть мечеть’

Ериқта су йоқ – ‘В канале нет воды (вода отсутствует)’

Фулжида алма баглири көп – ‘В Кульдже много яблоневых садов’

Тәкли маканда өсүмлүкләр аз – ‘В Таклимакане мало растительности’.

Как видно, приведённые варианты отличаются позицией предиката: это имя наличия, имя отсутствия и числительные (типа аз ‘мало’, көп ‘много’). Разнообразное лексическое наполнение не нарушает тождества данных вариантов.

Если позицию линейно первого обязательного компонента модели замещают словоформы в генитиве, вариативная перестройка захватывает и второй компонент, который принимает лично-притяжательное оформление.

{NPoss – NNom// – Bar Cop}

{NPoss – NNom// – Yoq Cop}

{NPoss – NNom// – Num Cop}

Такое варьирование коррелирует с варьированием семантики модели. Налицо два семантических варианта:

семантика местонахождения;

семантика обладания.

Приведём примеры на употребление реализаций варианта модели с семантикой местонахождения.

уйг. *Бизниң шәһәрдә уйғур мәктәплири бар* – ‘В нашем городе есть уйгурские школы’

тат. *Өстәлдә Тукайның китабы юк* – ‘На столе отсутствует книга Тукая’

кирг. *Тоодо карагайлар бар* – ‘В горах есть ели’.

А теперь обратимся к реализациям варианта модели с семантикой обладания.

уйг. *Чоканниң чирайлиқ көйниги бар* – ‘У молодой женщины есть красивое платье’

тат. *Бабайның иске балтасы бар* – ‘У старика есть старый топор’.

кирг. *Аскардын акчасы жок* – ‘У Аскара нет денег’.

Рассуждая далее, мы позволим себе отметить последующее ответвление в структурном варьировании рассматриваемой модели. Мы имеем в виду наличие или элиминацию предиката, который может формально отсутствовать. Например.

уйг. *Йезиниң алдида йешил дала* – ‘Перед селом зелёная степь’.

Ср. в турецком, в котором имя наличия не элиминируется, и калмыцком, в котором элиминация, как и в уйгурском, отмечается:

тур. *Evin önünde bir ağaç var.* – ‘Перед домом дерево’;

Өмннь дэртэ хар толһа. – ‘Спереди потёртый чёрный курган’.

Ещё один момент в структурном варьировании связан с наличием /отсутствием специальных номинализаторов типа *киши, адам, күн, инсан* ‘человек’. На наш взгляд, вариант с номинализаторами типа *киши, адам, инсан, күн* передает акцентированный модально-стилистический оттенок, например: уйг. *Мурат тәтур адам* – ‘Мурат упрямый человек (это точно; я знаю)’; калм. *Кергәрн куукн дигтә-тагта күн* ‘По (выполняемому) делам девушка аккуратный’.

человек' (срав. калм. *Бадм көдлмиштэн кинэн* – 'В работе Бадма старательный').

У номинализаторов типа *киши, адәм, кун, инсан* 'человек' лексическое значение делексиализуется, и эти единицы функционально начинают напоминать местоимения. В современном татарском языке вместо них употребляется местоимение в связочной функции.

Ср. тат. *Лотфулла бик талантлы шагыйрь ул* – 'Лутфулла – талантливый поэт';

Мачкәрә минем туган авылым ул – 'Мачкара – моя родная деревня'.

Учитывая это, мы позволим себе назвать такие вариативные единицы не номинализаторами, а «прономинализаторами».

В структуре модели не отражаются разные факторы. Это и лексический материал, и парадигматические модификации формы сказуемого; ср., например: уйг. *Айга қарап беқиңлар* – 'Посмотрите внимательно (на) луну'. Даже перестройка предикативного узла по изафетной схеме, как показывают материалы современного уйгурского языка, не нарушает тождества модели в модальных модификациях простого предложения. Ср. уйг. *Һава райи иссиқ* – 'Погода жаркая' => *Һава райиниң иссиқлиғини!* – 'Ох и жаркая же погода!'; калм. *Һазак халун* – 'Уличная жара' => *Эн һазак халун!* – 'Эта жара на улице!' (что с погодой!) [Абдуллаев, Абдуллаева 2014; Абдуллаев 2020: 19]. Появление или элиминирование факультативных второстепенных и главных членов – например, отсутствие подлежащего в форме 1 и 2 лица во фразах лежат в плоскости речи. В этих случаях нет оснований говорить о варьировании модели. Эти различия касаются только реализаций данной конкретной модели в речи.

Очевидно, что приоритетным вопросом при обращении к теме вариативности моделей является точное представление для себя критериев тождества модели, варианты которой мы видим. Речь здесь, по видимому, должна идти прежде всего о минимуме облигаторных компонентов предложения, а если копаться ещё глубже – о предикативном узле [Абдуллаев 1989: 38].

Говоря в общем, мы различаем два вида варьирования моделей предложения, которые выделяются в первом приближении и являются релевантными в контексте тюркской компаративной типологии.

Иллюстрацией варьирования первого типа может быть модель односоставного предложения с эмоционально-оценочным предикатом типа: тат. *Эссе* – 'Жарко'; *Суык* – 'Холодно'; *Әйбәт* – 'Хорошо'; калм. *Халун* 'Жарко'; *Киитн* 'Холодно'; *Сән* 'Хорошо' и др. Эти предикаты сами по себе способны образовывать предложения, которые могут оцениваться как безличные. Модально-временной план таких предложений – это реальность данного момента. Говорящий выступает здесь как субъект оценки, в

основе которой лежит его собственное ощущение или переживание. Если кто-то сказал: *Суык!* – это значит, что он сам ощутил этот холод. Холод для него непосредственная эмпирическая реальность, имеющая объективный характер. Предикаты такого рода не имеют при себе позиции подлежащего, но при них есть позиция косвенного субъекта, которая может замещаться формой дательного падежа существительных или местоимений.

Например, тат. *Миңа суык* – 'Мне холодно'; уйг. *Маңа көңүлсиз* – 'Мне неприятно'.

В подобных случаях описываемая ситуация индивидуализируется, предстаёт как переживание отдельного человека (которое может быть аналогичным переживанию, ощущению других или специфическим). В калмыцком языке подобная группа с возможной позицией косвенного субъекта выражается формами:

калм. *Һаң!* 'Засуха!' (человек испытывает зной и засуху);

Серун 'Прохладно' (человеку не жарко и его обдувает ветерок).

Примером варьирования другого типа может служить ситуация в случае модели предложения с прямым дополнением, которое в тюркских, как и в других алтайских языках, может выступать и в форме винительного, и в форме неопределенного, и в форме исходного падежей. Выбор падежной формы зависит от целого комплекса взаимодействующих факторов, так что выявление всех закономерностей, действующих в том или ином языке, бывает связано с серьёзными трудностями. Однако несомненно, что этот выбор есть, и он связан с оттенками смысла при неизменности основной семантики.

Варьирование моделей варьирует от языка к языку. Даже в таких близкородственных тюркских языках, как уйгурский, узбекский, татарский мы наблюдаем значительные различия в плане варьирования.

В построении парадигмы моделей предложений можно наметить два подхода:

1. Теоретический подход.

2. Эмпирический подход [Абдуллаев, Абдуллаева 2014; Абдуллаев, Мушаев, Озонова; Доржиева 2007].

Линейная структура предложения с именным сказуемым определяется способом синтаксических связей между компонентами. Это может быть управление или изафет. Например:

уйг. *Мухаммад китапқа бай* – 'Мухаммад богат на книги';

Салимә бизниң кичик қизимиз – 'Салима – наша младшая дочка';

калм. *Мана номин саң дегтрәр байн* – 'Наша библиотека богата книгами';

Бадма мана ик сурһулин сән гисн оютн – 'Бадма – лучший студент нашего института'.

В качестве именных отношений выступают, например, термины родства, которые обязательно требуют при себе своеобразного актанта «определителя» в родительном падеже. В отличие от существительных, прилагательные «высвечивают» какой-то определённый признак, который приписывается лицу или предмету, названному подлежащим. Например:

уйг. *Мурат қавул* – ‘Мурат сильный’; *Дилэрам йеқимлиқ* – ‘Диляра приветливая’;

калм. *Күүкн төвшүн* – ‘Девочка спокойная’; *Батр чаң-чиирг* – ‘Богатырь выносливый’.

Локативное оформление может быть не только у пространственного локализатора как компонента модели. Оно может отмечаться и у именного предиката. Например:

кирг. *Балдар көчөдө* – ‘Дети на улице’;

тат. *Кибет урамда* – ‘Магазин на улице’;

уйг. *Апам өйдә* – ‘Мама дома’;

калм. *Эк эцк хойр көдлмитән* – ‘Родители на работе’; *Бачуд зуульчлнд* – ‘Молодежь в путешествии’.

Тюрко-монгольские языки характеризуются сходством во многих аспектах. Именные предикаты наличия и отсутствия – один из таких аспектов. Это такие предикаты, как *бар*, *йоқ*. Например:

уйг. *Мәндә китап бар* – ‘У меня есть книга’ Ср.: *Мениң китавим бар* – ‘У меня есть книга (акцент на принадлежность)’. В калмыцком языке используются аффиксы *-та-тә* и формы притяжения: *Би дегтртәв* – ‘Я имею книгу’ (ср. *Намд дегтр бәэнә* – ‘У меня книга есть’).

Именной предикат состоит из именного компонента, выраженного словами *бар* ‘есть’, *йоқ*, *уга-го* ‘нет’. Облигаторные позиции в модели могут замещаться именем существительным в неопределённом падеже (символ NNom), именем существительным в местном и поссессивном падежах (NLok, NPos) и связками *тур=* ‘быть’, *бол=* ‘быть’, *бар=* ‘быть’ – символ Cop (связка). Модели предложений организуются в систему через противопоставление друг другу. Формулы моделей можно представить символами,

принятыми в новосибирской синтаксической школе, и конструкциями из вопросительных местоимений. Например:

уйг. {NLok N_{Nom} Bar/Yoq Cop} – где кто/что есть/отсутствует

Модели предложения и их парадигмы сегодня пока позиционируются как малоисследованная область межъязыкового сопоставления между монгольскими и тюркскими языками.

Теоретические вопросы описания структурно-семантических моделей простого предложения были разработаны на значительном материале представителями новосибирской синтаксической школы [Черемисина 1998: 96-104]. Они могут быть с успехом применены к исследованиям по синтаксису тюркских и монгольских языков. Даже простое сопоставление двух закрытых списков моделей простых предложений с одноместными предикатами предполагает сравнительно-аналитическую исследовательскую работу по выявлению специфики двух разносистемных языков.

Тема варьирования моделей предложения выводит к понятию гипермодели. Выше мы не случайно упомянули об ЭПП. ЭПП как модели могут рассматриваться в горизонтальной перспективе. Ср. Модель в уйгурском языке, приведенная в начале статьи:

{NLok/Poss – NNom// – Bar/Yoq/Num Cop} – где кто/что есть/нет/ сколько

Однако ЭПП можно рассматривать и в вертикальной плоскости. Тогда можно увидеть, как с одной инвариантной моделью ЭПП коррелируют модели на уровне простого и полипредикативного предложений.

Подведем итоги. Изучение моделей простого предложения в монгольских и тюркских языках является актуальной задачей синтаксиса. Ждут своего решения вопросы полной инвентаризации моделей, разграничения межмодельных процессов варьирования и синонимии. Их решение позволит реализовать задачу системного описания этого участка синтаксиса тюрко-монгольских языков.

Литература

Абдуллаев С.Н. Модели простого предложения в современном уйгурском языке // Предложение в языках Сибири. – Новосибирск, 1989. – С. 36–46.

Абдуллаев С.Н. Синтаксис // Строй уйгурского языка. – Алма-Ата: Наука, 1989. – С. 344 – 464.

Абдуллаев С.Н., Абдуллаева Г.С. Парадигматика элементарных простых предложений в современном уйгурском языке // Вестник Калмыцкого университета. – 2014. – №2 (22). – С. 38–40.

Абдуллаев С.Н. Модальные модификации как парадигматические формы моделей предложения в уйгурском языке // Иностранные языки в современном мире. Сборник материалов I Казанского Международного лингвистического форума. – Казань, 2020. – С. 18–26.

Абдуллаев С.Н., Мушаев В.Н., Озонова А.А. Структура и семантика оценочных полипредикативных конструкций в тюркских и монгольских языках // Модально-оценочные конструкции в монгольских и тюркских языках: коллективная монография / под ред. В.Н. Мушаева [и др.]. – Элиста: Изд-во Калм.ун-та. – 2021. – 152 с.

Белашапкова В.А. Современный русский язык. – М., 1977. – 248 с.

Доржиева Д.С. Модели простых предложений с именным сказуемым в бурятском языке. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2007. – 129 с.

Серээдар Н.Ч., Скрибник Е.К., Черемисина М.И. Структурно-семантическая организация предложений наличия, локализации, количества и отсутствия в

тюркских языках Южной Сибири. – Новосибирск: НГУ, 1996. – 82 с.

Черемисина М.И. Структура и типология именных предложений // Гуманитарные науки в Сибири. – 1998. – №4. – С. 96–104.

Шведова Н.Ю. Парадигматика простого предложения в современном русском языке // Русский язык. Грамматические исследования. – М., 1967. – С. 3–77.

Abdullayev S. Models of simple sentences in Uyghur and English languages. – Karakol, 2018. – 107 p.

Условные сокращения

кирг. – киргизский
калм. – калмыцкий
монг. – монгольский

тат. – татарский
тур. – турецкий
уйг. – уйгурский

Р. С. Акманова
(Уфа, Россия)

ОСОБЕННОСТИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ГЛАГОЛОВ-ОМОНИМОВ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье анализируются этимологии глаголов-омонимов в башкирском языке. Отмечается, что данные лексемы башкирского языка тесно связаны с древнейшими пластами лексики других тюркских языков. Исследование этой темы сможет прояснить некоторые вопросы башкирской и тюркской лексикологии. Изложенные факты обусловили наше обращение к глаголам-омонимам в башкирском языке.

Ключевые слова: глаголы-омонимы, этимология, башкирский язык, тюркские языки.

Омонимы башкирского языка в определённой степени изучены, выпущены словари [Ахтямов 2002: 208; Ахтямов 2006: 384]. В современном башкирском языке существует значительная группа глаголов-омонимов. В статье происхождение данных лексем поясняется методом лингвистического анализа и уточняется вопрос о том, являются ли они результатом случайного совпадения или возникли в результате развития полисемии или метафоризации. Практически лексико-семантическим путём могли образоваться и другие слова, которые в современных языках по тем или иным причинам не совпадают. Отдельную категорию составляют глаголы, возникшие из единого источника, но в силу определённых причин получившие значения, несколько отличающиеся друг от друга. Однако для конкретных носителей языка их отнесение к единому источнику представляется невозможным. Ср.: баш., тат., казах., ккалп., ног., кирг., тур., туркм., тув., др.-тюрк. *at-* имеет сравнительно далёкие друг от друга значения ‘бросать, кидать’, ‘стрелять’, ‘обстреливать’, в башкирском и татарском также *at-* ‘распускаться’ (о цветах), ‘цвести’. Следует отметить, что в этимологическом словаре Э.В. Севортына данные значения этого глагола рассматриваются в одной статье «АТ- ‘бросать, кидать’» [Севортын 1974: 199–200]. Представленные значения глагола *at-* и в других словарях не указываются как омонимы, что вполне оправдано, т. к. носители языков их не воспринимают как разные слова, и мы видим процесс расширения семантики.

Аналогичное явление мы наблюдаем, когда речь идёт о баш. *кас-* и тат. *кач* ‘убегать, спастись бегством’ и ‘оплодотворяться (о скотине)’; баш. *кун-*

‘ночевать’ и ‘садиться’ (о птицах); баш. *кәт-* ‘ждать’ и ‘пасти’; баш. *таб-* ‘находить’ и ‘родить’; баш. *кат-* ‘бить, колотить’ и ‘взмахнуть’ (бить крыльями); баш. *сап-*, тат. *чап-* ‘косить, рубить’, ‘скакать’, ‘хлестать веником’. Следует учесть, что такие глаголы не нуждаются в этимологическом исследовании.

Ср.: баш. *йол-* ‘спасать, выручать’, тат. *йол-* ‘брить’ и баш. *йол-* ‘омертвляться, разлагаться’. Их происхождение из единого источника кажется невозможным. В таких случаях следует найти промежуточные значения, которые могут быть обнаружены в редких случаях в самом исследуемом языке, хотя бы на каком-то этапе его развития, чаще такие значения сохраняются в родственных языках или диалектах. Сравнение с баш. *йол-*, казах. *жол-* ‘рвать’, ойрот., караим. *йул-* ‘избавлять, обдирать, ошипывать перо’ проясняет картину семантического развития. В древнетюркском обнаруживается ещё один глагол *jüli-* ‘брить’ [Древнетюркский словарь 1969: 285]. Ввиду близости значений ‘ошипывать перо’, ‘снимать волосы’, ‘брить’ произошла контаминация, что привело к совпадению фонетических форм. Однако промежуточные формы могли исчезнуть, как это наблюдается в башкирском языке. Лексико-семантическое развитие произошло благодаря наличию семантически близких значений. Как отмечает А. М. Щербак, архетип *йул-* ‘вырывать, выдёргивать, вышивать, выкупать, вызволять’ [Щербак 1970: 197].

Аналогично происходило развитие баш. *кыр-* ‘брить’ и *кыр-* ‘убивать, уничтожать’. В большинстве тюркских языков значения глагола фонетически совпадают. Ср.: ккалп. ‘скоблить’, др.-тюрк. ‘соскре- бать, соскабливать, царапать’, тур. ‘разбить, расколоть, сломать’, ‘истребить, побить’, ‘уменьшить,

ослабить', 'обидеть'. Почти полностью совпадают значения в караимском, казахском, башкирском и татарском языках: 'скрести, скоблить, сдирать, соскабливать', 'сломать, разбить', 'бить, уничтожать, поражать, побивать'. В башкирском, татарском, казахском имеется значение 'брить'. Архетип в форме *кыр-* 'скоблить, подрезать', 'губить, ломать, уничтожать'.

В некоторых случаях общие по происхождению основы могут настолько сильно разойтись, что их определение требует привлечения материалов не только различных языков, но и диалектов. Говорить о единстве происхождения можно лишь при наличии фонетического соответствия и единства морфологического строения между языками. Естественно, что наибольшую сложность с точки зрения определения единства происхождения представляют двух-трёхфонемные основы, не допускающие членения. Следует отметить, что основные фонетические формы общетюркские *ə:p-ö:r-* 'подниматься (вверх), вставать' и 'плести, вязать, вить' [Севортян 1974: 542–545] совпадают, при этом могут быть обнаружены семантически близкие значения 'прорастать, давать, росток' (тур., тат., баш.) для первой глагольной основы, 'возводить стену' (тур.) – для второй, в обоих случаях 'поднимать', причём 'виться вверх' могло дать значение 'подниматься', однако категорически утверждать о наличии общности невозможно ввиду семантического расхождения в основных значениях.

Исходя из сказанного выше, следует подойти к исследованию единства происхождения в других случаях. Например, можно ли говорить о генетической общности основ баш., тат. *иш-* 'вить, закручивать', баш., тат. *иш-*, др.-тюрк., тув. *еѝ-* 'грести, разгрести', баш., тат. *иш-* 'валить, разрушать', тур. *еш-/еѝ-* 'ехать иноходью'. Однако тур., узб., азерб. *еш-/еѝ-* имеют значения 'рыть, копать', 'грести лопатой', 'разгрести' (тур., азерб.). Семантическая связь 'разгрести, грести лопатой, грести веслом'. Другая связь 'разгрести, копать, разбрасывать, разрушать'. Вместе с тем тур., др.-тюрк., гагауз. *еѝ-* 'идти, ехать иноходью' (тур., др.-тюрк.), 'скакать' (якут. *ис-/ис-*), 'бить ногой о землю' (гагауз.). Возможность связи основ показана Э.В. Севортяном: 'рыть, разгрести, разбрасывать', 'разбрасывать (о коне)', 'ехать иноходью' [Севортян 1974: 316].

Если промежуточных значений нет, несмотря на полное фонетическое соответствие основ в разных языках, их следует считать случайно совпавшими. Ср.: баш. *яз-*, тат. *яз-* 'расправлять', казах., ккалп. *жаз-* 'развернуть, разгибать', 'выпрямлять, отгибать' (баш. *язытебәр*), туркм. *йа:з-* 'распрягаться, расстегиваться', тур. *яз-* 'развернуть, разогнуть' нельзя этимологически объединить с баш. *яз*, тат. *яз-* 'лишаться, терять' *акылданязу* (баш., тат.) 'сойти с ума', *һуштан язу* (баш.) 'потерять сознание', *күзән*

язу (баш.) 'лишиться зрения', баш. *яз-*, др.-тюрк. *яз*, тат., уйг. *яз-*, якут. *су:с* 'промахиваться, лишаться, ошибаться' (ср. туркм. *яз-* 'вина, проступок'). Их нельзя считать принадлежащими к единой основе, несмотря на полное фонетическое соответствие, т.к. семантически совпадающих промежуточных значений между двумя основами нет.

Закономерность возникновения лексических омонимов из былой полисемии и метафоризации легко прослеживаются на примере глагола *чаб-* 'ударить'. Глагол передаёт значение интенсивности действия. На этой основе возникли, с одной стороны, значения 'рубить, разрубать', 'срезать ударом'; 'косить', с другой – 'скакать на коне', 'мчаться во весь дух'. Третья группа значений связана с явлением полисемии: 'ударять', 'бить', 'хлестать'. Четвёртая, характерная для татарского языка, 'спариваться, случаться' – результат метафоризации по типу *кач-* 'убегать', 'стать стельной (о животных)'.
 Полисемия глагольных основ, развитие далёких от первоначального значения вплоть до появления лексических омонимов – явление, вызываемое самой природой глагола. Значения глаголов легко обнаруживаются в контексте, например, баш. *атта сан* – 'скакать на лошади', *бесән сан* – 'косить сено'. Глагол вне контекста часто лишён конкретности, более конкретны существительные. Вот почему глагольные значения порой значительно различаются не только в пределах одного, но и нескольких языков. Однако существующая лексическая омонимия глагольных основ, возникшая путём развития значений одного глагола, – явление настолько обыденное, что этимологическая связь при этом редко нарушается. Основная задача этимологического исследования при характеристике лексико-семантического образования глаголов заключается в том, что необходимо отделить случайные совпадения из закономерных форм и раскрыть природу их происхождения. Для установления промежуточных форм привлекается материал различных языков и диалектов, исследуются возможности фонетического развития.

Таким образом, значения глаголов часто недостаточно определены. Конкретизацию они получают в контексте, что приводит к приобретению глаголами массы дополнительных значений, некоторые из них, семантически расходясь, становятся лексическими омонимами.

Лексические омонимы могут возникать путём:
 а) расширения семантики производящей основы, особенно при утере промежуточных значений: о.-т. *чаб-* 'косить', баш. *саб-* со значениями 'косить', 'рубить'; 'хлестать';
 б) возникновения новых слов от фонетически близких основ: *таньу* 'узнавать', *таньу* 'отрицать'. Изучение и анализ этимологии глаголов-омонимов в башкирском языке проясняет многие вопросы башкирской и тюркской лексикологии.

Литература

- Академический словарь башкирского языка / под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. В 10 т. – Уфа: Китап, 2012.
- Ахметьянов Р. Г. Краткий историко-этимологический словарь татарского языка. – Казань: Татарское книжное изд-во, 2001. – 272 с.
- Ахтямов М. Х. Словарь омонимов. – Уфа: Китап, 2006. – 384 с.
- Ахтямов М. Х. Современный башкирский язык. Лексикология, фразеология, лексикография: учебное пособие. – Уфа: БГУ, 2002. – 208 с.
- Древнетюркский словарь / ред. В. М. Наделяев [и др.]. – Л.: Наука. Ленинградское отделение. 1969. – 676 с.
- Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. – М.: Наука, 1974. – 768 с.
- Щербак А. М. Очерки сравнительной фонетики тюркских языков. – Л., 1970. – 204 с.

П. Е. Белоглазов
(Абакан, Россия)

КОРНЕВЫЕ МОРФЕМЫ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена описанию процессов корнеобразования в хакасском языке. Процессы развития и видоизменения корневых морфем и определение современной их структуры в хакасском языке обусловлены тремя основными факторами: а) семантическим, т. е. появлением множества побочных переносных значений, которые могут отрываться от первоначального, образуя как бы самостоятельную корневую морфему; б) фонетическим, т. е. видоизменением фонетического состава корневой морфемы по закономерным соответствиям; в) морфологическим, т. е. фузией или слиянием двух корневых морфем или корневой морфемы с аффиксальными.

Ключевые слова: тюркские языки, хакасский язык, словообразование, факторы корнеобразования, сравнительный анализ.

Морфема – минимальная значимая часть слова. В качестве основной единицы морфемного уровня языка она характеризуется четырьмя важнейшими признаками: 1) повторяемостью; 2) значимостью; 3) неделимостью; 4) абстрактностью. Данные признаки полностью относятся и к корневой морфеме, хотя имеются и некоторые её особенности. Если каждая аффиксальная морфема имеет возможность присоединяться к большому числу самых различных корневых морфем, то одна и та же корневая морфема может сочетаться лишь с ограниченным кругом аффиксальных морфем. Корневая морфема отличается от аффиксальной тем, что она является носителем лексического (хотя бы самого общего) значения, в то время как аффиксальным присущее более формальное значение, т. е. последние обладают свойством абстрагирования и повторяемости. В природе корневой морфемы все ещё остаётся много сложного и невыясненного.

Изучение первичных корней было отнесено Комитетом тюркологов к числу важнейших, координационным центром исследования проблемы является АН Казахстана. Корневая лексика тюркских языков является древнейшей и в ней отражены истоки формирования языковой общности тюркских народов.

Тюркские корни обладают способностью отражать в себе эволюционный процесс, что находит своё выражение в структуре корня современных языков. В некоторых из них могут сохраняться в неизменном виде древнейшие корни и реально возможность проследить их развитие с целью воссоздания исконных форм. Корень слова скрывает в себе немало неясного, непонятного, поэтому интересно-

го, и требует дальнейших исследований на основе анализа фактов конкретных языков.

Корнем слова в тюркских языках называется нечленимая часть слова, в которой заключено вещественное реальное значение слова. Тюркский корень есть наидревнейшая и исторически реальная единица языка, сохраняющая свою суть, несмотря на постоянные изменения, происходящие в процессе развития языка. Исконно тюркская корневая морфема характеризуется по большей части односложностью своей структуры, а двусложными могут выступать чаще основы, представляющие собой дальнейшее агглютинативное развитие корня.

Корни могут быть первичные или производные, например, *сас* (хак.) «волосы», *кил-* (хак.) «приходить», *от* (хак.) «огонь» и вторичные или производные, состоящие из первичного корня и мертвых непродуктивных в данном сочетании аффиксов лексико-грамматического словообразования, например, *чүрек* (хак.) «сердце», *хызыл* (хак.) «красный», *азыра-* (хак.) «кормить», *хара-* (хак.) «смотреть» и т. д.

Тюркские корни бытуют в языке как самостоятельно, так и несамостоятельно в виде консервированных, этимологически затемнённых и омертвевших форм в структуре производных образований или словосочетаний: *агыл* (хак.) «ум, разум, рассудок»; *чогар* (хак.) «вверх, наверх»; *ырыс* (хак.) «счастье, доля; успех, удача»; *улуз* (хак.) «большой, крупный»; *алгыс* (хак.) «благодарность, приветствие» и др.

Тюркские корни в семантическом плане характеризуются постоянным изменением, развитием,

происходящим в силу внутриязыковых и внешних факторов; определённая часть корней не обладает самостоятельным лексическим значением; им первоначально было свойственно обобщающее значение, которое по мере дальнейшего развития структуры слова постоянно подвергалось внутренней дифференциации и конкретизации, например, хакасский глагол *кис-* сначала имел семантику «резать, отрезать что-л.», затем произошла конкретизация: «валить (лес)», «рубить и пилить (дрова)», «жать (хлеб)» и др.

«Корни слов могут выступать в предложениях и словосочетаниях в качестве самостоятельных слов, обладающих теми или иными лексическими и грамматическими значениями» [Кайдаров 1986: 36].

Корень есть исторически реальное слово с конкретным значением. По мере развития языка от корней образуются новые слова, выражающие новые понятия. Постепенно роль простейшей формы ослабевает, а производное от неё новое слово начинает активно употребляться. В некоторых тюркских языках простейшая форма сохранилась, в других – исчезла. Омертвевшие корни не исчезли бесследно. Она лишилась лишь лексической самостоятельности, но их звуковая оболочка продолжает жить в основе новообразованных слов. Каждая новообразованная форма может стать основой для дальнейшего словообразования.

В тюркских языках выявляется одна особенность корней: мёртвые корни одного языка в другом могут быть вполне живыми. Например, форма **жыл-* в составе *жылжы-* «подвинься», *жылыс-* «отходи» в казахском языке квалифицируется как мёртвый корень, а соответствующий ему в якутском *сыыл-*, киргизском *жыл-*, алтайском и хакасском *чыл-*, татарском *шыл-* – живой корень. Поэтому вполне закономерно, что определение границы корня и производной формы в каждом языке имеет свои специфические особенности.

Диалектика развития языка допускает превращение живых корней в «мёртвые», в то время как обратное явление не отмечается, что позволяет восстанавливать последние в виде некогда самостоятельных морфологических единиц.

Выделяемые в составе слов корни не ограничиваются образованием только одной производной основы, но, как правило, порождают целый ряд гомогенных слов, сравните: *сек-* (др.-тюрк.) «прыгать, подпрыгивать, быстро идти» > *сегір-* (хак.) «1) прыгать, скакать; 2) плясать», *секрә-, секири-* (др.-тюрк.) «прыгать, скакать; соскакивать», *секир-* (др.-тюрк.) «скакать, прыгать; пускать вскачь», *сегірчеңес* (хак.) зоол. «королёк» (небольшая лесная птица отряда воробьиных), *сегірчеңе-* (хак.) «1) прыгать, подпрыгивать; 2) *перен.* затеять ссору (драку) с кем-л.; лезть к кому-л. с дракой (чаще о детях)», *сегірчеңеес* (хак.) «разг. попрыгун, непоседа», *сегіріс* (хак.) «1)

прыжок, скачок; 2) пляска, игры», *сегірт-* (хак.) «1) скакать, ехать вскачь; 2) понуд. от *сегір-* > *сегіртпек* (хак.) «1) пляска; 2) то же, что *сегірткеес*», *сегірткес* (хак.) «1. пружина; 2. поперечная доска, на которой катаются дети; 3. *перен.* блоха», *сегірткеес* (хак.) «блоха // блошинный».

Некоторые из глаголов в процессе развития языка утрачивают своё первичное императивное значение, впоследствии у них развивается вторичная форма императива: *ос-* I (хак.) «спасаться, избавляться; освобождаться; вырываться» и *осхыр-* (хак.) «спасать, освобождать, избавлять, выручать, уберечь», *өтік-* (хак.) «1) мокнуть, промокнуть; 2) впитываться» и *өтіктір-* (хак.) «1) промочить; 2) впитывать» и гомогенные с предыдущими словами формы: *өт-* (хак.) «1) проходить, пробираться; пересекать (поле); 2) пролезать, проникать; пронизывать; 3) протекать; просачиваться; 4) всходить (о хлебах, овощах)» и *өтір-* I (хак.) «1) протянуть, продеть что-л. через что-л.; 2) пропустить кого-л. через узкий проход, узкое отверстие».

В рамках одной словообразовательной модели можно найти и отыменные, и отглагольные, и синкретичные слова (совмещающие признаки глагола и имени). Например, при помощи аффикса *-ых/-ік* образуются, в основном, отыменные глаголы: *пір* (хак.) «один, одно...» > *пірік-* (хак.) «1) становиться единым; спланиваться, объединяться»; встречаются и отглагольные слова: *тыс-* (хак.) «1) унимать, усмирять, угомонить; предостерегать от нежелательных поступков; 2) останавливать, удерживать, успокаивать кого-л.» > *тызых-* (хак.) «1) успокаиваться, утихать; разг. униматься, угомониться; 2) удерживаться от чего-л. (от каких-л. опрометчивых поступков), *көн-* (каз., ккал.) «соглашаться; поддаваться; привыкать, свыкаться» > *көнік-* (хак.) «1) привыкать к кому, чему-л., свыкаться с кем-л., чем-л.; 2) приучаться к чему-л.; приобретать навыки, привычки; тренироваться, упражняться, практиковаться в чём-л.». Синкретизм глаголов объясняется синкретичностью самих глагольных корней: слово *тарых-* (хак.) «1) нервничать, сердиться, раздражаться, возмущаться; 2) расстраиваться; 3) торопиться, спешить», на наш взгляд, имеет в своей основе глагольно-именной корень *тар-* ~ тар «сердиться, испытывать раздражение // сердитый, рассерженный, раздражённый», его именная часть представлена в следующих формах: *тар* (чаг.) «сердитый, рассерженный, раздражённый», *даргын* (дар-гын) (тур., гаг., кар.) «сердитый, рассерженный, раздражённый», *та:рын* (чул.-тюрк.) «злой», *дарыш* (тув.) «вспыльчивость», глагольный компонент содержится в *тару-* II (др.-тюрк.) «сердиться, испытывать раздражение», *тары-* (хак.) «раздражаться, сердиться; приходиться в гнев; обижаться, быть в обиде на кого-л.», *тарлан-* (хак.) «раздражаться, нервничать, сердиться», *дарыл-* (тур.) «сердиться», *тары-* (шор.) «сердиться»,

дарыл- (кар.) «1. сердиться; бранить, отчитывать; 2. обижаться»;

Одним из характерных свойств «мёртвых» (не функционирующих самостоятельно в современном хакасском языке) корней в составе многих слов является их фонетико-морфологическая вариативность. Многие «мёртвые» корни представлены в современных тюркских языках различными фонетическими и морфологическими вариантами. Например, на основе «мёртвого» в современном хакасском языке корня **сур-* II (пратюрк.) «тереть, втирать, растирать», сохранившегося в современном чувашском языке в виде *сёр-* I 1. мазать, намазывать, смазывать; 2. тереть, растирать; 3. пилить; 4. *разг.* наигрывать (на скрипке), пиликать; 5. *разг.* дать взятку; подмазать», в тюркских языках возникли варианты: *сурт-* (хак.) «1) мазать, смазывать, намазывать, замазывать что-л.; 2) размазывать; 3) втирать», *сурт-* (др.-тюрк.) «втирать, натирать, замазывать», *сурт-* (кир.) «тереть, вытирать; втирать», *һөрт-* (баш.) «вытирать, утирать; 2) стирать // стирание; 3) мазать, смазывать; 4) *разг.* тащить, красть», *сюрт-* (кар.-балк.) «1) вытереть, протереть что-л.; стереть что; 2) штукатурировать что; 3) натереть кого-что чем; помазать что чем; 4) хлестать, бить кого чем», *сөрт-* (тат.) «1) вытирать / вытереть, обтирать / обтереть что; 2) протирать / протереть что; 3) мазать, смазывать / смазать, натирать что чем», *сурт-* (уз.) «натирать, намазывать» и т. д.

В хакасском языке слова образуются при помощи различных корней-основ.

Именные корни-основы (примеры из хакасского языка): *көзе-* III *прост.* «шуровать огонь (жар в печи)» восходит к *көс* II «1) уголь древесный; 2) каменный уголь // угольный»; *саада-* I «задерживаться, запаздывать» < *саат* I «задержка, заминка, промедление; препятствие, помеха», *нiзе-* I «1) *прям.* и *перен.* точить, оттачивать что-л. 2) *перен.* пилить, мучить, изводить постоянно» < *нис* I «1) шило; 2) остриё (режущее), лезвие; 3) зубец», *түзе-* «видеть сон; видеть во сне» < *түс* I «сон, сновидение», глагол *чуда* II «1) худеть, подвергаясь болезням; 2) *перен.* становится неряшливым, нечистоплотным» можно возвести к гомогенным словам: *чут* II «худощавый, изнурённый» и *чут* III «неряшливый, нечистоплотный», *амыра-* «успокаиваться, утихать, присмиреть» и *амыр* «1. 1) мир; покой, спокойствие; 2) тишина; затишье; 2. 1) мирный, спокойный; 2) смиренный, тихий; 3. 1) мирно, спокойно; 2) тихо, смиренно» и т. д.

Глагольные корни-основы: *түде-* «дымить, пускать дым» от *түт-* «дымиться, испускать дым, куриться» в древнетюркском языке, *тара-* II «1) расходиться, рассеиваться, рассыпаться (в разные стороны), *разг.* разбредаться; 2) распространяться, размножаться; 3) распространяться, разноситься (о слухе, известии, запахе и т. п.); 4) быть розданным,

разойтись, быть издержанным; 5) распространяться из одной местности, из одного рода, быть родом откуда-л.; происходить от кого-л.; 6) *в сочет.* с *сагыс* рассеиваться, отвлекаться (о мыслях) от *тар-* «распускать, разгонять, рассеивать» в древнетюркском языке и т. д.

Синкретичный корень-основа: *хата-* I «1) увеличивать что-л. в несколько раз; умножать; 2) *мат.* умножать; 3) наслаивать, простёгивать» от хат II «слой, ряд» представлен в хакасском языке, хат I «1. слой, пласт, ярус, ряд; 2. складка; 3) *в служеб. знач.* рядом, около, при, в ряду (других); 4) *в служеб. знач.* под, в» и *хат-* II «1. смешивать, примешивать, готовить смесь; присоединять; 2) смешиваться» содержится в древнетюркском, *гат-* «присоединять, добавлять, примешивать, смешивать, вмешивать» отмечен в азербайджанском, турецком, узбекском, *қот-* – в алтайском «сучить (нитку), слагать одно с другим» и т. д.

Не все корни из состава производных слов являются в современном хакасском языке мёртвыми. Сравните, например, корневые морфемы, способные функционировать и вне состава следующих производных основ (примеры из хакасского языка): *узай* «вытягиваться (о росте), расти (о ребёнке); выделяться (ростом) и *ус* II «1) остриё, острый конец чего-л.; 2) кончик; 3) верх, верхушка», *пузай* «мёрзнуть, леденеть, коченеть» и *нус* I «лёд» и т. д. Но существует немало корней, которые потеряли семантическую самостоятельность и не встречаются без оформления аффиксом. Например: *сорай* «1) торчать, сидеть, стоять торчком; 2) находиться (о птицах); 3) *перен.* сидеть без дела; *прост.* торчать»; *чочай* «1) торчать, быть торчащим; 2) сидеть на корточках; 3) садиться на зад (о собаке)», *хозай* «опрокинуться вверх тор-машками».

Процессы корнеобразования связаны с различными фонетическими закономерностями, касающимися фонетического изменения корневых морфем в процессе их образования. Изменения эти характерны как для согласных, образующих корень, так и для инлаутного гласного, находящегося в позиции между согласными. Вариативность фонетического состава корневых морфем объясняется, во-первых, диалектными соответствиями звуков; во-вторых, изменением начального согласного – его выпадением или замещением другим согласным; в-третьих, изменением конечного согласного; в-четвертых, изменением анлаутного гласного с последующим все более значительным изменением семантики корня [Баскаков 1979: 175].

К одному из продуктивных способов корнеобразования относится способ образования путём редукции и выпадения начального согласного корня или его замещения другими согласными.

Образование новых корней данным способом характерно для корневых морфем, имеющих началь-

ный неустойчивый согласный, редукция и выпадение которого образует новый корень с другим, но близким к исходному корню значением, ср., например, следующие закономерности.

1. Неустойчивость, т. е. редукция и исчезновение начального й: *йух-* (чув.) «течь» ~ *ах-* (хак.) «течь, протекать»; *йаз-* (др-тюрк.) «ошибаться, допускать промах» ~ *ас-* (хак.) «заблуждаться»; *йүз-* (др-тюрк.) «сдирать» ~ *јс-* (хак.) «рвать, срывать, обрывать что-л.»; *йырах* (др-тюрк.) «дальний, далекий» ~ *ырах* (хак.) «1) даль, дальность, отдаленность; 2) далеко»; *йер-* (др-тюрк.) «пренебрегать, отвергать, питать отвращение» ~ *ирік-* (хак.) «1) надоедать, наскучить; 2) приедаться»; *ысла-* (др-тюрк.) «нюхать» ~ *чыста-* (хак.) «нюхать что-л.».

2. Неустойчивость начального б ~ п: *берх* (монг.) «сила, мощь» ~ *ерк* (др-тюрк.) «сила, воля, могущество, власть»; *бүргек-* (монг.) «пугаться, приходиться в замешательство» ~ *јрүк-* (хак.) «пугаться, тревожиться, волноваться»; *пос* (хак.) «сам» ~ *өз* (др-тюрк.) «1) сущность; 2) сам; 3) свой, собственный».

3. Ослабление и редукция начального х, к, например: *кең* (др-тюрк.) «широкий, обширный» ~ *ин* (хак.) «ширина (ткани); *хуруг* (хак.) «сухой, засушливый» ~ *уруг* (др-тюрк.) «сухой, выгоревший».

4. Редукция начального т: *тог-* (др-тюрк.) «рождаться» ~ *огус* (др-тюрк.) «род, племя»; *төз* (др-тюрк.) «корень, основа, сущность» ~ *өзен* (хак.) «1) сердцевина; 2) стержень; фитиль»; *тут-* (хак.) «1) держать кого-л., что-л.; 2) руководить, управлять кем-л.; 3) держать, владеть, содержать...; ~ *ут-* (хак.) «выигрывать»; *талгыс-* (др-тюрк.) «валять войлок, кошму с кем-л.» (сравн. *талгы* (хак.) «уст. кожемялка») ~ *алхих-* (монг.) «бить, колотить».

5. Ослабление т > с: *тохы-* (др-тюрк.) «1) бить, ударять, стучать; 2) вбивать, вколачивать; 3) биться, стучать (о пульсе, сердце)...» ~ *сох-* (хак.) «1) бить, избивать кого-л.; 2) колоть, закалывать скот; 3) толочь»; *тых-* (др-тюрк.) «1) набивать, закладывать; 2) затыкать» ~ *сых-* (хак.) «выжимать, выдавливать».

6. Утрата начального с: *сал-* (хак.) «1) в разн. знач. ставить кого, что-л., класть что-л...» ~ *ал-* (хак.) «1) брать, взять кого-л., что-л.»; *сам-* (хак.) «продавать что-л.» ~ *ат-* (хак.) «*кач.* бросать, кидать», которые служат антонимами друг к другу: *сал-* «класть к себе», *сам-* «продавать от себя», *ал-* «взять себе», *ат-* «отбросить от себя», т. е. противопоставлены друг другу как формы центростремительные и центробежные по аналогии с *кел-* (др-тюрк.) «приходить» и *кет-* (др-тюрк.) «уходить».

7. Неустойчивость согласных с ~ ч в анлауте корневых морфем: *чиз-* (др-тюрк.) «чертить, проводить линию» ~ *сиг-* (хак.) «1) чертить что-л., проводить черту, линию; 2) штриховать; 3) линовать»; *чох-* (др-тюрк.) «бить, забивать (скот) ~ *сох-* (хак.) «1) бить, избивать кого-л.; 2) колоть, закалывать скот; 3) толочь»; *чач-* (хак. кач.) «1) толкать, втыкать, вонзать;

2) разбрызгивать, плескать; 3) кропить (вином, молоком и т. д. духам гор и рек) ~ *сас-* (хак.) «1) рассыпать, разбрасывать что-л.; 2) брызгать, плескать чем-л.»; *чал-* (др-тюрк.) «бить, ударять» ~ *шал-* (хак.) «*разг.* ударить, стукнуть кого-л., дать тумака кому-л.».

Те же явления наблюдаются и в отношении варьирования конечного согласного корневой морфемы – при его изменении изменяется и значение корневой морфемы.

Наиболее часто образование новых корневых морфем реализуется при следующих соответствиях:

1. Соответствие д/т ~ з/с ~ й ~ р: *йат-* ~ *йас-* ~ *йай-* ~ *йар-* с общим значением «расстилать, рассеивать, развязывать, раскалывать, распускать», которое сохранилось в древнетюркском языке, но выделились основы *йат-* (*чат-* в хак. яз.), кроме общего значения, в значении «лежать» и *йар-* (*чар-* в хак. яз.) в значении «разрубать, расщеплять». Следы этих соответствий во многих корневых морфемах как в близких значениях представлены в хакасском языке, например: *көс* «глаз» ~ *көр-* «видеть»; *узат-* «удлинять что-л.» ~ *узай-* «вытягиваться (о росте), расти (о ребенке), выделяться (ростом) ~ *узара-* «1) удлиняться, прибавляться; 2) продолжаться» и т. д.

2. Соответствие к ~ х ~ ц ~ й: *сых-* (хак.) «выдавливать, выжимать» ~ *сың-* (хак.) «1) вмещаться, помещаться; 2) налезать, надеваться, быть впору (об одежде, обуви)» ~ *сий-* (каз., ккал.) «вмещаться» и др.

Таким образом, процессы развития и видоизменения корневых морфем и определение современной их структуры обусловлены тремя основными факторами:

а) семантическим, т. е. появлением множества побочных переносных значений, которые часто становятся господствующими и, таким образом, отрываются от первоначального, образуя как бы самостоятельную корневую морфему, отличную по значению от первоначального корня;

б) фонетическим, т. е. видоизменением фонетического состава корневой морфемы по закономерным соответствиям, например, изменением конечного согласного по закономерностям соответствия д/т ~ з/с ~ й ~ р и развитием другой самостоятельной корневой морфемы с другим значением;

в) морфологическим, т. е. фузией или слиянием двух корневых морфем или корневой морфемы с аффиксальными, при котором выпадают составляющие основную корневую морфему гласные и согласные, замещаясь другими звуками, и новая корневая морфема приобретает другой фонетический облик, другое лексическое значение, например: форма *апар-* (хак.) «1) нести, везти кого-л., что-л., вести что-л.; 2) уносить что-л. с собой, увлекать что-л. за собой (о ветре, о воде); 3) украсть, похитить что-л.; 4) *перен.* вести, проводить что-л.» возникла из *ал-* (хак.) «брать, взять...» и *пар-* (хак.) «идти, двигаться,

отправляться...»; *ойдас*- (хак.) «падать на спину, падать навзничь; повалиться; 2) падать, свалиться с чего-л.; 3) *перен.* умереть, скончаться» возникла из *ойда* (хак.) «лицом кверху, навзничь, на спину» и *ас*- (хак.) «перевалить через что-л...» и т. д.

Корень должен обладать следующими особенностями: а) должен быть по возможности односложным; б) он обладает наиболее обобщённой, абстрактной семантикой; в) может быть по своей

морфологической природе именным или глагольным, или же синкретичным, обладающим свойствами имени и глагола одновременно; г) нередко обнаруживает свои тождественные или видоизменённые прототипы в других родственных языках; д) как правило, выступает основой для образования не одного, а целого ряда производных основ не только глаголов, но и других разрядов лексики.

Литература

Баскаков Н. А. Историко-типологическая морфология тюркских языков. – М.: Наука, 1979. – 274 с.

Баскаков Н. А. Каракалпакский язык. Фонетика и морфология. Ч. 1. – М., 1952.

Батманов И. А., Арагачи З. Б., Бабушкин Г. Ф. Современная и древняя Енисейка. – Фрунзе, 1962.

Кайдаров А. Т. Структура односложных корней и основ в казахском языке. – Алма-Ата: Наука Казахской ССР, 1986. – 327 с.

Кононов А. Н. О фузии в тюркских языках // Структура и история тюркских языков. – М., 1971.

Методы лингвистических исследований // Общее языкознание. – М., 1973.

Севортыян Э. В. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. – М., 1962. – 643 с.

Тюркологический сборник. – М., 1977.

Ярцева В. И. Определение морфологического типа языка // Морфологическая типология и проблема классификации языков. – М.; Л., 1965.

С. Бердиев

(Ашхабад, Туркменистан)

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ГНЕЗДО АККАД В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ ПРИКАСПИЯ

В докладе даётся анализ употребления слова *аккад* в тюркских языках Прикаспия, куда входят азербайджанский, казахский и туркменский языки. Выявлено участие слова *аккад* в словообразовательном процессе данных языков. Особое внимание уделяется на туркменский вариант словообразовательного гнезда *аккад*, в котором оно является наиболее активным и частотным.

Ключевые слова: тюркские языки, языки народов Прикаспия, *аккад*, словообразовательное гнездо.

Слово *аккад* связано с названием крупнейшей державы своего времени Аккадского царства. *Аккад* – это название государства, существовавшего в XXIV–XXII вв. до н. э., а также название древней области в северной части Южной Месопотамии на территории современного Ирака. Столица данного государства носило название *Аккаде*, а в шумерском языке *Агаде*. Считается, что в аккадскую эпоху были заложены основы государственной системы таких крупных держав Месопотамии, как Шумеро-Аккадское царство, Вавилония и Ассирия. У народов Древнего Ближнего Востока *Аккад* считался эталонным государством, своего рода образцом древней монархии. Аккадское царство явилось первым централизованным государством в истории Месопотамии.

В ходе работы были изучены данные, имеющиеся в словарях азербайджанского, казахского и туркменского языков. В словарях азербайджанского языка [Azərbaycan 2006, 2021] не было обнаружено слова *аккад*. В словаре казахского языка данное слово встречается в толкованиях понятия *Араб жазуы* [Қазақ 2013: 94]. В толковом словаре туркменского

языка не зафиксировано слово *аккад* [Türkmen 2016]. В орфографическом языке даны такие слова, как *akkadça* ‘по-аккадски’, *akkadçala* ‘говорить по-аккадски’, *akkadçalaber* ‘начинай говорить по-аккадски’, *akkadçalaş* ‘говорить с кем-то по-аккадски’, *akkadçalat* ‘заставить кого-то говорить по-аккадски’, *akkadçalatdyr* ‘позволить кому-то заставить кого-то говорить по-аккадски’, *akkadlar* ‘аккадцы’ [Türkmen 2016b: 41] и т. п.

Из приведённых примеров туркменского языка, новыми словами с основой *аккад* являются *akkadça* ‘по-аккадски’, *akkadçala* ‘говорить по-аккадски’, *akkadlar* ‘аккадцы’, а остальные представляют собой различные формы глагола *akkadçala*-, образованного от наречия *akkadça*.

Таким образом, наличие в туркменском языке новых слов, в образовании которых участвовал основа *аккад* показывает об активном участии её в словообразовательном процессе. Само слово *аккад* образует центр словообразовательного гнезда, куда входят все производные от него слова.

Литература

Azərbaycan dilinin izahlı lüğəti. Dörd cildə. I cild. – Bakı: Şərq-Qərb, 2006.

Azərbaycan dilinin orfoqrafiya lüğəti. – Bakı: Elm, 2021.

Қазақ сөздігі. Қазақ тілінің біртөмдік үлкен түсіндірме сөздігі. – Алматы, 2013.

Türkmen diliniň düşündirişli sözlügi. Iki tomluk. I tom. A-Ž. – A.: Türkmen döwlet neşirýat gullugy, 2016a.

Türkmen diliniň orfografik sözlügi. – Aşgabat: Türkmen döwlet neşirýat gullugy, 2016b.

Н. М. Васильева
(Якутск, Россия)

ОРФОГРАФИЯ МИССИОНЕРСКИХ УЧЕБНЫХ ПОСОБИЙ НА ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена анализу системы письма и орфографии миссионерской литературы на якутском языке (на примере некоторых учебников), изданной в 1895–1907 гг. в г. Казани. Результаты исследования показали, что благодаря влиянию казанской востоковедной науки к концу XIX в. орфография миссионерских источников, ранее весьма непоследовательная и недостаточно приспособленная к фонетике якутского языка, стабилизировалась. Это проявилось в освобождении от влияния графико-орфографических ассоциаций русского письма, фактически совпадающем с алфавитом акад. О. Н. Бётлингга.

Ключевые слова: якутский язык, миссионерская литература, алфавит, система письма, орфография.

Якутское миссионерство переводом богослужебной литературы на якутский язык занималось с XVII в. Например, перевод молитвы «Отче наш» на якутский язык был издан в работе голландского учёного Н. Витзена в 1705 г. [Слепцов 2008: 34]. Имеются также сведения о переводе церковных текстов в XVIII в. [Бётлингк 1990: 67, Сафронов, Иванов 1992: 53–54]. С тех пор до начала XX в. «все важнейшие церковные книги были переведены на якутский язык» [Убрятова 1945: 4] и было издано 55 названий миссионерской литературы на якутском языке [Гуляева 2004: 64]. Анализируя роль православного миссионерства и миссионерской литературы в становлении якутского литературного языка, академик П. А. Слепцов отмечает, что миссионерские учебные пособия в якутской части постоянно совершенствовались и к концу XIX – в начале XX в. в литературно-языковом отношении стали почти образцовыми, по литературной обработанности и нормативности практически не отличаясь от современных литературных образцов [Слепцов 2008: 32, 37].

В рамках настоящей статьи рассмотрим миссионерские учебные пособия на якутском языке, изданные в конце XIX – начале XX вв. в г. Казани.

С начала 80-х гг. XIX в. миссионеры стали выпускать учебные пособия для якутов, которые «в отношении соблюдения законов внутреннего строения якутского языка и близости к разговорному языку и вследствие этого удобопонятности, далеко превосходят все доселе бывшие переводы» [ЯЕВ 1898 № 22: 6].

Улучшение качества миссионерской литературы было достигнуто благодаря влиянию Казанской школы востоковедения. Это связано, прежде всего, с тем, что к переводам, редактированию, а также составлению учебных пособий были привлечены образованные якутоязычные студенты Ф. Сивцев, А. Оконешников, Н. Нифонтов, Д. Кочнев, А. Дьяконов, В. Попов, С. Лебедев, Н. Москвин, А. Кондаков, И. Попов и протоиерей Стефан Попов [На службе Богу 2006: 117], которые кропотливо работали под руководством востоковеда, педагога-миссионера Николая Ивановича Ильминского и учёного-тюрколога, профессора Николая Фёдоровича Катанова [ЯЕВ 1898 № 1: 10–15; № 2: 25–32; № 4: 55–64; № 5: 70–78; № 6: 86–91].

В 1895 г. был разработан и принят новый алфавит, который в 1897 г. Н. Ф. Катановым, при участии студентов-якутян, был модифицирован (так называемый Казанский миссионерский алфавит, основанный на русском гражданском алфавите). Для передачи специфических якутских звуков были введены специальные знаки для удлинения гласных, надстрочный знак для смягчения звуков. Эти алфавиты и основанные на них системы письма хорошо отражали фонемный состав якутского языка, в том числе очень последовательно – долгие гласные и дифтонги, за исключением звука *ɟ*, который, по хитровской традиции¹, отождествлялся с *ɟ*.

Анализ отдельных учебных пособий, изданных в г. Казани в вышеуказанный период, отражает следующие особенности орфографии миссионерской литературы.

¹ Протоиерей Дмитрий Хитров (Дионисий) первым из миссионеров сделал попытку приспособить русский алфавит к особенностям якутского языка, им была составлена и издана в Москве «Краткая грамматика якутского языка» (1858). В 1883 г. был издан в Казани «Канонник» на якутском языке на церковно-славянском алфавите с применением специфических знаков, введенных Д. Хитровым.

«Букварь для якутов». Всего издано 6 выпусков букваря, начиная с 1825 по 1901 г. Мы располагаем букварями, изданными в 1895 и 1897 гг. [Букварь для якутов 1895; Букварь для якутов 1897]. Эти книги предназначены для обучения якутских детей якутской и русской грамоте. На третьей странице букваря 1895 г. помещен алфавит:

Аа, Бб, Гг, Дд, ДЖдж, Ее, Ёё, Ёё, Ии, Кк, Лл, Мм, Нн, Нн, Оо, Пп,

Рр, Сс, Сс, Тт, Уу, Хх, Чч, Ыы, Ыы, Ээ, Юю, Ыю, Яя, Яя, Аа, Йй.

Слова в букваре даны по русскому графико-орфографическому способу. Это видно из следующих примеров (здесь и далее в скобках даны слова по современной якутской орфографии – Н.В.): *улары-яр* (уларыйар) ‘меняется’, *ойнюбун* (оонньуубун) ‘играю’, *уорух* (уоруйах) ‘вор’, *бе* (биэ) ‘кобыла’,

оюрга (ойуурга) ‘в лесу’, *аб* (ап) ‘волшебство’, *асехэ* (эһиэхэ) ‘вам’, *кистен*, *суога* (кистиэн суоҕа) ‘не спрячешь’, *оёх* (ойох) ‘жена’ и т.п. В якутский алфавит были введены следующие новые буквы: *ä*, *ö*, *ÿ*: *кăҕă* (кэҕэ) ‘кукушка’, *бөрө* (бөрө) ‘волк’, *түүн* (түүн) ‘ночь’, а также буквы *с*: *киси* (киһи) ‘человек’, *я*: *ая,х* (айах) ‘рот’, *ы*: *айы*, (айыы) ‘грех’. Сочетания звуков *йа*, *йо*, *йу* переданы соответственно через *я*, *ё*, *ю*: *куя* (куйа) ‘маленький’, *куя,с* (куйаас) ‘жаркий’, *ая,х* (айах) ‘рот’; *тоён* (тойон) ‘господин’, *оёх* (ойох) ‘жена’, *оёр* (ойор) ‘прыгает’; *куюр* (куйуур) ‘сак’, *оюн* (ойуун) ‘шаман’, *хою* (хойуу) ‘густой’. Знак (–) ставится над гласной буквой и обозначает долготу, например: *ÿ* (уу) ‘вода’, *б̄ар* (баар) ‘есть’ и т. д.

Обозначение специфических якутских звуков в «Букваре для якутов» представлены в таблице 1.

Таблица 1

Обозначение якутских звуков в «Букваре для якутов» (1895)

Якутские звуки	Обозначение в источнике	Примеры (в скобках даны слова на современном якутском алфавите и их перевод)
дь	дж	джол (дьол ‘счастье’), уджор (удьюор ‘наследник’)
н	н, н,	тангара (тангара ‘бог’), онгор (онгор ‘делать’)
б	г	агыс (аҕыс ‘восемь’), убагас (убаҕас ‘жидкий’), ага (аҕа ‘отец’)
h	с	киси (киһи ‘человек’), ысы (ыһыы ‘посев’)
ү	ÿ	ÿн (үнк ‘кланяться’), түүн (түүн ‘ночь’)
ө	ö	бөрө (бөрө ‘волк’), көт (көт ‘лететь’) кёмөр (көмөр ‘остывшие угольки’)
э	ё	ён (эн ‘ты’)
ыа	ыэ	быэр (быар ‘печень’), ыэры (ыарыы ‘болезнь’), тыэ (тыа ‘лес’)
иэ	ē	кён (киэн ‘широкий’), бёр (биэр ‘дать’), дё (диэ ‘говорить’)
уо	о, уо	буро (буруо ‘дым’), умурор (умуруор ‘погасить’), суох (суох ‘нет’)
үө	ö, үö	ÿтö (ÿтүө ‘добро’), үөрэх (үөрэх ‘учёба’)
аа	ā	āt (аат ‘имя’)

В «Букваре для якутов» 1897 г. на третьей странице также помещён алфавит в упорядоченном виде:

Аа, Аа, Бб, Гг, Дд, ДЖдж, Ее, Ёё, Ии, Ии, Кк, Лл, Мм, Нн, Нн, Оо, Öö, Пп, Рр, Сс, Сс, Тт, Уу, Ыю, Хх, Чч, Ыы, Ыы, Ээ, Юю, Яя, Йй, Йй [j].

Пособие отличается от предыдущего издания тем, что в нём прежняя транскрипция подверглась некоторым изменениям: впервые обозначен на письме носовой звук [j], притом букве j придан вид перечёркнутой русской буквы й (такого знака в символах не нашли – Н.В.): *айах* (айах) ‘рот’, *тайах* (тайах) ‘трость’, *айёна* (эйиэнэ) ‘твое’). Впервые в миссионерской практике письма наблюдается попытка фиксировать звук *б*, хотя и непоследовательно. Такое нововведение оправдывалось тем общим положением, что буквы должны соответствовать звукам, соответственно наблюдается постепенный отход от графико-орфографической системы русского письма.

Для правильного транскрибирования якутских слов были введены следующие знаки: (·), (·), (·) и (–). Знак (·) ставится над буквой и обозначает мягкость звука: *тоён* (тойон) ‘господин’, *оёр* (ойор) ‘прыгает’. Знак (·) ставится снизу буквы и обозначает носовой оттенок: *манан* (манан) ‘белый’. Знак (·), который стоит над буквой *с*, смягчает её и произносится между *с* и *ч*: *киси* (киһи) ‘человек’.

«Первоначальный учебник русского языка для якутов». Данное учебное пособие впервые было издано в Казани в 1895 г. [Первоначальный учебник 1895]. По мнению исследователей, этот учебник сыграл положительную роль как первый учебник для якутских школ [Афанасьев 1966: 137].

«Первоначальный учебник» неоднократно переиздавался и с каждым изданием совершенствовался. Нами проанализирован третий выпуск «Первоначального учебника русского языка для якутов (Материалы для разговорных уроков)», изданный в

1907 г. [Первоначальный учебник 1907]. Несмотря на название, в данных (и подобных им) миссионерских учебных пособиях основная часть состоит из якутского материала, в том числе основы русской грамматики излагаются по-якутски очень просто и доходчиво. В предисловии студент Казанского ветеринарного института А.И. Кондаков, воспитанник Казанского учительского института И.В. Попов от имени составителей выразили благодарность профессору Н.Ф. Катанову за ценные указания при издании данного учебного пособия [Первоначальный учебник 1907: 16].

Орфография учебника стабильна. Встречаются некоторые русские графико-орфографические ассоциации, например: *огоннёр* (оҕонньор) ‘старик’, *нягыныбын* (ньаҕыныбын) ‘мяукаю’, *нэхчогор* (ньохчоҕор) ‘горбатый’, *ким-хая* (ким хайа) ‘кто-нибудь’ и др. Алфавит приближен к бётлинговской

транскрипции (1851) [Бётлингк 1990]. Все якутские специфические звуки, за исключением *ʃ*, обозначаются (таблица 2). Как и в грамматике О.Н. Бётлингка, долгота гласных обозначена надбуквенными знаками: *оюлүбун* (ойуулуубун) ‘рисую’, *тулāях* (тулаайах) ‘сирота’ и др. Закон гармонии гласных соблюдается. Везде последовательно употребляются окающие варианты, например: *солүр* (солуур) ‘котёл’, *хомуос* (хомуос) ‘ковш’, *долбур* (долбуур) ‘полка’, *холорук* (холорук) ‘вихрь’ и т. п., за исключением *тарбыях* (тарбийах) ‘телёнок’. Изъаты буквы *ь*, *ъ*, а также знак краткости. Нашло обозначение в письме звук *h* через букву *с* с точкой внизу (*ç*), который, как объясняют авторы, «между гласными произносится как латинский *h*», например, *биçиги* (биһиги) ‘мы’, *киçi* (киһи) ‘человек’, *үлāçит* (үлэхит) ‘работник’.

Таблица 2

Обозначение якутских звуков в «Первоначальном учебнике русского языка для якутов (Материалы для разговорных уроков)» (1907)

Якутские звуки	Обозначение в источнике	Примеры (в скобках даны слова на современном якутском алфавите и их перевод)
дь	дж	джон (дьон ‘люди’), джахтар (дыахтар ‘женщина’), джāдкāн (дьэдьээн ‘земляника’)
н	н	хоруонка (хоруонка ‘бусы’), тинилэх (тинилэх ‘ступня’)
ʃ	г	аҕабыт (аҕабыт ‘поп’), аҕа (аҕа ‘отец’), ого (оҕо ‘ребёнок’)
h	ç [h]	кыçыл (кыһыл ‘красный’), иçит (иһит ‘посуда’), киāçāнни (киэхээнни ‘вечерний’)
ө	ö	өрбөх (өрбөх ‘тряпка’), көхө (көхө ‘вешалка’)
ү	ü	дүлүн (дүлүн ‘полено’), бүгүн (бүгүн ‘сегодня’)
нь	н	миннигэс (минньигэс ‘сладкий’), мойногон (моонньоҕон ‘чёрная смородина’), нургусун (ньургуһун ‘подснежник’)
носовой й [j]	й	ийā (ийэ ‘мать’), айах (айах ‘рот’), туйах (туйах ‘копыто’)

Этот учебник отличается от предыдущих миссионерских изданий тем, что в нём дана ясная орфографическая установка, которая проявляется в следующих моментах:

1. Орфография основана на полном учёте звукового строя якутского языка и построена как самостоятельная фонетико-орфографическая система, свободная от влияния графико-орфографических ассоциаций русского письма. Например, везде пишется *ойогос* (ойоҕос) ‘ребро’, *ийā* (ийэ) ‘мать’, *ньалбāн* (ньалбаан) ‘жестяной’, *тойон* (тойон) ‘господин’ и т. п.

2. В многовариантных словах даётся одна, наиболее распространённая форма или вариант с неассимилированным согласным. Например, стабильно пишутся *ылгын чыкыйа* (ылгын чыкыйа) ‘мизинец’, *куорсун* (куорсун) ‘перо’, *дыадангы* (дыаданы) ‘бедный’, *бытархай* (бытархай) ‘мелкий’, *онкучак* (онкучак) ‘погреб’ и т. д.

3. Сохраняется последовательное оканье.

4. Практически хорошо разрабатываются знаки препинания. В учебнике дефис употребляется во всех случаях, когда компоненты составляют сложное целое, выражающее одно понятие. Через дефис пишутся отрицательная форма прилагательных: *му-оһа-суох* ‘безрогий’, *сүрэбэ-суох* ‘ленивый’; составные числительные: *уон-икки* ‘двенадцать’, *икки-сүүс* ‘двести’, *уон-иккис*, *тобус-онус* ‘девятиностый’ сложные слова: *аан-дойду* ‘вселенная», *дэлби-ыстаны* ‘взрыв’; частицы: *ханнык-эмэт* ‘какой-нибудь’, *туох-да* ‘ничего’ и т. д.

5. Заимствованные слова стабильно орфографируются в фонетизированном виде: *ырбāхы* (ырбаахы) ‘рубаха’, *лэптиэскэ* ‘лепёшка’, *ньэчимизн* ‘ячмень’ и т. д. [Слепцов 1986: 26]. Исключение составляют богослужебные слова, названия некоторых учебных принадлежностей.

В хрестоматийной части учебных пособий введён довольно богатый материал из лучших образцов

фольклора, текстов из Библии, отрывков из «Воспоминаний» А. Я. Уваровского¹.

Таким образом, разработанный Н. Ф. Катановым Казанский миссионерский алфавит, на котором были напечатаны «Грамматика якутского языка» С. В. Ястремского (1900)², «Букварь для якутов» (1897–1901), «Первоначальный учебник русского языка для якутов» (1895–1907), «Наставление о молитве» (1912), был лучшим после алфавита О. Н. Бётлингга [Сафронов, Иванов 1992: 61] и способствовал стабилизации орфографии миссионерских учебных пособий на якутском языке, изданных в конце XIX в.

Это проявилось в освобождении от влияния графико-орфографических и орфоэпических ассоциаций русского письма, использовании специальных обозначений для точной передачи звукового строя якутского языка, стремлении совершенствовать алфавит акад. О. Н. Бётлингга. В учебниках заимствованные из русского языка слова орфографированы в фонетизированном виде, последовательно употреблены в многовариантных словах формы с неассимилированными гласными, сохранено последовательное оканье.

Литература

Афанасьев В. Ф. Школа и развитие педагогической мысли в Якутии. – Якутск: Кн. изд-во, 1996. – 336 с.

Бётлингк О. Н. О языке якутов. – Новосибирск: Наука, 1990. – 645 с.

Букварь для якутов. – Казань: Типо-литогр. имп. ун-та, 1895. – Вып. 1. – 41 с.

Букварь для якутов. – Казань: Тип. имп. ун-та, 1897 г. – Вып. 2. – 51 с.

Гуляева Е. П. Книга Якутии (1812 – 1916). – Якутск: Изд-во НБ РС(Я), 2004. – 207 с.

На службе Богу и якутскому народу: материалы православных конференций (1993, 1997). – Якутск: Якут. благовестник, 2006. – 222 с.

Первоначальный учебник русского языка для якутов. Вып. 1. – Казань: Тип. имп. ун-та, 1895 г. – 149 с.

Первоначальный учебник русского языка для якутов (Материалы для разговорных уроков). – Казань: Тип. имп. ун-та, 1907 г. – Вып. 3. – 257 с.

Сафронов Ф. Г., Иванов В. Ф. Письменность якутов. – Якутск: Кн. изд-во, 1992. – 79 с.

Слепцов П. А. Ступени и проблемы якутского языкознания. – Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2008. – 544 с.

Слепцов П. А. Якутский литературный язык. Истоки, становление норм. – Новосибирск: Наука, 1986. – 262 с.

Убрятова Е. И. Очерк истории изучения якутского языка. – Якутск: Кн. изд-во, 1945. – 36 с.

Сокращения

ЯЕВ – Якутские епархиальные ведомости. 1898. № 1; № 2; № 4; № 5; № 6; № 22.

М. Э. Дубровина
(Санкт-Петербург, Россия)

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ФОРМ ГЛАГОЛА В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Во всех тюркских языках обнаруживаются формы глагола, своеобразие которых не всегда может быть адекватно интерпретировано в силу отсутствия аналогичных форм в европейских языках. В соответствии с исследованиями эти формы возможно объединить в единую морфологическую категорию на основании общности их грамматического значения. К их числу относят четыре категории функциональных форм: 1) масдары (имена действия); 2) причастия; 3) гибридные субстантивно-адъективные формы; 4) деепричастия.

Ключевые слова: тюркология, функциональные формы глагола, причастие, деепричастие, глагольные имена, тюркские языки.

В настоящей статье глагол трактуется как лексема, означающая действие, точнее любое явление реального или воображаемого мира, которое носители своего языка воспринимают как действие. Глаголы объединены в одну часть речи именно родственностью значений, именуемых многими исследователями как процессуальность. [Гузев 2011: 289] Часто встречающееся мнение, согласно которому глагол означает действие или *состояние*, на наш

взгляд, не учитывает интерпретационную природу языка и, прежде всего, самих классификационных значений – значений частей речи как групп лексем. Это мнение также может быть результатом «подмены содержания языкового значения представлением из области наивной физики исследователя» [Гузев 2011: 289]. Как писал Л. В. Щерба: «В категории глаголов основным значением, конечно, является толь-

¹ Первый литературный памятник на якутском языке. Впервые был опубликован в 1848 г. на якутском и немецком языках в книге А. Ф. Миддендорфа «Путешествие на север и восток Сибири».

² С цифровой копией «Грамматики» С. В. Ястремского (2-е изд., перераб., М., 1938) можно ознакомиться по ссылке: <https://kp.rusneb.ru/item/reader/grammatika-yakutskogo-yazyka>.

ко действие, а вовсе не состояние, как говорилось в старых грамматиках» [Щерба 1974: 91].

Тюркские языки, как показывает фактический материал, изобилуют большим количеством различных глагольных форм. У тюркского глагола имеются следующие словоизменительные категории: категория залога, категория статуса, категория сказуемости, в которую входят подкатегории времени, наклонения, модальности, кроме того, учёные нередко выделяют категорию вида и акционсарта (способа действия). [Гузев 2011]. Несмотря на то, что состав основных присущих тюркскому глаголу категорий, которые исследователями относятся к словоизменительным, не сильно отличается от состава, выделяемого у глаголов европейских языков, число составляющих каждой категории в большинстве случаев выше. Так, в категорию статуса, кроме формы отрицания, включаются также морфологические формы возможности и невозможности совершения действия, в категорию залога – формы страдательного, возвратного, понудительного и взаимно-совместного, категория времени по своему составу схожа с такими языками как английский и немецкий, но значительно разнообразнее, чем аналогичная категория русского языка, категория наклонения насчитывает пять форм (повелительное, желательное, долженствовательное, условное и сослагательное), категория модальности – три формы (условная, субъективная и утвердительная), если же говорить о категории вида и акционсарта, которую логичнее именовать категорией аспектуальности [Насилов 1989], то число форм, входящих в эту категорию настолько многочисленно, что не всегда может быть адекватно названо в силу трудности интерпретации значений перифрастических и аналитических форм, обнаруживаемых по разным тюркским языкам.

Однако одной из самых ярких отличительных особенностей морфологической структуры тюркских языков, бесспорно, можно признать наличие большого количества тех форм, которые в разных научных парадигмах называются по-разному: инфинитными формами, безличными формами, глагольно-именными формами, глагольными именами, отглагольными формами, именными формами глагола, а зачастую, попросту причастиями, и не всем из которых удастся подобрать аналоги в европейских языках. В эту группу в основном включают многочисленные формы «причастий» и деепричастий, а также имена действия и инфинитивы [Жамьянова 2008].

Н. А. Баскаков, например, определял их как функциональные глагольные формы [Баскаков 1952: 413–473, Баскаков 1975: 94–95, 129–179]. В своих построениях учёный разрабатывает идею о наличии у тюркского глагола функционально-грамматического словообразования. По его мнению, «грамматическое словообразование представлено системой

словообразования функциональных форм глагола. В соответствии с основными функциями в предложении все формы глагола разделяются на: а) формы субстантивные (имена действия); б) формы атрибутивно-субстантивные (причастия); в) атрибутивно-обстоятельственные формы (деепричастия)...» [Баскаков 1952: 310].

Однако несмотря на то, что сам термин «глагольные функциональные формы» представляется довольно удачным, концепция Н. А. Баскакова не может быть принята однозначно. Во-первых, он причисляет эти формы глагола к сфере словообразования, а, во-вторых, рассматривает их с чисто синтаксической точки зрения: для Н. А. Баскакова функциональная форма – та, в которой часть речи (будь то имя существительное или глагол) выступает в предложении. [Баскаков 1952: 177, 308–389, 413].

Тем не менее подобные размышления довольно часто встречаются в специальной литературе. Важным моментом в понимании подобных глагольных форм, бесспорно, является вопрос об их грамматическом характере, т. е. являются ли они словообразовательными формами или словоизменительными. Не только в тюркологии, но и в общем языкознании такие формы, как причастия и деепричастия, нередко относят к самостоятельным частям речи, наравне с именами существительными или наречиями, придавая, таким образом, показателям причастий и деепричастий словообразовательный статус. Можно назвать несколько факторов, которые обуславливают подобный подход.

1. Отсутствие или небольшое количество таких форм в индоевропейских языках, что объясняет неразвитость теоретического аппарата по их пониманию и истолкованию.

2. В значениях тех форм, которые обнаруживаются по европейским языкам – причастий и деепричастий – нет тех привычных словоизменительных граммем, которые присутствуют в существующих словоизменительных формах, например, в формах времени, наклонения у глаголов или формах склонения у существительных, а именно значений, сигнализирующих о связях. Долгое время в общем языкознании бытовало мнение, что только *релятивные отношения* могут становиться содержанием словоизменительных значений. В значениях же причастий и деепричастий не прослеживается указание на какую-то связь, в которую вступает исходная основа.

Тем не менее лингвистическая интуиция нередко подталкивала учёных к признанию того, что рассматриваемые формы глаголы являются именно формами этого слова, точно так же, как и формы времени, вида или лица. Так В. В. Виноградов видит и в причастиях, и в деепричастиях гибридные формы, которые не оторвались от системы глагола. [Виноградов 1947: 272, 384]. Гибридность этих форм

заключается в том, что образованы они от глагольной основы, но по значению связаны с иными частями речами: с прилагательными или наречиями. Именно эта их двойственность стала предметом исследований учёного-тюрколога В.Г. Гузева (1939–2021). Ключевым в его размышлениях стало понятие «гипостазирование», о котором активно писал учёный немецкий лингвист Э. Лейзи. Гипостазирование это особенность языка представлять любое явление, когда оно означает словом, в качестве предмета, признака или действия. [Гузев 1999, 2: 30]. В тюркских же языках возникают грамматические формы, в задачу которых входит уже имеющееся у глагола значение процессуальности представлять в новом образе предмета, признака или обстоятельства, т.е. в образах тех значений, которые присущи именным частям речи. Эта концепция получила название концепции «вторичного гипостазирования» и предложила вполне успешные аргументы для объяснения сущности рассматриваемых глагольных форм. В соответствии с этой концепцией, к числу функциональных форм глагола возможно отнести следующие формы: масдары (имена действия), причастия, особые двуфункциональные формы (субстантивно-адъективные) и деепричастия. Все эти именные формы глагола являются средствами вторичного гипостазирования и объединяются на основе однородности значений в единую морфологическую категорию – «категорию номинализации действия» [Гузев 1976: 161]. Однородность же значений заключается в том, что за каждой глагольно-именной формой «стоит семантическая операция над действием, т.е. представление действия в качестве предмета, признака или обстоятельства» [Гузев 1976: 63].

В отличие от такого общераспространённого мнения, глагольно-именные формы по сути словоизменительные. Их словоизменительный характер доказывается на основании следующих свойств: «1) они всегда обозначают действие; 2) сохраняют глагольное управление; 3) способны выступать в продуктивных залоговых формах; 4) способны образовывать отрицательную форму «глагольным» способом, т.е. с помощью аффикса *-ma*; 5) могут оформлять сложные глагольные образования (например, перифрастические, формы возможности и невозможности)». [Гузев 1976: 58]

Как представляется, данная точка зрения более точно отражает функциональные и семантические особенности именных форм глагола в тюркских языках. Поскольку, действительно, рассматриваемые формы окказионально, т.е. при наличии коммуникативной необходимости, преобразуют исходную семантику в другую, а именно, представляют действие в образах предмета, признака или обстоя-

тельства, например, тур. *oku-* ‘читать’, причастие *okuyan* ‘читающий’, деепричастие *okuyarak* ‘читая’, имя действия *okuma* ‘чтение’ и т.д. Данные формы имеют следующие грамматические значения:

а) имена действия представляют действие в предметном образе, их можно именовать субстантивными формами глагола;

в) причастия представляют действие в образе признака, их можно именовать адъективными формами глагола;

г) двуфункциональные формы, типа турецкой формы *-dik* способны представлять действие и в виде предмета, и в виде признака, в связи с чем они могут быть означены как субстантивно-адъективные формы [Дубровина 2016];

д) деепричастия представляют действие в виде различных обстоятельств, тем самым становясь адвербиальными формами глагола.

Если наличие чрезвычайно развитой категории номинализации действия – общая особенность всех суффиксальных агглютинативных языков, то конкретная реализация этой особенности, т.е. устройство и состав системы глагольно-именных форм в каждом отдельном языке, составляет идиоэтническое своеобразие конкретного языка, и представляет большой научный интерес с точки зрения внутритюркской сравнительной типологии. Уже проведенная апробация концепции вторичного гипостазирования в работах Н.Н. Телицина [Телицин 1978, 1988], М.Ш. Маматова [Маматов 1988, 1990], Н.Н.Тыдыковой [Тыдыкова 1993], Н.Э. Гаджихметова [Гаджихметов 1998], турецкой исследовательницы Озлем Йылмаз [Дениз-Йылмаз 2006] позволяет делать некоторые обобщения. В частности, в древнетюркских и в сибирских тюркских языках слабо развита или попросту отсутствует категория имён действия (*nomina actionis*), в карлукских и некоторых кыпчакских языках слабо развита категория причастий (*particip*). В некоторых огузских языках, как, например, в турецком, отсутствует инфинитив, который, как представляется изначально чужд тюркскому языковому строю. В тех же языках, в которых инфинитив имеется, можно с уверенностью утверждать, что он развился под иноязычным влиянием. [Гузев 1999, 1].

Если под инфинитивом вслед за А.В. Исаченко понимать наиболее обобщённую, наиболее отвлечённую глагольную именную форму с минимальной грамматической нагрузкой, которая, по словам И. Польдауфа, выражает «действие, представленное безлично в виде абстракции» [Исаченко 1960: 269]¹, и, добавим, не подвержена словоизменительным операциям, то тюркские языки, по всей вероятности, изначально не имели потребности в инфинитиве.

¹ Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология. Ч. 2. – Братислава: Изд-во Словацкой АН, 1960. – С. 569.

Литература

- Баскаков Н. А. Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков. Словообразование и предложение. – М.: Наука, 1975. – 288 с.
- Баскаков Н. А. Каракалпакский язык II. Фонетика и морфология. Часть I (части речи и словообразование). – М.: Издательство АН СССР, 1952. – 544 с.
- Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М.; Л.: Учпедгиз, 1947. – 784 с.
- Гаджихмедов Н. Э. Словоизменительные категории имени и глагола в кумыкском языке (сравнительно с другими тюркскими языками): дисс... докт. филол. наук. – Махачкала, 1998. – 70 с.
- Гузев В. Г. Глагольное словоизменение в турецком языке // Очерки по теоретической грамматике восточных языков: существительное и глагол / под ред. В. Г. Гузева. – СПб, 2011. – С. 289–351.
- Гузев В. Г. К вопросу об инфинитивах в составе тюркских глагольных имён // Материалы научной конференции Восточного факультета, посвящённой 275-летию Санкт-Петербургского университета (8–9 апреля 1999). – С. 13–15. (1)
- Гузев В. Г. Опыт применения понятия «гипостазирование» к тюркской морфологии // Востоковедение. Филологические исследования. Вып. 21. – СПб.: Издательство С.-Петербургского ун-та, 1999. – С. 29–36. (2)
- Гузев В. Г. Система именных форм тюркского глагола как морфологическая категория (на материале староанатолийского и турецкого языков) // *Turcologica*. К семидесятилетию академика А. Н. Кононова. – Л.: Издательство «Наука», Ленинградское отделение. 1976. – С. 56–64.
- Дениз-Йылмаз О. Категория номинализации действия в турецком языке. – СПб.: Издательство С.-Петербургского ун-та, 2006. – 227 с.
- Дубровина М. Э. О термине «субстантивно-адъективная форма» (САФ) применительно к некоторым глагольно-именным формам тюркских языков // Актуальные вопросы тюркологических исследований / под ред. Н. Н. Телициной, Й. Н. Шена. – СПб.: СПбГУ, 2016. – С. 49–55.
- Жамьянова М. З. Инфинитные формы глагола монгольского и турецкого языков: семантико-функциональный аспект : дис. ... канд. филол. наук. – Элиста, 2008. – 205 с.: ил. РГБ ОД, 61 08-10/402. – URL: <http://www.dslib.net/jazyki-mira/infinitnye-formy-glagola-mongolskogo-i-tureckogo-jazykov-semantiko-funkcionalnyj.html> (дата обращения 22.02.2022)
- Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология. Т. 1. – 2-е изд. – Братислава: Изд-во Словацкой АН, 1965. – 303 с.
- Маматов М. Ш. Вторичный предикат, выраженный субстантивными формами, в современном узбекском языке. – Ташкент: Издательство «Фан» Узбекской ССР, 1990. – 140 с.
- Маматов М. Ш. К вопросу о категории номинализации действия (на материале узбекского языка) // Советская тюркология, 1988. – № 5. – С. 41–52.
- Насилов Д. М. Проблемы тюркской аспектологии: акциональность. – Л.: Наука ЛО, 1989. – 208 с.
- Телицин Н. Н. Атрибутивные и субстантивно-атрибутивные формы древнеуйгурского глагола // Исследования по уйгурскому языку. – Алма-Ата, 1988. – С. 96–103.
- Телицин Н. Н. К характеристике деепричастий в древнеуйгурском языке // Советская тюркология, 1987. – № 6. – С. 10–18.
- Тыдыкова Н. Н. Об имени действия в алтайском языке // Язык и культура алтайцев (сборник научных статей) / отв. ред. А. Т. Тыбыкова. – Горно-Алтайск, 1993. – С. 69–75.
- Щерба Л. В. О частях речи в русском языке // Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974. – С. 77–100.

А. М. Захарова
(Якутск, Россия)

УСТУПИТЕЛЬНЫЕ ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ПОСЛЕЛОГОМ *ИНИН* В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ¹

В данной статье на основе структурно-семантического подхода анализируются уступительные полипредикативные конструкции якутского языка с послелогом *инин* и её квазисинонимы. Установлено, что уступительные ППК с послелогом *инин* в якутском языке допускают замену другими формами конструкций без существенного ущерба в синтаксической семантике первых, что позволяет расценить подобные построения квазисинонимичными. При этом наиболее близкими синонимами являются структуры с послелогом, осложнённые определёнными смысловыми оттенками.

Ключевые слова: якутский язык, полипредикативная конструкция, синонимичные построения, послелог *инин*, квазисинонимы.

В якутском языке уступительные полипредикативные конструкции (далее – ППК) оформляются прежде всего синтетико-аналитическими и аналитическими способами. Они изучены в структурно-семантическом аспекте Е. И. Убрятовой [1976],

Н. Н. Ефремовым [1998], Г. Г. Филипповым, И. П. Винокуровым [1995], А. К. Прокопьевой, А. М. Захаровой [2017] и др. Эти конструкции, как и другие типы ППК, имеют квазисинонимы – неполные синонимы. Последние в якутском языкознании ещё не стали

¹ Исследование выполнено в рамках научного проекта «Сохранение языкового и культурного многообразия и устойчивое развитие Арктики и Субарктики Российской Федерации» (грант Правительства РФ, соглашение № 075-15-2021-616).

предметом исследования. Квазисинонимические ППК обстоятельственного типа рассмотрены на материале бурятского языка [Даржаева 2019].

В данной статье на основе структурно-семантического подхода анализируются уступительные ППК с послелогом *иһин* и её квазисинонимы.

Обсуждаемые ППК с *иһин* обычно усиливаются модальным словосочетанием *төһө да*, выражающей «противительно-уступительное отношение с оттенком несоответствия» [БТСЯЯ 2013, Т. 10: 570] и в отличие от конструкций без подобного усиления,

Оттон	Россия	төһө да	төрөөбүт	дойдум
CNJ	Россия-N	хотя-CNJ	родиться-PP	страна-1Sg
буолбатаһым	иһин	нуучча	буоларым	быһытынан
не быть-PP.neg.1	POST	русский-ADJ	быть-PP.1	POST
өрүүтүн	мин	Сүрэхпэр	баар	
всегда-ADV	я-PRO	сердце-1Sg.DAT	есть-V	

Оттон Россия, төрөөбүт дойдум буолбатаһын иһин, нуучча буоларым быһытынан, өрүүтүн мин сүрэхпэр баар! ‘А Россия, хотя она и не является моей родиной, поскольку я русский, всегда в моем сердце’.

Данная ППК имеет квазисинонимы. Это синтетико-аналитические ППК с T_v *батах+//иннигэр*, T_v *батар+P/да*, а также аналитические ППК.

Квазисинонимы – синтетико-аналитические ППК: модель T_v *батах+//иннигэр*. Уступительные отношения этими ППК выражаются и в том случае, когда в их структуре отсутствует сочетание *төһө да*. Ср.: *Оттон Россия, төрөөбүт дойдум буолбатаһын иннигэр, нуучча буоларым быһытынан, өрүүтүн мин сүрэхпэр баар!* (перевод тот же).

Отметим, что ППК с *иһин/иннигэр* характеризуются условным оттенком, что подтверждается возможностью замены их синтаксической модели формой T_v *тах+//на даһаны*.

ППК модели T_v *батар+P/да* характеризуются вариантом *төһө да* T_v *батар+P/:* *Оттон Россия, төһө да төрөөбүт дойдум буолбатар/*

передают уступительно-противительное значение без опоры на контекст, поскольку ППК-ми с *иһин* выражаются прежде всего причинные отношения. Ср.: уступительная ППК модели T *батах+//иһин* с модальным словосочетанием *төһө да* и без него:

Оттон Россия, төһө да төрөөбүт дойдум буолбатаһын иһин, нуучча буоларым быһытынан, өрүүтүн мин сүрэхпэр баар! (БХ АаКАа: 90). ‘А Россия, несмотря на то, что она и не является моей родиной, поскольку я русский, всегда в моем сердце’.

төрөөбүт дойдум буолбатар да, нуучча буоларым быһытынан, өрүүтүн мин сүрэхпэр баар! (перевод тот же).

Обсуждаемая ППК может оформляться и моделью T_v *батах+//үрдүнэн*. При этом ППК с T_v *батах+//үрдүнэн* характеризуются реальными событиями и у них отсутствует условный оттенок: *Оттон Россия, төрөөбүт дойдум буолбатаһын үрдүнэн, нуучча буоларым быһытынан, өрүүтүн мин сүрэхпэр баар!* ‘А Россия, несмотря на то, что она не является моей родиной, поскольку я русский, всегда в моем сердце’.

ППК с *үрдүнэн* характеризуются также моделью T_v *быт+//үрдүнэн*, которая может усиливаться наречием *төһө эмэ*, выступающей в функции наречия со значением ‘в достаточной степени, достаточно, довольно’ [БТСЯЯ, 2013, Т. 10: 572]:

Нөһүө сайыныгар кулуба күүлэйигэр, төһө эмэ ынгырбытын үрдүнэн, Көкөт барбат [ГСЯЛЯ, 1995: 251] ‘На следующее лето на ысыах улусной головы, несмотря на то, что он (голова) настоятельно пригласил (его на свой ысыах), Көкөт не идет’.

нөһүө	сайыныгар	кулуба	күүлэйигэр	төһө эмэ
следующий – ADJ	лето – N.DAT	глава – NOM	гулянье – N.DAT	достаточно – CNJ
ынгырбытын	үрдүнэн	Көкөт	барбат	
звать-ptcp.pst3.GEN	POST	PN	не идет – V.NEG	

Нужно отметить, что в конструкциях с T_v *батах+//үрдүнэн* подобное лексико-грамматическое усиление не характерно. Ср.: *Оттон Россия, төһө эмэ төрөөбүт дойдум буолбатаһын үрдүнэн, нуучча буоларым быһытынан, өрүүтүн мин сүрэхпэр баар!* (нетипичная фраза).

Как известно, уступительное отношение выражается ППК с зависимым сказуемым в форме

на *-ыа* [Прокопьева, Захарова 2017], которая характеризуется целевым оттенком и специализируется в обозначении противительно-уступительной связи событий:

Атын баайыан ханна даһаны тиис аанһар мас суох буолан биэрдэ (ЕЕИ АКБ: 78) ‘Чтобы (коня) привязать (к чему-либо), нигде ничего – даже зубочистки – не оказалось’.

атын	баайыан	ханна даҕаны	тиис	аанньар
другой-ADJ	привязывать-V.fut	нигде-ADV	зубы-N	пихать-V.prs
мас	суох	буолан	биэрдэ	
дерево-N	нет-PART	быть-cvb	дать-V	

Эта конструкция является квазисинонимом ППК с T_v *ya+// иһин*, которая тоже осложняется целевым оттенком: *Атын байыан иһин, ханна даҕаны тиис анньар мас суох буолан биэрдэ* (перевод тот же). Она может замещаться также структурой с аналитической скрепой *да*: *Атын байыа этэ да, ханна даҕаны тиис анньар мас суох буолан биэрдэ*. 'Ему хотелось привязать (коня), но нигде ничего – даже зубочистки – не оказалось'.

Квазисинонимы – аналитические ППК могут выражаться моделями с уступительными союзами: T_v *батах эрэри, T_v батах буолан баран, T_v батах гынан баран*. Все модели характеризуют уступительные отношения кроме T_v *батах гынан баран*. Данная модель используется при противительном значении. Ср.:

– *Оттон Россия, төрөөбүт дойдум буолбатах эрэри, нуучча буоларым быһыытынан, өрүүтүн мин сүрэхпэр баар!* 'А Россия, хотя она не является моей родиной, т. к. я русский, всегда в моём сердце'.

– *Оттон Россия, төрөөбүт дойдум буолбатах буолан баран, нуучча буоларым быһыытынан, өрүүтүн мин сүрэхпэр баар!* 'А Россия, хотя она не является моей родиной, т. к. я русский, всегда в моём сердце'.

– *Оттон Россия, төрөөбүт дойдум буолбатах гынан баран, нуучча буоларым быһыытынан, өрүүтүн мин сүрэхпэр баар!* 'А Россия, хотя она не является моей родиной, т. к. я русский, всегда в моём сердце'.

Помимо этого, данные модели усиливаются модальным словом *ол* и союзом *да*: T_v *батах ол да буоллар, T_v батах ол гынан баран /ол буолан баран, T_v батах ол буолан баран, T_v батах ол эрэри*.

– *Оттон Россия төрөөбүт дойдум буолбатах, ол да буоллар, нуучча буоларым быһыытынан, өрүүтүн мин сүрэхпэр баар!* 'А Россия не является моей родиной, но, несмотря на это, т. к. я являюсь русским, она всегда в моём сердце'.

– *Оттон Россия төрөөбүт дойдум буолбатах, ол гынан баран, нуучча буоларым быһыытынан, өрүүтүн мин сүрэхпэр баар!* 'А Россия не является моей родиной, но т. к. я являюсь русским, она всегда в моём сердце'.

– *Оттон Россия төрөөбүт дойдум буолбатах, ол буолан баран, нуучча буоларым быһыытынан, өрүүтүн мин сүрэхпэр баар!* (Перевод тот же.)

– *Оттон Россия төрөөбүт дойдум буолбатах, ол эрэри, нуучча буоларым быһыытынан, өрүүтүн мин сүрэхпэр баар!* (Перевод тот же.)

Таким образом, уступительные ППК с послелогом *иһин* допускают замену другими формами конструкций без существенного ущерба в синтаксической семантике первых, что позволяет расценить подобные построения квазисинонимичными. При этом наиболее близкими синонимами являются структуры с послелогом, осложнённые определёнными смысловыми оттенками. Аналитические конструкции в целом характеризуются противительными отношениями, являющимися семантической базой уступительных значений.

Литература

Даржаева Н. Б. Квазисинонимические конструкции в бурятском языке: дисс. ... д-ра филол. наук. – М., 2019.

Ефремов Н. Н. Полипредикативные конструкции в якутском языке. – Новосибирск: изд-во СО РАН, 1998. – 193 с.

Ефремов Н. Н. Уступительные конструкции в якутском языке // Сибирский филологический журнал. – 2015. – № 1. – С. 173–180.

Иванова Е. Е. Аландаайы-Куландаайы бухатыыр. – Дьокуускай: Алаас, 2021. – 224 с.

Прокопьева А. К., Захарова А. М. Структурные типы уступительных сложноподчиненных предложений в якутском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 2–2 (68). – С. 171–176.

Убрятова Е. И. Исследования по синтаксису якутского языка. Сложное предложение. – Новосибирск: Наука, 1976. – 214 с.

Филиппов Г. Г., Винокуров И. П. Саха тыла. Синтаксис. – Дьокуускай: «Бичик» нац. кинигэ кыһата, 1995. – 72 с.

Словари

БТСЯЯ – Большой толковый словарь якутского языка. Т. 10. – Новосибирск: Наука, 2013. – 575 с.

ГСЯЛЯ – Грамматика современного якутского литературного языка. Т. 2. Синтаксис. – Новосибирск: Наука, 1995. – 336 с.

Список сокращений источников

БХ АаКАа – Баһылай Харысхал. Ааспыт кэм аартыктарынан. Дьокуускай: Түһүлгэ, 2021. – 368 с.

ЕЕИ АКБ – Екатерина Егоровна Иванова. Дьокуускай, 2021. – 284 с.

Список условных обозначений грамматических значений в глоссах

CNJ – союз; N – имя существительное; PP – причастие прошедшего времени на –быт; 1Sg – притяжательный суффикс 1 л. ед. ч.; 1 – 1-е лицо глагола; neg – отрицательная форма; POST – послелог; ADJ – имя прилагательное;

ADV – наречие; PRO – местоимение; DAT – дательный падеж; V – глагол; fut – будущее время; prs – настоящее время; PART – частица; cvb – деепричастие.

И. Б. Иванова
(Якутск, Россия)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ «ЧИСЛОВОЙ КОЛИЧЕСТВЕННОСТИ» В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья отражает картину лексических и грамматических особенностей количественно-именных сочетаний в якутском языке. Обзор морфо-синтаксических особенностей в функционально-семантическом аспекте показал, что имя числительное используется в предложении в разных ипостасях: как самостоятельный и при этом универсальный член, и в сочетании с существительными / мезуративами, нумеративами, и как в составе устойчивых выражений и фразеологических оборотов. Выявляются особенности морфо-синтаксических сочетаний числительного с различными частями речи, не получившие должного освещения в лингвистической литературе. В результате прорисовывается картина функционирования имени числительного в синтаксическом ракурсе.

Ключевые слова: якутский язык, функциональная грамматика, лексика, категория количественности, мера, величина, лексические средства, имя числительное.

Термин “числовая количественность” был выдвинут И. А. Бодуэн де Куртенэ в работе “Количественность в языковом мышлении”, в которой автор относил имя числительное к пространственным и временным явлениям [Бодуэн де Куртенэ 1963: 313]. Математические явления (счёт, счисление, измерение) происходят в пространстве и времени, а в язык проникают при помощи имён числительных. С точки зрения функциональной грамматики, имя числительное является “ядерным” средством, т.к. количественность – это функционально-семантическое поле полицентрического типа, которое опирается, с одной стороны, на грамматическую категорию числа (прежде всего, имён существительных), а с другой – на имена числительные, количественно-именные сочетания, адъективные и адвербиальные показатели квантитативных отношений... [ТФГ КК: 161].

Цель нашего исследования – определить и раскрыть лексико-грамматические особенности синтаксических конструкций с числовым компонентом в функционально-семантическом аспекте. Объектом исследования являются имена числительные, функционирующие в якутском языке как средство передачи функционально-семантической категории количественности. Исследуемая часть речи представляет, в основном, ядро микрополей единичности, двойственности, нулевого количества, определённо большого количества, неопределённо большого и неопределённо малого количества, приблизительного количества, собирательности, тотального множества, также меры, величины.

Имя числительное представляет собой название числа, которое понимается или как количественный

признак предмета, или как отдельное самостоятельное понятие [ГСЯЛЯ 1982: 174].

В языкознании выделяют три типа сочетаемости слов – семантическую, лексическую и морфо-синтаксическую, где последняя определяется принадлежностью слов к разным частям речи, лексическая – избирательностью лексем, семантическая – семантическим сочетанием – компоненты словосочетания не должны иметь противоречащих сем [Гак, 1990: 483]. Конструкции с именем числительным, как двусторонние языковые единицы, мы будем рассматривать одновременно с двух точек зрения грамматики: морфологии и синтаксиса. Ю. Д. Апресян морфо-синтаксическую сочетаемость определяет как сочетаемость, при которой одно слово непосредственно или опосредованно связано с другим и несет информацию о его части речи или синтаксическом статусе и грамматической (в частности, предложно-падежной) форме [Апресян, 1974; 1995 I; 1995 II]. Считается, что числительные в сочетании с другими частями речи, образующие определённую морфо-синтаксическую целостность – количественно-именные группы, специфически ведут себя в синтаксисе [Всеволодова 2013: 28] и имеют особенности в функционально-семантическом аспекте.

1) Числительное в сочетании с существительным выполняет функцию количественного признака существительного, в предложении служит определением:

Num Nom
Биэс кинигэ
‘Пять книг’

Определяемое существительное в якутском языке ставится строго в единственном числе, ведь речь идёт о предельном количестве предметов. В данной позиции участвуют все виды числительных, в том числе и неопределённо-количественные имена, как *элбэх* ‘много, многочисленный’, *абыйах* ‘мало, малочисленный’, *үгүс* ‘множество, многочисленный’, *хас да* ‘несколько’ и т.д. *Оттон уол өлөрбүт тай-абыттан үгүс эти сүгэн кириитэ кини долобойдох туттунуулаах, кыайыгас-хотугас кини буолуобун эрэннэрэр* [Далан: 20] ‘То, что юноша много мяса убитого лося принес, показывает, что он вырос рас-судительным, смекалистым, крепким человеком’. В выражении точного количества предметов или понятий равноправно выступают и порядковые числительные: *Уол үс бэрэскини сизтэ* или *Уол үһ-үс бэрэскитин сизтэ* – речь идёт точно о трёх пирогах, съеденных мальчиком. *Бүгүн сүүрбэ абыс чыыһыла* – *Бүгүн сүүрбэ ахс-ыс чыыһыла* – сегодня 28 число.

Сочетание числительного с мезуративами и нумеративами используются в выражении величины – это то, что можно измерить визуально, интуитивно, или с помощью рук, ног, приборов, приспособлений: длина, ширина, площадь, объём, масса, время, скорость и т.д. Величина является результатом измерения, она определяется числом, выраженным в определённых измерениях (единицы измерения).

Для точного обозначения величины используются количественные числительные: *уон көс* ‘десять кес’, *үс киһлэ* ‘три килограмма’, *икки илии кэтит-тэх* ‘ширина в два пальца’, *сүүс сүл* ‘сто лет’, *отут кун* ‘тридцать дней’ и т.д. *Түөрт илии кэтит тирии курунан ыга тардыммыт синньигэс биһллэх* (Далан: 19) ‘Талия была обтянута кушатом шириной в четыре руки (пальца)’.

Использование конкретизирующего числительного *биир* ‘один’ с словосочетанием имени и прилагательного имеет иное функционально-семантическое значение «один из нескольких», или «неопределённый»: *Ити [Милэкэ] Сунтаар оройуонун биир саамай ыраах сытар учаастага* ‘[Милэкэ] является самым отдалённым участком Сунтарского района’ [Зверев: 19]. *Оһуор үнүкүүтүн С.А. Зверев биир бөдөн айымнытын аабыахха сөп* ‘Одним из основных произведений С. А. Зверева можно назвать танец «Узорь»’ [Зверев: 17].

Биир + Adj + Nom:

Биир бөдөн айымны

‘Одно крупное произведение’

Или числительное *биир* часто используется как квантификатор неопределённости: *Бэбэһэ кинилэргэ биир киһи кэлэ сылдыбыт үһү* ‘Вчера к ним кто-то приходил’. *Биир күөлү аастыбыт* ‘Прошли како-е-то озеро’.

Рассмотрим тот случай, когда понятие нулевого количества чего-либо выражается словосочетанием числительного *биир*, существительного и глагола в отрицательной форме или имени отрицания *суох* ‘нет’. Абсолютное отсутствие усиливается частицей *да*: *Биир да киһи суох* ‘нет никого (ни одного человека)’.

БИИР (Prtcl) Nom СУОХ

Биир (да) киһи суох

‘Один ни человек нет; ни одного человека нет’.

Количественное числительное *икки* имеет более конкретную функцию, чем числительное *биир*, обозначает двойственность, парность дискретных предметов. Лексема используется с лексемами, обозначающими парные части лица и тела человека (*харах* ‘глаза’, *илии* ‘руки’, *атах* ‘ноги’, *кулгаах* ‘уши’, *хоннох* ‘подмышки’, *хаас* ‘брови’ и др.): *икки илии-гинэн тут* ‘держи двумя руками’; *икки харабынан көрбөт буолбут* ‘ослеп на два глаза’; *Иэгэйэр икки атахтаах* ‘С двумя ногами (человек)’.

В значении соединительного союза числительное *икки* тоже является показателем **цельности, нерасчленённости, союза** парных предметов: *Ыт икки куоска икки* ‘собака и кошка’, *аҕам, ийэм икки* ‘мой отец и мать’; *Айыңа Сизэр тойоңно, Айыы Нурбалдыын Эмээхсиңэ иккигэ, баран эт эрэ* ‘Иди и скажи Старцу Айынга Сизэр тойону и Айыы Нургалдыын матушке’ [Ньургун Боотур стремительный: 76–77].

На определённое количество могут указывать и разделительные числительные, указывающие на количественное распределение предметов и отвечающие на вопросы *хастыы?*, *төһөлүү?* ‘по сколько?’: *Сааһыттар уоннуу куобабы өлөрбүттэр* ‘Охотники убили по десять зайцев’; *Биирдии кэмпиэти сизтибит* ‘Съели по одной конфете’. Точное количество дискретных предметов, понимаемое как совокупность, выражается собирательными числительными, которые отвечают на вопрос *хаһыа?* ‘в каком количестве?’. Данные числительные образуются посредством аффиксов *-ыа*, *-ыан*: *Кинилэр онуолар* ‘Их десять’; *Бэһиэ буолан кэллибит* ‘Мы пришли пятером’. В подобных сочетаниях подразумевается опущенное подлежащее, оставляя за числительным обстоятельственное значение [ГСЯЛЯ 1982: 185]. Собирательное числительное с ограничительно-уменьшительным значением образуется и при помощи аффикса *-ыайах*: *Манна бэһизэйэх киһи баар* ‘Здесь только пять человек’. *Иккиэйэх бэйэлэрэ Олордулар хас да сылы мэлдьи* ‘Остались вдвоём в течение нескольких лет’ [Ньургун Боотур стремительный: 100–101].

Количественные числительные в форме принадлежности или с аффиксом *-лаах* могут обозначать точный возраст чего-либо, кого-либо, также указывать на достоинства денежных знаков:

Num+*-лаах*

Nom

Алта-лаах оҕолору оскуолаҕа ылбаттар ‘6-летних в школу не берут’; *Эрэ Доромоон отучча-лаах киһи* ‘Муж Доромон человек лет тридцати’ [Күндэ: 19]; *биэс-тээх харчы* ‘5 копеек’, *тыһыынча-лаах* ‘купура в 1000 рублей’ и т. д.

3) В качестве определения выступают конкретные числительные, как *десять, сто, тысяча* и др., в орудном падеже, выражая обобщающее, итоговое, иногда приблизительное количество. В предложении выступают в роли определения:

Num 10, 100, 1000, 1000000 + INSTR (-нан) Nom

Тыһыынча-нан сыллар ‘тысячи годы’, *тыһыынча-нан суумалаах* ‘стоимостью в тысяча рублей’, *мөлүйүүнү-нэн харчылаахтар* ‘обладают миллионами’ и др. Лексические единицы *сүүс, тыһыынча, мөлүйүүн*, характеризующиеся количественной неоднозначностью в сочетании с существительными, в форме орудного падежа могут передавать значения не только точно-конкретного числа, но и приблизительного конкретного числа: *Сүүһү-нэн сыл анараа оттугэр* ‘сто лет тому назад’, *тыһыынча-нан килимиэтири нөңүөлээн* ‘перелетая тысячи километров’. Можно сказать, что лексемы *уонунан, сүүһүнэн, тыһыынчанан, мөлүйүүнүнэн* в сочетании с существительными являются образными (художественными) средствами выражения количества.

Таким образом, в результате грамматического (морфо-синтаксического) анализа выявлено, что имя числительное представляет собой морфо-синтаксическую категорию, т.к. есть разряды, представляющие собой сочетания слов: числительные в сочетании с существительными образуют определённую морфо-синтаксическую целостность – количественно-именные группы, специфически ведущие себя в синтаксисе. Такое многообразие функций, лексико-грамматических признаков и семантики делает это слово незаменимым структурным компонентом устойчивых выражений, где оно способно оформлять определённую роль. В выражении количественности участвуют все виды числительных: количественные, порядковые, приблизительные, разделительные, собирательные и дробные, также неопределенно-количественные имена. Посредством «числовой количественности» в якутском языке выражаются различные понятия счёта, исчисления как определённое / неопределённое (приблизительное) количество дискретных / недискретных предметов и явлений в языке, также величина и различные фразеологические образные выражения.

Литература

- Апресян Ю. Д. Избранные труды. Том 1. Лексическая семантика. – М., 1995.
- Апресян Ю. Д. Избранные труды. Том 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М., 1995.
- Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – М., 1974.
- Бодуэн де Куртенэ И. А. Количественность в языковом мышлении // Избранные труды по общему языкознанию. – М.: Изд-во Акад наук СССР, 1963. – Т 2. – 391 с.
- Бетлингк О. Н. О языке якутов. – Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1989. – 644 с.
- Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. – Спб.: Наука, 1996. – 264 с.
- Всеволодова М. В. Категория количественности в славянских языках: числительные и квантитативы // Вестник Московского университета. Сер. 9. – Филология. – 2013. – № 6. – С. 16–62.
- Гак В. Г. Валентность // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
- ГСЯЛЯ – Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика. Морфология. – Новосибирск: Наука, 1982. – 495 с.
- Далан. Тулаайах оҕо. Якутскай: Кинигэ изд-вота, 1983. – 352 с.
- Зверев Д. С. Аҕам туһунан аман өс. Дьокуускай, 1999. – 292 с.
- Күндэ. Кыһар тунат. Якутскай: Кинигэ изд-вота, 1979. – 296 с.
- Ньургун Боотур стремительный. Богатырский эпос якутов. – Якутск, ГОСИЗДАТ ЯАССР, 1947. – 409 с.

Условные обозначения

Adj – прилагательное
Instr – орудный падеж
Nom – существительное

Num – числительное
Prctl – частица

О. А. Нурыева
(Ашхабад, Туркменистан)

НАРЕЧИЯ В ПОЭМЕ «КУТАДГУ БИЛИГ» ЮСУБА БАЛАСАГУНСКОГО

В статье в обзорном порядке проанализировано употребление наречий в письменном памятнике XI в. «Кутадгу билиг» Юсуба Баласагунского, в частности, наречия, образованные лексико-семантическим, морфологическим и синтаксическим способами. Установлено, что определённое количество наречий выражают время, состояние, обстоятельство, количество, меру, место, направление, причину, сравнение.

Ключевые слова: наречие, образование наречий, язык «Кутадгу билиг».

Произведение XI в. «Кутадгу билиг» («Благодатное знание») Юсуба Баласагунского предоставляет широкие возможности для изучения морфологического строя языка Караханидского времени в Восточном Туркестане. Совершенство языка этой эпохи особенно ярко прослеживается в процессе исследования наречий, употреблённых в произведении. В предложении наречия приближены к глаголам и обозначают способ, качество, признак, время, место и т. п. действия. Наречиям не характерно употребление со словоформами. Это относится к его морфологическим особенностям. Они отличаются своими синтаксическими свойствами, часто являясь в предложении обстоятельством или дополнением.

Наречия образуются лексико-семантическим, морфолого-синтаксическим и синтаксическим путями. Корневые наречия в ходе исторического развития языка образовались путём перехода от одной части речи к другой.

Принято считать, если слова относятся к существительным, то они являются прилагательными, а если – к глаголам, то они являются наречиями [Зейналов 1959: 153]. При выявлении и определении наречий в языке «Кутадгу билиг», на наш взгляд, нужно руководствоваться из выше приведённых обстоятельств.

В языке поэмы преобладают наречия, образованные лексико-семантическим путём. Это простые наречия. Тюркологи корневые наречия считают наиболее древними. В языке анализируемого письменного памятника нами обнаружены случаи употребления корневых наречий, например,

Bitipkodtum *emdi* (ىدم)sañaau tetig [КБ:109].

‘Написав, оставил тебе, эй, сообразительный’.

Ýakynlyk içinde meni tutma *daş* (شث) [КБ: 350].

‘Вблизи, меня не держи на расстоянии’.

Baraýun men *emdi* (ىدم) esen edgü kal [КБ: 351].

‘Пойду я теперь, ты оставайся хорошим, здоровым’.

Sözi çun (ىج) gerek beg kuýuksyz göni [КБ: 366].

‘Правитель должен быть правдивым и не нарушать свои слова’ [ДС: 442].

Baraýun men *emdi* (ىدم) esen edgü kal [КБ: 351].

‘Голова разболится от множества проклятий и ругани’.

Наречие *telim* ‘неоднократно’, приведённое выше встречается не только в языке «Кутадгу билиг», но и в других письменных источниках XI в., что и наш исследуемый памятник, например, Bu ärolewine *telim*, tawartaşytgan (МК, 129a-14) [СДТЯ, II: 290] – Этот муж в тот дом перетаскал много баранов.

Наречия различаются по смыслу. Среди них можно отметить те, которые обозначают время и отвечают на вопросы *когда? в какое время?* Корневые и производные наречия времени бывают простыми и сложными. В языке «Кутадгу билиг» встречаются корневые наречия времени, например,

Baka gör gil emdi (ىدم) ýagyzy ýerkoýu [КБ:340].

Gerek bolmaz emdi (ىدم) bu dünýä manga [КБ:343].

Saňa todmaz erken senir (ىا) aşnutod [КБ:341].

‘Ты не наелся, теперь насыться едой’.

Uzungiç (ىزوجك) ýaşagyl aşayun ilig [КБ:122].

‘Долго живи, кормя народ’.

В языке “Кутадгу билиг” встречается небольшое количество корневых наречий, обозначающих состояние, обстоятельство и отвечающих на вопросы *как? каким образом?*, например,

Kim erse bu halyg bilür erse çun (ىج) [КБ:348].

‘Если кто-то это обстоятельство принимает за правду’.

Baraýun men emdi *esen* (ىس) edgü kal [КБ:351].

‘Пойду я теперь, ты оставайся хорошим, здоровым’.

Agyr (ىغ) tutsa eştip kiçig ulugy [КБ: 359].

‘Услышав, младший с почтением отнесётся к взрослому’.

Производные обстоятельственные наречия встречаются в небольшом объёме. Они образовались с помощью аффикса *-la/-le* и формы деепричастия на *-p*, например:

Beliñlep (بىلىنلپ) (gorkup) odundyusykemedi [КБ:357].

‘Испугавшись, проснулся, не мог уснуть’.

Özüm *arzulap* (بىرزولاپ) geldim emdi saňa [КБ:363].

‘Я пожелав, пришёл к тебе’.

В исследуемом письменном памятнике выявлены случаи употребления наречий, обозначающих количество, меру и которые отвечают на вопросы *сколько? в каком количестве?*, например,

Az (بىز) *edgüke ýalnguk unytur özin* [КБ:348].

‘Некоторые благоразумные, одинокие забудут о себе’.

Düşekkoldyúattyudyrbardyaz (لا) [КБ:357].

‘Пожелал постель, лёг, поспал немного’.

Usy(huşy) ýitti artuk (قوتلا) uzady tüni [КБ:357].

‘Больше терял память, продлились ночи’.

Telim (مىلت) tüş bolur ýim içimke baryr [КБ:430].

‘Много снов будет, дойдёт до еды, питья’.

В рассматриваемом письменном памятнике употребляются также наречия места, направления. Они, в основном, являются корневыми, отвечают на вопросы *где? куда? откуда?*, например,

Ýakynlyk içinde mini tutma taş (شت) [КБ: 350].

‘Вблизи, меня не держи на расстоянии’.

Ýyrag (قارى) boldum ilig tapugynda taş (شت) [КБ:124].

‘Подальше был от служения людям’.

Angar bolgu ermez bu dünýä ýakyn (نىقى) [КБ: 348].

‘Ему не будет этот мир близким’.

В языке произведения “Кутадгу билиг” не зафиксированы случаи употребления наречий, обозначающих причину, сравнение.

В большом количестве встречаются прилагательные, выступающие в роли наречия, относясь в предложении к глаголам, например,

Kişide ýawuzraky ýalğan (ناغلى) bolur [КБ: 365].

‘Самое скверное у человека – это ложь’.

Uzun (نوزوا) giç ýaşagyl aşau ilig [КБ: 122].

‘Долго, до поздних лет живи, кормя народ’.

Boguzuň küdezigil halal (لالح) ýigil az [КБ: 106].

‘Береги горло, ешь честное, мало’.

Воýun ber kazaka göni (نىوك) tut agyz [КБ: 114].

‘При (злой) участи сгибай шею, (но) речь держи правдивой’ [ДТС: 439].

Köngül bir bayatka uladym göni (نىوك) [КБ: 344].

‘Душа одному богу прямо присоединилась’.

Aýur ol kadaşuň göni (نىوك) sözleşmiş [КБ: 352].

‘Говорил твой друг, правдиво молвил’.

Uzun (كنوزوا) kalgu ermez ölüm tutty ýol [КБ: 346].

‘Не будет длинным жизненный путь, настала смерть’.

Meni bardy saknyp ýorgysu göni (نىوك) [КБ: 349].

‘Размышляя ко мне пришёл, если пойдёт прямо’.

Idi ýagşy (ىشقى) imiş bu sözler bu gün [КБ: 416].

‘Очень кстати были эти слова сегодня’.

Bu söz ýagşy (شىم اىشقى) aýmuş aý bilgi teñiz [КБ: 350].

‘Эти слова хорошо говоришь, эй, мудрое море’.

Наречия, образованные морфолого-синтаксическим путём, в языке анализируемого письменного памятника не обнаружены.

В языке «Кутадгу билиг» зафиксированы случаи образования наречий с некоторыми морфологиче-

скими средствами, в частности, формообразующим аффиксом *-lap* и формоизменяющим аффиксом *-de*. Например,

Özüm arzulap (بالوزراوزرارا) geldiemdi saña [КБ: 363].

‘Я сам мечтаю, пришёл теперь к тебе’.

İçinde (ادنىج) tatyg bolmasa ol kagun [КБ: 368].

‘Если нет среди (них) невкусной той дыни’.

В языке «Кутадгу билиг» выявляются производные наречия, образованные синтаксическим путём в виде словосочетания, например,

Araaç (آرا جا 342) aratok (قوت آرا) ýügürgü gerek [КБ: 342].

‘Нужно бегать то голодным, то сытым’.

Также встречаются наречия, образованные путём сложения антонимичных парных слов, например, *Baryredgü isizneegrigoni* (ىنوك ىركا) [КБ: 348].

‘Хороший, скверный будут не кривым и не прямым’.

Словосочетания, образованные с помощью слов, обозначающих время, с такими понятиями, как *год, месяц, день* и т.п. выполняют функцию наречия, например,

Boguz bir todunsa iki gün (نوك ىكى) baryr [КБ: 343].

‘Если желудок насытился, хватит на два дня’.

Eginked sebir ton iki ýyl (لى ىكى) kalur [КБ: 343].

‘Если на плечо накинута какой-либо дон (халат) хватит на два года’.

Bugünde (ب) (نارواندنوك وب) naruolaj (ى آلوا) ýalngukkeddi [КБ: 348].

‘С этого дня, начиная с того месяца, человек сильный’.

Bu günde (ب) (نارواندنوك وب) naru olaj (ى آلوا) ýalnguk kedi

Ýaryn kelge barça bugün (ب) (نونوك وب) бүтмесе [КБ: 350].

‘Завтра всё придёт, если сегодня не сбылось’.

Biziñkönlümüz öldibolgabugün (نوك وب) [КБ: 353].

‘Сегодня душа наша умерла’.

Okydy ilig bir gün (ب) (نونوك رىب) ögdülmişig [КБ: 355].

‘Позвал государь однажды Огдюльмышша’.

Zuýaretkyllaýunangar men bugün (ب) (نونوك وب) [КБ: 359]

‘Пойду я сегодня в паломничество’.

Выводы. В языке «Кутадгу билиг», в основном, встречаются корневые наречия. Наречий, образованных морфологическим путём, незначительное количество. Но преобладают наречия, образованные синтаксическим путём. При этом не обнаружены факты употребления наречий в форме грамматических категорий.

Литература

Зейналов Ф.Р. Принципы классификации именных частей речи (на материале азербайджанского языка). – Баку: Издательство АГУ, 1959. – 216 с.
ДТС – Древнетюркский словарь. – Л.: Наука. 1969. – 676 с.

КБ – Кутадгу билиг. Наманганская рукопись. – Анкара: Турк дил курумы, 2015. – 226 с.

Словарь древнетуркменского языка. – Ашхабад: Ылым, 2013. – Том 2. – 520 с.

Т. Овезова

(Ашхабад, Туркменистан)

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СЛОВА АБРАЙ «АВТОРИТЕТ» В ТУРКМЕНСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена анализу слова *abraý* ‘авторитет, достоинство, престиж’ в туркменском языке, имеющего персидское происхождение. Данная заимствованная лексическая единица входит в состав словообразовательного гнезда *ab* ‘вода’, образуя одну из его цепей, в которую входят такие слова, как *abraýla-* ‘почитать, оказать уважение’, *abraýly* ‘почётный, уважаемый’, *abraýsyz* ‘безавторитетный, бесславный’.

Ключевые слова: туркменский язык, *abraý*, словообразовательное гнездо, словообразовательная цепь.

Персидское слово *abraý*, имеющее значение ‘авторитет, достоинство, престиж’ образовано сложением двух слов *ab* ‘вода’ и *ruý* ‘лицо, поверхность’. Встречается и другая форма второго слова в виде *roy*. Со временем эти фонетические варианты в составе слова приобрели форму *raý* и туркмены заимствовали его в этом виде. А сложением двух корневых слов *ab* и *raý* образовалось слово *abraý*, которое входит в состав словообразовательного гнезда *abu* и образует одну из её цепочек. Эта словообразовательная цепь содержит словообразовательные ряды *abraýla-* ‘почитать, оказать уважение’, *abraýly* ‘уважаемый, авторитетный’, *abraýsyz* ‘безавторитетный, бесславный’. Данные производные слова, в свою очередь, являются производящими для таких слов, как *abraýlamaklyk* ‘оказание почитания’,

abraýlamazlyk ‘неоказание почитания’, *abraýlylyk* ‘почётность, имение уважения’ *abraýsyzlyk* ‘безавторитетный, беславие’.

Приведём некоторые модели слов с основой *abraý*:

Глагол *abraýla-*, образован с помощью аффикса **-la:** *abraý*_{сущ.} + *-la*_{аф.гл.}

В образовании прилагательного *abraýly* участвовал аффикс *-ly* прилагательное: *abraý*_{сущ.} + *-ly*_{аф.прил.}

С помощью аффикса *-lyk* образовано существительное *abraýlylyk* от прилагательного *abraýly*: *abraý*_{сущ.} + *-ly*_{аф.прил.} + *-lyk*_{аф.сущ.}

Как видно из вышеизложенного, в туркменском языке заимствованная из персидского языка основа *abraý* активно участвовала в процессе словообразования.

О. С. Ооржак

(Кызыл, Россия)

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СЛОВА БИР В ТЕКСТАХ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ

В работе рассматривается функционирование числительного *бир* в сочетании с именной группой в текстах тувинских произведений при выражении значения неопределённости.

Одним из средств выражения неопределённости именной группы в тюркских языках является слово *бир* в значении ‘некий, какой-то’. По определению А.Н. Кононова, числительное «бир» употребляется в трёх значениях: 1) как количественное числительное; 2) как неопределённый член; 3) как особый лексико-семантической показатель [Кононов 1956: 148].

В текстах тувинских произведений, размещённых в Электронном корпусе тувинского языка (ЭКТЯ), нами зафиксировано употребление слова

бир как средство выражения категории неопределённости в следующих случаях: 1) при выражении субъекта, известного говорящему, неизвестного адресату (по терминологии В.А. Плунгяна, слабая определённость): *Бир уруг кээр турган харын.* (АД ЧК, ЭКТЯ) ‘Должна была прийти одна девушка’; 2) при выражении субъекта, известного говорящему, но утаиваемого, умалчиваемого от адресата: *Ында бир уруг бар.* (АД ЧК, ЭКТЯ) ‘Там есть одна (в значении ‘некая’) девушка’; 3) когда говорящий не конкретизирует, не идентифицирует субъект, т. к. для него он является неизвестным: *Балыктарның чемнеп турарын көрбөсөң! Ам балыктаар-дыр – деп, бир угбай чугаалаан.* (ЛЧ, А, ЭКТЯ) ‘Смотрите,

как рыбы-то клюют! Давайте рыбу ловить, – сказала какая-то женщина»; 4) при выделении одного субъекта/объекта из множества: *Кодан хойну баштаар бир хой турар, ол хойнуң барган уу-биле өске хойлар болгаи өшкүлөр ынаар шуужуп каарлар.* (МКЛ ББ, ЭКТА) 'В стаде всегда есть вожак, куда он пойдёт, то за ним туда же остальные двигаются'.

Анализ имён существительных, функционирующих с числительным *бир* в текстах тувинских произведений, показал, что при выражении различных значений категории неопределённости используются следующие имена существительные (см. Таблицу).

Таблица.

Значения сочетаний слова *бир* и имён существительных в тувинском языке

Значения	Тематические группы	Примеры
Слабая определённость	Термины родства: <i>кырган-ачай</i> 'дедушка', <i>уруу</i> 'дочка', <i>келин</i> 'невеста', <i>угбай</i> 'сестра', <i>дуңмам</i> 'братик';	<i>Эрткен айда мээң бир дуңмам оол база бызаалыг инээн оларга алзыпкан эвеспе.</i> (ИБ А, ЭКТА) 'В прошлом месяце они украли корову с телёнком у одного моего брата (родственника)'.
Значение умолчания	Наименования лиц по полу: <i>оол</i> 'мальчик, парень', <i>уруг</i> 'девочка, девушка' и др.	<i>Межегейниң Доора-Хадыңга инек фермазының саанчызы Оюн бир оол-биле таныжа берген.</i> (АА ТУМ, ЭКТА). 'В Дора-Хадыне Межегея доярка фермы Оюн познакомилась с неким парнем'.
Значение неизвестности	Наименования профессий: <i>садыгжы</i> 'продавец', <i>хойжу</i> 'чабан', <i>малчын</i> 'скотовод', <i>эртемеден</i> 'учёный';	<i>Кежик-кыс бир садыгжы баарыңга тура дүшкен</i> (ЭД. Кежик-кыс, ЭКТА) 'Кежик-кыс встала перед каким-то продавцом'.
Значение выделения из множества	Названия животных: <i>бөрү</i> 'волк', <i>аът</i> 'лошадь', <i>пар</i> 'тигр', <i>хой</i> 'овец', <i>иви</i> 'верблюд', <i>ирбиш</i> 'барс', <i>дагаа</i> 'курица', <i>диш</i> 'белка';	<i>Эңмек мыйызын ооргазыңга чөлөндүрүп алгаи, шөлээн кегженип турган тениң соондан бир пар кедеп бар чор.</i> (ЧК. Аялга, ЭКТА) 'Один тигр подкрадывается к круторогому дикому козлу, спокойно жующему (траву)'.
	Название птиц: <i>аңгыр</i> 'турпан'	<i>Шаанда бир аңгыр аткан кижии мен, ооң соонда ооң эжиниң дүн-хүн чок алгы-кышкызыңга ана сөөгүм чештинер чорду.</i> (КД, КЧ. Кыс-халыыр)
	Названия ландшафта: <i>ортулук</i> 'остров', <i>даг</i> 'гора', <i>хөл</i> 'озеро', <i>аяң</i> , <i>өзен</i> .	<i>Бир хөл кыдыында шаңда ажыл база-ла хайныккан турган.</i> (ЛЧ А, ЭКТА) 'На берегу озера на току работа тоже кипит'.
	Названия растений: <i>пөш</i> 'кедр', <i>сыра</i> , <i>оът</i> 'травы'.	<i>Лена биле Алла бир пөш дөзүндө, дишнер ышкаи, тооруун казып, чадаарда каттыржып каап турганнар.</i> (ЛЧ А, ЭКТА) 'Лена и Алла, щелкая орехи, как белочки, стояли под одним кедром и посмеивались'.
	Наименования транспортного средства передвижения: <i>машина</i> , <i>паром</i> , <i>автобус</i> .	<i>Доктаар черге чоокиулап олурумда, бир автобус кээп доктаап туруту эвеспе оң.</i> (АД. ЧК. ЭКТА) 'Когда я подходил к остановке, подъехал какой-то автобус'.

Таким образом, используемое в тувинских текстах слово *бир* может реализовать разные значения при выражении категории неопределённости.

Литература

Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. – М.-Л., 1956. – С. 148.

Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. – М.: РГГУ, 2011. – С. 225–226.

Научный руководитель – к. филол. н., доцент А. Б. Хертек.

Список сокращений источников

АА ТУМ, ЭКТА – А. Арапчор «Тыва улустуң мифте-ри болгаи тоолчургу чугаалары»;
АДЧК.ЭКТА – А. Даржай «Чурттаарын күзезинзе»;
ИБ А, ЭКТА – И. Бадра «Арзылан-Кудерек»;
КД, КЧ. – Д. Куулар. «Кыс-Халыыр»;

ЛЧ А, ЭКТА – Л. Чадамба «Аян-чорук»;
МКЛ ББ, ЭКТА – М. Кенин-Лопсан «Буян-Бадыргы»;
ЧК. Аялга, ЭКТА – Ч. Куулар «Аялга»;
ЭД. Кежик-кыс;
ЭКТА – Э. Донгак «Кежик-кыс».

*А. В. Проскурина
(Кемерово, Россия)*

ОСОБЕННОСТИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ТЕЛЕУТСКОГО ЯЗЫКА

В фокусе внимания автора находится сфера дериватологии тюркских языков Сибири. В статье представлены результаты изучения особенностей словообразовательной системы родного языка телеутов – одного из коренных малочисленных народов РФ – посредством обращения к её простым и комплексным единицам в аспекте их пропозиционально-семантической организации.

Ключевые слова: словообразование, дериваты, словообразовательный тип, семантика, пропозиция, языковая картина мира, телеутский язык.

В настоящее время словообразование телеутского языка относится к недостаточно описанным разделам тюркского языкознания по сравнению с подобными изысканиями на материале алтайского, шорского, хакасского языков [Грамматика 2017; Дыренкова 1940, 1941; Есипова 2005; Тараканова 2008 и др.]. В имеющихся работах историков, этнографов, лингвистов язык телеутов рассматривается как форма отражения культурного и общественного опыта и мышления народа, его традиций, ценностей и получает отдельное описание со стороны фонетических и морфологических особенностей [Левитская 1977; Радлов 1989; Фисакова 1973; Язык бачатских телеутов 1976]. В трудах учёных-языковедов Кемеровской дериватологической школы под руководством профессора Л. А. Араевой с опорой на лексические ресурсы телеутского языка была описана языковая картина мира его носителей [Языковая 2018].

Поскольку большая часть лексики языка телеутов представлена производными единицами, которые образуются и функционируют в границах аффиксальных словообразовательных типов, значимым видится, во-первых, классификация дериватов на основе способов словообразования в зависимости от сферы их семантического влияния, во-вторых, анализ пропозиционально-семантических отношений как на уровне отдельных дериватов, так и в границах словообразовательных типов, задающих формально-семантические рамки деривационных

процессов, и, в-третьих, моделирование деривационного пространства телеутского языка в координатах когнитивной лингвистики путём выявления закономерностей и способов пропозиционально-семантического освоения мира, типичных для современных представителей телеутского этноса [Проскурина 2018: 148].

Цель настоящего исследования состоит в обосновании и описании механизма процессов словообразования в границах субстантивных словообразовательных типов, участвующих в образовании дериватов – наименований лиц и артефактов – носителей определённых видов словообразовательной семантики, в совокупности отражающих культурно значимые фрагменты языковой картины мира телеутов.

Стоит отметить, что для достижения обозначенной цели в работе реализуется установка на поэтапный анализ пропозиционально-семантического потенциала каждого из рассматриваемых словообразовательных типов.

Проведённое исследование показало, что деривационная система телеутского языка, представленная через взаимодействие субстантивных словообразовательных типов на уровне семантического распределения наименований лиц (субъектов) и артефактов, отражает логику мировосприятия телеутов и антропоцентрический характер их языковой картины мира.

Литература

Грамматика современного алтайского языка. Морфология / под ред. д-р филол. наук И. А. Невской [и др.] – Горно-Алтайск, 2017. – 576 с.

Дыренкова Н. П. Грамматика ойротского языка. – М.: Изд-во АН СССР, 1940. – 303 с.

Дыренкова Н. П. Грамматика шорского языка. – М.: Изд-во АН СССР, 1941. – 309 с.

Есипова А. В. Словообразовательная структура тюркского слова: производящая основа (на материале шорского языка) // Вестник ТГПУ. – 2005. – Вып. 4(48). – С. 87–92.

Левитская Л. С. «Язык бачатских телеутов» // Советская тюркология. 1977. – № 3–4. – С. 122–124.

Проскурина А. В. Словообразовательные типы в системе языка как отражение мировидения его носителей (на

материале телеутского языка) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. – 2018. – № 9(2). – С. 147–151.

Радлов В. В. Из Сибири: страницы дневника. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1989. – 749 с.

Тараканова И. М. Словообразование имён существительных в хакасском языке (в сопоставительном аспекте). – Абакан: Хакасское книжное издательство, 2008. – 174 с.

Фисакова Г. Г. Некоторые фонетические, грамматические и лексические особенности говора бачатских телеутов // Вопросы тюркской филологии: сборник статей. – Кемерово: КемПК, 1973. – С. 69–75.

Язык бачатских телеутов / под ред. профессора Е. И. Убрятовой. – Кемерово: Изд-во Кемеровского ун-та, 1976. – 134 с.

Языковая картина мира телеутов: монография / Л. А. Араева [и др.]. 2-е изд., испр. и доп. – Кемерово, 2018. – 280 с.

В. Ю. Сазанаква
(Абакан, Россия)

ХАКАС ЛИТЕРАТУРА ТІЛІНІҢ ПАЗА ДИАЛЕКТТЕРІНІҢ ФОНЕТИКАДАҒЫ ТЕЕЛІСТЕРІ

Халғанчы туста хакас литература тілінің паза диалекттерінің теелісметкен сурығларын үзүрері уғаа кирексіністігін пол парған. Хакас тілінең чоохтасчатхан кізілернің көп сабазы сағай чооғынаң тузаланча: фонетикада даа, грамматика даа формаларында. Аннаңар тезисте литература тілінің паза сағай диалектінің фонетикадағы алызығларына өөн хайығ салылча.

Өөн сөстер: хакас тілі, диалекттер, сағай диалекті, фонетика.

Тіл, аның сөстіг пайы – пір орында турбинчатхан нима. Ол кізі чуртазының прай даа саринаң көні палғалыстығ. Хакас литература тілі наа ла төстелчеткен, тиліпчеткен туста, өөнінде хаас диалектінің сөстері, формалары хакас литература тілінің синіне алылғаннар. Ол туста пастағы учебниктерні пазарында, пастағы газетаны сығарарында паза даа пасха тоғыстарда хаастар көп араласханнар. Сағайларның саны ас полған.

Че сағамғы чуртас саңай алыс парған: хаастарның көп сабазы тілдерінең чоохтаспиныбысхан, оларның саны даа ікі хати хызырыл парған. Сағайлар саны, тізең, өс парған, олар көбізі пос тілінең чоохтасчалар, тіл пілчеткен сылтаанда, хакас тілінең палғалыстығ тоғыстарда істенчелер: СМИ-да (радио, телевидение), культурада (театр, кино, филармония, аймах өмелер), наука учреждениелерінде, үгредігде, аннаң даа пасха сфераларда. Аның сылтаанда сағай диалектін (сөстерін, формаларын) удаа истерге килісче.

Істежибісте сағамғы туста сағай диалектінің паза литература тілінің тапсағлар хоостыра иң удаа тузаланылчатхан теелістерін алып аларбыс. Мындох чарыдығ идерге кирек: ол теелістер, алай ба тапсағларның алызығлары, прай сөстерге теелбинче, хай піреезіне ле.

1. Сөстің алнындағы паза пастағы слогындағы э орнына **и** киректелче: *иг* «гнуть, сгибать что-л.». Ли-

тература тіліндегі эг сөс олох тузада хаас диалектінде тузаланылча. Пасха диалекттерні алза, [э] тапсағ шор паза хызыл чоохтарында удаа киректелче.

2. Литература тіліндегі сөстің алнындағы [i] тапсағның орнына сағайлар [и] тапсағны тузаланчалар: *иче* «мать» (лит. іче); *ікі* «два» (лит. ікі), *изік* (лит. ізік) «дверь».

3. Сөстің халғанчы слогындағы паза соондағы [ö] тапсағның орнына сағайлар [ee], тапсағны [o] орнына, тізең, [aa] тапсағны тузаланчалар: *икеелең* «вдвоём» (лит. ікөлең), алтаалаң «вшестером» (лит. алтолаң), *хыраа* «иней» (лит. хыро), *пызаа* «телёнок» (лит. пызо).

4. Хай пірее сөстерде алнындағы [и] тапсағның орнына сағайлар чооғында [и] киректелче: *маарсах* «ласковый» (лит. паарсах), *малчак* «жидкая грязь» (лит. палғас), *малты* «топор» (лит. палты), *мічік* «письмо» (лит. пічік).

Ол оңдайнаң, істежибісте піс хакас литература тілінің паза диалекттерінің хай пірее фонетикадағы теелістерінеңер пазарға күстенгебіс. Сағамғы туста хакастарның чооғында удаа тузаланылчатхан тапсағлар алызығларын көзіткебіс. Олар нинче-де тус пазынаң литература даа тілінің синіне кір парраға айбаастар.

Наука устагчызы – филол. наукаларының канд. М. А. Медведева.

Н. Ч. Серээдар
(Кызыл, Россия)

СИНОНИМИЯ МОДЕЛЕЙ С ТИПОВЫМ ЗНАЧЕНИЕМ «ЛИЦО И ЕГО ХАРАКТЕРИСТИКА ПО ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»

Предпринята попытка изучения языковых свойств синонимов во взаимоотношенности их словообразовательных, синтаксических особенностей тувинского языка. Синонимичные предложения обладают одним типовым значением, т. е. отражают одну и ту же типовую ситуацию. Проанализированы модели профессии, рода деятельности.

Ключевые слова: модель, элементарные простые предложения, структурная схема, семантика предложения, структура предложения, пропозиция, синонимия моделей.

Исследователи по-разному представляют модель предложения и по-разному описывают эту эмпирическую сущность. Этому посвящено немало работ [Ломтев 1958; Шведова 1970; Белошапкина 1979 и др.]. Так, Т. П. Ломтев представлял языковые сущности, «образцы», в виде искусственных фраз, в которых устранялось всё лишнее и оставались только структурно необходимые компоненты. Например, Иван бьёт Петра, Иван даёт Петру книгу, Иван режет мясо ножом [Ломтев 1958]. Подобные предложения, с одной стороны, обнажают грамматическое устройство образца, наглядно демонстрируя то, что позже будет названо *структурной схемой*, с другой стороны, так же непосредственно выражают определённый синтаксический смысл, т. е. намечают некоторый класс ситуаций, которые можно описать таким же способом. Такой способ представления соблазняет своей конкретностью, но он не позволяет детализировать этого представления, не описывает семантических возможностей данного образца.

Понимание структурной схемы предложения как предикативного минимума воплощено в Грамматике-70. Все виды русских предложений описаны здесь в виде списка структурных схем. Структурные схемы в этой концепции записываются в виде символических формул, в которых определёнными символами обозначены компоненты схем по морфологическим признакам (часть речи, её форма). Эти минимальные формы по сути дела близки к предикативным узлам предложений, хотя и не тождественны им. В отличие от представления Т. П. Ломтева, который воспринимал и воспроизводил предложение как двустороннюю единицу, имеющую план выражения и план содержания, Н. Ю. Шведова, в сущности, отвлекается от содержательной стороны и говорит только о структурных схемах. Она требует от предложения формальной законченности, наличия предиката и предикандума, но остаётся безразличной к структурно-смысловой и коммуникативной недостаточности.

В. А. Белошапкина сделала следующий очень важный шаг, потребовав от представления о предложении коммуникативной достаточности. Она ввела в него, кроме главных членов, также все структурно необходимые «второстепенные члены» – дополнения. В современной литературе структурно необходимые предметные участники ситуации, описываемой данным предложением-образцом, называются актантами. В соответствии с этим она ввела, наряду с представлением о *минимальной структурной схеме*, представление о *расширенной структурной схеме*, которая также записывается символами. *Расширенной структурной схеме*, в принципе, уже можно было бы сопоставить определённый синтаксический смысл [Белошапкина 1979].

Вершиной предложения, согласно концепции Теньера, является глагол-сказуемое, все остальные синтаксические единицы, входящие в предложение, подчиняются ему непосредственно или опосредованно. Эта концепция относится к числу вербоцентрических концепций (от лат. *verbum* – ‘глагол’). Подчинённые синтаксические единицы делятся на актанты и сирконстанты. Актанты – это такие функциональные единицы, присутствие которых отражает обязательные валентности глагола – сказуемого, т. е. такие валентности, которые должны быть заполнены в неэллиптическом предложении. Сирконстанты – это функциональные единицы, присутствие которых отражает факультативные валентности глагола-сказуемого. Например, в предложении *Вечером после работы я навещу друга* словоформы *я, друга* являются актантами, т. к. без них предложение будет неполным, а словоформы *вечером, после работы* – сирконстанты, поскольку их отсутствие не превращает предложение в неполное [Теньер 1988].

Представление о модели как двусторонней языковой единице находит дальнейшее развитие в трудах таких отечественных лингвистов, как М. И. Черемисина, Т. А. Колосова [1994], М. В. Всеволодова [1997, 2000] и др. В современной тюркологии также укрепилось представление о модели простого предложения как о двусторонней единице языка, имеющей знаковую природу [Абдуллаев 1993; Невская 1997, 2005, Кетенчиев 1992, 2001 и др.].

Мы основываемся на положениях и терминологии Новосибирской синтаксической школы, основанной М. И. Черемисиной. По М. И. Черемисиной, основной синтаксической единицей является элементарное простое предложение (ЭПП). ЭПП как языковая сущность недоступна прямому наблюдению, поэтому его записывают в виде моделей, в которых отражается понимание исследователем структурно-семантического устройства этих языковых объектов [Черемисина 1995: 1997].

Одно из проявлений системности в сфере моделей предложения заключается в том, что модели, чётко противопоставленные друг другу в своих основных формах и значениях, могут давать функционально близкие варианты, в том числе и синонимичные (квазисинонимичные). Типовое значение род деятельности, профессия объединяет следующие основные модели: $\{N_{\text{Nom}} N_{\text{NOM (cop)}}\}$ и $\{N_{\text{Nom}} V_f\}$.

Компонентами моделей профессии рода деятельности являются символы: N_{Nom} – субъект деятельности, V_f и N_{Nom} – предикаты со значением деятельности. В зависимости от семантики предиката мы выделяем следующие семантические варианты: трудовая деятельность, профессия, род занятий и социальное положение. Позицию предиката занимают глаголы и имена существительные с семантикой деятельности. Например:

Буян – хөдел.

Буян хөдөлдө=п эгелэ=эн

Буян=NOM при игре в лапту проигрывать=CV
AUX=PP/3Sg

Буян начал проигрывать при игре в лапту.

Ср.: *Буян хөдөлдөп эгелээн.*

Синтаксическая синонимия возможна между глагольными и именными предложениями на основании: 1) тождества номинативного значения; 2) тождества лексического состава с учётом словообразовательной общности; 3) тождества грамматического значения.

В тувинском языке модели со значениями лицо и его характеристика по профессиональной принадлежности (*Ол дарган* 'Он кузнец' – *Ол дарганнап турар* – 'Он работает кузнецом'), лицо и его социальный признак (*Ол хөлөчик* 'Он батрак' – *Ол хөлөчиктеп турар* 'Он батрачит') употребляются очень широко. Имена, обозначающие профессию, род деятельности, социальное положение, образованы общетюркским словообразовательным аффиксом =чы и его фонетическими вариантами: =чы, =чи, =чу, =чу; =жы, =жи, =жу, =жу. Глаголы образованы от имён с помощью словообразовательного аффикса =ла, =ле, =на, =не, =да, =де, =та, =те.

Многие предложения этой группы семантического варианта «трудовая деятельность, занятия и умения субъекта» соотносимы с предложениями именной модели, представляющей логическую пропозицию вписывания в класс: *Ол дарганнап турар* – Он плотничает; *Ол дарган* – Он плотник; *Ол дарганнап турган* – Он столярничал; *Ол дарган турган* – Он был столяром. Различие в семантике между этими двумя моделями заключается в том, что именная модель прямо указывает на принадлежность человека к определённой профессии и подразумевает, что сапожник должен сапожничать; а глагольная модель – только на род деятельности субъекта. Поэтому можно быть садовником и сапожничать или, иначе, не обязательно быть, например, маляром, чтобы малярничать.

Именные модели выражают два видо-временных значения – расширенное и характеризующее, – тогда как синонимичные им глагольные модели – лишь расширенное значение. Сюда примыкают и такие слова, как *мөге* 'борец', *шыдыраачы* 'шахматист', называющие «побочные» занятия, социальное положение: *чалча* 'батрак' и *чалчала* = 'батрачить', *хөдөл* 'батрак' и *хөдөлдө* = 'батрачить', *хөлөчик* 'батрак' и *хөлөчикте* = 'батрачить' и др.

Некоторые имена существительные требуют уточнение охоты именно на какое животное: *бөрү=ге аңчы* 'охотник на волков', *адыг=га аңчы* 'охотник на медведей'. Например:

Мээн ачам ашак бөрүге ёзулуг-ла улуг аңчы чора-ан кижги (КЭК, ЧЧ)

Мэ=эн ача=м ашак бөрү=ге ёзулуг-ла

Я=GEN отец=POSS=NOM старик= волк=DAT
настоящий

улуг аңчы чора=ан кижги

великий охотник быть человек

'Мой отец был большим охотником на волков'.

В семантическом плане такие «вторичные» имена существительные интересны тем, что у них на первое место выходит значение деятельности, а не действия, как у глаголов исходных мотивирующих конструкций.

Ср.: **Именная модель:** *Дарган мен* – Я кузнец и **глагольная модель:** *Аңаа дарганнап турган мен* – Там я кузничил; **именная модель:** *Кижги-ле болган дагжы база бооп шыдавас* (М.К-Л., АБК) – Не каждый может быть горняком; **глагольная модель:** *Мен күрзевик чолаачылап билир мен* (М.К-Л., АБК) – Я умею водить грузовую машину.

Значение потенциального признака именная модель реализует в сочетании с синтаксемами по призванию, по профессии, составляющими область специфических употреблений именной модели. Такие именные предикаты, как *аңчы* 'охотник', *балыкчы* 'рыбак', могут сочетаться с единицами типа по натуре, *хоочун* 'опытный', *эрес-дидим* 'смелый', *улуг* 'великий', *эки* 'хороший', *хорлуг* 'годный', 'пригодный', 'приемлемый', 'лучший (среди других)', *тулган* 'абсолютный', *ат-сураглыг* 'известный', *тоолчургу* 'сказочный', 'легендарный', *шыырак* 'сильный', *тергиин* 'сильный', *тулган* очень сильный и др. Например: *Сүлдем хоочун аңчы* – 'Сулдем – опытный охотник'.

Наряду со способностью обозначать профессиональное занятие они могут выражать и характеристику лица по непрофессиональному занятию. Например: *Алыс эртеми хоровик кижги мен* (КЛ, ТС, 203) – (букв. Суть моей профессии хоровик) – По своей профессии я хоровик.

В одном лишь случае глагольная модель согласуется с синтаксемой по профессии: если она включается в вопросительный контекст, отражающий значение «фактически заниматься данным видом деятельности». При этом синтаксема по профессии составляет часть другой предикативной конструкции. Например: *Мергежилениң аайы-биле ол кымыл?* – Кто он по профессии?; *Бызаңчылап турар* – Столярничает; *Кым турган сен?* – И кем же ты был?; *Бызаңчылап турган* – (Он) плотничал.

Максимальное сходство моделей с именным предикатом и мотивирующей синтаксической конструкции находит выражение в их общих синтаксических потенциях. В частности, обе разновидности моделей легко вступают в связь с распространителями, называющими местность или учреждение, и временными синтаксемами, обозначающими некоторый период в жизни лица. Модели со значением профессионального занятия, кроме того, могут

сочетаться и с локальными компонентами, называющими учреждение. Этому способствует то, что они могут передавать значение 'работать'. В таких предложениях присутствует детерминант и пространственный локализатор. Например: *Хемден кундустаар деп тур мен* – Я собираюсь охотиться на бобров в реке.

Как и мотивирующая конструкция, глагольная модель, в отличие от именной, допускает одновременное распространение несколькими типами обстоятельств – оценочным, временным, локальным. Например: *(Ол) маңаа ужен чыл ажыг дарганнап келген* (Темир, ХУ) – (Он) тридцать с лишним лет здесь кузнечил.

Дифференцировать заложенные в модели смыслы призваны её грамматические и структурно-семантические модификации. В зависимости от семантики связочного компонента различаются следующие разновидности именной модели:

А) модель со связкой *тур=, чор=* 'быть' – *Ол эмчи турган / Ол эмчи чораан* – Он был врачом (Он был врач);

Б) модель с компонентом работать – *Ол эмчи бооп ажылдап турар* – Он работает врачом.

Кроме глагола *ажылда=* 'работать', значение деятельности передают и другие глагольные компоненты: *иштен=* 'трудиться', 'пахать', 'вкалывать', 'трубить', являющиеся стилистическими вариантами глагола 'работать'.

Каждая из разновидностей именной модели по-разному соотносится с глагольной моделью. Максимально сближаются возможности глагольной модели и именного варианта с глаголом *ажылда=* 'работать'. Содержательное тождество таких единиц объясняется тем, что значение «начать работать кем-то» составляет пресуппозицию глагольной модели. Отношения глагольной модели и их сходного варианта модели именной опосредованы фазисной структурно-семантической модификацией, связывающей именную и глагольную модель через значение «реальное осуществление деятельности». Ср.: *Ол чазаныкчы* – Он столяр – *Ол чазаныкчы болуп ажылдап эгелээн* – Он стал работать столяром – *Ол чазаныкчылап турар* – Он столярничает.

В отношениях взаимозамены могут находиться одновременно три семантико-грамматических варианта: а) модель с глагольным предикатом, б) модель со связкой *тур=, чор=, бол=* 'быть'. Общими у них оказываются распространители, называющие общее пространство, и временные, обозначающие некоторый период жизни. Например: *Мен болза чылгычы-даа, хойжу-даа, тракторист-даа болур турдум* (М.К-Л., АБК) – Что касается меня, то я мог быть и табунщиком, и чабаном, и трактористом.

Трудности сочетания глаголов типа *чазаныкчыла=* 'слесарничать', *башкыла=* 'учительствовать' с наречиями оценки объясняются их семантико-сло-

вообразовательными особенностями. Десубстантивные глаголы через производящее имя соотносятся с мотивирующей (исходной) конструкцией, включающей, в частности, глагол и объект. Если оценочный компонент ввести в такую конструкцию, то независимо от местоположения, он будет выражать оценку результатов деятельности: *Ол дарганнап турар* – Он кузнечит; *Ол кадарчылап турар* – Он пастушит; *Ол хой кадарып турар* – Он пасёт овец; *Ол эки хой кадарып турар* – Он хорошо пасёт овец.

Таким образом, для выражения оценки деятельности говорящий располагает целым арсеналом языковых средств. Могут быть использованы а) именная модель (*Аңчы кавыыргаар хире эвес хоочун кижги болган* (КЭК, УХ) – Охотник оказался бывалым человеком, а не тем, который проявляет излишнюю торопливость, б) глагольная модель (*Ол эки башкылап турар* – Он хорошо учительствует), в) глагольная модель с предикатом работать (*Ол эки ажылдап турар* – Он хорошо работает).

Мы рассматривали их как производные на том основании, что они принадлежат к классу единиц, обладающих общими семантико-синтаксическими свойствами. Однако в современном тувинском языке связь между такими именами и их мотивирующими конструкциями не закреплена словообразовательно. Это приводит к тому, что реальные мотивирующие конструкции и их мотиваты в действительности «не сцеплены». Отсутствие эксплицитных словообразовательных связей между мотивирующими синтаксическими конструкциями и именами типа *сентекчи* 'слесарь', *чазаныкчы* 'столяр', *дарга* 'директор' и т.п. препятствует тому, чтобы значение оценки деятельности можно было выразить средствами мотивирующей синтаксической конструкции (семантической дефиниции). При отсутствии такой реальной возможности эту роль берёт на себя глагольная модель. Например: *Ол эки пащтанчылап турар* – Он хорошо кухарничает; *Ол улус эки дарганнап турар* – Эти люди хорошо плотничают; Ср.: *Ол улус эки ажылдап турар* – Те люди хорошо работают/ *Ол улус эки дарганнар* – Те люди – хорошие плотники; *Олар багай аңнаан, багай балыктаан* – Они плохо охотились, плохо рыбачили.

Выявленное различие моделей объясняется тем, что именные и глагольные конструкции с компонентом *эки* 'хорошо'/'багай' 'плохо' отражают разные временные значения. Если именная модель *Ол эки чазаныкчы* – Он хороший плотник передаёт характеризующее значение, то глагольная модель употребляется в расширенном значении.

Кроме того, характеризующее временное значение отражается и с опорой на средства морфологии – моделями именительный предикативный со связкой *тур=/чор=/бол=* – *Ол чазаныкчы турган/чораан* – Он был столяром.

С синтаксическими различиями моделей связаны и некоторые их семантические различия, определяемые отношением моделей разных видо-временных значений к признаку «фактическое осуществление деятельности». Его передают модели расширенного временного значения, в то время как модели характеризующего значения отражают потенциальную способность субъекта и к выполнению деятельности. Ср.: *Эртеминиң аайы-биле ол башкы, ынчалза-даа ол школага чаңгыс-даа башкылаваан* – По профессии он учитель, но ни дня не учительствовал в школе.

Способом представления языкового содержания объясняется разная аспектуально-темпоральная значимость наречий оценки, осложняющих глагольную и именную модель.

Соединяясь с глагольным предикатом, компоненты хорошо/плохо отражают расширенное видо-временное значение, в именной же модели эки хорошо/багай плохо (эки ‘хороший’/багай ‘плохой’) выступают как условия реализации характеризующего временного значения.

В стилистическом плане глагольная и именная модель противопоставляются друг другу как вариант стилистически сниженный и стилистически нейтральный, что оказывает существенное влияние на коммуникативные свойства моделей, определяя те жанры, в которых может употребляться каждая из изучаемых конструкций.

Различие показателей грамматических значений обусловлено тем, что в субстантивном сказуемом носителем этих значений выступает связка, а в предложении с глагольным сказуемым – сам глагол. В синонимические отношения с двусоставными глагольными предложениями вступают далеко не все именные предложения со значением рода деятельности, профессии. В случаях наличия синтаксической синонимии наблюдаются возникновение смысловых и стилистических оттенков. Благодаря своим различительным признакам синонимы и существуют в языковой системе: говорящий выбирает вариант, необходимый ему в той или иной речевой ситуации. Выбор субстантивного или глагольного предиката в тексте зависит от ряда факторов: темы текста, индивидуальных особенностей стиля автора. Учитываются и те различия, которые есть между глагольным и субстантивным предикатом, те оттенки, которые они привносят в текст: глагол делает повествование динамичным, субстантив придает семантике состояния большую интенсивность, которую использует автор для создания художественных образов. Например: *Маңгыр чейзеңниң кайгал-*

дарының баитыңчызы ооң кол чылгычызы Көгел турган (КЭК. УХ) – Из удалцов чейзена Мангыра glavой, главным табунщиком был Когел.

В этих предложениях временной уточнитель требует вспомогательный глагол *кел=*. Например: *Он чыл иштинде кадарчылап келдим* (В. Көк-оол) – В течение десяти лет я работал пастухом (пас скот).

Фаддей Бугаев дөртөн чыл ажыг одакчылап келген (Сарыкай).

Фаддей Бугаев=Ø дөртөн чыл=Ø ажыг одакчыла=п кел=ген=Ø

Фаддей Бугаев=NOM сорок лет выше кочегарить=CV AUX=PP/3Sg

‘Фаддей Бугаев кочегарил сорок с лишним лет’.

Анализ синонимических конструкций с именным и глагольным предикатом, передающих типовую семантику деятельности, позволил обнаружить ряд их общих и отличительных особенностей.

1. Общие свойства изучаемых моделей отражаются в их способности к взаимозамещению при условии сопряжения моделей с локальными распространителями, называющими общее пространство (*суурга* ‘в деревне’, *Кызылга* ‘в Кызыле’), и временными обстоятельствами, обозначающими некоторый период в жизни субъекта (*беш чыл* ‘пять лет’), и объясняются частичным совпадением функциональных видо-временных парадигм глагольных и именных моделей.

2. Общим временным значением признаётся расширенное значение, рассматриваемое как одно из условий синонимичности исследуемых синтаксических конструкций, передающееся тремя типами моделей:

А) моделью с глагольным предикатом – *Ол суурда беш чыл дарганнап турар* – Он в деревне пять лет кузнечит;

Б) именной моделью именительный предикативный со связками *тур=*, *чор=*, *бол=* ‘быть’ – *Ол (беш чыл) (заводка) бызаңчы турган* – Он (пять лет) был столяром (на заводе).

3. Синтаксические различия моделей проистекают от того, что именная модель (со связкой быть) имеет более широкую синтаксическую парадигму, куда кроме расширенного значения входит и значение характеризующее, проявляющееся синтаксически через сочетаемость:

А) с синтаксемами по профессии, по призванию и т.п. – *Ол мергежилиниң аайы-биле дарган* – По профессии он столяр (но не *столярничает);

Б) с определителями именного предиката (со значением возраста, свойств характера, оценки) – *Ол эки чазаныкчы* – Он хороший столяр.

Литература

- Абдуллаев С.Н. Модели простого предложения в современном уйгурском языке: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – Алма-Ата, 1993.
- Белошапкова В. А. Расширенные структурные схемы русского предложения // Русский язык за рубежом. – 1979. – № 5. – С. 63–68.
- Всеволодова М. В. Уровни организации предложений в рамках функционально-коммуникативной прикладной модели языка // Вестник МГУ. Филология. – 1997. – № 1. – С. 53–67.
- Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: учебник. – М.: Изд-во МГУ, 2000. – 649 с.
- Грамматика современного русского литературного языка / под. ред. Н. Ю. Шведовой. – М., 1970. – 767 с.
- Кетенчиев М. Б. Формально-семантические модели именного предложения в современном карачаево-балкарском языке: дисс... канд. филол. наук. – Нальчик, 1992. – 141 с.
- Кетенчиев М. Б. Структура и семантика именных предложений в карачаево-балкарском языке: дисс... д-ра филол. наук. – Нальчик, 2001. – 362 с.
- Ломтев Т. П. Основы синтаксиса современного русского языка. – М., 1958. – 163 с.
- Невская И. А. Типология локативных конструкций в тюркских языках Южной Сибири: на материале шор.яз: дисс... д-ра филол. наук. – Новосибирск, 1997. – 198 с.
- Невская И. А. Пространственные отношения в тюркских языках Южной Сибири (на материале шорского языка). – Новосибирск, 2005. – С. 38–46.
- Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. – М., 1988. – 656 с.
- Черемисина М. И. О системности в сфере моделей предложения (на материале языков Сибири) // Языки коренных народов Сибири. – Новосибирск, 1995. – С. 3–21.
- Черемисина М. И. Исследование моделей ЭПП в тюркских языках Южной Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. – Новосибирск, 1997. – № 4. – С. 56–61.
- Черемисина М. И., Колосова Т. А. О структурной модели и семантике предложения // Вопросы грамматики и лексикологии в историческом и синхронном освещении. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1994. – С. 107–119.

Список источников

- Александр Темир. Хүннүг ужар. – Кызыл, 1969.
- Виктор Көк-оол. Чогаалдар чыындызы. – Кызыл, 1976.
- Кызыл-Эник Кудажи. Чогаалдар чыындызы. Т. 1. – Кызыл, 1995.
- Кызыл-Эник Кудажи. Уйгу чок Улуг-Хем, кызыл том. – Кызыл, 1973.
- Монгуш Кенин-Лопсан М. Б.-Х. Азаның бичези кончуг. – Кызыл, 1989.
- Монгуш Кенин-Лопсан. Тениң самы. Чогаалдар чыындызы. Т. 1. – Кызыл, 1975.

В. В. Субракова
(Абакан, Россия)

**БЕЛЬТИРСКИЙ ГОВОР В СИСТЕМЕ ДИАЛЕКТОВ
ХАКАССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА (ПО МАТЕРИАЛАМ РАБОТ
Ц.-Д. НОМИНХАНОВА, М. И. БОРГОЯКОВА)**

В настоящее время диалектология, как одна из составных частей науки о хакасском языке, продолжает оставаться актуальной, т. к. без неё невозможно ответить на многие вопросы, связанные с историей фонетического, грамматического строя, а также словарного состава современного хакасского языка. Без добротных диалектологических данных также проблематично успешно решать задачи по обогащению современного хакасского литературного языка. В статье представлен обзор работ первых исследователей бельтырского говора сагайского диалекта хакасского языка Ц.-Д. Номинханова, М. И. Боргоякова.

Ключевые слова: хакасский литературный язык, диалектология, фонетика, сагайский диалект, бельтырский говор, фонема, звуки.

Хакасская диалектология оформляется как наука, совершенствуется и развивается только в последние 5–6 десятилетий. Поэтому ещё многие её проблемы ждут своего решения. До настоящего времени не были объектом специального исследования такие узловые проблемы, как определение диалектной базы хакасского литературного языка, возможность использования диалектных данных как одного из важнейших источников выявления

истории формирования современного хакасского языка и другие.

Первые сведения о хакасских диалектах и об их фонетике содержатся в дореволюционных источниках, прежде всего в работах М. А. Кастрена, В. В. Радлова и Н. Ф. Катанова.

Одним из наиболее известных представителей дооктябрьского хакасоведения является Н. Ф. Катанов. Его опубликованный труд «Опыт исследования

урянской языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня» вошел в золотой фонд мировой тюркологии.

Немалый интерес представляет рукописная работа Н. Ф. Катанова, написанная им ещё в годы учёбы в Красноярской гимназии и посвящённая грамматике сагайского диалекта – одного из ведущих диалектов современного хакасского языка. В первой части этой работы описаны фонетика, морфология и синтаксис; во второй части приведены тексты для чтения и упражнения, а также краткий сагайско-русский словарь.

В разделе, посвящённом фонетике сагайского диалекта, характеризуется звуковой состав, описывается произношение гласных и согласных.

М. А. Кастрен, В. В. Радлов и Н. Ф. Катанов собрали сведения о звуковом составе отдельных наречий хакасского языка и объяснили некоторые их фонетические особенности. Однако полного научного освещения вопросы фонетики хакасского языка в то время не получили.

Современный хакасский язык является многодиалектным. Он объединяет разрозненные прежде диалекты качинцев, койбальцев, сагайцев, бельтиров, шорцев и кызыльцев [Баскаков 1966: 16; Патачакова 1973: 28]. В настоящее время в составе хакасского языка принято выделять четыре территориальных диалекта: качинский, сагайский, шорский и кызыльский [Карпов 1966: 443; Патачакова 1992 а: 14; Радионова 1983: 32; 1984: 83]. На основании ряда лингвистических критериев, прежде всего фонетических, хакасские диалекты делятся в лингвистической литературе на две группы: 1) с/з, или свистящие диалекты, представленные сагайским и ассимилированным им бельтирским; 2) ш/ж, или шипящие диалекты, включающие качинский с ассимилированным им койбальским, кызыльский и шорский, сближающийся с соседним шорским языком [Грамматика хакасского языка 1975: 3].

Внутри диалектов выделяются говоры. В качинском диалекте принято различать абаканский, уйбатский, белоюсский и староюсский говоры, в сагайском – аскизский, есинский, бельтирский и тейский говоры [Боргоякова 1998: 80]. Каждому из них свойственны свои фонетические, грамматические и лексические особенности, изученные в различной степени.

Сагайский диалект распространен среди населения Аскизского и северной части Таштыпского районов Хакасии, имеющего самоназвание сагай; относится к группе с / з диалектов (**сылтаг** ‘причина’, **пас** ‘голова’ – как и в литературном языке); отличается от литературного языка, в частности, переходами **о > у**, **оо > уу**, **ö > öö**, **ö > ü**, **öö > üü**; **п / б > м** (**хул** ‘рука’, **суух** ‘холод’, **күүк** ‘кукушка’; **чамыс** ‘низкий’ вместо литературного: **хол**, **соох**, **көөк**, **ча-**

быс), метатезой согласных (**ахсыр** ‘жеребец’, **үрген** ‘учиться’ вместо литературного **асхыр**, **үрген**).

Особую группу внутри данного диалекта составляет бельтирский говор (ранее – диалект), на котором говорит население, живущее в сёлах Усть-Киндырла, Усть-Сос, Усть-Таштып, Малый Монок Аскизского района и в сёлах Арбаты, Бутрахты, Чиланы Таштыпского района.

Первая попытка изучить бельтирский говор была предпринята Ц. Д. Номинхановым на основе материала, собранного им самим и другими сотрудниками экспедиции Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории в 1947 г. Ц.-Д. Номинхановым были проведены наблюдения по фонетике: дана краткая характеристика звуков данного говора, а также были определены некоторые их соответствия звукам литературного языка.

Ц. Д. Номинханов в бельтирском говоре констатировал 8 гласных звуков: **а, о, у, ö, ү, э, ы, и** – делит он их на **долгие**, нормальные и краткие. А также определил в каких позициях эти звуки встречаются: долгие зафиксировал в анлауте, ауслауте и середине слова: например: **а:рчи** ‘кисломолочный продукт’, **чуга:р** ‘вверх’, и **пир дее** ‘никогда’; так же как и долгие гласные **нормальные** констатированы во всех трёх позициях, например: **арга** ‘кормысло’, **алас** ‘дятел’, **хацаа** ‘телега’; **краткие** гласные только в середине и конце слова, например: **аг(ы)с** ‘дерево’, **с(ы)лер** ‘вы’, **кир(э)** ‘старый’.

Звук «э» зафиксировал во всех позициях, например: **эн** ‘нора’, **күнэк** ‘ведро’, **түгэ** ‘бревно’, **сүбэ** ‘ель’. В современном хакасском литературном языке данный звук встречается, в основном, только в анлауте, например: **эмек** ‘провода’, **ээ** ‘хозяин’, **ээк** ‘подбородок’ **ээн** ‘плечо’ и т. д.

Ц. Д. Номинханов определил в бельтирском говоре обязательный переход звука **о >** в **у**, например: **угыр** ‘вор’, **урай** ‘поздно’, **турбас** ‘мох’, **мунчых** ‘бусы’, **турбах** ‘телёнок до двух лет’ вместо литературного **огыр**, **орай**, **мончых** и **торбах**.

Также переход **ö >** в **ү**, например: **чүрче** ‘ходит’, **күрче** ‘видит, смотрит’, **күк** ‘зелёный, синий’, **үрке** ‘суслик’, **үртек** ‘утка’, **үл** ‘мокрый’, **түүй** ‘похожий, подобный’ вместо литературного **чөрче**, **көрче**, **көк**, **өртек**, **өрке**, **өл**, **төбй** [Номинханов 1947: 4].

В бельтирском говоре Ц.-Д. Номинханов зафиксировал 18 согласных звуков: **с, к, х, п, м, н, т, р, ц, л, г, ф, ч, б, з, д, ц**.

Условно автор разделил согласные звуки на 5 групп:

1) согласные, которые встречаются во всех позициях: **с, к, х, п, м, н, т**; **суг** ‘вода’, **хыхыр** ‘кричи’, **маас** ‘слепень’, **кызы** ‘человек’, **күмүскэ** ‘бровь’, **киик** ‘коза дикая’, **хумый** ‘плохо’, **хахпан** ‘капкан’, **хармах** ‘удочка’, **пас** ‘голова’, **апчых** ‘старик’, **кип** ‘пальто’, **малты** ‘топор’, **сымнэ** ‘рябчик’, **харам**

‘жадный’, **наах** ‘щека’, **күнүрте** ‘днём’, **хулун** ‘жеребёнок’, **тыт** ‘лиственница’, чистек ‘ягода’.

2) согласные, употребляющиеся в середине и ауслaute: **р, н, л, г, ғ**: **арыг** ‘чистый’, **амыр** ‘спокойный’, **наңмыр** ‘дождь’, **булуң** ‘угол’, **алдаг** ‘широкий’, **абыл** ‘мотыга’, **пүгрек** ‘почки’, **күрек** ‘бурундук’, **агылбай** ‘голубой’, **таг** ‘гора’.

3) согласные, встречающиеся в анлауте и середине слова: **ч, ч, б**; **чорга** ‘иноходец’, **пичем** ‘сестра моя’, **чаг** ‘сало’, **чухчас** ‘копалка’, **игбен** ‘наплечник женского платья’.

4) согласные, которые констатированы только в середине слова: **з, д**; **азых** ‘открытый’, **амдара** ‘шкатулка’.

5) согласные, встречающиеся только в заимствованных словах: **ц**.

Таким образом Ц.-Д. Номинханов провел исследование функционирования шумных и малошумных согласных во всех возможных позициях, а в каких комбинациях находились данные звуки, к сожалению, не рассмотрел. Также привёл качественные характеристики некоторых согласных звуков. Так он пишет, что произношение «ч» и «ч» не идентичны с литературными звуками, на слух он определил его как среднее между «ч» и «ч», есть предположение, что он имел в виду звук «щ» и то же самое со звуками «п» и «б», в данном случае, предполагаем, что речь идёт о звуке «β» [Номинханов 1947: 7].

Звук «н» который встречается в литературном языке в начале слова, в бельтырском говоре выпадает и слово начинается с гласного звука, напр.: име ‘что’, ымырха ‘яйцо’, ымырт ‘черёмуха’, ымах ‘сказка’, искечек ‘тонкий’, вместо литературного нима, нымырха, нымырт, нымах, нискечек.

Также Ц.-Д. Номинханов констатировал примеры выпадения «р» и «л», напр.: **кизеге** ‘пилить, резать’, **тудага** ‘держатъ’, **идеге** ‘делатъ’, **паган** ‘пошёл’ (вместо литературного **кизерге, тударга, идерге, парган**); **поган** ‘был’, **саган** ‘положил’, **киген** ‘пришел’ (вместо лит. **полган, салган, килген**) [Номинханов 1947: 12–13]. В этом бельтырский говор схож с кызыльским диалектом хакасского языка.

Следующим исследователем звуков бельтырского говора был М.И. Боргояков. В своих исследованиях он выявил следующие отличительные фонетические особенности:

1) отсутствие широких **о, ö** и **оо, öö**, но под влиянием литературного языка они могут появляться в речи;

2) наличие разных звуков в одной и той же позиции, напр.: вместо **а** в литературном языке в говоре встречается **ы** и, наоборот, вместо **ы-а**: **анды** – **анда** ‘там’, **азрынарга** – **азыранарга** ‘кушать’, **оолых** – **оолах** ‘мальчик’, **матып** – **матап** ‘сильно’, **алтанда** – **алтында** ‘внизу’, **малта** – **малты** ‘топор’, **торга** – **торгы** ‘шёлк’;

3) соответствие **i – e (э)**, и **– э (е)**: **көзінек** – **көзенек** ‘окно’, **тиглек** – **тегілек** ‘колесо’, **тире** – **теер** ‘шкура’ и т.д.;

4) соответствие **э (е) – i**: **иркен** – **иркін** ‘порог’, **түлге** – **түлгү** ‘лиса’, **мүзек** – **пөзік** ‘высокий’;

5) соответствие, **а – у и у – а**: **пулат** – **пулут** ‘облако’, **хузурах** – **хузурух** ‘хвост’, **хурча** – **хурчу** ‘напёрсток’, **сулу** – **сула** ‘овёс’ и т.д.;

6) соответствие **у – о, ү – ö**: **мунчих** – **мончих** ‘бусы’, **нуған** – **ноған** ‘зелёный’, **күк** – **көк** ‘синий, зелёный’, **үдік** – **өдік** ‘обувь’ и т.д. [Боргояков 1973: 90].

Для системы консонантизма бельтырского говора М.И. Боргояков выявил следующие особенности:

1) звук [м] в анлауте и середине слова соответствует звукам [п], [б] в литературном: **амдыра** – **абдыра** ‘шкатулка’, **мічік** – **пічік** ‘письмо, грамота’, **малты** – **палты** ‘топор’, **самдыр** – **сабдар** ‘соловый’ и т.д.;

2) соответствие **д – н, л**: алды – алны ‘перед, раньше’, **аалда** – **аалла-** ‘гостить’, **пурда** – **пурны** ‘нос’, **килді** – **килні** ‘невестка’, **харды** – **харны** ‘живот=его’, **орды** – **орны** ‘место=его’, **мойды** – **мойны** ‘шея=его’ и т.д.;

3) соответствие **ч – н**: **чымчах** – **нымзах** ‘мягко’, **чїтке** – **нїтке** ‘затылок’;

4) встречаются еще другие соответствия: **игбен** – **ицмен** ‘наплечник национального женского платья’, **чидір** – **чиділ** ‘кашлять’, **түрче** – **чүрче** ‘ненадолго’, **аккелген** – **ал килген** ‘принёс’.

Как и Ц.-Д. Номинханов М.И. Боргояков зафиксировал выпадение согласных звуков [л], [р], [н]: **аган** ‘взял’, **ізеге** ‘пить’, **сабага** ‘ударять’. Звук [н] выпадает также в аффиксе отрицательной формы на **-бин, -пин, -мин**: **пїлбичим** ‘не знаю’, **тоғынми-чи** ‘не работает’, **күрінми-чи** ‘не видно’ [Боргояков 1973: 93]. М.И. Боргояков в своей работе также как и Ц.-Д. Номинханов не затронул вопрос комбинаторики согласных звуков.

На протяжении веков хакасский язык контактировал с другими – не только родственными, но и не родственными языками, что не могло не сказаться на развитии его лексики, фонетики и грамматики. В настоящее время очень интенсивно происходят процессы объединения языков и диалектов, а также их ассимиляции, т.е. уподобления языков малочисленных народностей, перехода на языки более крупных народностей. Национальные языки, в том числе и хакасский язык, многие свои функции передают русскому языку как языку межнационального общения. Процесс этот объективный, остановить его вряд ли возможно.

Учитывая сложную языковую ситуацию в Республике Хакасия, лингвисты ставят перед собой задачу зафиксировать и изучить исчезающий язык и его диалекты – их лексическую, грамматическую

и фонетическую системы. Если грамматический строй и словарный состав отражены в работах отечественных и зарубежных исследователей, а также в произведениях писателей, то изучение звуковой системы уходит вместе с последним носителем этого языка.

Одной из основных задач фонологического исследования является выявление инвентаря функциональных единиц – фонем – совокупностью различных методов и приёмов. Исходя из понимания фонемы как минимальной смысловозначительной единицы языка и в соответствии с принципами функционального анализа, при определении состава фонем за основу будут приняты критерии различительной релевантности, дополнительного распределения и свободного варьирования [Общее языкознание 1972: 149–152].

В области фонетики анализ используется как метод изучения сложных явлений (артикуляций, ударения, интонации и т.п.) путём расчленения их на составные элементы и выделения скрытых в них более простых явлений [Трахтеров, 1962: 20]. Изучение закономерностей сочетаемости звуков того или иного языка в составе словоформы требует исследования механизмов ассимиляции – артикуляционного уподобления звуков в потоке речи как одного из наиболее распространённых видов комбинаторных изменений звуков, происходящих между звуками одного типа – гласными либо согласными [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 48]. В процессе отождествления фонем в качестве реализаций тех или иных фонологических единиц будут учитываться их позиционные и комбинаторные характеристики.

В имеющейся научной литературе звуковая система бельтырского говора сагайского диалекта отражена недостаточно, поскольку описывалась субъективным слуховым методом со свойственными ему искажениями, ошибками, неточностями. Несмотря

на высокий интерес к изучению хакасской фонетики, звуковые системы хакасских диалектов, говоров и подговоров слабо или недостаточно изучены. Остаётся целый ряд неисследованных проблем, в частности, в области консонантизма, требующего своего решения как в литературном хакасском языке, так и в его диалектах. У хакасоведов нет единства мнений по вопросу об инвентаре консонантных единиц языка и речи (фонем и фонем) даже на уровне литературного языка, тем более нет ясности в отношении его диалектов и говоров, некоторые из которых не имеют даже первичного описания звукового состава.

В дальнейшем, мы считаем, необходимо исследовать речь бельтырцев с применением методов экспериментальной фонетики. Объективный экспериментально-фонетический материал позволит: определить артикуляторные и акустические параметры речевых реализаций согласных фонем; определить систему конститутивно-дифференциальных признаков (основных и дополнительных), структурирующих консонантную систему бельтырского говора; определить место фонологической системы согласных единиц бельтырского говора в типологической классификации консонантных систем языков Сибири и сопредельных регионов; путём сопоставления результатов данного исследования с материалами, опубликованными в тюркологической литературе по другим говорам и диалектам хакасского языка, а также по контактным тюркским языкам Южной Сибири, определить специфику консонантизма бельтырского говора на фоне опорных диалектов хакасского литературного языка, а также других родственных языков. Также экспериментальная фонетика позволяет решить спорные вопросы языковой ретроспективы, современного состояния языка и прогнозировать пути его дальнейшего развития.

Литература

- Баскаков Н.А. Тюркские языки (Общие сведения и типологическая характеристика) // Языки народов СССР. Тюркские языки. – М., 1966. – Т. 2. – С. 7–42.
- Боргоякова М.А. О состоянии изучения диалектов хакасского языка // Ежегодник Института саяно-алтайской тюркологии. – Абакан, 1998. – С. 20–25.
- Боргояков М.И. Бельтырский говор сагайского диалекта // Диалекты хакасского языка. – Абакан, 1973. – С. 80–93.
- Грамматика хакасского языка // под ред. Н.А. Баскакова. – М.: Изд-во «Наука», 1975. – 420 с.
- Карпов В.Г. Хакасский язык // Языки народов СССР. Тюркские языки. – М., 1966. – Т. 2. – С. 428–445.
- Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – 688 с.
- Номинханов Ц.Д. Из наблюдений над фонетикой бельтырского говора. Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. Я-4, Оп. 1, Д. 576. Л. 2. 13 с.
- Общее языкознание (внутренняя структура языка). – М., 1972. – 564 с.
- Патачакова Д.Ф. Сагайский диалект // Хакас тілінің диалектері. – Абакан, 1973. – 160 с.
- Радионова К.Ф. Дистрибутивный анализ согласных шорского диалекта хакасского языка // Сибирский фонетический сборник. – Новосибирск, 1983. – С. 32–50.
- Радионова К.Ф. Исследование консонантизма шорского диалекта хакасского языка // Исследования звуковых систем языков Сибири. – Новосибирск, 1984. – С. 83–85.
- Трахтеров А.Л. Английская фонетическая терминология. – М., 1962. – 348 с.

М. А. Таганова
(Ашхабад, Туркменистан)

СЛОВА С ГЛАГОЛЬНЫМ КОРНЕМ АК- «ТЕЧЬ, ПРОТЕКАТЬ» В ТУРКМЕНСКОМ ЯЗЫКЕ

Непроизводный глагол *ак-* ‘течь, протекать’ в туркменском языке активно участвует в образовании новых слов из разных частей речи с помощью таких способов, как аффиксация (*ак+ум* ‘течение; поток’), словосложение (*акар+баş* ‘язва; нарыв’), конверсия (глагол будущего времени *акар* перешёл в разряд прилагательных (‘проточный, текущий, не стоячий’) и существительных (‘канавы, арык’) и другие.

Ключевые слова: туркменский язык, словообразование, корневой глагол, производящий глагол, производные слова.

В современном туркменском языке имеются два словообразовательных гнезда с корнем *ак*. В одном из них в центре гнезда находится слово с долгим гласным – прилагательное *ак* ‘белый’, во втором – глагол *ак-* ‘течь, протекать’ с кратким гласным. В статье описывается словообразовательное гнездо с глагольным корнем *ак-*.

Глагол *ак-* активно участвует в словообразовательном процессе туркменского языка с помощью различных способов.

В образовании слов от корня *ак-* участвуют такие аффиксы, как *-ly/-li* (*акгын+ly* ‘гармоничный, слаженный, ритмичный’), *-гуç/-giç* (*акдыр+гуç* ‘имеющий свойство течь’), *-lyk/-lik* (*акгырlyk* ‘быстротечность, быстротекучесть’), *-yju/-iji* (*акдырыju* ‘приспособление, прибор для течения жидкости, газа и т. п. в какую-то сторону’), *-gy/-gi* (*акдырыlygy* ‘направленность течения воды и т. п. в какую-н. сторону’), *-gyn/-gin* (*акгын* ‘течение; поток’), *-gyr/-gir* (*акгыр* ‘быстротечный, быстротекущий (о воде)’), *-gyt/-git* (*акгyt* ‘скат на крыше, наклон, откос, склон’), *-ym/-im* (*акум* ‘течение; поток’), *-yna* (*акумyna* ‘по течению’). Здесь следует отметить, что аффиксы *-гуç*, *-lyk* и *-yju* прибавляются не к самому корню, а аффиксу понудительного наклонения *-dyr*. Аффикс *-gy* стоит после аффикса понудительного наклонения *-dyr*

и страдательного залога *-yl*. Такие производные слова от корня *ак-*, как *ак+гyn*, *ак+гyr* и *акум* сами являются производящими, участвуя в образовании слов *акгынly* ‘гармоничный, слаженный, ритмичный’, *акгырlyk* ‘быстротечность, быстротекучесть’ и *акумyna* ‘по течению’.

Путём словосложения от корня *ак-* в туркменском языке образовались *акарбаş* (мед. ‘язва; нарыв’). Данное слово было образовано от глагола будущего конкретного времени *акар* ‘будет течь, потечёт’ + существительное *баş* ‘голова, руководитель, начало’ → *акарбаş* (lukm.) ‘язва; нарыв’.

Путём конверсии образовались такие слова с корнем *ак-*, как *акар* (глагол будущего категорического времени 3 лица единственного числа *акар* ‘будет течь’ перешёл в состав прилагательных и имеет семантику ‘проточный, текущий, не стоячий’, а также существительных и означает ‘канаву с водой; арык’).

Глагол *ак-* встречается и в составе парных слов. Например, *акыр-ukur* ‘хлам, рухлядь’, *акан-дökän* ‘беспорядок, беспорядочный, разбросанный’, *акан-дökänlik* ‘беспорядок, хаос, неразбериха’, *акан-çukan* ‘ухабистый’, *акан-çukanlyk* ‘впадина, ухаб, углубление’.

Схема словообразовательного гнезда *ак-* в туркменском может выглядеть следующим образом:

Таким образом, глагол *ак-* в туркменском языке активно участвует в образовании новых лексических единиц. Он входит в комбинированное слово-

образовательное гнездо, состоящее из нескольких рядов и цепей.

А. М. Ховалыг
(Кызыл, Россия)

СЕМАНТИКА ДИМИНУТИВНЫХ АФФИКСОВ В ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Под диминутивностью (уменьшительностью) понимается «обобщённое значение малого объёма, размера и т.п., обычно выражаемое посредством уменьшительных аффиксов и сопровождающееся различными эмоциональными окрасками – ласкательности, уничижительности и т.п.» [Ахманова 2004: 102].

Авторы «Грамматики тувинского языка» отмечают, что не от каждого имени существительного можно образовать его уменьшительно-ласкательные формы, и перечисляют диминутивные аффиксы, указывая на их уменьшительно-ласкательное

и ласкательное значения [Исхаков, Пальмбах 1961: 147–149].

Нами были проанализированы диминутивы, функционирующие в текстах тувинских произведений, размещённых в Электронном корпусе тувинского языка (ЭКТЯ). Анализ фактического материала показал, что в тувинском языке диминутивы образуются от основы не только имени существительного, но и имени прилагательного при помощи немногочисленных уменьшительно-ласкательных аффиксов (см. табл. 1).

Таблица 1

Тувинские аффиксы, образующие диминутивы

Диминутивные аффиксы, присоединяемые к имени существительному	Диминутивные аффиксы, присоединяемые к имени прилагательному
=чыгаши (его фонет. варианты): аң=чыгаши ‘зверёк’; =чык (и его фонет. варианты): кулун=чак ‘жеребёночек’; =ак//=ек: койгун=ак ‘зайчик’; =пей: диис=пей ‘кошечка’; =каш: куш=каш ‘птичка’, ‘пташка’; =кы//=ки: угба=кы=м ‘моя сестрица’; =ай//=ей: ачам=ай ‘папочка’; =икей: эж=икей ‘дружок’.	=бай (и его фонет. варианты): чассыг=бай ‘неженка’, угаанныг=бай ‘умничка’, чараш=пай ‘красавчик’, ‘красавица’, тенок=пей ‘озорник’.

Языковой материал позволил выявить, что диминутивные аффиксы в зависимости от контекста,

помимо базовой семы уменьшительности, актуализируют и другие семы (см. табл. 2).

Таблица 2

Значения, выражаемые диминутивными аффиксами

Семы	Аффиксы, присоединяемые к основе слов при выражении данной семы	Примеры
Сема уменьшительности	=чык (хөлчүк ‘озерцо’, тейжик ‘холмик’, хемчик ‘речка, речушка’); =чыгаши (арыг=жыгаши ‘лесок’, от=чугаши ‘огонёк’, хем=чигеши ‘речка, речушка’); =ак/ек (төж=ек ‘пенёк’).	Ам ол чараш дөргүн арыг=жыгаши ис чок читкен. (ЕТШ, ЭКТЯ) ‘Теперь тот красивый лесок, похожий на оазис, исчез без следа.’
Сема невзрослости (по терминологии И. М. Таракановой)	=чык (кызы=жак ‘девчушка’); =ак/ек (оол=ак ‘мальчишка’, ‘парнишка’).	Ол болза Марта, он беш харлыг кызы=жак (СС АТ, ЭКТЯ) ‘Это Марта, пятнадцатилетняя девчушка’.
Уменьшительно-ласкательная сема	=чыгаш (кыс=чыгаш ‘девчоночка’, оол=чугаши ‘мальчишка’); =чык (кулун=чак ‘жеребёночек’, буга=жык ‘бычок’, дилги=жек ‘листочка’); =ак/ек (дииспе=ек ‘кошечка’); =пай (диис=пей ‘кошечка’); =бай (чассыг=бай ‘неженка’, угаанныг=бай ‘умничка’, чараш=пай ‘красавчик’, ‘красавица’, тенок=пей ‘озорник’).	Бичизи дээрге черле менээ=кей, улуу дээрге угаанныг=бай олла болгай. (СС Х, ЭКТЯ) ‘Их младший (сын) всегда дурачком был, а старший – тот ещё умничка.’

Ласкательная сема (только при обращении)	=кы/=ки (<i>ава=кы=м</i> ‘мамочка моя’, <i>оглу=ку=м</i> ‘мой сыночек’, <i>угба=кы=м</i> ‘сестрица моя’, <i>дунма=кы=м</i> ‘сестричка моя’, ‘сестрица’);	– <i>Шын-шын, дуңма=кы=м – деп, Михаил Суваңович мени деткип кагды.</i> (ЛЧ ЧЧ, ЭКТЯ) ‘- Верно-верно, братишка! – поддержал меня Михаил Суванович.’
	=икей (<i>эж=икей</i> ‘дружок’);	
	=ай/=ей (<i>черим=ей</i> ‘Родина моя’, <i>дуңмам=ай</i> ‘сестричка моя’, ‘братишка мой’).	
Уничижительная сема	=чыгаш (к основам слов, указывающих на высокий титул, чин и т.п.: <i>хаан=чыгаш</i> ‘царёк’, <i>дарга=жыгаш</i> ‘чиновничек’);	<i>Хаан=чыгаш апарган-дыр.</i> (СС Х, ЭКТЯ). ‘Стал царьком.’
	=чык (<i>кызы=жак</i> ‘девчушка’, <i>оол=ак</i> ‘мальчишка’ при употреблении в отношении людей немолодого возраста).	

Таким образом, используемые в тувинских текстах диминутивы реализуют разные семы от уменьшительности объёма, размера объекта до семы уничижения.

Литература

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд., стер. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – С. 102.
 Исхаков Ф.Г., Пальмбаха А.А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. – М.: Издательство восточной литературы, 1961. – С. 147–149.
 Тараканова И.М. Диминутивы в хакасском языке. – Абакан, 2011. – 116 с.

Список сокращений источников

ЕТШ, ЭКТЯ – Е. Танова «Ширбиилиң холдан салба» (tuvancorpus.ru);
 СС Х ЭКТЯ – С. Сарыг-оол «Хүннүң ыраажылары» (tuvancorpus.ru); ЛЧ ЧЧ ЭКТЯ – Л. Чадамба «Чогаалдар чыындызы» (tuvancorpus.ru);
 СС АТ ЭКТЯ – С. Сюрюн-оол «Ак-Төш» (tuvancorpus.ru).
Науч. рук. – канд. филол. наук, доцент А. Б. Хертек

ИССЛЕДОВАНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ФОЛЬКЛОРА КАК ОСНОВЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ

С. Н. Абдуллаев
(Каракол, Киргизия)

МЕТАЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ТРАНСФЕР В КОНТЕКСТЕ КОМПАРАТИВНОГО ИЗУЧЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ТЮРКОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Предлагаемая статья ставит своей целью экстраполяцию образной формулы поэзии борьбы на частные литературоведческие традиции в рамках современной тюркологии. Формула выводится на базе творчества Р. Рождественского. Металитературоведческий трансфер ориентирован на татарскую (М. Джалиль) и уйгурскую (Л. Муталлип) поэзию.

Ключевые слова: поэзия борьбы, поэт, образная формула, трансфер, экстраполяция.

Целевой установкой статьи является осмысление возможности экстраполяции образной формулы поэзии борьбы для исследования в новом аспекте творчества таких представителей современной тюркоязычной поэзии, как М. Джалиль и Л. Муталлип. Для достижения поставленной цели потребовалось проведение опорного анализа произведения Р. Рождественского «Последняя песня». Такой шаг обусловлен возможностью вывести формулу поэзии борьбы благодаря анализу произведения, посвящённого тюркоязычному поэту.

Стихотворение Р. Рождественского «Последняя песня» появилось как реакция на последние строки поэта-героя Мусы Джалиля, написанные перед гибелью. Темой произведения является описание последних минут жизни поэта перед казнью на гильотине. Основная мысль стихотворения заключается в восхвалении человеческой мужественности и величия духа самоотверженности, что характерно для многих произведений Р. Рождественского [Сипкина 2010]. Идеей произведения можно считать бессмертие поэта в памяти людей и желание быть похожим на него. Мы позволим себе отметить неординарность данного стихотворения, выразившуюся в особой пафосности изложения и в том, что нумеративное словосочетание «*семьдесят восемь минут*» возможно интерпретировать в качестве своеобразной образной формулы.

Чтобы яснее изложить свои мысли, приведём текст произведения Р. Рождественского:

*До рассвета 78 минут,
На рассвете ключ заскрипит в замке,
На рассвете в камеру люди войдут
и пролают приказ на чужом языке.
А потом будет десять визжащих дверей,
Коридорный сквозняк, молчаливый конвой,
Будет яма на хмуром тюремном дворе
И тяжелое небо над головой.
Автоматчики тупо шеренгу сомкнут,
До рассвета – 78 минут.
И сейчас, на распухшие пальцы дыша,*

*Задыхаясь, спеша, обгоняя рассвет,
Пишет песню, последнюю песню, поэт
Чуть заметным обломком карандаша.
Пусть от долгих допросов болит голова.
Пусть больная рука тяжелее свинца,
Он находит единственные слова,
Как приказ, как присяга, как клятва бойца.
Пишет, пишет поэт
и кончается ночь.
За стеною чужая команда слышна,
Даже фронт наступающий, даже страна.
Не сумеют, не смогут, не в силах помочь!
Я хочу, чтоб ко мне его твёрдость пришла,
Чтоб не смел ни минуты растрачивать я,
Чтобы каждая песня такою была,
Будто это последняя песня моя,
Будто брезжит уже за окошком рассвет,
А враги – ненавидят меня и клянут,
Будто жить мне осталось не 70 лет,
А 78
Минут.*

(Р. Рождественский)

Стихотворение написано трёхстопным анапестом в основном четверостишиями. Они рифмуются по-разному. Сначала две строфы дают перекрёстную рифму (**abab**), затем идёт двустишие (**aa**) с нумеративным словосочетанием «78 минут». Потом четыре четверостишия чередуются рифмованием по типу кольца (**abba**) – перекрёстное (**abab**) – по типу кольца (**abba**) – перекрёстное (**abab**). Заканчивается стихотворение двустишием (**aa**). В стихотворении видим мужскую клаузулу.

Для создания образа последних минут жизни поэта-героя используются разнообразные выразительные средства. Это и эпитеты, и метафоры, и повторы. Как и в других произведениях, Р. Рождественским мастерски использованы возможности периодической речи [Геуркова 1986: 14]. В стихотворении нумеративное словосочетание «78», которым измеряются последние мгновения жизни лирического героя, играет настолько значительную роль, что

им можно обозначить как тему, так и идею произведения в целом.

Почему именно «78 минут»? Ответ нами не был найден в каких-либо источниках. Мы позволили себе предположить, что это своеобразная трёхчастная образная конструкция. Само нумеративное словосочетание встречается в стихотворении трижды. Поэтому мы выделили следующие три компонента формулы-конструкции: 1) семь; 2) десять; 3) восемь. 1) «7» – это непростая цифра, являющаяся символом жизни; 2) «10» – это расстояние между жизнью и её финалом. В стихотворении его символизируют «десять визжащих дверей»; 3) «8» – это символ бесконечной жизни в памяти людей, без начала и конца, как очертание самой этой цифры. В итоге мы получаем образ поэта-трибуна, ёмко запечатлённый в своеобразную нумеративную формулу.

Теперь мы переходим к задаче переноса формульного образа «78 минут» на тюркологическую почву для изучения в татарской литературе образа М. Джалиля. Как известно, самому М. Джалилю принадлежат следующие пророческие слова:

*Песня меня научила свободе,
Песня борцом умереть мне велит.
Жизнь моя песней звенела в народе,
Смерть моя песней борьбы прозвучит.*

О последних мгновениях в тюремных застенках он написал:

*Брежит заря полоской алой.
Скоро хлынут белые лучи.
Жизнь моя, как песня, в народе звучала.
Смерть моя, как песня борьбы, прозвучи!*

«Моабитская тетрадь» М. Джалиля – это поистине бессмертная книга, потрясающая читателей силой человеческого духа. Это гимн бесстрашию и стойкости простого человека, выходца из гущи народа. Раньше была очень красивая традиция в музее поэта. Один раз в году, 15 февраля, в день рождения поэта-героя, подлинник «Моабитских тетрадей» на красных подушечках в сопровождении воинского эскорта выносили из фондов для всеобщего обозрения. В эти дни в музее было особенно многолюдно. Люди приходили, чтобы выразить свою любовь и уважение к М. Джалилю, чтобы увидеть свидетельство гражданского и поэтического подвига «Моабитской тетради». Гордость переполняла сердца людей, видевших этот церемониал.

М. Джалиль и его лирический герой не боятся смерти и сознают своё превосходство над ней потому, что знают силу, которая выше, сильнее смерти. Эта сила – бессмертие.

*Умирая не умрёт герой –
Мужество останется в веках.
Имя прославляя своё борьбой,
Чтоб оно не умолкло на устах!*

И это действительно так в силу таинства метаморфоз человеческого духа [Абдуллаев 2015: 131]. Имя Мусы Джалиля осталось в памяти тех, за кого он отдал свою жизнь. В Татарстане Мусу Джалиля чтят и сохраняют в памяти. В 1957 г. за цикл стихов «Моабитская тетрадь» Мусе Джалилю посмертно присуждена Ленинская премия. Муса Джалиль любил Казань. Это был для него родной город. Здесь он учился, здесь он творил свои стихи. Некоторые из них Муса Джалиль посвятил Казани. В память о великом жителе города в 1966 г. на площади возле казанского кремля ему поставлен памятник – одна из достопримечательностей города на Волге.

А теперь позволим себе приложить формулу «78 минут» к другому тюркоязычному поэту, Лутфулле Муталлипу. Поэт Л. Муталлип – это яркая и очень харизматичная фигура Восточного Туркестана 30–40-х гг. двадцатого столетия. Его называют «светочем эпохи» – чистым и незапятнанным символом идеала национальной и общечеловеческой свободы [Абдуллаев 2018: 16]. О нём написаны многочисленные статьи, романы, драмы и пьесы. Его очень короткую и блистательную жизнь обычно сравнивают с яркой молнией, блеснувшей и исчезнувшей на небосклоне. В этом скрыт смысл неповторимости яркого таланта поэта, прожившего очень короткую жизнь, – ведь, как гласит тюркская пословица, одна молния дважды не сверкает [Абдуллаева 2015: 74]. Личность необычайно притягательная и популярная, Л. Муталлип, по словам учёных-литературоведов, «превратился в самого любимого народного поэта» [Нарынбаев 1995: 68]. Эта мысль запечатлена и удачно воплощена в его бюсте, воздвигнутом в 1999 г. в селе Большое Аксу, в котором будущий поэт родился в 1922 г. Колоритный и неповторимый образ исключительно талантливого поэта-трибуна и певца свободы как высшая дань его памяти запечатлен и, будучи живым, постоянно воссоздаётся во вновь и вновь создаваемых народных песнях о всенародно любимом поэте (qedirdan shair). Очевидно, это самый дорогой памятник человеческой личности, искренний и незабвенный. Одновременно это своего рода продолжение творческой жизни самого поэта [Абдуллаев 2015].

Последние предсмертные стихи о свободе были написаны мастером художественного слова кровью на стенах тюрьмы, что не может не тронуть сердце любого человека и в те дни, и в наше время:

*Бу кәң дунйа мән үчүн болди дэвзэх,
Яш гүлүмни газаң қилди қанхор әбләх.
'Этот мир для меня стал как-будто бы ад,
Нераскрывшись цветок мой кровопийцей распят'.*

Прожив стремительную и очень яркую, словно отблеск молнии, необычайно насыщенную жизнь, Л. Муталлип оставил многогранное наследие, достойное литератора-классика. Это и поэзия, и

драматургия, и проза, и публицистика, и литературоведение... Произведения поэта – пример художественного воплощения концепта свободы. Ослепительно озарив своей яркой жизнью и творчеством реалии современной ему эпохи, поэт стал одним из ярких представителей новейшей тюркоязычной литературы [Абдуллаева 2018: 145; Аутова 1997: 81]. Плоть от плоти сын своего народа, он был схвачен и брошен в тюремные застенки гоминдановскими реакционерами во время не простых политических событий, когда на земле Восточного Туркестана сошлись интересы нескольких крупных государств, сошлись представления и образы разных идеологических систем.

Отказавшись от реально возможного побега, организованного соратниками, поэт, поднявшись выше интересов спасения собственной жизни и желая оказать морально-политическое содействие уже набравшему силу освободительному движению многонационального народа Восточного Туркестана, продолжал свою борьбу за свободу, находясь в застенках в нечеловеческих условиях. Будучи заточенным в тюрьме, глашатай свободы тем не менее оказался в горниле бурных событий своего времени.

Бессмертие героев в их деяниях [Турсун 1995: 42]. Многие произведения Л. Муталлипа превратились в песни. Помимо этого мы знаем и много песен о самом Л. Муталлипе. Эти песни, как правило, отличаются тем, что приобретают черты народных песен. Здесь просматривается среда функционирования концепта свободы, являющегося ключевым для творчества талантливого мастера художественного слова. В этом не трудно убедиться, если обратиться к самим песням – голосу народа. В одной из песен о Л. Муталлипе в исполнении известного казахстанского композитора и певца М. Норузова в качестве

заключительного аккорда находим следующие слова:

*Журигиңни тонугачқа эл,
Сап муһаббити тилга елинди.
'Поскольку познал народ твоё сердце,
Свою чистую любовь выразил на языке'.*

Слова из одного из стихотворений Л. Муталлипа о том, что творчество длится дольше веков (Ijat yillarni qeritidu) давно превратились в афоризм. Если посмотреть, по каким линиям творчество поэта возрождается в коллективном творчестве людей, то можно увидеть примеры переклички или параллелизма с творчеством поэта. Это происходит тогда, когда в тексте песен о поэте делаются прямые ссылки и намеки на тематику и содержание его произведений. Например, в припеве одной из песен о пламенном трибуне говорится буквально следующее:

*Ҳеч қандақ шаир мошу кәмгичә
Жилларга жавап берәлмигәнтийи.
'Никакой поэт доселе
Не мог дать ответ годам-времени'.*

Таким образом, в современной тюркоязычной литературе возможно говорить о своеобразном «субжанре» поэзии борьбы. Его структурно-содержательные особенности укладываются в образную формулу – нумеративное словосочетание «78 минут». Художественное понимание формулы было реализовано в стихотворении Р. Рождественского «Последняя песня». Экстраполяция формулы возможна на творчество конкретных представителей современной тюркоязычной поэзии, в частности, М. Джалиля и Л. Муталлипа. Это открывает новый ракурс для исследования творческой лаборатории тюркоязычных мастеров художественного слова.

Литература

Абдуллаев С.Н. Диалог со временем. – Каракол, 2018. – 100 с. – URL: http://nbisu.moy.su/load/trudy/abdullaev_s_n_dialog_so_vremenem/4-1-0-3653.

Абдуллаев С.Н. Метаморфозы творческого духа (к вопросу об «образе автора» на примере творчества Л. Муталлипа) // Вестник Иссык-Кульского университета, 2015, №40. – С. 129–132.

Абдуллаева Г.С. «Двенадцать уйгурских мукамов» в контексте взаимодействия культур и народов в современном мире // Вестник Ошского государственного университета, 2015, №2. – С. 72–75.

Абдуллаева Г.С. Lutpulla Mutellip ve Dunyaniñ Uyğurçe Bediyy Süriti // Uygur Türklerinde Bir Bilge Prof. Dr. S. Mahmut Kaşgarlı Armağanı.-İstanbul, 2018. – 143–147 pp.

Аутова Г.М. 40-жиллар Шинжаң уйгур поэзиясидә асасий мавзу вә Лутпулла Мутәллип шейрийити //

Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность // Труды международной конференции в 3-х томах. (Казань, 1992, 9 – 13 июня). Т. 2. – М.: Инсан, 1997. – С. 79–83.

Геуркова Н. Индивидуально-авторские новообразования в поэзии А. Вознесенского и Р. Рождественского 60–70 годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М.: 1986. – 17 с.

Нарынбаев А.И. Уйгурские мыслители. – Бишкек, 1995. – 185 с.

Сипкина Н.Я. Эволюция идейно-эстетических взглядов Р.И. Рождественского в контексте литературного процесса второй половины 1950-х – первой половины 1960-х годов: дис. ... канд. филол. наук – Абакан, 2010. – 175 с.

Турсун А. Лутпулла Мутәллип. – Үрүмчи, 1995. – 112 с.

З. Г. Аминев
(Уфа, Россия)

О БАШКИРСКОЙ ЛЕГЕНДЕ «БАЛА КАРГА» (РЕБЁНОК ВОРОНА)

В статье даётся сравнение башкирской легенды «Бала карга» (ребёнок ворона) с дошедшими до нас мотивом из иранского эпоса о кормлении царя Заль птицей Симург и усуньской легендой о царе Хуньмо, который также был вскормлен воронами. По мнению автора, мотив кормления человеческого младенца птицами (воронами или мифической птицей Симург) восходит к восточноиранскому и даже более древнему индоевропейскому миру, где они зафиксированы и по времени фиксации являются наиболее древними.

Ключевые слова: легенда «Бала карга» (ребёнок ворона), каргатуй (праздник ворона), иранский эпос, Заль, Симург, усунь, Хуньмо.

Обитающие на просторах Южного Урала башкиры по языку принадлежат к огромному тюркскому миру. По мнению специалистов-этнографов и археологов башкиры сформировались здесь в очень древние времена [Мажитов, Султанова 1994: 40–65]. До башкирского этапа истории здесь обитали говорившие на различных восточноиранских языках саки, дахи, массагеты, сарматы, аланы. По мнению И. С. Брук, указанные народы принимали самое активное участие в этногенезе башкир, что именно они являются базовым ядром башкирского этноса [Брук 1981: 229–230]. Все эти иранские племена в процессе проникновения на Южный Урал и прилегающие к нему территории различных тюркоязычных племён, были тюркизированы. Процесс этот был медленным, но неуклонным в сторону тюркизации и в результате этого на горно-лесном и лесостепном Южном Урале сформировались тюркоязычные башкиры, которые сумели сохранить от своих ираноязычных предшественников многое из их духовного мира (из языка, мифологии, верований и т. п.).

В качестве иллюстрации как наследие от иранского мира, мы предлагаем башкирскую легенду «Бала карга», мотив которой имеет очень древние корни.

У башкир рода бурзян, проживающих на юго-востоке нынешней Республики Башкортостан в Баймакском районе, до создания Оренбургской области, соседствующих с казахами, записана легенда «Бала карга» («Дитя ворона»). Согласно этой легенде, казахи выкрали находящуюся на сносях беременную жену одного башкирского батыра. Женщина на чужбине родила сына. Через некоторое время муж нашёл её у казахов и они вдвоём бегут к себе на родину, на Урал. Убегая от преследовавших казахов, беглецы понимали, что с маленьким ребёнком далеко не убежать, т. к. ребёнок своим плачем выдал бы их. Поэтому родители прячут ребёнка в гнезде вороны на вершине высокого дерева. Сами же родители сумели благополучно дойти до родины. Однако мысль об оставленном ребёнке не давала родителям покоя, сильно переживая, они решаются идти к месту, где оставили ребёнка, с целью хотя бы

похоронить кости ребенка. Когда они нашли высокое дерево с гнездом, где они оставили своего ребёнка, то удивлению их не было предела – ребёнок был жив. Он сидел в гнезде и руками тянулся к воронам, а те летали возле него и носили ему еду. Вороны, налетая на родителей, клевали их и долго мешали им, не давая возможности забрать ребёнка. Насилу отняв ребёнка, все они благополучно вернулись домой. Ребёнок ещё долго махал руками и плакал, глядя на ворон, которые также долго сопровождали их. После этого удивленные родители, вернувшись домой, рассказали о случившемся своим аульчанам и ребёнка назвали «дитя ворона» и в честь этого уникального события сложили песню, которая бытует у башкир до сих пор [Диаров 1988: 14–17].

Известный специалист по башкирскому фольклору Г. Р. Хусаинова летом 2012 г. во время полевой фольклорной экспедиции по восточному Оренбуржью среди башкир рода усерган, проживающих в этой области, записала похожую легенду с некоторыми новыми деталями. В связи с этим, выражаю ей огромную благодарность за предоставленную возможность использовать эти интересные сведения в данной статье.

В легенде, записанной Г. Р. Хусаиновой также говорится о том, как вороны кормили оставленного родителями у них в гнезде младенца и так же родители потом приходят и забирают своего выкормленного воронами ребёнка. Дополнительной деталью является то, что башкиры в честь ворон, спасших их ребёнка, весной стали проводить праздник «Карга буткаһы» (Воронья каша), где кормили ворон кашей.

Эта прекрасная легенда может служить источником при исследовании этногенетических процессов, происходивших в древние времена на Южном Урале, в результате которых здесь сформировались башкиры.

Мотив кормления человеческого детёныша птицей встречается и у других народов. В частности, сюжет башкирской легенды «Бала карга» имеет некоторое сходство с сюжетом иранского героического эпоса. Только здесь персонажа по имени Заль в своём гнезде кормила и воспитала вместо ворона

волшебная птица Симург, пока Заля не нашёл его отец Сом [Брагинский 1956: 279,280; Мифологический словарь 1991: 500].

Схожая легенда бытовала у усуней, которые, по мнению известного исследователя из Казахстана Ю. А. Зуева, были народом, говорившим на одном из восточноиранских наречий [Зуев 2002: 23].

По сообщению китайского философа Ван Чун (27–97): «Вана (вождя) внука усуней прозвали Куньмо. Сюнну напали и убили его отца, мать родила Куньмо. Когда бежала от врагов, бросила его в степи, вороны носили ему в клювах мясо, чтобы накормить его. Вождь племени удивился этому, и, решив, что он бог, взял его и вырастил...» [Яншина 1984: 81–82].

В другом китайском источнике говорится, что у усуней был царь, которого именуют Хуньмо. Отец Хуньмо, по имени Наньдоу-ми вначале жил совместно с большими юэчжи между горами Цинлянь и Дуньхуаном, они составляли малое государство. Большие юэчжи напали и убили Наньдоу-ми и захватили его земли, а его народ бежал к сюнну. Его сын Хуньмо только что родился, и его наставник Буцзю-сихоу бежал с младенцем на руках. Он положил его на траву и отправился искать пищу. Вернувшись, он увидел, что волчица кормит младенца молоком, а ворон с мясом в клюве летает рядом. Решив, что это бог, он взял его и вернулся к сюнну. Шаньюй полюбил и воспитал Хуньмо [Зуев 2002: 18].

Почти аналогичная с усунскими легенда имела у древних римлян, только у них вместо «ворона» выступает дятел, который и таскает младенцу пищу, а своё молоко даёт также волк.

Если учесть, что римляне, так же как и ираноязычные усунь, принадлежат к народам индоевропейского круга, то можно, видимо, сказать, что мотив кормления птицами младенца имеет древние индоевропейские корни и башкирская легенда «Бала карга» у тюркоязычных башкир своими корнями также уходит в этот мир, но в более локальный – в индоиранский.

Обращение к иранскому материалу при анализе вышеуказанной легенды тюркоязычных башкир считаем вполне корректным, т.к. Южный Урал и прилегающие территории, где сформировался башкирский народ, до появления там тюркоязычных племён, населяли саки, сарматы, аланы, от которых на указанной территории остались многочисленные курганы, и язык которых специалисты относят к восточной ветви иранских языков [Смирнов 1976: 18; Мошкова 1961: 11].

На участие восточноиранских племён в этногенезе башкир и их влияние на формирование языка этого народа, указывал также известный русский, советский языковед Н. К. Дмитриев, который писал, что звук «h», который придаёт особенность башкирскому языку среди тюркских, является иранским субстратом [Дмитриев 2007: 24; Абаев 1972: 29].

Ещё одной особенностью башкирского языка является наличие в их языке межзубного спиранта □(з), которым башкиры очень дорожат, как выделяющий их язык от всех остальных тюркских языков. По мнению специалистов, межзубный спирант □(з) фиксируется именно в восточноиранских языках [Кулланд 2011: 59].

На наличие мощного иранского пласта в башкирской культуре уже давно обратили внимание и сами башкирские исследователи. Довольно мощный иранский субстрат в виде древнего памиро-ферганского типа проявляется и в антропологии башкир, о чём неоднократно указывал в своих работах известный башкирский исследователь-антрополог Р. М. Юсупов [Юсупов 1989; Юсупов 1992: 8–13], о наличии данного антропологического типа на Южном Урале писал также специалист по кочевым культурам древнеиранских племён В. Ю. Мурзин [Мурзин 1990: 33].

Анализу древнеиранского пласта в башкирском языке посвящены работы лингвистов (Э. Ф. Ишбердин, Т. М. Гарипов, Н. Д. Гарипова, Р. Х. Халикова, У. Яруллина, Г. Х. Бухарова, Г. Гайсина и др.), где на многочисленных примерах они подтверждают наличие указанных фактов. Исследователями считается установленным, что если в языке народа сохранились древние элементы, давно забытые у других, то подобные явления будут свойственны и мировоззрению, идеологии этого народа [Гуревич 1947: 76; Фрай 2002: 40].

Действительно, башкирские исследователи З. Г. Аминев [Аминев 2003: 221–226], Л. А. Ямаева [Ямаева 2010: 331–334], Р. Ф. Резяпов [Резяпов 2004: 286–300] обнаружили убедительные параллели в мировоззрении башкир и древнеиранских племён. Различные языковые, этнографические, антропологические и культурные параллели, выявленные между башкирами и древнеиранским миром, показывают нам о некогда существовавших тесных связях между этими мирами. Тут необходимо отметить, что башкирские рода бурзян и усерган, у которых зафиксирована легенда «Бала карга», своим происхождением связаны с ираноязычными сарматами, аланами.

Поэтому обращение к материалам из восточноиранского мира при поиске объяснений обнаруженных параллелей в мифологии тюркоязычных башкир и ираноязычных усуней вполне допустимо и выводы будут вполне корректными. Можно сказать, что нынешние тюркоязычные башкиры, доставшийся им в качестве субстратного наследия от древних ираноязычных предков материал, приспособили уже к новым историческим реалиям, когда их соседями оказались казахи. Сам же мотив оказался очень древним.

Литература

Абаев В.И. К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов // Древний Восток и античный мир. – М., МГУ. 1972. – С. 26–37.

Аминев З.Г. О некоторых параллелях в мифологии башкир и народов Памира // Народы Урало-Поолжья: история, культура, этничность. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. (Уфа. 28 ноября 2003 г.). – Уфа. 2003. – С. 221–226.

Брагинский И.С. Из истории таджикской народной поэзии. – М., 1956.

Брук С.И. Население мира. Этнодемографический справочник. – М., Наука. 1981. – С. 229–230.

Гуревич Ф.Д. Украшения со звериными головами из прибалтийских могильников // КСИИМК. Выпуск XV. – М., 1947. – С.68–76.

Диаров Карим. Сал Уралдың мондары. – Өфө, 1988. (На башк.яз.).

Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. – М., Наука, 2007.

Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. – Алматы: «Дайк-Пресс», 2002.

Кулланда С.В. Уроки скифского // Вопросы языкового родства. – № 5/2011. – С.48–68.

Мажитов Н., Султанова А. История Башкортостана с древнейших времен до XVI века. – Уфа: «Китап». 1994. – 360с.

Мифологический словарь. – М., «Советская Энциклопедия», 1991.

Мошкова М.Г. Сарматские памятники восточных районов Оренбургской области // Тезисы докладов на пер-

вой Оренбургской историко-археологической конференции по вопросу о состоянии и задачах историко-археологического изучения Оренбургской области. – Оренбург, 1961. – С.11–12.

Мурзин В.Ю. Происхождение скифов: основные этапы формирования скифского этноса. – Киев: Наукова Думка, 1990.

Резяпов Р.Ф. К общим мотивам в башкирской и индийской мифологии // Башкироведение. (к 75-летию Г.Б. усаинова). – Уфа, 2004. – С. 286–300. (На башк.яз.).

Смирнов К.Ф. «Савроматы» и «сарматы» // Этнокультурные связи населения Урала и Поволжья с Сибирью, Средней Азией и Казахстаном в эпоху железа. – Уфа, 1976. – С.16–24.

Фрай Ричард. Наследие Ирана. – М., 2002. – 463 с.

Юсупов Р.М. Материалы по краниологии башкир. – Уфа, 1989. – С. 42–43.

Юсупов Р.М. Основные этапы формирования расового типа башкир // Исторический опыт развития духовной культуры Башкортостана. – Уфа, 1992. – С. 8–13.

Ямаева Л.А. Древнеиранский религиозный компонент в «башкирском исламе» // Проблемы современной исторической науки: новые направления и подходы. Материалы международной научной конференции «Бекмахановские чтения» (21–22 мая 2010 г.). – Алматы, 2010. – С. 331–334.

Яншина Э.М. Формирование и развитие древнекиргизской мифологии. – М., Наука, 1984.

З.Р. Ахророва
(Бухара, Узбекистан)

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ МИСТИЧЕСКИХ ВОПРОСОВ В «ТАЗКИРАТ УЛЬ-АУЛИЯ»

В статье рассматривается интерпретация мистических вопросов в известном суфийском произведении Фаридуддина Аттора «Тазкиратуль Аулия», занимающем значительное место в классической литературе Востока. Этот же вопрос освещается в тазкире через рассказы, связанные с жизнью шейхов. С этой точки зрения в статье рассматриваются вопросы страсти, покаяния, учителя и ученика.

Ключевые слова: Фаридуддин Аттар, Тазкиратуль Аулия, суфизм, тарикат, страсть, покаяние, учитель и ученик.

Z. R. Akhrorova
(Bukhara, Uzbekistan)

INTERPRETATION OF MYSTICAL ISSUES IN TAZKIRAT UL-AWLIYA

The article deals with the interpretation of mystical questions in the famous Sufi work of Fariduddin Attor “Tazkiratul Aulia”, which occupies a significant place in the classical literature of the East. The same issue is covered in Tazkir through stories related to the life of sheikhs. From this point of view, the article deals with the issues of passion, repentance, teacher and student.

Keywords: Fariduddin Attar, Tazkiratul Aulia, Sufism, way to the Creator, passion, repentance, teacher and student.

In the classical literature of the East, Fariduddin Attor’s Tazkirat ul-Awliya is one of the works that deals with mystical issues. There are 69 sheikhs in the tazkirah, and only one Sufi woman, Bibi Robiya Adawiya, is mentioned in the ninth place. Speaking about the sheikhs, Attar mentions the manaqibs directly

related to the main issues of mysticism. One such issue is selfishness. Nafs is an Arabic word that means “heart”, “mind” or “passion for eating and drinking” in dictionaries. Like many sheikhs, Sheikh Fariduddin Attar paid special attention to this issue. For example, in Tazkirat al-Awliya, he cites a number of stories

related to the training of the lust, such as the teachings of Sheikh Yahiya ibn Mu'adh al-Razi: they cry. For many eaters are attached to the fire of lust [Attar 2013, 1: 307]. Talking too much also keeps a person from praying. That is why the Prophet (peace and blessings of Allah be upon him) said, "Silence is also worship" [Haqqulov 2000, 6: 41]. In mysticism, the term *zuhd* refers to the torture of the soul, the abandonment of the world, living by honest labor, and, in general, the preparation of the soul for the world of meaning. Voluntary renunciation of the world, liberation of the soul from worldly worries, renunciation of everything except the Truth, abstinence from everything that is doubtful are the basis of *zuhd* (piety). People on the path of piety are ascetics. Sheikh Khurasani said, "A hermit is a person who does not ask anyone except Allah for what he needs" [Attar 2013, 1: 426]. According to Sheikh Savri, "Asceticism is not wearing a paralyzed hand and eating barley bread, asceticism is not giving what one desires" [Attar 2013, 1: 207]. So, lust is a barrier to human perfection. That is why all the sheikhs have paid great attention to this issue. Because lust and its upbringing is one of the important issues of mysticism. A number of stories in Fariduddin Attar's *Tazkirat ul-Awliyya* address this issue.

Repentance is another issue that is emphasized in the mystical teachings of Islam. It is considered the first and foremost status. In addition, repentance is one of the most important issues in Islam. This is mentioned in a number of verses of the Qur'an. Even the existence of a surah called "repentance" confirms the importance of this issue: "So if you repent, it is better for you" (Surat at-Tawba, 3) [Qur'an 2011, 3: 187]. Repentance in dictionaries means to turn away from all the evil that religion forbids, to have pure morals. For example, the annotated dictionary of repentance reads: "Arabic, confession of guilt, asking for forgiveness for sins" [Explanatory dictionary of the Uzbek language 1981, 5: 631]. In fact, since repentance is the first stage of the teachings of mysticism, it is called "babul avbob" or "doorstep". That is, every tax-payer who wants to join a sect first repents (giving up the previous way of life and everything that turns him away from Allah) and then steps into other stages of the sect.

The issue of repentance has been commented on in many works by past thinkers. In particular, Farididdin Attar's *Tazkirat ul-Awliyya* pays special attention to this issue. Repentance is also a factor that changed Attar's life and made him a great mystic. The legends on this subject are very popular. In particular, it is mentioned in *Tazkirat ul-Awliya*. We know that Attar was actually a rich shopkeeper, and one day a dervish came to him. The dervish asks Attar how he will die, and Fariduddin Attar says that he will die the way everyone dies. The dervish denies this, and Attar says that he will not be disappointed in the world, and immediately gives up. Seeing this, Fariduddin renounced wealth and, following this example, chose the path of the sect. In *Tazkirat ul-*

Awliya, Attar narrates a number of events related to the repentance of the sheikhs. We can see this in the life of the famous Sheikh Shaiq Balkhi. He was a sheikh who read many books and spent his whole life at risk. According to Shaiq Balkhi, forty camels loaded the book, but found the way to the Truth in four things: first, not worrying about sustenance; the second is to do one's work sincerely; third, to see death close to him and to make it his destiny; and the fourth is to regard the devil as one's enemy. It is said that a person can practice what he reads, even though he reads a lot of books. As long as the goal is to reach the Truth, one will find perfection in these four things. After all, our people also respected scientists and listened to their sermons.

Tazkirat ul-Awliyya also details the incident that led to the repentance of Sheikh Abdullah ibn Mubarak. "He was called Sheikh Abdullah ibn Mubarak, and he was highly respected by such great people as Sheikh Sufyan al-Sawri and Fuzayl. Sheikh Mubarak's repentance was due to the fact that he cared for a concubine. One day they went to the maid's house and stayed up all morning staring at her. At that time, when the call to prayer is heard, the sheikh thinks that it is time for the night prayer. If they knew, it was time for Fajr (morning) prayer. The maid then told him that she had sacrificed one night for her own sake, and that if the imam made the recitation longer, he would be tired. When Sheikh Abdullah heard these words from him, he became very ashamed of Allah and immediately repented and began to study. The main purpose of the story is to promote human love for the Creator. To love the Creator is to control the passions, to love Him by doing deeds of devotion in this way. Any good or evil done in the sight of Allah will not go unnoticed. Of course, their rewards will be reckoned on the day determined by the Creator. It is one of the great virtues of the great sheikhs to understand the slightest mistake and to repent for it immediately. Our opinion is confirmed by the story of Sheikh Abdullah in the play.

One of the most important topics in mysticism is the issue of discipleship. After all, this tradition has been going on since the beginning of the world. In mystical sources, it is said that the training of the soul began with the repentance of the first Sufi, Adam (pbuh). When a person (pbuh) is expelled from Paradise, he begins to experience alien feelings: in situations such as hunger and thirst, they need a guide and a teacher. Then Allah sent Gabriel (peace be upon him) to the earth and taught him to work, pray, perform ablution and fast. Sheikh Muhyiddin Ibn Arabi states that these changes in Adam (pbuh) were due to emigration, and that the process of education passed from Adam (pbuh) to the Prophet (pbuh) and from him to the Companions. It is still going on [Rakhmonova 2020, 4:11]. It should be noted that Allah is the eternal *murshid* (sheikh). Because He created man and taught him the secrets of right and honest living. Indeed, the last book revealed by Allah, the Qur'an, also addresses a number of issues, including

the fact that Islam is the true religion, and that those who do not listen to the words of the prophets will go astray. Therefore, this holy book is a guideline for all Muslims.

The relationship between mentor and novice is also covered in the stories of Faririddin Attar in his work *Tazkirat ul-Awliya*. In particular, let's look at the story of Sheikh Ahmad Khazraviya. Sheikh Ahmad Khazraviya had a thousand disciples, all of whom flew in the air, laid prayer on the water and prayed. Sheikh Khazraviya was a disciple of Sheikh Asam [Attar 2013, 1: 296]. It is obvious that a student who has received a good upbringing and lessons from his teacher, will be a great sheikh (guider) in the future and will be able to bring up his students perfectly within the sect. It is very important for a murid to be able to forgive. After all, if a novice commits an act inappropriate to the sect, he must be able to forgive. In fact, a similar story is told in *Tazkirat ul-Awliya*. It is said that when Sheikh Abu Turab al-Nahshabi saw something wrong with his disciples, he would immediately repent without saying anything. When asked why, he replied that it was because of me [Attar 2013, 1: 301]. This story can teach not only sheikhs, but also everyone to be forgiving, to look for the fault not in others, but in themselves. As well as the conditions of mentoring, the novice also has his own etiquette and instructions. The word "murid" literally means "willing". After all, if there is no desire in the heart, on the surface there is no action. And in the language of the teachings, a "murid" is a person who is freed from all the desires of the lust. Such a person has no desire other than the will of the elder. We can also read in *Nasayim ul-Muhabbat: Dinovari* was asked: "Who is a murid and what is his quality?" I read this verse: "Until they are overwhelmed by the vastness of the earth, and their hearts are constricted, and they know that they can be saved only by repenting to Allah" [Navoi 2001, 2: 114]. Indeed, in order for a disciple to

attain perfection, he must restrain his desires and give up the desires of the world. The main conditions of a novice are: to be a Muslim, to be ambitious, to be faithful and to be diligent in one's work. Another important condition is that he should be submissive, that is, he should not take a step back from the will of the sheikh.

It should be noted that most of the disciples were men. But there were also mentors from among the women. They are recognized and recognized by famous sheikhs. Sheikh Boyazid said, "My pirim is a woman". Or Zunnun's Egyptian acquaintance met a woman in Syria and recognized her as a guider. Earlier, a girl named Fatima from Nishapur taught. It is recorded in the books that a mentor named Anida had five hundred followers from a man and a woman. It was Robiya Adaviya who showed courage in the field of divine love and wrote beautiful poems on the subject. We can cite many examples of such Sufis and Zahida women. From such advice, we can learn that a guider is a very important person for those who want to attain the Truth, and therefore they should be prudent in choosing a teacher.

Apparently, Fariduddin Attar described the relationship between guider and follower on the basis of stories. Among the Sufi sects, the main issue is sheikh and novice. Each sheikh spoke with great respect about his mentor, the deeds he taught, and educated his novices on the basis of this principle. There is a saying among the people, "Teacher is as great as your father", which means that the teacher is as honorable as a father, a guide.

In conclusion, *Tazkirat ul-Awliyya* is a work that provides information about the lives of saints and great mystic sheikhs. The main feature of this work is the life and lifestyle of the great representatives of the mystical teachings formed in the Muslim East, the manifestations of Islamic moral norms, beliefs, faith, honesty, and most importantly, the ways of understanding the Truth.

References

Attar F. *Tazkirat ul-Awliyo*. Tashkent. Ghafur Ghulam Publishing House. 2013y.

Navoiy A. *Nasoyimul-muhabbat*. A complete collection of works №17. – Tashkent, 2001 y.

The Holy Quran. Translation by Sheikh Muhammad Sadiq Muhammad Yusuf. – Tashkent, 2011.

Rahmonova Z. Images of murshid and murid in Uzbek classical literature of XII-XV centuries. Doctor of Philosophy (PhD) in Philology. – Tashkent, 2020y.

Annotated dictionary of the Uzbek language. 2 volumes. 1 tom. – Moscow, 1981. – 415-b.

Haqqulov I. *Sufi lessons*. Bukhara. Bukhara State University Publishing House. 2000 y.

Г. Ц. Бадуева
(Улан-Удэ, Россия)

ПРОЗА Ц. ЦЫРЕНДОРЖИЕВА: ПОЗНАНИЕ ЖИЗНИ В КОНТЕКСТЕ БЕСКОНЕЧНОЙ ИСТОРИИ

В книгах бурятского писателя Ц. Цырендоржиева идёт неустанное постижение истины, поиск правильного жизненного пути и личного самоопределения в сложных исторических перипетиях. В центре внимания неизменно находятся нравственные вопросы, прежде всего добродетели и греха, праведности мыслей и дел.

Ключевые слова: бурятская проза, Цыдып Цырендоржиев, познание жизни, история.

В книгах известного бурятского прозаика Цыдыпа Балдановича Цырендоржиева, по праву считающегося одним из лучших писателей Бурятии и занимающего ведущее место в бурятской литературе XX–XXI вв., предстаёт как будничная жизнь сельских тружеников, так и сложные жизненные перипетии героев, чьи судьбы причудливо переплетены с трагическими событиями истории нашей страны. Познание жизни неизбежно встраивается в многовековой контекст, в том числе через использование сюжетобразующей оппозиции категорий «добродетель/грех» («буян/нүгэл»), в основе которой лежит буддийская концепция о месте и предназначении человека. Личностная идентификация и судьбы героев зависят от соблюдения или нарушения данных категорий. Писатель в разные периоды творчества заостряет внимание на внутреннем стремлении персонажей к осознанному или неосознанному совершенству, на поисках человека Бога в душе, постоянном обретении нравственных принципов.

Уже в ранних произведениях, в том числе повести в новеллах «Талын зүргэнүүд» («Такая простая жизнь», в другом переводе «Степные тропы», 1982), Цырендоржиев исследует разность человеческих судеб, о чём заявляет в предисловии: некоторые, несмотря на внешнюю непритязательность, наполнены глубоким смыслом; другие, наоборот, оказываются пустыми [Цырендоржиев 1985: 3]. В этих глубоких философски наполненных словах выражено отношение писателя к жизни и людям, к своим персонажам. Произведение создано на основе детских впечатлений и посвящено жизни кижингинского села Улзыто в послевоенное время, рассказывает о делах и устремлениях сельских тружеников, преданности родной земле, преемственности поколений, сохранении народных обычаев. В новеллах предстают разные судьбы земляков: герой, зарабатывающий на жизнь тем, что колет по дворам дрова, оказывается боевым командиром, Героем Советского Союза, получившим звание после тяжелого боя, в котором был контужен («Ерофей Шашкин»); русская женщина, вынужденная уехать на родину в Новосибирск, оставив малолетнего сына в Бурятии, только спустя много лет находит его в бурятской семье («Фрося»); старая Пагма, сосланная в Красноярский край в 1930-ые годы за то, что была невестой кулака, возвращается на родину

(«Пагма хээтэй» – «Тетушка Пагма»); киномеханик Санжа из одноименной новеллы пытается провести канал в родные засушливые степи, но терпит крах, потому что его называют пустым мечтателем; Гатаб, замолчавший в начале войны и заговоривший лишь после её окончания, в преклонном возрасте решает замолить свой грех («Дуугай Гатаб» – «Молчаливый Гатаб»); «лжелам» Цыденжаб наживается на несчастьях людей («Лама»); Тарба и Норжима любят друг друга, но по воле родителей девушка вышла замуж за богача, они встретятся много позже и Норжима сможет спокойно уйти из жизни, наконец-то напоив любимого заваренным ею чаем («Последняя встреча»). Каждая история – вариант познания жизни в контексте бесконечной истории.

В повестях 1980-х гг.: «Унаха газараа мэдэдэг хаа» («Знать бы заранее, где упадешь...», 1985), «Сагай суурияан» («Эхо времени», 1987–1988), «Ган-Түмэр» (1988), «Боди хээр» («Каурый Боди», 1990), «Гушан модоной харгы» («Долгая дорога в тридцать верст», 1985), «Түмэр харгын хажууда» («У железной дороги», 1989) – художник, осваивая новые сюжеты и типы героев, начинает воплощать взгляд на мир в русле буддийских канонов, хотя более глубокое осмысление ещё впереди, как и необходимость пристального внимания к личностной идентификации героев.

Художественные поиски писателя в конце 1990-х – нач. 2000-х гг. открывают новую страницу бурятской литературы. В произведениях этого времени: «Тохеолгон» («Равноденствие», 1996), «Хүнэй эрэн зосоогоо...» («Все плохое внутри человека...», 2001) и др. – показано осознание героями смысла существования, обретения ответственности за всё происходящее в мире и с человеком в буддийском понимании. Драматические коллизии обращают читателя к проблеме сохранения нравственных ценностей. Основными темами становятся темы памяти; судьбы отдельного человека и целого рода, формируемой кармой как духовной энергией, понятиями греха и добродетели; ответственности за произнесенные слова и совершенные поступки, о чём мы уже писали [Бадуева 2017].

В 2000–2010-е гг. создан целый ряд повестей: «Үнөө» («Месть», 2000), «Галдан Захаровай дэбтэр» («Дневник Галдана Захарова», 2001), «Хуурайн дабаанай „шүдхэрнүүд“» («„Черти“ с Хурайского пе-

ревала», 2001), «Саг сагаараа, сахилза хүхөөрөө...» («Всему свое время...», 2002), «Амидыгаар нүгшэгшэ» («„Мёртвый” среди живых», 2001–2002), «Тэжээхэн буруу тэргэ эбдэхэ...» («Вскормленный телёнок ломает телегу...», 2003), «Хахасалган» («Прощание», 2003), «Хооһон харгы» («Пустынная дорога», 2003, 2010), «Олзын хэрэг» («Бизнес», 2004), «Шүүгдэһэн наһан» («Жизнь проиграна», 2004), «Налгай худал» («Левая падь», 2005), «Эжэл мүшэд» («Две звезды», 2007–2008), «Нанаанай хаһа» («Время воспоминаний», 2010), «Үһөөгэй занга» («Силки мести», 2011), в которых писатель продолжает познание жизни, прежде всего её нравственных аспектов. Отметим, что названия практически всех произведений Ц. Цырендоржиева – как сильная позиция текста – метафоричны, в восточных традициях содержат поучение, мораль.

Начиная с 2001 г., Ц. Цырендоржиев обращается к жанру романа: «Хүнэй эрэн зосоогоо...» («Всё плохое внутри человека...», 2001), «Гурбан мэргэд» («Три меркита», 2003), «Алтанай болзор» («Срок золота», 2006), «Хододоо үдэр байдаггүй...» («Вечно-го дня не бывает...», 2011), «Бусайдалга» («Клубок противоречий», 2012), «Зандан Жуу» («Сандаловый Будда», 2015), «Гэгээн эрьсэ» («Святой круговорот», 2016). Сложность поднимаемых проблем, размышления над бытийными вопросами о выборе правильного пути в жизни и одновременно о предопределённости судьбы кармой рода и предков, а также интерес к истории родины и древних восточных племён как попытка понять истоки и обозначить процесс идентификации своего народа способствовали формированию романного мышления.

Осмысление трагической истории бурятского народа, разъединённого в первой трети XX в., предстаёт в повести «Эжэл мүшэд» («Две звезды»). Сюжет произведения захватывает внимание читателя: любящие друг друга Бато и Баирма вынуждены расстаться... на целую жизнь. Бато борется с установившейся в России властью в числе сторонников булагатов, затем вынужден уйти в Китай, где добровольцем уходит в Квантунскую армию, становится разведчиком, выполняя задания в странах Юго-Восточной Азии. В звании подполковника Квантунской армии его назначают начальником заставы на границе с СССР. Затем Бато вынужден уйти с чанкайшистами на остров Тайвань, где работает в тибетско-монгольском комитете. В составе делегации данного комитета он приезжает по приглашению ВАРК в Бурятию, где наконец-то встретился с любимой. Основным прототипом главного героя стал Бато Одонович Одонов, с которым судьба свела писателя на чабанской стоянке около станции Забайкальск: из-за преследований священнослужителей в 1930-е гг. бывший лама бежал в Шэнэхэн (КНР), оттуда попал в Квантунскую армию, был разведчиком, из-за службы в Квантунской армии 15 лет отси-

дел в лагере в Воркуте, после приехал в Читинскую область. При создании художественного образа Бато автор использовал характеры ещё нескольких людей, боровшихся против большевиков, например, Базархана Цымпилова. Бато – герой типический: в перипетиях его судьбы отражена жизнь многих бурят, уходивших после революции и гражданской войны в Китай, а также тех, кто не примирился с установлением Советской власти. В образе главного героя повести отражена трагедия целого поколения бурят, оказавшегося на чужбине в разлуке с родными и любимыми.

Ряд сюжетов книг, созданных в 2010–2016 гг., подсказаны самой жизнью, отражают сложное время 90-х и начала нулевых. Криминальные сводки, искалеченные судьбы, трагические события частной жизни обычных людей, мелькающие на телевизионных экранах и в средствах массовой информации, под пером писателя не столько публицистически остро заостряют внимание на реалиях, сколько поднимаются до уровня обобщения и философского осмысления места и предназначения человека, цикличности сансары (циклический «круговорот» жизни) через чистоту души – стремление к ней или её отсутствие, раскрывая тему современности как тему познания жизни в контексте истории.

Цырендоржиев из книги в книгу продолжает утверждать необходимость сохранения нравственности, духовных ценностей. Рассказ случайного попутчика в поезде о том, как, мстя за убийство сестры, сам стал убийцей и изгоем, подсказал основную проблему повести «Үһөөгэй занга» («Силки мести») – опустошающее воздействие на личность человека чувства мести. Она решается с помощью криминального сюжета. Главный герой по навету, якобы изнасиловав женщину, попадает в тюрьму, где провел десять лет, терпя обиды и оскорбления. Все это время Тимур страстно мечтал о мести. Но, уже осуществляя свою мечту, понимает, что и сам попал в «силки мести», становясь таким же, как его обидчики. Выбор сюжета свидетельствует о трагичности современного мира, ставшего полем борьбы за душу человека. Несмотря на явный беллетристический характер книги (положительное воздействие на главного героя его квартирной хозяйки тети Марфы и Валентины, в которую влюблен Тимур; действия потусторонних сил, помогающих в наказании обидчиков), в центре внимания находятся те же нравственные проблемы, что и в других произведениях.

Тема возмездия за плохие поступки, грехи заострена в финале повести «Хооһон харгы» («Пустынная дорога»), сюжет которой родился из газетного сообщения о суде над насильником и маньяком. Главный герой Рева, насиловавший и убивавший женщин, умирает на пустынной дороге. Символично, что эта дорога осталась после закрытия леспромпхоза и потому более не востребована, она никуда

не ведёт. Метафорическое название произведения передаёт авторскую мысль о бесплодности жизненного пути людей, сошедших с правильной дороги, прельстившись на соблазны, переступивших черту дозволенного (человеческого).

К теме соблазна, ложных представлений о ценностях, когда материальное начало выходит на первый план, Ц. Цырендоржиев обращался и раньше. Продолжая её, он создаёт произведения о заполненности жизненного пространства иллюзорными желаниями. Рассказ одноклассника-фермера, жившего на дальней овцеводческой стоянке около села Куорка, стал почти готовым сюжетом повести «Налгай худал» («Левая падь»). История о привидениях и чертях, о том, как кто-то нашёл ручеёк с золотом и много людей погибло (как и в детской книге «„Черти” с Хурайского перевала», автор обращается к традиции устного народного творчества), вызвала бурную игру писательского воображения, и появилась мистическая повесть о чертях. Фантастические персонажи тесно связаны с людьми: из-за заманчивого золотого ручья они убивают конкурентов, и очередной охотник за золотом становится потусторонним охранником неуловимого, как мираж, золотого ручья.

Тема пагубной власти золота не отпускает художника, и через год появился роман «Алтанай болзор» («Срок золота»). Сюжет сложился на основе рассказа бывшего заведующего семенным фондом Совета министров республики Бальжинимы Санжиевича Раднаева. Однажды за праздничным столом он поведал интересную историю о жившем в Исинге китайском хунхузе, который оригинально прятал большое количество золота, попавшего в его руки несправедным путём, и постепенно расходовал на свои нужды. Он переплавил золото и залил в формы в виде маленьких шариков, затем на высоком берегу озера выкопал глубокую яму, куда и сложил их. Ниже ниши, где стояли ящички с золотом, Фа проложил небольшой тоннель к озеру. Так у ямы с золотом появился подводный сообщающийся канал. Затем он терпеливо прикатил стоявший очень далеко от ямы большой камень, постепенно двигая его на катках, сделанных из сосновых стволов. Им китаец закрыл яму. Он нырял в воду и по тоннелю доплывал до ямы, где проглатывал порцию золота, и вылезал из воды. Милиция, видимо, знала что-то о золоте и пыталась поймать Фа, но ничего не получалось. В процессе создания текста писатель использовал и другие рассказы о китайских хунхузах, услышанные им от стариков. Название романа сложилось из убеждения, выстраданного многодневными думами о том, что всё, имеющее истинную цену, в несправедных руках начинает прятаться и ускользать от людей. Для его исполнения отводится определённый срок.

Тема разрушительного воздействия на человека материальных ценностей решается и в романе «Бусайдалга» («Клубок противоречий»). Прототипом главного героя является подполковник морской пехоты Александр Абидуев, служивший в Афганистане, где охотился за караванами моджахедов, которые шли в Пакистан с алмазами из Панджерского ущелья и наркотиками для обмена на оружие и боеприпасы. Высшие чины советской армии занимались контрабандой золота, алмазов, других драгоценностей и наркотиков под прикрытием «груза 200» на территорию СССР, где прибыль распределялась между участниками аферы. Материал об А. Абидуеве нашли в интернете работники редакции журнала «Байгал», где работал Цырендоржиев. Воспоминания офицера подтолкнули к созданию романа. В произведении капитан-десантник Александр Абидуев, как и прототип, служит в Афганистане. Члены его группы тоже охотятся за караванами моджахедов. Алмазы и золото, попадавшие к ним, не в полном объёме доходили до базы, часть оставалась в группе. Связанные круговой порукой, солдаты вынуждены держаться рядом. Во многом из-за этого они становятся участниками чеченской войны, куда уходят добровольцами, чтобы хоть на время освободиться от преследователей. Но и там повторяется афганская история, усугубляя общее падение. В финале романа главный герой, размышляя о будущем, о совести и чести, осознает, что жизнь вконец запуталась и выхода из клубка противоречий не видно. Интересно построенный сюжет современности, использующий события трагической войны в Афганистане и не менее трагической локальной войны в Чечне, дал возможность более выпукло решить нравственную проблему самооценности человека. Художник слова убежден, что каждый человек должен жить в пределах своих возможностей, честно и праведно. Нравственно-этические коллизии романа позволили отразить глубокие изменения во внутреннем мире современника, имеющего опыт не одной войны.

Цырендоржиев, как отмечено выше, часто идёт от жизни, использует криминальные сюжеты, авантюрное и беллетристическое начала и, несмотря на это, все же выводит повествование к сложнейшим философским вопросам, поднимая на высоту обобщения и глубинного познания жизни.

Одновременно с произведениями о современности Цырендоржиев обращается к образу священнослужителя и шире – теме буддизма. Три романа: «Вечного дня не бывает...», «Сандаловый Будда», «Святой круговорот» – образуют своеобразную трилогию, в которой писатель воплощает своё понимание буддизма. По мнению автора, единственной религией, которая не призывает к мести, наоборот, призывает к прощению, терпению, состраданию, является буддизм.

Многочисленные вариации сюжетов, перипетии судеб решают главную в творчестве Ц. Цырендоржиева проблему – греха и воздаяния за него, кармы, ответственности перед потомками за совершенные поступки. Разрабатываемая писателем концепция

буддийского подхода к жизни позволяет прийти к мысли о высоком смысле и ценности отдельного человека и его судьбы в контексте бесконечной истории.

Литература

Бадуева Г.Ц. Мотив судьбы (кармы) рода в прозе Ц. Цырендоржиева // Педагогический ИМИДЖ. – №4(37). 2017. – С. 30–37.

Осорова С.Г. Проблема духовно-нравственного самоопределения личности в современной бурятской прозе

// Вестник Бурятского госуниверситета. Серия: Филология. – Вып. 10. – №10. 2010. – С. 35–39.

Цырендоржиев Ц.Б. Талын зургэнүүд: [Такая простая жизнь]. – Улаан-Удэ: Буряадай номой хэблэл, 1985. – 248 н.

Н. Ж. Бекова

(Бухара, Узбекистан)

ИЗДАНИЕ, ИССЛЕДОВАНИЕ, ТОЛКОВАНИЕ, ОПИСАНИЕ И ПЕРЕВОД ПРОИЗВЕДЕНИЯ «ДЕВОНИ ФОНИ» АЛИШЕРА НАВОИ

Навои писал свои стихи на двух языках – узбекском и персидско-таджикском, последний из которых, к сожалению, остаётся и сегодня до конца не изученным. Великолепным образцом творчества Алишера Навои является бессмертное произведение его «Девони Фони». Ценность данного сборника заключается в разнообразии жанров, многогранности тематики, яркости и четкости идей и понятий. А самое важное, поэту удалось проявить свой художественный потенциал, неповторимый стиль и свойственное только ему многогранное творчество, присущее ему как наследнику персидской литературы.

Ключевые слова: Алишер Навои, персидская литература, «Девони Фони», Хондамир, Абдурахмон Жомий, Сом Мирзо, Садриддин Айни.

Творчество великого поэта, просветителя и государственного деятеля XV в. Алишера Навои, является замечательным вкладом в сокровищницу мировой культуры. Литературное наследие Навои огромно и разнообразно, но ведущее место в ней, несомненно, занимает его поэзия, которую он творил на двух языках – узбекском и персидско-таджикском, последний донныне остаётся до конца не изученным. И великолепным образцом его творчества является бессмертное произведение «Девони Фони».

«Девон», будучи сборником почти всех стихов Навои-Фони, сочинённых на персидско-таджикском языке, признан и высоко оценён знаменитыми поэтами XV в. Абдурахманом Джомий, Давлатшахом Самарканди и Хондамиром. Этот бесценный труд А. Навои долгое время оставался вне поля зрения литературоведов, потому что отсутствовали рукописи в книжном фонде республики. Они до недавнего времени находились в зарубежных библиотеках.

Ценность данного сборника заключается в многообразии жанров, актуальности тематики, идейно-художественной значимости произведений. А самое важное, Алишеру Навои удалось проявить себя как мастер художественного слова, выработать свой неповторимый стиль, свойственный только ему, который впоследствии станет традиционным, как в узбекской, так и в персидской литературах.

Запоздалое исследование произведения «Девони Фони» учёными-навоиоведами объясняется тем, что

отсутствовал этот девон в книжном и рукописном фондах Узбекистана. Поэтому персидско-таджикская лирика Навои-Фони была не изучена.

Изучение «Девони Фони» началось в 20-е гг. прошлого века. Первым исследователем наследия А. Навои является поэт С. Айни. Он провел скрупулезную работу по отбору стихов А. Навои из имеющихся стихов (из-за отсутствия рукописей) поэтов-современников Навои. Результаты его исследований показали, что в центральной государственной библиотеке Узбекистана имеется три экземпляра рукописи «Девони Фони». Они изданы в Хорезме с относительно небольшим отрезком времени, оглавления которых были почти одинаковыми. Подробный анализ данного сборника показал, что большинство из его стихов принадлежат поэту Мухсину Фони из Кашмира, но среди них встречаются и стихи Навои-Фони. Многие литературоведы того времени считали, что первая часть сборника содержит стихи Мухсина, а вторая, последняя часть принадлежит Навои. Но в результате серьезных исследований выяснилось, что и в первой части сборника имеются стихи, принадлежащие перу Навои. В конце своих исследований С. Айни пишет, что приблизительно 1000 бейтов сборника – это творение А. Навои, из которых 711 бейтов вошли как приложение к монографии «Алишер Навои» [Айни, 1948: 181–182]. Также С. Айни, в изданной в Москве (1920) книге «Тожики адабиети намунаси» («Образец таджикской

литературы)), приводит 18 бейтов из дидактических стихов А. Навои «Тухфат ул-афкор» (посвященный А. Джоми «Дар мнений, суждений»).

Исследования по изучению «Девони Фони» этим и ограничиваются до начала XX в., хотя был издан ряд художественных книг и хрестоматий («Ўзбек адабиети намуналари» (Образцы узбекской литературы) Фитрата, «Ўзбек адабиети тарихи хрестоматияси» (Хрестоматия истории узбекской литературы) Т. Жалолова.

В 30-х гг. XX в., в преддверии 500-летия со дня рождения Навои, С. Айни продолжил свои исследования в этой области. Первым делом он изучил все три варианта сборника стихов Мухаммада Мухсин Фони из Кашмир, сохранившихся в фонде рукописей института Востоковедения имени Абу Рейхан Беруни в Академии Наук Узбекистана, результатом которого явился сборник стихов А. Навои на персидском языке [Абдуллаев, Валихўжаев, Шукуров 1966: 183–188]. В этот сборник вошли 97 газелей, 4 рубаи, 2 туюга и множество стихов, написанных на персидско-таджикском языке. Говоря о трудности сбора стихов Навои, С. Айни писал «...может быть, этот труд не лишен недостатков и ошибок. Нахождение полного сборника (рукописного варианта) трудов Фони-Навои – дело будущего». Действительно, впоследствии обнаружилось, что 91 газель из 97 принадлежали другим поэтам, причина этой ошибки является отсутствие рукописей [Абдугани Мирзоев 1966:109]. По утверждению Абдугани Мирзаева, в данном направлении много неясностей, которые ждут своего решения. Учёный востоковед Е.Э. Бертельс в своей монографии, посвящённой А. Навои, с сожалением говорит об отсутствии в наших библиотеках трудов поэта на персидском языке. А.А. Семёнов в своём труде «Описание рукописей произведений Навои, хранящиеся в Государственной публичной библиотеке УзССР» (Ташкент, 1940) пишет, что доцент Хаким Хомидий научно доказал о принадлежности сборника «Девони Фоний» Мухсину Фоний из Кашмира [Бертельс 1948: 108].

Окончательное определение достоверности выводов исследований профессора С. Айни стало возможным только после того, как были найдены оригинальные версии «Девони Фони» Алишера Навои.

Фитрат также одним из первых занялся изучением персидского наследия Алишера Навои и признан серьёзным исследователем, так, например, в своей статье «Навоийнинг форсий шоирлиги ҳамда унинг форсий девони тўғрисида» («О Навои как о персидском поэте и сборнике его трудов на этом языке») [Абдурауф Фитрат 2000: 3–11], основываясь на труды Д. Самарканди («Тазкират уш-шуаро» – «Сад поэтов»), А. Джоми («Нафохат ул-унс»), С. Мирзо («Тухфаи Сомий» – «Дар, подарок Сомий»), Р.К. Хидоят («Мажма ул-фусахо» – «Сборник красноречий»), Х.В. Кошифий («Тафсири форсий» – «Ком-

ментарий персидских стихов»), а также ссылаясь на словарь М. Кошгари «Мухокамол ул-лугатайн» («Спор двух языков»), доказывает о существовании стихов А. Навои на персидском языке.

Фитрат в данной статье выражает своё мнение и по поводу того, что большинство из стихов, отнесенных к Навои, являются плодами творения Фони из Кашмира. Автор статьи особо подчёркивает важность исследования «таланта творения Навои на персидском языке», его персидского наследия, влияния персидских поэтов на его творчество. Также он говорил о необходимости ведения исследований по поиску подлинных рукописей «Девони Фони».

Окончательную ясность в споре между учёными вносит то обстоятельство, что появляется сборник А. Навои «Девони Фони» (оригинал, рукописный вариант). Необходимо упомянуть тот факт, что в этом направлении плодотворно работал много лет исследователь Хамида Сулаймона, который говорил, что до сегодняшнего дня мы имеем разные, порой противоречивые взгляды учёных литературоведов о сборнике стихов А. Навои на персидско-таджикском языке, например, в работах: «Мухокамат ул-лугатайн» М. Кошгари, статьи С. Айни, А. Саъди, А.А. Семёнова, Е.Э. Бертельса, «Девони Фони» С. Айни (Сборник стихов А. Навои на персидском языке). Исследования Х. Сулаймона опровергли наличие у нас в библиотеках «Девони Фони» А. Навои, а также ошибочные предположения о том, что часть стихов «Девони Фони» принадлежит поэту Навои [Сулаймон 1965: №5]. Следует отметить, что и до Х. Сулаймона была информация о существовании в зарубежных библиотеках «Девони Фони» А. Навои, о чём свидетельствует каталог фонда Восточных рукописей национальной библиотеки Парижа, составленный в 1900 году французским учёным Е. Блоше, где говорилось о двух рукописных вариантах этого сборника. Также был известен рукописный вариант «Девони Фони», хранящийся в университетской библиотеке Стамбула. Несмотря на наличие таких бесценных источников, в течении последних 60-ти лет в этой области не велись никакие исследования. Первопроходцем по изучению «Девони Фони» был Хамид Сулаймон, который сравнил три варианта рукописи, хранящиеся в Тегеране, Париже и Турции. По мнению исследователя, худшим из них является Тегеранский вариант рукописи [Сулейман 1961: 38]. Например, в этой рукописи отсутствуют последние страницы, некоторые стихи Навои-Фони, в том числе газели татаббуъ и мухтараъ, 6 касида (ода) из «Мухокамат ул-лугатайн».

Проведённые Х. Сулаймоном исследования помогли не только найти оригинал рукописей сборника стихов А. Навои, написанные на персидско-таджикском языке, но и определить объём «Девони Фони». По утверждению Н.М. Маллаева, Х. Сулаймон не только получил оригинальный вариант рукописей

А. Навои «Девони Фони», но и, сравнив пять вариантов рукописей «Девони Фони» (хранящиеся в Париже, Турции и Тегеране), определил, что все они копии одного произведения, отличающиеся объёмом стихов. Из них самым совершенным является вариант, хранящийся в Париже [Сулейман 1961: 38].

В результате кропотливых исследований широкому кругу читателей был представлен состоящий из двух книг V том полного XV-томного сборника сочинений А. Навои. Подводя итог, нельзя не отметить, что, благодаря исследованиям Х. Сулаймона, семь вариантов «Девони Фони», хранящиеся в Ташкенте и Душанбе, остались верными своему автору – Мухаммад Мухсину Фоний из Кашмир. Главная заслуга Х. Сулаймона – восстановление подлинника сборника А. Навои «Девони Фони» на основании пяти рукописных вариантов. Также проведены значительные работы по исследованию «Девони Фони» с точки зрения литературоведения. Академик Академии наук Таджикистана А. Мирзаев написал статью «Алишер Фони и Ходжа Хофиз», профессор Хамид Сулаймон вёл своё исследование на тему «Наследие Алишера Навои на персидском языке», а Э. Шодиев в своих исследованиях, останавливаясь на особенностях произведений Алишера Навои на персидско-таджикском языке, издал ряд монографий.

В области навоиведения осуществлены работы по изданию «Девони Фони». В 60-х гг. XX столетия данный сборник, хотя в неполном виде, был издан в Тегеране (1963) и Ташкенте (1965). Более того, в Таджикистане (Душанбе, 1993) широкому кругу читателей был представлен компактный сборник, написанный арабской графикой.

В Узбекистане, как большое достижение навоиведения, был выпущен двадцатитомный сборник избранных произведений Алишера Навои. XVIII–XX тома этого сборника (Ташкент, 2002–2003) посвящены «Девони Фони».

После определения подлинника «Девони Фони», перед учёными литературоведами и поэтами Узбекистана стала следующая злободневная, но благородная задача – перевод стихов сборника на узбекский язык. Об этом ещё в 1960-е гг. говорил учёный Натан Маллаев, который особо отметил, что перевод должен быть поэтическим, чтобы он существовал наравне с персидским вариантом, не уступая ему ничем [Маллаев 1968].

В настоящее время существует поэтический перевод ряда стихов из сборника А. Навои «Девони Фони», переводили их видные узбекские поэты

Г. Гуляма, Ш. Шомухаммедова, Чустий, А. Хайитметова, Н. Мухаммада, С. Гани, О. Буриева, Э. Очилова, А. Пардаева и Жамол Камола, заслуга которых неоспорима. Как подчеркивает литературовед Эргаш Очилов, из этого ряда особое место принадлежит народному поэту Жамолу Камолу, который перевёл 200 газелей и 10 касида (ода) традиционным размером стихосложения аруз и издал в виде отдельной книги [Мир Алишер Навоий 2011: 364]. Наряду с узбекскими учёными П. Шамсиевым, Х. Сулаймоном, А. Хайитметовым, Ш. Шомухаммедовым, Б. Валиходжаевым, С. Эркиновым, С. Ганиевой, Р. Вахидовым нельзя не упомянуть имена таких таджикских литературоведов, как А. Мирзаев, Р. Ходизаде, Курбан Васеъ, А. Афсахзод, которые также вели свои научные исследования на этом поприще.

«Девони Фони» является одним из основных объектов исследования наследия Навои. Также ведутся серьёзные практические работы по подготовке научно-критического текста девона и его академического издания.

*Лалову гул аз тажалли ту ба хуби
Кумрию булбул зи шавки ту ба алоло
Дар рухи руз аз рухи ту борикаи мехр,
Дар дили шаб аз гамии ту мояи савдо.
Ул лолаю гуллар бари хуснинг ила куркам,
Хам кумрию булбулга этиб шавки алоло.
Тонг чехрасининг равшани офтоби юзингдан,
Тун куксида ул дарду гаминг – мойи савдо.*

*Краса и аромат цветов – лика твоего,
О чём не перестают петь соловьи.
Прелесть зари – тепло лица твоего,
Что является несбыточной мечтой ночи тёмной.*

Поэт Жамол Камол во введении своей книги, посвящённой А. Навои, пишет:

*Ишкинг, юрагинг эрса, Навоийни уки,
Иймон тирагинг эрса, Навоийни уки,
Ихлос керагинг эрса, Навоийни уки,
Хар не тилагинг эрса, Навоийни уки.*

*Живешь с любовью, читай Навои,
Коль в душе доброта, читай Навои,
Имеешь веру надежную, читай Навои,
Имеешь мечту заветную, читай Навои.*

Работа по переводу на узбекский язык «Девони Фоний» А. Навои продолжается. Мы верим, нет, мы убеждены в том, что бесценный труд А. Навои будет переведён и на другие языки мира, в том числе и на русский язык.

Литература

Абдуллаев В., Валихўжаев Б., Шукуров Ш. Навоийшуносликнинг муҳим ютуғи // Шарқ юлдузи, 1966. – 9-сон.

Абдурауф Фитрат. Танланган асарлар. II жилд. Илмий асарлар. – Тошкент “Маънавият”, 2000. – Б. 205.

Абдуғани Мирзоев. Жашни мадри бузург // Садон Шарқ. – 1966. – № 8. – С. 109.

Айний С. Алишер Навоий. – Душанбе: Нашриети Давлати Тожикистон, 1948. – С. 233.

Бертельс Е. Э. Навоий. Опыт творческой биографии. – М.-Л., 1948. – С. 108.

Маллаев Н. Алишер Навоийнинг форс-тожик тилидаги шеърлятига доир // Адабий мерос. 1-сон. – Тошкент, 1968.

Мир Алишер Навоий. Фоний гулшани (Ғазаллар ва қасидалар). – Тошкент, 2011. – Б. 364.

Сулаймон Ҳ. Алишер Навоийнинг форс тилидаги поэтик мероси тадқиқотидан // “Ўзбек тили ва адабиети”, 5-сон, 1965.

Сулейман Хамид. Текстологическое исследование лирики Алишера Навои. АКД. – Ташкент, 1961. – С. 38.

В. Е. Васильев
(Якутск, Россия)

«ЛЮДИ-ДЕРЕВЬЯ»: ОБЫЧАЙ ПРИНЯТИЯ СМЕРТИ У ВОИНОВ САХА

В статье рассматривается мифологическая основа сюжета, существующая в преданиях, – принятие смерти стоя у воинов. Истоки обычая видятся в том, что воины отождествляли себя с деревьями. Богатыри в ходе инициации как бы рождались из деревьев, и после смерти их *кут* возвращался в лоно священного дерева. Воины свою одержимость получали из корней Мирового древа – аналога шаманского дерева *Уйук мас*. Дерево, поглощающее воина, напоминает мать-зверя шамана, которая появлялась перед ним трижды: во время рождения, посвящения и принятия смерти. Гроб-саркофаг вождей воспринимался как желудок матери-дерева, ассоциируясь с берёзой, по ветвям которой души усопших поднимались на небо. Культ Неба и Земли играл важную роль, сливаясь с культом духов-предков, при рождении и после смерти воинов. Из этих поверий исходит обычай установления половецких балбалов на вершинах курганов и миф тюрков о рождении Кипчака из дупла дерева. Культ дерева воплощался в образах знамен, копий, палм и коновязей, широко встречаемых в преданиях и эпосе саха. Лесное (сибирское) происхождение обнаруживается и в генеалогическом предании об Огуз-хане, появившемся из нароста Мирового древа, растущего на вершине Мировой горы. Образ дерева-предка уводит в общий алтайский пласт мифологии тюрков и монголов.

Ключевые слова: саха, тюрки, культ дерева, предки, предания, ритуалы, обычаи.

В своё время фольклорист С.И. Боло приводил любопытные сведения о кончинах известных витязей из разных улусов, которые с точки зрения современного восприятия никак не могут быть рационально объяснены. Для иллюстрации приведём сюжет гибели богатыря Сылангского рода Ураанай-Боотура: он, будучи тяжело раненным врагами, умер стоя, обняв ствол лиственницы. Возможно, таким образом, он подобрал себе дерево «по росту», которое могло бы послужить ему гробом-колодой *куорчах*. На связь посмертной лиственницы с хозяйской землей указывает то, что до этого боя герой жил в землянке на вершине ледяного кочующего холма [Боло 1994: 241]. В эпосе саха холм расположен в стране восхода солнца и на макушке холма растёт вечно зелёное Мировое древо, у корней которого расположено жилище богини Вселенной – матери восьми богинь Айыысыт. Для благословения – *алгыс* – богини-удаганки выглядывают из своих гнезд до уровня груди. Они же нарекают героя эпоса тремя именами, наделяя способностью путешествовать по трём мирам. Затем он проходит процессковки и закалки тела у нижних кузнецов, в конце погружаясь в воду смерти *елюу уута* [Ойунский 1930: 17–18].

В приведённом сюжете герой после смерти должен возвратиться на вершину холма, чтобы быть погребённым под Мировым древом, корни которого, как змеи, уходят в Нижний мир, а крона становится коновязью богов Верхнего мира. Шаманки тоже могли иметь змеиную природу. Холм представлен как образ беременности богини земли. В эпосе

«Ала-Булкун» погибшего героя *абаасы* помещает внутри расколотого пополам дерева и хоронит в яме в вертикальном положении. Согласно тексту эпоса, таков был обычай людей племени *айыы* [Захаров 1994: 32].

Отголосок эпического сюжета сохранился и в рассказах об обряде жертвоприношений. Так, в старину ритуальный барабан *кюпсюю-табык* саха опускали в вырытую яму – *иин* – так, чтобы большое отверстие дуплистой лиственницы смотрело вверх. Сверху полое бревно, равняющееся росту человека, закрывали досками и били палками так, чтобы звуки доносились до духов Нижнего мира [Саввин 1937–1941: 12, 25–26]. Схожий сюжет из сказки олонхо приводил П.А. Ойунский [1962: 184]: стук колотушки гулко отдавался по своду преисподней, причиняя беспокойство её жителям. Всё это созвучно с записями Г.Ф. Миллера о том, что тобольские татары использовали барабаны в виде горшков с натянутой на них шкурой [Элерт 1999: 170].

В эпосе богиня земли – *ийэ сир* – выступает как шаманка, вооруженная бубном-сосудом – *чабычах* – и ложкой-лопаткой – *булаайах хамыйах*. При этом невеста героя (тоже шаманка) живёт внутри холма, вертящегося вокруг своей оси [Строптивый Кулун Куллустуур 1985: 123–124].

Берестяное ведерко – *сабычах* [Боло 2006: 64] – восходит к кожаному меху *саба*, который в эпосе саха применяется как эпитет грудастой богини земли. Это же слово *саба* встречается в имени прародительницы саха Сабыйа хотун. Тюрки в качестве

гробов использовали и кожаные мешки из шкур тотемных зверей. Образ хозяек мест, живущих на холмах, встречается в предании, где речь идёт о том, что во время войны враги отсекали головы трём бахсинским удаганкам, и их отрубленные головы превратились в три кургана [Боло 1994: 235].

Холм, как жилище мёртвых, встречается в легенде о богатыре Кюнээк-Баатыре: он умер стоя, обхватив руками матицу юрты [Там же: 224]. Матица жилища называлась *ийэ мас* («мать-дерево»), а балаган был связан с образом чрева *киэли-баалы*. Забытое слово *баалы* близко по значению с уйгурским *палык* ‘жилище’, ‘поселение’. В старину ритуальный столб – *сэргэ* – в виде ветвистой коновязи – *сатанах* – саха устанавливали около могил знати и украшали веревкой – *салама* – с бисером и пучками гривы коня [Саввин 1936–1941: 100]. Столб-*сатанах* связан с образом Мирового дерева, на это указывает предание саха Ботурусского улуса. Богач Улуу-Тёрёкэй поднялся на косогор, где была могила его жены. На холме старик умер, стоя, держась одной рукой за развилку коновязи, а другой, опираясь на рукоятку *батыя* [Саввин 1937: 15]. Неслучайно треск матицы дома или падение коновязи предвещали скорую смерть хозяев жилища.

Схожие сведения имеются и у других народов. По данным Н. Ф. Катанова, в могиле уйгуров был обнаружен «стоящий воин», натянувший тетиву лука. Он был опоясан мечом и держал под мышкой копье [Липец 1984: 116]. Культ гор у бурят описан в книге А. А. Абаевой. Ламы жестоко боролись против святилищ *обоо* и *онгонов* [Абаева 1992: 72]. Обычай сооружения холмиков – *обоо* – восходит к обрядам погребения шаманов внутри шалашей, а также в дуплах деревьев. Буряты рисовали духов-предков сидящими верхом на конях [Там же: 72, 79]. Чумы и пирамиды из камней на вершинах гор обозначали и гору, и предков, и божество [Там же: 74]. *Обоо* строили в местах, где раньше стояли могилы предков. Во время молений мужчины ставили у святилищ тарелки – *саба* с пищей – у подножия горы устраивали скачки, борьбу и стрельбу из лука. Эта гора с могилами называлась «Тапхар» [Там же: 76–80].

Как реликт воинского обычая, буряты хранили внутри святилищ *обоо* богатырские латы, оружие и одежду предков. Они выбирали для жертвенника *обоо* место «величественное, возвышенное, гористое, обильное травой и водой» [Д. Банзаров 1997: 40]. Монгольское слово *овоо* родственно тюркскому *оба* ‘курган’. Отсюда предковый холм приобретает черты тотема. Архаичный образ берестяного сосуда – *атыйах* – в руках Эллэя напоминает медведя *адыга/айыга*, от которого происходит название чаши – *айах* [Васильев 2019: 92–98]. Береста и шкура – тотемные атрибуты погребального обряда.

По мнению бурятского учёного Д. В. Цыбикдоржиева, монгольские знамёна из шкур тотемов изначально были связаны с погребальным обрядом. Меч, чудесным образом воплощавший молнию и огонь, втыкался на макушке святилища, тем самым как бы оплодотворяя чрево земли. Эта традиция существовала у скифов, сарматов, гуннов, а через них идею могли воспринять готы [Цыбикдоржиев 2003: 202–206]. Каменные изваяния, ритуальные столбы, знамёна и мечи на вершинах курганов воины обмазывали кровью. Отголосок обычая окровавить копья перед боем встречается в преданиях саха [Якутские мифы 2004: 431].

Стрельба из лука по дереву означает, вернётся ли воин домой живым. Так поступил и виллойский *хосуун* Тьюэрэчээн перед уходом на войну с тунгусами. Он сделал зарубку на дереве и, попав по мишене с краю, сказал, что жить ему осталось недолго. Уходя в лес, *хосуун* обернулся и выстрелил в старую мать, сидевшую на помосте *арангас*. Так исполнил обычай почтения (погребения) старухи-матери, уложив в гроб-колоду.

Таким образом, половецкие *балбалы* на курганах символизировали героев, вернувшихся в лоно горы. Деревья-предки, устремлённые вверх, служили прототипами ритуальных барабанов и гробов. Берестяной бубен хозяйки земли был связан с идолом *туос-тангара* – берестяное божество. Обычай принятия смерти стоя предполагает, что богатыри, не убитые в бою, должны были принять добровольную смерть. Непобежденные воины сохраняли свою душу *кут*, которая повторно перерождалась на земле.

Литература

Абаева Л. Л. Культ гор и буддизм в Бурятии. – М.: Наука, 1991. – 142 с.

Васильев В. Е. П. А. Ойунский об эволюции религии саха в свете эпоса олонхо // Вестник СВФУ им. М. К. Аммосова: Серия Эпосоведение. 2019. № 1 (13). – С. 92–98.

Банзаров Доржи. Собрание сочинений. Изд. 2-е, допол. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1997. – 240 с.

Боло С. И. Прошлое якутов до прихода русских на Лену: (По преданиям якутов бывшего Якутского округа). – Якутск: Бичик, 1994. – 352 с.

Боло С. И. Легендарные предки якутов и период междоусобиц: Предания. Кн. 1 / сост. и автор предисловия Г. В. Попов. – Якутск: Бичик, 2006. – 240 с.

Захаров Т. В. Ала-Булкун. Якутское олонхо. – Якутск: ИЯЛИ СО РАН, 1994. – 102 с.

Липец Р. С. Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. – М.: Наука, 1984. – 263 с.

Ойунский П. А. Происхождение религии. – Якутск: Госиздат, 1930. – 27 с.

Ойунский П. А. Якутская сказка олонхо: её сюжет и содержание // Сочинения. Т. 7. – Якутск: Кн. изд-во, 1962. – С. 128–204.

Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. – Т. III. – М.; Л.: АН СССР, 1959. 3847 стб.

Саввин А. А. Верования якутов. 1937–1941 гг. // Рукописный фонд Архива ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 12. Д. 70. 347 л.

Саввин А. А. Улуу Торокой: Предания. 1937 г. // Там же. Ф. 4. Оп. 12. Д. 84. 19 л.

Саввин А. А. Погребальные обычаи якутов Севера. 1936–1941 гг. // Там же. Ф. 4. Оп. 12. Д. 19. 270 л.

Строптивный Кулун Куллустуур. Якутское олонхо. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1985. – 608 с.

Цыбикдоржиев Д. В. Происхождение древнемонгольских воинских культов (по фольклорно-этнографическим материалам бурят). – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2003. – 292 с.

Элерт А. Х. Народы Сибири в трудах Г. Ф. Миллера. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1999. – 240 с.

Якутские мифы = Саха өс-номохторо / сост. Н. А. Алексеев. – Новосибирск: Наука, 2004. – 451 с.

Н. Гурбангульева
(Ашхабад, Туркменистан)

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ ТУРКМЕНСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ

В статье рассматривается вопрос об исторических корнях туркменской публицистики. Самое раннее проявление публицистических начал возводится к эпическому произведению туркмен «Горкут ата», а также к поэзии Махтумкули. Показано, как развивается туркменская публицистика далее с опорой на эти исторически значимые источники. Утверждается вывод о том, что идеи туркменской публицистики, заложенные в народном эпосе, фольклоре, произведениях поэтов-классиков необходимо актуализировать сегодня при формировании большого идеологически правильного публицистического корпуса.

Ключевые слова: публицистика, жанр, деятельность, пропаганда, общественный взгляд.

1. Исторические корни публицистики

Публицистика – это свод произведений, основанных на реальной информации о важных вопросах и крупных событиях общественной жизни. В них излагаются пути и средства решения поставленных задач. Публицистические произведения написаны чётким, доступным и выразительным языком. Главной их особенностью является активное (оперативное), непосредственное реагирование на повседневные социальные и политические вопросы. Публицистика – это достоверная историческая литература каждой эпохи. Публицист-писатель видит волнение жизни, видит историческую значимость происходящих повседневных событий, раскрывая их историческое содержание [Türkmen diliniň düşündirişli sözlügi II 2016: 35].

Введение понятия публицистики связано с именем греческого историка Корнелия Публия Тацита (жил между 55 и 120 гг. нашей эры). Корнелий Публий Тацит был преимущественно историком, потому в его трудах понятие «публицистика» носит эпонимический характер. Историко-политическое содержание трудов Тацита сформировало первоначальное представление о жанровых особенностях публицистики.

Формирование нравственного здоровья общества – явление, обогащающее духовную чистоту народа, красоту внутреннего мира. Представления личности об особенностях развития общества изменяются на основе философских, этических и эстетических требований. С учётом этого, поиски и научное сопоставление публицистических поэти-

ческих стихов в туркменском народном творчестве, фольклоре, литературных произведениях, классической литературе также приводят к ожидаемому результату.

Возьмём, к примеру, ляле, являющееся разновидностью поэтического творчестве народа:

Слово сокровенное

Я хочу сказать.

Не хочу в чужбину,

Изведёт тоска [Gelin-gyzylyryň şahyryana döredijiligi 2005: 294].

Лирический герой хочет своей свободы слова в обществе, в котором живёт. Он выражает требовательную позицию на защиту прав и свободную жизнь человека. В этой строфе звучит призыв к девочкам иметь достоинство и права в обществе. Обобщаются философские взгляды девушек на свободу и своё место в обществе, выявляются в их психологии черты публицистического характера, раскрывающие содержание их растущих чувств к обществу, труду и т. д.

Обратимся к следующему примеру из поэтического творчества народа:

На этих горах рыдает озан

Пребывает в скорби о боли своей написавший сам

[Türkmen diliniň düşündirişli sözlügi II 2016: 106].

В этих примерах мы анализируем слово «озан». По словарю литературоведческих терминов, составленному литературоведом Р. Реджеповым, «озан – это народный артист, певец и сказитель туркменского народа в древности». В «Словаре туркменской

классической литературы» А. Мередова и С. Ахаллы мы также встречаем толкование «озан – бахши, музыкант». В дополнение к музыке, озаны также создавали считалки и поэтические строфы, которые пользовались большой популярностью у публики. Озаны призывали общество к здоровой жизни, единству, мудрости через искусство бахши, музыку. Они использовали силу музыкально-песенного искусства, чтобы привлечь внимание публики. Можно утверждать, что озаны превратились в бахши из-за происходивших в жизни перемен и военно-политических обстоятельств.

В историческом произведении туркмен «Горкут ата» Горкут ата выступает как мудрый советчик, оратор. «Подлеца и щедрого разберёт озан. Так пусть звучит в народе голос озана» [Türkmen diliniň düşündirişli sözlügi I 2016: 9]. Горкут ата говорит, что он является озаном, даёт людям добрые советы, наставления посредством поэтических строф, исполняя при этом музыку на варгане. Это понятно. При отсутствии средств массовой информации художественное слово и музыка являются главным инструментом воздействия на общественное мнение, пропаганды и разъяснения. Само собой разумеется, что публичное (публицистическое) выступление в те времена было малоэффективно. В наставлениях Горкут Ата продвигаются проблемы формирования нормы единства в культуре, традициях, религии и языке народа, достижения общности нравственных принципов. Преследуется идея идеального общества. Высказывается мысль о том, что совершенные нормы необходимы обществу и являются важным условием политического, экономического и культурного развития в жизни людей.

В произведении Горкут Ата образ озанов, сообщающих о событиях в жизни ханств и княжеств, появляется в каждой главе. Это позволяет сделать вывод, что народная публицистика уходит своими корнями в глубокую древность.

Горкут Ата приводит пословицу: «Нога коня – тень, а язык озана глубок» [Türkmen diliniň düşündirişli sözlügi I 2016: 36]. То, что язык озана глубок, вероятно, означает, что словом можно влиять на публику. Для этого оно должно содержать в себе новизну, воодушевляющую силу, способную изменить жизнь народа в лучшую сторону, и видение, которое может направлять. При этом важным условием является нравственная сила, способная обогатить культурно-духовный багаж общества в будущем. Можно также сказать, что наставления в книге «Ковуснама», литературном наследии XI в, являются также суммой публицистических идей, способствующих всестороннему и совершенному воспитанию личности, как части общества. В книгу также включены рассказы, описывающие признанные каноны медицины, астрономии и философии.

Это позволяет заключить, что это является способом раскрытия взаимосвязи публицистики и науки.

С развитием общественного сознания общество меняется и интеллектуально, и нравственно. Расширяются материальные и духовные условия формирования личности. Эти закономерные условия расширяют роль литературы, являющейся продуктом разума, в жизни и обогащают её функцию. Исторические и естественные события привели к постепенному замещению поэзией традиций озана. Даже в стихотворениях публицистического характера лирический герой выступает защитником свободы человека в обществе. Появляется поэзия, призывающая к единству, национальному духу, здоровым политическим целям, уважению достоинства, свободы и защите своих прав. Содержание и размерность нравственного порыва, восприятия личности в образе лирического героя привели к активному выходу поэтической природы публицистики на сцену жизни.

2. Стихи публицистического содержания в классической литературе

Средневековые улемы, учёные и поэты утверждали, что посвящение всей природы человеку есть тот самый факт, что каждый раб Божий достоин чести, уважения и наделён великолепием. Утверждалось, что эстетическая красота должна родиться в каждом человеческом сердце, расти в его мировоззрении и подниматься до высот в человеческих отношениях. Учёные рассматриваемого века оставили большой след в пропаганде извечной науки о добре. Содержание произведений таких пиров, как Абу Сагит Абул Хайр – Мьяне Баба, Ходжа Ахмед Ясави, составляли богословские науки и философские воззрения. Они выступали за неукоснительное применение норм ислама для защиты достоинства и прав людей в обществе. Традиция учёных, руководствовавшихся моральными и дидактическими установками, поощряющими массы к гуманным целям, была продолжена их учениками. Их принцип включил агитационно-разъяснительное составляющее в творчество просветителя, учёного и поэта XVIII в. Довлетмаммета Азади. Газели поэта и его произведение «Вагзы-Азат» представляют собой научную школу, вобравшую в себя воспитательную силу художественной литературы.

Со временем начали формироваться представления о жизни, культуре и национальной идентичности каждой нации. Мысль – карандаш души. Возникновение понятия государства, которое возникнет из накопления национального характера из духовного начала, является определяющим фактором культурного и литературного развития исторического периода. Это преимущество привело к появлению литературы на родном языке. Такая литература

предлагает опираться на силу художественного слова в донесении до общественного сознания условий государственного строительства. В XVIII в. поэт Махтумкули с его политической проницательностью добавил призыв к свободе, к голосу своей эпохи. Единство, являющееся ключом к свободе, стало главной темой творчества поэта. В стихотворении «Будущее Туркмении» Махтумкули уточняет условия государственности с учетом национальных особенностей. Его первое условие состоит в том, что единство страны и нации зависит от формирования нового общества. Лирический герой поэта, оставляя на долю личности это дело, говорит:

Где государство народ обретёт,
Озан туда первым придёт.

Лирический герой в образе озана продолжает призывать к государственности. Поэт изображает озана в образе политически сознательного, общественного деятеля, ведущего деятеля. Поэт входит в эту форму и призывает современников к объединению:

...Разлука бездыханным делает народ,
Государство вспять уйдёт, и очередь к противнику придёт.
Теке, йомуд, ызыр, гоклен с ахалом встанут в ряд,

Пойдут в поход – в садах цветы восторженно горят.

Публицистические стихи Махтумкули, призывающие к единству и патриотизму, являющиеся опорой государственной стабильности, проложили путь к развитию туркменской литературы, имеющей политическое и социальное содержание. Из-за отсутствия средств массовой информации при жизни Махтумкули призыв поэта не получил быстрого распространения среди туркмен, но оторвался от своего политического содержания, стал песней, стал искусством. Идеи поэта о свободе получили своё продолжение в литературе XIX и XX вв. Можно сказать, что произведения поэтов, изображающие туркменскую жизнь и события, повлиявшие на общественное сознание, составили большую часть литературы того времени. Приведённые примеры доказывают, что литературная школа Махтумкули явилась основой развития публицистической литературы через поэзию. Этот принцип укоренился и в поэзии периода независимости. Поэтический мир писателей Б. Худайназарова, А. Атабаева, А. Агабаева патетически и выразительно описывает достижения независимости. Эта творческая особенность отражает развитие публицистики во взаимосвязи с поэзией.

Литература

Gelin-gyzlaryň şahyrana döredijiligi. – Aşgabat: Miras, 2005.
Türkmen diliniň düşündirişli sözlügi. I jilt. – Aşgabat: Türkmen döwlet neşirýat gullugy, 2016.

Türkmen diliniň düşündirişli sözlügi. II jilt. – Aşgabat: Türkmen döwlet neşirýat gullugy, 2016.
Türkmen halk matallary. – Aşgabat: Miras, 2005.

*А. А. Джемилева, В. А. Ельяшевич
(Симферополь, Россия)*

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ КАРАИМСКОЙ ДРАМАТУРГИИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

В данной статье представлен обзор караимской драматургии XIX – начала XX в., рассмотрены исторические и культурные предпосылки её возникновения. Впервые сделан сравнительный анализ караимских драматических произведений, определены основные темы караимской пьесы и выявлены её жанровые особенности.

Ключевые слова: караимы, жанровые особенности, драматургия, пьеса, крымскотатарский язык.

Постановка проблемы. Караимы – последователи религиозного течения в иудаизме, возникшего на Ближнем Востоке в VIII в. Караимы не признают каноничность Талмуда, называемого в еврейской традиции «устной Торой», и считают священными только книги ТаНаХа (Ветхого Завета), т. е. «письменной Торы», отсюда и происходит их самоназвание «караим» – от древнееврейского корня «кара» со значением «читать», т. е. «читающие» (письменную Тору).

Караимское учение распространилось по всему Ближнему Востоку и за его пределами с крупнейшими историческими центрами в Иерусалиме, Ка-

ире и Константинополе (Стамбуле). Миграционные пути привели караимов на Крымский полуостров, что, согласно письменным источникам, произошло не позднее третьей четверти XIII в. [Кизилов 1911: 114–117]. Историческими местами проживания караимов до присоединения Крыма к Российской империи в 1783 г. являлись города Солхат (Крым, Старый Крым), Каффа/Кефе (Феодосия), Чуфут-Кале, Мангуп-Кале и Гезлев (Евпатория). Из Крыма в XIV и XV вв. караимы переселились на территории современной Литвы и Западной Украины, создав два анклава так называемых западных караимов. В отличие от них, караимов, проживающих в Крыму и

выходцев из Крыма, в наше время принято называть крымскими караимами. Все вместе представляют собой общность восточноевропейских караимов.

Основная часть. Проживая в Крыму и являясь подданными Крымского ханства и Османской империи, караимы оказались под сильным культурным влиянием доминирующего местного населения и их соседей. Караимы стали тюркоязычными, переняли быт, традиции, образ жизни, одним словом в культурном отношении были полностью ассимилированы, сохранив при этом религиозную самоидентификацию и еврейскую книжную культуру. Согласно многочисленным свидетельствам посещавших Крым путешественников, в повседневной жизни караимы практически не отличались от крымских татар, что отмечали и сами караимы, изучавшие свою традиционную культуру. Например, об этом писала создательница первой в истории караимской этнографической выставки в 1893 г. в Одессе Рахиль Семёновна Исакович: «Живя среди татар, караимы ничуть не отличались в своей домашней жизни от последних. Жильё караима, его одежда и обычаи – это почти те же жильё, одежда и обычаи татар» [Исакович 1893: 6]. Такого же мнения придерживается известный педагог и общественный деятель Илья Ильич Казас (1832–1912), который писал следующее: «Живя в продолжение многих веков под властью татар, караимы переняли от них не только язык, но и одежду, образ жизни, некоторые суеверия и многие бытовые обычаи» [Казас 1911: 49].

Трудно сказать, когда караимы стали говорить на одном из тюркских языков, позднее – крымскотатарском, но, вероятно, процесс языковой ассимиляции был завершён после того, как Крымский полуостров оказался под властью двух тюркских государств – Крымского ханства и Османской империи, т. е. не позднее XV в. Сами караимы называли свой разговорный язык «лешон Кедар» т. е. «язык Кедара»¹, «лешон татар» («татарский язык»), а также чагатайским. Советская тюркология в лице её видных представителей Н. А. Баскакова и К. М. Мусаева классифицировала язык крымских караимов как крымский диалект караимского языка, однако данная классификация является недостаточно аргументированной. Согласно наиболее обоснованной точке зрения, язык крымских караимов представляет собой этнолект (по другой версии – этнодиалект) крымскотатарского языка, который по фонетическим, лексическим и грамматическим признакам ближе всего находится к южнобережному диалекту крымскотатарского языка [Ельшевич 2020].

До нас дошли лишь отдельные литературные авторские произведения крымских караимов, написанные на этнолекте крымскотатарского языка, т. к. вплоть до XIX в. литературным языком крымских караимов продолжал оставаться древнееврейский язык (иврит). Это, например, стихотворение «Мангуп тюркюси» и поэма «Адам огьлу» [Шапира 2004: 283–294; Шапшал 1918: 7].

Что касается драматургии, то она, по всей видимости, появилась не ранее XIX в., а к началу 1930-х гг. уже перестала существовать как жанр. Объясняется это тем, что для караимов, отдававших все свои творческие силы религиозным вопросам и не написавшим до XIX в. ни одной пьесы, этот жанр был совершенно не свойствен. т. к. караимские драматические произведения у этого народа (караимов) появились именно в российский период в истории Крыма, то данное явление можно рассматривать как влияние русской, а через неё и европейской культуры.

По имеющимся сведениям ещё в 1840-х гг. к жанру драмы обращались караимские религиозные деятели М. И. Султанский и Авраам Иосиф-Соломонович Луцкий (Абен Яшар), но до нас дошли только названия двух написанных ими пьес – это «Шаул хан» («Царь Саул») и «Эстер» [Шапшал 1918: 7]. Как следует из их названий, в основу пьес положены библейские сюжеты об израильском царе Сауле (Шауле) и царице Эстер (книга «Эстер»). В караимском фольклорном сборнике (меджума) из коллекции Музея истории и этнографии крымских караимов им. С. И. Кушуль (Евпатория) нами была обнаружена пьеса без названия, рассказывающая о противостоянии пророка Ильи с израильским царем Ахавом. Эта находка в совокупности с двумя вышеупомянутыми пьесами позволяет нам говорить об отдельном жанре, представляющем собой художественную обработку библейских текстов.

Следует отметить самую раннюю сохранившуюся караимскую пьесу неизвестного автора под названием «Бабачыгым», обнаруженную в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ОР Ф. 182, ед. хр., 381)². Рукопись не датирована и отсюда только примерная датировка в её описании – вторая половина XIX в. К сожалению, в самой пьесе отсутствуют какие бы то ни было временные ориентиры, если не считать упоминания названия «карасакалы» («чернобородые»). Так называлась передовая караимская молодёжь, главным образом Одессы, организовавшая в начале 1860-х гг. небольшой литературный кружок. Литературно-общественная деятельность «карасакалов», выходящая

¹ Библейским именем Кедар (сын Измаила) в еврейской традиции было принято называть кочевников, которые в случае с крымскими караимами были тюрками.

² Автор выражает глубокую благодарность С. И. Шайтанову и А. В. Кефели, благодаря которым ему стало известно о рукописи.

за рамки традиционного уклада жизни караимов, вызвала резкое недовольство у консервативной части караимского общества или «аксакалов» («белобородых»), видевших в ней отступление от веры предков и потому считавших караимскую молодёжь безбожниками. Так образовались две противоборствующие партии, столкновение которых всколыхнуло все караимское общество. В 1860-ом г. «карасакалы» стали распространять из Одессы рукописный журнал «Давул» («Барабан»), в котором в резкой форме, в шутках и эпиграммах, высмеивали отсталые взгляды консерваторов, избирая мишенью все их слабые стороны [Шапшал 1918: 9; Тирияки 2005: 6].

Скорее всего, именно в это время (1860–1870-е) и была написана пьеса. Если говорить о сюжете пьесы, то он крайне прост – на сцене не происходит никаких событий, мы только видим беседующих во время обеда людей и без конца со страхом говорящих о каких-то бумагах. При этом старики опасаются безбожников «карасакалов», особенно из Одессы. Из всего этого следует, что комедия «Бабачыгым» написана «карасакалом», а бумагами, занимающими умы действующих лиц, являются, скорее всего, рукописные экземпляры журнала «Давул» [Ельяшевич 2022: 101–107].

Все сохранившееся драматургическое наследие караимов представлено четырьмя авторами, причём трое из них написали всего по одной пьесе. Самую раннюю караимскую драму написал Иосиф Исаакович Эрак (1832–1896), выходец из Стамбула, приобретший известность благодаря своим переводам на турецкий язык избранных стихов русских поэтов Г.Р. Державина, В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова и отдельных басен И.А. Крылова [Турецкий перевод 1888]. Им также была написана небольшая пьеса под названием «Трагедия» (в переводе на русский язык опубликована под названием «Дина»), в основу сюжета которой была положена реальная история, произошедшая в караимской семье в середине 1870-ых гг. Современники И.И. Эрака давали более, чем скромную оценку данному сочинению, но всё же это была первая караимская пьеса. Впервые опубликована востоковедом-тюркологом В.В. Радловым в фольклорном сборнике «Меджума» в 1888 г., затем в переводе на русский язык в журнале «Караимская жизнь» в 1911 г. [Меджума 1888; Дина 1911].

Автором следующей по времени караимской пьесы является выходец из Екатеринослава (Днепр) Аарон Иосифович Леви (1873–1926). Язык пьесы – караимский этнолект крымскотатарского языка. Эта комедия под названием «Ахыр земан» («Последние дни») с сюжетом о сватовстве, которая пользовалась большим успехом у караимов и была издана отдель-

ной брошюрой в 1911 г. с подзаголовком «Театр мартувалы» [Леви 1911]. В 2004 г. фрагменты комедии с переводом на русский язык были опубликованы в методическом пособии по караимскому языку [Ялпачик 2004: 83–91]. По своим художественным качествам пьеса А.И. Леви стоит значительно выше трагедии «Дина» и считается одним из самых ярких образцов караимской драматургии. Теме караимской свадьбы посвящена неизданная пьеса караимки из Одессы Эстер Иосифовны Оксюз под названием «Караим тою ве нишаны» («Караимская свадьба и помолвка») на смешанном русско-крымскотатарском языке (то есть караимском этнолекте крымскотатарского языка) [Историчне краєзнавство 1996].

И, наконец, самый известный караимский драматург – это Илья Аронович Катък (1883–1942). Автор уже не одной, а нескольких пьес: «Кто прав?» (на русском языке) (1913), «Янъы яка, эски тон» («Старый воротник – новая шуба») (1917), «Яддес» (1919), «Маттанасыз» («Бесприданница») (1921), «Донме» («Ренегат») (1921), «Амма да киюв» («Вот так жених») (1923), «Ачлыкъ» («Голод») (1923), «Эски девир» («Старое время»), «Алышмаган башка къалпакъ ярашмаз» («К чужой голове своя шапка не подходит»), «Динсизнинъ хакындан имансыз келир» («Нашла коса на камень») (1924), «Поезд» (1927), «Санки-пролетар» («Лже-пролетарий») (1927).

Некоторые из этих пьес были написаны на русском языке и в 1924–1926 гг. переведены А.Я. Катыком на крымскотатарский язык, по его собственному выражению, на «разговорный караимский» язык. Из них изданы были только «Яддес» и «Кто прав?», пьесы «Янъы яка – эски тон» и «Маттанасыз» известны в рукописях, об остальных произведениях мы знаем только по их названиям. Таким образом, большая часть драматургического наследия бесследно исчезла [Катък 1927: 73–78]. Не сохранились также драматические произведения современников А.И. Катыка, среди которых пьесы «Карт коджага яг хатын-эв харабы» («Старый муж и молодая жена – семейная разруха») и «Домбель-ханэ» («Приют для ленивых») Ильи Самуиловича Чорефа и драма в трёх актах «Донме» Самуила Иосифовича Эмшакчи [Ельяшевич 1994: 73–74].

Караимскую пьесу по языковому признаку можно считать частью тюркской культуры, в то время как по содержанию это совершенно самобытное явление, т.к. в своих произведениях караимы раскрывают острые и актуальные проблемы своего общества.

В караимской пьесе можно выделить две основные темы: это свадьба и сватовство и конфликт поколений, а в более широком смысле конфликт старых и новых порядков, консервативных и прогрессивных мировоззрений. Если оставить в стороне

¹ В прямом значении – человек, перешедший из одного вероисповедания в другое.

пьесе «Бабачыгым», которая сюжетно выделяется из всех остальных, то начиная с пьесы «Дина» и заканчивая последней из сохранившихся пьес «Маттанасыз» («Бесприданница»), тема свадьбы и взаимоотношений между женихом и невестой неизменно присутствует в каждом произведении. Пьеса «Дина» написана на основе реальных событий. Она рассказывает о женихе, который с целью получения денежной компенсации ложно обвинил свою невесту в том, что она потеряла невинность ещё до брака. Однако, несмотря на все старания жениха и его приятелей, суд общины оправдал девушку. Этот случай рассматривается, как исключительный, глубоко потрясший караимское общество. Сам автор произведения пишет следующее: «И т.к. вся эта шумевшая история одного преступного замысла и торжествующей добродетели глубоко поучительна, она заслуживает быть увековеченной в памяти наших соплеменников, в назидание потомству и для устрашения нечестивых» [Дина 19].

Следующие по времени пьесы «Ахыр земан» (А. И. Леви) и «Караим тою ве нишаны» (Э. И. Оксюз) целиком посвящены теме сватовства и свадьбы. В первой рассказывается о сватовстве одного молодого человека одновременно к двум девушкам в поисках наибольшего приданого. Эта история расценивается автором как следствие падения нравов у молодёжи. Так же, как и в «Дине», автор произведения описывает случай, недопустимый при старых патриархальных порядках и, таким образом, протупает вторая основная тема караимской пьесы. Уже в самом начале пьесы появляется конфликт между старым и молодым поколением, первое олицетворяет старушка семидесяти лет по имени Серепе, второе – её внучки, молодые девушки Девлет и Садет, которые взяли русские имена Дашенька и Сашенька, и сам жених Шомолак. Что примечательно, Серепе видит в этой замене имён угрозу для всего караимского общества, для религии и бросает следующую, очень емкую реплику: «Ад дегишме билен башлап дин дегишме билен биттирилер» – «Начав с замены имён, закончат заменой веры». «В старые времена такого бесстыдства не было. В прежние времена женихи сразу в два места не ходили» – заявляет в конце пьесы Серета, имея в виду двойное сватовство Шомолака [Ялпачик 2004: 84]. Пьеса «Караим тою ве нишаны» является своего рода этнографической зарисовкой, подробно описывающей свадебный обряд караимов конца XIX в.

А. И. Катък заявляет о себе как драматург с пьесы «Кто прав?», в которой молодой человек по имени Шалом бросает вызов старым порядкам, вступает в

противоборство с консерваторами и ретроgrадами, не желавшими перемен в караимском обществе, и в итоге трагически погибает. Автор обращается к читателю с вопросом, предлагая ему самому решить, кто прав, молодой Шалом или остальное общество, нужны ли караимам перемены или нет [Катък 1913]. Исходя только из названия пьесы «Янъы яка, эски тон» можно догадаться, что в ней также говорится о противостоянии старых и новых идеалов. Молодой учитель приходит в школу с совершенно новой методикой обучения, основанной не на жестком подчинении воле учителя и насилии, а на доверии к нему. Например, он запросто беседует с учениками, позволяет им шутить, что было в то время немыслимым делом. В результате, под давлением старейшин общины молодой учитель был вынужден покинуть школу. Но и в этой пьесе интересно показан образ свахи (сучу), женщины хитрой, всегда готовой пойти на обман ради достижения своей цели.

Совершенно уникальное место занимает пьеса-картинка «Яддес», тематически выделяясь из всех остальных. По словам самого драматурга, пьеса была написана с целью пробудить в караимах интерес к их собственному народному творчеству, и в частности, к сокровищам меджума – рукописных фольклорных сборников [Катък 1919].

Пьеса «Маттанасыз» посвящена горькой судьбе бесприданниц, бедных девушек без приданого, и в целом незавидной участи женщины в семейной жизни. Здесь также присутствует тема сватовства, с которого и начинается пьеса. Ловкая сваха Султант-та уговаривает родителей отдать их семнадцатилетнюю дочь замуж за человека старше пятидесяти лет, но не требующего от невесты приданого. Бесприданница Анна становится практически рабыней в доме её мужа Давуда, что в конце концов приводит к трагедии.

Выводы. Итак, мы рассмотрели жанровые особенности караимской драматургии XIX – начала XX в. История караимской драматургии охватывает период с первой половины XIX в. и по 1920-е гг. За это время было написано около двадцати пьес из числа нам известных. Всё сохранившееся драматургическое наследие караимов принадлежит четырём авторам – это И. И. Эрак, А. И. Леви, Э. И. Оксюз и А. И. Катък. Среди тем и сюжетов, к которым обращались караимские авторы, выделили две основные темы, которые так или иначе присутствуют в каждом произведении. Караимская пьеса, написанная на крымскотатарском и русском языках, является уникальным культурным явлением, возникшем на стыке тюркских и европейских культур.

Литература

- Дина. Трагедия И. Эрака // Караимская жизнь. – 1911. Кн. 5–6. – С. 17–33.
- Ельяшевич Б.С. Караимы Крыма: Историко-этнографические очерки (1926–1929) // Материалы к серии «Народы и культуры». – Вып. XIV «Караимы». Кн. 2. – М., 1994. – С. 51–81.
- Ельяшевич В. А. Проблемы классификации разговорного языка крымских караимов и перспективы её решения // Научный вестник Крыма. – 2020. – №2 (25). – С. 1–27.
- Ельяшевич В.А. Неизвестная караимская пьеса «Бабачыгым» и её историко-культурное значение // Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры. – 2022. – № 12. – С. 101–107.
- Исакович Р.С. Два слова о караимах по поводу караимской комнаты г-жи Р.С. Исакович. – Одесса: Типография В. Кихнера, 1893. – 15 с.
- Историчне краєзнавство Одещини. Випуск 7. Караїми півдня України. Одеські караїми. – Одесса. 1996. – 18–24.
- Казас И. И. Общие заметки о караимах // Караимская жизнь, 1911. Кн. 3–4. – С. 38–71.
- Катык А.И. Краткий обзор моей литературной деятельности // Бизым йол (Наш путь). – Симферополь: Типография Крымизолятора, 1927. – С. 73–78.
- Катык А.И. Кто прав? – Феодосия: Типография Натковича и Виниковича, 1913. – 84 с.
- Катык А.И. Яддес. – Феодосия: Типография И. Ф. Райхельсона, 1919. – 35 с.
- Кизилов М.Б. Крымская Иудея. Очерки истории евреев, хазар, караимов и крымчаков в Крыму с античных времен и до наших дней. – Симферополь: Издательство «Доля», 2011. – 335 с.
- Леви А.О. Ахыр эман. – СПб.: Экономическая Типо-Литография, 1911. – 75 с.
- Меджума. – СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1888. – 424 с.
- Тирияки Д. Голос этого «Давула» не забудется... // Караимская газета. Специальный выпуск к Всемирному фестивалю культуры крымских караимов. 08–11.09. – 2005. – С. 6.
- Турецкий перевод избранных стихотворений русских поэтов / пер. И. Эрак. – СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1888. – 100 с.
- Шапира Дан. «Песнь о Мангупе» 1793 года: неизвестный источник по истории караимов Крыма // Вестник Еврейского университета: История. Культура. Цивилизация. – 2002. – №7(25). – С. 283–294.
- Шапшал С.М. Краткий очерк тюркско-караимской литературы // Известия Караимского духовного Правления. – 1918. – № 1. – С. 5–10.
- Ялпачик Г.С. 21 урок караимского языка. Учеб. пособие. – Симферополь: Издательство «Доля», 2004. – 128 с.

Х. Дурдыев

(Ашхабад, Туркменистан)

РОЛЬ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ В РАЗВИТИИ ТУРКМЕНСКОГО ЯЗЫКА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В первые десятилетия XX в. мы с благодарностью и глубоким уважением вспоминаем таких просветителей, как М.С. Агабеков, А.С. Алиев, И.А. Беляев, сделавших практические шаги в развитии туркменского языка, а также М. Гельдыева, Г.Х. Алпарова, К. Бориева, А.П. Поцелуевского, также активно работавших над этой проблемой. В статье дана оценка их многогранной работы по развитию туркменского языка.

Ключевые слова: развитие языка и письменности, роль просветителей, тюркские языки, туркменский язык.

В первые десятилетия XX в. было издано много работ, освещающих историю изучения туркменского языка. «Учебник туркменского наречия с приложением сборника пословиц и поговорок туркмен Закаспийской области» Мухамеда Садык бека Агабекова [Агабеков 1904], опубликованный в начале XX в., имеет огромное значение для туркменского языкознания. В его первой главе говорится о том, что туркмены, как и все тюркские народы, пользуются арабской письменностью, состоящей из 33 букв, дан перечень этих букв. Автор пишет о чтении и написании букв арабской письменности, об использовании четырёх букв \sim (э), ζ (ы, и), ε (о, ө, у, ү), λ (а) для передачи гласных, а также ещё о 33 буквах, используемых на письме, надстрочных и подстрочных знаках и запятой для передачи гласных на письме. Также в этой главе приводятся краткие сведения о некоторых звуках, не соответствующих звукам русского языка; о различении пола в тюркском наречии; об

отсутствии знаков препинания и заглавной буквы, ударении, падающем в основном на последний слог, неиспользовании правила переноса слогов. Во второй главе книги, подготовленной С. Агабековым, рассказывается о грамматическом строе туркменского языка. В ней даются обширные сведения об именах существительных, числительных, прилагательных, местоимениях, глаголах и его формах, наречии и послелогах. В пособии особое внимание уделяется склонению существительных, окончаниям шести падежей туркменского языка, правилам их прибавления к различным частям речи. Когда речь идёт об истории изучения туркменского языка, необходимо упомянуть работу Ивана Александровича Беляева «Грамматика туркменского языка» [Беляев 1915]. Она затрагивает многие вопросы, такие как место ударения в туркменском языке, особенности окончаний, образующих имена существительные и глаголы (не упомянутые в работе С. Агабекова).

И. А. Беляев пишет об использовании в туркменском языке 32 букв на основе арабской графики. Автор делит гласные на долгие, полудолгие, краткие, широкие и узкие и рассказывает о свойствах некоторых фонем туркменского алфавита, не имеющих сходства с фонемами русского языка. В работе И. А. Беляева приводятся также данные об именах существительных, числительных, прилагательных, местоимениях, глаголах и его разных формах, а их склонение и спряжение объясняются на конкретных примерах.

В работах С. Агабекова и И. А. Беляева приводятся интересные материалы об использовании в те годы алфавита на основе арабской графики. В них исследованы и части речи. При классификации слов учтены лексико-семантический, морфологический и синтаксический принципы. На этой основе разграничены используемые в туркменском языке части речи: имена существительные, числительные, прилагательные, местоимения, глагол, наречия и междометия, раскрываются их морфологические особенности. Например, в этих работах говорится о наличии в туркменском языке шести падежей, а у пяти из них имеются свои окончания. Большой интерес представляет склонение существительных по падежам и лицам, а также аффикс принадлежности, который определяет лицо и число. В качестве собственных признаков прилагательных указаны аффиксы, которые служат образованию прилагательных от других частей речи и самих прилагательных (типы прилагательных). Отдельно даны временные окончания глагола в качестве его морфологических особенностей и аффиксы личных глаголов, выражающих лица. В книге А. Алиева «Туркменская речь. Звуковой метод обучения в туркменской школе» [Алыев 1913] говорится о наличии 34 букв в используемом в то время алфавите. В ней приводится правописание всех видов этих букв и примеры. В работе отмечается, что для передачи гласных звуков используются надстрочные и подстрочные знаки, а согласные звуки передаются с помощью 31 буквы.

Первый алфавит, в определённой степени урегулированный на основе арабской графики, был опубликован в 1920 г. А. С. Алиевым под названием «Iň täze türkmen elifbasy we ilki okuw» («Самый новый туркменский алфавит и начальное обучение») [Алыуев 1920]. в нём отдельно указывается, что гласные звуки передаются использованием различных знаков к буквам *elip, biý, waw, iýüa*. Также сообщается, что для передачи гласных звуков используются три буквы-действия. В этом алфавите согласные передаются с помощью 29 букв. В книге А. С. Алиева, опубликованной в 1921 г. под одноимённым названием [Алыуев 1921], к вышеназванным буквам прибавились ещё 4 буквы: *к, г, ң* и двойная гласная *ю*, идущие в паре с мягкими гласными. В алфавите даны только два вида букв, т. е. их использование

самостоятельно и в начале слова или только в начале. После передачи знака каждого звука приведены примеры: предложения, загадки и поговорки. Данное издание отличается от того пособия, которое было опубликовано в 1913 г. Работа более совершенна, буквы в определённой степени упорядочены.

Фундаментальные разработки грамматического строя туркменского языка начались в связи с написанием учебников по грамматике в 20-ые гг. XX в. Велики заслуги М. Гельдыева в обеспечении туркменских школ учебниками и пособиями. В 1923–1930-е гг. он лично и в соавторстве подготовил для туркменских школ несколько учебников и пособий.

Учебная грамматика по обучению туркменских читателей языку и письму была написана М. Гельдыевым вместе с Г. Алпаровым. В их работе «Dil sapaklygy» («Уроки по языку») [Alparow, Geldiýew 1923] были классифицированы слово, корневое слово, предложение, твёрдое и мягкое слово, сложное и заимствованное слово, слова, обозначающие единственное и множественное число, мелкие слова, открытый и закрытый слоги, окончание, а также дано определение каждому из них. В учебнике части речи разделены на имена, прилагательные и глаголы. В пособии «Dil sapaklygy» («Уроки по языку») дано понятие о синтаксисе, размещены краткие сведения о подлежащем и сказуемом в предложении.

Пособие «Dil sapaklygy» («Уроки по языку») [Geldiýew, Alparow 1926], подготовленное М. Гельдыевым и Г. Алпаровым в дальнейшем, в основном схоже с изданием, вышедшим в 1923 г. В новом пособии мысли о строении предложения более совершенны. В нём приводятся краткие сведения о морфологии и синтаксисе туркменского языка, подкреплённые простыми примерами.

«Грамматика туркменского языка» [Geldiýew, Alparow 1929], опубликованная М. Гельдыевым и Г. Алпаровым в 1929 г., является фундаментальной работой в полном смысле этого слова, и она предназначена для читателей и учащихся средних школ. Грамматика делится на три части, в ней даются сведения о фонетике, морфологии и синтаксисе туркменского языка, в конце работы дан краткий туркменско-русский словарь, использованных в работе грамматических терминов.

Здесь необходимо уточнить причины передачи сведений о фонетике, не являющейся объектом грамматики. На наш взгляд, авторы сочли необходимым дать в работе сведения о фонетике в то время, когда только открылись начальные и средние школы, и не хватало учителей.

В этой грамматике, как и в вышеназванных работах, даётся объяснение звукам и буквам. В ней упоминается, что в туркменском языке приняты 33 звука и для их обозначения 33 буквы. В работе отмечается, что эти звуки между собой делятся по качеству, произношению и месту, на гласные

и согласные, твёрдые и мягкие гласные, огубленные и неогубленные гласные, долгие и краткие гласные, твёрдые и мягкие согласные, на заднеязычные, среднеязычные и зубно-язычные и закрепляются примерами. Впервые правильно устанавливается наличие в туркменском языке 6 слоговых форм: —, |—, —|, |—|—, |—| (« — » обозначает гласные, « | » обозначает согласные).

В разделах грамматики указываются:

а) звуковой состав туркменского языка, обозначение звуков на письме; б) слоговые формы и их типы; в) части речи, их изменяемость, правила сингармонизма туркменского языка; г) словообразовательные, словоизменительные и формообразующие аффиксы и грамматические категории, свойственные каждой из частей речи; д) способы словообразования; е) синтаксические особенности, свойственные словосочетаниям и предложениям, которые приводятся в определённом порядке.

«Алфавит», подготовленный лично М. Гельдыевым для детей разного возраста и людей разных профессий, в те годы периодически переиздавался и пополнял запасы школьных учебников [Geldiýew 1928–1930].

Достойны упоминания больших заслуг языковед Гибата Хабибуллоевича Алпарова в подготовке учебников и учебных пособий, связанных с туркменским языком. Исторические сведения показывают, что в соавторстве с М. Гельдыевым, им наряду с грамматикой туркменского языка были опубликованы учебники для обучения взрослых чтению и письму [Geldiýew, Alparow 1924–1926].

Когда речь идёт о туркменском языкознании в первые годы XX в., то следует отметить заслуги К. Бориева по развитию туркменского языка. Он усовершенствовал используемый в то время алфавит, показал пример перехода на латиницу и её внедрения. К. Бориев в соавторстве с М. Гельдыевым подготовил к печати учебники и учебные пособия на основе латиницы и разработал правила правописания [Geldiýew, Böriýew 1927–1928]. Велика заслуга К. Бориева и в создании (совместно с А. Алиевым) «Русско-туркменского словаря» для изучающих русский и туркменский языки [Alyúiw, Böriýif 1929].

Об истории изучения туркменского языка достойны упоминания заслуг А. Поцелуевского. Его «Руководство для изучения туркменского языка» [Поцелуевский 1929] было связано с необходимостью облегчения самостоятельного изучения туркменского языка иностранцами, работающих в государственных и общественных организациях Туркменистана, не имеющих возможности посещать

курсы, желающих пополнить свои знания по туркменскому языку. Руководство состоит из 51 урока и специальных упражнений к ним, в конце приведён туркменско-русский словарь в алфавитном порядке. Сначала в работе даются слова, словосочетания и предложения, затем показаны буквы, их обозначающие, написание, места образования звуков, их сходство с буквами русского языка, перевод на русский язык слов и их значения. Приведены краткие сведения о склонении слов, именных и личных местоимениях, видах и формах глагола, причастии и наречии, повелительной форме глагола, существительных, образованных от глаголов, количественных и порядковых числительных, личных окончаний и приставках и порядке слов в предложении. Правописание текстов в пособии выполнено на основе ранее принятых требований к учебным пособиям для средних школ [Geldiýew, Böriýew 1928].

Таким образом, в 20-ые гг. XX в. началась фундаментальная разработка грамматики туркменского языка, и на её основе начата публикация учебников по грамматике. В этих учебниках определены объекты морфологии и синтаксиса, приведены в определённый порядок сведения, относящиеся к ним, выявлены грамматические особенности, характерные для туркменского языка. А это привело в дальнейшем к развитию и совершенствованию национального языка, который занял достойное место в туркменском языкознании в настоящее время. Следует отметить большие заслуги комиссии, созданной под названием «Туркменская комиссия по просвещению» для решения прикладных задач нашего литературного языка в первые десятилетия XX в. Данная комиссия в своё время активно участвовала в обеспечении туркменских школ учебниками и учебными пособиями [Geldiýew 1924: 110–111]. Она, будучи в составе «Туркменского совета по просвещению», с 1925 по 1928 г. успела выполнить работы по совершенствованию туркменского алфавита на основе арабской графики и подготовке правил правописания на той же основе. Был усовершенствован алфавит на основе арабской графики, используемый ранее, и были опубликованы десятки учебников и учебных пособий для туркменских школ.

Как видим, история письма на туркменском языке прошла интересный и сложный путь. Об этом свидетельствуют исторические сведения того времени. Прослеживание развития каждого периода на основе достоверных фактов даёт основание осветить путь, пройденный туркменской наукой, в том числе и туркменским языкознанием.

Литература

- Aliyew A., Böriyew K. Oryşça-türkmençe sözlük. Birinji ýola basylyşy. – Aşgabat, 1929.
- Alparow G., Geldiyew M. Dil sapaklygy. – Daşkent, 1923.
- Alyyew A. S. Iň täze türkmen elifbasy we ilki okuw. – Daşkent, 1920.
- Alyyew A. S. Iň täze türkmen elifbasy we ilki okuw. – Daşkent, 1921.
- Geldiyew M., Alparow G. Dil sapaklygy. – Aşgabat (P), 1926.
- Geldiyew M., Alparow G. Elipbiý.– Daşkent, 1924 // Aşgabat (Poltarask), 1925; 1926.
- Geldiyew M., Alparow G. Türkmen diliniň grammatikasy (Sarf-Nahuw). – Aşgabat, 1929.
- Geldiyew M., Alparow G. Ululara okuw-ýazuw öwretmek üçin sapaklyk. – Daşkent, 1924 // Aşgabat (Poltarask), 1925; 1926.
- Geldiyew M., Böriyew K. Latyn harpy esasynda düzülen türkmen elipbiýi. – Aşgabat, 1927; 1928.
- Geldiyew M., Böriyew K. Täze elipbiýiň ýazuw düzgünleri. 1-nji ýola basylyşy (imla kadalary), – Aşgabat, 1928.
- Geldiyew M. Elipbiý (balalar üçin). – Aşgabat, 1930.
- Geldiyew M. Elipbiý (oglanlar üçin). – Aşgabat, 1928; 1929.
- Geldiyew M. Daýhan elipbiýi. – Aşgabat, 1928; 1929; 1930.
- Geldiyew M. Gyzyl goşun elipbiýi. – Aşgabat, 1928.
- Geldiyew M. Türkmen bilim komissiyasynyň düzülişi hem onuň eden işleri. „Türkmen ili“ žurnaly, № 6-7-8, 1924.
- Агабеков С. Учебник тюркменского наречия с приложением сборника пословиц и поговорок тюркмен Закаспийской области. – Асхабад, 1904.
- Алыев А. С. Туркменская речь. Звуковой метод обучения в туркменской школе. – Баку, 1913.
- Беляев И. А. Грамматика туркменского языка. – Асхабад, 1915.
- Поцелуевский А. П. Руководство для изучения туркменского языка. – Ашхабад, 1929.

Н. С. Кодирова
(*Бухара, Узбекистан*)

ПОЭТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАБОТ ЛИТЕРАТУРОВЕДА И. ХАККУЛОВА

Данная статья посвящена одному из малоизученных вопросов узбекской литературы – изучению литературного стиля. Исследование основано на ряде произведений литературоведа Ибрагима Хаккулова. На основе анализа выдвигаются взгляды на поэтику литературного стиля. Выделяются стиль Ибрагима Хаккулова и его мастерство. Особое внимание уделено ряду элементов, составляющих поэтику произведения.

Ключевые слова: Ибрагим Хаккулов, стиль, поэтика, авторский язык, мастерство, жанр, эссе, научно-критическая статья, искусство, афоризм, талант.

POETIC FEATURES OF LITERARY CRITIC I. HAQQUL'S WORKS

Composition is one of the important elements that define style. It has a direct impact on both the form and content of the work, the solidity of the composition determines the creative skill. Just as Ibrahim Haqqul's work is diverse in genre, the composition of his scientific and literary works is also diverse and unique. For example, if we look at his works written in the genre of essays, this principle is obvious. "One of the leading qualities of an essay is to find content based on the principle of free thinking, independent plot direction, construction and internal constructions with a protagonist" [Nazarov 2012: 375]. The scholar's essay "Ahmad Kalla" consists of nine parts, almost every part of which is enriched with introductory events. Although they are not directly related to the life and work of Ahmad Donish, they are focused on a specific ideological goal. For example, the seventh part of the essay includes an introductory story about the Azerbaijani poet Mullo Panoh Vagif in order to shed more light on Ahmad Donish's dark and brutal environment, the mood and experiences around him serves to express the people's trust and respect for him.

The landscape is skillfully used in the essay. The author uses the method of contrasting the natural landscape with the situation and mood that occurred in the essay. "Life is boiling in the villages and remote villages of ancient Bukhara, which began to breathe freely in the embrace of spring. The winter numbness, the stillness, left the hearts. It is as if the world does not recognize one excitement – the joy of spring and the joy of life. In the gardens full of birds, people are busy with spring work" [Haqqul 2007: 223]. While this landscape expresses the existence of life, the subsequent events are associated with the death of Ahmad Donish. On the other hand, the reason why I. Haqqul, a scholar of mysticism and Islamic teachings, described the landscape in such an uplifting spirit is that the journey of a great spiritual person who understands himself in this eternal world and is not a slave to his desires in any situation is the beginning of life.

The compositional originality of critique's articles can also be seen in his works of other genres. The following aspects are observed in the article "The Art of

Understanding and Feeling”: a) The introductory part of the article is given a wide space and the scientist starts the speech from a distance. Firstly, the present state of our poetry speaks of the work of poets; b) In the main part, the scholar uses the method of parallel analysis, that is, first about the poems of Safo Achil, then about the poems that were negatively evaluated by him, then the analysis of the poems of the creators praised by S. Achil and again the analysis of negatively evaluated poems by him. The purpose of starting the critical analysis with S. Achil’s poems is to acquaint the reader with the level of the critic, and through parallel analyzes to encourage the reader to compare and choose a good poem; c) The conclusion is short, with a tone of urging, and firm demand.

The portrait-memoir article “Abdukodir Hayitmetov’s position in Uzbek literature” begins with a unique knot: “In almost all periods of ancient history, especially during the Soviet era, to belong to a group or gang in order to achieve a high position, a higher position or a great title, a high award through science and creativity, of course, flattery, hypocrisy, and skillful adherence to the unwritten rules of hymn-singing” [Haqqul 2018: 214]. Such a situation, which the scientist considers to be a disaster and humiliation, directly refreshes the reader, makes him curious about what is going on, and encourages him to know more quickly how this sentence is related to the life and work of the scientist. He also points out that during the period of Abdukodir Hayitmetov’s work, literature was under the influence of various political influences. It is no coincidence that in the introductory part of the article it is noted that A. Hayitmetov has become a symbol of hard-working science, ingenuity and devotion. Apparently, the use of different elements in the composition in a specific way is clearly ideological and didactic. This is a characteristic feature of I. Haqqul’s skill and style.

Language is the main tool of fiction, as well as the leading tool of literary criticism. After all, the author’s attitude to the literary text or the creator of the text, the range of ideas about it, the conclusion emerges through his language. And it is through language that we understand the inner world and worldview of the literary critic, his attitude to the literary text and its author. Through language, the scientist introduces the reader to the meanings of the text, explains the keys to understanding the author, and reveals his spirituality, scientific and artistic potential as a creator of the text.

“For the critic, the language and style of the article is a powerful tool in the analysis of works of art, the process of development of literature in general, which affects the reader and the writer” [Bursov 1956: 273]. From this point of view, it is important to study the linguistic features of the scientific heritage of the literary scholar Ibrahim Haqqul, who played an important role in the development of Uzbek literature, as this is one of the important aspects of the critic’s style. Due to the breadth

of the scientific and artistic thinking of the scientist, the language of his articles also differs from each other. This difference differs in terms of the article genre, the reader’s worldview and age, and the author’s attitude toward the creator being analyzed in the article.

Taking into account the level and worldview of the readers in the articles is one of the remarkable qualities of the scientist’s work. His works for schoolchildren are notable for their simplicity of language, curiosity, freedom from excessive scientific and lengthy statements, and fluency.

One of the interesting aspects of the book “Next to the Chained Lion”, as mentioned above, is the wide range of interesting stories. For example, “It is narrated that in ancient times, a wise man had a beautiful daughter. Two angels fell in love with this charm ...” [Haqqul 1989: 20] (“Attention to the tongue – attention to the wind”).

In one of Alisher Navoi’s poems, he says: “It is strange if the soul dies in a hundred ways. “This is a puzzling idea. How can the soul be dust?” [Haqqul 1989: 68] (“Be dust ...”).

In Saadi’s Gulistan, a sage was asked: “Is generosity good or courage?” When asked, he said, “What is the use of courage when you are generous?” that means ...” [Haqqul 1989: 68].

An easy explanation of the nature of the issue to young readers will be more effective if it is compared and implemented with its opposite. Realizing this, I. Haqqul effectively used the antithesis in his book “Next to the Chained Lion...” to explain his thoughts and interpret the verses: “The most important and the best word is the truth. The worst is a lie” [Haqqul 1989: 23]. In this way, the scientist encourages students to gain a deeper understanding of the essence of Alisher Navoi’s works and to observe life.

Some of Ibrahim Haqqul’s articles, especially the language of his essays, are very close to the work of art. While this is a distinctive feature of the essay genre on the one hand, it reflects the charm of scholarly style on the other. The analogies, semantic shifts (metaphor, synecdoche, satire) used by the scientist, increase the charm of the work and make it read with interest. In his articles, the scientist uses the word “literature” sometimes in its own sense, sometimes in a figurative sense. In most cases, it is revived: “Betrayal of literature is felt first of all by literature – those who sell it are not sold by literature, they sell themselves, they put themselves in a miserable situation” [Haqqul 2018: 56]. In this sentence, “Literature” is embodied in our minds as a figure that has experienced many betrayals and sufferings, but with great power. And through this sentence, thoughts about the history, present, and future of literature envelop the reader’s heart. Or, “The light of literature flows from the heart to the heart” [Haqqul 2018: 107] in the sentence “People who are tired of living without rights and are accustomed to indifference to everything” [Haqqul 2018: 107] can be called a masterful invention. Through this

metaphorical connection, a picture of a happy state of affairs in the human heart is drawn. It is also emphasized that the savior feature of literature is that it encourages the reader to observe, to read. At the same time, it shows that the scientific and artistic thinking of the scientist is high.

The synthesis of scientific and artistic thinking in the work of I. Haqqul, while in some articles pure scientific language is used, in others the charm of artistic language can be seen. For example, if we look at the problematic article "On Oybek's poetry and personality" dedicated to the analysis of Oybek's lyrics, we see the uniqueness of the language of the article, the scientist skillfully uses various metaphors: "It is not the same as the light and flame that illuminate the universe, although it radiates from the sun" [Haqqul 2007: 275]. This analogy belongs to Oybek's heart, through which the critic emphasizes the infinite ocean of the poet's heart, which, no matter how much he describes it, cannot be fully expressed in its entirety. In addition, the descriptions given to Oybek, such as "undiscovered mystery", "word magician", "mystery poet", clearly show the critic's boundless love and devotion to the poet, as well as his knowledge of Oybek's work.

The use of the word "person" in Ibrahim Haqqul's articles is noteworthy. In the explanatory dictionary of the Uzbek language, this word means 1- Person, figure, human, and represents a separate person in the society; It is said to come in the sense of the 2nd personality.

The scholar sometimes writes this word in lowercase letters in the middle of a sentence according to the spelling rule, and in some places, contrary to the rule, he writes the first letter in uppercase and sometimes all the letters in uppercase. In the first case, the word expresses its lexical meaning, but in the second and third cases, it corresponds to the meaning of the word "personality" and also has a number of methodological meanings. To Chekhov, "I consider this unique person to be an invaluable asset of the Russian people and literature" [Haqqul 2019: 119] refers to the uniqueness of his place in Russian and world literature.

"In my opinion, a 'nationalist' is not someone who puts his nation above other nations, but a proud person who does not consider him inferior to any other great nation, who does not tolerate discrimination against language, history and culture" [Haqqul 2019: 50]. There are also semantics of non-existence, striving for freedom, devotion, and courage. "People who want to increase their confidence in their national potential and the power of thinking must first think about the education that will bring them up" [Haqqul 2019: 129].

This passage from an essay on Ibrahim Muminov emphasizes that the word "person" is used to describe the stages of maturity, which are associated with feelings of patriotism. "Now, in creation, too, it is necessary to start the work of completely independent, strong individuals who are committed to art with all their being" [Haqqul

2019: 219] – and in this example, the word means a call to self-realization. Apparently, the scholar was able to express different meanings in a single word, reinforcing the emphasis on the idea he was trying to convey through that very word. It shows his deep sense of the meaning of the word and his skill in applying it.

Ibrahim Haqqul's literary-critical comments are characterized by conciseness and sharpness, and his language is aphoristic in this area. Aphorisms are mainly used to substantiate an idea, to concisely express the essence, to increase the appeal of a text, to emphasize the importance of the problem being critically debated in all times and places. For this reason, the scope of aphorisms is also wide: in the interpretation of the same phenomenon, the ideas of genius creators of both Eastern and Western literature are used. Take, for example, the scholar's article on the work of Shakespeare, *The Love of the Great Heart*. The article begins with the idea of a western poet, "Learn to think with the mind and feel with the mind" [Haqqul 2018: 56]. While the scholar says that Shakespeare's work was created in exactly the same way through this idea, he emphasizes to the reader the balance of mind and heart. The article skillfully uses the hadiths of the Russian writer N.V. Gogol, the German poet Goethe, the Danish philosopher Seryon Kerkegor, the French poet Bualo, the Arab poet Ibn Arabi and the Prophet Muhammad. Through the aphorisms presented in the article, we can also understand the boundless breadth of Shakespeare's work and its significance today. It can also be seen that the scientist is a mature scholar of both western and eastern literature, with a wide range of scientific thinking.

There is another aspect of critical essays that also quickly grabs the reader's attention. This is his skillful use of interrogative pronouns. The critic uses simple interrogative sentences mainly to engage the reader, to focus attention, and to encourage him to think. For example, in the article "The Sorrows of the Country" dedicated to Cholpon, who invented the word "Ruffian (bosmachi)" "What kind of person is called a printer?" [Haqqul 2019: 50]. It is obvious that the problem of finding scientific, clear answers to these questions is that the purpose of asking these questions is to encourage the reader to think, as well as to introduce the reader to the psyche of the period in which Cholpon lived. As a result of searching for answers to questions, thinking, the reader will have a broader understanding of the points the author is trying to make. Sometimes a scientist makes appropriate use of interrogative pronouns even when there is a need for a more in-depth introduction to the subject under study.

In particular, in the analysis of Babur's verses on the enmity of the lust, the question is asked: "Is it really so? Should we always consider the lust as an enemy and constantly blame it?" [Haqqul 2016: 35]. The purpose of asking a question here is to provide the reader with a broader, more scientific answer. Throughout the article,

both questions have found their deepest solution. Such questions are mainly used in research articles by a scientist and also serve as a key to finding a solution to a particular problem.

In addition, rhetorical interrogative pronouns are used in many places in the work of the scientist. Analyzing Alisher Navoi's poem "I want to go to the sea of trade ... (Kirma savdo bahriga olamdin istab sudkim)", the scientist draws attention to the river of trade and asks the question: "Who did not swim in it, who did not drown?" [Haqqul 2016: 140]. This question does not require an answer from either the author or the reader. But it will no doubt appeal to the reader. This rhetorical question also contains a warning and a call not to lose the meaning of life by indulging in a false world.

In short, Ibrahim Haqqul's works and articles of various genres directly contributed to the enrichment of the content of the work with the strength of the compositional structure. The color of the language of the scholar's articles differs from other artists by such features as the skillful use of artistic means in the specific expression of scientific and literary thinking, and also serves to define the individuality of the creative style. It is safe to say that the choice of titles that can harmonize the content and form of each article, as well as its attitude to the word – the pursuit of conciseness, the use of the word in its place with a deep sense of meaning, has ensured a worthy place in our literature.

References

- B. Bursov, The Mastery of Chernyshevsky Critic, Leningrad. "Soviet writer", 1956.
- Jenefer M. Robinson. Style and Personality in the Literary Work. The Philosophical Review, Vol. 94, No. 2 (Apr., 1985).
- Love for the essence. Bakhtiyor Nazarov. In the book: Love for the essence. – Tashkent: Tafakkur, 2019.
- Nazarov B., Rasulov A., Akhmedova Sh., Kahramanov K. History of Uzbek literary criticism. – Tashkent, 2012
- Nelson Goodman. The Status of Style. Critical Inquiry. Vol. 1, No. 4 (Jun., 1975).
- Haqqul I. Fate and thinking. Tashkent. – 2007.
- Haqqul I. Life, literature and eternity. – Tashkent. "Tafakkur", 2019.
- Haqqul I. Return to Navoi -3. – Toshkent. Tafakkur, 2016.
- Haqqul I. Talent is an ore of courage. – Tashkent. "Muharrir", 2018.
- Haqqul I. Chained under a lion. – Tashkent. "Yulduzcha", 1989.

*Кочоглу Гюндогду В. (Vildan Koçoğlu Gündoğdu)
(Измир, Турция)*

ИНФОРМАЦИЯ О ТУВИНЦАХ В РОМАНЕ МОНГУША КЕНИН-ЛОПСАНА «ИСЧЕЗНУВШАЯ ДЕВУШКА» В КОНТЕКСТЕ СОХРАНЕНИЯ ИХ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

Монгуш Кенин-Лопсан, являясь важной личностью для тувинцев, делясь со своим народом всем опытом, накопленным им за почти столетнее изучение тувинского языка, культуры и истории, занимает важное место в передаче тувинской культуры будущим поколениям, сохраняя их язык и защищая их историю, привлекает внимание своей разносторонней личностью. В своих работах он создал богатства, которые дополняют материал для многих областей науки – от истории до фольклора, от этнографии до лингвистики, от педагогики до социологии и психологии. Несмотря на то, что роман автора *Читкен Уруг* «Исчезнувшая девушка» был отнесен к художественной литературе, в этой статье будут подчеркнуты некоторые элементы, связанные с языком, культурой, верованием и мифологией тувинцев, которые имеют большое значение в контексте сохранения языков и культур сообщества. Таким образом, нам предоставляется возможность ненадолго задуматься о богатстве работ Монгуша Кенина-Лопсана и ценностях, оставленных будущим поколениям.

Ключевые слова: Монгуш Кенин-Лопсан, «Исчезнувшая девушка», тувинцы.

INFORMATION ABOUT THE TUVANS IN MONGUSH KENIN-LOPSAN'S NOVEL "CHITKEN URUG" IN THE CONTEXT OF PRESERVING THEIR LANGUAGE AND CULTURE

Mongush Kenin-Lopsan, who is an important personality for the Tuvans, who shares all the experiences he has accumulated for almost a century in the Tuvan language, culture and history with his people, has an important place in transferring the Tuvan culture to future generations, preserving their language and protecting their history, has drawn attention with its versatile personality. In his works, he has provided riches that will constitute material for many fields of science – from history to folklore, from ethnography to linguistics, from pedagogy to sociology and psychology. Although the author's novel *Çitken Urug* "The Lost Girl" was included into the fiction, this paper will emphasize some of the elements related to the languages, cultures, beliefs and mythology of the Tuvans, which are very meaningful in the context of preserving the languages and cultures of the community. Thus, it will be possible to think about the richness of Mongush Kenin-Lopsan's works and the values left to future generations, albeit briefly.

Keywords: Mongush Kenin-Lopsan, The Lost Girl, Tuvans.

MONGUŞ KENİN-LOPSAN'IN ÇİTKEN URUG ADLI ROMANINDA TUVALARA DAİR BİLGİLER (DİLLERİNİ VE KÜLTÜRLERİNİ KORUMA BAĞLAMINDA)

Tuvaların önemli bir şahsiyeti, Tuva dili ve kültürü, tarihi için neredeyse bir asırlık hayatı boyunca biriktirdiği bütün deneyimleri halkıyla paylaşan, Tuva kültürünü gelecek kuşaklara aktarmada, dillerini korumada ve tarihlerine sahip çıkmada önemli bir yere sahip Monguş Kenin-Lopsan çok yönlü kişiliği ile dikkat çekmiştir. Eserlerinde tarihten, folklorla, etnografyadan dilbilime, pedagojiden sosyolojiye psikolojiye kadar pek çok bilim alanına malzeme oluşturacak zenginlikler sunmuştur. Bu bildiride, yazarın Çitken Urug 'Kayıp Kız' adlı romanında kurgu içine sindirilen; ancak bir topluluğun dillerini ve kültürlerini koruma bağlamında çokça anlamlı olan Tuvaların dillerine, kültürlerine, inançlarına, mitolojiye dair unsurların bazıları üzerinde durulacaktır. Böylece kısa da olsa Monguş Kenin Lopsan'ın eserlerindeki zenginlik ve gelecek kuşaklara bırakılan değerler üzerinde düşünme olanağı yaratılacaktır.

Anahtar Sözcükler: Monguş Kenin-Lopsan, Çitken Urug, Tuvalar.

Giriş

Kiji boluru çajından, a't boluru kulunundan

Monguş Borahoviç Kenin-Lopsan (1925–2022), çok yakın zamanda aramızdan ayrılan, Tuva Türklerinin olduğu kadar, tüm Sibiryalı halkları için önemli bir şahsiyet idi. Masalcı bir anne ve babanın çocuğu olarak sözlü geleneğin içinde yetişmiş olması, ayrıca aile büyüklerinden kamların olması, çok yönlü ilgi ve merakı onun eserlerinin de bu kadar donanımlı olmasını bir nebze açıklamaktadır. Bir nebze dememizin nedeni, aileden gelen bu önemli unsurların üzerine Kenin-Lopsan'ın kendi gelişimi, eğitimi, merakı ve

kabiliyetinin de eklenmesi gereğidir. Roman yazarı, şair, çevirmen, etnolog ve tarih doktoru olan Monguş Kenin-Lopsan "romanları ve şiirlerinin yanı sıra Tuva kültürü ile yaptığı çalışmalarla da tanınmaktadır" (Tosun 2020: 14; Tanova 2013: 55). Hem edebî hem akademik yönü bulunan Kenin-Lopsan aynı zamanda anneannesi gibi bir de kamdı. Amerika Şamanlar Derneği tarafından *Ham çüdülgenin dirig ertinezi* 'Şamanizmin yaşayan hazinesi' (Tanova 2013: 56) unvanı almıştı.

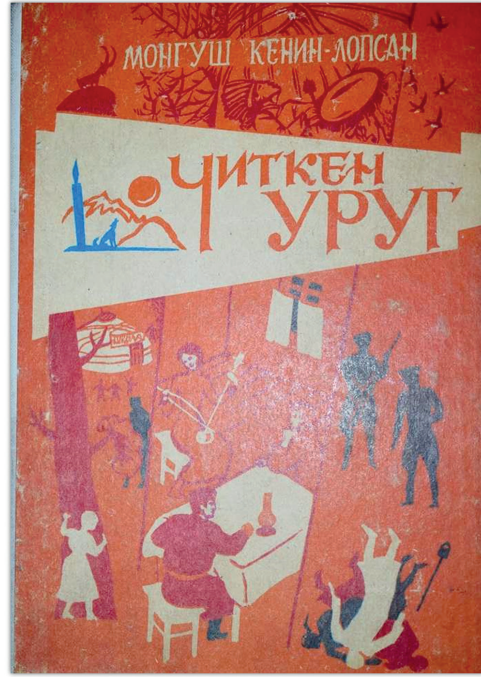

Hakkında çokça araştırma yapılmış, bilimsel ve popüler yazı yazılmış Kenin-Lopsan'ın hayatı, edebî kişiliği, eserleri vb. üzerinde, bildiri sınırları içinde kalmak amacıyla, burada durulmayacaktır. Ancak, Pek çok roman, hikâye, şiir, folklorik ve tarihi eserlerinin

içinden özellikle şu bilimsel çalışmaları belirtilmelidir. *Obyadovaya praktika i folklor tuvinskogo şamanstva* (1987), *Tiva hamnarniñ algıştarı* («Алгыши тувинских шаманов», 1992, 1995), *Tiva hamnarniñ huvuları* («Магия тувинских шаманов», 1993), *Tiva çonnuñ*

burungu ujurları («Традиционная этика тувинцев», 1994), *Tıva çañçıl* («Тувинские традиции», 1999), *Tuvinskie şamanı* (1999), *Oytulaaş* (2004), *Traditsionnaya kultura tuvintsev* (2006), *Dıhanie çernogo neba* (2008)¹. Bu eserler, aslında Kenin-Lopsan'ın romanlarının da ayrılmaz parçalarını oluşturacak unsurları, kamlık inancını, Tuva kültürünü, geleneklerini, alkışları ve Tuva insanı, yaşamını içermesi bakımından oldukça önemlidir. Gelecek nesillerin tarih, dil, kültür ilişkisi sağlıklı kurabilmesi ve eğitimin, terbiyenin bu unsurların temelinde sağlıklı ilerleyebilmesinde etnopedagoji işin içine girmektedir. Etnopedagoji “bir halkın var olduğu ilk andan itibaren deneme yanılma yoluyla geliştirdiği eğitim metotlarını halk bilimi aracılığı ile tespit ederek yeni neslin yetişmesinde kullanan bir bilim dalıdır.” (Tosun 2015: 2017). Kenin-Lopsan, etnopedagojik (ulusçu pedagogika) yaklaşımla yaklaşık bir asra yakın yaşamı boyunca Tuvaların kültürünü, dilini, tarihini, geleneklerini incelemiş ve sayısız eser bırakmıştır. Tosun bu konuda şöyle ifade eder:

“Monguş Kenin-Lopsan'ın hepsi birer etnopedagojik kaynak olan, kendi derlemeleri ve doksan yıllık ömründe biriktirdiği anılardan oluşturduğu halk bilimi çalışmaları, aslında bir ‘endişe’nin ürünüdür. Bu endişenin kaynağı ise Tuva’da son yüzyıl içerisinde yaşanan kırılmaların kültürel belleğe ve kolektif bilince zarar veren bir erozyona neden olması, Tuvalıları bir arada tutan dil, kültür ve inanç bağının yara almaya başlamasıdır.” (Tosun 2015: 2027)

Şaajı, Kenin-Lopsan'daki bu etnopedagojik varsayımların bireyin kendini tanıma, kendini geliştirme modeli olarak adlandırılabilceğini ve halk arasından toplanan materyallere ve gözlemlere dayanarak tecrübe edilmiş durumların hangi sonuçlara götürülebileceği, bir toplumun geçmişi olmadan geleceğinin de olamayacağı, geçmişi değerlendirmenin geleceğe daha güvenli bakılmasındaki rolünü vurgular (Şaajı 2015: 5).

* * *

Bu bildiriye, Kenin Lopsan'ın 2000 yılında yayımlanan *Çitken Urug* ‘Kayıp Kız’ adlı romanında geçen, Tuvaların dillerini ve kültürlerini korumaları bağlamında, onlarla ilgili derin bilgiler sunan bazı unsurlar üzerinde durulacaktır.

Çitken Urug adlı romanı, 416 sayfalık kocaman bir eser. Roman, ailesi baskıya uğramış genç bir kızın zorlu kaderini konu almaktadır. Kenin-Lopsan'ın eserlerinin çoğunda mitolojiden faydalandığını söylemek yanlış olmaz. Z. Samdan'ın değerlendirmesine göre Tuva edebiyatında, edebî ürünlerinde mitolojinin, mitlerin yer alıp almamasıyla ilgili farklı görüşler vardır. Bunlardan biri, mitlerin tamamının saklanmamış, yapılması gereken zamanda derlenmemiş, unutulmuş ya da gerçekten de öyle bir şeyin olmadığını savunanlar; diğeri de Tuva halkının halk ürünlerinde mitlere yer veren eserlerin olduğunu, bunların farklı bir tür olarak ele alınıp incelenmesini, bunların zengin mitolojik süjelerle dolu olduğunu ileri sürenler (Samdan 2004: 11).

Romanda kahraman anlatıcıdan olaylar anlatılır. 49 anlatı (tool)'dan oluşmuştur. Böylelikle Kenin-Lopsan'ın daha kitabı 49 bölümde tasarlayarak sunması bile mitolojik bir anlam ifade etmektedir. Mitolojide

formel unsurlar vardır: Sayılar, renkler, çeşitli yer ve zaman formelleri gibi.

“Sayılarla ilgili inanışların birçoğunun temelinde din faktörü vardır. İslami inanışla ve İslamiyet öncesi Orta Asya'daki sosyal hayatla, Şamanizm ile ilişkili olan bu inanışlar folklorun hemen hemen tüm alanlarında kendisini gösterir. Bu inanışlar gereği bazı sayılar kutsal sayılmıştır. Genellikle tek sayılara halk inancında hatta Tanrıbilimsel akıl yürütmelerde de önemli rol oynamıştır. Tanrı'nın tek sayılardan hoşlanması inancı değişik kültürlerde karşımıza çıkar.” (Solmaz 2017: 8).

Sayıların her birinin anlamları ve her biriyle ilgili bilgiler, uygulamalar vardır. Bu önemli sayılardan bir, üç, yedi, dokuz, kırk, kırk dokuz vb. Romanın pek çok yerinde bu formel ifadelerle rastlanır:

- Men üş harlımda dıñnaan çüvemni utpas kiji bolgan- dır men. (s. 3)
- Avam, açam, üş ugbaşkılar, dört alışkılar, şuptu tos kiji ozalaaş ögge çurttap turgan bis. (s. 4)
- Şaandagı tıvalar ool urug, kıs urug on üş har çetkije iyi attıg çoraan. (s.4)
- Üş honganda biçe ool duñmam çok apargan. (s. 14)

¹ <http://tuvacheleesh.ru/7816> adresinden alınmıştır.

• Ta üş hongan, ta çedi hongan, oozun bilbes men. (s. 30)

• Bir eves men dörten tos harlaan bolzumza, ıdıksıl dükter agarıp bolur turgan. (s. 361)

• Hamnıñ söğün ol çerге salgan soonda, dörten tos honganda, ergi çurtunga düñgürü edip kelgen dijir. (s. 87)

Mitolojide evren üç bölüm olarak tasarlanmıştır. Gök, yeryüzü (yer-su) ve yeraltı. Eserin birinci hikâyesi Kök-deer başlığıyla yer alır. Bu da yazarın yine eserini tasarlarırken mitolojiden çokça faydalandığının kanıtlarından biridir. Burada Kök-deer'i hem gökyüzüyle hem de Gök Tanrı inancıyla da ilişkilendirmeliyiz. Birinci tool'un sonunda kahramanın Kök Deer'e seslenerek sadece gördüklerini, kulağıyla duyduklarını ve başına gelenleri apaçık yazdığı ile ilgili bilgi verir.

Romanda, sistemli olarak aralara serpiştirilmiş atasözleri görülmektedir. Tuvaların geçmişten, atalarından pek çok tecrübelerden süzülerek günümüze ulaşan atasözlerinin ne derin bilgiler taşıdığını eserde görürüz.

• “Er eezi çok ög, çalgını çok kuşka dömey” dijir. (s. 16) ‘Erkeği olmayan yurt, kanadı olmayan kuşa benzer’.

• “Kuş ejinden çarılgaş, eş tıppas” dijir. (s. 215) ‘Eşinden ayrılan kuş, eş bulmaz’.

• “Bakka bak ulajır” dijir. (s. 14) ‘Kötülükten kötülük doğar’.

• “At ölüünüñ ornunga, bot ölgeni deere” (s. 25) ‘Adı çıkacağına canı çıksın.’

Eski inançta ateş kültüyle ilgili bir bilgilere de eserde rastlarız. Ateş, ocak kutsaldır, yüzyıllardır bunlarla ilgili çeşitli uygulamalar vardır ve özenle riayet edilir.

• Ot öjürüp bolbas. Kurgag ıyaştan kiirip kel, uruum!-didi. (s. 11) ‘Ateşi söndürmek olmaz’.

• Odunuñ eezi oylaan ögge aza bezin kirbes dijir. (s. 11) ‘Ateşin iyisinin kaçtığı eve şeytan bile girmez derler’.

• Bo üş tayga ojuktıñ üş budu ışkaş sagındırıp tur. (s. 404) ‘Bu üç tayga ocağın üç ayağını anımsatıyor’.

• “Ot öjürbe” dep, azıraan adam çağıp çoraan. “Otkı çajıñ çağıp çor” dep, azıraan iyem baza çağıp çoraan. Erteniñ-ne şay hayındırğaş, otkı çüdüp çoruur çañıldığ men. Am bolza ot burganın kırgan iyem çemgerip orarı ol-dur. Ot burganım-ot çayaaçım! (s. 114) ‘“Ateş söndürme” diye beni büyüten babam öğütlerdi. “Ateş sırrını ver” diye beni büyüten annem de öğütlerdi. Sabah erkenden çay kaynatıp ateşe dua etme geleneğini sürdürürüm. Şimdi de ateş tanrısını büyük annem doyuruyor’.

Bir başka unsur ad verme (ad tıpsır, adaar), başka bir ad ile adlandırma (oyzup adaar), soyadın korunması, kişinin soyunu sopunu (söök), atalarının 9 göbeğe kadar adlarını bilmesi hakkında romanda önemli bilgiler geçer. Örneğin aşağıdaki örnekte oyzup ada- ile ilgili bir bölüm verilmiştir. Burada eskiden Tuvaların 13 yaşına kadar iki adlarının olduğu, resmi adlarının kayıtlarda

geçtiği, diğer adının ise hitap da kullanıldığı hakkında açıklama yapar. Bunun bir sebebi olarak bebeğe kötü ruhların zarar vermemesi olarak açıklanır:

• Avamıñ adın adaarından korgar turdum. Duñmalarım oyzur attarın duñnaldır adaar turdum. Olarnıñ çoğum attarın adavas turdum. Şaandagı tıvalar ool urug, kıs urug on üş har çetkije iyi attıg çoraan. Yozulug adın dañzığa bijider. Oyuskan adın adap kıyırar. Çaş urugnuñ oyuskan adın adaarga, azalar budulup kaar dijir, inçangaş ooñ ku’du despes dijir. (s. 4) ‘Annemin adını seslenmekten korkardım. Kardeşlerim takma adlarını duyardım hep. Onların da aslında adlarını adlandırmazdım. Eskiden Tuvalar oğlan ve kız çocukları on üç yaşına gelene kadar iki adlı olurdu. Resmî adı kayıtlarda yazılıdır, takma adı ile çağırırlar. Küçük çocuğun takma adını kullandıklarında kötü ruhların akli karışır derler, o sebeple çocuğun ruhu uzaklaşmaz derler.’

Tuvalar arasında akrabalık, soy sopun ne anlama geldiği ve nasıl nesilden nesile aktarıldığıyla ilgili de önemli hususlar vardır (Bununla ilgili olarak bk. Küjüget vd. 2019).

Kiji-daa törel uktug. Kuş-daa törel uktug. Adam ızıguuru Hertek aymaktıñ burungu dazılı bolu bo çerге çurttaar siler. ...

• Men baza Hertek Agana boop özüp kelir, inçangaş adam-ögbem at-sıvın ol-la heveer edilep artar ujurlug men. İlañığıya ooldar adazınıñ törel adın ol-la heveer edilep çurttaar, toñ dora deerge tos ada ugu çedir ızıguur salgaan adın edileer. (s. 4)

Romanda Tuva kültürüne dair sıkça söz edilen (151 kere geçmektedir) eski geleneklerden biri “oytulaaş”tır. İlk olarak romanın 22. Tool’unda karşımıza çıkan eski kız erkek tanışma geleneğini kayıp kızı beslemek üzere alan annesi oynamıştır ve kızına o zamandan aklında kalanları, oytulaaş oynama sırasında söylenen koşukları (kojañ ırlar) anlatır. Tuvaların kültüründe çok önemli bir yeri olan bu oyunun bir süre yasaklandığını, bunun gelecek kuşaklara kültür aktarımında bir kesintiye uğrattığı tehlikesini ima eden satırlar geçmektedir.

• Oytulaaş deerge köjüp-düjüp çoraan kijilerniñ aji-tölinüñ inak oyunu. Am ol oyunnu horaan çüve dijik. Am deerge бүдүн suurnuñ aji-tölin oynaar-bajıñ haara tudar, baza çiktig. Ürgülçü-le bajıñ iştinge oynaar çüve bolza, at munarı, inek saarı, hoy kadararı uttundurgay. (s. 116)

Tuvaların yaşam tarzlarına, eskiden uyguladıkları bazı uygulamalar ve bunların halk arasındaki önemine ilişkin bilgiler yer alır.

• Men Ulug-Möñgün-Tayganıñ bajınga ünüp çordum. Ooñ bajında erives meñgi bar. Bistiñ çerniñ çonu meñgi do Junga çüdüür çon. Meñgi do Jun çalap alır çañıldığ çon bolgay aan. Meñgi do Jun bistiñ burungularıvıs em kıldır ajıglap çoraan eñer. Meñgi do Jun ergiskeş ijerge, kijiniñ baar aaru, büürek aaru, sıñıy aaru emnettine beer. Meñgi do Junuñ suun ijerge,

kijiniñ ulug-hırnı çazalır, şöyündüleri arıglanır. Meñgi dojunıñ suu kedergey huulgaazın bolgaş kedergey küştüg boldur iyin eñer. (s. 169)

• *Bo ır çüs-çüs çıldar turguzunda köşkün amıdıraldıç çoraan tıvalarınıñ onzagay amıdıralın körgüzüp turar töögüülüğ ır-dır. Iraaji Öşkü! Iraaji Mariam! Tıva çonnuñ bir burungu töögüzün şak bo ırdan bilip aldım.* (s. 263)

• *Köşkün çonnuñ amıdıralında öşkü mal bolza çudap ölbis bolgaş kandıg-daa kadır daglarga deşkilip çoruur mal dijir.* (s. 271)

• *Süt bolza tıva kijiniñ amıdıralında eñ-ne ıdıktıç em bolur.* (s. 328)

• *Tozan har çede bergen kırgan-ava iyezın ulug uyguzın uduur dep bargaş, hinin hömgen çerin adaar, ol çül deerge avazınıñ öñünüñ ornundan çarılbazın küzep çıdar, am-daa çırık hün adaanga çırttaksaarın Deñger burgandan dilep çıdar.* (s. 353)

Tuvaların eskiden önemle riayet ettikleri bir başka husus *urug azıraar* ‘evlat edinmek’ tir. Tuvalar çocuksuz yaşayamaz. Tuvaların kültüründe yer etmiş bu gelenek zamanla şehirleşmenin etkisiyle biraz da olsa etkisini kaybetse de aile bağlarını kuvvetlendiren, birbirlerine destek ve güç veren önemli bir gelenek olarak önemini korumaktadır. “Çitken Urug” romanında roman kahramanı önce babası ve sonra annesini kaybettiikten sonra bir aile tarafından evlatlık olarak alınır. Böylece yazar, kültürü koruma bağlamında genç nesillere önemli bir bilgiyi daha aktarmış olur. *Azıra-* ‘beslemek, büyütme; evlatlık almak’ sözünün bu bağlamda kullanılması büyük anlam taşır.

• *-Kız uruglug boor bis – dep Sürüñ kırgan harularga, sagjim çırış deen.* (s. 25) ‘Kız evlatlı olacağız, diye yaşlı Sürün cevapladığımda uygulandım.’

• *Bo çastıñ meñee hayıralaan çüvezi Öşkü dep at bolgan. Ol at bolza meni kontrlay bergeş, boolattırıp kaan adamınıñ ızıgur aymaandan hoorup alganı bolur. Bo buyannıç bodaldı azıraan adam-ıem bottarı tıp algannar. Hertek Sürüñ adamnu solaan buyannıç kiji. Hertek Hoyug avamnu solaan çımçak kiji. Olarınıñ öönge turup algaş, kara turazında çañnap turgan men.* (s. 26) ‘Bu baharın bana sunduğu şey Öşkü adı oldu. Bu ad ise beni, karşıt olmakla suçlanıp, vurularak öldürülen babamın soyundan koparmaya yönelikti. Bu iyi niyetli düşünceyi beni evlatlık alan annem babam bulmuşlardı. Hertek Sürüñ gibi iyi bir insan, Hertek Hoyug gibi nazik biri. Onların evinde büyüyüp, küçüklükten alıştırdım.’

Romanda Tuvaların eski ritüelleriyle ilgili de bazı bilgiler buluruz. Örneğin, eski gömme geleneğine göre ölen kişinin ceseti yüksek biri yerde bir beze sarılarak bırakılır ve kuşlar tarafından yok edilmesi sağlanırdı. Bu eski ritüele gönderme yapan bir örneği şu şekilde görürüz:

• *Dakpay akıy bürülgen duñmavıstı oynadıç çorutkan.*

• *Hööküynüñ bajın hün ajar çükçe köründür salgaş, kıdın dolgandır çig arbay çajıp kagdım-dep, Dakpay akıy avamga çugaaladı.* (s. 13)

‘Dakpay ağabey ölen kardeşimizi gömmek üzere çıktı.’

Zavallının başını doğuya bakacak şekilde bıraktım, üzerinin etrafına da arpa saçtım, diye Dakpay ağabey anneme anlattı.’

SONUÇ

Monguş Kenin-Lopsan’ın Çitken Urug adlı romanı, aslında bir bildiriye ya da makaleye sığamayacak kadar zengin bir materyal içermektedir. Her satırında Tuvaların hayatlarına, dillerine, kültür, tarih, folklor, inanç, mitoloji ve bunun gibi pek çok değeri içinde barındıran bir eser. Kurgu arasında vermiş olduğu bilgiler eseri sanki bir roman değil de, Tuvaların atasözlerinden kalıp sözlere, ad vermelerden tabulara ve örtmecelere, selamlaşmalardan vedalaşmalara kadar, doğumdan ölüme kadar, yaşanan tüm güzel günler kadar tüm

trajedileri de barındıran, yılın dört mevsiminde değişen güzellikleri ve zorlukları içeren bir ansiklopedi hâline dönüştürmektedir. Tuvaların eski yaşamlarından o güne değişen ve aynı kalan değerler, o günün tarihî, politik olayları hem etkileyici hem pedagojik bir yaklaşımla ele alınan satırlar eseri eşsiz yapmaktadır. Dillerini ve kültürlerini koruma bağlamında ise genç nesillere, gelecek kuşaklara bilinçle hareket etmenin sırlarını sunar gibidir.

Kaynaklar

Kenin-Lopsan M.B. Tuvaların Eski Gelenekleri (Aktaran: Ekrem Arıkoğlu). Türk Dünyası Dil ve Edebiyat Dergisi. – Bahar, 1998. – S.5, 288–308.

Kenin-Lopsan M.B. Tuvaların Eski Gelenekleri (Aktaran: Ekrem Arıkoğlu). Türk Dünyası Dil ve Edebiyat Dergisi. – Güz, 1999. – S. 8, 438–468.

Kenin-Lopsan M. Çitken Urug. – Kızıl: Tıvanın Nom Ündürer Çeri, 2000.

Kenin-Lopsan M. Oytulaaş – Inakşıldın Kojannarı. – Kızıl: Novosti Tuvı, 2004.

Kenin-Lopsan M. Tuvaların Gelenekleri. (İ. Tosun, Çev.). – Ankara: Bengü, 2019.

Küjüget Ş. Y., N. D. Suvandii Ş. V. Dambaa, Ç. K. Lamajaa. Kontsept törel ‘rodstvennik’ v yazıkovoy kartine mira tuvinstev [Elektronnyy resurs]. Novıye issledovaniya Tuvı (3), 2019. – S. 149–157. <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/871> adresinden alındı

Samdan Z. Çılbıga Aynı Kañçap Sırıpkanı? – Kızıl: Tıvanın Nom Ündürer Çeri, 2004.

Samdan Z. Tıva Çogaaldın Kokpaları-bile. – Kızıl: Respublika Tipografıyazı, 2005.

Solmaz E. Formel İfadeler ve Bazı Formellerin Alpanış Destanında Kullanımı Üzerine Bir Deneme. Türk Lehçeleri ve Edebiyatları Dergisi (TÜLED), 2017. – S. 1–14.

Tanova E.T. Tıvanın Çogaalçıları: Namdar-Töögüzü, Ajıl-Çorudulgazi. – Kızıl: OAO “Tıvapoligraf” – 2013.

Tosun İ. Etnopedagoji Açısından Monguş Kenin-Lopsan'ın Tıva Çançıl Adlı Eseri. Turkish Studies International Periodical For The Languages, Literature and History of Turkish or Turkic, 10(8), 2017-2038. – 2015.

Şaalı A.S. Etnopedagojiçeskie postulatı v nasledii M.B. Kenina-Lopsana. A.-Ç. K. G.D. Sunduy (Dü.), Rodovoe soobşcestvo kak garant zaşçiti detstva: istoriya, sovremennoe sostoyanie i perspektivi: Materialı respublikanskoy nauçno-praktičeskoj konferentsii, posvyaşçennoj 90-letiyu M.B. Kenin-Lopsana. 24 oktyabrya 2015 goda. içinde Kızıl. İnternet kaynağı:

<http://tuvacheleesh.ru/7816> adresinden alınmıştır.

Н. В. Майнагашева
(Абакан, Россия)

ШАМАНЫ/ШАМАНКИ В ГЕРОИЧЕСКОМ ЭПОСЕ ХАКАСОВ

Хакасский эпос упоминает о том, что шаманки обитают не только в Среднем мире, но приходят также из Нижнего мира. Они такие же прозорливые, обладающие колдовскими способностями, как и героини Среднего мира, обладающие тайными знаниями. В сказании, записанном от А. С. Бурнакова «Алтын Иргек на бело-буланом коне» («Ах ой аттыг Алтын Иргек») повествуется о могущественной шаманке, поднявшейся из Нижнего мира [Бурнаков 1986].

Шаманские элементы, действия, свойственные шаманам, проявляются в описаниях некоторых чудесных предметов, которыми пользуется тот или иной персонаж. Волшебное зеркало, с помощью которого можно наблюдать за действиями другого героя, например, героиня Пора Нинчи в сказании «Пучеглазая Пора Нинчи» («Тошпах харахтыг Пора Нинчи»), записанном от П. В. Курбижекова, пользуется таким зеркалом [Курбижеков 1961]. Персонажи обладают тайными знаниями, умением предсказывать, видеть будущее, способностью исцелять и др. – все это характерно для шаманов.

В героическом эпосе «Хан Харахчыл на вороном коне с пятном на лбу» («Хасха Хараттыг Хан Харахчыл»), записанном от сказителя М. К. Доброва в 1948 г., встречается образ прорицательницы – это дочь подземного хана Учен Арыг (Ўзүт ханның хызы Ўчең Арыг). Про неё говорится, что она была сильна в гадании: Ўчең Арыг улуг төлкечил хыс полтыр – «Учен Арыг сильной прорицательницей была, оказывается» [Добров 1948: 21]. Подробное

описание внешнего облика гадалки отсутствует: известно лишь то, что у неё было три косы («Ўс сүрместиг Ўчен Арыг») [Там же: 22]. В традиционных представлениях хакасов три косы означали признак старой девы. Таких дев называли *чурт айназы* – «дьявольское отродье».

В сказании «Хара торааттыг Хара Хан» («Хара Хан на тёмно-гнедом коне»), записанном от Е. П. Миягашева, к шаману обращаются с просьбой – отыскать ребёнка, наследника хана [Миягашев 1949]. О шамане известно, что он обладает девятью бубнами (*тогыс төөрліг Толгай хан*). В эпосе нет традиции давать подробное описание действий шаманов, производимых ими в ходе обрядов, текстов призываний, произносимых ими при камлании.

В сказании «Хара Хан на тёмно-гнедом коне» внимание слушателей акцентировано на количестве используемых шаманом бубнов. В реальности же такое количество бубнов не используется. Здесь сыграла роль излюбленная эпосом гипербола. По всей видимости, наличие девяти бубнов здесь означает, что шаману придётся долго камлать. Поскольку бубен используется шаманами помимо призывания духов ещё и как средство перемещения по всем заповедным местам трёх миров, то девять бубнов понадобились здесь для того, чтобы шаману найти ребёнка в безграничных просторах всех трёх миров.

Образы шаманов и шаманок не получили полного раскрытия: нет портретных описаний, подробностей в изложении их действий, атрибутов, одежды, т. е. образы выписаны схематично.

Литература

Тошпах харахтыг Пора Нинчи (запись сделана Тачеевой Т. Г. от сказителя Курбижекова П. В. в селе Устинкино Орджоникидзевского района в период с 24 по 31 июля 1961 г.); Ф. 1. Оп. 1. Д. 505. 413 л.

Ах ой аттыг Алтын Иргек = Алтын Иргек на бело-буланом коне / записано Н. А. Кичеевым от сказителя А. С. Бурнакова в 1986 г. // Рукописный фонд ХакНИИЯ-ЛИ. д. 564.

Хара торааттыг Хара Хан (запись сделана Толмашовым К. Г. от сказителя Миягашева Е. П. в 1949 г.); Ф. 1. Оп. 1. Д. 74. Л. 49-89.

Хасха хара аттыг Хан Харахчыл (запись сделана Добровой М. И. от сказителя Доброва М. К.); Ф. 1. Оп. 1. Д. 92. 95 л.

Ш. Ш. Ооржак, А.-Ч. Б. Даваа, С. Б. Саая
(Кызыл, Россия)

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НА ТУВИНСКИЙ ЯЗЫК БАСЕН И. А. КРЫЛОВА

В работе рассматриваются языковые особенности перевода на тувинский язык басен И. А. Крылова, выполненных известными тувинскими писателями Л. Чадамба и С. Сарыг-оолом и изданных в 1953 году.

В качестве фактического материала были использованы тексты переводов басен «Чаан болгаш Моська» (Слон и Моська), «Сонуургак» (Любопытный) (перевод Л. Чадамба), «Шиижек болгаш

Көк-Буга» (Чиж и голубь), «Ыт кажазында Бөрү» (Волк на псарне) (перевод С. Сарыг-оола).

Анализ материала позволил выявить следующие особенности перевода на тувинский язык басен И. А. Крылова:

1) передача значения русских слов через описание объекта, например, слово *казанак* 'избушка, лачуга' используется как основной компонент определительной конструкции при переводе слова *псарня*:

Лексемы на русском языке	Лексемы на тувинском языке	Примеры	
Псарня	<i>Ыттар турар казанак</i> (букв.: избушка, где содержатся собаки)	Волк ночью, думая залезть в овчарню, Попал на псарню . (ИК, В)	<i>Караңгыда Бөрү Кажсаада хой кедеп чорааш, Ыттар турар казанакче Ыгыйттышаан кире берген.</i> (ИК, Б, С. 16)
Псари	<i>Ажаап турар ээлери</i> (букв.: кормящие хозяйева)	Псари кричат: «Ахти, ребята, вор!» (ИК, В)	<i>Ажаап турар ээлери Алгыржып-ла үнгүлөп-тир “Оор келди, оолдар!”</i> дишкеш, (ИК, Б, С. 16)
Ловчий	<i>Агалакчы ыт</i> (фольк.) (букв.: оберегающая собака)	«Послушай-ка, сосед, – Тут ловчий прервал в ответ... (ИК, В)	<i>«А-дыр, өңнүк, дыңнап көр» – деп, Агалакчы Ыт тура үзе кирген... (ИК, Б, С. 18)</i>

Дополнительно используются имена прилагательные, характеризующие внешний облик субъектов:

Лексемы на русском языке	Лексемы на тувинском языке	Примеры	
Слон	<i>улуг чаан</i> 'большой слон'	По улицам Слона водили (ИК, СМ)	<i>Улуг Чаанны чедип чораан</i> (ИК, Б, С. 30)
Моська	<i>хензиг Моська</i> 'крохотная Моська'	Отколе ни возмись, навстречу Моська им. (ИК, СМ)	<i>Та кайын, хензиг Моська тыптып келгеш,</i> (ИК, Б, С. 30)
Волк	<i>Көк бөрү</i> 'синий волк'	Мой Волк сидит, прижавшись (ИК, СМ)	<i>Адыгыр көк Бөрү канчаар</i> (ИК, Б, С. 16)

2) употребление многозначного слова, например: слово *кажаа* имеет несколько значений: 1) двор, хлев; 2) ограда, забор.

Лексемы на русском языке	Лексемы на тувинском языке	Примеры	
Хлев	<i>Кажсаа</i>	Псы залились в хлевах и рвутся вон на драку; (ИК, В)	<i>Кажсаа санай Ыттар шупту Халып шурап чүткүп үнген.</i> (ИК, Б, С. 16)
Ворота	<i>Кажсаа</i>	И вмиг ворота на запор. (ИК, В)	<i>Ол-ла дораан кажсаа дуглаан</i> (ИК, Б, С. 16)

3) употребление слова, в значении которого присутствуют семы, близкие к значению слова в оригинале, например: слово *сонуургактар* 'любопытные' передает значение слова *зеваки*.

Лексемы на русском языке	Лексемы на тувинском языке	Примеры	
Толпа зевак	<i>Сонуургактар</i> 'любопытные'	Так за Слоном толпы зевак ходили. (ИК, СМ)	<i>Чаанның соондан сонуургактар хайнып чораан</i> (ИК, Б, С. 30)
Забияка	<i>содаачы</i> 'драчун'	Почуя серого так близко забияку , Псы залились в хлевах и рвутся вон на драку; (ИК, В)	<i>Брак эвес содаачының чыдын билгеш, кажсаа санай Ыттар шупту Халып шурап чүткүп үнген.</i> (ИК, Б, С. 16)
	<i>Бардам</i> 'дерзкий, грубый', 'горячий, вспыльчивый'	Могу попасть в большие забияки (ИК, СМ)	<i>Орлан бардам экер болуйн</i> (ИК, Б, С. 30)

4) использование фраз, характерных для тувинского народа, при описании этнокультурных реалий, например: при приветствии употребление фразы *эки бе моң?* в значении 'все ли хорошо?'

Примеры	
Приятель дорогой, здорово! Где ты был? (ИК, Л)	<i>Эргим тала, эки бе моң? Каяа чордуң?</i> (ИК, Б, С. 46)

Таким образом, используемые переводчиками способы позволяют достичь максимально возможной (лингвистической) степени сохранения содержания оригинала при переводе на тувинский язык.

Список сокращений источников

ИК, Б – Крылов И. А. Каарган болгаш дилги. Баснялар. – Кызыл: Тываның ном үндүрер чери, 1953. 76 с.

ИК, В – И. Крылов «Волк на псарне» (<https://rustih.ru/ivan-krylov-volk-na-psarne-basnya/>).

ИК, Л – И. Крылов «Любопытный» (<https://rustih.ru/ivan-krylov-lyubopytnyj-basnya/>).

ИК, СМ – И. Крылов «Слон и Моська» (<https://rustih.ru/ivan-krylov-slone-i-moska-basnya/>).

Научный руководитель – к. филол. н., доцент А. Б. Хертек

Д. Т. Садикова
(Бухара, Узбекистан)

КРАТКИЙ ОБЗОР ЛИТЕРАТУРНОГО ТВОРЧЕСТВА МУСЛИХАБЕГИМ МИСКИН

Статья посвящена жизни и творчеству Муслихабегим, дочери муллы Нуруллы ибн Абдуллы Ходжи Эшана, жившей в Бухаре во второй половине XIX в. и творившей под псевдонимом Мискин.

Ключевые слова: Мискин, Абдулвохид, назм, проза, девон, газель, рубаи, сакийнома, шейх, паломничество.

Muslihabegim Miskin lived in the XIX century. It is true that her grandfather may be one of the sheikhs of Joibor. The poetess began to acquire religious and secular knowledge at an early age, especially at the age of 11-13, because of the diversity of literary genres arranged in the poet's life, a conscious approach to religious figures, customs and traditions.

As a result of our research to study the life and creative issues of this writer, which was almost unheard by literary critics of the last century, it was discovered that Muslihabegim Miskin had three offices [Kadirova 1977].

The volume of this literary heritage is more than ten thousand lines and consists of various genres of poetry and prose. The most interesting thing is that these divans (a volume of collected works) are written in Uzbek and Tajik languages. This is one of the main achievements of the poetess. In addition to being autobiographical in

nature, Muslihabegim's devans also reflect the levels of the historical, economic, social, political, religious, and cultural spheres of the present period [Manuscript Fund Inv.1277].

Although Muslihabegim Miskin's divans do not contain information about the years of her birth and death, the literary scholar Mahbuba Kadirova draws on the analysis of the poetess's poems and notes that she worked in the second half of the XIX century. The scientist described this information in her work "The fate of women and the people in the works of Uzbek poets of the XIX century" [Kadirova 1977].

Poems of the poetess Muslihabegim, imbued with Islamic thought, in her ghazals address to Allah, the prophets, in particular, Muhammad Mustafa, as well as the followers of the Prophet, his family, others. It is known that this aspect is widespread in Eastern literature, but the peculiarity of this issue in Miskin's

work is that the recognition of eshan and pir (high social statues according to Islam) in addition to Allah, the prophet and his followers creates diversity in the poetry of the poetess [Manuscript Fund, Inv. 972].

Another important aspect, which is recognized as one of the peculiar themes in the divans of the poetess, is related to the expression and depiction of the image of the prophet. In particular, “Ki on prophet alam kujo raft .”, “Dariga, sarvari alam az in dunyo guzasht”, “On guli nav rastai mo okhir az dunyo raft”, “Har chun nozanini sar to kadam latofat”, “Zi hijroni Muhammad, ghazals, which begin with verses such as “Sad hazaran diyda giryonast”, “Rahm kun bar osiyonat, yo Muhammad”, are dedicated to the Prophet Muhammad and can be described in three parts [Eshonqulov, Sodiqova 2012]:

1. Poems dedicated to the Prophet Muhammad;
2. Description of the qualities and characteristics of the Prophet Muhammad;
3. Ghazals praising the Prophet Muhammad as a messenger between Allah and the believers.

When Muslihabegim’s divans are studied theoretically, it is observed that the number of orifona gazelles (based on Islamic rituals) dedicated to Allah, glorified by divine love, and romantic gazelles full of human love is more common than in other genres.

We have witnessed the use of spiritual and rhetorical arts in the stories of the poor in ghazals, rubais, masnavi, muhammas, musaddas, tarjiband, and poetry, and further enriched the poetic genres.

In Muslihabegim Miskin’s works, there are many ghazals on the themes of faith, true piety, humility, eternal and mortal world.

Muslihabegim is also embodied in the image of a mother in her poems, and the unique melody in her poems is fascinating in this respect. After all, the poetess in the image of a mother is able to convey to the reader both emotionally and mentally her emotional experiences with a wonderful elegance. At the same time, it is clear from the following verses that it is very difficult to write a poem at the same time and to have a grief on her child’s death:

Burning with grief, she cried out,
I wish I could see her beautiful baby to sleep
[Manuscript Fund Inv. 972].

It is not difficult to understand that the image of the lady in a grief, the oppressed mother, who was left with a child in her bitter part, is reflected in the above Persian-Tajik verses.

Since most of Muslihabegim Miskin’s poems are written in the spirit of self-blame, she approaches herself as a true believer, the essence of all the disappointments that have befallen her. Therefore, in her poems, the author is limited to making some hints that her children are burning in the stain. The following lines support our idea:

Oh, Lord of the worlds, have mercy on the rebellious.
From your gentle, or rabbi, look at this our broken heart.

Poor thing, I beg your pardon, my dear.
Take a look, Oh, God, at our weeping eyes
[Manuscript Fund Inv. 972].

Interpretation: Oh, God, who owns the world, have mercy on the disobedient. Oh, God, look at our ruined hearts with the eyes of cabbage. Oh, God, I will make poor Miskin in your royal palace. Oh, God, look into our weeping eyes!

Muslihabegim Miskin is a versatile artist. Our task is to reflect the novelty of his personality and work in our literature, to introduce it to the people, to inform the people of Bukhara, in particular, the Uzbek people, as well as literary lovers about the passing of such a great poet in ancient and eternally young Bukhara. Then it is not surprising that the spirit of the poet is grateful to us.

Of course, we are glad that Muslihabegim Miskin is one of the artists who has always written about the unique features of science and knowledge in our literary environment. After all, in the treasury of our literature there are still such creators and their unstudied works. Our primary task is to study, research, publish them, translate them into foreign languages and introduce them to the world.

References

Kadirova M. The fate of man and the people in the works of Uzbek poets of the XIX century. – T.: “Science”, 1977.

Manuscript Fund named after Abu Rayhon Beruni of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan. – Inv. 1277.

Manuscript Fund named after Abu Rayhon Beruni of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan. – Inv. 972.

Eshonqulov Husniddin, Sodiqova Dilorom. Muslihabegim Miskin. – Bukhara, 2012.

З. Р. Сайлиева
(Бухара, Узбекистан)

ОСОБЕННОСТИ ТВОРЧЕСТВА АЛИШЕРА НАВОИ

В данном стихотворении Хазрат Навои восхваляет многие качества Аллаха: доброту, силу, прощение, милосердие. Стих также удивительно выразителен. В ходе анализа мы обнаружили уникальные образцы искусства, в том числе: тасбих, таносуб, тазод, рифмы. Как и другие произведения Навои, этот стих прошёл сквозь века и по сей день не утратил своей ценности.

Ключевые слова: похвала, красноречие, доброта, благочестие, воображение, неадекватность, недостаток, руководство, благодать, доброта.

Alisher Navoi's first collection was composed in 1478–1979. The influence of commonality, cooperation and solidarity in the creative experience of the geniuses of Mutakallim is also evident in the collection of Alisher Navoi. If it was a tradition in the classical literature of the East to start the devan with praise and ghazal, Alisher Navoi would not have considered it in the preface of "Badoe' ul-bidoya" as one of the peculiarities of his collection. According to Khamsat ul-Mutayyir, Abdurahman Jami wrote about this in the catalog of his "college".

But there is another fact to keep in mind. If we evaluate the issue in the context of the possibilities of the XV century East, it was difficult for Alisher Navoi, no matter how great, to be fully aware of all the literary events in a large region. In this sense, it is not unreasonable to consider and evaluate the notes of the great poet as a relative phenomenon. Alisher Navoi emphasizes that the first ghazal was created in a unique style, unlike other ghazals in the complex, and recognizes this as a feature of his work. Our observations shows that the first couplet in the collection of Abdurahman Jami is also dedicated to the interpretation of the true art of truth, such as the ghazal of Mir Alisher, which begins with the verse "Ashraqt min aksi shamsil – kasi anvor ul xudo". Also, the next two couplet of the great murshid and some poems of each letter series of the collection are couplet in the position of praise, glorifying the true qualities.

Every artist has a wide world. However, Alisher Navoi's demand for art was very large. In the preface of the poem "Badoe' ul-bidoya" the poet dwells on this subject in detail. The great artist of words, through the magic of poetry, encourages members of different worldviews, different categories of society to live with a single goal, an objective goal. There are important reasons for this conclusion.

It is interesting to note that when we read the preface of the above-mentioned collection carefully, the following thought came to our attention: the couplet of each letter does not differ from the previous couplet and other couplet in style.

With this emphasis ("previously written couplet") the poet is referring to the couplets placed in the first place instead of on the walls. In the first couplet in "Garoyib us- sigar", the most perfect miracle created

by the truth is glorified by mature (perfect) person. The first couplet of "Navodir ush-shabab" describes the work that distinguishes man from the creatures of truth and defines his essence. Because a man has responsibility to know and understand the truth. This poem is dedicated to the interpretation of the same idea:

Chu jilva ayladi ul husn istabon oshiq,
Saloyi ishqin etib ofarinish ichra nido.
Pari qabul eta olmay ani, magarki men,
Qilib otimni zalumu jahul birla ado.

The place of love in human destiny, and its "history" is given in verse 72 of surah al-Ahzab:

We made the trust for the heavens and the earth and the mountains and the rocks, but they refused to bear it, and they feared it. And man took it upon himself. He was ignorant), that is, the whole universe knew how heavy the burden was and could not bear it, but man unknowingly undertook this difficult task. "When he took on this "burden of trust", Man was "cruel and ignorant". Because the path of love is spiritual. By taking only two words from this verse, the great poet referred to the divine history of Man and his classic sense of love. Another aspect is that the Qur'anic ideas are also propagated by this means. According to theological-mystical views, the purpose of creating man was to demonstrate the power of the soul. In the first ghazal of "Badoe' ul-vasat" the truth is hidden, the happiness of the two worlds is embodied, the treasure of true knowledge and love – the power of the heart is glorified:

Zohid, ko'ngulning xilvatin matlub g'ayridin orit,
Sen sayr qilsang qil, kerak ko'nglungga bo'lsa inzivo.
Desang Navoiy jon aro mahbub bo'lg'ay jilvagar,
Avval ko'ngil ko'zgidin mahv ayla naqshi mosivo.

According to the poet, if you want to see the absolute beauty of beauty in the mirror of the soul, free it from the sorrows of the world, that is, if the heart is not pure, the opposite will not appear. The content of the hamd is created and arranged on the basis of high divine and mystical views. We read the logical continuation of the "thought" (ishq and kon g i l) in the couplet at the beginning of both collection in the 1st couplet of "Favoyid ul-kibar". Because when love is a guide to the heart, it is inspired by the mysteries of the unseen world.

Ishqingda bir devonalig', shavqingda bir farzonalig',
Ag'yordin begonalig' aylab o'zungga oshno...

Bordur Navoiy bekase, ishq ichra andoqkim xase,
Chun o'rtading oni base, do'zaxda kuydurma yano.

The lover, who sees the reflection of the Mutlaq in the mirror of the soul, burns in the fire of love, longs for his guardianship, and feels helpless in this world. It is a sign of divine love. Burning in the work of truth is the destiny of the Perfect Man. Therefore, the poet praises the perfect man in the 1st ghazal of "Khazayn ul-maoniyy" and replaces the other three devans with the notions that classify man in the 1st couplet. And the definition of a lover in the state of a lunatic. Literary scholar Alibek Rustamov called the first ghazal of "Garyoyb us-sigar" "a program of Alisher Navoi's creativity". According to the poet, it is very difficult to understand the world of ideas of other couplet in the collection without understanding the "style" of this couplet. In order to clarify the issue, we found it necessary to refer to this couplet. In fact, the "previous ghazal" in the collection (according to the poet) should begin with praise to Allah. However, due to its location in the complex of collections, the first couplet is dedicated to the praise of a perfect man. Due to the completeness of the Qur'anic meanings, goals and ideas in his mind, Mir Alisher devoted his entire life and work to "the source of the message", "the flower of love", "the world is beautiful, the world is pure", "the earth is pure light", "the garden of rhizvan flowers", "mahzani irfan" – from all the smallest works – from the fard to the epic. Therefore, the great poet begins the devan not with the praise of the qualities of truth, but with the description of the highest example of the art of truth, and ends it with a poem dedicated to the Prophet Muhammad, the true embodiment of the perfect man.

Sening madoyihi na'tingda, yo Rasululloh
Tamom bo'ldi Navoiy takallumi poki.
Bu to'rt daftarida hamdu na't aro xalali,
Gar etmish o'lsa ayon tab'u kilki beboki.

The sensitive poet, who deeply understood the essence of such classical concepts as irfan, love, and soul through life experiences, blindly condemned prayer and said that the only center for his knowledge of the secret industry of "Kuntu kanzan" (It is only as a result of the study of man, the realization that he is a miraculous example of perfect art, that he creates with the aim of praising the truth sincerely. It is known that each couplet of the great poet has its own set of content, system. In the couplet in collection, the central issue of mystical teaching is the conditions of maturity (the seven levels of perfection of the heart and soul of the lover) based on a strong system of symbols. Therefore, in each couplet the word jomu may is repeated.

Ashraqat min aksi shamsil ka'si anvor-ul hudo
"Yor aksin mayda ko'r,, deb, jomdin chiqdi sado.

"Against the sun of the wine cup, the rays of the path of truth shone". The wine cup is a whole being created out of love. The sun is a symbol of Allah, and vice versa. According to mystical literature, before man was

created, all beings were in the form of soulless darkness, and Man was created to polish them. By saying, "The light of the path of truth has shone", the poet is referring to the perfection of Allah through man, and in the second verse, the essence of the material world is the center of the mockery of the divine names. In Hazrat Jami, this great principle is interpreted as follows:

Shud dar qadahi sahbo akse zi ruxat paydo.

Qad ashraqat ad-dun'yo min ka'si muhayyono.

In "Sahbo" (red wine) the reflection of your face appears, the world split from our glass. That is, its inner meaning is as follows: Sahbo glass is the mockery of all beings and creatures. In this couplet, the status of the heart and its levels of development are described as the preconditions for the spiritual and spiritual maturity of the soul. The couplet refers to these levels. "This is the status of the demand and the state of the heart in need of love at the level of SADR. The "tourist of the world of enlightenment" is the source of truth, its knowledge and the treasure of love.

G'ayr naqshidin ko'ngil jomida bo'lsa zangi g'am,
Yo'qdur, ey soqiy, mayi vahdat masallik g'amzudo

"G'ayr naqshi" (worldly worries, lustful needs) corrupts the heart, turns it into a grief. It begins with following and loving the perfect. The first condition of the status of love is friendship. Because the goal of the sage is only to the truth, he is the most knowledgeable in the divine science. The lover is envious of the "sadness" of unity. Unity, that is, "sorrow" (cleansing from sorrow, removing sorrow) attains the status of unity. Love is one of the attributes of status.

Ey xush ul maykim, anga zarf o'lsa bir sing'on safol,
Jom o'lur getiyamo, Jamshid ani ichkan gado.

When the "broken pottery" is united, it becomes "getiyamo" (worldly) like Jamshid's magic cup, and the gado who drinks it feels like Jamshid. Jamshid is one of the most legendary kings of Iran. He discovered two cups. Jamshid's magic in that magic mosque did not end with a drink (Jomi Jam) and all the events in the world could be observed from the other (Jomi getiyamo). The poet was able to skillfully express the above-mentioned intentions through the art of talmeh. And the enlightenment stage. Love is the key to perfection. Even if the gado enjoys divine love in his heart, he feels like a king and does not submit to the kings of the kingdom. On the contrary, kings felt the need for Iranians free from worldly worries. Wisdom, knowledge of the secrets of enlightenment, is the king. Because now the beloved is the ruler of the soul.

Jomu may gar buyladir, ul jom uchun qilmoq bo'lur
Yuz jahon har dam nisor, ul may uchun ming jon

fido.

If Jomu May has such power, it is worth sacrificing a hundred worlds for an envelope (for Jomi Jam) and a thousand souls for such an soul. It is a sign of the incomparable dignity and rarity of a perfect man who seeks to enjoy the wisdom of truth. In short, when the

true power of love and the soul is revealed, the secrets of enlightenment are revealed. This is a sign of the f u o d level of the heart, the status of Istigno.

Dayr aro hush ahli rasvo bo'lg'ali, ey mug'bacha,
Jomi may tutsang, meni devonadin qil ibtido.

The word “dayr” is used to mean a Tavern. The people of Hush are ignorant of the oil of love. Those who are ignorant of love always accuse true lovers of insanity. It is impossible to understand the secret of unity without being unconscious. As mentioned above, this couplet is a program of the poet's work, so it has a wide range of topics and ideas. A certain part of Hazrat Navoi's work is the ideas of blame. There is also a reference to this in the byte. “Devona” is the anesthesia of love, awareness of the secrets of the unseen truths of the soul, the highest level of sensitivity. Only awareness becomes the embodiment of the truth. Divine love is the true victory of the Spirit over the mind and the body. The poet skillfully used both real and figurative meanings of words. The real meaning of “Dayr” is a temple of non-Muslims, firefighters. Love is a fire that purifies a person from lust. A lover in love is completely free from worldly desires. The fire of love turns the heart away from fleeting thoughts and worries. That is why a lover (like Samandar, a lover of fire) does not worship any other fire than the fire of love. The lover who burns in this fire attains the status of true love. In the above verse, the fire of love is emphasized as the basis of self-denial, spiritual purification (as fire is glorified in fire-worship). It is impossible to reach the truth without self-denial. The poet skillfully uses the subtleties of the meanings of words associated with the belief in fire, such as “dayr” (tavern) and “mugbacha” (child pouring wine). When purified by the fire of love, the soul becomes a treasure of the knowledge of the unseen. This is the status of Tawhid and the knowledge of the soul to reach the laduni, to approach the center of the original essence – the qualities of the water level.

Toki ul maydin ko'ngul jomida bo'lg'ach jilvagar
Chehrayi maqsud, mahv o'lg'ay hamul dam moado.

The complete conquest of the soul by divine love ends with the “moado” – the extinction of other, transient needs. The essence of the divine miracles that unite the universe and man, with an incomparably wide spiritual level, shines in the “face of purpose”. This is the place (level) of the soul where the divine rays are manifested.

Sen gumon qilg'ondin o'zga jomu may mavjud erur
Bilmayin nafy etma bu mayxona ahlin, zohido!

Through this verse, the poet pointed out the educational significance of mystical teachings, which have proved the essence, truth and power of love on a large scale, free from narrow views.

The ascetics did not use the word love so that it would not be found in the Qur'an. Those who espoused this notion, on the other hand, were constantly opposed. Divine love elevates the lover above certain religions and religious observations. Religions, sects, sects are the

ways to Allah. In Najmiddin Kubro's words, the path to Allah is due to the breath of the creatures. The address and the essence are one. Therefore, the poet admits that they are all the same in essence. “O Zahid, you only want to go to Paradise in obedience and deny other ways to reach Allah”, said the poet. To understand Sufism in a narrow sense, to mold it is to make fun of oneself, – says Amir Khusrav Dehlavi:

Dar tasavvuf rasm xustan xanda kardan bar xud ast,
Dar tayammum mash kardan xok kardan bar sar ast .
Hazrat Navoiy matla'da boshlangan fikrni shunday xulo-
salaydi:

Tashnalab o'lma Navoiy, chun azal soqiysidin
“Ishrabu yo ayyuha-l-atshon” kelur har dam nido.

“Azal soqiysi” – Allah. “Ishrabu yo ayyuhal-atshon” – ichingiz, ey tashnalar “Oh, drink, thirsty people”. The purpose of creating man was to show the power of the soul. May (love) is a divine manifestation, a means of satisfying the thirst and leading to the divine essence. Verse 72 of Surat al-Ahzab in the Qur'an states: Indeed, he (the oppressor and the ignorant) knew that the whole universe was a heavy burden and could not bear it, but man unknowingly found it difficult. Took over. Scholars have interpreted the word “deposit” as “love”. Love is unique to man, and other beings are deprived of it.

The man is thirsty to know the secret of the whole being. The desire for enlightenment satisfies man's thirst for eternal and eternal unity. He saves man from ignorance and delusion, and leads him to the eternal world, meaning that he is a part of the divine being. That is why there is always a cry from the “eternal drinker”: “Oh, thirsty, drink the blood of love”. This call alerts a person through the mind. The idea that begins with the “sound of the cup” in the poem ends with the “cry” of the “eternal drinker” in praise. This is a sign of the man's striving for Allah and Allah's “always” for man (hadith: “If you take a step towards me, I will be a hundred steps closer”).

This poem is dedicated to the interpretation of the mysterious moments of the soul with love, the flight of the world to the unseen and the attainment of the status of unity – the gradual development of perfection. The basis of the sect of perfection is to promote the enjoyment of a peaceful and peaceful life on earth through reconciliation. The great poet devoted his whole life and work to the interpretation and promotion of this great goal. This idea is reflected in the poet's vital activity – the establishment of a warm atmosphere between the palace and the people, the coronation disputes between the father and son (Sultan Hussein Boykaro and his crowned sons), various events inside and outside the country. The fact that he was able to resolve troubled and dangerous situations by mutual consent and peace, and that he was a guide to the people of knowledge. Therefore, Hazrat

Jami Mir Alisher's authority in the socio-political life was described as: Amir Alisher is a scholar of the rules of the nation and religion, who is devoted and devoted to him. The great Navoi could not remain indifferent to the socio-political problems of his time. In addition, he lived and worked at a time when there were frequent disputes between different sects, Shariat and sects. The poet seeks to master the various currents of mysticism, the masters of the sect in the climate of words, and to turn the people of the Shari'at from dry, false worship, superstition, shortsightedness. Repeated because the relationship between "truth and man" is interpreted differently in the Shari'at and the teachings. The poet believes that the main reason for these conflicts is the lack of understanding of

the essence, the low level of enlightenment. In Alisher Navoi's devan, after enlightenment-artistic couplets in the direction of praise, nat and sermon, artistic-enlightenment couplets are placed. As the literary scholar Ibrahim Haqqul noted: "Alisher Navoi filled in the gaps and shortcomings in the Uzbek literature where he felt the gaps or shortcomings, and put an end to the shortcomings". His contribution to the development and development of praise poems in literature (including praise poems) is commendable in this regard. Many people do not understand the essence of couplets, which are expressed through complex symbolic systems. Or, conversely, superficial understanding has led to various conflicts.

References

Навоий Алишер. Мукамал асарлар тўплами. 20 томлик. 3-том. Хазойин ул-маоний. Фаройиб-ус-сиғар. – Тошкент: Фан, 1988 – 616 б.

Навоий асарлари луғати. Тузувчилар: П.Шамсиев, С.Иброҳимов. – Тошкент: Адабиет ва санъат, 1972. – 784б.

Рустамов А. Шоирнинг биринчи газали.// Шарқ юлдузи, 1987. – №3. – 175–179 б.

Қуръони карим (таржима ва изоҳлар муаллифи Алоуддин Мансур). – Тошкент: Чўлпон, 1992. – 672 б.

Қуръони карим сўзларининг арабча-ўзбекча кўрсаткичи луғати. – Тошкент: Адабиет ва санъат, 1971. – 277 б.

Ҳайитметов А. Навоий даҳоси. – Тошкент: Адабиет ва санъат, 1970 – 173 б.

Ҳаққул И. Шеърят – руҳий муносабат. – Тошкент: Адабиет ва санъат, 1989 – 240 б.

Ҳаққулов И. Тасаввуф ва шеърят. – Тошкент: Адабиет ва санъат нашриети, 1991. – 184 б.

Х. О. Сафарова

(Бухара, Ўзбекистан)

ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА САМАНДАРА ВАХИДОВА

Статья посвящена языку бухарского поэта Самандара Вахидова. Анализируются стихотворения «Чудо», «Язык, прежде всего...» и «Если ты заговоришь». Стихотворение «Чудо» было написано в 1990 году и посвящено присвоению узбекскому языку статуса государственного языка.

Ключевые слова: «Чудо», «Язык, прежде всего...», «Если ты заговоришь», газели, Кашгари, Улугбек, Алишер Навои.

In the literary environment of Bukhara from the 70s of the XX century to the first decade of the XXI century for more than forty years the development of radio journalism, in particular, the establishment and development of television journalism, a well-known poet and translator Samandar Vakhidov is a poet who had followed the unique traditions of Uzbek classical ghazal poetry and at the same time implemented new, innovative approaches.

The poems of the poet can be divided into romantic, orifona, rindona, bahoriya, navruziya, shitoiya (love attribute), marsiya and hajviya, depending on the variety of themes.

The poet's poems are unique in that they are dedicated to our language, which enriches the content of the subject. These are, in fact, dedicatory poems, didactic in nature. One of them is the 11-byte poem "Miracle", written in 1990 to mark the one-year anniversary of the status of our language as the state language. The second is the 9-byte poem "Language, first of all ..." written on

February 3, 2010. They can be considered as dialogic gazelles because they complement each other in essence. Another one is "If you speak" gazelle.

In the poem "Miracle" mentioned Mahmud Kashgari, Ulugbek and Alisher Navoi which traveled one by one to the historical path of our native language before gaining the status of the state language. will be remembered. Even so, owning one is still beyond the reach of the average person:

Bubuli go'yoga timsol kuylasang – cho'p yozdi gul,
Gullaringni ayladi cho'p qarg'a, boyqush, zog', tilim.
Bediyonlatlar xiyonat mulkiga burganda yuz,
Sen yiroq qochgan "Iroq", sen ushoq "Ushshoq" tilim.
Uchdi zardo'z joynamozing kashtasiday naqshlaring,
Rang-xira, mazmun-zabun, xoru gado, podsho tilim.
O'z uyida kamsitilsa xonadonning sohibi,
Bormukin ochunda bunday do'zaxiy qiynoq, tilim?
[Sunbula 2002: 31].

If you sing the symbol of the nightingale – the flower is directed towards you,

A raven, an owl, a raven, and a slice have turned your flowers.

When the atheists turn to the property of betrayal,

You are far away from Iraq, you are far away from Ushshak.

You like the embroidery of gold, has flown away.

Color, content, unhappy and poor, the king's tongue.

If somebody is discriminated against in its own home,

Is there such a thing as hell? [Sunbula 2002: 31].

Yes, during the Soviet era, the language was discriminated against “in its own home”. It's the worst thing in the world! The poet calls it “hell torture” and he was right. Samandar Vakhidov likens the richness of his native language to a nightingale, and likens it to a nightingale. But when the crows and owls sang, turned those fragrant flowers into bare straw because of the atrocities committed by those atheists, “Iraq”, like the “Ushshaks”, “ran away”, “was torn apart”.

The poet combined the arts of lutf and talmeh and reveals an attempt to lose the delicate tone of our language. Not only that, but the purity and vivacity of our language is like a “golden prayer” and he regrets that such a language has been turned into “color, content, humiliation”. Grateful that he did not deny his language, the poet exclaims in his native language:

Bequyosh, za'far ko'katday bemajol boshing ko'tar,

Behudud ummonga aylan, qaqragan irmoq tilim.

Mensimaslar qasdiga sen ayla ko'z-ko'z o'zliging,

Baxtima bayroq tilim, ey, baxtdan ham boyroq tilim!

Mo'jizam, sendan Samandar tonsa oq ayla abad,

Ikki dunyosin jahannam otashida yoq, tilim! [Xayoling

men bilan 1997: 44].

Namely:

Without the sun, your head rises like a triumphant green,

Turn into the boundless ocean, a dry stream slice.

Intentionally show off in front of those who don't care,

My language is a flag of happiness, Oh, language that is richer than happiness!

Miraculously, if Samandar rejects you, the white circle will last forever,

Burn the two worlds in the fires of hell, my language! [Xayoling men bilan 1997: 44].

The language belongs to the people. A nation that cannot be proud of its language is a nation whose pride is broken. When the poet addresses the language, first of all, he addresses the native people. The fact that the people have become “pale green” and “helpless” because of their deprivation of the sun's light and freedom has a great socio-political significance in calling for the language, which has become a symbol of humiliated pride, to take loads possession of its rights. The poet expresses this meaning in the next byte, based on the alliteration of the “b” sound: “Baxtima bayroq tilim, ey, baxtdan ham boyroq, tilim!” Namely: “Blessed is the language of the flag, Oh, richer than happiness, the language!” it's no coincidence that the bar is even more exciting. In fact, it is clear that the emphasis is on the people who speak the language. Indeed, only a language that possesses a truly fighting spirit can have the power to burn the “two worlds of hell” of those who despise it. only then will he become a true “miracle”, a force of true miraculous power. Based on this logic, addressing him as a “miracle” and remembering to swear an oath of allegiance. Because, according to him, language is “a priceless thing”, it serves everyone – the king and the beggar alike, unites the hearts of all.

Language is the key of the heart. The pure performance of the language of the pure in heart. While the poet encourages people to work with a pure language and a pure heart, he does not forget to exhort them to work on a pure heart and a pure language – faith and belief.

Samandar Vakhidov has a great responsibility to deal with and treat him responsibly. With such a burden of responsibility, the poet approaches the ghazal and sings the feelings and pains of his heart in his attitude to language and work.

References

Xayoling men bilan (she'rlar, g'azallar, muxammaslar, doston) – “Buxoro” nashriyoti, 1997, 10,5 b.t.

Sunbula (Doston, she'rlar, g'azallar). – “Buxoro” nashriyoti, 2002, 9,0 b.t.

Safarova H. “HAPPINESS IS THE FLAG LANGUAGE, FROM NARRINESS I AM ALSO A TONGUE!”... ON THE EXAMPLE OF THE WORK OF POET SAMANDAR VOHIDOV // Конференция – 2020.

Махмудова Р. Писатель, поспевший боль народа. Тил, адабиёт, таржима, адабий танқидчилик халқаро илмий форуми: замонавий эндашувлар ва истиқболлар // Конференция – 2021.

Rajabova M., Safarova H., Amonova Z.. Analytical and synthesized folklorism in Navors work. Journal of Contemporary Issues in Business and Government // Редакционная коллегия. – 2021.

*З. Б. Самдан
(Кызыл, Россия)*

«СЛОВО АРАТА» С. ТОКА В НОВОМ РАКУРСЕ: ЭСТЕТИКА СОЦРЕАЛИЗМА

В статье автор впервые на основе анализа трилогии С. Тока «Слово арата» поднимает проблему переосмысления эстетики соцреализма с новых позиций. Обращение к этой проблеме приобретает особую актуальность в связи с подготовкой «Истории тувинской литературы» советского периода, т. к. «Слово арата» является главным произведением тувинской литературы, олицетворяющим метод соцреализма.

Опираясь на теоретические труды современных литературоведов, автор с помощью плюралистического, историко-сравнительного и герменевтического методов исследования разрабатывает новые подходы при анализе «Слова арата». Продолжая своё исследование по истории создания, изучения и восприятия «Слова арата» разными поколениями, автор в данной статье анализирует некоторые аспекты переосмысления эстетики соцреализма. Это выявление противоречий и идеологизированности авторской позиции в изображении действительности, использование им метода двуслойности, тайного смысла в повествовании; раскрытие эволюции историзма и особенностей творческой индивидуальности; определение сознательных коррективов писателя в соотношении исторической правды и художественного вымысла.

В результате анализа эстетики соцреализма с новых позиций автор приходит к выводу, что только объективная оценка литературного творчества одной из главных личностей в истории Тувы и главной книги соцреализма, основанная на исторических фактах и тексте произведения, на изучении особенностей эпохи и индивидуальности писателя, даёт возможность восстановить правдивую общую историю и историю тувинской литературы советского периода.

Ключевые слова: Тока, «Слово арата», эстетика соцреализма, новый ракурс.

Академик Д. С. Лихачев в постсоветское время одним из первых предложил современному литературоведению исследовать явления литературы методом плюрализма [Лихачев 1997: 15–17]. Участники дискуссий о пересмотре метода соцреализма в советской литературе, происходивших в конце 1980-х – начале 1990-х гг. в академических кругах, признали пагубные последствия соцреализма [Вопросы литературы 1989 № 8, 10; 1991 № 8 и др.]. Для осмысления эстетики соцреализма важно обратиться к работе исследователя истории русской литературы М. Чудаковой. Она определяет границы развития русской литературы XX в. в рамках двух переломных этапов: 1) время после Октябрьского переворота; 2) 1985–1986 г. и 1991 г., когда распался КПСС и СССР [Чудакова]. Теоретическим ориентиром в пересмотре метода соцреализма являются также труды А. Синявского [Синявский 1999], Е. Добренко [Добренко 2007], М. Литовской [Литовская 2008].

В постсоветское время новые методы исследования произведений тувинской литературы начали нащупывать и тувинские литературоведы. Автор этих строк придерживается мнения о том, что приверженцы метода соцреализма, руководствуясь идеей классовой борьбы, саму идею подняли выше человека. Человек – не топливо для истории и не средства, а цель исторического прогресса. Идея должна работать на человека, а не человек на идею [Самдан 1993: 165]. К новой концепции в трактовке произведений тувинских писателей, написанных в условиях господства метода соцреализма, выработанной современным литературоведением, первой

обратилась У. А. Донгак [Донгак 2013: 109–126, 2015: 86].

В анализе произведения «Слово арата» самым важным для нас представляется то, что основной функцией соцреализма является идеализация социалистической действительности. Противоречия лишь утверждают эти идеалы и более выпукло показывают достоинства изображаемого героя. Здесь всё движется в направлении к одной цели – построению коммунизма, поэтому ода коммунизму, сатира на врагов или описание событий в движении к коммунизму очень важно в искусстве соцреализма.

По мнению У. А. Донгак, в жёстких рамках идеологического контроля, цензуры настоящий художник (или подчиненный идеологии художник – З. С.) не в силах был полностью подавить творческий импульс, свободу самовыражения. Это вынуждало его искать другие выходы авторского самовыражения и возникало такое качество художественного текста, как двуслойность, тайный смысл, скрытый в сюжете, аллегории и т. д. [Донгак 2015: 86].

В трилогии «Слово арата» двуслойность повествования можно заметить в параллельном выражении эстетической и идеологической позиции автора, при котором самоцензура работает на усиление идеологического статуса героя произведения. Параллельно идёт повествование двух героев, в котором авторская позиция выражена с художественной и идеологической точки зрения. Это двуслойность, тайный смысл текста трилогии, на наш взгляд, объясняет причины идеологизированности авторской позиции С. Тока.

Отношение личности к революции составляет идейную основу «Слова арата». Описывая жизнь

главного героя Тывыкы с малых лет и до зрелого возраста, эволюцию его национальной и классовой психологии, автор создаёт этот образ в движении. Движение истории и движение человеческой души составляет особенность этого произведения. Историзм, достоверность в деталях присущи этому автобиографическому произведению, поскольку автор воспроизводит увиденное воочию, лично пережитое и лично осознанное. Социальность, открытая гражданственность – отличительная черта творческой индивидуальности писателя [Самдан 2015: 357].

При сопоставлении сведений об исторических событиях и исторических личностях, выявленных историками в постсоветское время, [История Тувы 2007: 207] и их художественным изображением в «Слове арата», можно утверждать, что С. Тока в своём произведении сознательно внёс некоторые коррективы в подлинные исторические события [Байыр-оол 2013: 344–349]. Так, например, в третьей книге «Слово арата» в главе «Горячая схватка» С. Тока крайне необъективно изображает Буян-Бадыргы. Художественный вымысел здесь явно окрашен классовой позицией и не соответствует исторической действительности [Салчак Тока 1982: 288].

На степень соотношения правды и вымысла в автобиографической трилогии С. Тока «Слово арата» – отражение объективных заблуждений и ошибок или сознательных отступлений от изображаемой

действительности убеждённого партийца – прежде всего, на наш взгляд, повлияло его мировоззрение, сформировавшееся в годы учёбы в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ). Пониманию роли и закономерного итога такого сильно идеологизированного воспитания в становлении коммунистических лидеров способствуют специальные исследования о КУТВ [Харунов 2014: 72, Коминтерн и Латинская Америка 1998: 17].

Таким образом, написав главную книгу своей жизни, С. Тока запечатлел не только эпоху социализма, но создал в истории тувинской литературы классический образец произведения соцреализма. Книга была написана, когда люди её ждали, когда искренно верили в идеалы той эпохи. В этом плане судьба книги счастливая.

Драматичность судьбы С. Тока, на наш взгляд, – во внутренней противоречивости, двойственности его положения: он находился на вершине власти и под неусыпным контролем, между фанатичным восхищением почитателей и молчаливым осуждением репрессированных и их родственников; он – создатель новой жизни и разрушитель традиций, кумир и жертва...

Объективное отношение к «Слову арата» как феномену той эпохи, как литературному памятнику эпохи социализма, будет характеризовать нравственное здоровье нашего общества.

Литература

- Байыр-оол М. С. Салчак Тока – сын своего времени: историческая биография. LAP – LAMBERT Academic Publing, 2013. – С. 344–349.
- Вопросы литературы. 1989, № 8, 10; 1991, № 8 и др.
- Добренко Е. Социалистический реализм и реальный социализм. (Советская эстетика и критика и производство реальности) // Colloguia. – 2007. – Р. 57–92.
- Донгак У.А. Особенности литературного творчества 1920-х – начала 1940-х годов в Туве. История тувинской литературы. Т. I. Истоки. Литература ТНР (1921–1922). – Новосибирск, 2013. – С. 109–126.
- Донгак У.А. Соцреализм и культурные каноны тувинской литературы // Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития: Материалы международной конференции, посвящённой 100-летию Б-Х. Тодаевой. – Элиста, 2015. – С. 86.
- История Тувы. – Т. 2. – Новосибирск, 2007. – С. 207.
- Коминтерн и Латинская Америка. Сборник документов. – М., 1998. – С. 17.
- Литовская М. А. Социалистический реализм в литературе XX века // Филологический класс. 2008. № 19. – С. 14–21.
- Лихачев Д. С. Освобождение от догм. – М., 1997. – Т. 1. – С. 15–17.
- Салчак Тока. Слово арата. – М., 1982. – С. 266, 268, 288.
- Самдан З.Б. Тыва литератураны шинчилээринин методологтуг айтырыглары (Методологические вопросы изучения тувинской литературы) // Улуг-Хем. – 1993. – № 2. – С. 165.
- Самдан З.Б. «Слово арата» – художественная летопись эпохи // Салчак Тока: коллективная моногр / Н.М. Моллеров, А.К. Канзай, Г.Ч. Ширшин и др. – М.: Слово / Slovo. 2015. – С. 333–372 (ЖЗЛТ: Жизнь замечательных людей Тувы).
- Синявский А. Что такое социалистический реализм // Путешествие на Черную речку и другие произведения. – М. 1999. – С. 125.
- Харунов Р.Ш. Организация обучения иностранных студентов в Коммунистическом университете трудящихся Востока // Единая Тува в единой России: история, современность, перспективы. Материалы Международной конференции, посвящённой 100-летию единения России и Тувы. – Абакан. – 2014. – С. 72.
- Чудакова М. Русская литература 20 века: проблема границ предмета изучения. <http://sites/utoronto.Caltsg/18/chudakova.18.Shtme>.

У.Р. Тураева
(Бухара, Узбекистан)

РОЛЬ ИССЛЕДОВАНИЙ БЕГАЛИ КАСИМОВА В ИЗУЧЕНИИ УЗБЕКСКОЙ ДЖАДИДСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

История узбекского джадидского движения и изучение джадидской литературы свидетельствуют о том, что изучать это было непросто. Общественно-политическая обстановка того времени приостановила развитие узбекской литературы, привела к искусственному умалению литературного наследия прошлого на основе догматического мышления, пренебрежению изучением произведений искусства и литературных деятелей. В результате творчество литературных деятелей определённого периода, каким бы важным оно ни было, оставалось неисследованным.

Ключевые слова: период джадидов, «Революционная литература», «Революционная поэзия», «Социальное пробуждение», «Социальное освобождение», «Национальное пробуждение», «Национальное освобождение».

B. Kasimov is one of the serious researchers in determining the social, cultural, educational and political foundations of the emergence of Jadidism as a movement. The scholar's first interest in the work of Jadid literature began under the leadership of literary scholar Gulom Karimov, who focused on the activities of the Jadid enlightener Mirmukhsin Fikri. He initially successfully defended his dissertation in this area, and as a result published a monograph entitled "Mirmukhsin Fikriy".

U. Dolimov, Doctor of Philology, in his article "National Awakening" wrote a completely different topic during Begali Kasimov's postgraduate studies. (Fikri) over his life and work and defended him in his time. He then published the results of his research in his pamphlet Mirmukhsin Shermuhamedov. It was the scientist's first book. As a result, the name of Mirmukhsin Shermuhamedov was restored. Another great figure of Uzbek literature has returned. This was the scientific courage of Begali Kasimov. After that, the scientist begins work on his doctoral dissertation. This research is also dedicated to modern artists, and the scientist aimed to cover it on a large scale, along with all its theoretical aspects. The zeal and courage of the scientist, who for the first time in Uzbek literature made the work of the Jadids a subject of academic research, testified to this. From the point of view of Begali Kasimov, who was devoted to science, the basics of the formation of modern literature, the principles of development, information about its mature representatives were not left out. This was especially acknowledged by Gulom Karimov. G. Karimov and B. Kasimov have a teacher-student relationship. The candidacy of B. Kasimov, a graduate student of Gulom Karimov, was entirely devoted to Jadidism. By this time, our ideology had changed, and it was difficult to talk about the Jadids. This is especially dangerous during the Soviet era. The destruction of Jadid literature, which formed a separate page in the history of literature in the first half of the twentieth century, is important in creating an ideological gap in the life of the Uzbek people. As a result, there was a break in the gradual development of Uzbek literature. Moreover, the materials showed that the Jadid movement was a popular, democratic move-

ment. Realizing this in time, B. Kasimov began to cover the topic more seriously.

In that case, the scientist also had to use a lot of deception to confirm the topic of the dissertation. The subject of his research is "Formation and development of Uzbek revolutionary poetry (1905-1917)". It seems that the study of the history of the Turkestan Jadid movement and the study of Jadid literature has not been easy in its time. The socio-political environment of the time led to the blind development of the history of continuous development of Uzbek literature, the artificial reduction of the literary heritage of the past on the basis of dogmatic thinking, the neglect of the study of works of art and literary forms. As a result, the work of the representatives of the literature of a certain period, no matter how important it was, remained unexplored. In the process, the researcher's ingenuity and far-sighted work were successful. This can be seen directly in the example of his weighty research, textbooks and manuals, which served as an important source in illuminating the Jadid Period. While researching the literature of the Jadid Period, the researcher studies the literature of 1905-1917 under the name "Revolutionary Literature" and "Revolutionary Poetry" in order to trace the period. He writes research papers under these names. Researcher Mirmukhsin Shermuhamedov studied the problems of Uzbek literature in the late 19th and early 20th centuries, which is considered to be the most difficult period in the history of his creative activity.

The scientific significance and value of this research is that the main source in the work of the scientist is the lithographic and typographic works of Mirmukhsin and Tashkent artists who created his literary environment: A. Avloni, S. Azizi, Khurshid, Khislat, Kalinin, Mirmulla, partly manuscript sources, poetry, stories, and journalistic articles published in the periodicals of that period. At the same time, this study also used the memories of contemporaries, colleagues of some artists, some people who knew and knew them closely. In particular, considering that Mirmukhsin lived and worked in central Russia in 1916-1919, he visited Orenburg, Ufa and Moscow in March and April 1966 and collected some basic information about Mirmukhsin's

life, creative activity and personality from the archives of the central region. Mirmukhsin writes valuable memories of his friends who studied and worked with Shermukhamedov. The researcher also obtained Mirmukhsin Shermukhamedov's personal file, which is kept in the Central Archives of the former Soviet Army, in order to provide clear evidence, and attached it to the case. Memoirs of Sayfi Qudash, the People's Poet of Bashkortostan, a close friend of Mirmukhsin, will be recorded and put to work.

The pamphlets "Mirmukhsin Shermuhamedov" and "Rebel Heart", created as a result of this work, which was created with care and dedication to science, testify to the extremely complex personality of Mirmukhsin Shermuhamedov. It is possible to know that Mirmukhsin Shermuhamedov sincerely believed in the tricks of the Soviets and considered him as a pillar of truth and justice, in which he spent all his life, energy and talent. If we look at the way of life of the creators, an interesting situation is observed. Indeed, as the researcher points out, Mirmukhsin Shermuhamedov's activities and actions were interpreted in the opposite way to the Jadids, but his practical activity was essentially the same as that of the Jadids. For example, while studying in Ufa in 1917, he formed a society of Turkestan students and in his publicist articles called on the people to be enlightened, strongly condemned bigotry, and sharply exposed the flaws in society. It should be noted that the scientist B. Kasimov introduced the concept of "Aesop's language" used in fiction in the field of criticism. While condemning Jadidism and Jadids, his representatives began to enjoy the creativity of the people. The scientific research on Mirmukhsin Shermuhamedov, created as a result of the ingenuity of the research scientist in this process, deserves recognition as one of the first steps in this direction. The above comments show that the

teacher boldly entered science as an inquisitive and selfless literary critic. Apparently, the research scientist B. Kasimov proves that he left a great literary legacy from Mirmukhsin Shermuhamedov, whom he studied, and is known as one of the greatest literary figures of his time. He admits that he wrote dozens of poems under the pseudonym "Muhsiniy" and "Fikriy", hundreds of publicist articles, and finally the first Uzbek novel "Befarzand Ochildiboy" and many short stories, which show that Mirmukhsin has a worthy place in the history of our literature. "He must have written more than the material we have now", said the researcher. (3-act drama), "The Old Doctor" (1-act comedy) and other works to publishers and private individuals, but to no avail. Commenting on his lyrical legacy, the scholar said: "Mirmukhsin's poems are not many, about 700 lines, all of which were written between 1913 and 1915". Commenting on Mirmukhsin Shermuhamedov's novel "Befarzand Ochildiboy", B. Kasimov says that this work does not fully meet the requirements of the novel. In fact, the style of the work is simple, fluent, "A Thousand and One Nights" and the style of folklore. The attempt to follow the laws of the novel, the realistic principles in the image, is felt from the fragments found. Important arguments of art, such as character creation, image individualization, typification, are in a very primitive form. The work is reminiscent of a stubborn baby in the face of today's mature Uzbek novel, – writes B. Kasimov. The most productive part of Mirmukhsin's work is, without a doubt, his publicism, and the number of the author's known articles to us is about 150. B. Kasimov's pamphlet "Rebel Heart", published in 1985, provides extensive analysis of creative journalism, several of his articles are analyzed. This case shows that the researcher B. Kasimov regularly systematically worked on one topic and enriched his research with new findings.

References

- Qosimov B. Mirmukhsin Shermuhamedov. – Tashkent: Teacher, 1967.
The last Jadid story. – Tashkent: Turon-iqbol, 2012.
Qosimov B. A rebellious heart. – Tashkent: Uzbekistan, 1985.

А. М. Хакимьянова
(Уфа, Россия)

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ МУЗЫКАЛЬНОГО ФОЛЬКЛОРА ПЕРМСКИХ БАШКИР (по экспедиционным материалам XXI в.)¹

Данная работа направлена на рассмотрение жанров традиционного музыкального фольклора башкир-гайнинцев, сохранившихся до наших дней, дать их краткую характеристику, а также проанализировать степень его сохранности, процессы трансформаций и бытования башкирской песенной традиции. В отличие от других жанров, музыкальные жанры хорошо сохранились в памяти населения. Песни и такмаки являются основными жанрами современного устно-поэтического творчества пермских башкир, позволяющие выявить динамику развития фольклора.

Ключевые слова: народное творчество башкир, современное состояние, музыкальный фольклор, песня, такмак, баит, гайнинцы, экспедиция.

В настоящее время возрос интерес людей к историческому и этнокультурному наследию, выросло стремление сохранить традиционные ценности для будущих поколений. «Ныне перед фольклористами открываются новые горизонты исследовательских возможностей, требующих разносторонний уровень изучения архаичного и современного народного творчества, где уже стираются грани фольклорного и самодеятельного, устного и устно-письменного, сельского и городского» [Хакимьянова 2021: 409].

В ходе активизировавшихся с начала XXI в. экспедиций в Институте истории, языка и литературы УНЦ РАН фольклористы работают над многоплановой фиксацией народных знаний, на основе которых можно судить о состоянии традиционного современного фольклора башкир. К пермским башкирам, являющимся этнической группой башкир, проживающих на территории Пермского края, где они известны как гайнинцы и бардымцы, сотрудниками ИИЯЛ УФИЦ РАН было организовано три экспедиции для сбора фактического материала. В 2006 г. в задачи комплексной экспедиции, в которой участвовали лингвисты, этнографы и фольклористы, входили не только собирательская деятельность, изучение фольклорно-поэтических образцов и лингвистических материалов, но и антропологические и краниологические исследования. В 2013 г. фольклористы института организовали очередную экспедицию в Пермский край для сбора образцов устно-поэтического народного творчества. А в 2019 г. состоялась третья по счёту экспедиция к башкирам-гайнинцам в составе фольклористов и литературоведов.

Собранный во время фольклорных экспедиций материал позволяет судить о состоянии традиционного фольклора в современных условиях. Несмотря на постепенное угасание или упадок некоторых традиционных жанров (эпические жанры, сказки, свадебные причитания и т. д.), музыкальный фольклор и сегодня довольно устойчиво сохраняется в памяти многих информантов. Сохраняя коллективные акси-

ологические отношения и выражая общие эмоции, музыкальные жанры высоко востребованы среди населения и поэтому количественно преобладают в экспедиционных записях.

Любая народная песня воспринимается и усваивается каждым новым поколением на слух непосредственно в момент звучания. К сожалению, во время экспедиций нам не удалось записать протяжные песни с характерным им широким диапазоном и сложным мелодическим рисунком, который требует от исполнителя певческого дыхания и умения искусно исполнять богатейшие узоры. Но об их бытовании ранее говорят сами информанты. Так, жительница дер. Брюзлы Алапанова Насима Мусеевна (1947 г.р.) сказала, что любовь к народным песням у неё от отца. «Наш папа очень красиво исполнял башкирские народные протяжные песни. От него мы и научились петь. Раньше, бывало, соберёмся все вместе, отец с сёстрами пели песню «Карабай», а я танцевала под неё. Очень любили слушать народные песни по радио в исполнении народной артистки Башкортостан Фариды Кудашевой», – вспоминает она. От неё мы записали семь разнохарактерных башкирских народных песен. Основу её репертуара составляют классические народные песни «Һандугас» («Соловей»), «Сыбай кашка» (букв. конь с продолговатым белым пятном на лбу), «Маһисәрүәр» («Магисарвар») и т. д. [Полевые материалы: 1].

Если заглянуть в историю, первая фольклорная экспедиция к пермским башкирам состоялась в 1963 г. под руководством А. Н. Киреева. Материалы этой экспедиции, хранящиеся в Научном архиве УФИЦ РАН, показывают, что у башкир-гайнинцев того времени преобладали короткие по форме и быстрые по темпу исполнения четырёхстрочные песни без названий [НА УФИЦ РАН]. т. к. их можно исполнить под любую мелодию, в народе их обозначают термином ‘төрлө йырзар’ (‘разные песни’). Материалы экспедиций последних лет показывают продолжение их бытования. По своей природе эти

¹ Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 22-28-00940, <https://rscf.ru/project/22-28-00940/>.

четырёхстрочные песни лирического характера и раскрывают личные переживания, эмоции, внутреннее состояние певца.

*Уфа юллары быяла,
Тал булса таймас иде шул.
Минең йөрәккәйем яна,
Син булсаң янмас иде.*

*Дороги Уфы из стекла,
Были бы из ивы, не скользили бы.
У меня сердечко горит,
Был бы рядом ты, не горел бы.*

*Кызыл, кызыл бөрлөгән дә
Юл ситенә тезелгән шул.
Булмас инде минең кебек
Синең өчөн өзөлгән.*

*Красные, красные ежевики
Вдоль дороги выстроились.
Не будет больше такого как я
Сильно переживающего за тебя.*

[Полевые материалы: 2].

Многие песни со временем теряют свои названия, но полностью из памяти народа не исчезают, о чём свидетельствуют комментарии информантов, характеризующих эти произведения такими выражениями, как: «мамина песня», «эта песня была исполнена моим отцом» и т. д. Это явление отражает прочную культурную связь поколений, когда исполнители с особым трепетом берегут память о своих родных и могут воспроизвести напев, когда-то исполненный их отцом (матерью) или родными.

К четырёхстрочным песням примыкают распространённые повсеместно *мәжлес йә кунак йырлары* 'застольные или гостевые песни', жанрово-функциональное название которых исходит из их бытовой приуроченности. Ни один семейный праздник, собрание родственников и друзей не обходится без них. «В содержании этих песен присутствуют и философские размышления о смысле жизни, о дружбе, мысли о различных проявлениях человеческого бытия. Музыкально-поэтическая структура застольных песен башкир четырёхстрочная, реже двухстрочная, с обязательным характерным припевом, который, обычно, подхватывают все присутствующие» [Хакимьянова 2014: 125]:

*Жырлим әле, жырлим әле,
Жырлим әле уннарны шул.
Жырларға кушып чыгарам
Эчемдәге моңнарны*

*Спою-ка я, спою-ка я,
Спою-ка я с десятков песен.
С песнями вместе изливаю
Мелодии свои изнутри.*

*Жырлик әле, жырлик әле,
Барыбыз бергә сакта.
Озакламай таралырбыз
Төрлөбөз төрлө якка*

*Давайте же споём, споём,
Пока что вместе собрались.
Ведь скоро разойдёмся
Все вместе в разные стороны.*

[Полевые материалы: 5].

Получившие большую популярность такмаки, в свою очередь, распространяются не только устно, но и в письменной форме. Мгновенно реагирующие на насущные проблемы современные такмаки отличаются большой мобильностью и эффективностью.

*Бейек тауға менгән сакта
Төшөп калды сабатам.
Тагын берзе йырла әле
Тауышыңды яратам.*

*Поднимаясь высоко на гору,
Потерял я свои лапти.
Спой-ка песню ты ещё раз
Люблю я голос твой.*

[Полевые материалы: 5]

Нужно отметить, что у пермских башкир всё ещё бытуют такмаки, сопровождающие игры-пляски:

*Уйнат-уйнат гармуныңды
Бейендәр егеттәр.
Беззең илдең егеттәре
Бар за бөркөт кеүектәр.
Куш-та: Их, күңел асабыз,
Нисек шыма баһабыз.
Һайрат-һайрат гармуныңды
Елкенһендәр йәш кыззар.
Беззең кыззар нурлы йөзлө
Әйтерһең дә йондоззар*

*Играй, играй на гармошке,
Пусть танцуют егеты.
Егеты нашей страны,
Как на подбор, беркуты.
Припев: Эх, веселимся мы,
Как гладко ступаем.
Пусть поёт твоя гармошка,
Ободря наших девок.
Наши девки лучезарны,
Будто в небе звёздочки.*

[Полевые материалы: 1].

Нами были записаны такмаки к играм «Бармак уйыны» («Игра пальцев»), «Чапкы» («Битье»), «Баһ әле, станокка» («Встань за станок»), «Наза».

Исполняли такмаки также во время вечерних посиделок. Как вспоминает жительница дер. Константиновка (башк. наз. Күстәнтәй) Ягафарова

Амина Мухаметхужевна (1918 г.р.): “Киске уйында йырлайбыз ие. Спай, спай йырзар йырлай иек. Хәтерзә юк шул (көлә). Нимә йырлайбыз һуң? Мә, ниндәй йыр булһа ла йырлайбыз инде. Кругка торабыз, уртала бер кыз бала менән бер ир бала бейеп тора, барыбыз да такмак эйтәбез. Бейемәгә белмәгән кызларға йырлап куябыз (“Во время вечерних игрищ пели. Очень красивые песни пели. Сейчас не помню (смеётся). Что мы пели-то? Ну разные песни пели. Встаём в круг, посередине круга танцуют парень с девушкой, все исполняем такмаки. Девушкам, не умеющим танцевать, пели):

*Анда баһаң, боз баһма,
Бында баһаң, боз баһма.
Бер зә бейергә белмәйһең
Тик ултырһаң булмаһмы?*

*Туда ступишь, мост изо льда,
Сюда ступишь, мост изо льда.
Ну, совсем плясать не можешь,
Посидеть тебе нельзя?*

Относящиеся к древнейшим жанрам фольклора колыбельные песни потихоньку вытесняются из практического применения. Это связано с занятостью женщин в профессиональной и общественной жизни. Однако в фольклорной памяти женщин более старшего поколения они сохраняют устойчивую позицию. Основная их функция направлена на успокоение, убаюкивание ребёнка [Хакимьянова 2021: 414]. У башкир-гайнинцев колыбельные песни обозначаются термином “сәли йырзары”, для них характерен зачин «алли-балли», «бәү, бәү, бәпкәсе», «алласыу, алласыу», «йом-йом кузең» и т. д.

*Әлли-балли бәпкәсе
Кайза киткән әнкәсе?
Кайынлыкка еләккә
Баласына бүләккә.
Йокла син йокла, балам,
Сине сәлигә салам.
Син йокога киткәнсе
Үзем яныңда калам.*

*Алли-балли ыплёночек,
Куда же ушла мамочка?
В берёзовую рощу за ягодами
Ребёночку своему за подарочком.
Спи ты, спи, дитя моё,
Ложу тебя в сали (колыбель – А.Х.) я.
И пока ты не уснешь,
Буду рядом с тобой я.*

[Полевые материалы: 4]

Мелодии колыбельных песен подразделяются на *халмак көй* (речитативно-песенный) и *һамак көй* (собственно речитативный) типы.

*Әлли-балли итер ул,
Мәзрәсәгә китер ул.*

*Мәзрәсәләрзә укыгас
Мулла булып китер ул.*

*Алли-балли баиньки,
В медресе он пойдёт.
Отучившись в медресе,
Станет он муллой у нас.*

[Полевые материалы: 4]

В одних случаях колыбельные звучат как благопожелание – *теләк* (*Үсер ул, үсер ул, Айга менеп китер ул* / Вот вырастет мой ребёнок, полетит он на Луну; *Хәзер генә бәпес ул, Үскәс батыр ир була* / Сейчас он маленький ребёнок. Вырастет, станет храбрым мужчиной, и т. д.), в других – как магическое средство, оберегающее ребёнка от сглаза [Хакимьянова 2021: 414].

Для репертуара башкир-гайнинцев характерно обилие таких поэтических жанров, как баиты и мунажаты, большинство которых распространяются в письменном виде. Тематика баитов в исследуемом нами регионе затрагивает многие стороны повседневной жизни. Однако основная их масса повествует о несчастных случаях, гибели того или иного человека, т. е. имеют драматическую основу. Информанты хранят у себя тетради, в которых записаны тексты баитов, мунажатов, песен, услышанных когда-то от своих родителей или близких людей. Такие тетради и записные книжки в наши дни большая находка для фольклориста, т. к. именно благодаря им доходят до наших дней более полные варианты фольклорных текстов. Так, например, в 2013 г. в дер. Башкултаево Пермского края у Кузиной Садисы Саитжановны (1940 г.р.) нами обнаружена тетрадь с текстами таких баитов как “Бала менән ана” (“Мать и дитя”), “Ғәйшә менән Камил бәйете” (“Баит Гәйши и Камиля”), “Сак-Сок”, “Һуғыш бәйете” (“Баит о войне”), “Һалдаттар бәйете” (“Баит о солдатах”) и т. д. Баитам свойственен небольшой звуковой объём и повествовательно-речитативный характер исполнения. Некоторые из них имеют собственную мелодию. Таков, например, получивший широкое распространение у башкир-гайнинцев мифологический баит «Сак-Сок», в котором мать проклинает своих детей из-за их шалости, они превращаются в птиц и улетают. На сегодняшний день наиболее полный вариант текста был записан от Акбашевой Гулязимы Хатмулловны (1942 г.р.), жительницы дер. Танып Бардымского района.

Материалы фольклорных экспедиций XXI в. свидетельствуют о нынешнем возрождении уникального лирико-эпического жанра мунажат, о существовании его как в письменной, так и в устной формах. Как говорят жительницы дер. Брюзлы Маматова Рафиля Гаделжановна (1951 г.р.) и Алапанова Насима Мусеевна (1947 г.р.): «Когда мы были

молодыми, все были атеистами, никто не исполнял байты и мунажаты. Сейчас во время религиозных праздников байты и мунажаты исполняем хором. У нас работает хор ветеранов» [Полевые материалы: 2]. Записанный в 1963 г. от Куштановой Хадии (1901 г.р.) мунажат «Ғыңар канат» («Однокрылый»), рассказывающий о тяжёлой доле сирот, был также обнаружен фольклористами спустя 50 лет в 2013 г. в тетради Кузиной С.С. (1940 г.р.). Это показывает роль записей в передаче следующим поколениям полных текстов фольклорных произведений.

Среди аудиозаписей 1963 г. обнаружены наигрыши на курае, скрипке, гармонии, а 2013 г. от

Гарипова Радика Руфисовича (1963 г.р.) нам удалось записать наигрыши на курае, игру на кубызе и образцы горлового пения.

Обзор фольклорных материалов, собранных в последние десятилетия, показывает, что музыкальные жанры башкирского фольклора продолжают существовать, а значит, необходимо изучать не только современное состояние башкирского песенного наследия, но и его эволюцию. Народные песни, народные певческие традиции должны передаваться подрастающему поколению, и только тогда народная культура будет развиваться и сохраняться для будущих поколений.

Литература

Научный архив Уфимского федерального исследовательского центра РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 593; Ф. 3. Оп. 2. Д. 584.

Хакимьянова А. М. Современное состояние песенного фольклора башкир (по экспедиционным материалам XXI в) / *Oriental Studies*. 2021. – Т. 14. – № 2. – С. 409–419.

Хакимьянова А. М. Застольные песни башкир // А. Харисов и актуальные проблемы филологии: Материалы

Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). – Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2014. – С. 123–126.

Полевые материалы, собранные фольклористами в 2013 г. Фольклорный фонд ИИЯЛ УФИЦ РАН

Записано Хакимьяновой А. М. от Алапановой Насимы Мусеевны (1940 г.р.), в дер. Брюзлы Бардымского района Пермского края РФ.

Записано Хакимьяновой А. М. от Маматовой Рафили Габделжановны (1951 г.р.) и Алапановой Насимы Мусеевны (1940 г.р.), в дер. Брюзлы Бардымского района Пермского края РФ.

Записано Хакимьяновой А. М. от Маматовой Рафили Габделжановны (1951 г.р.) в дер. Брюзлы Бардымского района Пермского края РФ.

Записано Хакимьяновой А. М. от Акбашевой Г. Х. (1942 г.р.) в дер. Танып Бардымского района Пермского края.

Записано Хакимьяновой А. М. от Гамировой Мадины Миргалимовны (1939 г.р.), Сайдашевой Риммы Ясавиевны (1943 г.р.) в дер. Башкултай Пермского района Пермского края.

Записано Хакимьяновой А. М. от Батыркаевой Альфиры Исрафиловны (1966 г.р.) и Акбашевой Гулязими Хатмулловны (1942 г.р.) в дер. Танып Бардымского района Пермского края.

Л. В. Челтыгмашева
(Абакан, Россия)

КАРКЕЙ НЕРБЫШЕВТИҢ «ХОРЛАҢА ХАРА СУҒ» УЛУҒ ЧООҒЫ – КЕЕРКЕСТІГІ САРЫХТЫҢ КӨЗІДІМІ

В статье исследуется художественный мир лирической повести известного хакасского писателя Каркея Трофимовича Нербышева «Журчащий ручеёк». Особое внимание уделено изучению исповедального начала в повести, позволившего автору создать атмосферу доверительных отношений с читателем, героя-рассказчика, от лица которого ведётся повествование, создающее эффект достоверности изображаемого.

Ключевые слова: хакасская проза, лирическая повесть, герой, диалог, поэтика.

Саблыҕ хакас писатель Каркей Трофимович Нербышев, чонның пазылбин пүткөн чайаачызын чаксы пілчеткен кізі, прозада, кибеллегде чіли, чон тілінің хоос ондайларынаң тузаланып, кееркестіг көг төріткен. Аның 1972 чылда «Хорлаңа хара суғ» чоохтар чыындызы сыххан соонда, хакас литература істезігчизи А. Г. Кызласова таныхтаан: «Кип-чоохха төстеніп пасхан «Тас Ирбен» чоохты, пүүңгі чииттернің сағам на төріпчеткен хыныстарына чарыдылған «Хорлаңа хара суғны» алай ба «Алтын нымахты» хығырып алып, піс

сизінчөбіс, К. Нербышев хакас прозазына лирической ағын хосча. Анзы пістің литературада наа нима» [Кызласова 1973: 152]. А. Г. Кызласованың сөстерінең чаразып, таныхтирға кирек: К. Нербышев «Хорлаңа хара суғ» тіп пастағы чоохтар чыындызынаң хакас прозазына наа үн хосхан. Саблыҕ хакас писатель паза критик М. Н. Чебодаев пу чайаачы тоғыста авторның «чүрек көөрестіг көгнің-чоохтың үні», уламох тыып парып, мының алнында іди тың пілдірбесен наа кўзін көзіткен тіп санапча. Ол «Хорлаңа хара суғдаңар» пасча:

«Пу угаа ксеркестіг, хоос сөснөң пазыл парған улуғ чоох. Хакас литературазында прозанаң пазылған мындағ тоғыс пу синге читіре чох полған» [Чебодасев 1983: 120]. К. Нербышевтің хакас литературазының тилизіне хозымын піди паалааны орта полар. Аның чоохтары, кибелістерөк чили, сынап таа ксеркестіг үннең пазыл парғаннар. «Хорлаңа хара суғ» улуғ чоохта, «Тас Ирбен», «Танға усхунча көк тайғам», «Алтын нымах» чоохтарда поэттің көөлбек көңні кізі чүреен тибіретче.

«Хорлаңа хара суғ» улуғ чоохта писатель, чир-сууның силиин, чонның хониин чарыдып, хакас паза илбек орыс литературазының хоос кибірлерінең тузаланчатханы чарых көрінче. Автор матырның сағызын, хылиин, көңнін, чуртастағы үлүзін чарыдарына өөн хайығ салча, поэзияның чооғын өөнінде аның на ибіре апарып, чуртастың улуғ даа кизектерін кирек ле сөстернең чоохтирға күстенче. К. Нербышевтің ол оңдайын істезіп, М. Чебодасев «Хорлаңа хара суғ» улуғ чоохты психологической прозаа чағын итче. Ол таныхтапча: «Хакас прозазында пу наа табылған оңдай. Аны психологической проза тіп адирға чарир. Анынаң тузаланып, автор пір нимеденер чоохтаң пасха киректенер чоохха табырах айлан парыбысча. Аны мында, сын поэзиядағох чили, көг ханады учухтыр чөрче» [Чебодасев 1983: 120]. Иди, Каркей Нербышев «Хорлаңа хара суғ» улуғ чооғында Илбек Ада чаа чылларында ирткен олған чуртазын амғы харахнаң көріп хоостапча. Ол саарбах тустаңар чоох апарарға киліскек үн таап алған. Хайди таныхтапча М.Н. Чебодасев, «Хорлаңа хара суғның» хығырғанда, ол өрінген авторның «кізілернің хылығын пір-ікі ле сөснөң хап-орта көзіг пілчеткеніне, сөснөң угаа үзүр, че олох туста хойығ тузаланчатханына» [Чебодасев 1971: 81]. «Хорлаңа хара суғ» улуғ чоохтың матыры Хағойах ам даа кічиг. Че, андағ даа полза, ол көп нимені ситкіп көрче, улуғларнаң хада тоғыста аралазып, поэзияның көңнін асча. Аалда паза прай Чир-суубыста полчатхан хорығларны үзүріп, матырның пастағы арығ көөленізіненер чоох апарып, автор оолахтың сағыс-көгізі тышчатханын, хылиин пиктелчеткенін харахха көріндіре хоостапча.

Каркей Трофимович, Илбек Ада чаа тузында кічиг частығ полған полза даа, че аның сағызында ол иреселестіг чыллар постарының ізін артысхан тиирге чарир. Ідөк аның паары-чүресенде хатығ чааластарда араласхан чаачыларның, тылда прай аар ир кізі тоғызын иткен, өзөгісті көрген ипчилернің, апсах-инейлернің, поэзияна сала улуғ арах полған олғанның чоохтары сиип халған поларлар. Аннаңар ол «Хорлаңа хара суғ» улуғ чооғында Илбек Ада чаа тузындағы чуртастың хайди, хақан, хайда ирткеніненер харахха іле көріндіре пасхан. Ол оңдайың улуғ чоохта, Хағойахтаң паза аның өөрезі Лизадаң пасха,

армияа пос көңнінең парыбысхан үгретчі Мариканың, аның туңмазы ырчы Туканың, чаачы имчі хыс Ленаның, кирі уучаның паза аннаң даа пасхаларының омалары угаа киртістіг, ундулбас чайал парған. Полғанын на автор пос оңдайлығ, хылыхтығ хоостапча. Тылдағы чонның чиңіс чағдадар үчүн хараа-күнөрте істенчеткені, хайдағ даа аар, хатығ чыллар полза, чахсы, чалахай хылыхтығ польып, тынан пілчеткеннері көзіділче. Чаадаң айланған чаачының омазын чайап, автор кічигдең сығара искен алыптығ нымахтарның матлама матырларыңар айланған тіп таныхтирға чарир. Мында литература істезігкізі Н.С. Майнагашеваның сөстері орта полар: «Хағойах оолахтың Коля тайызы чаадаң айлан килгенде, кічичек аалның чоны аны угаа турыстығ удурлапчатхан кизекте хакас чаачы алыпнаң көнізінең тиңнестірілбезе дее, чоох апарчатхан кізінің чайаачы сағызында олох ла чонның хоос сағызында төреміл тоғасчатхан омалар төріпче» [Майнагашева 2020: 90].

«Хорлаңа хара суғ» улуғ чоохтың полтазының өөнине матырның саарбах тузын сағысха киргені салыл парған. Аны тирең көзідер үчүн, автор чайаачы тоғызында литературада алғым тузаланылчатхан чоохты пастағы сырайнаң апарарына төстенче. Иди чоохты пастағы сырайнаң апарчатхан матырның омазы хоостыра автор хығырығчыны хоос произведение кибірлеріне пүдірілген чуртаснаң таныстырча, матырның хараанаң көрерге көніктірче. «Хорлаңа хара суғда» чоох апарчатхан өөн матыр ікінчі матырзар – олған тустағы Лиза өөрезінзер – айланча, анынаң чоохтасча. Олох туста ікі кізі чооғы хоос оңдай пастыра автор чонның Илбек Ада чаа тузында колхозта тіспен тоғызын, чиңіске хозымын, аның чуртазын, кибірлерін көзітче, төресен чирінің силиин хоостапча.

Каркей Нербышев «Хорлаңа хара суғ» улуғ чооғын кічичек Тымых хакас аалның чоны Илбек Чиңіс үлүкүнін хайди таныхтаанынаңар пастапча. Ол улуғ көдіріліснөң пасча: «Ол күн Тымых аалның чоны, алай пір ортымах колхоз, чиңіс тойын иткен. Чаа тоозылған чыл полған ол. Ноға іди орай, ноға порчо тузында?... Анзын пілбинчем. «Чир хурты» үлүкүн хадох полған, неке. Че той полған. Хазыңнар хыринда, хорлаңа хара суғның хазында, кибірек час отта улуғ стол салылған. Ол стол – көк от чабылған олаңай хара чир полған» [Нербышев 1972: 5]. Пу кизек, прай произведение чили, ікі кізі чооғынаң пүткен. Чиңіс тойынаңар өөн матырның Лизаа айланған чооғында аның көңні, чүрексінізі, өрінізі іле пілдірче. Лизаның сурии (Ноға іди орай, ноға порчо тузында?...) паза агаа Хағойахтың нандырии тіріг чоохтазығ парчатханына чағын итчелер. Мындағ литература оңдайы пользыинаң автор матырның сағыс-көңнін чарыгча паза чонның чуртазын көзітче.

Кізі тудынчатхан ниме-нооларны – аалдағы чонның ағас айахтарын, хара чірчелерін, сумусхалығ табахтарын паза Волганың, Висланың, Одернің суун суухан алюминь кружкаларны, солдат алғайларын – көзідіп, автор фронтта чааласханнарның паза тылда тоғынғаннарның хада-пірге Илбек Чиңіске өрінчеткенін хығырығчаа читірче: «Тудымға толдыра ағас самнахтар таңмалығ солдат самнахтарынаң хада алғайлар істінде урунызып, пір дее тарығыс чох, сўсклес турғаннар» [Нербышев 1972: 5]. Иди, К. Нербышев кўннең кўнге кізі тузаланчатхан предметтер пастыра тирең сағыс чарыгча: пір алғайда тоғасчатхан ағас самнахтар паза таңмалығ солдат самнахтары тылда тыс пілбин тоғынған паза фронтта хатығ чааласхан ээлерінің пір чиңіске читкенін таңмалапчалар.

Ол ўр сағаан кўнде чонның көңнін автор өөн матырның Лизаа айланған чооғы пастыра чарыгча. Мында ол ўлўкўн хайди иртчеткенін, Илбек Ада чаа соонда хакастарның кип-азаан, Тымых аалны, ханаларны, тураларны көзігчеткен хоос детальларнаң хоза тузаланча: «Ундубаазың, Лиза... Ол улуғ той полған. Таар ыстаннуығ апсахтар, чалғыс көгенектеріне айап, чалаас кўресклен турғаннар. Ахсах солдат ооллар, тайахтарына тірене, «присядка» сал турғаннар. Ипчїлер, тізең, чиит хыстар чїли уйадып, мондылчатханнар. Пазында пилотка пўрік чох олғаннарға улуғ ачырғас полған. Оларның пабалары айланмаан ам на тохтаан чаадаң. Кўрбесен чырғал, ундулған пайрам, сағаан той тўскен ол кўн пістің кічичек аалыбысха. Ыр, сыыт, өрїніс, ачырғас алынча чўректерден поэзып, пір улуғ көг салғағы польып, тыып парған. Чуртас пузын чайхабысхан. Тибїребїскен пазох аалыбыс хонии. Иңзерїлген ханалар «азахха» турғлааннар. Мўңїс туралар пазох суум-саамға усхунған. Палты табызы тох-тах яңыланған. Сїлігїне тўскен, хараан чызыныбысхан, кўлінібіскен пістің Тымых аалыбыс» [Нербышев 1972: 6].

Андағ өрїністіг пайрамның кўнде өөн матыр Лиза өөрезїн пасха харахнаң көр салча. Чоох апарчатхан матыр өөрезїнзер айланча: «Ундубаазың ол пайрам кўнїн. Мин пастағызын на ол кўн синїң алныңда кинетїн чочып парып тохти тўскем. Ол кўн кинетїн не синї – Лизаны – көр салғам». Аннаң андар өөн матыр поэзының сағыстарын, көңнїн хығырығчаа асча: «Кичес хада өскен, хада ойнаан ўтбек састығ хызычакты нимес. Лизаны!... Сылағай, пик сынның, уйатчыл кїрбїктіг, чапчан кўрең харахтығ, ап-арығ, пўзік хамахтығ хыс тура тўскен алнымда. Сах андох аны хол теертпес арығ хуйах чаабысхан. Минїң алнымда харахха көрїнемес ызых көзеңе тўс парған. Чїг парған минїң кічичек өөрем. Сысти тўскен ізіг палығ. Хысхыра тўскен, ух теңен киик польып, минїң чўресем. Харах көрбин, тубан часталған тоғылах чирче пози тўскен ол» [Нербышев 1972: 6–7].

«Хорлаңа хара суғ» улуғ чоохтың кееркес сари уғаа тирең. Автор улуғ хайығ салча саарбах оолахтың сағызын, көңнїн чарыдарға, ниме ағаа өрїніс ағылчатханын, нимес ол хомзынчатханын көзїдерге харасча. Саарбахтың сағызы пір тустаң пасха тусха табырах ойлапча, андағох ондайнаң произведениенїң полтазы пўт парған. Р. Т. Сакова «Хорлаңа хара суғдаңар» пасча: «Мында автор чоохты өнетїн іди пўдїрче. Ол геройның чўреенде іс халғыс салған нименї ле көзїтче» [Сакова 1974: 124]. Иди, улуғ чоох, Илбек Чиңїс кўнїнсеңер кизекнең пасталып, аннаң андар чаа чылларындағы чуртасты көзїдерїнең узарадылча. Хағойах, Лизанаң туюх чоохтазығ апарып, ағаа айланып, сағысха кирче, хайди чаа парчатхан чылларда аалзар тоғыстаң орай айланчаңнар, хайди хынған ўтретчї Марика Павловна чаада махачы өл халған, хайди кино прай аалдағы чоннаң көргеннер. Филология наукаларының докторы В. А. Карамашеваның сўстерїнең, К. Нербышевтің улуғ чооғы кееркес паза эпос ондайларын піріктїрчеткен кееркестїг прозаның көзїдїмї полча [Карамашева 1999: 73]. Сыннаң даа, Лизанаң чоохтазығ пастыра өөн матырның істїндегі хылии, көңнї іле сығысча паза хакас чонның чаа тузындағы чуртазы көзїдїлче.

«Хорлаңа хара суғ» улуғ чоохта хакас кибїрлерїнең танызарға чарир. Олған ойыннарын, чиит ўтретчї Мариканаң сїліг чирлерче чол чўргеннерїн, улуғларнаң хада тоғыста, ўлўкўнде араласханнарын хоостап, писатель чиит чўректе улуғ хыныс тўреенїн көзїтче. Чон тїлінең алған көп сїліг, аймах-пасха хоос ондайларнаң тузаланып, оолахтың чир-сууның сїлиине хайхазын, нымзах, чағбан чўреен хоостапча (*кўгїм тағлар, кўн кўліне тўсче, чылығ хылчығастап сыхча, ай көгїлбей сузын чайча*). Хағойахтың көңнїн чарыдарында автор чир-чайаанның хоостарынаң алғым тузаланча. Матырның чўрек көөрезї іле көрїнче Чалаас хайадағы тоғазығларданаң пазылған кизекте: «Лиза! Син ундубаазың ол тағдағы иң пўзік тасты? Чох, ундубаан поларзың. Піс ікөлең андар чўгўрчең полғабыс. Синїң хатхың ырах чайылчаң. Мин нимес-де туюххан өрїнчеңмін. Иң пўзік тасха турып алып, піс пурнада Ағбан суғны кизїре харап турчаңмыс. Анда синїң чирїң полған. Анаң кўн кїрїзїнзер көр сыхчаңмыс. Хайдағ көрїм! Чабызах тағлар азах алтында чїли тўзелче. Тайға... хыри-пазы чох осхас аның. Хай-хай чирде көгїлбей тўдўнде аархы сари хайылча. Аннаң аппағас тасхыллар тигїрнї тїреглеп сал турчалар. Уғаа ырах. Олар ах хыр сапхан алыптар омазы осхас, тайға, тїзең, олар одырған пўлес көк плис чапхан столлары. Ўрўгїс хаапча кізі чўреен ол көрїмге» [Нербышев 1972: 27–28].

«Хорлаңа хара суғның» пастағы чардығы 1969 чылда «Ах тасхыл» альманахтың 17-чї сығарызында сыххан соонда, М. Н. Чебодаев ізенїснен пасхан: «Ирткен Илбек чаа тузындағы хакас

аалының чуртазын чүрек тибіредістіг сынынан көзігчеткенінең пу чоох пістің литературада поэзияның пик орнын табар» [Чебодаев 1983: 120]. Сыннаң даа, Михаил Николаевичтің пу ухаанчы сөстері толғаннар: амғы туста Каркей Нербышевтің «Хорлана хара суғ» улуғ чооғы хакас литературасының иң чахсы, пөзік синде чайалған

произведенийлерінің санына кірче. Хоос произведенийниң өөн матырының омазын, өрінізін, хынызын, пірееде, тізең, чобаан хоостап, тирең ома чайап, чонның Илбек Ада чаадағы чуртазын чарыдып, Каркей Нербышев проза сарығына кееркестіг ағын хосхан паза хакас литературасын тиксі пайытхан.

Литература

Карамашева В.А. Художественные особенности повести К. Нербышева «Журчащий ручеёк» // Ежегодник института саяно-алтайской тюркологии ХГУ им. Н.Ф. Катанова. – Выпуск III. – Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 1999. – С. 72–74.

Кызласова А.Г. «Хакас чоохтарының чындызы» // Ах тасхыл. – 1973. – №21. – С. 151–154.

Майнагашева Н.С. Илбек Ада чааданар түүнген сағыс хакас литературасында чарыдылғаны (В.В. Угдыжекотын, Каркей Нербышевтің, Митхас Туранның чайаачылары) // Вклад Хакасии в Победу в Великой Отечественной войне. Материалы заочной науч-

но-практической конференции, посвящённой 75-летию Победы. – Абакан: ООО «Книжное издательство «Бригантина», 2020. – С. 86–100.

Нербышев Каркей. Хорлана хара суғ. – Абакан: Хакасское отд-ние Красноярского кн. изд-ва, 1972. – 128 с.

Сакова Р. «Хорлана хара суғданар» сағыстар // Ах тасхыл. – 1974. – №22. – С. 124–126.

Чебодаев М.Н. «Көгім хорымнарда» (Каркей Нербышевтің романынаңар хай пірее таныллар) // Ах тасхыл. – 1983. – №31. – С. 119–121.

Чебодаев М.Н. Хорлана хара суғлар // Ах тасхыл. – 1971. – №19. – С. 81–82.

*А.С. Шарипова
(Казань, Россия)*

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ГЕРОИ И КАРТИНА МИРА В ТАТАРСКОЙ ДРАМАТУРГИИ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКОВ

Исследование направлено на выявление закономерностей идейно-эстетического развития татарской драматургии рубежа XX–XXI вв., определение особенностей художественного отражения картины мира и изображения национальных героев в пьесах исследуемого периода, а также выявлению художественных и социальных задач, поставленных авторами.

Ключевые слова: татарская драматургия, герой, тема, идея, инвариант.

Татарская драматургия рубежа XX–XXI вв., как и литература в целом, ознаменуется сменой художественных парадигм. Как и в русской драматургии, в татарской сценической литературе «точка зрения на реальный мир, ракурс его отображения меняются, потому что сложившаяся прежде художественная картина мира жестко регламентирует содержание и форму произведения, сковывает творческие возможности писателя» [Данилова 1999: 86]. Масштабные трансформации, связанные с социально-политическими событиями в стране, приводят к серьёзным изменениям как в идейно-эстетическом плане, так и в плане сюжетно-композиционного построения драматургических произведений.

Развитие национального самосознания, переоценка исторического прошлого, смена ценностных ориентиров и общественных идеалов становятся предпосылкой для перемещения акцентов на социально-политическую и национальную проблематику, что становится предпосылкой для формирования нового инварианта сценической литературы, ориентированного на изображение жизни и судьбы нации.

Татарская сценическая литература исследуемого периода связана с именами активно работающих драматургов, как Т. Миннуллин, И. Юзеев, А. Баян, Р. Мингалимов, Ю. Сафиуллин, Р. Хамид, Р. Батулла, а также представителей нового поколения авторов – З. Хакима, А. Гилязова, Г. Каюмова, Д. Салихова, Р. Сагди, Р. Зайдуллы, Э. Ягудина, Х. Ибрагима, Ф. Яруллина, Ф. Байрамовой, М. Маликовой и др. В творчестве этих драматургов, в основном, на первый план выдвигаются размышления о судьбе народа в истории страны, о её нынешнем состоянии и будущем, о предназначении отдельного человека в обществе и жизни народа, возвращается религиозная тематика в философском ключе. Драматурги начинают отдавать предпочтение общечеловеческому в противовес общественному: в центре произведений оказываются темы сохранения национальных и нравственных ценностей, родного языка и традиций, преемственности поколений и др.

Идея национального возрождения, которая была определяющей в классической татарской драматургии, вновь возвращается на арену татарской сценической литературы и обретает абсолютно новое звучание.

ние, переместив акценты на мысли о необходимости совершенствования самого человека. Переход от анализа социальной психологии всеми узнаваемого типичного передового героя к исследованию духовного мира обыкновенного человека через призму национальных культурных кодов приводит к трансформации концепции героя. Новый герой начинает идентифицироваться обыкновенному человеку со своим противоречивым внутренним миром, душевными переживаниями, философским взглядом на жизнь и уникальностью.

Качественные преобразования в части углубления национальной философии, стремление к воссозданию национальной картины мира, повышенный интерес к национальной тематике (истории, религии, мифологии), возвышение обыкновенного человека на уровень национального героя, «преодолев шаблоны, стандарты, выработанные за многие годы «нормативной эстетики» социалистического реализма и идеологией застойного времени» [Громова 2013: 4], приводит к возникновению новой идейно-эстетической концепции.

Как и в литературах Поволжья, «формами проявления национальной идентичности (...) часто

становятся национальные концепты, символические образы, идеалы, архетипы, обращение к типичным чертам национального характера» [Кириллова 2021: 49]. Стремление к философичности, притчевости, развитие модернистских и постмодернистских приёмов приводит к расширению художественных границ, обогащению поэтического мира современной татарской драматургии.

Обязательная доступность формы массовому сознанию, являющаяся характерной чертой литературы советского периода, уходит на второй план. Одной из основных особенностей современной сценической литературы становится «стремление посредством образов-символов передать образное восприятие бытия, сотворить новый художественный мир, ещё сильнее воздействовать на читателя, повысить эмоциональный накал произведения и, самое важное, наиболее полно раскрыть идею самого автора» [Закирзянов 2009: 153]. Драматурги начинают ориентироваться на подготовленного зрителя (читателя), усиливается интеллектуальная тенденция и появляется элитарная драматургия.

Литература

Громова М.И. Русская современная драматургия: учебное пособие для студентов-филологов, учащихся средних учебных заведений гуманитарного профиля. 4-е изд., стер. – М.: Флинта, 2013. – 160 с.

Данилова И.Л. Модерн – постмодерн? О процессах развития драматургии 90-х гг. – Казань: Фэн, 1999. – 96 с.

Закирзянов А.М. Трансформация образов-символов в современной культурной ситуации (на примере татар-

ской драматургии) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2009. №2. – С. 149–154.

Кириллова И.Ю. Национальная идентичность и особенности её отражения в современной драматургии Поволжья // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. – 2021. – №3(112). – С. 47–52.

РОДНЫЕ ЯЗЫКИ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

*В. В. Адаменко, Р. М. Сидеева
(Абакан, Россия)*

ЯЗЫКОВАЯ СРЕДА В ДОШКОЛЬНОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ УЧРЕЖДЕНИИ КАК ЭФФЕКТИВНОЕ СРЕДСТВО ОБУЧЕНИЯ ХАКАССКОМУ ЯЗЫКУ

В данной статье авторы обобщают опыт работы по изучению второго родного языка за счёт создания активной языковой среды в условиях дошкольного образовательного учреждения. Акцентируется важная, определяющая роль активных форм изучения языка: придумывание словесных игр, создание речевых ситуаций, использование наглядных пособий и других.

Ключевые слова: языковая среда, дошкольник, обучение, хакасский язык.

*Мин үрүкчөм тыңоһ, хайди чуртир,
Чиримниң тилин читкиче оңарбаза.
Мин ситкипчөм, тилим хайдаң тилир,
Чуртас оңдайын сизикти пилбезе.
Илбек, алгым, муңар чыллар алтаан
Писательлер тили кичигдең писке таныс.
Ил-чонымның чуртазынча хаалаан
Обекелер тили, хайхастыг тирең сагыс.*

Е. Сунчугашева

Родная речь человека на протяжении всей его жизни обогащается и совершенствуется, но самый важный период овладения ею в детстве, когда на основе бытовой сферы общения, знакомства с устным народным творчеством, национальной культурой чётко и быстро усваивается родной язык.

Так как в нашей Республике два государственных языка, то владение вторым (хакасским) языком является также важным фактором взаимодействия в обществе. К сожалению, у детей дошкольного возраста есть некоторые трудности при усвоении второго языка: отсутствие мотивации к обучению, психологический барьер в связи с непривычными звуками иноязычной речи и т. п.

Опираясь на труды учёных ХакНИИЯЛИ, методические рекомендации по обучению хакасскому языку кандидата педагогических наук М. С. Арчимаевой, кандидата филологических наук Л. В. Челтыгмашевой, мы пришли к выводу, что наиболее продуктивной формой для обучения детей дошкольного возраста хакасскому языку является правильно созданная активная языковая среда.

В этих целях нами создана рабочая программа по обучению хакасскому языку, в которой описаны основные задачи, которые необходимо выполнить в процессе организованной образовательной деятельности. Этот комплекс включает в себя различные виды деятельности: игровую и изобразительную (рисование, аппликация, элементы театральной

деятельности), художественно-речевую (стихотворения, пословицы, сказки). Обучение строится преимущественно с опорой на наглядность: игрушки, картинки, изображение действий, жесты. Словарный запас включает лексику по темам, хорошо известным детям в их повседневной жизни, например: «Праздники», «Семья», «Одежда». Данные речевые занятия нацелены на формирование у детей умения соотносить свои речевые действия с образцом воспитателя, возможность получать новые знания о языковой системе второго родного языка, учиться оценивать продукт собственной речевой деятельности.

Чтобы обогатить у дошкольников словарный запас наиболее употребляемых хакасских слов и фраз в совместной деятельности, создаются такие речевые ситуации, которые мотивируют их спросить или сказать что-то на хакасском языке. Это может быть рассказ о своей семье или любимой игрушке. В свободное время и во время режимных моментов обязательно используются слова и словосочетания на хакасском языке: «Здравствуйте», «До свидания», «Можно идти домой?», «Мальчики и девочки садятся кушать», «Ребята, садитесь кушать», озвучивается меню на хакасском языке и т. д.

Добиться успеха в обучении дошкольников хакасскому языку получается и за счёт того, что при создании в группе языковой среды учитываются элементы развивающего характера. К ним относятся одинаковое соотношение живого языка с предметной средой, применение языка символов, создание игровых речевых ситуаций, использование наглядных пособий и раздаточного материала, игровых средств обучения в соответствии с возрастом и индивидуальными особенностями воспитанников.

Для того, чтобы изучаемые слова, фразы у каждого воспитанника легко перешли из статуса «название» в статус «понятие», педагоги исполь-

зуют множество презентаций, электронных дидактических игр, которые созданы своими руками на основе одновременного задействования нескольких анализаторов: тактильное восприятие, зрение, слух, движение. Данные электронные ресурсы активно применяются в образовательном процессе за счёт включения в работу ноутбуков и интерактивной доски.

Роль предметной среды также очень велика, т. к. ребёнок находится с ней в постоянном контакте, он может подойти, посмотреть, взять в руки то, что ему нужно, обсудить содержимое, обыграть с товарищем или группой сверстников. В группе большая часть центров активности оснащены материалами национально-регионального компонента: уголок краеведения – предметами старинного быта хакасов, мини-музеями по темам «Такие разные юрты», «Разные пого», имеются альбомы о достопримечательностях Хакасии, куклы в национальных костюмах, образцы вышивок хакасских рукодельниц. В центре дидактических и развивающих игр располагаются такие настольно-печатные игры как «Хакасская азбука», «Птицы родного края», «Символика Хакасии». Сама группа оформлена по многим хакасским канонам: имеются столбы, олицетворяющие менгиры с наскальными рисунками, ритуальные шаманские бубны, тканевые занавесы на окнах, костюмы для ролевых игр с хакасской традиционной вышивкой.

Совместно с воспитателями в организации деятельности по обучению старших дошкольников хакасскому языку и культуре активное участие принимают и специалисты. Так, на музыкальных мероприятиях воспитанники не только разучивают детские песни на изучаемом языке, но и знакомятся с хакасской музыкальной культурой (нарративной, обрядовой, песенно-лирической, инструментальной), с музыкальными инструментами хакасов (хо-мыс, чатхан, түүр). На занятиях по физической культуре играют в подвижные игры хакасов «Чылгаях», «Чуурана» (Чазынчах) и др. В содружестве со всем коллективом проводятся мероприятия этнокультурологической направленности «Чыл пазы», «Ўртүн-той», «Тун пайрам».

В дошкольных учреждениях всегда сохраняется большой потенциал для целенаправленной работы по изучению второго родного языка. Создание активной языковой среды в условиях дошкольного образовательного учреждения подразумевает придумывание словесных игр, создание речевых ситуаций, использование наглядных пособий и других активных форм изучения языка. В результате у выпускников детского сада прослеживается сформированность речевых умений (аудирование, говорение) и навыков (произносительные, лексические) устной хакасской речи; дети понимают данную речь, могут общаться с педагогом или со сверстником, задавая вопросы или отвечая на них на хакасском языке.

Литература

Боргояков С. А., Боргоякова Т. Н. Языковая ситуация и проблемы обучения хакасскому языку в республике Хакасия // Научное обозрение Саяно-Алтая. – 2016. – №3(15). – С. 12–22.

Бурнакова К. Н. О некоторых проблемах обучения хакасскому языку как государственному языку Респу-

блики Хакасия и представлении временных форм в УМК // Научное обозрение Саяно-Алтая. – 2016. – №3(15). – С. 25–32.

Бутанаев В. Я., Верник А. А. Народные праздники Хакасии. Учеб. пособие. – Абакан: Изд-во Хакасского гос. университета им. Н. Ф. Катанова, 1999. – 76 с.

О. В. Доможакова
(Абакан, Россия)

ГОД КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НАРОДОВ РОССИИ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ В РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ ХАКАСИЯ

В статье представлены тенденции развития и актуальные вопросы практики реализации государственной языковой политики Российской Федерации в системе образования и науки Республики Хакасия, актуализированные Годом культурного наследия народов России, объявленным Президентом Российской Федерации. Рассмотрены вопросы формирования общероссийской гражданской, региональной, этнокультурной идентичности, повышения качества преподавания и изучения хакасского языка. Языковая ситуация актуализирует межведомственное взаимодействие, междисциплинарные исследования в целях улучшения языковой ситуации и тенденций развития хакасского языка.

Ключевые слова: система образования Республики Хакасия, государственная языковая политика, общероссийская гражданская идентичность, региональная, этнокультурная идентичность, историческое сознание, хакасский язык, федеральные государственные образовательные стандарты, качество преподавания и изучения хакасского языка, языковая ситуация.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 30 декабря 2021 г. № 745 в Российской Федерации проводится Год культурного наследия народов России (далее – Год культурного наследия).

Реализация государственной языковой политики Российской Федерации в системе образования Республики Хакасия (далее – государственная языковая политика) отвечает целеполаганию Года культурного наследия, характеризуется определёнными тенденциями развития этнокультурного (национального) образования.

В преддверии Года культурного наследия в Республике Хакасия проведены значимые мероприятия:

– Межрегиональный круглый стол «Русский язык, родной язык – векторы развития. Региональный опыт реализации государственной языковой политики в регионах Сибири и Дальнего Востока на современном этапе» (г. Абакан, 25 июня 2021 г.);

– Всероссийская научно-практическая конференция «Традиции и инновации в реализации государственной языковой политики Российской Федерации в сфере образования и науки регионов Сибири и Дальнего Востока» (с 28 октября по 13 декабря 2021 г.).

Одним из итогов конференции стало создание рабочей группы по родным языкам народов Сибири и Дальнего Востока при экспертно-консультационном совете Межрегиональной ассоциации экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации «Сибирское соглашение» по образованию и науке (далее – Рабочая группа).

Первое заседание Рабочей группы состоялось в г. Абакане Республики Хакасия 01 и 06 декабря 2021 г., по итогам работы приняты протокольные решения, в том числе план мероприятий («дорожная карта») по развитию этнокультурного образования в регионах Сибири и Дальнего Востока, созданию условий для воспитания гармонично развитой и

социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций на 2022–2024 гг. в рамках реализации национальной цели «Возможности для самореализации и развития талантов».

В Год культурного наследия исполняется 160 лет со дня рождения выдающегося русского востоковеда, первого хакасского учёного Николая Фёдоровича Катанова. Наследие Н.Ф. Катанова содержит обширные сведения об этнографии, культуре, языках коренных народов Сибири, Востока, Северного Китая и Монголии и др., служит общему делу продвижения народов России к новым рубежам научного познания и культуры [Валеев, 2017: 17].

Министерством образования и науки Республики Хакасия совместно с ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова» организуется проведение настоящей Международной научной конференции «Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири», посвящённой 160-летию выдающегося востоковеда и тюрколога Н.Ф. Катанова (далее – Международная конференция).

Международная конференция объединяет и продолжает традиции двух ежегодных конференций:

– постоянно действующего научного форума «Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири», организуемого и проводимого Институтом гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова» (см. об этом [Боргоякова, Гусейнова 2021], [Боргоякова, Гусейнова 2018], [Боргоякова, Гусейнова 2016]);

– Международной научной конференции «Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий», организуемой и проводимой Государственным бюджетным научным учреждением Республики Хакасия «Хакасский научно-исследо-

вательский институт языка, литературы и истории» (далее – ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ»).

Данные конференции накопили огромный исследовательский опыт в области сохранения и развития родных языков и культур народов Сибири и сопредельных территорий.

Международная конференция демонстрирует согласованность действий в проведении научных исследований общей тематической области, объединение научных, кадровых и иных ресурсов, содействует увеличению масштаба научной деятельности, обеспечивает синергетический эффект.

Развитие международной конференции считаем перспективной формой организации мощной научной площадки по обсуждению проблем и поиску путей их решения, подготовке действенных рекомендаций по сохранению и развитию родных языков и культур народов России, повышению эффективности реализации государственной языковой политики.

Преподавание и изучение хакасского языка является самобытной уникальностью системы образования Республики Хакасия, одним из ключевых факторов формирования **российской гражданской идентичности** обучающихся.

Федеральные государственные образовательные стандарты начального общего, основного общего, среднего общего образования (далее – ФГОС общего образования) учитывают региональные, национальные и этнокультурные потребности народов Российской Федерации и направлены на *формирование российской гражданской идентичности* обучающихся, сохранения и развития культурного разнообразия и языкового наследия многонационального народа Российской Федерации.

Проблема «формирования российской гражданской идентичности немыслима без региональной и культурной идентичности, которые дополняют и усиливают друг друга» [Боргояков 2021: 15].

Формирование российской гражданской идентичности обучающихся, считаем, более эффективно в случае развития родного языка.

Родной язык определяет региональную, этнокультурную идентичность подрастающего поколения, по нашему мнению, как составляющих российской гражданской идентичности, содействует формированию исторического сознания.

Учебное пособие «Древняя история Хакасии» [Кызласов 2020] в комплекте с методическим пособием для учителя (Медведева Н. Н., Ахпашева Л. О., Кудрявцева Т. Ю.) [Методическое пособие 2021] представляют собой системное, целостное, научно обоснованное пособие по древней истории региона, содействуют формированию исторического сознания, любви к родному языку.

В Республике Хакасия отмечается 300-летие открытия Д. Г. Мессершмидтом в 1721 г. каменных

стел с образцами енисейской письменности – древнейшими надписями на тюркском языке.

Более чем за 300 лет накоплен гигантский археологический опыт, который, по мнению экспертов, требует осмысления и обобщения, в том числе в контексте формирования коллективного исторического сознания.

Хакасия – земля древних цивилизаций, обязательными деталями пейзажа Хакасии являются величественные древние памятники. Такого количества и качества памятников нет нигде в мире [Кызласов 2020: 31].

Не случайно в Республике Хакасия 2022 год объявлен Годом археологии, в преддверии которого создана рабочая группа по развитию научной деятельности в области археологии при Правительстве Республики Хакасия.

Практика проведения единого открытого урока «Исследованиям древнетюркской рунической письменности и открытию Д. Г. Мессершмидтом памятников монументальной письменности – 300 лет», единого классного часа «Мы – наследники историко-культурного наследия Хакасии» (охват составил более 50 тыс. чел.) показывает, что вопросы популяризации культурного наследия содействуют повышению престижа хакасского языка.

История хакасского языка насчитывает более 1200 лет. Древнехакасская (енисейская) руническая письменность возникла в VII в., её изучали, её использовало население Хакасско-Минусинской котловины свыше 500 лет [Чебодаева, Субракова, Чебоцакова 2020: 524].

Опыт проведения межрегиональной олимпиады по тюркским языкам показывает, что дети, говоря на своих родных языках, понимали друг друга. Дети и педагоги осознали значимость и ценность родного языка. Кроме того, обучающиеся, опираясь на хакасский язык, могли осуществить перевод на русский язык произведений, изданных на других родных языках.

Улучшились показатели этнокультурного (национального) образования, в том числе увеличилось изучение хакасского языка в предметных областях «Родной язык и литературное чтение на родном языке» и «Родной язык и родная литература» на 30% (было – 48%, стало – 78%).

На современном этапе задача повышения качества преподавания изучения хакасского языка в целях улучшения языковой ситуации, развития конкурентноспособности, престижа хакасского языка становится приоритетной.

В Год культурного наследия в республике организованы и проведены региональные оценочные процедуры в форме мониторинговых исследований по учебному предмету «Хакасский язык» в 4-х классах (уровень начального общего образования) и 9-х классах (уровень основного общего образова-

ния) общеобразовательных организаций Республики Хакасия.

Мониторинговые исследования нацелены на определение качества освоения образовательных программ начального общего и основного общего образования по учебному предмету «Хакасский язык».

Одной из действенных мер, содействующих развитию государственной языковой политики, является организация работы Терминологической комиссии при Правительстве Республики Хакасия в целях рассмотрения вопросов по использованию хакасского языка как государственного языка Республики Хакасия в деятельности органов государственной власти Республики Хакасия, органов местного самоуправления, государственных организаций, предприятий и учреждений Республики Хакасия.

Издание толкового словаря хакасского языка, 1 том (буквы А – П) стало ещё одним результатом реализации государственной языковой политики в Республике Хакасия.

Выявлению и развитию талантов обучающихся, раскрытию их потенциала содействует организация изучения хакасского языка на углублённом уровне в 10–11-х классах. К примеру, в ГБОУ РХ «Хакасская национальная гимназия-интернат им. Н. Ф. Катанова» организованы лингвистические группы (более 20 чел.).

Обучающаяся 11-го класса Боргоякова А., изучающая хакасский язык на углубленном уровне, является неоднократным победителем ежегодной региональной олимпиады по хакасскому языку и литературе имени М. И. Боргоякова, добилась успехов на финальном этапе Всероссийского конкурса «Ученик года – 2021» в г. Ульяновске, в котором приняли 100 финалистов из 38 регионов Российской Федерации.

В рамках развития частно-государственного партнёрства проведён региональный конкурс «Татхынныг тілім» («Благозвучный мой язык»), нацеленный на воспитание ценностного отношения к героическому эпосу алыптыг нымах как к объекту нематериального культурного наследия народа.

Вместе с тем требует решения ряд актуальных вопросов.

Охват детей коренной национальности обучением родному хакасскому языку в дошкольных организациях республики составляет менее 50 процентов.

В соответствии с Кодексом чести хакасов обучение детей родному языку – обязанность родителей [Торосов 2021: 28].

В соответствии с законодательством родители обязаны заложить основы физического, нравственного и интеллектуального развития личности ребёнка.

В этой работе родителям необходимо оказать помощь со стороны профессионального сообщества.

В этих целях в рамках проекта «Пала тілі» центром методики преподавания хакасского языка и отделом науки и национального образования Министерства образования и науки Республики Хакасия разрабатывается методико-практический комплекс по раннему обучению хакасскому языку для родителей, имеющих детей до 3-х лет.

Следующий актуальный вопрос – существенная недостаточность (отсутствие) научных исследований в области этнокультурного (национального) образования, методики преподавания и изучения хакасского языка.

Опыт субъектов Российской Федерации показывает, что именно научные исследования обеспечивают прочность фундамента этнокультурного (национального) образования (ГБНУ Министерства образования и науки Республики Тыва «Институт развития национальной школы», Научно-исследовательский институт национальных школ Республики Саха (Якутия).

ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ» нацелено на развитие академической науки в области хакасского языка, литературы и истории, что было абсолютно правильным в 1944 г. (год создания учреждения), когда практически все коренное население Хакасии владело родным языком.

На современном этапе языковая ситуация в Хакасии существенно изменилась, менее 30 процентов выпускников 9-х классов коренной национальности, менее 20 процентов учащихся 1-х классов владеют родным языком, наблюдаются быстрые темпы языкового сдвига.

Обществом востребованы научные исследования в области этнокультурного (национального) образования, междисциплинарные исследования, нацеленные на улучшение языковой ситуации, в связи с этим актуальна интеграция науки и этнокультурного образования в рамках основных направлений научных исследований ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ».

Одним из актуальных вопросов является открытие этнокультурной образовательной организации (городской национальной школы) в городе Абакане – административном и культурном центре Республики Хакасия.

Вопрос обусловлен тем, что численность детей коренной национальности в дошкольных и общеобразовательных организациях города Абакана ежегодно увеличивается и составляет более 4,5 тыс. чел. (32 %). При этом охват изучением родного языка составляет менее 30 процентов. Затруднена воспитательная работа на родном языке в поликультурных организациях.

Другой острый актуальный вопрос – это сохранение обучения на родном языке как приоритетная задача.

Обучение на родном языке осуществляется в 9-и малокомплектных общеобразовательных школах: Иллиморовская НОШ, Политовская НОШ – филиалы МБОУ Усть-Чульской СОШ им. М.Е. Кильчичакова, Базинская СОШ, Тюрт-Тасская НОШ – филиал МБОУ Кызласовской СОШ, Чиланская НОШ – филиал Бутрахинской СОШ им. В. Г. Карпова, МБОУ Казановская ООШ, Маткечинская НОШ – филиал МБОУ «Бондаревская СОШ», МБОУ «Красноключинская ООШ», МБОУ «Верх-Аскизская СОШ».

В 1-е классы данных школ поступают дети, свободно говорящие на родном хакасском языке и слабо владеющие русским языком.

В целях сохранения обучения на родном языке подготовлены к изданию учебные пособия «Математика» в двух частях и «Окружающий мир» для 1-х классов на хакасском языке, позволяющие формировать билингвальную систему образования.

Свободный выбор изучения родного языка – актуальный вопрос.

В 1-е классы зачислено более 1200 детей коренной национальности, из них по заявлениям родителей хакасский язык в предметной области «Родной язык и литературное чтение на родном языке» изучают более 60 процентов детей. В г. Абакане – более 30 процентов первоклассников. Часть родителей коренной национальности по-прежнему реализуют своё право свободного выбора родного языка в пользу другого родного языка.

Актуально развитие кадрового потенциала – возрастает потребность в воспитателях дошкольных организаций и учителях начальных классов.

На базе ГБПОУ «Черногорский техникум отраслевых технологий» организована подготовка учителей начальных классов с правом преподавания хакасского языка. Однако среди выпускников коренной национальности данная программа пока ещё не пользуется популярностью.

Тенденции развития государственной языковой политики находят отражения в различных проектах, среди них наиболее популярны:

«Открывая в мир окно!» – республиканская профильная лингвистическая (языковая) смена

(с участием МБОУ ДОД г. Абакана «Центр детского творчества»);

«Ине тілі» как модель этнокультурного образования в условиях реализации ФГОС дошкольного образования (МБДОУ «Центр развития ребёнка – детский сад «Тополёк» Аскизского района Республики Хакасия);

«Этнокультурная модель воспитания детей в дошкольной организации» (МБДОУ Детский сад № 6 «Жемчужинка» Ширинского района Республики Хакасия);

«Храни родное слово» (МБДОУ города Абакана «Центр развития ребёнка – детский сад «Светлячок»).

Приказом Минобрнауки РФ утверждена Концепция преподавания хакасского языка в образовательных организациях Республики Хакасия, ориентированная на воспитание региональной, этнокультурной, общероссийской гражданской идентичностью выпускника школы.

Реализация государственной языковой политики в Республике Хакасия отвечает трендам федерального уровня.

Фонд сохранения и изучения родных языков народов России совместно с Министерством просвещения Российской Федерации (г. Москва) запустили цикл документальных фильмов «Родные языки в регионах России: проблемы и перспективы развития». В ноябре 2021 г. цикл открылся фильмом об изучении хакасского языка в Республике Хакасия, показанном на федеральном канале.

Деловой журнал «Эксперт Сибирь и Дальний Восток» (г. Санкт-Петербург) опубликовал статью «Языковой код нации» (К. Муравьева), в которой представлено описание билингвальной системы образования в Республике Хакасия (взаимодействие русского и хакасского языков).

Опыт работы этнокультурных образовательных организаций, носящих имена выдающихся людей республики, (ГБОУ РХ «ХНГИ им. Н. Ф. Катанова», МБОУ Бутрахтинская СОШ им. В. Г. Карпова и др.) представлен в специальном выпуске научно-методического журнала «Воспитание школьников» (№ 8/2021, издатель ООО «Школьная пресса»).

Литература

Боргояков С.А. Политика памяти как инструмент формирования этнокультурной и региональной идентичности населения Хакасии. – М., 2021.

Боргоякова Т.Г., Гусейнова А.В. IV Международная научно-практическая конференция «Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири» // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2016. – № 3 (13). – С. 132–136.

Боргоякова Т.Г., Гусейнова А.В. II Всероссийская науч.-практ. конф. «Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири» // Томский журнал

лингвистических и антропологических исследований. – 2018. – № 3 (21). – С. 132–137.

Боргоякова Т.Г., Гусейнова А.В. Межрегиональный научный семинар «Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири» // Полилингвистичность и транскультурные практики. – 2021. – Т. 18. – № 3. – С. 316–321.

Валеев Р.М., Валеева Р.З. Профессор Н. Ф. Катанов и университетская тюркология в Казани на рубеже веков // Материалы IV Международной конференции, посвящённой 155-летию со дня рождения хакасского учёного,

тюрколога, доктора сравнительного языкознания, востоковеда, профессора Императорского Казанского университета Н.Ф. Катанова (27–29 сентября 2017 года). – Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2017. – С 17–23.

Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л. Ключевые вопросы истории хакасов. Сб. ст. – Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2016. – 136 с.

Кызласов И.Л. Древняя история Хакасии: учеб. пособие для общеобразовательных организаций Республики Хакасия. – Абакан: Хакасское кн. изд-во им. В.М. Торосова, 2020. – 304 с.

Методическое пособие для учителей к учебному пособию «Древняя история Хакасии» для 5–9 классов. – Абакан: Хакасское кн. изд-во им. В.М. Торосова, 2021. – 96 с.

Торосов В.М. Кодекс чести хакасов. – Хакастарнын посты улуғлир киктези. На рус. и хакас. яз. – Абакан: Хакасское кн. изд-во им. В.М. Торосова, 2021. – 176 с.

Чебодаева Л.И., Субракова В.В., Чебочакова И.М. Хакасский язык: очерк // Толковый словарь хакасского языка = Хакас тілінің чарыдыгылыг сөстігі. Под общей ред. К.Н. Бураковой. – Абакан: Хакасское кн. изд-во им. В.М. Торосова, 2020. – С. 524–603.

Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (с последующими изменениями).

Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации до 2030 года».

Указ Президента Российской Федерации от 30.12.2021 № 474 «О проведении в Российской Федерации Года культурного наследия народов России».

Закон Республики Хакасия от 20.10.1992 № 11 «О языках народов Российской Федерации, проживающих на территории Республики Хакасия» (с последующими изменениями).

Закон Республики Хакасия от 05.07.2013 № 60-ЗРХ «Об образовании в Республике Хакасия» (с последующими изменениями).

Приказ Минобрнауки России от 06.10.2009 № 373 «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования».

Приказ Минобрнауки России от 17.12.2010 № 1897 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования».

Приказ Минобрнауки России от 17.05.2012 № 413 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего общего образования».

Постановление Президиума Правительства Республики Хакасия от 11.02.2021 № 19-п «Об объявлении 2022 года Годом археологии в Республике Хакасия».

Постановление Президиума Правительства Республики Хакасия от 09.12.2021 № Пр-194-п «О развитии научной деятельности в области археологии при Правительстве Республики Хакасия».

Э.К. Замша
(Абакан, Россия)

ПРИЁМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ СРЕДЫ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ: ХАКАССКИЙ ЯЗЫК

В статье рассматриваются разнообразные приёмы формирования языковой среды у младших школьников, используемые для обеспечения интереса к изучению хакасского языка, понимания речи, умения вступить в диалог. Это театрализация сказок, использование хакасского фольклора, игровые технологии и электронные ресурсы на уроках хакасского языка и внеурочной деятельности.

Ключевые слова: языковая среда, хакасский язык, драматизация, приёмы, методические разработки.

Особенности этнической культуры, как правило, возникают в результате исторического развития народа. Современное решение проблем духовного возрождения народа невозможно представить без знаний о культурном наследии. Для обозначения понятия «культура» в хакасском языке бытовал термин *чүлүн*. Например: *Тадар чүлүн тоозыларга чөр* – Хакасская культура исчезает. Так с печалью говорит старшее поколение о размыве национальной самобытности, когда дети становятся русскоязычными, когда забрасывается национальная одежда и уходят в прошлое обычаи. Можно встретить выражение: *Чүлүни пасха чон* – Народ чужой культуры, у которого и речь другая, и образ мыслей, и внешность, и характер другой. Понятие «культура» хакасы связывали с представлением о национальном характере и духовном мире людей, а также с особенностями внешнего облика народа и своеобразием созданных продуктов труда. Освоение знаний о культурном на-

следии своего народа необходимо молодёжи, дабы возродить утраченное и продолжить преемственность культур между поколениями [Бутанаев 1996: 3–4].

Язык является одной из главных составляющих национальной культуры народа. Корни хакасского языка уходят глубоко в древность. Наши предки уважали и ценили свой язык. Но в настоящее время мы наблюдаем, что хакасский язык находится на грани исчезновения. Среди хакасов на родном языке говорят только в далёких деревнях и сёлах, а в городах очень редко можно услышать родную речь. Всё реже в хакасских семьях общаются на родном языке. В этой связи актуальной проблемой современности является состояние родного языка на территории Хакасии. «С детства необходимо воспитывать у младших школьников любовь и бережное отношение к родному языку, знать культуру своего народа, его обычаи. Родная культура, как отец и мать, должна

стать неотъемлемой частью души ребёнка, началом, порождающим личность» [Князева 2015: 6].

В Республике Хакасия в общеобразовательных учреждениях обучение хакасскому языку осуществляется через урочную или внеурочную деятельность. В школе №23 города Абакана обучение хакасскому языку ведётся через внеурочную деятельность. Для обеспечения интереса к изучению хакасского языка, понимания речи, умения вступить в диалог широко применяются театрализованные представления, которые расширяют кругозор детей, прививают нравственные ценности народа, черты характера и национальные особенности. Дети с самого рождения любят сказки, поэтому в своей работе я активно применяю хакасские и русские народные сказки. «Ведь каждый народ привносит в культуру своё, и каждое достижение народа является общим для всего человечества» [Князева 2015: 5].

Драматизация сказок – это один из самых лучших способов освоения языка. С русскими народными сказками дети знакомы с детства, поэтому при драматизации таких сказок как «Репка», «Колобок», «Заячья избушка», «Теремок» не требуется перевода на русский язык. Текст понятен и зрителям, и самим юным артистам. Чтение и театрализация хакасских народных сказок помогают знакомству обучающихся с родным языком, расширяют знания о родном крае, его культуре и истории. Драматизации сказки предшествует большая работа. Первый шаг – это сценарий сказки, он должен быть простым и понятным, чтобы любой ребёнок смог сыграть героев сказки. Второй шаг – это музыка. Музыку для выхода героев сказки обучающиеся сами подбирают. Это для них самый интересный и развлекательный момент. Они начинают спорить друг с другом, доказывать своё мнение, показывать, как бы они вышли под музыку. Третий шаг – перевоплощение в героев сказки. Это очень интересный момент. Каждому предлагается озвучить и показать героя, затем выбирается самый лучший герой. Четвёртый шаг – это совместное изготовление костюмов, масок, декораций, что создаёт детям условия для речевой деятельности. Таким образом, у младших школьников активизируется развитие речи, умение вести диалог и передать свои впечатления в монологической форме. Также в драматизации хакасских сказок очень хорошо нам помогают тахпахи. Например, в театрализации хакасской народной сказки «Ікі нанчы» герои Адычах и Кечох поют тахпахи. Так мы приобщаем обучающихся к устному народному творчеству, знакомим с жанром тахпах. Такая работа позволяет обучающимся принимать активное участие в различных мероприятиях на родном языке и занимать призовые места в конкурсах разного уровня.

Для повышения эффективности изучения хакасского языка активно применяются игровые технологии. Игры присутствуют на всех этапах занятия. Фо-

нетические игры «Глухой телефон», «Поймай звук», «Какой звук я задумал?», скороговорки, считалки, стишки, хоровое чтение рифмующихся слов. Лексические игры: «Бинго», «Что пропало?», «Четвёртый лишний», «Шифровка», «Лестница», «Буквы заблудились», «Кто быстрее», «Ошибка художника», «Путаница», «Домино», ребусы и т.д. В начале занятия проводятся индивидуальные и парные игры, а в заключении – коллективные игры, например, игры-соревнования «Палыхтар», «Чистектер», «Өңнер». Школьники знакомятся с хакасскими национальными играми. Особенно обучающиеся любят игры «Мелей», «Аба паза төкпес», «Паг тудызах», «Пурба», «Хазых». «Происхождение многих хакасских игр связано с религиозными ритуалами местных культов. В речи играющих встречаются магические заклинания *хурай* и другие, которые уже не понятны нынешнему поколению» [Бутанаев, Верник 1995: 3]. Также проводится много подвижных игр с обучающим характером: игры-соревнования, третий лишний, поймай мяч, музыкальные стулья. Через игру обучающиеся знакомятся с новыми словами, запоминают их, и это помогает им учиться разговаривать друг с другом, осваивать грамматические основы хакасского языка.

Занятия по хакасскому языку строятся в соответствии с динамикой внимания обучающихся, учитывается время для каждого задания, чередуются виды работ во избежание усталости. Начинаются занятия с эмоциональных стихотворений, упражнений, которые дают положительный настрой, например, после приветствия обучающиеся вместе с учителем здороваются с частями тела:

- *Изеннер, харахтарым! Изеннер, хулахтарым!*
- *Изеннер, холларым! Изеннер, азахтарым!*
- *Харахтар көрчелер! Хулахтар исчелер!*
- *Холлар айа саапчалар! Азахтар пас чөрчелер!*
- *Киректер хайди нарча? Чахсы!*
- *Здравствуйте, глазки! Здравствуйте, ушки!*
- *Здравствуйте, ручки! Здравствуйте, ножки!*
- *Глазки смотрят! Ушки слышат!*
- *Ручки хлопают! Ножки ходят!*
- *Как у вас идут дела? Замечательно!*

Проводятся упражнения с пожеланием успеха на занятии, например, ученики закрывают глаза и мысленно повторяют за учителем: *Мин хыйгацахсым, мин абахайзым, мин иркечексім, мин күнічексім – Я умная (умный), я красивая (красивый), я милая (милая), я солнышко* и т.д. С применением такого начала учащиеся приходят на занятия по хакасскому языку с желанием учиться, показать свои знания, получить новую информацию. Эффективно используются электронные средства обучения, мультимедийные презентации, видеоэкскурсии и виртуальные экскурсии, которые позволяют сделать занятие современным и интересным.

«Большое место в приобщении детей к народной культуре должны занимать народные праздники и традиции. В них фокусируются накопленные веками тончайшие наблюдения за характерными особенностями времён года, погодными изменениями, поведением птиц, насекомых, растений. Причём эти наблюдения непосредственно связаны с трудом и различными сторонами общественной жизни человека во всей их целостности и многообразии» [Князева 2015: 8]. Обучающиеся активно привлекаются к различным школьным мероприятиям (конкурсам, праздникам): праздники «Таан той», «Чыл пазы», «Ўртүн той», школьный конкурс чтецов хакасских писателей «Родная земля», посвящённый Дню родного языка, конкурс рисунков «По страницам хакасских народных сказок!», посвящённый Дням тюркской письменности, общешкольные акции «*Изеннер!*», «Вместе учим хакасский язык!», «Говорим по-хакасски!». Проводятся вместе с учениками мастер-классы для не изучающих хакасский язык: «Изготовление оберега – пого», «Хакасская кукла из бумаги», «Магнит – мелей», «Жарок – символ Хакасии» и т. д.

Таким образом, методическая система работы с обучающимися развивает способность использовать хакасский язык в общении, формирует навыки диалогической и монологической речи, способствует самостоятельному изучению хакасского языка.

Созданы методические разработки: «Дидактические материалы по внеурочной деятельности «Хакасский язык с увлечением» для 2–4 классов. Разнообразные упражнения помогают обучающимся изучить, закрепить, обобщить и проверить уровень знаний, умений и навыков при изучении хакасского языка, позволяют более творчески подходить к оценке знаний учащихся, привлекать к работе всех учащихся класса, способствуют формированию интереса к внеурочной деятельности, активизируют мыслительную деятельность учеников, развивают смекалку и наблюдательность. Методическая разработка «Настольная игра “Говорим по-хакасски”» – увлекательная игра на хакасском языке, помогает

школьникам усвоить основные хакасские разговорные фразы. При помощи этих фраз обучающийся с лёгкостью может рассказать о себе, как его зовут, где живёт, сколько ему лет, что он любит, какую одежду носит, какое у него хобби и т. д., учится задавать вопросы на разные темы.

Методическая разработка «Дидактические игры по обучению детей хакасскому языку на внеурочной деятельности в 1–4 классах» представляет темы: «Өңнер» («Цвета»), «Сас ан-хустар» («Дикие животные»), «Миниң сөбірем» («Моя семья»), «Саннар» («Числа»). В игре «Өңнер» обучающиеся играют с помощью цветных фишек и индивидуальных листочков, где изображены кружочки с названиями цветов на хакасском языке. В эту игру можно играть индивидуально, например, кто быстрее расставит фишки, тот побеждает. Или класс делится на 2 команды. Команды по очереди называют слова на хакасском языке, кто первым правильно расставит фишки, те побеждают. Можно провести парную игру. С помощью дидактической игры ученик не только получает новые знания, но также обогащает и закрепляет их. Эти игры также можно использовать при изучении других тем.

Методическая разработка по обучению детей хакасскому языку в начальной школе с использованием метода «Синквейн» предназначена для закрепления пройденного материала в обучении хакасскому языку. Например, по теме «Одежда» составляем синквейн. *Көгенек* (платье). *Хызыл, узун* (красное, длинное). *Кисче, сурча, пирче* (одевает, снимает, даёт). *Миниң сiлiг көгенек пар* (У меня есть красивое платье). *Хызыл кип-азах* (красная одежда).

Подводя итог, мы можем сказать, что используемые в работе приёмы формирования языковой среды у младших школьников, методические разработки дают обучающимся возможность получить достаточный объём языковой практики, прививают любовь к родному языку, помогают преодолеть языковой барьер, приобщают детей к уникальной национальной культуре.

Литература

Бутанаев В. Я. Традиционная культура и быт хакасов. Пособие для учителей. – Абакан. 1996. – 224 с.

Бутанаев В. Я., Верник А. А. Детские игры и спортивные состязания народов Хакасии. – Абакан: Хакасское кн. изд-во, 1995. – 60 с.

Князева О. А. Приобщение детей к истокам русской народной культуры. ФГОС. – М.: Детство – Пресс, 2015. – 279 с.

Н. С. Максимова
(с. Бея, Россия)

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ СТУДЕНТОВ В РАМКАХ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО КУЛЬТУРНО-ТУРИСТСКОГО ФЕСТИВАЛЯ «ВРЕМЯ ДРУЖИТЬ!»

Статья посвящена описанию программного мероприятия – культурно-туристского фестиваля, реализованного в целях этнокультурного образования студентов, формирования художественной культуры личности и представляющего культурно-исторические ценности и духовно-нравственное наследие хакасской и казачьей культур.

Ключевые слова: Республика Хакасия, этнокультурное образование, фестиваль, социокультурный проект, национальные ценности.

Качество социокультурных связей и взаимодействий в современном мире, их эмоциональная составляющая, эстетическое восприятие окружающего мира, умение генерировать предметы и образцы искусства напрямую зависят от уровня художественного образования личности, внутреннего мира человека, навыков видеть и воспринимать, изучать и сохранять великое многообразие культурных ценностей. Именно они отражают материальную и духовную глубину народа, особенности языковых наречий, стиль мышления и моральные нормы, способы взаимодействия с природой и социальным окружением. Настоящее и будущее современного мира зависит от того, чем именно личность наполнит свой внутренний мир, какими культурными ценностями будет представлено его пространство [Чистюхина, Мирошниченко 2016: 3].

Формирование художественной культуры личности человека – одна из целей современного образования. Элементом её достижения выступает этнокультурное образование. Оно формирует умение анализировать, воспринимать и сохранять культурные ценности, создавать элементы культуры и искусства через призму собственного художественного мировоззрения и познания [Фадеева 2017: 6]. От глубины этнокультурного образования зависит способность применять коммуникативные навыки в процессе взаимодействия с представителями культур разных национальностей, понимать и принимать средства их искусства. Этнокультурное образование – непрерывный педагогический процесс, направленный на освоение культурных традиций материального и нематериального наследия, где нашли своё воплощение высшие духовные ценности всего человечества. Оно тесно взаимосвязано с национальными и социокультурными факторами региона [Фадеева 2017: 4].

Бейский район Республики Хакасия является ярким примером местности, где коренное население – хакасы – проживает бок о бок с носителями других культур. На протяжении длительного времени каждый народ вносил вклад в формирование богатейшего материального и нематериального наследия. Это наследие представлено курганами, древними поселениями, крепостями-све, комплек-

сами наскальных рисунков, каменными изваяниями, а также самобытными обычаями, преданиями, легендами и фольклором.

Неудивительно, что именно в Бейском районе с целью этнокультурного образования студентов был реализован социокультурный проект «Время дружить!». В современном мире глобальных катастроф, военных локальных конфликтов, эпоху современных технологий и ядерного оружия настал момент, пришло время – дружить! Дружить с самим собой, дружить друг с другом представителям всех национальностей. Понимать и ценить культуру всех народов, сохранять наследие предков, дошедшее до наших времён. Именно в таком контексте понятие «время» легло в название проекта и составило его актуальность.

Проект был разработан автором данной статьи. В его основу легли рекомендации Совета старейшин Бейского района и атамана Бейской районной общественной местной казачьей организации «Атаманская сотня». Целевую аудиторию проекта составило население Республики Хакасия в возрасте от 10 до 25 лет. По утверждению М. А. Фадеевой, этот слой наиболее подвержен модификации художественного и эстетического восприятия мира и больше других нуждается в получении качественного этнокультурного образования [Фадеева 2017: 10].

Одним из средств достижения цели проекта являлась организация и проведение республиканского культурно-туристского фестиваля с одноименным названием, прошедшего в Бейском районе на территории муниципального образования Большемонокский сельсовет.

Место проведения было выбрано не случайно. На этой территории тесно переплелись две культуры – казаков и коренного населения. Существуют разные мнения относительно того, в результате каких событий произошло слияние этих культур. По словам потомственной казачки З. Л. Галингер, село Большой Монок образовано как казачий форпост Монокский в 1764 г., данный факт подтверждён в Летописи села. По Указу Императрицы Российской империи казаки Красноярского острога, Саянского форпоста были командированы для защиты границы, проходящей вдоль берега реки Абакан, от

набегов из соседнего Джунгарского ханства. Военнообязанные казаки обосновались на охраняемой территории и построили казачий хутор, ставший в последующем станицей Монокской. В период реорганизации колхозов в совхозы в 1961 г. в станицу Монокскую в полном составе был перевезен аал Куинов. Этот исторический факт и способствовал соединению двух культур. Представители коренного населения вели кочевой образ жизни, селились вдоль реки Абакан, в районе нынешнего аала Усть-Сос в 12 километрах от форпоста. На этой территории местными жителями и археологами были найдены свидетельства проживания енисейских киргизов, прямыми потомками которых являются современные хакасы. Эти две культуры оставили большое культурно-историческое наследие, дошедшее до наших дней. На территории муниципального образования Большемонокский сельсовет в 2010 г. построен музей под открытым небом «Усть-Сос», а в 2015 г. началось строительство казачьей туристической базы «Форпост Монокский». Ввиду их близкого расположения базой и отправной точкой фестиваля организаторами был выбран юрточный комплекс музея под открытым небом.

Республиканский культурно-туристский фестиваль «Время дружить!» проходил в сентябре. На протяжении трёх дней двадцать команд, в состав которых входило по три человека из числа студентов Хакасского технического института и Черногорского горно-строительного техникума, знакомились с наследием хакасов и казаков через погружение в их культуру. Программа фестиваля была насыщенной и разнообразной, организаторы постарались максимально раскрыть и познакомить участников с традиционными особенностями каждой из культур, историей их зарождения и становления, бытом, преданиями, обычаями.

Первый день фестиваля был посвящён хакасской культуре. Выйдя из автобусов, участники фестиваля окунулись в среду древних обычаев. У ворот юрточного комплекса команды встретили работники музея и провели обряд почитания духов местности – повязывание четырёх разноцветных ленточек-чалама. Каждый цвет ленты имеет свою символику и значение: белый – чистота помыслов, зелёный – цвет природы и её богатство, красный – символ солнца, частичка солнца на земле – огонь символизирует связь с предками, синий – символ вечного священного неба, символ чир чаянов, высших сил света. Важно между повязываем каждой ленточки пройти три круга по часовой стрелке вокруг священной коновязи, т. к. хакасы верят, что через обряд повязывания ленточек-чалама выражается почитание окружающего пространства, чувство благодарности роду, солнцу, земле и мирному небу, которое защищает нас, живущих на земле. После обряда почитания духов местности студенты прошли

очищение (окуривание) дымом от тлевшей ирбен от (богородской травы). В героическом эпосе со времён хакасских богатырей белая трава считалась волшебной, ею не только очищали душу от злых помыслов, но и исцеляли от болезней. Только после этого участники были приглашены на территорию музея для размещения в юртах комплекса, где они проживали все три дня фестиваля.

Во время торжественного открытия фестиваля директор музея приветствовала участников на хакасском языке и попросила уважительно относиться к самому сакральному месту в Бейском районе. Надо отметить, что команды прониклись особой атмосферой мира и спокойствия, царящей на территории музея. Затем организаторы озвучили программу каждого из трёх дней фестиваля, пояснив, что третий будет итоговым, завершающим, объединит результаты первых двух дней и будет носить соревновательный характер. Все полученные умения и знания, усвоенные во время погружения в хакасскую и казачью культуру, будут необходимы для успешного прохождения итогового «Маршрута выживания». Также было отмечено, что командам каждый вечер будет предложено решать тестовые задания по информации, полученной за день. После добрых слов и пожеланий максимально плодотворно провести день, почувствовать и постараться понять дух хакасской культуры, прикоснуться и проникнуться сакральностью исторического наследия, команды отправились на обзорную экскурсию по юрточному комплексу.

В ходе экскурсии участники познакомились с каменным изваянием окуневской культуры (III–I тыс. до н.э.), которое было найдено местными жителями близ аала Усть-Сос в реке Абакан в 2000 г. Самая распространенная из нескольких легенд о Хуртуях-тас повествует, что её семья проживала на территории, которую занимает современная Хакасия. Враги захватили эту территорию, перейдя через реку Енисей по построенному мужем Хуртуях мосту. Чтобы спасти свою семью, муж Хуртуях, Сартакпай, посадил на коней её и двух сыновей и приказал скакать прочь, не оборачиваясь. Сам он погиб в неравной схватке с врагами. Хуртуях с сыновьями смогли добраться до реки Абакан. Она перебралась на другой берег реки, а сыновья утонули. Потеряв мужа и сыновей, Хуртуях окаменела от горя. Местные жители считают, что каменное изваяние, найденное ими вблизи аала Усть-Сос, и есть один из утонувших сыновей Хуртуях тас.

В ходе экскурсии команды также узнали легенду о названии озера «Алтын кель», расположенного близ аала Усть-Сос, экспозиционная инсталляция которого находится на территории юрточного комплекса. Легенда гласит, что в голодные времена один богатый бай хотел за большой, величиной с голову лошади, кусок золота купить еду. Но никто ему не

продал и маленькой чашки зерна. Голодный, дошёл он до небольшого круглого озера, напоминающего по форме глаз лошади, и в полном отчаянии и горести бросил кусок золота в это озеро со словами: «Нет тебе цены, ты не стоишь даже чашки зерна». С тех пор это озеро называется «Алтын кель» – «Золотое озеро». И ещё много интересного о быте, жилище, утвари, обычаях и обрядах коренного населения узнали участники Фестиваля из обзорной экскурсии. Полные новых впечатлений, бурно обсуждая услышанное, участники прервались на обед, где им предложили отведать хакасские национальные блюда: хан и шурпу из баранины.

После обеда команды отправились на гору Хызыл Хая (в переводе с хакасского «Красная скала») и познакомились с наскальной писаницей, изображающей сюжет обряда почитания духов горы и тайги местными жителями. Об обряде свидетельствует изображенный тамговидный знак в виде креста с двумя черточками сверху. Согласно описаниям археологов, на этой горе проводились обряды подношения горным духам и духам тайги. Духов гор в писанице символизирует антропоморфное, человекоподобное существо с рогатулиной в руках и с копытообразными ногами, изображенное выше всех остальных фигур. Существо направляет вниз по плоскости животных: баранов-архаров, оленей с древовидными рогами и волков [Кызласов 2008: 455]. Также студенты осмотрели горное святилище, которое посещали только шаманы, познакомились с горной крепостью-све, имеющей, как утверждают исследователи, несколько функций: оборонительную, поселенческую и сакральную. Посетили участники и горные геопатогенные зоны, где, согласно легенде, существует тонкая связь между видимым и невидимым мирами, т. е. миром человека и миром духов [Готлиб, Подольский 2008: 45].

По возвращении с горы Хызыл Хая команды приняли участие в занятии обучающего мастер-класса по приготовлению национального блюда потхе, узнали нюансы и секреты традиционного рецепта. После мастер-класса участникам было предложено на основании полученных знаний самостоятельно приготовить потхы – хакасскую кашу из сметаны и муки. Самую вкусную и максимально приближенную к традиционной кашу удалось приготовить команде студентов филиала ЧГСТ «Горцы».

Свободное время до ужина, согласно программе фестиваля, было предназначено для отдыха участников и анализа полученных знаний. Меню ужина также было представлено блюдами хакасской национальной кухни, участники отведали суп-угре и полакомились сладостями, приготовленными из талгана. После ужина каждой команде были даны тестовые задания, предполагавшие подведение итогов дня. Лучшей в выполнении заданий стала команда «Умники» ХТИ, в состав которой входили

студенты из Республики Тыва, при этом победители отметили, что хакасская культура очень богата, интересна и имеет много общего с тувинской культурой. Завершился день хакасской культуры вокруг костра чтением хакасского героического эпоса «Албынжи» и музыкальной импровизацией на тиммер-хомысе «Сагайские наигрыши» в исполнении директора музея Т.Г. Тюкпеевой.

Утро второго дня началось в семь часов с казачьего сигнального марша. Организаторы фестиваля встретили участников казачьим приветствием «Здорово ночевали, братцы-казаки?», конечно, лишь немногие ответили на приветствие традиционным «Слава Богу!». После завтрака, состоящего из блюд казачьей кухни – пышек на простокваше, яичницы и травяного чая, команды выдвинулись пешим ходом в село Большой Монок на встречу с казаками и для знакомства с казачьей культурой.

На въезде в село участников фестиваля радушно встретили в традиционных костюмах и с шашками «наперевес» большемонокские бравые казаки. Для команд были подготовлены казачьи забавы. Ребятам представилась возможность познакомиться, почувствовать казачью шашку, испытать свою силу и ловкость одним махом отрубить голову импровизированному врагу. Команды соревновались в перетягивании оглобли (деревянная длинная жердь, элемент конской повозки), отведали казачью кашу – тюрю и познакомились с элементами фланкировки нагайкой. После знакомства с казачьими забавами участники фестиваля отправились к поклонному кресту, где им были представлены исторические ценности и морально-нравственные устои казаков.

Поклонный крест был установлен в августе 2002 г. в память о казачьем роде Байкаловых, которые, по историческим данным, являются основателями села. Поклонный крест у казаков – это способ отдать дань уважения и памяти ушедшим предкам. На кресте высечены фамилии казачьих семей, проживавших в Большом Моноке со дня основания форпоста. В соответствии с казачьими законами и традициями у поклонного креста установлены две чугунные могильные плиты XIX в. рода Байкаловых: отца Анания и сына Ивана. Плиты были найдены сравнительно недавно, семь лет назад, одна лежала перевернутой у крыльца одного из жителей, вторую нашли замурованной в старой печи. В период гонений и репрессий казаков для того, чтобы сохранить память, представители рода Байкаловых унесли плиты домой и таким образом сберегли своё наследие. Пример такой находки является единственным в России.

Затем командам предстояло познакомиться со «стражем» Большого Монока – горой Папальчихой. Все казаки благоговейно и с глубоким почтением и уважением относятся к горе. Существует поверье, что на горе живут духи, которые могут исцелить

от болезней, дать ответ на любой вопрос и помочь в сложной ситуации. Очень важно приходиться к горе с добрыми и чистыми помыслами, обязательно выразить уважение поклоном, а уходя, попрощаться и поблагодарить. Все эти условия с трепетом выполняли участники фестиваля. С горы открывается живописнейших вид на реку Абакан, в простонародье – угол, это место окончания дороги, где река соединяется с горной грядой, образуя природный угол.

По возвращении с горы участники ждали обед, состоящий из традиционных казачьих блюд: щи из мяса, картофеля и капусты, жареная рыба, шаньги, приготовленные в русской печи по традиционному казачьему рецепту, и узвар (компот). Казачья кухня ярко передаёт особенности быта и культуры казаков.

После него были организованы занятия мастер-класса по изготовлению казачьего блюда – тюрки (каша из редьки со сметаной); обучающего мастер-класса по изготовлению кукол-оберегов и мастер-класса для девушек по традиционным казачьим секретам о манере и способах подвязывания платка. Работниками дома культуры была организована экспозиция предметов казачьего быта, воспроизведена инсталляция жилища казаков. В ходе экскурсии студенты узнали о казачьем укладе жизни и осмотрели предметы домашней утвари. Казачий урок, прошедший здесь же, пополнил знания участников о казачьей удали, подвигах, оружии, отличительных знаках в одежде казачьих войск и воинских званиях. Команды возвращались в музей, не переставая делиться впечатлениями и эмоциями.

По возвращении в юрточный комплекс участники постарались воспроизвести казачье традиционное блюдо – тюрю, лучше всех это удалось сделать команде ХТИ «Практики». После вкусного ужина, состоящего из ухи, пирогов и душистого травяного чая, команды выполняли тестовые задания по содержанию программы второго дня, лучшей стала команда ХТИ «Умники». Закончился день казачьей культуры концертной программой народного самодеятельного коллектива – казачьей вокальной группы «Казачья воля» Бейского РДК (руководитель А. А. Максимов), состоящей из традиционных и современных медленных и подвижных песенных композиций, раскрывающих всю красоту казачьего творчества.

В рамках третьего, завершающего дня командам предстояло пройти «Маршрут выживания», соревнуясь не только в скорости, но и в качестве выполнения заданий. Маршрут был представлен шестью этапами, на которых командам предстояло выполнить интересные и необычные задания; за правильное выполнение они получали подсказки в конверте, цель подсказок – помощь в решении итогового задания на финише. На первом этапе участникам предстояло отгадать загадки хакасского старейшины. На втором этапе – казачьим бичом постараться

выбить из седла как можно большее количество импровизированных врагов. На третьем этапе команды разгадывали ребусы, основу которых составляли музейные экспонаты хакасской культуры. На четвертом этапе в задачу участников команд входило, используя зоску (свинцовая пластина толщиной 5 мм и диаметром 3–4 см с воланом из кусочка козьей или овечьей шкуры по центру), сделать как можно больше ударов (набить, начеканить) внутренней частью стопы, не давая зоске упасть на землю. На пятом этапе следовало, используя не более трёх попыток, арканом поймать импровизированную лошадь. Шестой этап предполагал распознавание предметов утвари традиционного казачьего быта. На финише командам предстояло из заработанных на этапах подсказок сложить две фразы: казачью и хакасскую пословицу. Команда ХТИ «Практики», затратившая на выполнение всех заданий наименьшее количество времени, стала победителем маршрута.

Подведение итогов трёх дней культурно-туристского фестиваля «Время дружить!» и награждение участников состоялось на торжественном закрытии, которое прошло на территории юрточного комплекса музея под открытым небом «Усть-Сос». Абсолютным победителем фестиваля стала команда ХТИ «Умники», второе место заняла команда ХТИ «Практики», а третье место заслужила команда «Прометей», сборная Бейского района. За участие все команды получили благодарственные письма и поощрительные подарки – канцелярские наборы. Победителям были вручены денежные призы. Однако никакой подарок не может сравниться с ценностью того объёма знаний, которые получили участники фестиваля, тех ощущений себя как активного субъекта приобщения к великому многообразию культурно-исторического наследия региона, того чувства единения с природой и эмоций от необыкновенной окружающей их красоты.

Социокультурный проект «Время дружить!» достиг значительных качественных и количественных показателей. Полученные результаты легли в основу создания методических рекомендаций по разработке социокультурных проектов, которые могли получить все желающие на открытой районной конференции «Международное сотрудничество как основа профилактики экстремизма и ксенофобии». Автор проекта Н. С. Максимова за его реализацию была награждена нагрудным крестом «За заслуги перед казачеством России» II второй степени, который был ей вручен атаманом Единого Енисейского казачьего войска Союза казаков России на Малом казачьем круге.

Реализация подобных проектов, предполагающих непосредственное погружение в народную культуру, способствует повышению у молодёжи интереса к её изучению, способствует формированию самосознания, укрепляет нравственные устои

личности и наполняет внутренний мир взрослеющего человека. Участие в подобных социокультурных проектах у студентов развивается устойчивая мотивация к дальнейшему изучению культурно-исторического наследия разных народов, и форми-

руются новые знания этнокультурной сфере жизни общества, появляется и закрепляется желание стать активным субъектом изучения и сохранения ценностей народной культуры.

Литература

Готлиб А. И., Подольский М. Л. Све – горные сооружения Минусинской котловины // отв. ред. Д. Г. Савинов. – СПб, 2008. – 222 с. URL: <https://kronk.spb.ru/library/gotlib-podolsky-2008.htm> (дата обращения: 24.02.2022).

Кызласов И. Л. Человек. Адаптация. Культура // Институт археологии РАН, 2008. – С. 451–462. URL: <http://haknii.ru/files/lib/petroglify.pdf> (дата обращения 25.02.2022).

Фадеева М. А. Актуальные проблемы этнокультурного образования // Учебно-методическое пособие для сту-

дентов, 2017. – 66 с. URL: http://elibrary.sgu.ru/uch_lit/1881.pdf (дата обращения: 27.02.2022).

Чистюхина Л. П., Мирошниченко Е. В. Художественная культура как необходимый компонент формирования личности детей и подростков // Материалы VIII Международной студенческой научной конференции, «Студенческий научный форум – 2016» URL: <https://scienceforum.ru/2016/article/2016026343> (дата обращения: 27.02.2022).

Научный руководитель – к. пед. н., доцент О. В. Евусьяк.

*М. А. Медведева, И. Л. Кызласова
(Абакан, Россия)*

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ «ИЗУЧАЕМ ХАКАССКИЙ ЯЗЫК»: СТРУКТУРНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ И МЕТОДИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ

Учебное пособие «Изучаем хакасский язык» в комплекте с методическим пособием для учителя и электронным приложением издано в целях преподавания и изучения хакасского языка, повышения его роли как государственного языка Республики Хакасия. Пособие разработано по оригинальной методике, на основе теоретических знаний формируются практические умения и навыки коммуникативной направленности. Основная задача учебного пособия заключается в формировании коммуникативных умений, навыков обучающихся в ситуациях межличностного, межкультурного речевого общения.

Ключевые слова: методика, обучение, пособие, хакасский язык, методические рекомендации, обучающиеся.

С 2009 г. на кафедре хакасской филологии доцентами кафедры Кызласовой И. Л., Медведевой М. А. и Боргояковым В. А. проводилась работа по реализации идеи учебника для не владеющих хакасским языком. В связи с этим изучались, анализировались разные методики обучения не родным языкам.

В 2010 г. для восполнения острого дефицита в учебниках для желающих освоить основы хакасского языка было разработано учебное пособие «Изучаем хакасский язык» (с CD-дисками) по оригинальной методике [Боргояков и др. 2010: 3]. В этом же году пособие «Изучаем хакасский язык» становится лауреатом премии «Лучшая научная книга» среди лучших методик обучения языкам (Сочи, 2010 г.).

Учебное пособие апробировано в практической деятельности: с 2012 г. доцентами кафедры Кызласовой И. Л. и Медведевой М. А. проводятся курсы «Элементарный хакасский язык» для желающих освоить основы хакасского языка (набор по 10–15 чел.); обучение основам хакасского языка стажера ИГИСАТ из США Джеффри Претеса (доцент Кызласова И. Л.); обучение студентов Института непрерывного педагогического образования по направлению подготовки «Педагогическое образование». Профили: «Начальное образование», «Хакасский язык / Дошкольное образование», «Хакасский язык».

Имеются положительные результаты, отзывы.

В 2021 г. решением научно-методического совета по учебным пособиям Министерства образования и науки Республики Хакасия издано переработанное учебное пособие для общеобразовательных организаций «Изучаем хакасский язык» в комплекте с методическим пособием для учителя и электронным приложением в целях преподавания и изучения хакасского языка, повышения его роли как государственного языка Республики Хакасия [Кызласова 2021].

Авторами учебного пособия являются доценты кафедры хакасской филологии Института филологии и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова» Кызласова И. Л. и Медведева М. А. Автором «Методических рекомендаций для учителя к учебному пособию «Изучаем хакасский язык» является Медведева М. А.

Цель учебного пособия – научить самостоятельно производить элементарные фразы на хакасском языке.

Задачи пособия:

– Постановка звуков, произношения – в разделе, посвящённом фонетическим особенностям хакасского языка, объяснение ведётся от буквы к звуку,

т. к. для самостоятельного изучения языка это представляется более доступным и должно облегчить чтение и артикуляцию звуков.

– Чтение – в пособии имеются оригинальные тексты на русском и хакасском языках, призванные расширить знания обучающихся по краеведению Хакасии.

– Формирование минимальных грамматических навыков – порядок слов в предложении, закон гармонии гласных, закон ассимиляции согласных, множественное число и т. д.

– Формирование лексического минимума (300–500 слов – для понимания; 1000 слов – для элементарного общения; 2000 и более слов – для свободно-общения).

– Закладка «готовых фраз» – Здравствуй(те)! Меня зовут...Изен(нер)! Миниң адым...; Как дела? Киректер хайди парча?; Как здоровье? Хазығың хайдағ?; Как жизнь? Чуртас хайди парча?; Как погода? Тасхар хайдағ кўн? и т. д.

– Развитие коммуникативных навыков – обучающиеся много общаются как друг с другом, так и с преподавателем.

– Переводы – через тексты на двух языках обучающиеся получают навыки прямого и обратного перевода.

В учебном пособии представлено 38 уроков. Каждый урок состоит из четырёх блоков: 1. Грамматическая тема. 2. Грамматические упражнения. 3. Лексика (логически связана с грамматической темой): числ. + дата, возраст, телефон; наст. время + что делает? чем занимается? 4. Задания по лексике.

В приложении к учебному пособию представлены «Хакасско-русский вокабуляр», «Русско-хакасский вокабуляр» и таблица «Система аффиксов хакасского языка».

Чётко и строго выдержанная логическая структура учебного пособия позволяет ознакомить обучающихся с основами грамматики хакасского языка. По мнению авторов, грамматическим минимумом, необходимым для формирования коммуникативных навыков, являются: порядок слов в предложении, закон гармонии гласных, закон ассимиляции согласных, множественное число, числительное, время + личное спряжение, падежи (10), родительный падеж + форма принадлежности (гарт. ф.) и т. д. для углубленного изучения.

Теория грамматики излагается на русском языке и содержит основные сведения по каждой теме, необходимые для её усвоения. Усвоить теоретический материал помогают имеющиеся в пособии таблицы, схемы и модели.

Лексические темы, представленные в учебном пособии, позволяют сформировать минимальную словарную базу:

– Здравствуйте! Меня зовут...

– Как жизнь? Как дела?

– Как погода?

– Мой возраст. Дата. Время.

– Что делает? Чем занимается?

– Профессии.

– Мои планы.

– Моя семья.

– Мой друг.

– Мои увлечения.

– Мой дом.

– Части тела. У врача.

– И т. д. для углубленного изучения.

Принципами обучения элементарному хакасскому языку являются: последовательно-циклический принцип обучения, грамматика (10–20%), лексика, коммуникация (80%), говорим много – пишем мало.

На занятиях применяются интерактивные формы работы:

– Фонетическая зарядка.

– Грамматическая зарядка (ед. – мн. ч., времена, спряжение).

– Беседа с преподавателем.

– Беседы друг с другом.

– Тренинги (переводы на ходу): *Мы живём в Абакане. Я приехала из Абакана. Вы приедете в Абакан.*

– Ситуативные игры (у врача; в магазине; знакомство с другом).

Учебное пособие идёт в комплекте с методическим пособием для учителя «Методические рекомендации для учителя к учебному пособию «Изучаем хакасский язык» [Медведева 2021].

Методическое пособие для учителя состоит из 2-х частей. 1 часть – теоретическая. В ней освещаются методические рекомендации к изучению разделов хакасского языка: «Рекомендации к изучению раздела «Фонетика», «Рекомендации к изучению раздела «Лексика» и т. д. 2 часть – практическая, в которой даются планы-конспекты уроков (образцы).

В конспектах используются разные типы уроков, а также интерактивные методы обучения. Например, урок-путешествие, урок-сказка, урок-игра и т. д.

Используемые интерактивные методы обучения: поисковый метод, метод проектов, кластер.

Оригинальные формы работы: работа в малых группах, изготовление оригами, работа с макетами животных, чайнворды и т.

Таким образом, изданное учебное пособие «Изучаем хакасский язык» в комплекте с методическим пособием для учителя, имеет следующие преимущества: разработано по оригинальной методике; имеет чётко и строго выдержанную логическую структуру; имеет оригинальные тексты на русском и хакасском языках; в пособии представлен языковой материал разной сложности; последовательное изучение материала обеспечивает успешное обучение хакасскому языку.

Литература

Боргояков В. А., Кызласова И. Л., Медведева М. А. Изучаем хакасский язык: учебное пособие / под ред. И. Л. Кызласовой. – Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2010. – 198 с.

Кызласова И. Л., Медведева М. А. Изучаем хакасский язык: учебное пособие. На рус. и хакас. яз. / сост.

И. Л. Кызласова. – Абакан: Хакасское кн. изд-во им. В. М. Торосова, 2021. – 220 с.

Медведева М. А. Методические рекомендации для учителя к учебному пособию «Изучаем хакасский язык» для общеобразовательных организаций. Пособие для учителя. На хакас. яз. – Абакан: Хакасское кн. изд-во им. В. М. Торосова, 2021. – 96 с.

В. В. Мирошниченко

(Абакан, Россия)

СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ НАРОДОВ С РОДНЫМ (НЕРУССКИМ) ЯЗЫКОМ ОБУЧЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В статье рассматривается организация системы образования народов с родным (нерусским) языком обучения в Российской Федерации. Раскрываются основные формы организации обучения и особенности изучения родных (нерусских) языков на этапе школьного образования в разных регионах, а также проводится анализ подготовки учителей для работы в школах с родным (нерусским) языком обучения на современном этапе.

Ключевые слова: родной (нерусский) язык, языковые права и этнокультурные потребности обучающихся.

В настоящее время на территории Российской Федерации проживают около 200 народов со своими уникальными историко-культурными традициями и родным языком. Общее количество языков и диалектов – более 200 [Родные языки народов].

Право народов обучаться и изучать свой родной язык задекларированы во многих нормативно-правовых документах, таких как, Конституция Российской Федерации (ст. 26, 68), Федеральный Закон «О языках народов Российской Федерации», Федеральный Закон «Об образовании в Российской Федерации» (ст. 3, 14, 44), Федеральный государственный образовательный стандарт, Концепция преподавания родных языков народов Российской Федерации и др.

Организация обучения на родном (нерусском) языке, а также его изучение в настоящее время в нашей стране осуществляется по-разному, чаще всего зависит от количества проживающих на территории представителей коренных этносов и владения ими своим родным языком.

Мы проанализировали организацию изучения родных (нерусских) языков в различных регионах нашей страны. Но сначала определимся с основными формами изучения родных (нерусских) языков в системе образования.

Обучение на родном (нерусском) языке в нашей стране осуществляется на 13 языках народов Российской Федерации [Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность].

Изучение родного (нерусского) языка организуется в образовательных организациях как в рамках отдельных дисциплин («Родной (нерусский) язык и литература» (5–11 классы), «Родной язык и литературное чтение» (1–4 классы)), так и факультативно. Всего в субъектах РФ изучается 66 родных (нерус-

ских) языков [Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность]. Помимо изучения родного (нерусского) языка в школах обучающиеся знакомятся с культурой, традициями, обычаями своего народа и народов-соседей в рамках дисциплин «История и культура народов республики (региона)» (1–11 классы) и «Основы духовно-нравственной культуры народов России» (5–9 классы). В некоторых школах выделяют отдельные классы, где дети изучают родной (нерусский) язык и родную (нерусскую) литературу. Для таких классов разрабатывается отдельный учебный план, включающий предметы, направленные на удовлетворение языковых прав и этнокультурных потребностей обучающихся. Часть дисциплин, относящихся к так называемому федеральному компоненту, может содержать материал, отражающий этнокультурные особенности. Включение такого материала происходит на уровне отдельных фрагментов, фактов, сведений, иллюстрирующих своеобразие этнической культуры народов региона.

Если в школах для формирования отдельного класса недостаточно детей, желающих изучать родной (нерусский) язык или обучаться на нём, то для таких детей организуется работа кружков и факультативов. К настоящему времени в РФ численность школьников, изучающих родной (нерусский) язык через внеурочную деятельность, составляет примерно 92 тыс. [Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность].

Обучение на родных (нерусских) языках, а также их изучение осуществляется на базе школы либо учреждений дополнительного образования. В отдельных регионах изучение родного (нерусского) языка организуется на базе средне специальных образовательных учреждений при подготовке будущих вос-

питателей детских садов и учителей начальных классов (Белебеевский гуманитарно-технический колледж, Можгинский педагогический колледж им. Т.К. Борисова, Николаевский-на-Амуре промышленно-гуманитарный техникум и др.). В системе высшего образования, как правило, изучение родного (нерусского) языка происходит только при подготовке будущих учителей для работы в школах с родным (нерусским) языком обучения.

Обучение на родном (нерусском) языке и его изучение на высоком уровне возможно только при создании необходимого организационного, ресурсного и методического обеспечения деятельности образовательной организации по удовлетворению языковых прав и этнокультурных потребностей обучающихся. Рассмотрим более подробно такой аспект обеспечения, как подготовка учителей родного (нерусского) языка.

В настоящее время подготовку учителей для работы в школах с родным (нерусским) языком обучения ведут 29 вузов, из них в 22 такая подготовка осуществляется на всех ступенях непрерывного педагогического образования.

В *Центральном федеральном округе*, куда входят 18 субъектов Российской Федерации, общее количество школьников, изучающих родной (нерусский) язык составляет 1073 человек, факультативно – 712 [Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность]. Исследование основных образовательных программ вузов региона показало отсутствие подготовки учителей родных языков в данном федеральном округе.

В *Северо-Западном Федеральном округе* включается в себя 10 республик, областей и 1 автономный округ. Общее количество изучающих родной язык в 2020–21 уч. году составило более 28 тыс. обучающихся, дополнительно на факультативах и кружках изучают еще 3333 человек [Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность]. Подготовка учителей осуществляется в вузах (Петрозаводский государственный университет, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Сыктывкарский государственный университет им. П. Сорокина) и направлена на удовлетворение потребности в педагогических кадрах не только у себя в регионе, но и для работы с коренными малочисленными народами Севера и Сибири (Институт народов Севера Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена).

В *Северо-Кавказском Федеральном округе* традиционно большое количество школьников, изучающих свой родной язык как предмет (913 669 обучающихся), факультативно – 1050, обучается на нём – 448 человек [Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность]. В данном округе проводится большая работа по соз-

данию национально ориентированного образования бесписьменных народов [Джамалова 2015]. Подготовку учителей родных (нерусских) языков в этом регионе ведут 6 университетов (Северо-Осетинский государственный педагогический институт, Дагестанский государственный педагогический университет, Ингушский государственный университет и др.).

В *Южном Федеральном округе* общее количество детей, изучающих родной (нерусский) язык составляет 55 763 человека, факультативно – 11 745; родной язык является языком обучения у 6857 школьников [Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность]. В республиках Адыгея, Калмыкия и Крым полностью выстроена система подготовки учителей школ с родным (нерусским) языком обучения на всех ступенях высшего образования. В Калмыкии упор сделан на обучение филологов; в Адыгее и Крыму ведётся подготовка по педагогическим направлениям и профилям. В других республиках (краях, областях), входящих в Южный Федеральный округ, система подготовки учителей родных (нерусских) языков отсутствует.

В *Приволжском Федеральном округе* можно назвать своеобразным центром подготовки учителей родных (нерусских) языков. Такие университеты, как Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Марийский государственный университет, Удмуртский государственный университет осуществляют подготовку по двум направлениям (Филология и Педагогическое образование). Такая система подготовки педагогов позволяет практически полностью обеспечить учителями 509816 учеников, изучающих коренной язык как предмет, 52541 – факультативно и 40440 – обучающихся на родном (нерусском) языке [Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность].

В *Уральском Федеральном округе* общее количество детей, изучающих родной (нерусский) язык составляет 11570 человек, факультативно – 3245 обучающихся [Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность]. Вуз, которые бы осуществляли подготовку учителей родных (нерусских) языков, в регионе нет. Только Институт развития образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры – предоставляет учителям дополнительные программы повышения квалификации, связанные с повышением квалификации учителей малочисленных народов (ханты, манси).

В Челябинской области, входящей в Уральский Федеральный округ, разработано большое количество методических рекомендаций. Рекомендации по учёту национальных, региональных и этнокультурных особенностей при разработке общеобразовательными учреждениями основных образова-

тельных программ начального, основного, среднего (полного) образования: по проектированию уроков русского языка, литературы и географии с учётом национальных, региональных этнокультурных особенностей Челябинской области [В родном краю. Русский язык 2015; Кузнецова, Павленко, Орехова 2015], разработке содержания языкового и литературного образования с учётом национально-региональных и этнокультурных особенностей [Соловьева 2018], разработке инструментария оценки планируемых результатов начального общего образования в части учета региональных и этнокультурных особенностей Челябинской области [Попова, Титаренко 2014; Титаренко, Черепанова 2016], учёту национальных, региональных и этнокультурных особенностей при построении и реализации Программы духовно-нравственного развития, воспитания обучающихся при получении начального общего образования [Учёт национальных, региональных и этнокультурных особенностей 2016], разработке рабочих программ курсов внеурочной деятельности (с учётом национальных, региональных и этнокультурных особенностей Челябинской области) [Сборник рабочих программ курсов внеурочной деятельности 2016] и др.

Сибирский Федеральный округ представлен четырьмя вузами, осуществляющими подготовку учителей школ с родным (нерусским) языком обучения (Горно-Алтайский государственный университет, Кузбасский гуманитарно-педагогический институт Кемеровского государственного университета, Тувинский государственный университет, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова). Система непрерывной подготовки учителей таких школ в этом округе выстроена в полном объёме и практически полностью удовлетворяет потребности региона в таких учителях. Всего в данном округе изучают родной (нерусский) язык 67 250 школьников, факультативно – 8 832 ученика [Сведения об

организации, осуществляющей образовательную деятельность].

В *Дальневосточном Федеральном округе* языками обучения являются эвенский, эвенкийский, юкагирский, якутский; общее количество учеников, изучающих родные (нерусские) языки составляет 112 417 человек, факультативно – 5 089 учащихся [Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность]. Подготовка учителей осуществляется в Северо-Восточном федеральном университете им. М.К. Аммосова и Бурятском государственном университете. Помимо удовлетворения образовательных потребностей таких крупных этносов, как якуты (саха) и буряты, на эти вузы возложена обязанность подготовки кадров для коренных малочисленных народностей, многие из которых постепенно утрачивают свои языки и этническую культуру.

Анализ сложившейся системы подготовки учителей в стране показал достаточное количество высших учебных заведений по подготовке учителей родного (нерусского) языка обучения. Вместе с тем, в некоторых регионах такая система не является полной, не прослеживается преемственность в организации подготовки учителей родных (нерусских) языков на всех ступенях системы непрерывного педагогического образования.

Таким образом, система образования народов с родным (нерусским) языком обучения в Российской Федерации на современном этапе представлена разными образовательными учреждениями, что позволяет полностью удовлетворить языковые права и этнокультурные потребности обучающихся. Однако многие языки коренных народов в настоящее время находятся под угрозой исчезновения, что объясняет необходимость постоянного обновления и совершенствования организационного, ресурсного и методического обеспечения деятельности школ и учреждений дополнительного образования в этом направлении.

Литература

- В родном краю. Русский язык: учебно-методическое пособие для учителя начального общего образования / под ред. Н.Е. Скриповой. – Челябинск: ЧИППКРО, 2015. – 60 с.
- Джамалова Б.Б. Национально ориентированное образование бесписьменных народов: автореф. дис. д-ра пед. наук: 13.00.01. – Махачкала, 2015. – 45 с.
- Кузнецова Е.В., Павленко Е.Ф., Орехова И.И. Технология учёта национальных, региональных и этнокультурных особенностей Челябинской области при проектировании учебной программы по предмету «География» // Проблемы культурного образования: материалы V всеросс. заоч. науч.-практ. конф. 25 мая 2015 г. / Мин. обр. и науки Челяб. обл.; Челяб. ин-т перепод. и пов. квалификации работников образования; под ред. В.М. Кузнецова, С.Н. Трошкова. – Вып. 12. – Челябинск: «Край Ра», 2015. – С. 125–129.
- Попова А.А., Титаренко Н.Н. Инструментарий оценки результатов освоения младшими школьниками образовательных программ в части учёта национальных, региональных и этнокультурных особенностей региона / А.А. Попова, Н.Н. Титаренко // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2014. – № 26. – С. 56–60.
- Родные языки народов Российской Федерации: обучение, изучение, развитие. Режим доступа: <https://xn--d1acgejprbhc6b.xn--plai/?p=10631> (дата обращения 20.02.2022).
- Сборник рабочих программ курсов внеурочной деятельности (с учётом национальных, региональных и этнокультурных особенностей Челябинской области) /

авт.-сост. Д. Ф. Ильясов, Н. Е. Скрипова, И. Д. Борченко и др.; под. ред. Н. Е. Скриповой. – Челябинск: ЧИППКРО, 2016. – 192 с.

Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам начального общего, основного общего, среднего общего образования на начало 2020/21 учебного года. Режим доступа: <http://docs.edu.gov.ru/document/ed3ca74f26a1dc055a313991f66d2fa3> (дата обращения: 10.09.2020).

Соловьева Т. В. Методическая работа учителей-словесников по разработке содержания языкового и литературного образования с учётом национально-региональных и этнокультурных особенностей // Интеграция методической (научно-методической) работы и системы повышения квалификации кадров: материалы XIX Межд. научно-практ. конф. / Межд. академия наук пед.

образования; Челяб. институт перепод. и пов. квал. работ. образ.; отв. ред. Д. Ф. Ильясов. – М.; Челябинск: ЧИППКРО, 2018. – С. 160–164.

Титаренко Н. Н., Черепанова О. А. Модель инструментария для оценки планируемых результатов начального общего образования в части учета региональных и этнокультурных особенностей территории // Научно-методическое обеспечение оценки качества образования. – 2016. – № 1–1. – С. 31–38.

Учёт национальных, региональных и этнокультурных особенностей при построении и реализации Программы духовно-нравственного развития, воспитания обучающихся при получении начального общего образования [Электронный ресурс]: методические рекомендации / Н. Е. Скрипова, Ю. В. Ребикова; под ред. Н. Е. Скриповой. – Челябинск: ЧИППКРО, 2016. – 68 с.

*И. С. Радецкая, А. С. Ченсаракова, М. М. Асочакова
(Абакан, Россия)*

ЗНАКОМСТВО С ФОЛЬКЛОРОМ ХАКАССКОГО НАРОДА В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ОСНОВ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ДОШКОЛЬНИКОВ

Актуальное направление работы музыкального руководителя и воспитателей – использование хакасского национального фольклора. Знакомство с хакасскими народными произведениями имеет огромное значение во всестороннем развитии дошкольника, т. к. обогащает чувства и речь малышей, формирует их отношение к окружающему миру. Включение элементов хакасской национальной культуры в систему дошкольного образования происходит путём использования разных видов хакасской национальной культуры – музыки, театра, фольклора, народных песен, народных танцев, игр.

Ключевые слова: Хакасское устное народное творчество, фольклор хакасского народа, формирование основ музыкальной культуры дошкольников.

В детском саду «Добрыня» г. Абакана функционирует несколько групп с изучением хакасского языка. Для знакомства детей с культурой, обычаями и традициями хакасского народа в группах создана предметно-развивающая среда с элементами быта хакасского народа.

Актуальным направлением работы музыкального руководителя является использование хакасского национального фольклора, потому что знакомство с хакасскими народными произведениями имеет огромное значение во всестороннем развитии дошкольника, т. к. обогащает чувства и речь малышей, формирует их отношение к окружающему миру. Содержание фольклорных произведений, фантазия, которую могут проявить дети и взрослые, яркие художественные образы, – всё это оказывает на детей бесценное воспитательное воздействие, потому что привлекает их внимание, доставляет им радость.

Многолетние наблюдения показывают, что короткие и ритмичные фразы хакасских фольклорных произведений вызывают у детей положительную реакцию на художественное произведение, вызывают желание запомнить его и повторить.

Педагогические работники детского сада через произведения хакасского устного народного творчества помогают детям овладевать родным хакасским

языком, осваивать его красоту и лаконичность, получая первые представления о культуре своего народа и приобщаясь к ней.

На занятиях с детьми педагоги стараются показать красоту хакасского языка через устное народное творчество (песни, припевки, игры-забавы, сказки, загадки, пословицы и поговорки), обогащают их словарный запас, развивают связную речь, устанавливают эмоциональный контакт с каждым ребенком, потому что сказки, песни, игры, потешки – незаменимое средство пробуждения их познавательной активности, самостоятельности, яркой индивидуальности.

В драматизации (постановка маленьких сценок на хакасском языке) дети повторяют текст сказки, исполняя роли сказочных героев (например, в лесу встречаются лисичка и медведь, и между ними разыгрывается маленький, но известный всем, диалог). В процессе ритмизации можно под хлопки произносить новые слова (кө-ге-нек, ху-ра-ға-нах), показывать жестами размеры (чоон – большой, кічіг – маленький), перекладывать языковой материал на знакомую мелодию, играть в ритмо-музыкальные игры (традиционные игры типа хороводов, песен «Саасхан, саасхан, көзіт пир...», «Мелей» и др.). Неотъемлемой частью хакасского народного

фольклора являются частушки-тахпахи, колыбельные песни, песни хакасских композиторов.

Дети в составе ансамблей с художественными номерами на хакасском языке ежегодно принимают участие в различных конкурсах вне детского сада и занимают призовые места.

Изучение хакасского языка с использованием народного фольклора создаёт на музыкальных занятиях творческую среду, которая развивает фантазию, действует на воображение, содействует изучению своей малой Родины и эмоциональному отклику на события окружающего мира.

Таким образом, направление «Художественно-эстетическое развитие» рассматривается в единстве

формирования эстетического отношения к миру и художественного развития ребёнка средствами национальной культуры. Включение элементов хакасской национальной культуры в систему дошкольного образования происходит путём использования разных видов хакасской национальной культуры – музыки, театра, фольклора, народных песен, народных танцев, игр. Реализация данного направления осуществляется в сотрудничестве с семьёй, т. к. именно с помощью родителей и других членов семьи воспитывается бережное отношение к семейным традициям и к хакасским национальным праздникам, формируется эстетическое восприятие хакасских музыкальных произведений.

Литература

Народное искусство в воспитании детей / под ред. Т. С. Комаровой. – М.: Педагогическое общество в России, 2000. – 256 с.

Т. П. Танбаева
(Абакан, Россия)

ЦИФРОВАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА И ЭЛЕКТРОННОЕ ОБУЧЕНИЕ ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА ХАКАССКОМУ ЯЗЫКУ

В статье раскрыт опыт работы по обучению детей старшего дошкольного возраста хакасскому языку средствами информационных технологий. Раскрыты актуальность, цели, задачи и планируемый результат проекта (электронное обучение) для детей и педагогов. Материал будет полезен педагогам дошкольных учреждений, обучающихся детей хакасскому языку.

Ключевые слова: хакасский язык, электронное обучение, цифровая образовательная среда, цифровые ресурсы.

В детском саду «Светлячок» разработан инновационный проект: цифровая образовательная среда и электронное обучение в образовательной организации. Проект направлен на достижение нового качества образования (электронное обучение) в области обучения детей старшего дошкольного возраста хакасскому языку. Применение цифровых ресурсов в образовательном процессе актуально, т. к. традиционная подача программного материала опирается на закономерность механического запоминания, что замедляет процесс его усвоения. В связи с этим для улучшения качества обучения всех старших дошкольников 5–7 лет хакасскому языку целесообразно перевести имеющийся учебно-методический комплект в цифровую форму, которая позволит оптимизировать образовательный процесс по обучению хакасскому языку, даст возможность реализовать индивидуализацию обучения и личностно-ориентированный подход к нему. Применение электронного учебно-методического комплекта будет способствовать мотивации к детской речевой деятельности, а также усилению потребности дошкольников использовать приобретённые языковые навыки в общении как со взрослыми, так и со сверстниками.

Целью данного проекта является создание, апробация, внедрение и распространение электронного учебно-методического комплекта для повышения качества обучения хакасскому языку старших дошкольников.

Задачи проекта: 1. Разработать, апробировать и внедрить в образовательный процесс программный мультимедиа продукт учебного назначения, обеспечивающий непрерывность и полноту процесса обучения детей старшего дошкольного возраста хакасскому языку, содержащий методические, практические, диагностические материалы на основе имеющегося учебно-методического комплекта «Храни родное слово». 2. Разработать и создать сайт «Храни родное слово» для педагогов дошкольных образовательных учреждений Республики Хакасия, осуществляющих образовательную деятельность в группах с изучением хакасского языка, с целью ознакомления с возможностями электронного учебно-методического комплекта, вариантами его использования и этапами внедрения в образовательный процесс дошкольного образовательного учреждения. 3. Обобщить и распространить результаты инновационного проекта в массовой практике дошкольных образовательных учреждений Республики Хакасия.

В детском саду накоплен большой опыт по обучению всех детей старшего дошкольного возраста хакасскому языку. Педагоги активно используют современные методы обучения: проектный метод, музейную педагогику, метод интенсивного обучения иностранному языку Г. А. Китайгородской, который основывается на следующих принципах: принцип полифункциональности упражнений; принцип игровой организации; принцип личностно-ориентированного общения; принцип ролевой организации; принцип коллективного взаимодействия.

Разработаны и проводятся ежегодно проекты различных видов по темам «Моя малая родина Хакасия», «Мой город Абакан», «Голос Хакасии»; мероприятия «День хакасского языка», «Хуртуях тас», «Оче пайрам», «Чир-ине», «Тун пайрам», которые проходят в учреждении по традиции совместно с родителями; выставки макетов «Достопримечательности моего города», детского рисунка «Национальный костюм», «Орнамент – это чудо!», «Хакасский алфавит в детских рисунках»; экскурсии по тематическим экспозициям детского музея «Абакан – родной город», «Знакомьтесь, юрта!», «Предметы быта хакасов», проводимые педагогами и воспитанниками детского сада.

Многие педагоги и психологи (Б. С. Гершунский, С. А. Богданов, А. В. Осин, И. Г. Захарова, К. В. Петрова и другие) занимаются проблемой компьютеризации и информатизации педагогического процесса. Использование электронного учебно-методического комплекта при обучении детей старшего дошкольного возраста хакасскому языку позволит представить обучающий и развивающий материал как систему ярких опорных образов, наполненных структурированной информацией в алгоритмическом порядке. В этом случае задействуются различные каналы восприятия, что даёт возможность заложить информацию не только в фотографическом, но и в ассоциативном виде в память дошкольников.

Средствами электронных образовательных ресурсов, не выходя за пределы детского сада, можно познакомить дошкольников с животным и растительным миром, заповедниками и достопримеча-

тельными Республики Хакасия (через виртуальные экскурсии), дать возможность одновременно рассмотреть, услышать, оценить действие объекта (использование презентаций или интерактивных плакатов), что положительно скажется на усвоении детьми учебного материала, тренировке их памяти, пополнении словарного запаса, развитии воображения.

Использование электронного учебно-методического комплекта не только позволит сделать процесс обучения хакасскому языку всех детей 5–7 лет информационно ёмким, зрелищным, комфортным, но и откроет возможность для профессионального общения педагогов в широкой аудитории пользователей сети Интернет, овладение ими одной из позиций профстандарта – методами применения информационных и телекоммуникационных технологий в образовательном процессе, повысит удовлетворенность родителей качеством образовательных услуг, предоставляемых учреждением.

Внедрение в образовательный процесс цифрового ресурса по обучению детей 5–7 лет хакасскому языку и функционирование сайта будут способствовать формированию у дошкольников к концу обучения навыков устной речи, лексических единиц и речевых моделей хакасского языка; развитию умения дошкольников получать информацию из различных источников, в том числе при работе с компьютером; изменению формы подачи материала, а также пополнению содержательной части программного материала с использованием платформы zoom; разработке инструментов, критериев оценивания процесса организации образовательной деятельности по обучению старших дошкольников хакасскому языку; созданию интерактивных заданий для детей 5–7 лет по обучению хакасскому языку, а также маршрутных листов (алгоритмов) для педагогов, желающих использовать интерактивные задания, цифровые ресурсы по обучению детей 5–7 лет хакасскому языку; популяризации хакасского языка и культуры с применением дистанционного обучения в г. Абакане и Республике Хакасия.

Л. И. Тинникова
(Абакан, Россия)

ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ЧЕРЕЗ УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКТ «ЛИТЕРАТУРНОЕ ЧТЕНИЕ НА ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ» В 3–4 КЛАССАХ

В 2020 г. Хакасским книжным издательством были изданы учебные пособия «Литературной хыгырыг. 3 класс» [1] и «Литературной хыгырыг. 4 класс» [2] на хакасском языке для общеобразовательных организаций с русским языком обучения. Учебно-методический комплекс (далее – УМК) соз-

дан на основе «Учебной программы» (1–4 классы) [3], авторами которой являются Н. С. Майнагашева, А. Н. Балгазина, М. П. Боргоякова, Н. А. Толмашова. Автор настоящей работы является одним из соавторов учебного пособия.

Целью УМК «Литературное чтение» является формирование у учащихся коммуникативных, а также ключевых компетенций: ценностно-смысловых, общекультурных, учебно-познавательных, информационных, социально-трудовых, компетенций личного самосовершенствования. Для достижения этой цели на помощь приходит компетентностный подход. Он готовит обучающихся решать практические задачи в реальной жизни.

Для этого в учебных пособиях «Литературное чтение» даны тексты, художественные произведения на разные темы и задания к ним. К примеру, для формирования общекультурных компетенций используются тексты о хакасских национальных играх «Хазых», «Сохыр сёок» и задания на понимание и организацию игрового процесса, а также на поиск информации о разных вариантах этих игр.

Для формирования ценностно-смысловых компетенций и личностного самосовершенствования используются малые жанры фольклора: пословицы, загадки, скороговорки, которые способствует развитию образного мышления учащихся, дают образцы народной речи. На совершенствование навыков разговорной речи на родном языке направлены задания по работе с пословицами, по созданию собственных загадок, по решению кроссвордов и др. Для форми-

рования общекультурной и ценностно-смысловой компетенций использовались хакасские и русские сказки, а также алтайская сказка «Теертпек». Учащиеся сравнивают, чем похожи сказки, чем они отличаются, в чём ценность сказки каждого народа. Для формирования общекультурной компетенции использовались тексты о хакасских национальных инструментах чатхане и хомысе и упражнения к ним.

В УМК «Литературное чтение» включены произведения хакасских писателей и поэтов-классиков, а также произведения современных авторов: Паин Саа, Л.И. Чебодаевой, И.П. Топоева, Л.В. Костяковой, А.В. Сагатаева.

Так как учащиеся обучаются хакасскому языку по программе для начинающих изучать язык, после текстов дан перевод новых и незнакомых слов. Также для понимания текста используется иллюстративный материал.

Создание условий для успешного усвоения учащимися языкового материала естественным путём с помощью компетентностного подхода включает моделирование различных жизненных ситуаций, что позволяет более успешно развивать коммуникативные компетенции обучающихся.

Литература

Литературнай хыгырыг. 3 класс: үгредіг орыс тілінен апарылчатхан тиксі үгредіг организацияларына пособие = Литературное чтение. 3 класс: учебное пособие для организаций с русским языком обучения. На хакас. яз. / Челтыгмашева Л.В., Толмашова Н.А., Тинникова Л.И. – Абакан: Хакасское кн. изд-во им. В.М. Торосова, 2020.

Литературнай хыгырыг. 4 класс: үгредіг орыс тілінен апарылчатхан тиксі үгредіг организацияларына пособие = Литературное чтение. 4 класс: учебное пособие для организаций с русским языком обучения. На хакас. яз. / Челтыгмашева Л.В., Толмашова Н.А., Тинникова Л.И. – Абакан: Хакасское кн. изд-во им. В.М. Торосова, 2020.

Учебная программа. «Хакас тілі», «Литературнай хыгырыг» паза "Хакас литературазы" үгредіг предметтерге кōзідімге тогынчаң программалар. Үгредіг орыс тілінен апарылчатхан Хакас Республикадағы үгредіг организацияларына. 1–9 класстарға. Примерные программы по учебным предметам «Хакасский язык (1–9 кл.), «Литературное чтение» (1–4 кл.), «Хакасская литература» (5–9 кл.) для общеобразовательных организаций Республики Хакасия с русским языком обучения / Чебодаева Л.И., Медведева М.А., Арчимаева М.С., Толмашева Н.Я., Толмашова Н.А. – Абакан: Хакасское кн. изд-во им. В.М. Торосова, 2018.

Л.А. Токмашова
(с. Боград, Россия)

КРАЕВЕДЕНИЕ КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ НА УРОКАХ ХАКАССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Сегодня, когда в стране идёт активный процесс укрепления российской государственности, возрастает необходимость изучения учащимися истории своего края. Для воспитания гражданственности, любви к Родине, своему краю необходимо проводить работу, имеющую отчетливую краеведческую направленность. Краеведение оказывает большое воспитывающее воздействие на взрослеющего человека, помогает разобраться в сложном и многообразном мире, выбрать жизненную позицию.

Краеведение как народное знание о своих родных местах зародилось в далёком прошлом. У всех народов мира во все времена были люди, хорошо знавшие окружающую местность, её природу, прошлое и современную жизнь. Свои знания устно или в различных документах они передавали последующим поколениям. Источником духовного развития хакасского народа было устное народное поэтическое творчество, куда входят разные жанры фольклора: героические сказания, легенды, сказки,

пословицы, поговорки, загадки, благопожелания. Образцами фольклорных произведений являются изданные в наши дни героические сказания С. П. Кадышева «Алтын Арыг», «Албынчы» и др., например, отстоявший свой народ от тёмных сил богатырь Албынчы на медной скале написал:

«Сам прочитай и другому скажи:
Тому, кто захочет наш край покорить,
На нашей земле не придётся жить.
Также кто с дружбою к нам придёт,
В наших улусах любовь найдёт».

Вот такого рода эпические произведения на уроках нацеливают учащихся на воспитание высокой нравственности. Справедливость в большом и малом, в поступках людей, глубокое почитание старших младшими, почётное место женщины в обществе – вот суть хакасского фольклора. Ребята на уроках пытаются, опираясь на фольклор, самостоятельно сочинить тахпах, пословицы, загадки и т. д.

Природа – мощный фактор народного воспитания, она не только среда обитания, но и родная сторона. Во многих произведениях хакасских писателей описывается красота хакасской земли. Так, на примере стихотворения М. Е. Кильчичакова «Зелёная тайга» ребята рассуждают о том, как прекрасна и неповторима наша земля.

Шумит зеленая тайга,
Ты мне, как песня, дорога.
Звенишь серебряной струной
Ты мне вечернею порой.
Ты тайга родная,
Сторона лесная,
О тебе повсюду
Думаю всегда.

Наши далёкие предки одухотворяли природу. Каждый природный объект имел своих духов – покровителей, т. е. хозяев, которые поддерживали гармонию в своих владениях: в тайге, горах, лесах, реках. Нарушение порядков, устоев в их владениях влекло за собой жестокую кару. Поэтому у человека было трепетное отношение к природе, т. к. он понимал, что в окружающем мире он не хозяин, а гость, который должен придерживаться определённых порядков и законов. Придя в тайгу, надо быть деликатным: не шуметь, не ругаться, не жадничать – ведь человек попал в чужие владения и ему не только предстоит познакомиться с духом-хозяином этих мест. У вечернего костра рассказывают весёлые истории, поют хорошие песни, играют на музыкальном инструменте: ведь именно так ведут себя в гостях добрые люди. Взойдя на перевал, останавливаются, угощают духов новой долины, знакомятся с ними, поговорят. Не станут мыть в речке грязные руки (так можно осквернить чистые струи), а набрав воды, отойдут от берега и вымоют там. Никто не бросит в воду или в огонь мусор, не

плюнет туда. Искреннее и глубокое уважение ко всему миру, осознание необыкновенной значительности и оправданности бытия формирует характер цельный, жизнелюбивый, сдержанный, терпеливый, мягкий. Эти качества и ныне помогают нам ладить с другими народами, проживающими в республике.

Особенно сильным и действенным средством воспитания являются прогрессивные национальные традиции и обычаи.

Традиции в качестве важнейшего средства накопления хранения и передачи информации выражают жизнь прошлого в настоящем и будущем, оказывают огромное эмоционально-стимулирующее воздействие, побуждают к действиям, выступают в качестве образцов поведения. Традиции становятся субъективной причиной поведения, т. е. переходят в сферу человеческих побуждений, играют роль мотива, потребности. Знания родословной и своего древа жизни даёт стимул и ответственность перед потомками прожить красиво, достойно, творя добрые дела.

Уважение к старшим, сохранение обычаев, любовь к родительскому дому дети отражают в своих творческих работах по темам: «Моя семья», «Моя родословная» и т. д.

В начале июня в Хакасии проводится традиционный праздник «Тун пайрам». Гости стремятся сюда, чтобы участвовать в празднике первого молока, в празднике первого айрана. Праздник начинается, и заводят хороводы, песни. Состязаются в силе и ловкости спортсмены. Демонстрируют своё искусство лихие наездники. Недаром Тун пайрам называется звенящим. Много песен и стихотворений посвящено этому празднику. Ребята, опираясь на стихи и песни о родном крае, развивают творческие способности. Рисуют картины по темам: «Хакасия – солнечный край», «Мы на Тун пайраме» и т. д. Показательным примером стало проведение праздников в школе: «Чыл пазы – Новый год», «Уртун той – праздник урожая».

Важным воспитательным средством является музыкальное искусство. Ведь через народную музыку можно сохранить и спасти духовное в человеке, сформировать творчески развитую личность. Поэтому музыкально-эстетическое воспитание ведётся на лучших образцах народной, классической музыки, в произведениях отечественных композиторов, способных возвышать мысли и чувства человека. Хакасская народная песня несёт в себе заряд нравственности, духовности, обладает богатым воспитательным потенциалом. Ведь наиболее характерными для духовного мировоззрения хакасов были доброта, смиренность, нравственная чистота, уважение к родителям, бережное отношение к окружающей природе, что ярко выражается в хакасских песнях.

Ученики самостоятельно пытаются сочинить тапхы, песни на своём языке. На уроках проводятся физические паузы с использованием элементов песен, ученики с большим интересом исполняют песни хакасских композиторов. Песни Г.И. Челбо-ракова «Счастье матери», «Белая берёза» и др. учащиеся на уроках исполняют как в вокальном, так и ансамблевым исполнении.

Краеведение представляет с собой область прикладной истории, направленной на распространение знаний об истории края, её памятниках среди самых широких слоев населения, причём в доступной увлекательной форме. Историческое краеведение как система различных видов человеческой деятельности создаёт благоприятные условия для всестороннего развития личности. Совершая свои маленькие открытия, школьники воспринимают исторические события не как нечто далёкое нереальное, а становятся соучастниками, испытывают радость, сопереживание. По историческому краеведению они используют отрывки из стихотворений хакасских поэтов. Например, стихотворение Н.Г. Доможакова «Родная моя земля».

Хакасия – земля родная!

Ты существуешь с давних пор.
Жила ты, светлых дней не зная,
Терпя бесправия позор.
Курганов каменные плиты
Стоят, как тяжкий жизни след.
Они, как люди, с тьмою слиты,
Согнулись спины их от бед.
На нём следы былых страданий.
И если вслушаться в ручей, то звук старинных причитаний
Послышится в тиши ночей.

Археологические раскопки рассказывают об историческом прошлом наших предков, их обычаях, образе жизни. Так на занятиях по теме «Достопримечательности Хакасии» ребята узнают древние городища, стоянки, курганы. Так в III–IV вв. до нашей эры был сооружен Салбыкский Чаатас – долина Царей.

Нам, жителям прекрасной солнечной Хакасии, есть чем гордиться. Это удивительный край, бескрайние степи, сказочные озёра, горные хребты, молчаливые таинственные скалы, многонациональная культура, уходящая вглубь веков, самое ценное, что есть на хакасской земле.

*А.Г. Толмашов
(Абакан, Россия)*

О ПОПОЛНЕНИИ КОМПЛЕКТА УЧЕБНЫХ ПОСОБИЙ ПО МАТЕМАТИКЕ ДЛЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Статья предваряет издание учебного пособия «Математика» для 1-го класса (в двух частях) на хакасском языке. Представлено на конкретных примерах обогащение содержания учебного пособия, прежде всего, региональным материалом.

Ключевые слова: региональное образование, обучение на родном языке, учебное пособие по математике.

В своих педагогических и методических поисках последних десятилетий за стратегический принцип нами принято положение об этнокультурной направленности российского образования, ориентирующее образовательную политику государства и регионов на сохранение и развитие языков и культур народов нашей многонациональной, многоконфессиональной федерации. В контексте реализации этого положения и в связи с небывалым санкционным давлением на Россию и Белоруссию чрезвычайно важной становится задача формирования у молодёжи российской гражданской идентичности, которая не может быть решена без осознания личностью своей этнической идентичности. Эта проблема и, прежде всего, её этническая составляющая должны решаться, начиная с начальной школы. При этом в каждом конкретном регионе развитие регионального образования детерминировано факторами, связанными с учётом всех особенностей субъекта федерации.

Важное значение имеет этнорегиональная подготовка педагогических кадров. Вслед за В.В. Мирошниченко «этнорегиональную подготовку педагога» мы понимаем «как часть целостного педагогического процесса, направленного на формирование знаний, умений, способов деятельности, совершенствование профессионально важных личностных характеристик, необходимых для эффективной педагогической деятельности с учётом национальных, региональных и этнокультурных особенностей того или иного региона» [Мирошниченко 2018: 79]. В данном определении стержневое понятие – «регион».

За сохранение и развитие национальной культуры и языка ответственны, прежде всего, сам этнос и власти региона. Т.Г. Боргоякова по итогам опроса жителей республики выделяет «три основных субъекта языковой политики, от которых в большей степени зависит будущее хакасского языка: его но-

сители (53%), органы власти Республики Хакасия (24,7%) и образовательные организации (10%)» [Боргоякова 2020: 26]. Особую роль в этом процессе играют образовательное пространство региона, комплекс его учебных учреждений, которые обеспечивают создание воспитательной системы, основанной на проверенной веками традициях народной педагогики, с учётом особенностей национальной психологии, истории, культуры и традиционного быта этноса, учитывающей социально-экономическую, национальную, демографическую, природную специфику региона. Обучение и воспитание в такой системе прививает обучающимся духовные ценности своего народа, формирует личность, которая, усвоив культуру своего народа, может воспринимать культуру других народов, общечеловеческие ценности. Если говорить о наших соотечественниках, то они способны с гордостью достигать сознания Я – россиянин. Другими словами, происходит развитие и социализация личности как субъекта этноса и как гражданина многонационального государства.

Это положение приводит к выводу о необходимости создания новых учебно-методических пособий. В 2010 г. в Республике Хакасия были изданы билингвальные рабочие тетради (на русском и хакасском языках) по математике для 1-го и 2-го классов. В следующие годы они переизданы после дополнений и уточнений. Мы на практике убедились, что для хакасской начальной школы создавать нужно учебные пособия, учитывающие не только язык, но и национальные особенности этноса. Под ними мы понимаем характерные для этноса специфические свойства, психический склад, которыми они отличаются от других этносов. Это должно найти отражение в учебниках для начальных школ, где обучение ведётся на родном (не русском) языке. Например, нет пока таких учебников по математике для 1-го и 2-го классов. Такие региональные учебные пособия либо содержательно поддерживают региональные учебные курсы, либо являются дополнительными к федеральным учебникам по математике.

В Республике Хакасия, особенно в начальной школе, реализуется билингвальное обучение математике. Под ним мы понимаем «взаимосвязанную деятельность учителя и ученика, направленную на формирование математических знаний средствами родного и русского языков, в результате которой обеспечивается глубокое, осознанное усвоение математического содержания, развитие математической речи, формирование культуры математического мышления, а также повышение уровня владения вторым языком (русским)» [Зембатова 2014: 177].

Нами с группой учителей Аскизского района ранее были изданы билингвальные (на хакасском и русском языках) рабочие тетради по математике для 1-го и 2-го классов [Математика 2010]. Естественным было включение в рабочие тетради краеведче-

ского материала. Сведения краеведческого характера позволяют учащимся взглянуть на математику не как на свод абстрактных правил, отвлечённых от жизни, а как на инструмент познания окружающей действительности в самых разных её проявлениях. Задания с региональным и этнокультурным содержанием расширяют кругозор детей о национальном и региональном своеобразии условий их жизни.

В 2022 г. подготовлено учебное пособие «Математика» для первого класса на хакасском языке в двух частях. Данное учебное пособие составлено в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом начального общего образования (ФГОС НОО). Содержание пособия согласовано с программными требованиями для первого класса. В пособии представлен материал по всем основным разделам математики.

Использование в учебном процессе пособия, потенциал его содержания будет способствовать формированию у младших школьников российской гражданской и этнической идентичности, любви к малой родине через знакомство с государственными и республиканскими символами, достопримечательностями на территории Республики Хакасия и региона, традиционными для хакасского и русского народов предметами культуры и быта.

Вопросы межпредметной интеграции с учебными дисциплинами «Хакас тілі», «Хакас литературазы», «Окружающий мир» решаются через использование таких элементов нематериального наследия народа, как фрагменты сказок, пословицы, поговорки, наставления юным, загадки, скороговорки и др., которые содержат числовые данные.

Учебное пособие не является копией или переводом федеральных учебников «Математика» для первого класса. Оно является оригинальным по содержанию, соответствует примерной основной образовательной программе начального общего образования. Данное учебное пособие является дополнением к основному учебнику, предназначено оказывать методическую помощь учителю при обучении младших школьников математике на родном хакасском языке.

Известный французский математик, механик, философ и литератор Блез Паскаль писал: «Предмет математики настолько серьёзен, что полезно не упускать случая делать его немного занимательным». Многие математики говорили о необходимости использования юмора на уроках математики. Разделяя эту точку зрения, авторами введена специальная рубрика, содержащая юмористические зарисовки из школьной жизни.

Пособие выполнено в цвете, что в эстетическом плане отвечает современным санитарно-гигиеническим требованиям к печатной продукции для детей. Много рисунков, выполненных несколько лет назад студентами Института саяно-алтайской

тюркологии. Многие из этих рисунков в форме занимательных задач печатались в местных газетах и тем самым прошли апробирование. Также учебное пособие содержит фотографии реальных объектов, расположенных на территории республики. Эти фотографии также выполнены студентами.

Так, например, подобран интересный материал при изучении темы «Нумерация чисел». При изучении темы «1 сан паза цифра» вспоминаем хакасскую пословицу «Аҕасты *nip* хати саап, узур полбассың».

При знакомстве с цифрой и числом 2 говорим о двух государственных языках Республики Хакасия, смотрим вывески с названием школы, государственных учреждений. Говорим о двух самых крупных реках Хакасии Енисее и Абакане. Выясняем смысл хакасской пословицы «*Pip* иргі нанчы *iki* наа нанчы даң артых».

Число 3 позволяет сказать детям о государственном флаге – триколоре России. У балалайки 3 струны. В Пушкинском сквере города Абакана вокруг беседки с золотым петушком расположены 3 скульптуры героев сказок А. С. Пушкина: Царевна-лебедь, Царевна-лягушка и Золотая рыбка. Рядом со скульптурами фото детей в национальных одеждах, которые читают сказки поэта.

Знакомство с числом 4 иллюстрируется следующими фактами: у флага Республики Хакасия 4 полосы, в Аскизском районе есть деревня Төрт тас.

Изучение числа 5 сопровождается картинками с пятиконечными звездами на 5 башнях Московского Кремля, 5 городами нашей республики, 5 скульптурами героев сказок А. С. Пушкина в одноимённом парке, также рассказываем детям о происхождении названия станции Бискалжа.

На страницах учебного пособия размещены рисуночные ребусы, слова и предложения-палиндромы, которые впервые на хакасском языке составлены нами и нашими студентами. Ребусы с зашифрованными пословицами впервые появились в 1998 году на страницах газеты «Хакас чирі» в постоянной рубрике «Студенттернің таптырғастары».

Есть слова и предложения, которые одинаково читаются слева направо и справа налево. Они называются палиндромы. Наиболее известны на русском языке следующие палиндромы: «А роза упала на лапу Азора», «Аргентина манит негра».

Хакасские слова и предложения палиндромы впервые были составлены нами в 2021 г. специально для темы «Симметрия». Например, слова: *аба, үзү, ача, харах, хамах, күлүк*. Или предложение «Аҕас аҕа».

Пособие можно использовать на уроках математики для объяснения, закрепления пройденного материала в качестве источника дополнительных заданий для отдельных учеников и для занятий дома.

Литература

Боргоякова Т. Г. Языковая политика Республики Хакасия в дискурсе и реализации / Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири: материалы IV Всероссийской науч.-практ. конф. (Абакан, 1–2 октября 2020 г.) – Абакан: Изд-во ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2020. – С. 22–27.

Зембатова Л. Т. Повышение качества начального образования в национальной школе на основе полилингвального и поликультурного подходов: на примере

дисциплины «Математика»: дис. ... д-ра пед. наук. – Владикавказ, 2014. – 386 с.

Мирошниченко В. В. Теория и практика этнорегиональной подготовки учителя в Саяно-Алтайском регионе. – Абакан: Изд-во ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2018. – 172 с.

Математика. 1 № тоғынчаң тетрадь. Тиксі үгредіг школаның 1 класс үгренчїлеріне / сост. Толмашов А. Г. – Аҕбан: Хакас кн. изд-во, 2010. – 72 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. **Абдина Раиса Петровна** – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (Абакан, Россия).
2. **Абдуллаева Фатма Эйваз кызы** – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики и риторики Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия).
3. **Абдуллаев Сайфулла Нурмухаммедович** – доктор филологических наук, профессор, директор научно-образовательного центра «Ренессанс» Исык-Кульского государственного университета (Каракол, Киргизия).
4. **Абдуллаева Гюзаль Сайфуллаевна** – аспирант Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына (Бишкек, Киргизия).
5. **Абдуллина Лилия Бакировна** – кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и методики начального образования, декан факультета педагогики и психологии Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета (Стерлитамак, Россия).
6. **Аврutiна Аполлинария Сергеевна** – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и методики преподавания языков и культур Азии и Африки; директор Центра исследований современной Турции и российско-турецких отношений Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия).
7. **Адаменко Вероника Владимировна** – старший воспитатель МБДОУ «Детский сад «Феденька» (Абакан, Россия).
8. **Аджимуратова Зарема Наримановна** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры крымскотатарской филологии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь, Россия).
9. **Акманова Римма Суюндуковна** – кандидат филологических наук, редактор АН Республики Башкортостан (Уфа, Россия).
10. **Алишина Ханиса Чайдатовна** – доктор филологических наук, профессор, профессор-консультант кафедры русского языка и общего языкознания Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия).
11. **Аминев Закирьян Галимьянович** – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Центра социо-культурного анализа Института стратегических исследований АН Республики Башкортостан (Уфа, Россия).
12. **Асочакова Марина Михайловна** – воспитатель МБДОУ «Детский сад «Добрыня» (Абакан, Россия).
13. **Ахматова Мариям Ахматовна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры балкарского языка Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова (Нальчик, Россия).
14. **Ахророва Зуфнунабегим Ризвоновна** – студент факультета филологии и преподавания языков Бухарского государственного университета (Бухара, Узбекистан).
15. **Бадуева Гунсэма Цыдыповна** – кандидат филологических наук, доцент Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова (Улан-Удэ, Россия).
16. **Бахтикиреева Улданай Максумовна** – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Российского университета дружбы народов (Москва, Россия).
17. **Бекова Назора Жураевна** – доктор филологических наук, доцент Бухарского государственного университета (Бухара, Узбекистан).
18. **Белоглазов Петр Егорович** – кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (Абакан, Россия).
19. **Бердиев Суханберды** – младший научный сотрудник Института языка, литературы и национальных рукописей имени Махтумкули АН Туркменистана (Ашхабад, Туркменистан).
20. **Биткеева Айса Николаевна** – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН (Москва, Россия).
21. **Боргояков Сергей Александрович** – доктор педагогических наук, ведущий аналитик Лаборатории развития содержания образования Центра развития образования Российской академии образования (Москва, Россия).
22. **Боргоякова Тамара Герасимовна** – доктор филологических наук, профессор, директор Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии, профессор кафедры зарубежной лингвистики и теории языка Хакасского государственного университета имени Н. Ф. Катанова (Абакан, Россия).
23. **Булатова Альфия Каримовна** – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН Республики Татарстан (Казань, Россия).
24. **Бюрбю Надежда Саглы-ооловна** – студент филологического факультета Тувинского государственного университета (Кызыл, Россия).
25. **Васильев Валерий Егорович** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск, Россия).
26. **Васильева Надежда Матвеевна** – кандидат филологических наук, научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск, Россия).
27. **Воронина Нина Владимировна** – учитель русского языка и литературы МБОУ «СОШ №23» (Абакан, Россия).
28. **Галиуллина Гульшат Раисовна** – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой татарского языкознания Казанского федерального университета (Казань, Россия).

29. **Гильметдинова Алина Даниловна** – учитель родного языка и литературы школа «МБОУ 71» (Казань, Россия).
30. **Гурбангулыева Нурнабат** – старший научный сотрудник Института языка, литературы и национальных рукописей им. Махтумкули АН Туркменистана (Ашхабад, Туркменистан).
31. **Гусейнова Аурика Вагифовна** – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова (Абакан, Россия).
32. **Даваа Ай-Чыры Боран-ооловна** – студент филологического факультета Тувинского государственного университета (Кызыл, Россия).
33. **Джемилева Айше Аблямитовна** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры крымскотатарской филологии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь, Россия).
34. **Доможакова Ольга Васильевна** – кандидат педагогических наук, доцент, начальник отдела науки и национального образования Министерства образования и науки Республики Хакасия (Абакан, Россия).
35. **Донгак Чечена Борисовна** – старший преподаватель Тувинского государственного университета (Кызыл, Россия), аспирант Хакасского государственного университета имени Н. Ф. Катанова (Абакан, Россия).
36. **Дубровина Маргарита Эмильевна** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры тюркской филологии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия).
37. **Дурдыев Хезретгулы** – кандидат филологических наук, заместитель директора по научной работе Института языка, литературы и национальных рукописей им. Махтумкули АН Туркменистана (Ашхабад, Туркменистан).
38. **Ельяшевич Вячеслав Алексеевич** – магистрант Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь, Россия).
39. **Еремин Леонид Валентинович** – кандидат филологических наук, директор НИИ археологии и этнографии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова (Абакан, Россия).
40. **Заморщикова Людмила Софроновна** – кандидат филологических наук, доцент, профессор Института зарубежной филологии и регионоведения Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова (Якутск, Россия).
41. **Замша Элла Константиновна** – учитель хакасского языка МБОУ «СОШ № 23» (Абакан, Россия).
42. **Захарова Анна Михайловна** – научный сотрудник международной научно-исследовательской лаборатории «Лингвистическая экология Арктики» Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова (Якутск, Россия).
43. **Иванова Ирина Борисовна** – кандидат филологических наук, научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск, Россия).
44. **Иванова Нина Иннокентьевна** – доктор филологических наук, старший научный сотрудник отдела якутского языкознания; ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН; МНИЛ «Лингвистическая экология Арктики» Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова (Якутск, Россия).
45. **Ильина Урсула Валерьевна** – аспирант Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия).
46. **Каксин Андрей Данилович** – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова (Абакан, Россия).
47. **Камалова Шахназ Новрузкызы** – аспирант Центра иностранных языков «Viva Lingua Group» (Санкт-Петербург, Россия).
48. **Каплунова Мария Яковлевна** – кандидат филологических наук, доцент, научный сотрудник Института языкознания РАН (Москва, Россия).
49. **Каскаракова Зинаида Ефремовна** – кандидат филологических наук, научный сотрудник Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (Абакан, Россия).
50. **Кетенчиев Мусса Бахаутдинович** – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой балкарского языка Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова (Нальчик, Россия).
51. **Кириленко Светлана Владимировна** – кандидат филологических наук, доцент, научный сотрудник Института языкознания РАН (Москва, Россия).
52. **Кодирова Насима Саидбурхановна** – PhD, преподаватель Бухарского государственного университета (Узбекистан, Бухара).
53. **Кочоглу Гюндюгду Вильдан** – доктор филологических наук (PhD), доцент Факультета турецкого языка и литературы Института литературы Эгейского университета (Измир, Турция).
54. **Колмогорова Анастасия Владимировна** – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой романских языков и прикладной лингвистики Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия).
55. **Кошелева Альбина Леонтьевна** – доктор филологических наук, старший научный сотрудник Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (Абакан, Россия).
56. **Кужугет Мария Амын-ооловна** – старший преподаватель кафедры тувинской филологии и общего языкознания Тувинского государственного университета (Кызыл, Россия).
57. **Кужугет Шенне Юрьевна** – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой педагогики и методики дошкольного и начального образования Тувинского государственного университета (Кызыл, Россия).
58. **Кульсарина Гульнур Галинуровна** – доктор филологических наук, доцент, старший научный сотрудник ордена Знака Почета Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (Уфа, Россия).

59. **Кызласов Артем Самуилович** – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (Абакан, Россия).
60. **Кызласов Игорь Леонидович** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН (Москва, Россия).
61. **Кызласова Инга Людовиковна** – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой хакасской филологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова (Абакан, Россия).
62. **Кысылбаикова Марина Ильинична** – кандидат филологических наук, доцент Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова (Якутск, Россия).
63. **Лежнин Роман Александрович** – аспирант Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова (Абакан, Россия).
64. **Ли Цзиньсю** – профессор Института древней истории Китая Китайской академии общественных наук (Пекин, Китай).
65. **Майнагашева Наталья Владимировна** – кандидат филологических наук, научный сотрудник Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (Абакан, Россия).
66. **Максимова Наталья Сергеевна** – магистрант Института искусств Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова (Абакан, Россия).
67. **Маликова Алина Вячеславовна** – старший преподаватель кафедры романских языков и прикладной лингвистики Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия).
68. **Медведева Марина Алексеевна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры хакасской филологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова (Абакан, Россия).
69. **Медведева Надежда Николаевна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова (Абакан, Россия).
70. **Миндибекова Валентина Виссарионовна** – кандидат филологических наук, научный сотрудник Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия).
71. **Мирошниченко Влада Валерьевна** – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и методики начального образования, Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова (Абакан, Россия).
72. **Натпит Айдысмаа Андреевна** – старший преподаватель Тувинского государственного университета (Кызыл, Россия).
73. **Николаев Егор Револьевич** – кандидат филологических наук, научный сотрудник Института гуманитарных проблем и малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск, Россия).
74. **Нилогов Алексей Сергеевич** – кандидат философских наук, зав. лабораторией генеалогических исследований Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (Абакан, Россия).
75. **Нурьева Огулсапар Атаевна** – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и национальных рукописей им. Махтумкули АН Туркменистана (Ашхабад, Туркменистан).
76. **Овезова Тылла** – старший научный сотрудник Института языка, литературы и национальных рукописей им. Махтумкули АН Туркменистана (Ашхабад, Туркменистан).
77. **Ооржак Буян Белек-оолович** – студент филологического факультета Тувинского государственного университета (Кызыл, Россия).
78. **Ооржак Олчей Сииин-ооловна** – студент филологического факультета Тувинского государственного университета (Кызыл, Россия).
79. **Ооржак Шончалай Шолбановна** – студент филологического факультета Тувинского государственного университета (Кызыл, Россия).
80. **Покоякова Карина Александровна** – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова (Абакан, Россия).
81. **Проскурина Анастасия Викторовна** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры стилистики и риторики Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия).
82. **Радецкая Ирина Сергеевна** – музыкальный руководитель МБДОУ «Детский сад «Добрыня» (Абакан, Россия).
83. **Саая Суктер Батжаргалович** – студент филологического факультета Тувинского государственного университета (Кызыл, Россия).
84. **Сагдеева Фаузия Кабировна** – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН Республики Татарстан (Казань, Россия).
85. **Садикова Дилором Турсуновна** – кандидат филологических наук, доцент, преподаватель Бухарского государственного университета (Бухара, Узбекистан).
86. **Сазанаква Виктория Юрьевна** – магистрант Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова (Абакан, Россия).
87. **Сайлиева Зарина Рахмиддиновна** – кандидат филологических наук, доцент, преподаватель Бухарского государственного университета (Бухара, Узбекистан).
88. **Саляхова Зугура Идрисовна** – доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой башкирской филологии, профессор Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета (Стерлитамак, Россия).
89. **Самдан Зоя Баировна** – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора литературы Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (Кызыл, Россия).
90. **Самситова Луиза Хамзиновна** – доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института стратегических исследований Республики Башкортостан (Уфа, Россия).
91. **Самситова Рушана Ильшатовна** – магистрант института филологического образования и меж-

- культурной коммуникации Башкирского государственного педагогического университета им. Мифтахетдина Акмулы (Уфа, Россия).
92. **Сарбашева Сурна Борисовна** – кандидат филологических наук, доцент, декан факультета алтаистики и тюркологии Горно-Алтайского государственного университета (Горно-Алтайск, Россия).
 93. **Сафарова Хилола Охунжоновна** – кандидат филологических наук, доцент Бухарского государственного университета (Бухара Узбекистан).
 94. **Сейталиева Нургиза Канатбековна** – преподаватель Иссык-Кульского государственного университета (Каракол, Киргизия).
 95. **Семенова Виктория Ильинична** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры бурятской филологии Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия).
 96. **Серээдар Надежда Чылбаковна** – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (Кызыл, Россия).
 97. **Сидеева Рада Михайловна** – воспитатель группы с изучением хакасского языка МБДОУ «Феденька» (Абакан, Россия).
 98. **Субракова Вия Васильевна** – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (Абакан, Россия).
 99. **Сувандии Надежда Дарыевна** – кандидат филологических наук, доцент, декан филологического факультета Тувинского государственного университета (Кызыл, Россия).
 100. **Султанбаева Клавдия Ивановна** – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры дошкольного и специального образования Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова (Абакан, Россия).
 101. **Таганова Марал Аннаевна** – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и национальных рукописей им. Махтумкули АН Туркменистана (Ашхабад, Туркменистан).
 102. **Танбаева Таисья Петровна** – воспитатель МБДОУ «Детский сад «Светлячок» (Абакан, Россия).
 103. **Тинникова Лариса Ивановна** – учитель хакасского языка лицея им. Н.Г. Булакина (Абакан, Россия).
 104. **Токмашова Лилия Анатольевна** – учитель хакасского языка и литературы Богградской санаторной школы-интерната (с. Боград, Россия).
 105. **Толмашов Анатолий Григорьевич** – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и методики начального образования Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова (Абакан, Россия).
 106. **Торокова Евгения Семеновна** – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (Абакан, Россия).
 107. **Тохтобина Яна Егоровна** – научный сотрудник Международной научно-исследовательской лаборатории «Лингвистическая экология Арктики» при Северо-Восточном федеральном университете им. М.К. Аммосова (Якутск, Россия).
 108. **Трофимова Светлана Менкеновна** – доктор филологических наук, профессор Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Городовикова (Элиста, Россия).
 109. **Тундума Эмилия Эресовна** – старший преподаватель Тувинского государственного университета (Кызыл, Россия); аспирант Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова (Абакан, Россия).
 110. **Тураева Умринисо Рахматовна** – кандидат филологических наук, доцент, преподаватель, Бухарский государственный университет (Бухара, Узбекистан).
 111. **Турсун Жаркын** – доцент Института древней истории Китая Китайской академии общественных наук (Пекин, Китай).
 112. **Удлжаеков Станислав Анатольевич** – кандидат исторических наук, доцент Сибирского федерального университета.
 113. **Ултургашева Ольга Ивановна** – магистрант Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова (Абакан, Россия).
 114. **Усманова Минсылу Губайтовна** – доктор филологических наук, профессор Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы (Уфа, Россия).
 115. **Ушницкая Наталья Юрьевна** – кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела северной филологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск, Россия).
 116. **Хакимьянова Айгуль Мужавировна** – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ордена Знак Почета Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (Уфа, Россия).
 117. **Хилханова Эржен Владимировна** – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН (Москва, Россия).
 118. **Ховалыг Аймаа Март-ооловна** – студент филологического факультета Тувинского государственного университета (Кызыл, Россия).
 119. **Хохолова Ирена Семеновна** – кандидат филологических наук, доцент Северо-Восточного федерального университета (Якутск, Россия).
 120. **Хусаинова Гульнур Равиловна** – доктор филологических наук, заведующая отделом фольклористики Уфимского федерального исследовательского центра РАН (Уфа, Россия).
 121. **Чанкова Ирина Викторовна** – кандидат философских наук, учёный секретарь Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (Абакан, Россия).
 122. **Чебодаева Майна Петровна** – кандидат искусствоведения, научный сотрудник Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (Абакан, Россия).
 123. **Чебочакова Ирина Максимовна** – кандидат филологических наук, заведующая сектором языка, Ха-

- касский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (Абакан, Россия).
- 124. Челтыгмашева Лариса Викторовна** – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (Абакан, Россия).
- 125. Чепсаракова Анастасия Сергеевна** – воспитатель МБДОУ «Детский сад «Добрыня» (Абакан, Россия).
- 126. Чертыков Юрий Карпович** – заместитель министра национальной и территориальной политики Республики Хакасия (Абакан, Россия).
- 127. Чертыкова Мария Дмитриевна** – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова (Абакан, Россия).
- 128. Шарипова Алсу Самигулловна** – кандидат филологических наук, заместитель директора по инновационной работе и внешним связям, Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН Республики Татарстан (Казань, Россия).
- 129. Юсупова Альфия Шавкетовна** – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего языкознания и тюркологии Казанского федерального университета (Казань, Россия).
- 130. Ягафарова Гульназ Нурфаезовна** – доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (Уфа, Россия).
- 131. Януш Ольга Борисовна** – кандидат политических наук, доцент кафедры социологии, политологии и права Казанского государственного энергетического университета (Казань, Россия).

Научное издание

**СОХРАНЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР
КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ**

МАТЕРИАЛЫ

**V Международной научной конференции,
посвящённой 160-летию со дня рождения
выдающегося востоковеда, тюрколога Н. Ф. Катанова**

(Абакан, 19–20 мая 2022 г.)

**СИБИРЬДЕГІ ТОҢ ЧОННАРНЫҢ ТІЛЛЕРІН
ПАЗА КУЛЬТУРАЛАРЫН ХАЙРАЛЛИРЫ ПАЗА ТИЛДЕРІ**

**саблыг востоковед, тюрколог Н. Ф. Катановтың
160 чазына чарыдылган чоннар аразындагы
V-чі наука конференциязының**

МАТЕРИАЛЛАРЫ

(Ағбан, 2022 ч., сілкер айының 19–20 кўннері)

Редакторы: *Е. В. Чезыбаев, З. И. Султрекова, Е. Е. Меткижекова*
Технический редактор *Л. Г. Топова*
Компьютерная верстка *С. И. Тюкпиековой*
Дизайн обложки: *В. Г. Киштеев*

Подписано в печать 16.05.2022. Формат 60x84 1/8. Усл. печ. л. 34,87. Тираж 120 экз. Заказ №391.

ГБУ РХ «Хакасское книжное издательство имени В. М. Торосова».
655017, г. Абакан, ул. Щетинкина, 75-18н.

Отпечатано в типографии ГБУ РХ «Хакасское книжное издательство имени В. М. Торосова».
655017, г. Абакан, ул. Советская, 173.